АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН
ОТДЕЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК И ТЕХНОЛОГИЙ

Н. М. Кулбахтин

БАШКИРЫ И БАШКИРСКИЕ ПРЕДВОДИТЕЛИ В КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЕ 1773–1775 ГОДОВ

Исторические очерки

Уфа
«Башкирская энциклопедия»
2020

УДК 93(470.57)
ББК 63.3(2Рос.Баш)
К90

Издание осуществлено при содействии
Фонда поддержки научных исследований АН РБ

Рецензенты:

А. И. Акманов, доктор исторических наук, член-корреспондент АН РБ,
И. З. Фаткуллин, кандидат исторических наук

Ответственный редактор:

Р. З. Шакуров, доктор филологических наук, профессор

В оформлении обложки автором использована картина Д. Валиуллина
«Депутат Уложенной комиссии, фельдмаршал повстанческой армии
Базаргул Юнаев» (2004)

К90 **Кулбахтин, Назир Мурзабаевич.**
Башкиры и башкирские предводители в Крестьянской войне 1773–1775 годов. Исторические очерки / Н. М. Кулбахтин. – Уфа : Башк. энцикл., 2020. – 536 с.

ISBN 978-5-88185-484-3

В книге излагается повстанческая деятельность башкирских предводителей в Крестьянской войне 1773–1775 годов. В результате многолетнего и скрупулезного изучения архивных и опубликованных источников выявлено более ста крупных предводителей Пугачевского восстания из башкир.

Предназначена для ученых-историков, преподавателей и студентов гуманитарных факультетов университетов, учителей и учащихся лицеев, гимназий, общеобразовательных школ, для тех, кто интересуется историей своего края и своего народа.

УДК 93(470.57)
ББК 63.3(2Рос.Баш)

ISBN 978-5-88185-484-3

© Кулбахтин Н. М., 2020
© «Башкирская энциклопедия», 2020

От автора

Вся многовековая история башкирского народа полна драматических, порой и трагических, событий героической борьбы за «землю и волю». Общим содержанием этой борьбы была защита вотчинных земель и внутреннего самоуправления. Лозунг «Земля и воля!» как боевой клич звал сынов Урала на самоотверженную борьбу в течение многих веков. Со времен Урал-батыра до татаро-монгольских завоеваний древним предкам башкир приходилось переносить множество исторических катаклизмов, крутиться в водовороте великих переселений. В ходе этой борьбы древние предки башкир не только выжили, но и сумели создать свою государственность. К началу X века «страна башгирдов» приобрела общее признание соседей, ее границы без разрешения самих башкир никто не осмеливался нарушать (Ибн-Фадлан).

Во время татаро-монгольских походов среди народов Степной Евразии башкиры оказались единственными, кто мог оказывать завоевателям упорное и организованное сопротивление. Для покорения башкир-кыпсаков во главе с их вождем Бушманом монголам потребовалось 14 лет. Башкиры в течение более 4-х веков вели неравную, но самоотверженную борьбу против угнентения казанских и сибирских ханов, ногайских мурз, набегов казахов и калмыков. Добровольное вхождение в состав Московского государства положило конец ханскому и ногайскому угнетению, междуусобным войнам, казахским и калмыкским набегам.

Добровоьно приняв российское подданство, башкиры последовательно выполняли условия вхождения в состав Московского государства. Однако с первых же десятилетий со стороны феодально-крепостнического государства наметилась тенденция нарушения этих условий и национального угнетения башкир. Вольнолюбивый башкирский народ отвечал на это открытым вооруженным сопротивлением. Уже в 1572, 1586–1587 годах отмечаются отдельные выступления башкир против русского насилия. В дальнейшем на каждую попытку царского правительства и русских феодалов усилить социальный и национальный гнет башкиры отвечали массовым вооруженным

выступлением. Именно такой реакцией башкирского народа на растущее угнетение со стороны Московского государства были восстания 1662–1664 и 1681–1683 годов.

Петровские реформы обеспечили не только мощный экономический подъем России, но дали сильный толчок социальному и политическому развитию страны, усилению позиции царизма на национальных окраинах. Создание регулярной армии и военно-морского флота, активная внешняя политика, продолжительная и изнурительная Северная война, строительство Санкт-Петербурга, других городов и крепостей, рост чиновничье-бюрократического государственного аппарата требовали огромных материальных и финансовых затрат, привели к усилению фискального гнета. Объектом усиленного внимания стал и Башкортостан.

Превращение Урала в металлургический центр России требовало мобилизации огромных природных и людских ресурсов, сопровождалось массовым изъятием вотчинных земельных владений башкир, усилением социального и национального угнетения. В юго-восточной геополитике Российской империи Башкортостану была отведена роль плацдарма для продвижения в Казахстан, Среднюю и Юго-восточную Азию. Для этого нужно было укрепить позицию царизма в крае, окончательно «обуздать буйных и своенравных башкир», окружить край линиями крепостей, заселить его русскими и нерусскими крестьянами, коренное население широко использовать в военных делах страны, тем самым вывести боеспособное мужское население за пределы Башкортостана. В этих целях предполагалось ограничить элементы внутреннего самоуправления башкирского общества. Сенатским указом от 11 февраля 1736 года царское правительство приступило к последовательной реализации этой программы. Усиление колониальной политики вызвало подъем освободительной борьбы башкирского народа.

Поэтому именно в XVIII веке произошли самые крупные башкирские восстания. Столетие началось крупным восстанием 1704–1711 годов, продолжалось восстаниями 1736–1740 и 1755–1756 годов. Восстания XVIII века выдвинули из среды башкир предводителей Акая, Алдар-батыра, Карасакала и десятки других выдающихся вождей. Самым крупным вооруженным выступлением башкир против растущего социального и национального угнетения стало их массовое участие в грандиозной Крестьянской войне 1773–1775 годов. Пугачевскому восстанию башкиры дали целую плеяду крупных предводителей.

В исторической литературе утвердилось мнение, что в Крестьянской войне 1773–1775 годов из среды башкир вышли 30 полковников[1]. В последние годы в Республике Башкортостан проделана значительная работа по уточнению количества башкирских предводителей Пугачевского восстания. В фундаментальной монографии И.М. Гвоздиковой отмечены 44 башкирских полковника[2]. По подсчетам С.У. Таймасова, в восстании 1773–1774 годов из башкир было 63 крупных повстанческих командира[3]. Автор этих строк в своей книге, изданной к 250-летию со дня рождения Салавата Юлаева, насчитал 65 предводителей из башкир[4]. В энциклопедии «Салават Юлаев» башкирским предводителям посвящены 30 статей[5].

Следовательно, автор не может считать себя первооткрывателем поставленной проблемы. Однако многолетнее и скрупулезное изучение фондов центральных и региональных архивохранилищ страны позволило значительно расширить источниковую базу поставленной проблемы, более детально изучить повстанческую деятельность известных вождей из башкир и выяснить солидное число до сих пор малоизвестных или вовсе неизвестных крупных башкирских предводителей Пугачевского восстания.

Прежде всего нужно подчеркнуть, что неверно будет искать среди башкирских предводителей только генералов и полковников. Е.И. Пугачев и повстанческая Военная коллегия присваивали чин полковника тем предводителям, которые в свой отряд набирали не менее 500 воинов. На первом этапе Крестьянской войны половину Главного войска составляли башкирские конники. Практически все башкирские старшины, которые привели в Бердский лагерь отряды, укомплектованные из башкир своей волости, были произведены в полковники. Но не сохранилось ни одного указа Е.И. Пугачева или Военной коллегии о присвоении им чина полковника. После поражения

---

[1] *Муратов Х.И.* Крестьянская война в России 1773–1775 гг. М., 1954.

[2] *Гвоздикова И.М.* Башкортостан накануне и в годы Крестьянской войны под предводительством Е.И. Пугачева. Уфа: Китап, 1999. С. 504–505.

[3] *Таймасов С.У.* Восстание 1773–1774 гг. в Башкортостане. Уфа: Китап, 2000. С. 322–362.

[4] *Кулбахтин Н.М.* Юлай-атаман, сардар-Салават, Кинзя-абыз. Уфа: РИО БашГУ, 2004. С. 11–14.

[5] Салават Юлаев. Энциклопедия. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2004.

Главного войска под Татищевой крепостью и Сакмарским городком по приказу Е.И. Пугачева все документы Военной коллегии уничтожались. В свою очередь и каратели сжигали доставшиеся им документы походной канцелярии Ставки Е.И. Пугачева и Военной коллегии. Сохранился единственный указ Е.И. Пугачева о присвоении чина полковника башкиру деревни Медятово Дуванской волости Сибирской дороги Медету Миндиярову. Поэтому чин полковника отдельных башкирских предводителей приходится определить по косвенным источникам: по распоряжениям повстанческих центров и крупных повстанческих командиров нижестоящим; по рапортам и переписке командиров и их походных канцелярий; по переписке чиновников центральной и местных властей, карательных командиров; по материалам следственных комиссий. В результате многие башкирские предводители, у которых в отряде было 500 и более воинов, не попали в число полковников. Например, Акмурзе Лоишеву, который пригнал в Бердский лагерь 400 коней, Е.И. Пугачев присвоил чин полковника. Старшины Юрматинской волости Сайран Саитов и Кусяпкул Азатов в Бердский лагерь привели 950 конных воинов. Кроме того, они до весны 1774 года участвовали в сражениях под Оренбургом и, по логике событий, непременно должны были стать полковниками повстанческой армии. После подавления восстания они следственным допросам не подвергались. Указы и сведения о присвоении им чина полковника не сохранились. Кутлугильде Абдрахманов участвовал в сражении под деревней Юзеево 9–10 ноября против карательного корпуса генерала В.Я. Кара. Они вместе с Идеркаем Баймековым командовали башкирской конницей в 1500 человек. Ни в указах, ни в косвенных источниках Кутлугильде Абдрахманов не упоминается в чине полковника. Масалим Уразаев 9 ноября 1773 года из села Юзеево увел из карательного корпуса генерала Кара 1000 башкирских конников и привел в Бердский лагерь. Весной 1774 года под Оренбургом он попал в плен, находился в Оренбургской секретной комиссии, затем был переведен в Казанскую секретную комиссию. Однако автору этих строк в фондах архивохранилищ не удалось найти следственные материалы и допросную речь Масалима Уразаева. В результате подтвердить его чин полковника в повстанческой армии оказалось невозможным.

В регионах, отдаленных от эпицентра Крестьянской войны, появились эмиссары Е.И. Пугачева и И.Н. Зарубина, которые имели чин полковника. Они сами присваивали большие чины своим сподвиж-

никам. Е.И. Пугачев присваивал чин полковника башкирским предводителям во время стремительного продвижения Главного войска летом 1774 года. Е.И. Пугачев своим указом от 5 июля присвоил чин полковника около 10 башкирским старшинам Исетской провинции. Однако и данный указ не сохранился. В итоге воинский чин таких крупных башкирских предводителей, как Сары Абдуллина и других, сыгравших колоссальную роль в решении судьбоносной проблемы Крестьянской войны и ее вождя, невозможно определить. Такая же ситуация с уточнением чина полковника башкирских предводителей Северного и Северо-Западного Башкортостана.

Целая группа башкирских предводителей включилась в повстанческое движение летом и осенью 1774 года, когда Е.И. Пугачев и его Военная коллегия ушли под Казань и за Волгу, и некому было присваивать воинские чины. Поэтому мы сочли более разумным рассказать о всех башкирских предводителях Пугачевского восстания, которые имели отряды в 500 и более воинов. При этом уточнялись детали, подтверждающие чины полковника и атамана по материалам архивных фондов, опубликованных источников, исследованиям и выводам авторитетеных авторов.

Во вводной части книги мы дали подробную характеристику использованным источникам. Здесь считаем особенно подчеркнуть архивные фонды и авторские исследования. Основную источниковую базу составляли материалы Казанской секретной комиссии, которые отложены в отдельных фондах Российского государсвтенного архива древних актов (РГАДА). В них особенно ценными являются допросные речи самих участников восстания. Дополнительные сведения имеются в фондах Оренбургского губернатора И.А. Рейнсдорпа, последнего командующего карательными войсками генерал-аншефа П.И. Панина, Тайной экспедиции Сената того же архивохранилища. Из опубликованных источников нужно выделить сборники «Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии», «Документы Ставки Е.И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений», «Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье». Для определения местожительства и других биографических данных в качестве справочного материала бесценную помощь оказали труды И.М. Гвоздиковой и «Салават Юлаев. Энциклопедия», многотомный труд А.З. Асфандиярова «История сел и деревень Башкортостана», монография С.У. Таймасова «Восстание

1773–1774 гг. в Башкортостане»[1]. Особенно хочется отметить работу С.У. Таймасова, которая помогла разобраться в большом количестве фамилий и инициалов, датах происходивших событий, названиях населенных пунктов и многих других мелких, но крайне нужных деталях изучаемой проблемы.

Книга написана в форме очерков, посвященных повстанческой деятельности отдельных башкирских предводителей Пугачевского восстания. Очерки расположены в определенной последовательности. Башкирские предводители, получившие высокие чины повстанческой армии, составляют самостоятельную главу. Далее башкирские предводители расположены в отдельных главах книги по Ногайской, Сибирской, Казанской, Осинской дорогам и Исетской провинции. Небольшую главу составляют предводители, у которых не удалось определить их местожительство.

Текст очерков снабжен сносками, так как информация о многих башкирских предводителях дается впервые. Ссылки на архвиные материалы продублированы опубликованными источниками и авторскими работами.

Автор надеется: если кто-то заинтересуется биографией и судьбой башкирского предводителя из своих земляков, сможет пользоваться доступными для каждого читателя материалами.

[1] Салават Юлаев. Энциклопедия; *Гвоздикова И.М.* Указ. соч.; *Асфандияров А.З.* История сел и деревень Башкортостана. Кн.1–9. Уфа: Китап, 1997–2001; *Таймасов С.У.* Указ. соч.

ВВЕДЕНИЕ

Самой яркой особенностью Крестьянской войны 1773–1775 годов было массовое участие в ней нерусских народов Поволжья и Приуралья. Среди них, по общему признанию советских историков, первое место «по количеству участников, масштабам выступлений и, наконец, по роли в общей борьбе» принадлежало башкирам[1].

Массовое и активное участие башкир накладывало определенный отпечаток на характер и форму Крестьянской войны, на ее ход, расстановку сил, тактику борьбы восставших. В ходе Крестьянской войны крепла и росла боевая дружба русского и нерусских народов. Рядом с казаками и русскими крестьянами в повстанческих отрядах воевали башкиры, калмыки, татары, мишари, мари, мордва, чуваши, удмурты, казахи, немецкие колонисты, польские конфедераты и другие. Освещение истоков этой дружбы, получившей особенно яркое проявление в ходе Крестьянской войны, имеет важную роль в деле патриотического и интернационального воспитания.

Дореволюционные историки специальных исследований об участии башкир в Крестьянской войне не оставили, но в работах общего характера, как правило, отмечалось массовое участие башкир в восстании. Для дворянских историков характерна откровенная ненависть к восставшим башкирам, которых они, как и русских крестьян и всех других участников восстания, называли «злодеями», «бунтовщиками», «ворами», «разбойниками», «изменниками».

В дворянской историографии пореформенного периода своей ярой реакционностью в оценке участия нерусских народов в Крестьянской войне 1773–1775 годов выделяются работы отставного жандармского генерала П.К. Щебальского. Район очага восстания он характеризовал как край, где существовали «могущественные дикие силы» и «необузданные инстинкты», куда «гражданственность едва начинала проникать», а весь регион был «воровским краем»[2].

---

[1] Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Восстание Пугачева. Т. II. Л., 1966. С. 183–184 (Далее: Крестьянская война в России).

[2] *Щебальский П.К.* Начало и характер пугачевщины. Русский вестник. Т. 56, 57. М., 1865.

Н.Ф. Дубровин логически завершил тенденциозную и реакционную концепцию дворянской историографии о Крестьянской войне в целом. Он сильно преувеличивал вражду между русскими и башкирскими повстанцами, «грабительские» устремления башкир; утверждал, что Пугачев для привлечения башкир на свою сторону специально давал им распоряжение на сожжение заводов[1]. Но богатый фактический материал, привлеченный в монографии, делает ее полезной и сегодня.

Для буржуазной историографии характерен более спокойный тон изложения событий и фактов участия нерусских народов в Крестьянской войне, критический подход в оценке действий карателей[2]. Значительный вклад в изучение темы участия башкир в Крестьянской войне внесли дореволюционные русские историки-краеведы Башкортостана, которые широко использовали материалы местных архивов и устного народного творчества[3]. Но в общей оценке Крестьянской войны 1773–1775 годов они не выходили за рамки буржуазной историографии.

Начало демократическому направлению в дореволюционной историографии положил А.С. Пушкин. Его «История Пугачевского бунта» – наиболее выдающееся историческое произведение первой половины XIX века[4]. Он подчеркивал народный характер восстания, отмечал, что «весь черный народ был за Пугачевым, одно дворянство было открыто на стороне правительства». Ядро восстания составляли казаки и солдаты, а «около них скоплялось неимоверное множество татар, башкирцев, калмыков» и других народов края. Среди нерусских народов Поволжья и Приуралья, принявших участие в восстании, Пушкин особое значение придавал башкирам, высоко оценил их роль на всех этапах восстания и полководческий та-

---

[1] *Дубровин Н.Ф.* Пугачев и его сообщники. Т. I–III. СПб., 1884

[2] *Анучин Д.* Статьи в сб. «Русский вестник». М., 1868. № 311; 1869. № 3–6; *Пекарский П.П.* Известия об Уфимских дворянах Пекарских // Памятная книжка Уфимской губернии. Ч. 11. Оренбург, 1872; *Юдин П.Л.* Суд и казнь Салаватки // Исторический вестник. М., 1898. № 8.

[3] Статьи Р.Г. Игнатьева, Ф.Н. Нефедова, М.В. Лосиевского см.: Башкирия в русской литературе. Т. 2. Уфа, 1981. С. 77–94, 281–300, 303–308.

[4] *Пушкин А.С.* История Пугачевского бунта // *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. 9. Ч. 1. М.; Л., 1938.

лант Салавата, обратил внимание на совместную борьбу башкир, русских крестьян и работных людей южноуральских горных заводов.

Дореволюционные историки народнического направления на большом фактическом материале показали тяжелое социально-экономическое и политическое положение русских крестьян, коренного населения и пришлых нерусских народов края. Они отмечали единство целей восставших народов, роль пугачевских манифестов в привлечении башкир в повстанческий лагерь, рассматривали участие нерусских народов в движении как неизбежную реакцию на гнет крепостнического государства[1]. В оценке роли башкир в Крестьянской войне выделяется тезис Н.Н. Фирсова, который считал их главной движущей силой восстания, особенно до прихода Пугачева под Казань[2].

Таким образом, изучаемая проблема в дореволюционной историографии нашла свое отражение, в научный оборот был введен значительный фактический материал. Но полного и подлинно научного исследования она не получила.

Одним из первых советских исследователей, обратившихся к истории Крестьянской войны 1773–1775 годов и участию в ней башкир, был М.Н. Покровский. Главными движущими силами восстания наряду с «уральскими горнозаводскими рабочими» он считал «нерусское население Приуралья»[3]. Среди последних Покровский особое значение придавал башкирам. Он отмечал, что башкиры «присоединились к Пугачеву весьма охотно и дрались под его знаменем отчаянно; другим пощады не давали и сами не сдавались»; «помощь башкиров, народа конного, располагавшего отличными лошадьми, была особенно ценна для восставших»; башкирские отряды выполняли важную роль арьергарда для главных повстанческих сил при движении их на Казань[4].

Вместе с тем М.Н. Покровский преувеличивал национальную вражду в лагере восставших, особенно между русскими и башкирами,

---

[1] *Мордовцев Д.* Политическое движение русского народа. Т. 1–2. СПб., 1867; *Семевски В.И.* Крестьяне в царствовании императрицы Екатерины II. Т. I. СПБ., 1910; *Фирсов Н.Н.* Пугачевщина. СПб., 1908.

[2] *Фирсов Н.Н.* Указ. соч. С. 74.

[3] *Покровский М.Н.* Предисловие к первому тому «Пугачевщины». М., 1926. С. 11.

[4] *Он же*. Избранные произведения. Кн. 2. М., 1965. С. 138.

что было, по мнению автора, «порождением колонизации» Башкирии. Поэтому «в минуту огромного национального подъема нельзя было заставить башкир щадить русского колонизатора, не щадившего башкир в предыдущий период». Концепция об антиколониальной направленности участия башкир в Крестьянской войне привела Покровского к неверному выводу, что их участие «вбило лишний клин в ту революцию, которую поднял Пугачев», ослабляло и подрывало повстанческую силу, послужило основной причиной ее поражения[1].

Противоречивый тезис М.Н. Покровского о роли башкир в Крестьянской войне 1773–1775 годов получил поддержку со стороны ряда его последователей[2]. Но в эти же годы стали появляться работы, показывающие прогрессивное значение участия башкир в движении и характер взаимоотношения их с русскими повстанцами[3].

Постановление СНК и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 года «О преподавании гражданской истории в школах СССР» положило начало новому этапу изучения истории крестьянских войн в России, стимулировало широкий поиск и публикацию архивных материалов, привело к пересмотру ряда принципиальных вопросов на основе марксистско-ленинской методологии[4]. В конце 30-х – начале 50-х годов XX века вышли труды по отдельным вопросам Крестьянской войны. Было издано несколько книг и лекций научно-популярного характера[5]. В них участие башкир в движении нашло более конкретное освещение. Однако в некоторых работах преувеличивалась национальная

---

[1] *Покровский М.Н.* Новые данные о пугачевщине // Вестник Коммунистической академии. 1925. Кн. XII. С. 220, 229.

[2] *Тосминский С.Г.* Роль рабочих в Пугачевском восстании // Красная новь. 1925. № 2; *Мартынов М.Н.* Пугачевское движение на заводах Южного Урала // Записки научного общества марксистов. 1925. № 1–2.

[3] *Пионтовский С.* Историография крестьянских войн в России // Историк-марксист. 1933. № 6/34.

[4] Постановление СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 г. «О преподовании гражданской истории в школах СССР» // Правда. 1934. 16 мая.

[5] *Гайсинович А.* Пугачев. М., 1934; *Жижка М.В.* Емельян Пугачев. М., 1939; *Вяткин М.П.* Емельян Пугачев. М., 1951; *Лебедев В.И.* Крестьянкая война под руководством Емельяна Пугачева. М., 1951; *Мартынов М.Н.* Саткинский завод во время восстания Емельяна Пугачева // Исторические записки. Т. 58. М., 1956.

вражда между башкирскими и русскими повстанцами (М.Н. Мартынов) или игнорировалась роль башкир в восстании (Х.И. Муратов).

В 1950–1970-х годах появились серьезные исследования по истории Крестьянской войны 1773–1775 годов, в которых участие и роль нерусского населения в движении относилось к числу важнейших проблем[1]. Среди них особо нужно выделить трехтомный труд ленинградских историков, монографию А.И. Андрущенко и коллективные работы, посвященные узловым проблемам крестьянских войн в России. Трехтомная работа ленинградских авторов и монография А.И. Андрущенко содержат богатый фактический материал. В них на фоне всей Крестьянской войны дана развернутая панорама военных событий на территории Башкортостана, объективно решены проблемы: национальные отношения в повстанческом лагере, взаимоотношения между башкирами и заводскими крестьянами, позиция башкирской старшины в восстании и другие. Однако обобщающий характер этих работ не позволил авторам подробно рассматривать участие башкир и их предводителей в Крестьянской войне в отдельных регионах Башкортостана и на всех трех этапах восстания.

В эти же годы была сделана первая попытка всесторонне рассмотреть участие башкир в восстании на всех его этапах[2]. Однако в «Очерках по истории Башкирской АССР» не прослеживается сущность социальных сдвигов, происшедших в башкирском обществе в середине XVIII века, не показаны объективные причины и предпосылки совместной борьбы башкир, русских крестьян и трудовых низов других народов края, почти не затронута их совместная борьба, не раскрыты причины различных позиций отдельных групп башкирских старшин в восстании, ход борьбы башкирских отрядов с карателями показан бегло, особенно на третьем этапе войны, не определено значение участия башкир в движении.

---

[1] Крестьянская война в России 1773–1775 гг. Восстание Пугачева. Т. I–III. М.; Л., 1961–1970; *Смирнов И.И., Маньков А.Г., Подьяпольская Е.П., Мавродин В.В.* Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М.; Л., 1966; Крестьянские войны в России в XVII–XVIII веков: Проблемы, поиски, решения. М., 1974; *Андрущенко А.И.* Крестьянская война 1773–1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. М., 1969.

[2] Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 1. Уфа, 1956. С. 216–253.

На научных сессиях, посвященных 200-летию Крестьянской войны 1773–1775 годов, был поставлен ряд важных и интересных проблем: особенности крестьянских войн в национальных регионах, идеологические представления восставших, совместная борьба народов, сочетание социального и национального элементов Крестьянской войны и другие[1]. Тогда же появились монографические исследования об участии в Крестьянской войне отдельных народов: татар, калмыков, казахов[2].

Таким образом, в советской исторической науке проделана большая работа в исследовании участия башкир в Крестьянской войне 1773–1775 годов. Историками признана прогрессивная роль башкир в восстании. Однако ряд вопросов об участии башкирских трудовых масс в войне, специфике совместной борьбы с русскими крестьянами и трудовыми массами народов края в антифеодальной борьбе в разных регионах Башкирии и на разных этапах Крестьянской войны изучен слабо.

В конце 70-х годов XX века автором данной работы была опубликована статья, в которой был сделан историографический анализ изучения проблемы. В учебном пособии того же автора был сделан общий обзор событий с участием башкир на всех трех этапах Крестьянской войны, был поставлен ряд конкретных аспектов: роль башкир в перерастании локального казацкого восстания в грандиозную крестьянскую войну; удельный вес башкир в повстанческих войсках, в том числе в Главном войске Пугачева; структура, вооружение, тактика ведения боя башкирских повстанческих отрядов; соотношение социального и национального моментов в движении башкир и другие[3]. Большой вклад в изучение повстанческой деятельности национального героя башкирского народа Салавата Юлаева и участия

---

[1] Отчеты и обзоры о конференциях см: Вопросы истории. 1974. № 9, 10; История СССР. 1974. № 3, 4, 6; 1975. № 4.

[2] *Бекмаханов Н.Е.* Легенда о Невидимке. Алма-Ата, 1968; *Беликов Т.И.* Участие калмыков в Крестьянской войне под предводительством Е. И. Пугачева (1773–1775 гг.). Элиста, 1971; *Алишев С.Х.* Татары Среднего Поволжья в Пугачевском восстании. Казань, 1973.

[3] *Кулбахтин Н.М.* Участие башкир в Крестьянской войне 1773–1775 гг. (Историография вопроса) // Проблемы истории СССР. М.: Изд-во МГУ, 1979. С. 113–1321;. *Его же*. Участие башкирского народа в Крестьянской войне 1773–1775 годов. Уфа: РИЗО БГУ, 1982.

народов Башкортостана в Крестьянской войне 1773–1775 годов внесла И.М. Гвоздикова[1]. Следует отметить также работы, посвященные жизни и деятельности Салавата-вождя башкирского народа и Салавата-поэта, импровизатора[2].

Юбилей 250-летия со дня рождения Салавата Юлаева дал мощный толчок в изучении участия народов Башкортостана в Крестьянской войне, жизненного пути и повстанческой деятельности национального героя. В ходе подготовки к юбилейной дате было опубликовано около трех десятков новых, оригинальных трудов[3]. Особенно нужно отметить фундаментальный энциклопедический труд, посвященный национальному герою башкирского народа Салавату Юлаеву[4]. Работы С.У. Таймасова и А.З. Асфандиярова являются исключительно полезными как справочный материал[5].

В последние годы заметно активизировалась работа историков-краеведов. Нередко они делают интересные и нестандартные выводы. Но иногда авторы доходят до абсурдов. В частности, журналист из города Набережные Челны Вахит Имамов подвергает сомнению полководческую деятельность Салавата Юлаева, а признание его национальным героем считает оскорблением башкирского народа[6]. Особенно некорректно отозвался о роли Салавата Юлаева в Крестьянской войне 1773–1775 годов доктор исторических наук, профессор А.Я. Мауль, который предлагает «десалаватизацию» Республики Башкортостан[7].

---

[1] *Гвоздикова И.М.* Салават Юлаев. Исследования документальных источников. Уфа, 1982; *Она же*. Башкортостан накануне и в годы Крестьянской войны 1773–1775 гг. под предводительством Е.И. Пугачева. Уфа,1999.

[2] *Сидоров В.В.* О башкире-певце и бесстрашном бойце. Уфа, 2004; *Идельбаев Мирас*. Сын Юлая Салават. Уфа, 2004.

[3] Салават-батыр. Навечно в памяти народной. Сборник документов и материалов. Уфа, 2004; Салават Юлаев: изобразительное искусство, театр, кино, музыка. Уфа, 2004; Идея свободы в жизни и творчестве Салавата Юлаева. Уфа, 2004; *Кулбахтин Н.М.* Юлай-атаман, сардар-Салават, Кинзя-абыз. *Его же.* Башкирские вожди Крестьянской войны 1773–1775 гг. Уфа, 2005; и др.

[4] Салават Юлаев. Энциклопедия. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2004.

[5] *Асфандияров А.З.* Указ. соч.; *Таймасов С.У.* Указ. соч.

[6] *Имамов Вахит*. Татары в Пугачевском восстании. Набережные Челны, 1994.

[7] См.: *Бердин А.Т.* Салават: бой после смерти. Уфа, 2014.

Исследуемая нами проблема имеет богатую и разнообразную источниковую базу. Основную массу архивных материалов об участии башкир в Крестьянской войне 1773–1775 годов составляют документы фондов Российского государственного архива древних актов (РГАДА. Москва). Среди них особенно важное место по объему и значению имеют «Уголовные дела по государственным преступлениям и событиям особой ценности» (ф.6). Несколько сот дел этого фонда, состоящего из делопроизводства Тайной экспедиции Сената в Москве, Казанской и Оренбургской следственных комиссий и канцелярии капитана С.И. Маврина в Яицком городке, содержат огромное количество ценных сведений. В деле № 416 «Бумаги, захваченные у разных пугачевских атаманов и старшин» отложились документы из походных канцелярий Салавата Юлаева, Караная Муратова, Каскына Самарова, Ильчигула Иткулова, Батыркая Иткинина, Абдея Абдулова и других. В деле № 467 «О казаках, татарах и других в пугачевском движении» содержатся экстракты допросов, переписка чиновников и другие следственные документы. В деле № 427 собраны следственные материалы о Салавате Юлаеве, Юлае Азналине, Каскыне Самарове. Особенно ценны материалы дела № 507. В нем отложены показания повстанцев, которых в Казанской секретной комиссии подвергали допросам «с пристрастием»; реестры «колодников» Казанской тюрьмы, заключения начальника секретной комиссии генерала П.С. Потемкина, Казанского губернатора П.С. Мещерского, Тайной экспедиции Правительствующего Сената о мерах наказания участников Крестьянской войны. Важные сведения имеются в документах фондов Паниных-Блудовых (Ф. 1274. Д. 172а–202) и Оренбургского губернатора И.А. Рейнсдорпа (Ф. 1100) этого же архивохранилища. Они дают много сведений об участии башкир в Крестьянской войне.

Вторым по объему отложившихся материалов является Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), где в фондах Секретной экспедиции Генерального штаба (Ф. 20. Д. 1230–1240) и Военно-учетного архива (Ф. ВУА) имеются документы об участии башкир в Крестьянской войне 1773–1775 годов. Многие из них дублируют материалы фондов РГАДА.

В фонде 468 Российского государственного исторического архива в г. Санкт-Петербурге (РГИА) материалы о Крестьянской войне собраны в деле № 2 «Дело о самозванце Пугачеве». Здесь отложились ценные сведения об участии в движении башкир Исетской про-

винции и северных волостей Башкортостана. В этом же деле имеется подробное описание штурма города Кунгура Салаватом Юлаевым 23 января 1774 года.

В фондах 36 и 113 Архива Санкт-Петербургского Института истории РАН (СПбИИ РАН) хранятся материалы, свидетельствующие о событиях в конце сентября и в первые дни октября 1773 года, о мобилизации башкир южных волостей Ногайской дороги в карательные команды и об их переходе на сторону Пугачева.

Материалы фонда № 3 Научного архива Уфимского федерального исследовательского центра РАН (НА УФИЦ РАН) являются копиями документов из фонда № 6 «Уголовные дела» РГАДА.

Начало сбору и публикации документов по истории Крестьянской войны 1773–1775 годов положил А.С. Пушкин. Он издал «Хроники» и «Сказания» очевидцев событий П.И. Рычкова, И. Осипова, И.А. Сухорукова, Л.Ф. Крупенникова, И. Полянского и других[1]. Отдельные материалы об участии нерусских народов края в Крестьянской войне были опубликованы в «Губернских ведомостях» Казанской, Оренбургской и Пермской губерний. Академик Я.К. Грот в Приложениях к «Запискам Императорской Академии наук» опубликовал донесения генералов Кара и Бибикова[2]. В Сборнике Российского исторического общества помещена переписка Екатерины II с генералом П.И. Паниным[3].

Планомерное издание документов и материалов Крестьянской войны 1773–1775 годов началось после Октябрьской революции. В 20-х – начале 30-х годов XX века был издан трехтомный сборник документов «Пугачевщина»[4]. В разделе «Инородцы и пугачевщина» из 44 документов 27 показывают участие башкир в Крестьянской войне. Ряд материалов опубликован на страницах периодической печати и в сборниках. К юбилею 200-летия Крестьянской войны 1773–1775 годов были изданы тематические сборники документов и материалов, где содержатся важные сведения об участии башкир в движении[5].

---

[1] *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. 9. Ч. 2. М.; Л., 1938.

[2] Записки Императорской академии наук. Т. 1. № 4. Приложения. СПб., 1862.

[3] Сборник Российского исторического общества. Т. 6. СПб., 1871.

[4] Пугачевщина. Т. 1–3. М.; Л., 1926–1931.

[5] Крестьянская война 1773–1775 гг. в России. Документы из Рукописного собрания Государственного исторического музея. М., 1973; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. Уфа, 1975; Документы Ставки Е.И. Пугачева,

Особенно ценны сборники «Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии» и «Документы ставки Е.И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений». В первом из них помещены документы, имеющие непосредственное отношение к участию башкир в движении. Они позволяют воссоздать всю панораму событий на всех трех этапах Крестьянской войны на территории Башкортостана, массового участия в ней трудовых масс башкир, проследить развитие и усиление социальной борьбы в башкирском обществе в ходе Крестьянской войны, выяснить позицию башкирских феодалов в различных регионах Башкортостана и на разных этапах восстания. В него впервые включены документы, показывающие ход совместной борьбы народов края в юго-восточных и южных волостях Ногайской дороги. Большое число документов сборника «Документы ставки Е.И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений» освещает деятельность органов повстанческих властей на территории Башкортостана, обогащает нашу тему фактическими сведениями о ходе событий в крае. Оба сборника отличаются высоким научным уровнем издания. Документы сверены с архивными оригиналами, выяснены все списки, уточнены места хранения. Сборники снабжены именными и географическими указателями. Исключительную ценность представляют примечания, где дается всесторонний анализ публикуемых документов и освещаемых в них событий. Наличие огромного корпуса источников и богатой литературы позволяет автору данной книги ставить перед собой задачу выяснить ряд важных аспектов активного и массового участия башкир в Крестьянской войне 1773–1775 годов и концентрировать свое внимание на освещении повстанческой деятельности башкирских предводителей в этом самом последнем и самом грандиозном народном восстании в феодальной Российской империи.

повстанческих властей и учреждений. М., 1975; Воззвания и переписка вожаков пугачевского движения в Поволжье и Приуралье. Казань, 1988; *Овчинников Р.В.* Манифесты и указы Е.И. Пугачева. М., 1980.

Глава 1. Башкирское общество накануне Крестьянской войны 1773–1775 годов. Предпосылки массового участия башкир в Крестьянской войне

Территория. В XVIII веке границы Исторического Башкортостана определяли визуально. Кунгурский бургомистр Юхнев, в 1725–1726 годах тайно собиравший сведения о башкирах, указывал, что они живут «по Уфинской стороне у Уральских гор и по другой стороне Уральских гор и Сибири до Кунгур, ... по реке Миасс и Течи…до Яиских вершин». По сведениям Юхнева, на юге башкиры на своих вотчинных землях добывают илецкую соль[1].

Обер-секретарь Сената И. К. Кирилов в своем энциклопедическом труде «Цветущее состояние Всероссийского государства» отмечал, что к востоку от рек Ик и Кама и по их вершинам прошли жилища башкирские Уфимской провинции». Он подчеркивал, что «Башкиры в зимнее время великими обозами ездят за илецкую соль»[2]. Крупный историк России XVIII века, первый начальник уральских казенных заводов В.Н. Татищев в своем «Представлении» в Кабинет Петра Великого в 1724 году писал, что башкирские земли на юге и востоке простираются в степи за реками Яик и Тобол, а на западе башкиры «близь границ российских делают многие, русским и татарам Казанским и кунгурским, и по Волге ниже Камы живущим, обиды»[3].

Таким образом, авторы XVIII века границы Исторического Башкортостана определяли: на западе – до реки Волги ниже впадения в нее реки Камы; на юге – до реки Илек; на востоке – степными просторами за рекой Тобол.

Для определения территории и исторических границ Башкортостана важные сведения имеются в трудах средневековых историков,

---

[1] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. М.; Л.: Наука, 1949. С. 485–486. (Далее: Материалы).

[2] *Кирилов И.К.* Цветущее состояние Всероссийского государства. М.: Наука, 1977. С. 210, 220.

[3] Материалы. Т. III. С. 481.

географов и путешественников Ал-Бируни, Ибн-Хардадбека, Саллам Тарджемана, Ибн-Фадлана, Рубрука, монаха Юлиана и других. Богатый материал сохранился в легендах и преданиях башкир, топонимических и гидронимических названиях. Но наиболее точные и достоверные сведения о территории и границах Башкортостана имеются в «Экономических примечаниях» Генерального межевания 1795 года[1].

Совокупность всех этих материалов позволяет с достаточной точностью определить границы Башкортостана в XVIII веке. На юго-западе граница вотчинных земель башкир от места впадения реки Чаган в реку Яик, через реки Большой и Малый Кинель, Самару, Мочу, Мелекес шла на запад и доходила до левого берега Волги. Затем она резко поворачивала на северо-запад и по линии рек Кундурча – Большой Черемшан выходила на Степной Зай и Шешму, определив западную границу Башкортостана. Оттуда граница выходила на среднее течение реки Камы. На северо-западе земли башкир по правому берегу реки Камы узкой полосой расстилались от устья реки Иж до устья реки Очер, затем граница Башкортостана резко поворачивала на восток и переходила на левый берег реки Камы. На севере граница башкирских земель шла вдоль реки Сылвы от ее устья до впадания в нее реки Иргинки, оттуда она резко поворачивала на восток и выходила на линию рек Бисерть – Исеть. На северо-востоке от устья реки Исети граница Исторического Башкортостана круто поворачивала на юг и шла по линии рек Тобол – Уй – Тугузак, выходила к месту впадения реки Орь в реку Яик, оттуда шла вдоль реки Яик.

Таким образом, Башкортостан в XVIII веке включал в себя территории современной Республики Башкортостан, Оренбургской и Челябинской областей, северные районы Саратовской и Самарской областей, южные районы Пермского края и Свердловской области, западные районы Курганской области, восточные районы Республики Татарстан.

Население. По «Генеральной табели» III ревизии, составленной в 1767 году, в Оренбургской губернии проживало около 510 тысяч человек. Его сословный и этнический состав показан в таблице 1.

[1] РГАДА. Ф.1355. Оп. 1. Д. 235, 240, 337, 338, 929, 932, 938, 1089, 1093–1096, 1105, 1110, 1113, 1136, 1366, 1861, 1874, 1876, 1879, 1881, 1885, 1889.

Таблица 1

Численность и этнический состав населения Оренбургской губернии в 1767 году[1]

Этнический состав	Численность	
	в душах обоего пола	в %
Государственные и дворцовые крестьяне, ясачные старо- и новокрещены	94000	18,2
Помещичьи, заводские и экономические крестьяне, дворовые люди	60000	11,8
Отставные солдаты	10000	2,0
Оренбургские и яицкие казаки	49000	9,6
Купцы, торговые татары и ремесленники	5860	1,1
Башкиры	195000	38,2
Мишари	12685	2,4
Служилые и кандаурские татары	2456	0,5
Тептяро-бобыли	78000	15,4
Ссыльные и иностранные граждане	2086	0,4
Помещики, офицеры	640	0,1
Канцелярские и таможенные служители	504	0,1
Всего	509547	100,0

Как видно из таблицы, 38,2 % общего числа населения составляли башкиры, 42,1 % – различные категории русских крестьян и казаки, среди которых было много старообрядцев, бежавших из центральных уездов России во время церковных реформ патриарха Никона. 18,0 % населения губернии составляли нерусские припущенники. 88,7 % населения состояло из лично свободных сословных групп, для которых прямым и непосредственным угнетателем выступало само феодально-крепостническое государство, что обусловило их объединение в общей антифеодальной борьбе. 53,8 % населения составляли военно-служилые сословия: казаки, башкиры, калмыки, мишари, служилые и кандаурские татары, послужившие ядром и военной опорой для начавшегося восстания и его перерастания

[1] Материалы. Т. IV. Ч. 2. М., Л., 1956. С. 9–12.

в крестьянскую войну. 63 % населения составляли нехристиане: мусульмане, иудаисты, буддисты, язычники и т. д., которые испытывали на себе давление православной церкви. Дворяне, офицеры и чиновники, являвшиеся социальной опорой царизма в крае, составляли 0,2 % населения.

Административное устройство. Основной массив башкирских земель входил в состав Оренбургской губернии, образованной в 1744 году в составе Уфимской, Исетской и Оренбургской провинций. Территория Уфимской провинции практически совпадала с территорией бывшего Уфимского уезда. Административным центром провинции являлся город Уфа. Исетская провинция состояла из башкирских волостей Сибирской и Ногайской дорог Зауралья. Административный центр находился в городе Челябинске. Оренбургская провинция с составе пограничных укрепленных линий широкой полосой охватывала Уфимскую провинцию с юго-востока, юга и юго-запада. Административный центр губернии с губернатором и губернской канцелярией размещался в городе Оренбурге.

Кроме того, башкиры компактными группами проживали в Сарапульском и Елабужском уездах Вятской губернии; Осинском, Пермском, Екатеринбургском, Кунгурском, Красноуфимском и Шадринском уездах Пермской губернии; Хвалынском и Хотинском уездах Саратовской губернии. Общая численность башкир составляла свыше 203 тысяч человек, в том числе в вышеназванных уездах насчитывалось около 45 тысяч башкир[1].

Хозяйство башкир. Распространение земледелия. В середине XVIII века в Башкортостане можно выделить три зоны, отличающиеся типами хозяйства, уровнем социальных отношений и составом населения: земледельческая – северо-западный и западный; смешанная – центральный; зона полукочевого скотоводства – южный, юго-восточный и восточный Башкортостан.

В земледельческую зону входила Осинская дорога, основная территория Казанской и западные волости Сибирской дорог. В этих регионах земледелие стало ведущей отраслью в хозяйстве башкир давно. Кунгурский бургомистр Юхнев отмечал оседлый образ жизни

[1] РГАДА. Ф. 1355. Оп.1. Д. 235, 240, 337, 338, 929, 932, 938, 1093–1096, 1105, 1110, 1113, 1136, 1366, 1861, 1874, 1876, 1879, 1881, 1885, 1889.

и земледельческий характер их хозяйства еще в 20-х годах XVIII века[1]. Участник академических экспедициий по западным волостям Башкирии в 1769–1770 годов Н.П. Рычков отмечал: «Жители онаго места, да и все в окружности живущие земледльцы, изобилуют пахотными землями, торгуют большей частью хлебом, и способом реки Камы нагружая барки отправляют хлеб в разные места. Тут же находятся казенные магазейны, в которые, скупая привозимый крестьянами хлеб, отпускают водою во внутренние Российские места»[2]. На развитое земледелие этих волостей указывали и представители местной администрации и землемеры в конце XVIII века[3].

В зону полукочевого скотоводства входила основная территория Ногайской дороги, юго-восточные волости Сибирской дороги и Исетская провинция. Занятием черносошных русских крестьян и мишарей Исетской провинции было земледелие. Сеяли рожь, пшеницу, ячмень, овес, в благоприятные годы получали урожай «самьдесять» и более. Постепенно к земледелию стали переходить и башкиры этого региона. «Весьма радетельными к хлебопашеству» становились башкиры в районе Троицкой крепости. В 60-х – начале 70-х годов стало наблюдаться оживление земледелия среди башкир Ногайской дороги[4]. Однако главным занятием башкир продолжало оставаться полукочевое скотоводство.

Смешанная зона широкой полосой шла с северо-востока на юго-запад через всю территорию Башкортостана. В смешанную зону входила основная территория Сибирской, северо-западные волости Ногайской и юго-восточные волости Казанской дорог.

Русские крестьяне и нерусские припущенники этой зоны под влиянием коренного населения занимались домашним скотоводством, но существенную роль в их хозяйстве, кроме хлебопашества, играли охота, бортничество и лесные промыслы. К 70-м годам XVIII века земледелие стало распространяться среди башкир этой зоны.

---

[1] Материалы. Ч. 1. М.;. Л., 1936. С. 186, 194.

[2] *Рычков Н.П.* Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1769–1770 гг. СПб., 1770. С. 137.

[3] РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1861. Л. 16 об.–23, 70 об. 71, 192–197, 204 об.–205.

[4] Там же. Д. 940, Л. 96, 154, 166; Материалы. Т. IV. Ч. 2. С. 447–478; *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. 2. Кн. 2. 1770 год. СПб., 1786. С. 8–9.

Известными хлебопашцами были башкиры, проживавшие на территории «от Красноуфимска до реки Ай», в бассейнах рек Катав и Юрюзань. Начинали «вникать в хлебопашество» башкиры Ногайской дороги, особенно в окрестностях села Табынска. Сеяли они ячмень, овес, коноплю, вместо крапивного холста стали изготавливать конопляный. О распространении хлебопашества у башкир бассейна реки Демы говорят также факты, что они во время осады Уфы поставляли хлеб в армию И.Н. Зарубина, а после снятия осады – в корпус И.И. Михельсона. Некоторые хозяйства башкир в окрестностях Уфы и горных заводов к 70-м годам стали производить товарный хлеб[1].

Однако нельзя преувеличивать степень развития земледелия у башкир этой зоны. Товарный хлеб составлял весьма незначительный удельный вес на рынке, а рядом с башкирами-хлебопашцами как под Уфой, так и на реках Ае, Катаве, Юрюзани и под Табынском проживали башкиры-скотоводы, сохранявшие полукочевой образ жизни. Еще слабо было развито земледелие в Белебеевском и Стерлитамакском уездах.

Таким образом, к 70-м годам XVIII века в хозяйстве башкир западных и северо-западных волостей наблюдалось заметное развитие земледелия. Оно постепенно внедрялось у башкир центральной полосы Башкирии, эпизодически появлялось в зоне полукочевого скотоводства.

Скотоводство. В хозяйстве башкир в середине XVIII века ведущую роль играло скотоводство. П.И. Рычков в 1767 году писал: «Во время бывших башкирских замешательств сей народ приведен уже был до великого оскудения в лошадях, но по успокоению оного в короткое время так они снова у них расплодились, что ныне из них многие имеют сот по 5-ти лошадей и больше и все вообще стала быть оными опять достаточно»[2]. Много поголовья скота, особенно лошадей, было у башкир Ногайской и Сибирской дорог. Башкиры держали также много коров, овец и верблюдов[3].

---

[1] *Паллас П.* С. Указ. соч. С.26–28, 40–41; *Лепехин И.И.* Продолжение записок путешествия. СПб., 1822. С. 276; *Усманов А.Н.* Развитие земледелия в Башкирии в третьей четверти XVIII в. Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, 1971. С. 61–62.

[2] *Рычков П. И.* Ответы на экономические вопросы в рассуждении Оренбургской губернии //Труды Вольного Экономического общества. М., 1767. Ч. VII. С. 168.

[3] *Паллас П.С.* Указ. соч. С. 206.

Скотоводство продолжало играть важную роль и в жизни башкир земледельческой и смешанной зон. В этих районах культура ведения скотоводческого хозяйства была выше, чем в районах полукочевого скотоводства. Еще в 1726 году Кунгурский бургомистр Юхнев отмечал, что башкиры Осинской дороги «сена косят много»[1]. К концу XVIII века много сена стали заготавливать в центральных волостях Башкирии[2].

Долгие годы совместной жизни на общей территории способствовали развитию скотоводства и среди припущенников. Н.П. Рычков писал о тептярях Казанской дороги: «живущие между башкирцами, научились они обрядам скотоводства, по обыкновению сего народа, и привольные паства суть возбудили на рачение»[3]. Вдоль Яицких укреплений некоторые казаки и татары вместе с башкирами выезжали летом на кочевья. Такой же полукочевой образ жизни вели тептяри Верхне-Яицкого уезда[4]. Жители Магнитной крепости в конце XVIII века продолжали заниматься скотоводством и сенокошением. Помимо земледелия, скотоводством занимались казаки Уртазымской, Коельской, Чебаркульской, Уйской и других крепостей Зауральского Башкортостана, русские крестьяне, мишари, татары, тептяри и бобыли в окрестностях Троицкой крепости[5].

Промыслы. В хозяйстве башкир существенную роль продолжали играть такие традиционные промыслы, как охота, бортничество, рыболовство. Эти отрасли хозяйства к 70-м годам XVIII века получили значительное распространение не только у башкир, но и русских крестьян и других нерусских народов. Бортные угодья, бобровые гоны, озера и реки для рыболовства в западных и северо-западных волостях Башкирии являлись объектом острой борьбы между вотчинными башкирами и пришлым населением. В юго-восточном регионе края такой остроты отношений по этим угодьям в архивных источниках не наблюдается. Здесь охота, рыболовство и бортничество были занятием башкир, а казаки, ясачные татары, мишари,

---

[1] Материалы. Т. III. С. 487.

[2] РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 935, 938.

[3] *Рычков Н.П.* Указ. соч. С. 137.

[4] РГАДА. Ф.1355. Оп.1. Д. 935, 938.

[5] Там же. Д. 240. Л. 158, 166, 173–174, 177, 193 об.–194.

новокрещенные чуваши и мордва «из оброку» в башкирских лугах косили сено, арендовали у башкир лесные участки для щипания хмеля и сбора черемухи, реки и озера – для рыбной ловли[1]. Все это способствовало развитию и углублению хозяйственных связей вотчинных башкир и пришлого населения края.

Ремесло в хозяйстве башкир занимало незначительный удельный вес. Причиной тому являлось запрещение царским правительством иметь башкирам кузницы, ограничение употребления металла в хозяйстве. Башкиры главным образом занимались обработкой продуктов скотоводства, дерева, конопли. В последней четверти XVIII века у башкирских и татарских предпринимателей стали появляться поташные заводы и мукомольные мельницы. О любопытной сфере предпринимательства у башкир южных волостей говорится в наказе торговых татар Сеитовской (Каргалинской) слободы. В ответ на требования Оренбургского губернатора И.А. Рейнсдорпа перекрывать крыши домов соломой сеитовские татары отвечали, что крышу надо крыть ржаной соломой, а они рожь не сеют. Кроме того, их дома расположены друг к другу тесно и в случае пожаров очевидно распространение огня на всю слободу. Поэтому они предпочитают крыть крыши своих домов дранками, которыми снабжают жителей слободы башкиры южных волостей. Они привозят готовые дранки целыми обозами и продают за небольшие деньги. К тому же для изготовления дранок они используют больной лес[2].

Горнозаводская промышленность. Середина XVIII века характеризуется стремительным развитием горнозаводской промышленности Южного Урала, что оказало большое воздействие на экономическую и социальную жизнь башкир. К концу XVIII века на вотчинных землях башкир был построен 102 железоделательных и медеплавильных завода[3]. К заводам и их рудникам были отписаны огромные территории из общинных угодий башкир. Строительная «горячка» приходилась на 50–60-е годы XVIII века. Поэтому ее влияние на социально-экономическое положение башкир было осо-

[1] РГАДА. Ф. 452. Оп. 2. Д. 38. Л. 1–1 об.; Д. 39. Л. 1; Д. 42. Л. 7–8 об.

[2] Там же. Ф. 342. Оп.1. Д.109. Ч.11. Л.59 об.–60 об.

[3] Там же. Ф. 271. Кн. 1158; Ф. 1355. Оп. 1. Д. 929, 932, 938, 1094, 1105, 1113, 1874, 1876, 1879, 1881, 1889; *Кулбахтин Н.М.* Горнозаводская промышленность в Башкортостане. XVIII век. Уфа: Китап, 2000. С. 161–162.

бенно заметно. Однако соседство башкир с русскими заводскими крестьянами и приписными нерусскими ясачными людьми способствовало углублению их взаимной интеграции и адаптации, подготавливало к совместной борьбе против общего угнетателя: царской власти, ее местной администрации и дворянского сословия.

Развитие горнозаводской промышленности способствовало вовлечение в сферу рудоискательства и рудодобычи значительной части башкирского населения. Крупными рудоискателями во второй половине XVIII века были башкиры деревни Кояновой Гайнинской волости Осинской дороги Тасим Маметев, его сыновья Рахман, Исмагил, Ишмен и Мухаметрахим Тасимовы, старшина Гайнинской волости Токтамыш Ишбулатов, сотники Салзиутской волости Сибирской дороги Салей Бускунов и Умук Белинбаев, старшина Надыровской волости Казанской дороги Надыр Уразметов и его сын Юсуп Надыров. Башкиры Ногайской дороги занимались перевозкой железной и медной руды на заводы симбирских горнозаводчиков Твердышевых и Мясниковых. Активное включение в разработку рудников наблюдалось главным образом среди богатых старшин Казанской и Осинской дорог. Это привело к интенсивному углублению феодальных отношений и обострению социальных противоречий внутри башкирского общества западных и северо-западных волостей.

Торговля. Оживление экономики дало толчок развитию товарно-денежных отношений, расширению торговли в крае. Крупными торговыми центрами края стали Оренбург и Сеитовская слобода – в русско-восточной торговле, Уфа – в центре края, Троицк и Верхне-Яицк – на восточной окраине, Мензелинск – на Казанской дороге. Башкиры торговали скотом, продуктами скотоводства, бортничества и охоты: мясом, сырой кожей, шерстью, салом, медом, воском, пушниной, редко хлебом. Покупали они ремесленные изделия. Крупные башкирские феодалы-скотовладельцы были непременными участниками Макарьевской и Ирбитской ярмарок, часто выступали в качестве посредников между купцами Поволжья и Средней Азии. Торговля способствовала развитию ростовщичества, усилению имущественного неравенства и социальных противоречий в башкирском обществе.

Однако большинство торговых операций находилось в руках русского купечества. Народные массы не имели непосредственной связи с торговыми центрами. На местах преобладал меновый характер

торговли. В 70–80-х годах XVIII века во всей губернии среди купцов I и II гильдий не было ни одного нерусского купца. В числе 23 оренбургских купцов III гильдии также не было нерусских, из 11 мензелинских купцов III гильдии был лишь 1 татарин, а из 8 бугульминских – 2 татарских купца[1].

Социальные отношения. Экономические сдвиги в крае способствовали углублению имущественного неравенства и социальной дифференциации башкирского общества. Неравномерный уровень хозяйственного развития обусловливал и особенности социальных отношений в отдельных районах края.

Основными средствами производства у башкир в XVIII веке были земля и скот. Земля являлась собственностью общины, ее нельзя было продать, изъять, купить, закладывать, передать по наследству. Верховным сюзереном всей земли башкир юридически считался русский царь, но фактически по жалованным грамотам вотчинными владельцами земель выступала башкирская община.

В XVI–XVIII веках шел длительный процесс разложения общинно-родового строя и перехода башкир к феодализму. Отдельные земельные угодья: пашни, бортные угодья, бобровые гоны, мельничные места постепенно переходили в личное пользование, что создавало условия для выхода их из рамок общинного землевладения, для неравномерного пользования общинными землями и постепенной узурпацией феодалами общинных земель. Подобные факты ломки общинно-родового строя особенно часто встречались в земледельческой зоне Башкирии.

В зоне полукочевого скотоводства наряду с землей основные средства составлял скот, который играл серьезную роль в определении экономической мощи и политической власти различных групп башкирских феодалов. Большое количество скота требовало и больших размеров пастбищ. При наличии административной власти у башкирских феодалов во время распределения пастбищ и кочевых мест лучшие земли оказывались в их руках. Но в отличие от земледельческой зоны феодальная узурпация общинных земель в этом регионе была более завуалирована патриархально-родовыми пережитками.

---

[1] РГАДА. Ф. 210. Кн. 251. Л. 69 и об., 232; Ф.342. Оп.1. Д. 109/11. Л. 290–292; Архив СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 495. Л. 57–59 об.

Трудовое население башкир состояло из свободных рядовых общинников, туснаков (кабально-зависимые) и ясырей (рабы-пленники). К 70-м годам XVIII века ясыри не занимали сколько-нибудь заметного места в обществе. Институт туснаков по мере углубления социальных отношений приобретал формы традиционной феодальной эксплуатации. В районах земледелия рядовые общинники являлись оседлыми земледельцами, в районах юго-восточных степей – полукочевыми скотоводами-пастухами, в горных районах Уральского хребта – охотниками, в центральной Башкирии – полуоседлыми земледельцами-скотоводами.

Феодальную верхушку башкирского общества в середине XVIII века представляли тарханы, старшины, сотники, высшие слои мусульманского духовенства. К этому времени в составе и положении феодально-старшинской верхушки происходили заметные изменения. Тарханы сохраняли привилегии при распределении пашенных земель, сенных покосов, пастбищ и других угодий, но замена ясака с башкир обязательной покупкой казенной соли в 1754 году лишала их ряда преимуществ над рядовыми общинниками. Кроме того, в 40–60-х годах жалование башкирских феодалов тарханными грамотами значительно сократилось. Исчезла сословная категория «батыры». Реализация указа от 11 февраля 1739 года значительно ограничила привилегии старшин и верхушки мусульманского духовенства.

В середине XVIII века феодализирующаяся башкирская знать умело использовала такие патриархально-родовые традиции, как «hауын» (сдача скота на выпас за пользование молоком), «эмэ» (коллективная помощь), «аш» (угощение) для превращения их в своеобразную повинность в пользу феодалов[1]. Но по мере перехода к оседлости и земледелию эти традиционные формы уже не соответствовали требованиям формирующихся феодальных отношений. На смену им приходят формы типично феодальной эксплуатации, что особенно ярко выступает в зоне оседлого земледелия: на Казанской и Осинской дорогах.

Рядовые башкиры-общинники постепенно попадали в зависимость от «своих» феодалов, как правило, за долги, становились «туснаками». Долговая кабала в Башкирии во второй половине XVIII века

[1] *Кузеев Р.Г.* Очерки исторической этнографии башкир. Уфа, 1957. С. 168–174.

была самой распространенной формой закалебания рядовых башкир и других нерусских трудовых масс. Должник обязан был выполнять различную работу в течение нескольких лет, жить со своей семьей у кредитора, безоговорочно подчиняться ему и членам его семьи. Бывали случаи, когда должник отдавал за долг жену, сына или родственников на отработку на определенный срок или бессрочно. Кредитор мог подвергать их телесному наказанию, продавать, выдавать замуж или женить. При этом должник не имел права жаловаться[1]. По существу это была продажа за долг.

Нередко феодалы-кредиторы нарушали условия договора о сроках отработки, стремясь к сохранению своего господства над должником. Так, в 1756 году мариец деревни Младышевой Осинской дороги Киязь Токмордин задолжал мишарю Мустакею Сулейманову 55 рублей 45 копеек. Свой долг вместе со своей женой и 16-летней дочерью они отрабатывали кредитору в течение 2 лет. Кроме того, Токмордин за Сулейманова в течение полгода отбывал линейную службу. Но кредитор не засчитывал отработку, не принимал возвращенного долга, а требовал дальнейшей отработки без определенного срока. Токмордин вынужден был бежать и скрываться от властей. Башкир деревни Тавовой Казанской дороги Уразбай Емалов за долг в сумме 35 рублей работал вместе с женой, двумя сыновьями и двумя дочерьми у башкира Сибирской дороги Акбура Баишева неопределенное время. Тем не менее кредитор жаловался в Уфимскую провинциальную канцелярию на Емалова за неуплату долга[2].

К одному и тому же кредитору-феодалу в долговую кабалу попадали представители трудовых низов различных этнических групп. У старшины Каршинской волости Ахмера Шарипова в списке должников были башкиры, мишари, чуваши, марийцы, ясачные татары. У башкира Казанской дороги Акая Зюбеирова из 26 должников были 24 башкира, 1 татарин и 1 мариец. На главного старшину Казанской дороги Шарипа Мрякова жаловались целые волости башкир, мишарей, татар. Он насильно отбирал у мишарей мельницы, не делился с общинниками собранным ясаком, осуществлял незаконные поборы, отбирал лошадей, коров, верблюдов и т.д. Сотник Гайнинской

[1] Материалы. Т.IV. Ч. 1. С. 312.

[2] РГАДА. Ф. 452. Оп. 2. Д. 4, 19, 23 и др.

волости Иманай Смагилов собирал с общинников деньги, обещая освободить их от ямской и почтовой гоньбы, присваивал полученные у казны деньги за сданные в армейскую часть фураж и сено. Вторично он собирал с населения по 57 копеек со двора «неизвестно для чего». Сотник Киргизской волости Уразай Ибраев без согласия мирских людей сдал в аренду каракулинским дворцовым крестьянам общинное озеро, а оброчные деньги присвоил[1].

Много башкир в ходе подавления башкирских восстаний 1730–1740-х годов было роздано русским дворянам, офицерам и чиновникам, мишарским старшинам, татарским мурзам и князьям, которые принимали активное участие в подавлении движения. Пленных башкир крестили и давали русские имена, эксплуатировали в качестве дворовой челяди, продавали в долговую кабалу помещикам, офицерам, купцам, заводовладельцам, канцелярским служителям[2].

Таким образом, к 70-м годам XVIII века наблюдалось заметное развитие у башкир земледелия, скотоводства, охоты, бортничества и рыболовства, лесных промыслов, дальнейшее расширение торговли. Постепенно складывались и развивались хозяйственные связи между башкирами, русскими крестьянами и трудовыми массами нерусского пришлого населения.

Развитие производительных сил способствовало дальнейшему углублению социальных отношений. Шел процесс перехода башкирского общества от полукочевого скотоводства к оседлому земледелию, от патриархально-родового строя к феодальному. Степень и темпы этого перехода в разных регионах Башкортостана была различной: наиболее развитые социальные отношения были в земледельческой зоне, слабые – в зоне полукочевого скотоводства.

Политика царского правительства. В середине 50-х годов XVI века башкиры добровольно приняли подданство Русского государства с условием сохранения их вотчинных прав на землю, внутреннего самоуправления и вероисповедания. В течение XVI–XVII веков царское правительство в целом выдержало эти условия. Экономический подъем в России в первой половине XVIII века, развитие

---

[1] РГАДА. Ф. 452. Оп. 2. Д. 4, 44, 51; Материалы. Т. III. С. 325, 500, 557–559, 575; Т. IV. Ч. 1. С. 283, 263.

[2] Материалы. Т. III. С. 416–423, 440–446, 476–485, 523; Т. IV. Ч. 1. С. 59–61, 279, 373–374.

феодализма вглубь и вширь, рост расходов казны в связи с тяжелыми и продолжительными войнами со Швецией и Турцией, задачи дальнейшего укрепления феодального государства – все это требовало более интенсивного использования людских и богатых природных ресурсов Башкортостана. Некоторые дальновидные представители царской администрации теоретически обосновывали эту необходимость. Для укрепления позиции России предлагалось построить в крае линии крепостей, широко использовать башкир в военных походах, усилить национальный антагонизм между башкирами и их припущенниками, увеличить приток русского населения, развивать земледелие и горнозаводскую промышленность.

30-е годы XVIII века были определенным рубежом в политике царского правительства в Башкортостане. По указу Правительствующего Сената от 11 февраля 1736 года башкиры подвергались жестокому наказанию за участие в восстании: казнь вождей восстания, массовая ссылка и раздача дворянам его активных участников и колоссальный штраф лошадьми со всего башкирского населения. Желая исключить возможность повторения новых башкирских восстаний, было решено изменить взаимоотношения башкир с их припущенниками, перестроить систему управления краем и усилить приток русского населения. Русским дворянам, офицерам, заводовладельцам, купцам и мишарям разрешалось покупать башкирские земли, что привело к массовому расхищению земли у башкир[1].

За 30–60-е годы XVIII века на территории Башкортостана было построено 114 крепостей, острогов, форпостов и редутов. Основная масса крепостей была построена по южной, юго-восточной и восточной границам, часть – по Новой Закамской линии и внутри Башкирии. Они выполняли не только оборонительные, но и административно-полицейские функции по отношению к коренному народу Башкортостана.

Строительство крепостей привело к изъятию у башкир огромных площадей вотчинных владений, сенных покосов, кочевых мест и пастбищ в бассейнах рек. Земли под крепости отводились по норме «двух двадцати верст в жилую сторону» и в 35 верст в степную сторону. На деле размеры отводимых под крепости площадей намного

[1] Полное собрание законов Российской империи. Т. IX. № 6889; Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептярях и бобылях. Уфа: Китап, 1999. С. 143–171.

превосходили эту норму. Башкиры Исетской провинции в наказе в Уложенную комиссию 1776 года жаловались, что под крепости «чрезвычайно великие окружности из наших земель захвачены, и мы, бедный народ, беззаконно своих древних выгодностей лишаемся и в сущую бедность и недостаток приходим, ибо башкирского нашего народа главное к пропитанию своему содержание звероловство и удобство кочующих мест состоит»[1]. Под крепости попадали также земли припущенных мишарей, татар, русских крестьян. В XVIII веке под крепости было отведено 4 138 881 десятина земли, что составляло 13,2 % всей территории края[2].

Разрешение на покупку башкирских земель привело к интенсивному росту дворянского землевладения в крае. Дворянская колонизация Башкортостана началась еще в XVI веке, но массовое расхищение башкирских вотчинных земель началось после издания указа 11 февраля 1736 года. Всего в Башкортостане в конце XVIII века насчитывалось 2 429 547 десятин помещичьих земель, что составляло 7,8 % всей территории края. Помещичье землевладение распространялось в трех направлениях: в центре – от Уфы на юг, север и запад вдоль бассейнов рек Белой, Уфы и Демы; на западе – со стороны Казанской губернии и с юго-запада – со стороны Саратовской губернии, т.е. с Поволжья. Поэтому наибольшее распространение оно получило в юго-западных, западных и центральных волостях.

Строительство горных заводов и разработка рудников также сопровождалось изъятием огромных земельных и лесных массивов у коренного населения края. Всего под заводы было отведено 3 766 659 десятин земли, что составляло 11,9 % территории края. Особенно много земель было изъято под заводы в восточных и северных волостях. Основная масса земель была захвачена за 15–20 предвоенных лет, что особенно чувствительно отразилось в экономическом положении коренного населения и вызвало бурный протест. Так, под Благовещенский, Симский, Юрюзанский, Катав-Ивановский и Усть-Катавский заводы, построенные в 1755–1759 годах, было

---

[1] РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 109. Ч.11. Л. 269 об.; *Кулбахтин И.Н., Кулбахтин Н.М.* Наказы народов Башкортостана в Уложенную комиссию 1767–1768 гг. Уфа: Китап, 2005. С. 120.

[2] *Кулбахтин Н.М.* Участие башкирского народа в Крестьянской войне 1773–1775 гг. С. 24.

отведено 606 411 десятин земли, в том числе 47 787 десятин пашни и сенных покосов. В результате башкиры Чуби-Минской, Трухменской и Шайтан-Кудейской волостей в течение 4–5 лет потеряли 28,6 % своих земельных угодий[1].

Огромные вотчинные земли башкир были захачены дворянскими и канцелярскими чиновниками. Изъятие земель помещиками и заводовладельцами прикрывалось формальной покупкой. Как правило, границы продаваемых участков определялись нечетко, что позволяло покупателям прибегать во время оформления договорных писем к мошенничеству, обману. Башкиры в своих наказах в Уложенную комиссию жаловались на заводовладельцев, что те, воспользовавшись их неграмотностью, составляют фальшивые договора со включением совсем других меж и при спорах не показывают действительных договорных писем; что договорные письма составляются без согласия всей волости, а только «с малыми людьми». Сохранилось множество документов, красноречиво свидетельствующих о наглом грабеже земельных массивов у башкир и других нерусских народов Башкортостана. Так, Ревдинскому заводу было отведено земли «в 30 верст кругом завода», а фактический отвод оказался в «79 верст в округе». Мясников и Твердышев для Белорецкого завода купили 300 тысяч десятин сортового леса за 300 рублей. Таким образом, цена одной десятины «купленной» у башкир земли для заводовладельцев составляла 1/10 копеек[2].

Для той части башкир, у которых основным занятием продолжали оставаться полукочевое скотоводство, бортничесво и охота, потеря огромных земельных и лесных массивов приводило к большим хозяйственным затруднениям. Они теряли свои кочевья, пастбища, борти и охотничьи места. В своих наказах они писали: «нашего башкирского народа большой промысел в лесу и звероловстве состоит» и просили в отведенных под заводы землях бортевыми деревьями, сенными покосами и пахотными землями владеть им «беспрепятственно, ... поскольку они по договорным письмам выговорены к своему владению»[3]. Но на деле башкиры лишались их. Под горные

[1] *Кулбахтин Н.М.* Указ. соч. С. 24–25.

[2] Очерки по истории Башкирской АССР. Т.I. Ч. 1. С. 209.

[3] РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 109. Ч. 11. Л. 179 об., 269.

заводы и дворянские латифундии попадали также земли припущенников, казаков, русских крестьян, что объединяло их интересы, цели и задачи в общей борьбе против помещиков, заводовладельцев и феодального государства[1].

Указ от 11 февраля 1736 года имел глубокие последствия во взаимоотношениях башкир с их припущенниками. За участие в подавлении башкирских восстаний 30-х годов XVIII века мишарям разрешалось безоброчно жить на башкирских землях. Служилые татары, тептяри и бобыли, принявшие сторону правительства, также освобождались от уплаты оброка башкирам, что на деле означало конфискацию части вотчинных земель башкир. Мишари, получив право на безоброчное владение башкирскими землями, стали самовольно переселяться на новые места. В наказе во Уложенную комиссию башкиры писали, что многие мишари и служилые татары «с того 1736 года на третье или четвертое место уже переезжают»[2]. От уплаты оброка башкирам фактически отказались все припущенники, в том числе и те, которые переселялись на территорию Башкирии после издания указа 11 февраля 1736 года и на которых его положения не распространялись. Башкиры, опираясь на свои вотчинные права, продолжали претендовать на получение оброка с припущенников. Взаимоотношения между ними обострялись. Начались бесконечные земельные тяжбы. Особенно острая борьба между башкирами и их припущенниками развернулась на Казанской и Осинской дорогах[3]. Попытка правительства «уточнить» указ, что якобы конфискации подлежат земли только «бунтовавших банкир», еще более запутала дело, ибо земля у башкир была общинной собственностью и выделить отдельные земли «бунтовщиков» оказалось практически невозможным. Вследствие этого как башкиры, так и припущенники оказались недовольными земельной политикой царизма в крае.

Середина XVIII века характерна усилением вмешательства царского правительства в дела внутреннего самоуправления башкирского

---

[1] РГАДА. Ф. 9. Д . 95. Ч. 2. Л. 319–320. Ф. 199. Д. 515. Ч. 2. Л. 80–84; Ф. 342. Оп. 1. Д. 109. Ч.11. Л. 228 об. – 229 об.; Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1889; Материалы. Ч. 1. С. 21; Т. III. С. 560, 564, 568–576; Т. IV. Ч. 2. С. 43–49.

[2] РГАДА. Ф. 342. Оп.1. Д. 109. Ч.11. Л. 205 об., 228 об.

[3] Там же. Л. 208, 250; Ф. 429. Оп. 1. Д. 65; Ф. 452. Оп. 2. Д. 11, 17, 60, 61; Ф.1090. Оп. 1. Д. 1165–1169, 1171–1176, 1188–1190.

общества. Согласно положениям указа от 11 февраля 1736 года, наследственные старшины были заменены выборными, последние значительно ограничивались в своих правах и полномочиях и полностью подчинялись провинциальным канцеляриям. К ним были приставлены мишарские писари для контроля за их действиями. Значительно сократилась численность мусульманского духовенства, урезались их права. Разрешался только съезд башкирских старшин один раз в году, башкирам запретили носить оружие, иметь кузницы, ограничилась свобода передвижения[1].

В 30–60-х годах XVIII века значительные изменения претерпевали формы обложения и повинностей, что привело к серьезному увеличению размеров налогов со всех категорий трудового населения. В результате замены у башкир и мишарей ясака казенной соляной монополией в 1754 году прибыль казны с этих народов увеличилась примерно в 16 раз. Общие размеры налогов со всех категорий населения только в 1743–1751 годах возросли в 10 раз[2].

Налоговое обложение нерусских народов нередко сопровождалось злоупотреблениями местных властей и грубыми ошибками во время переписей. Так, по материалам II и III ревизий многие мишари и служилые татары оказались ясачными татарами, башкиры Казанской дороги – тептярями. По III ревизии башкиры Калмыкской и Сартской волостей были записаны в податное сословие[3]. Трудовые массы страдали от частых незаконных поборов: «подарков» и взяток. Так, переводчиками Оренбургской губернской канцелярии Романом Уразлиным и Шафием Болтаевым в 40-х годах было собрано «в плутовские руки» 79 123 рубля денег, 3 123 лошади и 409 человек[4]. Множество документов говорят о таких злоупотреблениях со стороны помещиков и офицеров, представителей местной администрации.

Росла тяжесть пограничной службы башкир, мишарей и служилых татар. Если в первой половине XVIII века на линейную службу каждое лето наряжались 1500 башкир, то к 70-м годам нормой стало 2500 человек (по одному человеку с каждых восьми дворов). Миша-

[1] Полное собрание законов Российской империи. Т. IX. № 6889

[2] *Чулошников А.П.* Восстание 1755 г. в Башкирии. М.; Л., 1940. С. 47–48.

[3] Научный архив УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 33. Л. 17–64.

[4] Материалы. Т. IV. Ч. 2. С. 415–416.

ри и служилые татары жаловались, что с них берут людей «в два раза больше прежнего». Они службу несли за свой счет, «каждый о дву конь», со своим снаряжением, без жалованья, часто терпели обиды со стороны комендантов крепостей и русских командиров. Башкиры принимали участие в частых войнах и походах России в составе регулярной армии. Только в годы Русско-Турецкой войны 1768–1774 годов в Башкортостане было проведено 8 рекрутских наборов среди башкир для несения горнизонной службы во внутренних городах России. Мобилизация 3-х тысяч башкир в 1770 году для подавления восстания польских конфедератов и объявления новых наборов вызвали сильное брожение среди коренного населения края[1].

Таким образом, военная служба для башкир, мишарей и служилых татар была одной из самых тяжелых повинностей и вызывала их острое недовольство. Но вместе с тем она способствовала становлению и укреплению дружеских связей этих народов с казаками и русскими солдатами, обучала военному искусству. Многие башкиры, мишари и служилые татары южных волостей Башкирии проживали среди казаков, несли постоянную казачью службу и входили в состав Войска Яицкого.

Тептяри и бобыли несли трудовую повинность при строительстве Уфы, Оренбурга, Стерлитамака и крепостей. Они наряжали «с шести дворов по человеку о дву конь с конскою упряжею на своем коште» в летнее и зимнее время. Тяжелым бременем ложились на плечи трудового населения ямская повинность, подворные постои и другие повинности.

Социально-экономическое развитие башкирского общества, усиление эксплуатации трудовых слоев края со стороны феодально-крепостнического государства, русских и «своих» феодалов привело к росту социальных и национальных противоречий, углублению недовольства населения Башкортостана политикой правительства Екатерины II. В 1765 году за «сквернословие на имя императрицы» был публично наказан и сослан в Нерчинск башкир Зайсан Юсупов. В 1772 году за «дерзкие слова», высказанные юным Салаватом в адрес Екатерины II, Юлай Азналин и Салават Юлаев несколько месяцев

[1] РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 109. Ч. 11. Л. 197–200, 221 об.–222 об., 234, 237 об., 238, 256 и об.; *Николаенко А.П.* Башкирия перед восстанием Пугачева // Сборник Государственного музея революции СССР. Т. 1. М., 1947. С. 113

содержались в уфимской тюрьме и подвергались денежнему штрафу в размере 600 рублей[1].

В целом Башкортостан к 70-м годам XVIII века стала узлом экономических, социальных и национальных противоречий. Край напоминал пороховую бочку. Достаточно было искорки, чтобы она взорвалась. Такой искрой оказалось появление самозваного «императора Петра III» – беглого донского казака Емельяна Пугачева, с лозунгом «Дарую вам землю и волю!», и произошел социальный взрыв, который мгновенно перерос в грандиозную крестьянскую войну.

Башкортостан имел чрезвычайно пестрый этнический и сословный состав населения и сложные взаимоотношения между ними. Ф. Энгельс писал, что в эпоху феодализма в условиях сложной классовой и сословной структуры общества нужды, интересы и требования одного сословия, поднявшегося на борьбу с феодальными порядками, не совпадали с нуждами, интересами и требованиями других сословий, также страдавших от наступления крепостников. Они не могли объединиться для совместных действий и «становились друг другу поперек дороги», так как каждое из сословий приходило «в столкновение не только с консервативными, но и со всеми остальными оппозиционными сословиями»[2]. Однако многовековое совместное проживание башкир, русских крестьян и нерусских припущенников на общей территории, общий гнет со стороны помещиков и заводовладельцев, которых поддерживало феодальное государство, способствовало взаимной интеграции и адаптации в совместной борьбе против общего врага.

[1] *Николаенко А.П.* Указ. соч. С. 113.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Изд. 2-е. Т. 7. С. 435.

Глава 2. Факторы и формы массового участия башкир в Крестьянской войне 1773–1775 годов

Распространение Крестьянской войны на территории Башкортостана. Для башкир и других народов края, входивших в состав Войска Яицкого и проживавших среди яицких казаков, слухи о появлении «мужицкого» царя Петра Федоровича – Пугачева – были известны еще до начала самого восстания. Уже на третий день пребывания Е.И. Пугачева на реке Усихе к нему приехал отставной яицкий казак из башкир Идеркай Баймеков для уточнения сведений, точно ли находится здесь сам государь и верно ли обещает народам землю и волю[1].

Во внутренних волостях Башкортостана известие о начавшемся восстании доходило до населения по слухам, распространившимся среди народных масс. Из деревни в деревню, из уст в уста передавались слухи о появлении «государя Петра III» и его намерениях освободить «своих подданных» от господ. Так, приписные крестьяне Авзяно-Петровских заводов, возвращаясь к себе домой в Казанский уезд, на всем протяжении пути через Башкортостан распространяли слухи о «царе-надежде»[2]. Об эффективности работы «народного телеграфа» в начальном периоде Крестьянской войны свидетельствуют показания на следствии многих участников.

Распространению слуха о начале восстания на Яике способствовала и сама местная царская администрация. 24 сентября 1773 года Оренбургский губернатор генерал-поручик И.А. Рейнсдорп послал старшине Сеитовской татарской слободы Абдул-Рафику Абдуллину письмо с требованием нарядить отряд из годных к военной службе торговых татар в 300 человек и «содержать в совершенной готовности, так как скоро они востребуются, то б в два часа сюда ко мне отправлены быть могли»[3]. 25 сентября Рейнсдорп послал указ «верным» старшинам и сотникам южных башкирских волостей, где они

---

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 508. Ч. 3. Л. 192.

[2] *Алишев С.Х.* Татары Среднего Поволжья в Пугачевском восстании. Казань, 1973. С. 9.

[3] Архив СПбИИ РАН. Ф.113. Д.60. Л.112 об.

призывались оказать помощь в поимке Пугачева. Обещалось вознаграждение за пойманного живого Пугачева – 500, за мертвого – 250 рублей. Размеры за поимку Пугачева к августу 1774 года выросли до 30 тысяч рублей[1]. В тот же день «верный» мишарский старшина, почтовый комиссар Уфимской провинции Мендей Тупеев был отправлен в Башкортостан с поручением доставить указ башкирским старшинам Ногайской дороги. Он должен был собрать из «лучших» людей башкир отряд в 500 человек и отправить к Яицкому и Илецкому городкам для поимки Пугачева. 28 сентября Мендей Тупеев информировал, что он по волостям Ногайской дороги послал нарочных с указом губернатора, и что в течение трех суток старшины и сотники указанных волостей будут приведены в готовность отправиться в назначенное место во всякой исправности. Видимо, указ И.А. Рейнсдорпа от 25 сентября был не единственный, так как в ответном письме Мендея Тупеева говорится о повелении, «присланном... через русского казака» с указанием «вторично их же башкирцов со излишеством выслать»[2]. 26 сентября И.А. Рейнсдорп сообщил о начавшемся восстании уфимскому воеводе А.Н. Борисову с указанием принять необходимые меры предосторожности на случай вторжения повстанческих сил на территорию Уфимской провинции. Были посланы указы также в Исетскую провинциальную канцелярию, в крепости Яицкой и Уйской укрепленных линий. Из провинциальных канцелярий в волости отправлялись представители местной царской администрации для оглашения указа губернатора[3]. Таким образом, народные массы повсеместно получали информацию о событиях под Оренбургом, о появлении Пугачева и начале восстания.

Наиболее значительным по своим масштабам и результатам каналом для информации и мобилизации населения на борьбу была деятельность Ставки повстанческой армии. Большую роль в развертывании агитационной работы среди башкир с призывом прийти в повстанческую армию в самом начале восстания сыграл Идеркай Баймеков. Немолодой отставной казак, он обладал большим жизненным опытом. Умный, решительный и смелый Идеркай хорошо знал

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 25–26.

[2] Архив СПбИИ РАН. Ф.113. Д.60. Л.113 и об., 115.

[3] РГАДА. Ф. 1100. Д. 2. Л. 1, 115, 128.

нужды и чаяния не только казаков, среди которых он жил, но и русских крестьян, башкир, татар, казахов. По его совету, поддержанному И. Зарубиным и И. Почиталиным, Пугачев поехал с Усихи в Бударинские зимовья, на хутор Толкачевых.

Идеркай принимал непосредственное участие в ведении переговоров повстанческого штаба с казахами, башкирами, татарами, калмыками и другими нерусскими народами региона. Он был инициатором составления письма хану Младшего казахского жуза Нурали, обращения к башкирам и сам повез манифест Пугачева к Кинзе Арсланову. В последний раз он упоминается в документах летом 1774 года, когда из станицы Дубовской под Царицыном он вместе с яицким казаком Алексеевым ходил к тайше волжских калмыков Цендену-Дорже и склонил его к «государю»[1].

Слухи о появлении Пугачева на Яике и начале восстания застали башкир и другие народы внутренних волостей Башкортостана в тревоге, с определенной настороженностью. Тем более, что местные царские власти обратились к башкирам раньше, чем Ставка повстанческой армии. Колебалась и старшинская верхушка. Например, старшина Суун-Кыпсакской волости Ямансары Япаров еще 28 сентября был готов со своей командой в 300 человек прийти на помощь к Яицкому городку для поимки Пугачева, а через 10 дней со своей командой пришел в Бердский лагерь. Алибай Мурзагулов, близкий друг Кинзи, вел с ним переписку, но в то же время в качестве помощника командира принимал участие в комплектовании Стерлитамакского башкиро-мишарского сводного карательного корпуса. Старшина Бурзянской волости Трухмен Янсаитов дожидался «личного приглашения государя». Таких фактов колебания башкирских старшин можно привести множество. Воспользовавшись этим колебанием рядовых масс и старшинской верхушки, Мендею Тупееву и башкирским старшинам Кулую Балтачеву и Юсупу Надырову в последние дни сентября – первой половине октября в южных волостях Ногайской дороги удалось мобилизовать в карательные команды около 5 тысяч башкир. Кроме того, воевода Исетской провинции А.П. Веревкин набрал и отправил в Троицкую крепость 4800 башкир, набранных в девяти волостях этой провинции.

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 509. Л. 486 об.; Д. 512. Ч. 1. Л. 259 об.; Ч. II. Л. 151.

Помощник уфимского воеводы П.Н. Богданов и капитан И.Г. Ураков в Стерлитамакской пристани сформировали сводный башкиромишарский карательный корпус в 2500 человек. В корпусе генерал-майора Ф.Ю. Фреймана, действующего на Ново-Московской дороге, было 1235 башкир. Около тысячи башкир, переведенных из действующей армии и набранных в селениях вдоль Ново-Московской дороги, было в корпусе первого командующего карательными силами генерал-майора В.А. Кара[1]. Таким образом, за короткий срок военным и административным властям и «верным» старшинам удалось мобилизовать в карательные команды около 10–12 тысяч башкир. В таких условиях развернулась агитационная деятельность Кинзи Арсланова.

С приходом в Ставку Е.И. Пугачева Кинзи Арсланова агитационная работа особо мощно развернулась. Кинзя Арсланов, один из влиятельнейших старшин Ногайской дороги, направил свою делегацию к Пугачеву с целью проведать о «государе Петре Федоровиче» и при возможности привезти от него манифест. Делегация в количестве 6 человек во главе с его племянником Кутлугильде Абдрахмановым прибыла в Ставку Пугачева в Каргалинскую слободу 30 сентября. Делегация объявила от имени Кинзи Арсланова об усердии служить «государю», что «вся их башкирская орда, буде он пошлет к ним свой указ, приклонится к нему». 1 октября в Каргалах в Ставке повстанческой армии был составлен именной указ Пугачева башкирскому народу. При составлении указа, кроме самого «государя», были его ближайшие соратники из казаков И.Н. Зарубин-Чика и А.А. Овчинников. Указ был написан «писцом татарского языка», приемным сыном Идеркая Баймекова Болтаем Идеркаевым. Судя по содержанию трех хранившихся в архивах переводов, было написано три экземпляра указа идентичного содержания, что подтверждается показаниями Болтая на следствии. Нет сомнения, что указ был составлен при непосредственном участии Идеркая Баймекова и Кутлугильде Абдрахманова. Именно об этом говорит глубокое отражение в нем нужд и чаяний башкирского народа, его требований и интересов. Один из трех экземпляров указа был адресован Алибаю Мурзагулову, старшине Кыркуйли-Минской волости, исполнявшему функции главного старшины Ногайской дороги. Зная огромную популярность

[1] РГАДА. Ф. 1100. Д. 3. Л. 34–36, 41 и об.

Алибая Мурзагулова среди башкир этой дороги, такой вариант могли предложить только близкие люди Кинзи Арсланова. Указ Алибаю Мурзагулову был отправлен через муллу деревни Айсувак Якшея. Другой экземпляр указа был послан Кинзе Арсланову, третий – Кутлугильде забрал себе. Вместе с делегацией к Кинзе Арсланову Пугачев послал, видимо, для переговоров, Идеркая Баймекова[1]. Опытный предводитель башкирского народа, умный, энергичный, пользовавшийся широкой популярностью не только на Ногайской дороге, воспитанный в традициях восстаний башкир 30-х и 50-х годов XVIII века, Кинзя Арсланов сразу по прибытии в Берду вошел в близкий круг сподвижников Пугачева. Последний присвоил ему чин главного полковника и назначил атаманом башкирского полка. Все вновь прибывавшие башкирские отряды должны были поступать под его командование. Он представлял командиров этих отрядов Пугачеву, во время аудиенций выполнял функции переводчика. Хорошо владеющий русским языком, обученный русской и тюркской грамоте, он сам составлял письма и обращения к башкирскому народу и отдельным старшинам. В деле развертывания агитации и мобилизации повстанческих сил Кинзя Арсланов широко использовал обширный круг друзей и знакомых. В качестве агитаторов он направлял в башкирские волости наиболее надежных своих соратников, среди которых были его сын Селяусин и племянник Кутлугильде. Из вверенного ему «башкирского полка» он подбирал способных организаторов и военных предводителей, под своим руководством испытывал их в сражениях и канцелярских делах, а затем вместе с Пугачевым, присвоив звание, отправлял их с манифестами «государя Петра Федоровича» во внутренние волости Башкортостана для мобилизации населения в повстанческую армию. Именно такую школу прошли выдающиеся предводители восставших народов края Салават Юлаев, Каскын Самаров, Канзафар Усаев. Получившие чин полковника из собственных рук «государя», они располагали особой привилегией и широкими полномочиями на местах.

В октябре 1773 года основным районом деятельности эмиссаров Е.И. Пугачева и Кинзи Арсланова была территория между Оренбургом и Уфой. В ноябре они появились в районе Уфы, на Сибирской

[1] Допрос Е.И. Пугачева в Тайной экспедиции в Москве в 1774–1775 гг. // Красный архив. 1935. № 2–3 (68–70). С. 198.

и Казанской дорогах, в северных волостях Уфимской и в Исетской провинции. Представители военной и гражданской администрации в своих рапортах и переписке жаловались, что агенты Кинзи Арсланова действуют энергично и совершенно неуловимы для карателей: они пользовались активной поддержкой населения, их всюду охотно принимали и скрывали от властей.

Полномочия Кинзи Арсланова не ограничивались только командованием «башкирским полком» и организацией агитации среди башкир Ногайской дороги. Под его началом находились и представители других нерусских народов Башкортостана: мишари, татары, мари и др. Так, один из крупнейших предводителей Крестьянской войны, мишарский сотник деревни Бузовьязы Канзафар Усаев свою службу в повстанческой армии начал с должности писаря при Кинзе Арсланове, был представлен им «государю», затем в чине полковника отправлен в северные волости Уфимской провинции для организации движения. В июне 1774 года мулла деревни Янгуловой Арского уезда Казанской губернии Абдрахман Хасанов с двумя товарищами возвращались домой с билетами, выданными Кинзей Арслановым. Сохранились сведения, что он посылал своих людей и в Ставропольскую провинцию к калмыкам[1].

В результате работы агитаторов Пугачева и Кинзи Арсланова, под влиянием первых побед повстанческой армии над корпусами бригадира Х.Х. Билова, полковника П.М. Чернышева и генерала В.А. Кара резко изменилось настроение трудовых масс Башкортостана. Уже в первой половине октября наметилось «генеральное колебание» и начало массового перехода башкир на сторону восставших. И.А. Рейнсдорп вынужден был отказаться формировать карательные команды из башкир и повелел «быть им в доме от того злодея во всякой осторожности». В результате непродолжительных колебаний башкиры перешли в готовность включиться в борьбу под знаменем «государя». Из многих мест Башкортостана к И.А. Рейнсдорпу стали поступать сообщения о ненадежности башкир и возможности их перехода ко «всеобщему возмущению». О тревожном положении в центральных волостях края сообщали комендант города Уфы полковник С.С. Мясоедов, уфимский воевода полковник А.Н. Борисов и его товарищ П.Н. Богданов. Командующие Озерной и Троицкой дистанций

[1] РГАДА. Ф.6. Д. 593. Л. 30.

бригадиры А.И. Корф и А.А. Фейервар, коменданты Верхне-Яицкой, Верхне-Озерной и Кизильской крепостей полковники Е.А. Ступишин и О.Х. Демарин, секунд-майоры П. Демидов и Ф. Беенке, командующий Сибирской пограничной линией генерал-поручик И.А. Деколонг, его помощник генерал-майор С.К. Станиславский и другие военные чиновники рапортовали о «генеральном возмущении» башкир и заводских крестьян в юго-восточной части Башкортостана, об «отложении» башкирских волостей «от Оренбурга до Трухменского старшины», об отказе башкир идти в состав карательных команд к Оренбургу, снабжать их фуражом и подводами, что башкиры бегут из карательных команд и целыми отрядами уходят в неизвестном направлении. Это вынудило А.И. Корфа отказаться идти на помощь осажденному Оренбургу и заняться усмирением башкир по Троицкой линии[1]. Аналогичная картина вырисовывается из сообщенний Исетского воеводы А.П. Веревкина, его товарища В.И. Свербеева и других представителей местной царской администрации Зауральского Башкортостана[2]. По сведениям Казанского губернатора генерал-аншефа Я.Л. Бранта, генералов В.А. Кара и Ф.Ю. Фреймана, в юго-западных волостях Башкортостана трудовые массы под влиянием пугачевских манифестов, распространяемых агитаторами Кинзи Арсланова, стали переходить к восставшим[3].

О роли Кинзи Арсланова в агитации и привлечении башкир на сторону восставших показали на допросе Е.И. Пугачев, И.Н. Зарубин, А.Т. Соколов-Хлопуша, Балтай Идеркаев, И.А. Творогов. Признавали это И.А. Рейнсдорп, Я.Л. Брант, В.А. Кар, И.А. Деколонг, Ф.Ю. Фрейман и другие представители военной и гражданской администрации. Так, генерал В.А. Кар в докладе президенту Военной коллегии З.Г. Чернышеву писал, что башкиры от «злодейских возмутительных писем» Кинзи «в великой колеблимости находятся» и не дают проходить регулярным командам[4].

---

[1] РГАДА. Ф. 1100. Д. 3. Л. 16–17, 34–36, 52, 53; РГВИА. Ф. 20. Д. 1230. Л. 135–138 об.; Крестьянская война на территории Башкирии. С. 30, 33–36, 45–46, 47–49, 51–52, 55–56.

[2] РГАДА. Ф. 1100. Д. 3. Л. 88–91.

[3] Крестьянская война на территории Башкирии. С. 33, 39, 46, 50, 51.

[4] РГАДА.Ф. 1100. Д. 2. Л. 327, 328, 380–380 об.; Д. 3. Л. 104–109; РГВИА. Ф. 20. Д. 1230. Л. 69–70 об., 117–118 об., 178, 179; *Овчинников Р.В.* Следствие и суд над Пугачевым // Вопросы истории. 1966. № 4. С. 117.

Таким образом, в результате энергичной работы агитаторов Ставки и Кинзи Арсланова уже в первой половине октября начался массовый переход башкир из карательных команд в повстанческий лагерь. Башкиры из команды А.П. Веревкина в пути следования из Верхне-Яицкой крепости к осажденному Оренбургу разбежались. Отряды башкирских старшин Юрматинской волости Кусяпкула Азятова и Сайрана Сеитова из Стерлитамакского башкиро-мишарского карательного корпуса, посланные для перехвата крестьян Авзяно-Петровских заводов, отказались «нападать на крестьян» и заявили: если «солдаты на тех крестьян будут стрелять», то они будут колоть солдат, хотели начальника команды отставного секунд-майора Голова арестовать и «отвезти к тому самозванцу». Товарищу Уфимского воеводы П.Н. Богданову в течение двух недель не удавалось отправить со Стерлитамакской пристани 2,5-тысячный башкиро-мишарский карательный корпус к Оренбургу. Он вынужден был разбить корпус на небольшие команды и направить на Авзяно-Петровские заводы, в Табынскую крепость и на Ново-Московскую дорогу. Всего 1272 человека под командой капитана И.Г. Уракова и Алибая Мурзагулова 30 октября отправились через Бугульчан к Оренбургу. 10 ноября 1200 человек вместе с Алибаем Мурзагуловым и Салаватом Юлаевым перешли на сторону восставших и прибыли в Бердский лагерь. Лишь 57 башкир и 20 мишарей из этого отряда во главе с Ураковым и Юсупом Надыровым присоединились к корпусу генерала В.Я. Кара[1].

Мендей Тупеев и его помощники набирали и отправляли к Оренбургу отряд за отрядом. Если в конце сентября Оренбургский губернатор И. А. Рейнсдорп требовал набрать в карательные команды 500 башкир, то 22 октября он послал указ с требованием о мобилизации 5000 башкир. Но эти отряды или перехватывались восставшими, или сами добровольно переходили в Бердский лагерь. Таким образом, действия Мендея Тупеева и его помощников по формированию карательных отрядов из башкир лишь ускоряли процесс вовлечения их в восстание. И.А. Рейнсдорп и «верные» старшины разобрались в этом лишь тогда, когда переход башкир на сторону восставших стал массовым. Башкиры, мобилизованные в карательные отряды, хотели убить Мендея Тупеева и «верных» башкирских старшин.

[1] РГАДА. Ф. 1100. Д. 2. Л. 322–333; Д. 3. Л. 145–146, 149 об.; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 41–43, 47–48.

Мендей Тупеев бежал в Стерлитамакскую пристань, оттуда – в Казань, Кулый Балтачев – в Уфу, а Юсуп Надыров и его 12 приспешников были повешены восставшими башкирами. Не доверяя башкирским старшинам, И.А. Рейнсдорп указом от 23 октября в Уфимскую провинциальную канцелярию потребовал отправлять башкирские отряды в Оренбург «под предводительством тамошних казачьих старшин и казаков». 16 ноября он вынужден был признать, что «собрание их сюда на помощь обращается не иначе во усиление того злодея, который, разведывая, всех их к себе перехватывает», и отказался от намерения использовать башкир в карательных целях[1].

Таким образом, в первой половине октября 1773 года в восстание включились башкиры южных волостей Ногайской дороги. Во второй половине октября Крестьянская война стремительно стала распространяться на территорию внутреннего Башкортостана. От эпицентра она расширялась в следующих направлениях: на северо-восток – вдоль укрепленных линий и далее в Исетскую провинцию: на север – через Воскресенский завод, Стерлитамакскую пристань и Табынскую крепость на Уфу; на северо-запад – вдоль Ново-Московской дороги на Бугульминский дистрикт и на Казанскую губернию. Темпы и формы распространения движения определялись расстоянием от эпицентра восстания, степенью концентрации правительственных войск в данном районе, составом и структурой населения. Оно более энергично развивалось в тех волостях края, где большинство населения составляли обученные к военным действиям казаки и башкиры. Их действия получили активную поддержку со стороны заводских крестьян. Таким регионом Башкортостана были южные и юго-восточные волости Ногайской дороги. Здесь казаки, башкиры и заводские крестьяне составляли от 72 до 90 % населения. Поэтому, несмотря на значительную концентрацию карательных сил – корпусов И.А. Деколонга, С.К. Станиславского, А.А. Корфа, А.А. Фейерверна, сильных гарнизонов Троицкой, Верхне-Яицкой и других крепостей, движение развернулось быстро и в октябре приобрело всеобщий характер. Воздвиженская и другие крепости во второй половине октября находились уже в руках восставших красногорских казаков, русских заводских крестьян, башкир и татар. К середине

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 592. Л. 54; Пугачевщина. Т. 2. С. 85; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 39.

октября башкирские повстанческие отряды появились под Воскресенским, Преображенским, Кано-Никольским, Архангельским, Авзяно-Петровскими и другими южноуральскими заводами, начали нападать на крепости Сакмарской, Озерной и Верхне-Яицкой линий, на Зилаирскую крепость[1]. В юго-западных волостях Башкортостана, где основную массу населения составляли оседлые земледельческие русские крестьяне и нерусские припущенники, для начала восстания характерна была более пассивная форма борьбы: массовое бегство населения от карателей.

Для перехода к открытому вооруженному выступлению народных масс требовался внешний толчок. Таким толчком для заводских крестьян было появление казацких и башкирских повстанческих отрядов. Показательны в этом отношении действия отрядов Каскына Самарова и А.Т. Соколова-Хлопуши. 12 октября Воскресенский завод был занят отрядом походного старшины Тамьянской волости Каскына Самарова. Заводские крестьяне добровольно перешли на сторону восставших. На заводе отряд Каскына Самарова пробыл до 15 октября. За это время в повстанческую армию были мобилизованы около 600 заводских крестьян и работных людей и отправлены в Берду. Туда же Каскын Самаров отправил 14 пушек, 300 ядер, свинец, порох, лопаты и другие шансевые инструменты, заводские деньги в сумме 30 тысяч рублей и хозяйское серебро. С Каргалинского рудника были отправлены 4 пушки, порох, ружья, 50 быков и деньги около 1 тысячи рублей. Каскын Самаров сжег денежные документы, векселя и долговые записки, шнуровые книги, крепостные акты, указы, письма и другие заводские бумаги. По требованию и при активном участии заводских крестьян был сожжен в своем доме их ненавистный приказчик Василий Кулалаев, остальные приказчики и нарядники были арестованы и посажены под караул. Старший приказчик Василий Беспалов, изъявивший желание добровольно перейти на сторону восставших, вместе с обозом под караулом был отправлен в Берду. Были открыты «магазейны» с заводскими припасами, медной посудой и инструментами, заводским людям выдавался хлеб. Для мобилизации в повстанческую армию крестьян Преображенского и Архангельского заводов Каскын Самаров отправил заводского

[1] РГАДА. Ф. 1100. Д. 3. Л, 46–48, 88–91.

крестьянина Исая Рыжикова. После этого он сам отправился в Берду и 18 октября прибыл к Кинзе Арсланову[1].

21 октября Соколов-Хлопуша в сопровождении 12 казаков и 50 башкир вступил в поселок Авзяно-Петровских заводов. 26 октября он вместе с 500 башкирами вывез 2 бомбы, а 300 заводских крестьян повезли в Берду 7 пушек. Аналогичная ситуация складывалась на многих заводах Южного Урала[2].

К середине ноября боевые действия восставших башкир и заводских крестьян перекинулись в районы Стерлитамакской пристани и Табынской крепости. В ночном бою с 18 на 19 ноября сводным отрядом башкир Ногайской дороги под командованием Каскына Самарова штурмом была взята Стерлитамакская пристань[3]. Комендант секунд-майор И.К. Маршилов и другие офицеры бежали в Уфу, гарнизон и жители пристани перешли к восставшим. Оставшуюся часть башкиро-мишарского карательного корпуса в количестве более 850 человек Каскын Самаров отправил в Бердский лагерь. После захвата Стерлитамакской пристани повстанческий отряд башкир приступом взял Табынскую крепость, Богоявленский завод и двинулся в направлении Уфы. Нависла смертельная угроза над административным центром провинции.

Уфа олицетворяла феодальный и национальный гнет для башкир, поэтому стремление последних захватить ее было особенно велико. Комендант Уфы полковник С.С. Мясоедов и уфимский воевода полковник А.Н. Борисов в октябре и первой половине ноября неоднократно обращались к Оренбургскому и Казанскому губернаторам, командующему карательным корпусом В.А. Кару с просьбой прислать для защиты города армейские подразделения, пушки и порох, но каждый раз получали отказ. Не была удовлетворена и их последняя просьба перед осадой Уфы повстанческими отрядами. Генерал Ф.Ю. Фрейман в своем рапорте в Военную коллегию от 21 ноября сообщал о своей несостоятельности оказать помощь Уфе[4].

---

[1] *Мартынов М.Н.* Воскресенский завод в Крестьянской войне 1773–1775 гг. // Исторические записки. 1967. Т. 80. С. 291.

[2] РГАДА. Ф. 6. Д. 467. Л. 25, 46, 78.

[3] Там же.

[4] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 55.

24 ноября 4-тысячный повстанческий отряд восставших башкир, заводских, экономических, государственных и помещичьих крестьян, трудовых масс нерусских народов во главе с Каскыном Самаровым и Каранаем Муратовым подошел к Уфе. Началась многомесячная осада города. В течение двух-трех дней на сторону повстанцев перешло население всех окрестных селений Уфы. В промемории А.Н. Борисова в Исетскую провинциальную канцелярию от 26 ноября 1773 года говорилось о полном окружении Уфы и почти безнадежном ее положении[1]. Однако сильно укрепленный город, располагавший достаточно крупными военными силами и имевший удобное стратегическое положение, решил обороняться.

Во главе повстанческого войска находились башкирские полковники Каскын Самаров, Каранай Муратов, Канбулат Юлдашев, Турай Ишалин, татарин Ибраш Уразбахтин и пятидесятник уфимских казаков И.В. Губанов. Масштабы и значение движения на Ногайской дороге оценили в Ставке повстанческой армии. Для общего руководства боевыми действиями в этом регионе Ставка направила И.Н. Зарубина. 12 декабря он прибыл в село Чесноковку и возглавил осаду Уфы. Образовался Чесноковский центр Крестьянской войны.

Достигнув Уфы, повстанческое движение с головокружительной быстротой стало распространяться на всю территорию Башкортостана. Весть о начале восстания на Яике уже в октябре достигла населения Казанской дороги и вызвала там брожение. Были отдельные случаи открытого выступления. Еще в октябре казаки Нагайбакской крепости арестовали своего атамана и грозились отвезти его в Берду[2]. Сформировался повстанческий отряд из башкир, служилых татар, марийцев и дворцовых крестьян Казанской и западных волостей Ногайской дороги в 1000 человек. В своем воззвании они объявили о решении склониться «милосердному государю Петру Федоровичу», до последней капли крови биться за него, намеревались двинуться в поход на Уфу. Во главе этого отряда стоял старшина Чуби-Минской волости Ногайской дороги Турай Ишалин[3].

---

[1] Журнал Уфимской комендантской канцелярии // Южноуральский археографический сборник. Вып.1. Уфа, 1973. С. 299; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 66–67.

[2] Крестьянская война. Т. II. С. 209–210.

[3] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 57–58.

В конце ноября из-под Уфы в район Мензелинска отправился отряд Караная Муратова, который объединил разрозненные повстанческие отряды, действующие на Казанской дороге Уфимской провинции и в восточных волостях Казанской губернии, и возглавил развернувшееся здесь движение. Образовался Мензелинский повстанческий район, который номинально подчинялся Чесноковке, но фактически действовал самостоятельно[1]. Таким образом, в конце ноября – начале декабря массовое вооруженное выступление народных масс охватило западные волости Башкирии и перешло на территорию Казанской губернии.

На Сибирской дороге в ноябре действовало несколько повстанческих отрядов башкир во главе со своими старшинами. Ими были взяты Симский, Усть-Катавский, Юрюзань-Ивановский, Архангельский заводы. Заводские крестьяне и работные люди перешли на сторону восставших. В начале декабря башкирские повстанческие отряды появились под Саткинским и Златоустовским заводами. Во второй половине декабря на Сибирскую дорогу вернулся из-под Оренбурга пугачевский полковник Салават Юлаев, который взял на себя функции организатора и руководителя повстанческого движения в Северо-Восточном Башкортостане. Собрав повстанческие отряды семи волостей Сибирской дороги, состоявшие из башкир, татар, мишарей, марийцев и чувашей, в единый отряд численностью в 800 человек, Салават Юлаев 12 января 1774 года по приглашению казаков прибыл в Красноуфимскую крепость. До прибытия Салавата Юлаева в районе Красноуфимска–Кунгура действия многочисленных повстанческих отрядов башкир, татар, казаков, заводских и дворцовых крестьян возглавляли пугачевские полковники Батыркай Иткинин, Канзафар Усаев, Бахтияр Канкаев, Сулейман Кусекеев[2]. С прибытием в Красноуфимскую крепость Салават возглавил движение в этом районе. Образовался Красноуфимско-Кунгурский повстанческий район. Сюда в качестве «главного предводителя азиатскими войсками» И.Н. Зарубин направил бригадира повстанческой армии, табынского казака И.С. Кузнецова. Но с прибытием последнего роль Салавата Юлаева в этом районе не понизилась: во всех документах под графой

[1] *Алишев С.Х.* Татары Среднего Поволжья в Пугачевском восстании. 97–137.

[2] РГИА. Ф. 467. Оп. 32. Д. 2. Л. 75 об.–76, 77; Пугачевщина. Т. 1. С. 149; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 358–360, 417, 418.

«главный предводитель» сохранялась двойная подпись: Кузнецова и Салавата Юлаева[1]. Таким образом, движение на Сибирской дороге, начавшееся в ноябре 1773 года, во второй половине декабря получило организованную форму под предводительством Салавата Юлаева.

В северо-западных волостях Осинской дороги и в районе Осы открытое вооруженное выступление началось в конце ноября – начале декабря 1773 года. Оно получило наибольший размах в середине декабря, когда группа башкирских старшин и сотников Осинской дороги явилась в Чесноковку к Зарубину для принесения присяги и, получив от него чин полковников, атаманов и сотников, вернулась на родину как полномочные представители «царя Петра III». Отряды Абдея Абдулова, Батыркая Иткинина, Сайфул-Мавлюта Сайдашева и других башкирских старшин заняли крупные населенные пункты: пригород Осу, Сарапульские и Караулинские дворцовые села, привели в движение дворцовых крестьян и население горных заводов Пермской провинции. В конце декабря 1773 года повстанческие отряды этого региона были мобилизованы Батыркаем Иткининым для осады и штурма Кунгура. В конце декабря движение в этом направлении перешло границы Башкортостана и охватило территорию пермских заводов[2].

В декабре 1773 года с Иргинского завода Осокиных к городу Кунгуру со своим отрядом отправился мишарский мулла деревни Бузовьязы Ногайской дороги, пугачевский эмиссар, полковник Канзафар Усаев. В деревне Богородское в его отряд вступил отставной солдат Иван Белобородов. Канзафар Усаев выделил ему отряд в 25 человек. Белобородов отделился от Усаева, проявил незаурядные полководческие способности. В конце декабря 1773 – начале января 1774 года он развернул мощное движение в районе екатеринбургских казенных заводов. Образовался Екатеринбургский повстанческий район. Таким образом, Канзафар Усаев «открыл» для Крестьянской войны одного из выдающихся предводителей повстанческой армии Белобородова. Таким образом, в декабре 1774 года движение в этом направлении перешло границы Башкортостана.

В Исетскую провинцию вести о начале восстания на Яике дошли через царскую администрацию уже в начале октября 1773 года

---

[1] Документы Ставки Е.И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. М.: Наука, 1975. С. 250, 252, 353 (Далее: Документы Ставки Е.И.Пугачева).

[2] Крестьянская война. Т.II. С. 295–297.

и вызвали брожение трудовых масс. В конце октября брожение перешло в открытое выступление. Возникли многочисленные повстанческие отряды башкир во главе со старшинами Базаргулом Юнаевым, Юламаном Кушаевым, Сарой Абдуллиным и другими. В ноябре башкирские отряды под общим руководством Базаргула Юнаева осадили административный центр провинции – город Челябинск. Под влиянием башкирских отрядов в движение включились мишари, служилые татары и тептяро-бобыльское население Зауральского Башкортостана. Для осуществления общего руководства повстанческим движением в Исетской провинции повстанческий центр направил полковника И.Н. Грязнова, которому удалось объединить повстанческие силы Зауральского Башкортостана. Образовался Челябинский повстанческий район и повстанческий центр. В декабре 1773 года восстание охватило всю территорию Башкортостана и перешло в пределы Сибирской губернии[1].

Таким образом, в декабре 1773 года вооруженная борьба охватила всю территорию Башкортостана. Башкиры приняли самое активное участие в распространении движения на обширную территорию края. Они не только сами переходили на сторону повстанческой армии, но своими энергичными действиями приводили в движение заводских, государственных и дворцовых крестьян, нерусское пришлое население края. Тем самым башкирские повстанческие отряды сыграли важную роль в распространении движения вширь и перерастания локального казацкого восстания в грандиозную крестьянскую войну. Генерал-аншеф А.И. Бибиков в письме к генерал-прокурору Сената А.А. Вяземскому признавался в том, что он не отчаивался бы «усмирять башкирцов, есть ли бы злодей разными приманками не умножал их кучи разною сволочью и есть ли бы к несчастию черной народ не был склонен. Вот труднейшее в сем деле обстоятельство»[2]. В этом признании как нельзя лучше выражены масштабы участия башкир в Крестьянской войне, глубина проникновения движения в толщу народных масс и огромный страх правительства перед развивающейся борьбой угнетенных народов.

---

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 627. Ч. II. Л. 320 и об.; Ф. 1100. Д. 4. Л. 95; Крестьянская война. Т.II. С. 236–240.

[2] РГАДА. Ф. 1100. Д. 3. Л. 96

Башкиры в главном войске Е.И. Пугачева на I и II этапах Крестьянской войны. Одним из необходимых условий для крестьянских войн Ф. Энгельс считал переход на сторону восставших армии или части войска[1]. В Крестьянской войне 1773–1775 годов таким контингентом войска выступало казачество, принявшее на себя роль застрельщика и военной опоры начавшегося восстания. С началом восстания к нему примкнули башкиры и калмыки, мишари и служилые татары. Они составили Главное войско Е.И. Пугачева. Именно Главное войско разбило ударные карательные силы: армию генерала В.Я. Кара, корпуса бригадира Х.Х. Билова и полковника П.М. Чернышева, в течение 6 месяцев держало в осаде главный опорный пункт царизма в крае – город Оренбург. Тем самым Главное войско создавало благоприятные условия для распространения движения, вовлечения в него масс трудового населения, перерастания локального восстания яицких казаков в грандиозную крестьянскую войну. Поэтому роль Главного войска в развитии Крестьянской войны 1773–1775 годов очень велика. Значительный удельный вес наряду с яицкими казаками в нем имели нерусские служилые сословия: башкиры, калмыки, мишари.

17 сентября 1773 года горстка смельчаков из «войсковой стороны» Яицкого казачества во главе с «мужицким царем» Петром Федоровичем – беглым донским казаком Е.И. Пугачевым, двинулась с хутора Толкачевых к Яицкому городку. Движение началось как казацкое восстание. Но с самого начала по своему составу оно было многонациональным. Еще 16 сентября на Усихе среди повстанцев были казаки калмык Сюзюк Малаев, татарин Барын Мустаев, «казак из кибиток», пугачевский толмач башкир Идеркай Баймеков, его приемный сын, «писец татарского языка» туркмен Болтай Идеркаев и другие.[2]

На допросе в Яицком городке Е.И. Пугачев показал, что у него к началу движения было примерно 80 человек, в том числе 40 казаков, 20 калмыков и 20 татар. 18 сентября Идеркай Баймеков привел к Е.И. Пугачеву 20 человек «вооруженных джигитов из своих кибиток»[3].

---

[1] *Маркс К.*, *Энгельс Ф.* Соч. Т. 7. С. 435.

[2] РГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 259 об.; *Дубровин Н.Ф.* Пугачев и его сообщники. Т. III. С. 237.

[3] РГАДА. Ф. 348. Оп. 3. Д. 7343. Л. 2.

Таким образом, с самого начала Крестьянской войны примерно половину повстанческого отряда Е.И. Пугачева составляли нерусские народы. Его отряд под Яицким городком быстро рос. Если 17 сентября в нем было 80 человек, то уже через сутки – 500, а к 27 сентября – 2000. К Оренбургу Е.И. Пугачев подошел с отрядом в 3000 человек, из которых примерно половину составляли яицкие и илецкие казаки, а другую половину – башкиры, татары, калмыки и другие нерусские народы[1]. К концу сентября в повстанческом отряде Е.И. Пугачева было много башкир. Кроме башкир, проживавших среди яицких казаков и с первого дня восстания примкнувших к восставшим, были и те, которые несли очередную линейную службу в крепостях, форпостах и редутах, оказавшихся в зоне действия повстанческого отряда. В последние дни сентября – начале октября 1773 года к Е.И. Пугачеву стали присоединяться целые отряды башкир южных волостей Ногайской дороги. Так, 2 октября под Сакмарским городком к Е.И. Пугачеву присоединилась башкирская конница в 400 человек. 3–4 октября в Бердский лагерь пришли еще два башкирских отряда каждый по 400 человек. На третий день пребывания Главного войска под Оренбургом, т. е. 7 октября 1773 года, к Пугачеву присоединился отряд старшины Суын-Кыпсакской волости Ямансары Яппарова в 500 человек, а на следующий день – такой же отряд старшины Бошман-Кыпсакской волости Кинзи Арсланова. Немногим позже в Берду прибыли отряды «черемисского старшины Мендея» в 500 человек и «башкирского старшины Альвея» в 600 человек[2]. В следственных материалах черемисский старшина Мендей не упоминается. В рапорте от 4 октября мишарский старшина Мендей Тупеев сообщал в Уфимскую провинциальную канцелярию, что «во близости живущим к Оренбургу башкирским старшинам ездил... и команду их сот до шести собрав, до деревни Имангуловой приводил»[3]. Очевидно, именно этот отряд, собранный и отправленный к Оренбургу Мендеем, и перешел к восставшим

[1] РГАДА. Ф. 6, Д. 504. Ч. 1. Л. 231; Д. 515. Л. 79 об.

[2] РГАДА. Ф. 1100. Д. 2. Л. 251–252; Архив СПбИИ РАН. Ф. 113. Д. 60. Л. 115; *Дмитриев-Мамонов А.И.* Пугачевщина в Сибири. М., 1898. С. 182; Допрос Пугачева в Тайной экспедиции Сената в Москве в 1774–1775 гг. // Красный архив. 1935. № 2–3 (69–70). С. 198; Восстание Емельяна Пугачева. Л., 1935. С. 143.

[3] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 37.

и был принят Пугачевым как отряд «Мендея». Что касается «старшины Альвея», так часто упоминается в источниках старшина Кыркуйли-Минской волости Алибай Мурзагулов. Сам Алибай Мурзагулов находился в Стерлитамакской пристани. Когда он участвовал в формировании башкиро-мишарского карательного корпуса, башкиры его волости самостоятельно перешли к повстанцам. По сообщениям И.А. Рейнсдорпа и Я.Л. Бранта, к восставшим присоединились 7 и 16 октября 300 башкир Суын-Кыпсакской волости Ямансары Япарова и 400 башкир Тамьянской волости. 21 октября еще 500 башкир были «неволею к помянутой злодейской толпе присоединены», т. е. перехвачены. 23 октября был перехвачен еще один отряд из 300 башкир[1].

Первые успехи повстанцев, их триумфальное шествие по яицким крепостям, разгром корпуса бригадира Х.Х. Билова 27 сентября, начало осады Оренбурга и Яицкого городка всколыхнули башкир. Именно после этих событий началось массовое прибытие в Берду башкирских отрядов Ногайской дороги. Не позднее 13 октября в Берду со своими командами прибыли старшины Бошмас-Кыпсакской волости Бикаш Зюмакаев и Санким-Кыпсакской – Буляк Умеров. 18 октября в Берду пришел Каскын Самаров. По докладу Корфа, к 31 октября среди восставших были старшина Кара-Табынской волости Кыдрас Муллакаев, старшины Усерганской волости Сабир Кутлунбеков и Кансура Мункин. В тот же день из Стерлитамакской карательной команды к восставшим перешел отряд в 950 человек старшин Юрматынской волости Кусялкула Азятова и Сайрана Сеитова. 3 ноября комендант Кизильской крепости П. Демидов сообщил: «Кипчакская, Юрматынская, Тамъянская, Санким-Кипчакская, Усерганская и Бурзянская волости перешли к самозванцу»[2]. Во время сражения с генералом В.А. Каром под Юзеевой 9–10 ноября из его корпуса к восставшим перешла башкирская конница. В.А. Кар рапортовал в Военную коллегию, что «тысяча человек конных» этого «ненадежного» народа при пушечных выстрелах «отдались злодеям…без всякого сопротивления». В тот же день под командой Алибая Мурзагулова и Салавата Юлаева на сторону пов-

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 28, 30, 34, 36.

[2] РГАДА. Ф. 1100. Д. 3. Л. 142 и об.; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 34, 41, 44).

станцев перешли 1200 башкир и мишарей Стерлитамакского карательного корпуса[1].

Таким образом, только 9–10 ноября в Бердский лагерь прибыло 2200 башкир. По сообщению И.А. Рейнсдорпа, 16 ноября в Бердском лагере «башкирцы... к нему, злодею пристали, коих, как от выходцев из захваченных из толпы его изменнической слышно, находится тысяч до пяти», что составляло половину Главного войска Пугачева[2]. 18 ноября к отряду А.Т. Соколова-Хлопуши под Ильинской крепостью присоединились 1500 «ногайских» башкир. В начале декабря в Берду прибыли еще 400 башкир из команды майора О.А. Тевкелева, сына печально известного в Башкортостане генерала А.И. Тевкелева. Башкиры привезли с собой арестованного майора, которого Пугачев тут же повесил[3]. К этой цифре надо прибавить еще 2000 башкир, несших линейную службу и перешедших на сторону повстанческой армии вместе с гарнизонами занятых крепостей, форпостов и редутов Яицкой и Нижне-Озерной линий. Таким образом, в Главном войске в декабре 1773 года было около 12–14 тысяч конных башкир.

На допросе Е.И. Пугачев и И.Н. Зарубин называли данные, подтверждающие приведенные цифры. И.Н. Зарубин говорил, что с Кинзей Арслановым в Берду пришло «башкирцев тысяч до пяти». Е.И. Пугачев показал, что в короткое время «пришло башкирцев при их старшинах тысяч десять», а потом еще четыре тысячи. И.Н. Зарубин имел в виду «башкирский полк», находившийся под командованием «главного полковника и атамана башкирских войск» Кинзи Арсланова к моменту своего отбытия из Берды на Воскресенский завод в середине ноября. Показание Е.И. Пугачева относится к началу 1774 года, когда численность башкир в Главном войске достигла своей высшей точки: около 12–14 тысяч. Командующий карательными силами генерал-аншеф А.И. Бибиков 30 декабря писал в Военную коллегию, что войско Пугачева более шести тысяч, а «щитая ныне воров башкирцев число крайне должно быть велико»[4].

---

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 48–51.

[2] Там же. С. 53

[3] РГВИА. Ф. 20. Д. 1231 Л. 16–17 об.; Допрос пугачевского атамана А. Хлопуши // Красный архив. 1925. №1 (68). С. 168; *Андрущенко А.И.* Крестьянская война 1773–1775 годов на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. С. 133.

[4] Пугачевщина. Т. II. С. 133; Восстание Емельяна Пугачева. С. 67.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что в начале Крестьянской войны активное и массовое участие башкир Ногайской дороги проявлялось в их прибытии в Бердский лагерь и участии в боевых действиях Главного войска. Численность последнего зимой 1773–1774 годов определилась в 25–30 тысяч человек, восставшие башкиры под Оренбургом составляли примерно половину повстанческой армии.

Кроме того, башкирские повстанческие отряды действовали в тесном контакте с Главным войском. Комендант Верхне-Озерной крепости полковник О.Х. Демарин 21 ноября 1773 года в рапорте губернатору И.А. Рейнсдорпу сообщал, что «пониже Кундровской слободы, за рекой Сакмарою, возмутительная башкирская толпа состоит на прежнем месте в трех, – а другая пяти тысещах вверху по Сакмаре со осемнатцетью пушкам»[1]. Они контролировали территорию от Авзяно-Петровских заводов до Желтого редута и помогали блокировать осажденный Оренбург. Аналогичную функцию выполнял отряд старшины Бурзянской волости Трухмена Янсаитова, которому Пугачев приказал «зачиная от Орской до Верхояцкой ни команд, ни писем не пропускать, а стараться, перехватывая ловить»[2]. Севернее Оренбурга башкирские повстанческие отряды захватили Воздвиженскую и Зилаирскую крепости. Генерал-поручик И.А. Деколонг 5 декабря в рапорте в Военную коллегию сообщал, что башкиры взяли Авзяно-Петровские заводы, собираются идти на Белорецкий завод, отважились даже атаковать сильную Верхне-Озерную крепость, выжгли почтовые станции по тракту к Зилаирской крепости[3]. Учитывая растущую активность башкирских повстанческих отрядов севернее и восточнее Оренбурга и важность стратегического положения Зилаирской крепости, И.А. Рейнсдорп предписал И.А. Деколонгу направить туда корпус генерала Станиславского, а для отвлечения башкир от активных действий «тревожить их жен и детей в их жилищах»[4].

Башкирские конники вместе с казаками и калмыками представляли наиболее боеспособную часть Главного войска под Оренбур-

---

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 55.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 64.

[4] Допрос пугачевского атамана А. Хлопуши // Красный архив. 1925. № 1 (68). С. 168; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 52.

гом. Успехи повстанцев в сражениях с регулярными частями карателей на первом этапе Крестьянской войны во многом объясняются именно их превосходством в коннице. Поэтому И.А. Рейнсдорп в начале октября не решался на полевые сражения. Конница приносила успехи восставшим в сражениях с корпусами генерала В.А. Кара и полковника П.М. Чернышева, ликвидировала возможность успешных вылазок из осажденного Оренбурга. Е.И. Пугачев на допросе показал, что «оного Чернышева ево, Емельки, конница задавила». Превосходство повстанцев в коннице признавал и В.А. Кар[1]. 5 ноября в связи с усилившимися морозами повстанческая армия перешла из полевого лагеря в Бердскую слободу, а башкиры и калмыки по их собственной просьбе были оставлены в лагере для несения дозорной службы. Среди сил, отразивших вылазку корпуса генерала К.И. Валленштерна, главную роль сыграли казаки, башкиры и заводские крестьяне. Аналогичную роль сыграла башкирская конница при отражении вылазки трех корпусов 13 января 1774 года[2]. В сражении с корпусом генерала В.А. Кара под деревней Юзеево в повстанческом отряде было 1500 башкир. Сохранились сведения, что отряд А.А. Овчинникова, направленный Е.И. Пугачевым для штурма детенца Яицкого городка, состоял из 50 казаков и 100 «уральских башкир». В походе на Авзяно-Петровский завод А.Т. Соколова сопровождали 500 башкир. Во время его же похода на Верхне-Озерную и Ильинскую крепости с ним были башкиры и заводские крестьяне, а под Желтым редутом к нему присоединились еще 1500 «ногайских» башкир, проживающих по реке Ику. Они принимали участие во взятии Ильинской крепости и Илецкой защиты, разгроме батальона секунд-майора Заева и в штурмах Верхне-Озерной крепости, где было перебито их «множество»[3].

Башкирские повстанцы весной 1774 года участвовали в сражениях под Татищевой крепостью и Сакмарским городком. В составе 10-тысячной повстанческой армии под Татищевой крепостью было 3 тысячи казаков, 2 тысячи солдат, 1800 заводских крестьян, 2300 башкир,

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 194; Востание Емельяна Пугачева. С. 144.

[2] РГАДА. Ф. 6. Д. 506. Л. 194.

[3] Восстание Емельяна Пугачева. С. 151.

калмыки и другие нерусские народы[1]. Под Сакмарским городком в 5-тысячном войске Пугачева было 3 тысячи башкир, ушедших от преследования из-под Татищевой крепости, остальные – казаки, калмыки, татары[2].

После поражения повстанческих сил под Сакмарским городком у Пугачева оставалось около 500 человек, в числе которых было 100 казаков, 100 заводских крестьян, примерно 50 человек калмыков и татар, 250 башкир. Кинзя Арсланов обещал Пугачеву в случае, если он пойдет в глубь Башкортостана, за десять дней набрать 5–10 тысяч башкир[3].

Маршрут движения остатков Главного войска следовал через башкирские селения, Вознесенский, Авзяно-Петровские и Белорецкий заводы. Его войско росло в первую очередь за счет башкир и заводских крестьян. Появление «надежи-царя» в пределах юго-восточных волостей Ногайской дороги всколыхнуло коренное население. Вновь развернулась организаторская деятельность Кинзи Арсланова. По показаниям И.А. Творогова, 4 апреля 1774 года при подходе отряда к Вознесенскому заводу «под руководством башкирского старшины Кинзи, по уверению о злодее, что он – истинный государь, приходя от места к месту, собрали башкирцов множество»[4]. Начался массовый приток башкир в отряд Пугачева.

По сведениям старшины деревни Имангуловой Мусы Имангулова, посланного властями в Ногайскую дорогу и Исетскую провинцию для разведки, старшины Бурзянской волости Бектимир Мутаев и Кинзябулат Алкашев собрали 700 вооруженных башкир и намеревались идти к «государю, который де находица на Белорецком заводе». Башкир деревни Мратовой той же волости Мурат Абдалов к этому времени уже съездил к Е.И. Пугачеву и получил 100 рублей в награждение. У него был боеспособный отряд, которым разбил карательную команду в 300 человек Киикбая Ямансарина, преследовавшего Е.И. Пугачева. К Е.И. Пугачеву собирался идти старшина Кубелякской волости Абзан-тархан Баимов со 100 воинами. 500 кон-

[1] РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 7. Л. 390.

[2] Там же. Л. 397–399 об.

[3] РГАДА. Ф. 6. Д. 508. Ч. 11. Л. 32; *Дубровин Н.Ф.* Указ. соч. Т. II. С. 382.

[4] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 138–139, 181–182.

ников было приготовлено у старшины Миркит-Минской волости Мурадыма Саитмамбетова. Энергичную деятельность по мобилизации башкир в повстанческое движение развернул Каскын Самаров. Шел на соединение с Пугачевым отряд в 500 человек под предводительством «старшин Танчея, Кутлуюла и детей старшины Кинзи Арсланова», мобилизуя на своем пути башкир. 2 мая Пугачев выступил из Белорецкого завода с войском в 5 тысяч человек. 7 мая к нему пришли Овчинников и Перфильев с отрядом в 500 человек: 300 казаков и 200 заводских крестьян. 8 мая к Магнитной крепости подошел Белобородов со своим «сибирским» корпусом в 700 человек. В эти же дни илецкий казак Иван Шибаев ездил по заводам и привел к Пугачеву 300 заводских крестьян. Таким образом, в Магнитной крепости в возрожденном Главном войске Пугачева было не менее 6500 человек. Из них казаки и заводские крестьяне составили около 2,5–3 тысяч человек, башкиры – около 3,5–4 тысяч. По признанию Пугачева, на Белорецком заводе «пристали к нему уральских башкирцев до 2000, с коими он Магнитную крепость взял»[1].

Войско Пугачева быстро росло. 20 мая к Троицкой крепости он подошел с Главным войском численностью 10–12 тысяч человек. Повстанческое войско состояло из башкир Зауралья, заводских людей и черносошных исетских крестьян. Подвижность Главного войска позволяла ему в течение долгого времени ловко и незаметно ускользать от преследования. Генерал-поручик И.А. Деколонг, преследовавший в этом районе повстанческую армию, сетовал на «выигрыш злодея в конных силах»[2].

Главное войско потерпело поражение 22 мая под Троицкой крепостью от И.А. Деколонга и 25 мая около деревни Лягушино от И.И. Михельсона. У Е.И. Пугачева осталось людей «самое малое число» и ни одной пушки. В течение 10 дней «государь» прятался в кочевьях башкирских старшин Байгазы Козямышева и Баима Кедряева. Его отряд восстанавливался очень быстро. К нему целыми отрядами шли зауральские башкиры, заводские и государственные крестьяне. В конце мая – начале июня 1774 года был момент, когда башкирская конница составляла абсолютное большинство Главного

[1] Допрос Е.И. Пугачева в Тайной экспедиции Сената в Москве в 1774–1775 гг. // Красный архив. 1935. № 3 (69–70). С. 210; Крестьянская война. Т. III. С. 61.

[2] *Дмитриев-Мамонов А.И.* Пугачевщина в Сибири. М., 1898. С. 107.

войска. 2 июня, когда у Е.И. Пугачева после поражений от Деколонга и Михельсона оставалось не более 500 человек, к нему присоединилась 3-тысячная конница Салавата Юлаева. Е.И. Пугачев на допросе показал, что в это время на Урале он набрал «башкирцов тысяч десять и несколько заводских крестьян»[1]. С уходом Главного войска из района южно-уральских заводов установка Е.И. Пугачева на сожжение заводов обусловила резкий спад участия заводских крестьян в восстании. Поэтому роль башкир в Главном войске в тот тяжелый момент, когда Пугачев остался без армии, сильно возросла. Это признали и царские власти. В апреле 1775 года из Исетской провинциальной канцелярии старшине и мирским людям Катайской волости писали: «Тогда, когда того вора (Пугачева) под Троицкой крепостью и деревней Лягушино впрах разбили, старались спасать плутовскую ево жизнь и дали ему убежище в своих кочевьях, да и погодя подавали во всяких случаях ему помощь и подкрепление»[2]. Оценивая роль Салавата Юлаева в этот период Крестьянской войны, буржуазный историк П.Л. Юдин писал: «не будь у Пугачева такого “свирепого” помощника, он вряд ли бы мог удержаться долго в Башкирии, чтобы после целого ряда неудач от Михельсона и Деколонга успеть снова набрать мятежные толпы, с которыми потом двинуться к Казани»[3]. До соединения с Е.И. Пугачевым Салават Юлаев со своей конницей вышел навстречу корпусу И.И. Михельсона и вынудил его вступить в несколько сражений. Конница Салавата Юлаева участвовала в сражениях Главного войска с корпусом И.И. Михельсона 3 июня около села Верхние Киги и 5 июня – около деревни Месягутово.

Башкирские повстанцы продолжали играть большую роль в Главном войске и при продвижении его на север. Е.И. Пугачев решил расширить фронт наступления повстанческой армии. Он использовал «сибирский» корпус И.Н. Белобородова правым флангом, а конницу Салавата Юлаева – левым флангом Главного войска. В ходе наступления Главного войска Салават Юлаев заботился о пополнении повстанческой армии новыми силами. Его отряды контро-

[1] Восстание Емельяна Пугачева. С. 161; *Овчинников Р.В.* Следствие и суд над Пугачевым. 1966. № 4. С. 121.

[2] РГАДА. Ф. 429. Оп. 1. Д. 65. Л. 65 и об.

[3] *Юдин П.Л.* Суд и казнь Салаватки // Исторический вестник. 1898. Кн. 8. С. 579–580.

лировали территории Северного и Северо-Восточного Башкортостана, создавали сеть караульных постов по маршруту движения повстанческой армии и уфимского тракта, связывающего центр провинции с Екатеринбургом[1]. Салавату Юлаеву приходилось решать многие военно-организационные задачи. Он послал в Елдякскую крепость отряд в 200 человек под командой повстанческих полковников Бахтияра Канкаева, Абдуллы Токтарова и Адиля Бигашева, которые присоединили отряд елдякских казаков и организовали поход на пригород Бирск. Посланцы Салавата Юлаева заняли окрестные деревни, захватили и сожгли Бирск.

При взятии Осы конница Салавата Юлаева в качестве авангарда была направлена «тревожить город». В течение двух дней, 18 и 19 июня 1774 года, И.Н. Белобородов и Салават Юлаев организовали штурм пригорода Осы. Е.И. Пугачев с основной частью Главного войска под прикрытием кавалерии подошел к Осе 20 июня[2].

Под Осой в Главном войске было около 9 тысяч человек[3]. К Е.И. Пугачеву шли заводские крестьяне, тулвинские башкиры и действовавшие в Северном Башкортостане разрозненные повстанческие отряды. Оставалась в составе Главного войска и конница Салавата. О численности башкир в Главном войске в районе Красноуфимска – Осы точных сведений нет. Лишь приблизительно можно установить, что вместе с 3-тысячной конницей Салавата Юлаева башкиры составляли около половины Главного войска.

После возвращения раненого Салавата Юлаева со своей конницей из-под Осы в Башкортостан численность башкир в Главном войске резко сократилась. Но с Пугачевым оставались Кинзя Арсланов, Идеркай Баймеков, Кутлугильде Абдрахманов, Сулявчин Кинзин, отряды Базаргула Юнаева, Юламана Кушаева и других старшин зауральских башкир. В источниках упоминается, что после пригорода Осы с Пугачевым пошли 500 тулвинских, култаевских и кунгурских башкир[4]. Во время похода на Казань к Пугачеву присоединились

---

[1] *Гвоздикова И.М.* Башкортостан накануне и в годы Крестьянской войны под предводительством Е.И. Пугачева. С.393.

[2] РГАДА. Ф. 1100. Д. 9. Л. 109; *Овчинников Р.В.* Следствие и суд над Пугачевым. С. 121.

[3] РГАДА. Ф. 6. Д. 641. Л. 145–147, 180.

[4] Там же. Д. 644. Л. 282

башкиры Казанской дороги. Башкиры принимали активное участие в штурме и взятии Казани. Установить их численность и удельный вес в Главном войске не представляется возможным.

После взятия Казани башкиры были отпущены Е.И. Пугачевым домой. С ним за Волгу перешли только Кинзя Арсланов и Идеркай Баймеков. Сведения об Идеркае Баймекове прерываются под Царицыном. Кинзя Арсланов был рядом с «государем» еще на Иргизе и сохранил верность ему до конца.

Таким образом, Главное войско ЕН.И. Пугачева с самого начала было многонациональным. Рядом с русскими казаками и крестьянами в нем воевали башкиры, калмыки, татары и другие нерусские народы Башкортостана. На первых двух этапах Крестьянской войны 1773–1775 годов башкирские конники составляли половину Главного войска. Около половины повстанческих войск И.Н. Зарубина под Уфой, Караная Муратова под Мензелинском, И.Н. Грязнова под Челябинском, Салавата Юлаева и И.С. Кузнецова в Красноуфимско-Кунгурском повстанческом районе, Абдея Абдулова и Батыркая Иткинина в Северо-Западном Башкортостане составляли башкиры. Многонациональным было и окружение вождя Крестьянской войны Е.И. Пугачева. Ближайшими советниками и верными сподвижниками были Кинзя Арсланов, Идеркай Баймеков и Балтай Идеркаев.

Башкирские повстанческие отряды: структура, вооружение, тактика боя. Отряды восставших башкир, как правило, формировались внутри отдельных башкирских волостей, иногда несколько отрядов в одной волости. Они комплектовались по традиционной форме, в короткий срок. Так, Юлай Азналин со 115 дворов своей волости в течение одних суток набрал 95 человек, Ямансары Яппаров со 121 двора за два-три дня собрал команду из 300 человек[1].

В зоне полукочевого скотоводства башкирские повстанческие отряды формировались в более однородном этническом составе. Но в ходе их боевых действий к ним присоединялись заводские и государственные русские крестьяне, трудовые массы нерусских народов. В центральных, западных и северных волостях Башкортостана они создавались с самого начала как многонациональные. С развити-

[1] РГАДА. Ф. 1100. Д. 3. Л. 12, 34–36, 41–41 об., 56–56 об., 59; Архив ЛОИИ. Ф. 113. Оп. 1. Д. 60. Л. 115 об.

ем движения все сколько-нибудь значительные повстанческие отряды башкирских предводителей стали многонациональными. Так, в отряде Салавата Юлаева кроме башкир были казаки, русские заводские и дворцовые крестьяне, татары, мишари, мари и другие. В отряде Турая Ишалина были башкиры, татары, мишари, марийцы Казанской и Ногайской дорог. В отрядах башкирсаких полковников Батыркая Иткинина, Абдея Абдулова, Сайфул-Мавлюта Сайдашева, Бахтияра Канкаева, татарина Мясогута Гумерова, русских предводителей А. Носкова, Н. Алексеева и других, действующих в Северо-Западном Башкортостане, были заводские и дворцовые крестьяне, башкиры, татары, удмурты, чуваши, марийцы. В районе Бирска действовали отряды повстанческих полковников и атаманов из башкир Араслана Рангулова, Аладина Бектуганова, Габдусаляма Рамзина, Медета Мендиарова, марийских старшин Байкея Тойкиева и Юкея Егорова, состоявшие из русских крестьян, башкир и других нерусских народов края[1]. Мощно развернувшаяся антифеодальная борьба под предводительством «мужицкого царя» Е.И. Пугачева объединила эти народы.

Связи башкир и заводских крестьян южного региона Башкортостана проявлялись повсеместно еще в первой половине октября 1773 года. Отряд Каскына Самарова взаимодействовал с крестьянами Воскресенского завода. Крестьяне Авзяно-Петровских заводов присоединились к башкирам, составлявшим «полк» А.Т. Соколова-Хлопуши. В башкирских отрядах, атаковавших Верхне-Озерную, Кизильскую и другие крепости Озерной дистанции, участвовали заводские крестьяне. По сообщению полковника О.Х. Демарина, в составе 2-тысячного отряда восставших башкир под Верхне-Озерной крепостью были крестьяне Преображенского и Кано-Никольского заводов, а отряд возглавляли три русских предводителя. Заводские крестьяне были и в башкирских повстанческих отрядах, штурмовавших Стерлитамакскую пристань, Зилаирскую, Воздвиженскую и Табынскую крепости[2]. Установилась тесная связь между башкирами и русскими крестьянами пермских заводов, Сарапульской, Осинской

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 416. Ч. II. Л. 16, 20, 21, 22, 177–185; Д. 627. Ч. I. Л. 95; РГВАИА. Ф.20. Д. 1235. Л. 635.

[2] РГАДА. Ф. 1100. Д. 3. Л. 46–48 об., 88–91, 99, 100; Д. 4. Л. 95; РГВИА. Ф. 20. Д. 1231. Л. 154–155 об.

и Каракулинской дворцовых изб на северо-западе края. Налаживался контакт восставших башкир и заводских крестьян в Исетской провинции. Следует отметить, что на первом этапе Крестьянской войны фактов сожжения заводов башкирскими повстанческими отрядами не было. Восставшие башкиры прибегали к суровым мерам лишь по отношению к представителям русского дворянства, духовенства, местной царской и заводской администрации, феодальной верхушки исетских мишарей и служилых татар, отказавшихся признавать Пугачева «царем»[1].

Крупные башкирские повстанческие соединения имели такую же структуру, как и войска И.Н. Зарубина, И.Н. Грязнова, И.Н. Белобородова. Такими были войска Салавата Юлаева, Караная Муратова, Каскына Самарова, Батыркая Иткинина, Абдея Абдулова. Численность войска Салавата Юлаева в Красноуфимской крепости и Каскына Самарова под Уфой доходила до 4 тысяч воинов. Общая численность повстанцев в Мензелинском повстанческом районе, подчинявшихся Каранаю Муратову, доходила до 12 тысяч человек. Войска Абдея Абдулова в районе Осы, Батыркая Иткинина под Кунгуром, Юлая Азналина под Катав-Ивановским заводом имели более 2-х тысяч воинов.

Крупные повстанческие отряды возглавляли «полковники». Они состояли из отрядов, которыми командовали «полковники», «атаманы» «походные старшины», «есаулы», «сотники». Башкиры из своей среды выдвигали представителей высшего командного состава повстанческой армии. Старшина Мякотинской волости Исетской провинции, депутат Уложенной комиссии Базаргул Юнаев был фельдмаршалом, походный старшина Барын-Табынской волости Исетской провинции Юламан Кушаев – генералом. В июне 1774 года Е.И. Пугачев присвоил Салавату Юлаеву чин бригадира. «Главными полковниками» были Кинзя Арсланов, Каранай Муратов, Бахтияр Канкаев и Ишмень Иткулов. «Главными атаманами» повстанческой армии были Юлай Азналин, Адиль Бигашев, Араслан Рангулов. Юлай Азналин на допросе сообщил: «для лучшего в народе разбирательства и учредил меня над всеми в нашей стороне обитающими главным атаманом». В дальнейшем в своих документах Юлай стал подписываться: «главный атаман Юлай сын Азналин». Старшину Кубеляк-

[1] РГАДА. Ф. 429. Оп. 1. Д. 63. Л. 5 об. – 6; Д. 65. Д. 98–112, 204–206; Ф. 6. Д. 593 Л. 341–344.

ской волости Исетской провинции тархана Баима Кедряева летом 1774 года Е.И. Пугачев назначил «главным судьей» Башкортостана[1].

В крупных повстанческих отрядах у башкирских командиров имелись походные канцелярии. Сохранились документы походных канцелярий в отрядах Салавата Юлаева, Караная Муратова, Каскына Самарова, Батыркая Иткинина, Абдея Абдулова, Ишменя Иткулова. В составе походной канцелярии Салавата Юлаева были есаул, войсковой, полковой и ротный писари, атаман, сотник и переводчик; у Караная Муратова и Бахтияра Канкаева – несколько писарей и есаул[2].

Башкирские повстанческие отряды имели свои знамена. Так, под Кунгуром в сражении 11 января у Батыркая Иткинина было 8 знамен. Преобладали знамена красного и алого цветов[3]. В некоторых отрядах на первом этапе Крестьянской войны составлялись списки личного состава[4]. Сохранился список повстанцев в отряде Салавата Юлаева, составленный в марте 1774 года[5].

В манифестах Е.И. Пугачева народ освобождался от рекрутских наборов. На службу должны были брать только «охочих людей». Принцип добровольности набора наблюдался неукоснительно в начале движения. Но по мере обострения борьбы, усиления наступления карательных войск предводители Крестьянской войны вынуждены были отказаться от него и нередко прибегали к насильственным приемам мобилизации. Это понимал и Е.И. Пугачев. Он требовал «ослушников» и «изменников» искоренять, имения их грабить и «домы пожечь». Зарубин не приклонившихся к «государю» велел «поражать смертью и ловить». Угроза ослушников «погублять и имение отнимать», «вырубить и домы сжечь» часто звучала в указах Бахтияра Канкаева, Караная Муратова и других башкирских предводителей[6].

---

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 416. Ч. 11. Л. 16, 20, 21, 22, 175–185; РГИА. Ф. 468. Оп. 32. Д. 2. Л. 145.

[2] Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 146, 186, 196, 198, 312–316, 318–321, 362–375, 463–535.

[3] РГИА. Ф. 468. Оп. 32. Д. 2. Л. 145.

[4] РГАДА. Ф. 6. Д. 416. Ч. II. Л. 16, 20–22, 175–185; Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 254–255.

[5] Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 254–255.

[6] РГАДА. Ф. 6. Д. 422. Л. 13 об.–14; Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 113, 134, 243, 244, 251.

Военной коллегией был установлен возрастной ценз мобилизации в повстанческую армию от 18 до 60 лет[1]. И.Н. Зарубин для Уфимского района установил возраст службы от 18 до 50 лет[2]. Видимо, в этих пределах был возраст службы и в башкирских повстанческих отрядах. Сотнику Д. Ершову, освобожденному Салаватом Юлаевым со службы, было 59 лет[3]. Первоначально для набора в повстанческую армию требовался один воин, вооруженный, с добрым конем от каждых двух дворов. Но по мере обострения борьбы, особенно при подготовке штурмов городов или в критические моменты наступления карательных сил, нормой мобилизации становился с каждого двора по одному человеку. Нередко на деле превышалась и эта норма мобилизации, требовалось взять в повстанческую армию «сколько есть годных людей»[4].

Пришедшие в повстанческие отряды приносили присягу на верность «государю», верстались в «казаки». Пугачев и его соратники требовали от рядовых воинов неукоснительного подчинения командирам, а с командиров – соблюдения дисциплины в своем отряде, не допускать обиды подчиненным. Так, Кинзя Арсланов в ноябре 1773 года в ордере башкирским старшинам Канбулату Юлдашеву и Худайназару Телявердину предлагал не подчинявшихся подвергать «жестокому наказанию»[5]. И.Н. Зарубин рекомендовал атаману пригорода Осы С.Я. Кузнецову ослушников «наказывать телесно плетьми или палками», его самого за нарушение приказов грозил подвергнуть «жесточайшему штрафу». Салават Юлаев требовал от атамана Красноуфимской крепости М.И. Попова и других строжайшего соблюдения дисциплины, четкого исполнения его приказов и грозил за нарушение этих требований смертной казнью. Старшина Юрминской волости Казанской дороги Смаил Биккинин наказал трех татар плетьми за мародерство[6]. Батыркай Иткинин на охрану Рождественс-

---

[1] *Андрущенко А.И.* Указ. соч. С. 67.

[2] Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 135–136.

[3] Там же. С. 246.

[4] РГАДА. Ф. 6. Д. 529. Л. 576–576 об.; Ф. 1100. Д. 9. Л. 215–215 об.; Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 125, 127, 133, 134, 145–146; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 249, 251–252, 253.

[5] Там же. С. 57.

[6] Пугачевщина. Т. I. С. 66, 196; Документы Ставки Е.И. Пугачева. С.44, 117,

кого завода послал три команды из русских дворцовых крестьян. Но те занимались мародерством, грабили заводских крестьян. По жалобе заводчан Батыркай Иткинин отозвал эти команды, а их командиров публично наказал палками. Это было формой борьбы против неизбежных проявлений недисциплинированности в Крестьянской войне.

Традиционным вооружением башкирских конников были лук, стрела, копье, редко – пистолетик; тактика – рассыпная атака конницы. Но на вооружение и тактику башкирских повстанческих отрядов воздействовала сама Крестьянская война. С приходом казаков, работных людей горных заводов и русских крестьян в башкирских повстанческих отрядах появились огнестрельное оружие и пушки. Так, авангардной группе отряда Салавата Юлаева красноуфимские казаки преподнесли в дар две трехфутовые пушки и бочок пороха. При встрече основного отряда Салавата Юлаева красноуфимцы передали ему 4 пушки и порох. От повстанческого атамана Юговского завода Григория Ситникова Салават Юлаев получил еще 2 пушки, 40 ядер и 17 картечей. Во время штурма Кунгура у него было «десять действующих больших и малых пушек», а при них – 40 канониров. Артиллерия Салавата Юлаева превосходно действовала во время штурма Кунгура 23 января 1774 года[1].

Отряды Каскына Самарова под Уфой и Караная Муратова под Мензелинском также имели огнестрельное оружие и пушки. В своем воззвании от 12 декабря 1773 года старшинам Иланской волости Каскын Самаров обещал оказать помощь пушками. Башкир Сагит Сейтуганов, участник осады города Уфы, писал своему старшине, что у них кончился порох. У Каипа Зиямбетева и Ишкары Арасланова из войска Караная Муратова под Мензелинском было «семь пушек и одна бомба». Во время отступления 7 пушек они оставили на позициях под Ногайбакской крепостью. В двух башкирских отрядах под Сакмарским городком осенью 1773 года было 18 пушек. Башкирские отряды, штурмовавшие в январе 1774 года Белорецкий завод, также

126–127; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 188; *Андрущенко А.И.* Указ. соч. С. 66–67.

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 439. Л. 16–18, 62, 63; Д. 529. Л. 576 и об.; Ф. 1100. Д. 9. Л. 215 об.; РГВИА. Ф. 20. Д. 1236. Л. 299; РГИА. Ф. 468. Оп. 32. Д. 2. Л. 147 об.–148; Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 125, 133, 134, 245–246; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 249, 251–252, 253.

были вооружены «двумя пушками и многими ружьями». Отряд Абдея Абдулова, действовавший в районе Пермских горных заводов в декабре 1773 года, имел 3 пушки и 3 пуда пороха. При взятии Осы 23–24 декабря того же года отряды Абдея Абдулова и Батыркая Иткинина были вооружены «во многолюдстве со знамями, фузеями, турками и винтовками, с луками, копьями и саблями»[1].

Артиллерией и огнестрельным оружием были лучше снабжены отряды, действовавшие в районах заводов, где они могли получить их. В этих отрядах функции канониров выполняли заводские крестьяне. В северных волостях Ногайской дороги и на Казанской дороге, где горных заводов и заводских крестьян было мало, отряды башкир были плохо снабжены пушками и огнестрельным оружием, а имеющуюся артиллерию использовали слабо.

Традиционной тактикой башкирских повстанческих отрядов была атака противника лавиной, в рассыпной цепи, что помогало избегать большого урона от картечного огня. Башкирские конники на скаку стреляли из лука, часто вступали в сабельную рубку, неожиданно нападали, совершая фланговый охват противника, и быстро уходили от преследования. Большую опасность для противника представляли стрелы: глубокие раны с узким отверстием для того времени были практически неизлечимы. Вместе с тем наличие артиллерии и огнестрельного оружия, участие в башкирских повстанческих отрядах заводских крестьян привело к изменению тактики, сделало своеобразным синтезом тактики башкирской конницы и русских повстанческих отрядов: осада и штурм заводов, крепостей, городов, сражения с крупными карательными войсками генералов П.М. Голицына, Ю.Ф. Фреймана, И.А. Деколонга, подполковников И.И. Михельсона, А.В. Папава, И.К. Рылеева, секунд-майора Д.О. Гагрина. При этом башкирские предводители проявляли умение, а воины – упорство и стойкость, которые поражали опытных боевых генералов и офицеров[2].

---

[1] РГАДА. Ф. 1100. Д. 9. Л. 551, 552; РГИА. Ф. 468. Оп. 32. Д. 2. Л. 77, 128, 147 об. – 148; Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 116, 117, 136–137; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 55, 100.

[2] Крестьянская война 1773–1775 гг. в России. Документы из Собрания Государственного исторического музея. С. 194, 197, 203; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 140, 145, 168.

Важной задачей предводителей было снабжение повстанческих отрядов лошадьми, оружием, провиантом, фуражом, боеприпасами, деньгами. В воззваниях к башкирским старшинам Сибирской дороги И.Н. Зарубин требовал, чтобы в отряды набирали «молодцов добрых и годных», «со всем оружием и лошадьми». Старшины докладывали И.Н. Зарубину, что они послали под Уфу команду «с добрыми лошадьми и оружиями». Г. Туманов звал под Челябинск также «доброконных башкирцев»[1].

Некоторые отряды продолжали получать поддержку из своих волостей. Кинзя Арсланов послал повстанца Азамата Туманчева, чтобы он привел из своей волости «десять меринов и десять кобыл». Повстанец Сагит Сейтуганов в декабре 1773 года из-под Уфы писал домой старшине Мясегуту Бикмаметову, чтобы он прислал лошадей, порох, стрелы и оружие. В случае невыполнения этих требований он грозил доложить «графу» [Зарубину][2].

Серьезным источником для пополнения арсенала повстанческих отрядов были трофеи. Так, И.Н. Зарубин в декабре 1773 года приказал Бахтияру Канкаеву «пушки, порох, пули, фузеи, турки и прочие разные оружия осматривать и взять, не приемля никаких отговорок». От унтер-шихтмейстера Ижевского завода Губанова требовал, «что на том заводе... окажется до оной армии, то есть седла, кожи и прочие» собрать и прислать под Уфу. Находясь под Кунгуром, Батыркай Иткинин в начале января 1774 года приказал Ситникову для вновь вступивших в отряд «казаков» собрать и прислать «четырнадцать лошадей с седлами, сабель две, рогатину одну, ружей у ково осталось господские». Абдей Абдулов и Батыркай Иткинин при взятии Пышминского завода в качестве трофея забрали 4 пушки, 21 ружье, 3 пистолета, 12 железных копий и 4 фунта пороха. Салим-Зюфар Илишев на Рождественском заводе взял 3 пушки и 67 солдатских фузей и отправил в Чесноковку. Но часть трофея он оставил у себя[3].

Повстанческие предводители пытались наладить производство оружия и военные доспехи у себя. Батыркай Иткинин на Юговском за-

---

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Бпшкирии. С. 70–71, 102, 103.

[2] РГАДА. Ф. 6. Д. 592. Л. 576 и об.; Ф. 1100. Д. 9. Л. 215 и об.; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 66, 67, 70, 102, 103, 249–250.

[3] РГИА. Ф. 468. Оп. 32. Д. 2. Л. 76, 128; Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 161, 194.

воде распорядился «учредить» кузницу для исправления и изготовления для заводской команды «рогатин и продчаго». На Юговском же заводе делали сабли. Некоторые башкирские отряды получали от заводских крестьян кольчуги. Так, в своем рапорте в Военную коллегию И.И. Михельсон сообщал, что во время боя с башкирским повстанческим отрядом на реке Ай 14 мая 1774 года большая часть «великой злодейской толпы башкир» были одеты в кольчуги и латы из заводской жести[1].

Провиантом, фуражом, лошадьми и деньгами отряды снабжались от населения. Дворцовые крестьяне правобережья реки Вятки посылали в башкирские отряды провиант и фураж, «людей на службу им давали, сами подушных денег не платили». Крестьяне Юговского завода Осокиных в конце декабря 1773 года отряду башкир-повстанцев, приехавших с манифестом Пугачева для склонения их к восстанию, добровольно дали 10 возов овса, несколько возов хлеба и 3 лошадей. В январе 1774 года в отряд Батыркая Иткинина, расположенного в деревне Бырме, крестьяне того же завода доставили «десять возов хлеба печеного, от каждого двора один каравай». Башкиры южных волостей Ногайской дороги и Исетской провинции снабжали Главное войско провиантом и фуражом, а минские башкиры – армию Зарубина под Уфой[2].

Весьма важным был вопрос о мероприятиях, проводимых башкирскими предводителями на освобожденной территории. Они осуществляли меры по приведению населения к присяге «государю» и мобилизации в повстанческую армию, конфискацию казны, оружия, пороха, боеприпасов, казенного имущества; уничтожение долговых и кабальных документов; наказание представителей царской администрации на местах; организацию выборных органов местного управления и прочие вопросы.

Первой попыткой в этом направлении была деятельность Каскына Самарова на Воскресенском заводе в октябре 1773 года. 12 октября он со своим отрядом из 20 конных башкир занял Воскресенский завод и пробыл там до 15 октября. За это время он набрал в повстан-

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. в России. Документы из Собрания Государственного исторического музея. С. 203; Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 161, 194.

[2] РГИА. Ф. 468. Оп. 32. Д. 2. Л. 75 об.; Архив СПбИИ РАН. Ф. 51. Д. 33. Л. 24–24 об.; *Усманов А.Н.* Развитие земледелия в Башкирии третьей четверти XVIII в. // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, 1971. С. 61–62.

ческую армию 600 заводских крестьян и отправил в Берду, конфисковал и отправил в повстанческий центр 14 пушек, 300 ядер, порох, свинец, деньги в сумме 30 тысяч рублей, лопаты и другие шанцевые инструменты, хозяйское серебро. С Каргалинского рудника Воскресенского завода Каскын Самаров отправил в Бердский лагерь 4 пушки, порох, ружья, 50 быков и около 1 тысячи рублей денег. В заводской конторе Каскын Самаров уничтожил денежные документы: векселя, долговые записки, шнуровые книги, крепостные акты, указы, письма и другую документацию заводской канцелярии. По просьбе заводских крестьян он хотел арестовать ненавистного крестьянам управляющего заводом прапорщика Василия Кулалаева. Но тот заперся у себя дома и отстреливался из окна. Крестьяне обложили дом соломой и сожгли вместе с «ненавистным угнетателем» и его семьей. Старший приказчик завода П. Беспалов, добровольно перешедший на сторону повстанцев, был отправлен под караулом в Берду.

В заводском поселке Каскын Самаров велел открыть «магазейны» с заводскими припасами, медной посудой и инструментами, была организована выдача из заводского склада хлеба заводчанам[1].

Несомненный интерес представляют действия Батыркая Иткинина, проведенные им на Юговском заводе Осокиных и в Осинской дворцовой волости по организации самоуправления. 21 декабря 1773 года он арестовал командира осинских пахотных солдат Кобелева, разворовавшего казенные деньги, подверг его экзекуции и отправил в Чесноковку. В пригороде Осе он организовал выборы нового командира из солдат. От командира он требовал не чинить обид подчиненным, а с последних – беспрекословного подчинения выборному командиру. В билете выборному сотнику Григорию Ситникову от 1 января 1774 года он предлагал учредить выборную земскую избу, создать свою военную команду для обороны завода от карателей, мобилизовал для этого заводских крестьян, велел для изготовления орудий исправить кузницу, «наистрожайше» контролировать дисциплину, «ослушников наказать». Важным мероприятием был пуск двух мельниц мирскими силами и использование их для «мира». В ряде документов Батыркай Иткинин требовал организации контроля над продажей вина и соли, усиления обороны, снабжения повстанческого

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 511. Л. 74; *Мартынов М.Н.* Воскресенский завод в Крестьянской войне 1773–1775 гг. // Исторические записки. 1967. Т. 80. С. 291.

отряда оружием, провиантом, фуражом, лошадьми. Ряд мероприятий аналогичного содержания проводили Каранай Муратов, Абдей Абдулов, Юскей Кудашев, Адигут Тимясев, Араслан Рангулов[1].

Таким образом, Крестьянская война 1773–1775 годов была войной общенародной. С самого начала она имела многонациональный состав движущих сил. Совместная борьба башкир, русских крестьян и трудовых масс других нерусских народов края проявлялась в составе и структуре повстанческих отрядов, во взаимоотношениях башкирских повстанцев с русским населением. Массовое и активное участие русских крестьян, прежде всего заводских, в составе башкирских повстанческих отрядов оказывало воздействие на их вооружение и на тактику ведения боя.

Социальные и национальные мотивы участия башкир в Крестьянской войне. В декабре 1773 года Крестьянская война охватила всю территорию Башкортостана. Башкиры почти поголовно включились в движение. К восставшим примкнула и феодально-старшинская верхушка. Лишь 54 из 5713 башкирских дворов Осинской и Казанской дорог сохранили «верность» царскому правительству[2]. Чем же объяснить тот факт, что на первом этапе Крестьянской войны рядовые общинники и старшинская верхушка башкирского общества оказались в одном лагере?

Основоположники научного социализма указывали, что в основе идеологических представлений крестьянства в эпоху феодализма лежали идеи равенства, идеи свободного и уравнительного землепользования, стремление «создать на место полицейско-классового государства общежитие свободных и равноправных мелких крестьян»[3]. Лозунг самозваного императора «Петра III» – Е.И. Пугачева, «Дарую всем землю и волю» отвечал интересам всех сословных и этнических групп населения края, которые терпели социальное угнетение, национальное ущемление и религиозные гонения.

---

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 416. Ч. 1. Л. 5, 6, 9; Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 156–159, 165, 166, 193, 194, 143, 244–245.

[2] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 254–259, 277–293.

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. С. 25; Т. 13. С. 7; *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 15. С. 226–227; Т. 17. С. 211–212; Т. 47. С. 229.

Борьба башкир в течение XVI – первой половины XVIII века шла также за «землю и волю». Но если для русских крестьян этот лозунг означал борьбу против помещичьего землевладения и крепостного угнетения, то для башкир он сочетал в себе социальные и национальные мотивы борьбы. Политика царского правительства в крае в 30–60-х годах XVIII века по массовому изъятию вотчинных земель и ограничению общинного самоуправления башкир затрагивала интересы как рядовых масс, так и феодально-старшинской верхушки.

Стремление башкир возвратить вотчинные земельные владения, захваченные государством, помещиками и заводовладельцами, сохранить внутреннее самоуправление, протест против растущего социального и экономического гнета, религиозных гонений, произвола и злоупотреблений местных властей выражены в их многочисленных челобитных в различные инстанции, в расспросных речах участников башкирских восстаний, в докладах воевод и губернаторов.

Очень остро и емко требования башкир были изложены в «Письме» Батырши Алиева, идеолога восстания 1755–1756 годов в Башкортостане. Требования башкир по этому документу сводятся к следующему: возвратить расхищаемые помещиками и заводовладельцами вотчинные земли; прекратить произвол помещиков, заводовладельцев и местной администрации; освободить от растущих законных и незаконных налогов, поборов и повинностей; сохранить общинное самоуправление башкир и мусульманскую религию[1]. Наиболее полно мысли и чаяния башкир, их интересы и стремления изложены в их наказах в Уложенную комиссию 1767–1768 годов. В них выдвинуты те же требования возвращения земли не только от помещиков и заводовладельцев, но и от мишарей и служилых татар, получивших определенные привилегии на владение землями башкир – участников восстаний 30-х годов XVIII века. Башкиры требовали возобновления уплаты им ясака нерусскими припущенниками.

Кроме общих требований «земли и воли», в наказах башкир прозвучали требования феодально-старшинской верхушки: запретить рядовым башкирам жаловаться на старшин, не делить волости по требованию общинников, при отставке старшин награждать

[1] *Хусаинов Г.Б.* Вопросы текстологии башкирской литературы. Уфа, 1979. С. 131–158 (на баш. яз.).

офицерскими чинами, сохранить у старшин и духовенства права третейских судей[1].

Стремление башкирских феодалов укрепить господство над рядовыми общинниками и припущенниками, получить право владеть крепостными крестьянами и покупать их в центральных губерниях России достаточно четко изложено в письме старшин Ногайской дороги от 25 июня 1763 года Оренбургскому губернатору Д.В. Волкову. Таким образом, к 70-м годам XVIII века из общих требований башкир стали выделяться сословные требования феодально-старшинской верхушки[2].

Национальные и сословные интересы определяли цели и задачи участия башкир в Крестьянской войне 1773–1775 годов. Манифест Е.И. Пугачева к башкирам от 1 октября 1773 года учитывал эти требования. Помимо обещаний земли, леса, рек, покосов, соли, сохранения веры, законов и молитвы, в манифесте был чрезвычайно важный для феодализирующейся верхушки пункт: «А произшедших от вас в сей жизни добрые и худые дела упущаю»[3]. Таким образом, Е.И. Пугачев кроме обещания возвратить башкирам земли и былую их вольность освобождал их от преследований за участие в восстаниях, давал им амнистию. Эти обещания отвечали интересам прежде всего представителей феодализирующейся старшинской верхушки, ибо именно они выступали инициаторами и предводителями башкирских восстаний XVI – первой половины XVIII века.

Предводители Крестьянской войны обращались ко всему башкирскому народу, к «большим и малым людям». Е.И. Пугачев и его соратники знали об авторитете старшин как военных предводителей и обращались к башкирам через их старшин. Поэтому манифесты Е.И. Пугачева привлекали как рядовых общинников, так и феодально-старшинскую верхушку башкир. Трудовые массы обещания пугачевских манифестов понимали как призыв на общенародную антифеодальную борьбу и активно включились в движение, а феодально-старшинская верхушка принимала лозунг Е.И. Пугачева в узкосословном смысле. Обещания «государя» вернуть башкирам

[1] РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д.109. Ч. 11. Л. 211–233, 263–271.

[2] Материалы. Т. IV. Ч. 2. С. 44–45.

[3] Документы Ставки Е. И. Пугачева. С. 26.

землю и прежнюю волю пробудили у них надежду на возвращение обширных угодий и прав на распоряжение общинными землями и самой общиной без царской администрации. Сотник Бала-Катайской волости, повстанец Упак Абзамов на допросе показал, что льстился тем, что «он может возвратить в здешних местах заселявшую землю и что господ никто не будет, а всякой сделается самовластным»[1].

Для всех угнетенных низов Крестьянская война в своей объективной основе носила антифеодальный характер, ибо она была направлена против растущего гнета со стороны феодально-крепостнического государства. Но для башкир этот социальный гнет осуществлялся правительством русской императрицы, русского губернатора и русских чиновников. Башкирские земли были отобраны под заводы, хозяевами которых были русская казна или русские купцы и дворяне; под крепости, где поселялись русские казаки и солдаты. Поэтому любое мероприятие царского правительства в крае, акты угнетения со стороны феодального государства, дворян и заводовладельцев отражались в психологии как национальный гнет.

Царизм в течение двух веков проводил в крае политику «Разделяй и властвуй!», натравливал одни народы на другие, что усиливало межсословные и межнациональные противоречия народов Башкортостана. Поэтому в начале Крестьянской войны 1773–1775 годов в действиях восставших башкир наблюдались национальные моменты в различных формах. На юго-востоке и востоке, в районе пермских заводов башкирские повстанческие отряды начинали свои действия с осады и штурма заводов и крепостей. В ряде мест башкиры вновь заселяли отобранные у них прежде земли[2].

В Северо-Западном Башкортостане в лице дворцовых изб Осинской, Сарапульской и Каракулинской волостей башкиры видели захватчиков их вотчинных земель. Поэтому в действиях отрядов Батыркая Иткинина, Салим-Зюфара Илишева и других башкирских предводителей встречались моменты, ущемляющие интересы дворцовых крестьян этого региона. В Казанской и Осинской дорогах в середине XVIII века весьма острыми становились поземельные отношения между башкирами и их припущенниками, что выливалось

[1] РГАДА. Ф. 1274. Д. 182. Л. 231; *Андрущенко А.И.* Указ.соч. С. 136.

[2] РГАДА. Ф. 1274. Д. 182. Л. 231.

в конфликты между ними на первом этапе Крестьянской войны. Такие же острые противоречия были между башкирами, мишарями и служилыми татарами Исетской провинции. После подавления движения исетские мишари, усть-багаряцкие и ичкинские служилые татары жаловались на башкир, обвиняя их в нападениях на селения и разорение домов.

Для башкир город Уфа представлял собой олицетворение феодального и национального гнета. Распространение дворянского землевладения в ее окрестностях, захват земель Вознесенским монастырем, уфимскими казаками и купцами обусловливали ненависть башкир к этому административно-полицейскому центру царизма в крае. Поэтому в отряде Каскына Самарова до прибытия в Чесноковку И.Н. Зарубина встречались факты конфликтов между башкирскими повстанцами и русским населением. По мере развития восстания и углубления его социального содержания национальные моменты движения башкир уступали место социальной борьбе как против феодального гнета в крае в целом, так и внутри башкирского общества.

Наиболее открытую форму социальной борьбы на первом этапе Крестьянской войны приняло движение башкир Казанской и Осинской дорог, где часть феодальной верхушки сразу взяла правительственную ориентацию и принимала активное участие в организации сил для подавления движения. Часть рядового населения не примкнула к восстанию. Все 10 башкирских волостных и походных старшин и сотников, сохранивших верность царским властям, были из Казанской, Осинской и западных волостей Сибирской дороги. Из жителей Надыровой волости Казанской дороги 40 башкирских дворов и 771 душа мужского пола тептярей оказались в лагере восставших, а 54 двора башкир и 1170 душ мужского пола тептярей сохранили верность властям[1]. Отсюда, из западных волостей Башкортостана царские власти направляли представителей мусульманского духовенства и татарских феодалов в районы, охваченные восстанием, для «увещевания» восставших башкир[2].

---

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 254–259, 277–293.

[2] РГАДА. Ф. 6. Д. 494. Л. 147, 183, 296; РГВИА. Ф. 20. Д. 1237. Л. 107–107 об.; НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 12. Д. 38, 40–42, 48, 49, 57.

Башкиры южных и юго-восточных волостей Ногайской дороги более чем в других районах края были ущемлены строительством заводов и крепостей, осуществлением положений указа от 11 февраля 1736 года. Как рядовые общинники, так и старшины страдали от захвата пастбищ и других угодий, от ограничений внутреннего самоуправления, свободы передвижения и т. д. Немаловажное значение для быстрого вовлечения башкир в восстание в этом регионе имело соседство с казачеством, развивающиеся с казаками хозяйственные и дружеские связи, близость очага восстания и действие в этом регионе Главного войска повстанцев. Наконец, нельзя сбрасывать со счетов и то, что башкиры Ногайской дороги выступили застрельщиками многих башкирских восстаний XVII–XVIII веков. Социально-экономическое положение башкир Исетской провинции мало отличалось от юго-восточного региона. Поэтому башкиры этих волостей пришли в повстанческий лагерь, возглавляемые своими старшинами.

В начале Крестьянской войны феодально-старшинская верхушка смешанной зоны Башкирии придерживалась выжидательной позиции. Лишь крупные победы повстанческой армии и мощный подъем движения привели их в повстанческий лагерь. Немалую роль в этом сыграло активное включение в восстание народных масс: не примыкая к движению, феодалы теряли свой авторитет и оказались лицом к лицу с вооруженными восставшими общинниками. К тому же энергичные действия таких пугачевских полковников, как Салават Юлаев, Каскын Самаров, Каранай Муратов, наводили ужас на старшинскую верхушку.

Таким образом, даже процесс вступления башкир в Крестьянскую войну показывает сложное переплетение социальных и национальных мотивов. Трудовые массы башкир стремились к освобождению не только от последствий захвата земли и ограничений внутреннего самоуправления, но и от растущего феодального угнетения. Цели и задачи их участия в движении объективно совпадали с целями и задачами русского крестьянства: «за землю и волю». Но формы их выражения и способ борьбы за их осуществление представляли собой причудливое переплетение социальных и национальных элементов. Социальное содержание борьбы внутри башкирского общества проявлялось неоднократно на всей территории Башкортостана. Оно, слабо заметное в начале движения, по мере развития восстания проявлялось все явственнее и четче.

Социальные столкновения среди зауральских башкир во время Крестьянской войны проявлялись мало. На Ногайской дороге на первом этапе восстания они происходили эпизодически: поимка или физическое уничтожение «верных» старшин Юсупа Надырова, Мухаммет-Рахима Юсупова, Осипа Тевкелева, покушения на Мендея Тупеева, Кулуя Балтачева, князя Уракова.

К весне 1774 года обстановка в Башкортостане резко изменилась. Поражение главных сил повстанцев в марте-апреле привело к значительному изменению в расстановке классовых сил в башкирском обществе. Видимо, многомесячная и безуспешная осада Оренбурга и Уфы главными повстанческими силами, неудачи повстанцев в районах Красноуфимска – Кунгура и Мензелинска, усиление наступления правительственных войск обусловливали колебание старшинской верхушки башкир. Еще 5 февраля 1774 года вновь назначенный командующим правительственными войсками генерал-аншеф А.И. Бибиков доносил Екатерине II, что «пораженные везде злодеи рассыпаться начали, а упившиеся буйством прелестьми и обольщениями злодейскими стихать и в повиновение приходить начинают»[1].

На феодалов-попутчиков башкир особенно сильно воздействовало углубление социального содержания самого движения и усиление социальной направленности манифестов Е.И. Пугачева. Отход от движения части старшин произошел буквально после поражения Главного войска под Оренбургом. Первым предал восстание Ямансары Яппаров. В рапорте генералу П.М. Голицыну от 4 апреля 1774 года Ямансары сообщал, что, собрав свою команду в 300 человек под командованием своих сыновей Киикбая и Узанбая, он отправил их для преследования бежавшего Е.И. Пугачева, а сам вступил в карательную команду И.Л. Тимашева[2]. 4 апреля в город Уфу к И.И. Михельсону прибыла делегация от старшин Кусапкула Азятева, Юлдаша Кутлина, Буляка Умерова и Каскына Самарова с обещением «жить с покоем и быть верноподданным е. и. в.». 7 апреля, «принося свою покорность», в Уфимскую провинциальную канцелярию явились старшины Алибай Мурзагулов, Ибрагим Мрясев, Айса Якупов, Кид-

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 94.

[2] РГВИА. Ф. 20. Д. 1232. Л. 407.

рас Муллакаев, возвращался домой со своим отрядом старшина Кумрук-Табынской волости Мурадым Абдрахманов[1].

К середине апреля от восстания отошли 37 старшин, в том числе 27 башкирских. Основную массу этих старшин составляли представители смешанной зоны Башкирии. Из 27 башкирских старшин 15 были из Ногайской дороги, 4 – из восточных волостей Казанской, 8 – из Сибирской дороги[2]. Таким образом, весной 1774 года поражение главных повстанческих войск усилило поляризацию социальных сил среди башкир Ногайской дороги. В карательной команде И. Логинова и И. Зубова были башкиры сотника Чуби-Минской волости Ахмера Кармангулова. Появление Пугачева со своим Главным войском на территории Башкортостана и новый подъем движения летом этого же года еще больше обострило социальную борьбу внутри башкирского общества.

Усилилась социальная борьба среди башкир Сибирской дороги. Старшина Шайтан-Кудейской волости Хусейн Айсин, назначенный вместо Юлая Азналина, в мае 1774 года отправил в корпус Михельсона 20 башкир. Обещал прислать И.И. Михельсону «сколько может набрать людей» старшина Сартской волости Уметей Уразембетов[3].

Особенно отчетливую социальную окраску приобрело отношения к восстанию у башкир Казанской и Осинской дорог. Если на первом этапе Крестьянской войны «верные» башкирские старшины действовали в одиночку и не могли создавать свои карательные команды, то весной 1774 года им удалось привлечь на сторону карателей некоторую часть населения. И.И. Михельсон еще в марте 1774 года докладывал, что мишарские старшины Уфимской провинции были «и с начала почти все доброжелательны» к властям. В апреле действовали карательные команды Мендея Тупеева, Аблая Смайлова, Салтан-Мурата и Бахтияра Янышевых, Абдуллатифа Измайлова, Муксина Абдусалямова и Ишмухаммета Сулейманова. Многие из них вошли в состав карательного корпуса И.И. Михельсона, который называл их «партизанами». Активизировали свои действия карательные команды башкирских «верных» старшин Кулуя и Сагита Балтачевых,

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 122–124.

[2] Там же. С. 122–123, 127–128, 144–146, 169–170, 256–257.

[3] РГВИА. Ф. 20. Д. 1232. Л. 407.

Шарипа Киикова, Ахмера и Валиши Шариповых[1]. В бассейне реки Танып, в окрестностях пригорода Бирска и Ангасякского винокуренного завода они вели борьбу с отрядами повстанческих полковников Буляка Якупова, Арслана Рангулова, Аладина Фелякова.

Слух о продвижении Главного войска Е.И. Пугачева к пригороду Осе способствовало усилению движения в этом регионе. Активизировали свои действия и «верные» башкирские старшины. Их команды действовали как самостоятельно, так и в качестве «партизан» в правительственных карательных корпусах. Так, в начале мая в корпусе И.И. Михельсона было 600 «партизан». В начале лета к нему Салтан-Мурат Янышев привел 300 человек, Габбас Раджаб-углы – 100. В апреле карательная команда Мендея Тупеева разбила отряд одного из крупных предводителей повстанческого движения на Казанской дороге Мясогута Гумерова и взял его в плен. Командой Кидраса Муллакаева и других башкирских старшин Ногайской дороги, перешедших на сторону карателей, был разбит повстанческий отряд В.И. Торнова. Команды многих «верных» старшин в составе корпуса И.И. Михельсона участвовали в сражении против Главного войска Пугачева под Казанью[2].

Весьма сложная обстановка сложилась в центральной полосе Башкортостана. Первые крупные поражения главных повстанческих сил вынудили основную массу башкирских старшин этой зоны отойти от движения. Незначительная часть старшин перешла в лагерь карателей. Подъем народной борьбы летом 1774 года вынудил колеблющуюся часть башкирских старшин еще раз примкнуть к движению и встать во главе повстанческих отрядов. Но поражение от генерала Голицына 5 июля на реке Ашкадаре вынудило их окончательно отойти от восстания. Позицию этой группы старшин очень четко раскрывал Алибай Мурзагулов в своем письме от 26 июня 1774 года старшинам ясачных татар Казанской дороги Ибрашу Уразбахтину и Максюту Мурзакаеву. Он предлагал дожидаться результата войны «государя Петра Федоровича» с регулярными полками. Дальнейший

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. в России. Документы из Собрания Государственного исторического музея. С. 199–200.

[2] РГАДА. Ф. 6, Д. 592. Л. 36; Ф. 1100. Д. 8. Л. 17 и об.; Ф. 9. Л. 53–53 об.; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 127, 131–132, 135, 137, 146–147, 156, 163–164, 209.

ход Крестьянской войны определил их место: скрываясь после поражения в течение 2-х недель, 17 июля они добровольно сдались генералу П.М. Голицыну.

Среди башкирских полковников этого региона, перешедших на сторону карателей, особой активностью выделялся старшина Кара-Табынской волости Кидрас Муллакаев. Крупный феодал, сохранивший «верность» царским властям еще во время башкирских восстаний 30-х годов и получивший за это в 1767 году в Казани «всемилостивейшее особливое награждение» из рук самой императрицы[1]. На втором этапе Крестьтянской войны он фактически возглавил карательные действия «верных» башкирских и мишарских старшин Ногайской дороги. Им были разгромлены крупные отряды Канзафара Усаева, В.И. Торнова, Гаврилы Давыдова, а предводителей взял в плен и сдал властям[2]. Он пытался организовать борьбу против Каскына Самарова и Караная Муратова[3].

Таким образом, башкирское общество на втором этапе Крестьянской войны фактически раскололось на два воюющих лагеря. Среди башкир развернулась социальная борьба, что особенно четко было видно в Уфимской провинции. Усиление социальной борьбы отражается в доношениях повстанческих предводителей и «верных» старшин.

Углубление социального содержания борьбы понимали и вожди Крестьянской войны. Еще в манифесте Е.И. Пугачева от 1 декабря 1773 года призывалось уничтожить помещиков «как сущих преступников закона и общего покоя». А в манифесте от 3 декабря определилась ясная социальная альтернатива: бояр, генералов, майоров, капитанов, словом, всех, кто раньше «объедали, лишали моих рабов воли и свободы, сейчас вы их рубите». В именном указе башкирскому старшине Адылу Ашменеву от 19 июня 1774 года Е.И. Пугачев еще более конкретизировал свои призывы, обращенные к башкирам[4]. Лозунги социальной справедливости, стремление уравнять трудовые низы всех национальностей, защитить их от притеснения со стороны господ и власть имущих сквозит в указах Военной коллегии,

---

[1] Очерки по истории Башкирской АССР. Т. I. Ч. 1. С. 178.

[2] РГВИА. Ф. 20. Д. 1239. Л. 414 и об.; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 123–124, 127–128, 132–133, 220–224.

[3] РГАДА. Ф. 6. Д. 592. Л. 552 и об.;

[4] РГВИА. Ф. 20. Д. 1240. Л. 98 об.; Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 44–45.

в воззваниях И.И. Зарубина, Салавата Юлаева, Каскына Самарова и других пугачевских полковников. Особенно радикальные социальные требования были выдвинуты в воззваниях И.Н. Грязнова, около половины войска которого составляли башкиры. На последнем этапе войны социальный характер движения башкир еще более углубился.

Башкиры на завершающем этапе Крестьянской войны. С уходом Пугачева и его Главного войска под Казань и за Волгу борьба на территории Башкортостана не прекратилась. Генерал-майор П.М. Голицын в августе 1774 года новому командующему правительственными войсками генерал-аншефу П.И. Панину сообщил, что дела в Башкортостане «в такой расстройке состоят, что я всю свою возможность собираю к их предупреждению и поправлению». Несмотря на то, что башкиры, по его мнению, несколько успокоились, они продолжают оставаться главной бунтующей силой. На растущую борьбу башкир с тревогой указывали генерал-поручик Ф.Ф. Щербатов и Оренбургский губернатор И.А. Рейнсдорп. Последний в своем рапорте писал, что при существующей обстановке в губернии, когда «башкирской... народ пустился в генеральный бунт», без воинской помощи «ничего учинить не в состоянии»[1].

Усилению борьбы в крае способствовало также то, что из-под Осы вернулись бригадиры Салават Юлаев и Канзафар Усаев. Из-под Казани на Ногайскую дорогу вернулись полковники Селяусин Кинзин и Кутлугильде Абдрахманов, в Зауральский Башкортостан – пугачевский фельдмаршал Базаргул Юнаев, генерал Юламан Кушаев и полковник Сары Абдуллин, старшина ясачных тептяро-бобылей полковник Мухаммет Сафаров[2]. Возвращение этих отрядов вызвало серьезную тревогу у военных властей. Канзафар Усаев на допросе говорил, что Пугачев отправил его со «злодейским манифестом для набору толпы в Башкирию и возмущать спокойно живший народ», что он намеревался, «собравши толпу, напасть на Уфу и разбить российския войска»[3].

Усиление народной борьбы в Башкортостане вынудило власти концентрировать здесь большие карательные силы. В Яицком городке

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 219, 223.

[2] РГАДА. Ф. 6. Д. 645. Л. 3, 41, 60, 63 и об.; Д. 646. Л. 256 об.; Ф. 1274. Д. 186. Л. 216 об.

[3] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 221.

находился корпус генерал-майора П.Д. Мансурова, контролировавший южные районы края, в Оренбурге – корпус полковника В.В. Долгорукова с двумя легкими полевыми командами, в Сакмарском городке – корпус полковника С.П. Наумова. Корпус полковника П.А. Шепелева контролировал район села Бугульчан, Стерлитамакской пристани и Табынской крепости. Дистанцию от Бугульчана до Верхне-Яицка контролировал корпус генерал-майора Ф.Ю. Фреймана. Между Уфой и Стерлитамакской пристанью располагался корпус подполковника И.К. Рылеева, а линии Уфа – Бугульма и Уфа – Мензелинск охраняла команда полковника А.Я. Якубовича. На Ново-Московской дороге карательная команда полковника Н.Н. Кожина своим правым флангом примыкала к корпусу В.В. Долгорукова. К сентябрю в Верхне-Яицкую крепость прибыл корпус генерал-майора П.М. Голицына, до конца сентября в районе Зилаирской крепости находилась команда подплковника И.Л. Тимашева. В Закамье была переведена из Мензелинска команда полковника А.Ф. Обернибесова, в Екатеринбург с Троицкой линии был переброшен корпус генерал-поручика И.А. Деколонга, с Сибирской линии был переведен в Екатеринбург, а затем в Челябинск корпус генерал-майора А.Д. Скалона. Позже корпус генерала Ф.Ю. Фреймана перевели с Верхне-Яицкой дистанции в Уфу, где он оставался до лета 1775 года. Летом из Оренбурга корпус генерал-поручика Ф.Ф. Щербатова перебросили в Бугульму. Корпус П.М. Голицына, отправленный из Уфы в Казань, вынужден был оставаться в Мензелинске. В Бугульме находилась команда полковника Н.Н. Кожина, по Ново-Московской дороге курсировали команды майоров В. Юшкова и В. Меллина, в западных волостях – полковника А.Ф. Обернибесова и подполковника С.В. Неклюдова. На севере Башкортостана находились крупные карательные команды подполковников И.К. Рылеева и А.В. Папава, майоров Д.О. Гагрина и Ф. Жолобова, коллежского асессора М.И. Башмакова. Кроме того, в крае были сильные гарнизоны Уфы, Табынска, Верхне-Яицкой, Троицкой, Верхне-Озерной, Зилаирской и других крепостей[1].

Е.И. Пугачев, продолжая движение к Казани, стремился обеспечить тыл Главного войска, создавая из башкирских повстанческих

[1] *Кулбахтин Н.М.* Участие башкирского народа в Крестьянской войне 1773–1775 гг. С. 71; *Гвоздикова И.М.* Башкортостан накануне и в годы Крестьянской войны под предводительством Е.И. Пугачева. С. 433–434.

отрядов аръергардный заслон против сосредоточившихся в Башкортостане карательных войск. Эта задача была блестяще выполнена. Подъем борьбы народных масс Башкортостана летом 1774 года принудил военные власти распылять карательные силы на всей территории края для подавления растущего движения. В результате лишь корпус подполковника И.И. Михельсона и небольшой отряд секунд-майора В. Меллина смогли преследовать Главное войско Пугачева. В самый тревожный для страны момент, когда Е.И. Пугачев перешел Волгу и возникла угроза похода на Москву, в Башкортостан продолжали поступать дополнительные карательные силы[1].

С уходом Главного войска за Волгу народная борьба на территории Башкортостана не утихла, а повсеместно продолжала нарастать. В Зауральском Башкортостане она усилилась после возвращения из-под Осы Юламана Кушаева, Базаргула Юнаева и других предводителей. 13 октября 1774 года комендант Верхне-Яицкой дистанции полковник Е.А. Ступишин сообщал, что старшина Кара-Табынской волости Юламан Кушаев и старшина ясачных татар Мухамет Сафаров после ухода Пугачева разглашали среди башкир и мишарей, что «злодей появился в здешних окружностях во многочисленном множестве», от чего всех башкир и мишарей «в прежнее бунтовство и злодейство приводили». Исетский воевода полковник А.П. Веревкин 6 ноября сообщал, что три старшины: Кара-Табынской волости Юламан Кушаев, Бала-Катайской – Сара Абдуллин и Мякотинской – депутат Базаргул Юнаев еще не явились с повинной. Старшина Салзаутской волости Баязит Максютов и сотник Терсятской волости Махмут Калмакаев еще во второй половине декабря оставались «в своем бунтовщическом возмущении», а Базаргул Юнаев и Баязит Максютов и летом 1775 года были в бегах[2]. Основная же масса населения Зауральского Башкортостана пришла в покорность в первой половине ноября 1774 года. По сообщениям подполковника И.Г. Лазарева и полковника Е.А. Ступишина, к 6 ноября с повинной явились 1600 человек «иноверческих народов» да сверх того «278 дворов

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 592. Л. 222–223 об.; Д. 593. Л. 113, 114; Ф. 1100. Д. 8. Л. 334–335 об.; Д. 12. Л. 62, 63; РГВИА. Ф. 20. Д. 1233. Л. 387 и об.; Д. 12238. Л. 429; Д. 1240. Л. 352 и об.

[2] РГАДА. Ф. 429. Оп. 1 Д., 65. Л. 280–284; Ф. 1100. Д. 12. Л. 132-133; Ф. 1274. Д. 179. Л. 36.

и с ними старшины»[1]. Для окончательного подавления движения в Исетской провинции из Зилаирской крепости была переброшена команда И.А. Тимашева, из Челябинска – корпус генерала А.Д. Скалона. В провинции действовали также войска И.А. Деколонга и Ф.Ю. Фреймана, использовались сильные гарнизоны Верхне-Яицкой и Троицкой крепостей.

На третьем этапе Крестьянской войны продолжалась борьба трудовых масс Ногайской дороги. Вернувшись из-под Осы, Канзафар Усаев в районе Стерлитамакской пристани, между реками Белой и Ашкадаром, собрал повстанческий отряд в 400 человек из башкир, мишарей, татар и заводских крестьян. Видимо, в конце июля с его отрядом соединились отряды Караная Муратова и Канбулата Юлдашева. По сообщению «верных» старшин, в их объединенном отряде было до 1000 человек, они собирались идти на Уфу и «между рек Уршаком и Демой состоящия жительства вырубить»[2].

В южных волостях Ногайской дороги повстанческие отряды совершали налеты на Озерную, Кизильскую, Ильинскую крепости, угоняли у них лошадей и скот, нападали на карательные команды И.А. Тимашева и С.Л. Наумова, на небольшие карательные партии на Ново-Московской дороге. В отрядах усерганских, тангаурских и бурзянских башкир были яицкие казаки, калмыки, кандаурские татары, ногайцы и заводские крестьяне. Власти стремились оторвать последних от восставших башкир.

В центральных и северных волостях Ногайской дороги действовали отряды Каскына Самарова, Караная Муратова, многочисленные отряды юрматынских, табынских и минских башкир. По сообщению Уфимской провинциальной канцелярии, в верховьях Белой находился отряд в 300 человек, также отдельные башкирские повстанческие отряды находились «в разных деревнях и в отдаленных местах, а другие в горах»[3].

Усиление движения в Башкортостане всерьез напугало военные власти. Особенно их тревожило положение на Ногайской дороге. В письме к генерал-поручику Ф.Ф. Щербатову от 31 июля 1774 года

---

[1] РГАДА. Ф. 1274. Д. 179. Л. 36.

[2] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 214–215.

[3] РГАДА. Ф. 1100. Д. 9 Л. 531–531 об.; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 214–216, 221–222, 243.

И.А. Рейнсдорп откровенно признавался в своем бессилии, упрекая его в том, что тот не сумел «опасность отвратить и развращенные народы успокоить». Он выступил против отправки корпуса генерала П.Д. Мансурова к Сызрани[1].

Несмотря на большую концентрацию карательных сил на Ногайской дороге, властям не скоро удалось сломить сопротивление башкир. 7 октября в ордере полковнику П.А. Шепелеву губернатор И.А. Рейнсдорп сообщал, что большинство башкирских старшин, «отдаляясь от домов своих, скрываются и убегают»[2].

Однако к концу октября 1774 года движение башкир Ногайской дороги пошло на убыль. 24 октября И.А. Рейнсдорп рапортовал П.И. Панину, что многие башкирские старшины Ногайской дороги пришли в покорность, что только «искусные пугачевские старшины» Каранай Муратов, Муйнак Сулейманов, Каскын Самаров, Кутлугильде Абдрахманов от своих домов «находятся в отлучении»[3]. Но 25 октября И.А. Тимашев сообщил И.А. Рейнсдорпу, что он арестовал этих старшин[4]. В ноябре 1774 года 22 старшины Ногайской дороги через Алибая Мурзагулова принесли свою присягу и обещались прийти с повинной в Казанскую секретную комиссию. В первой половине декабря в Казань прибыли 13 башкир, среди которых из Ногайской дороги были 9: 7 старшин, 1 сотник, 1 рядовой. Таким образом, к середине декабря на Ногайской дороге активные действия повстанческих отрядов прекратились[5].

На третьем этапе Крестьянской войны значительные повстанческие силы действовали на Казанской и Осинской дорогах. Подъему движения в этом регионе Башкирии способствовало продвижение к Казани Главного войска Е.И. Пугачева. Многие повстанческие отряды этого региона стремились соединиться с ним. С этой же целью из района Стерлитамакской пристани к Шуранскому перевозу на Каме прошел со своим отрядом в 2 тысячи человек Каранай Муратов. Развернулась острая борьба восставших против «верных» старшин,

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 218–219.

[2] Там же. С. 238.

[3] Там же. 245.

[4] Там же. С. 246–247.

[5] РГАДА. Ф. 6. Д. 507. Ч. III. Л. 79–80; Ф. 1274. Д. 179. Л. 721 и об.; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 219, 238, 245–246.

которых поддерживали карательные команды полковников Н.Н. Кожина и А.Ф. Обернебесова, майоров В. Меллина и В. Юшкова. В конце лета 1774 года на Осинской дороге активизировались действия отрядов Аделя Ашменева, Буляка Якупова, Арслана Рангулова, Абдузелиля Урускулова, Абдулсаляма Рамзина, Аладина Бектуганова. Западнее их действовал отряд полковника Бахтияра Канкаева, в районе Бирска – отряды башкирских полковников Медета Мендиярова и Аита Саитова, черемисских полковников Якея Егорова и Байкея Тойкиева. В южных волостях Казанской дороги действия повстанческих отрядов охватывали территорию бассейна реки Демы, окрестности Белебея, деревни Саран и Усень-Ивановского завода. Они имели несколько сражений с карательными командами[1]. Действия повстанческих отрядов этого региона отвлекали крупные карательные корпуса генерала П.М. Голицына, полковника С.В. Неклюдова.

После ухода Е.И. Пугачева за Волгу повстанческое движение в западных волостях Башкирии пошло на убыль. Ушел оттуда на Ногайскую дорогу Каранай Муратов. 25 июля около деревни Батеряки был разбит карательным корпусом полковника С.В. Неклюдова отряд Лихачева. В конце июля, оставив 2-тысячный отряд, скрылся Бахтияр Канкаев. 17 августа начальник Казанской секретной комиссии генерал-майор П.С. Потемкин рапортовал Екатерине II, что «вокруг Казани и до самой Казани – все спокойно. Не утешаются одни только башкиры и самая малая часть между Табынска и Бугульмы»[2]. 30 сентября полковник П.А. Шепелев в своем рапорте Оренгбургскому губернатору И.А. Рейнсдорпу доносил, что башкиры, проживающие по рекам Деме и Уршаку, пришли в повиновение, а их старшины поехали для принятия присяги в Казань[3]. К 1 ноября в бегах находился лишь старшина ясачных татар пугачевский полковник Ибраш Уразбахтин[4].

---

[1] РГВИА. Ф. 20. Д. 1239. Л. 305, 306, 416; Д. 1240. Л. 104 и об.; 105, 107, 110, 111, 215 и об.; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 202–203, 213; Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 342, 345.

[2] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 225.

[3] РГАДА. Ф. 1100. Д. 120. Л. 279 и об.

[4] Материалы по истории СССР. Вып. V. М., 1957. С. 575; Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 409.

Видимо, во второй половине ноября 1774 года практически прекратилось активное действие восставших башкир Осинской дороги. К 20 ноября лишь башкирский полковник повстанческой армии, главный атаман Араслан Рангулов «с малым числом сторонников» находился в бегах в районе верхнего течения реки Танып[1].

На третьем этапе Крестьянской войны с особой полнотой раскрылся организаторский и полководческий талант Салавата. Вернувшись из-под Осы с манифестом Пугачева, он возглавил повстанческое движение на Сибирской дороге. Он оказывал серьезное воздействие на ход событий в районах Уфы, пермских и екатеринбургских заводов. В документах прослеживается его связь с повстанческими предводителями башкир Исетской провинции. В районе Кунгура движение возглавлял его соратник Ильчигул Иткулов[2]. Еще в начале ноября 1773 года в этих районах отряды восставших башкир держали власти в большом напряжении. Однако в конце ноября движение пошло на убыль. Был схвачен Ильчигул Иткулов. 25 ноября в плен попал Салават Юлаев, 9 декабря – его соратник, пугачевский полковник мулла Якуб Тлеумбетев. После поимки Салавата Юлаева и его соратников восстание на Сибирской дороге к началу декабря окончательно прекратилось. Но напряжение в Башкортостане продолжало сохраняться до лета 1775 года.

Сводные данные о башкирских предводителях Крестьянской войны. Историческая роль башкир заключается не только в их массовом участии в Крестьянской войне 1773–1775 годов, но и в том, что они дали восстанию целую плеяду крупнейших и выдающихся предводителей. К сожалению, из башкирских вождей известны лишь Салават Юлаев и его отец Юлай Азналин, немногие читатели более или менее осведомлены о повстанческой деятельности Кинзи Арсланова. Основная масса башкирских вождей Крестьянской войны 1773–1775 годов предана забвению, до сих пор остается в тени исторического прошлого. В восстании практически каждое башкирское племя выдвинуло своего вождя.

Крестьянская война расколола страну на два воюющих лагеря. На подавление Крестьянской войны царское правительство мобили-

[1] РГАДА. Ф. 1274. Д. 179. Л. 380; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 225–235.

[2] РГАДА. Ф.1100. Д. 12, Л. 62, 63; Ф. 1274. Д. 179. Л. 180 и об.; 183.

зовало крупные воинские силы, направило лучших полководцев того времени. Роль главного дирижера выполняла сама императрица Екатерина II. Ей помогали генерал-прокурор Правительствующего Сената князь А.А. Вяземский, президент Военной коллегии граф З.Г. Чернышев, командующий иррегулярными войсками А.Г. Потемкин. Были задействованы губернаторы 9 губерний, десятки провинциальных воевод, командующие укрепленными линиями, комендантs городов и крепостей. Среди командующих карательными силами были опытные и талантливые русские полководцы генерал-аншефы А.И. Бибиков и П.И. Панин, генерал-поручик А.В. Суворов и другие. Непосредственное участие в подавлении восстания принимали 26 генералов, 6 бригадиров, 38 полковников и подполковников, десятки низших воинских чинов.

Этой организованной карательной машине восставшие противопоставили свою повстанческую систему. «Плохой» дворянской царице противостоял добрый «мужицкий царь». Была организована своя Военная коллегия, появились свои «графы». Против регулярных воинских частей создавались повстанческие войска, армии, корпуса, полки по демократическому казачьему принципу, назначались или выбирались свои генералы, полковники, атаманы, походные старшины, есаулы, сотники. Всего в повстанческой армии было: 2 генерал-фельдмаршала, 4 генерала, в том числе 1 генерал-аншеф, 1 генерал-фельдцейхместер, 1 генерал-поручик и 1 генерал-майор, 3 бригадира, 105 полковников и подполковников, 91 атаман, 50 походных старшин.

Вожди башкирского народа не только составляли значительный удельный вес в повстанческой армии Е.И. Пугачева. Из их среды вышли крупнейшие предводители Крестьянской войны: Идеркай Баймеков и Кинзя Арсланов были ближайшими советниками Е.И. Пугачева. Базаргул Юнаев, Салават Юлаев, Каранай Муратов, Каскын Самаров возглавляли движение в отдельных повстанческих районах. На третьем этапе Крестьянской войны они возглавляли восстание на всей территории Башкортостана.

Первоначально Е.И. Пугачев стремился все повстанческие войска организовать по казачьему принципу. Каждому предводителю, приведшему в Бердский лагерь отряд в 500 человек, он присваивал чин полковника. В первые дни Крестьянской войны многие старшины Ногайской дороги получили чин полковника именно по этому

принципу. К ним относятся Алибай Мурзагулов, Кидрас Муллакаев, Каип Зиямбетев, Ишкара Арсланов, Ямансара Япаров, Канбулат Юлдашев, Мратша Сыртланов и другие. Отдельным старшинам и рядовым повстанцам чин полковника Пугачев присваивал за особые заслуги или при поручении особо ответственной задачи. Так, Кинзя Арсланов был назначен атаманом и главным полковником «башкирского полка», А.Т. Соколов – полковником повстанческого отряда, составленного из крестьян Авзяно-Петровских заводов. Каскын Самаров стал полковником, когда возглавил Чесноковский лагерь, а Каранай Муратов – главным полковником, став во главе Мензелинского повстанческого района. Канзафару Усаеву, Салавату Юлаеву, Абдею Абдулову и Бахтияру Канкаеву был присвоен чин полковника, когда Пугачев отправлял их в северные волости Башкортостана для мобилизации местного населения в движение. Я.С. Антипов стал полковником, когда ему поручено было организовать отливку пушек на Воскресенском заводе. Весной и летом 1774 года Е.И. Пугачев стремительным маршем продвигался по территории Зауральского Башкортостана, в сражениях под Троицкой крепостью и селом Лягушино терял свое Главное войско. Он оказался в критических ситуациях. Его в буквальном смысле спасали зауральские башкиры. Е.И. Пугачев на допросах показывал, что тогда к нему пришли около 10 тысяч «уральских» башкир и несколько заводских крестьян. Роль зауральских башкир в возрождении Главного войска признавали и местные власти. Исетский воевода В.И. Свербеев в апреле 1775 года обвинял башкир Катайской волости: «Тогда, когда того вора [Пугачева] под Троицкой крепостью и деревней Лягушино в прах разбили, старались спасать плутовскую ево жизнь и дали ему убежище в своих кочевьях, да и погодя подавали во всяких случаях ему помощь и подкрепление». Буржуазный историк П.Л. Юдин, отмечая заслуги Салавата в эти критические дни не только для Е.И. Пугачева, а в целом для Крестьянской войны, писал: «не будь у Пугачева такого «свирепого» помощника как Салават, он вряд ли мог бы продержаться долго в Башкирии, чтобы после целого ряда неудач от Михельсона и Деколонга успеть снова набрать мятежные толпы, с которыми потом двинуться на Казань».

Не мог не оценить этого и сам Е.И. Пугачев. 5 июня 1774 года, после ряда сражений с корпусом И.И. Михельсона, он присвоил Базаргулу Юнаеву чин фельдмаршала, Юламану Кушаеву – генерала,

Салавату Юлаеву и Канзафару Усаеву – бригадира, Юлая Азналина назначил главным атаманом Сибирской дороги, Баима Кедряева – главным судьей Башкортостана. Около 10 башкирских старшин получили чин полковника. Когда Главное войско Е.И. Пугачева продвигалось по заводам и крепостям Северо-Западного Башкортостана, Адигут Темясов, Туктамыш Ишбулатов и ряд башкирских предводителей получили чины полковника и атамана.

Высокие чины присваивал И.Н. Зарубин-Чика. Так, в конце декабря 1773 года он присвоил чин полковника башкирскому старшине Уранской волости Осинской дороги Аиту Саитову, прибывшему в Воскресенский завод; чин походного старшины – Батыркаю Иткинину, прибывшему в Чесноковский лагерь. Салават Юлаев присваивал чин полковника башкирам Ильчигулу Иткулову и Якупу Тлеумбетеву, татарину Абдулле Токтарову, марийцу Изебаю Акбаеву. Иногда восставшие сами выбирали себе полковников. Таким «выборным» полковником оказался башкир деревни Кызылярово Осинской дороги Джиян Куштанов.

После крупного поражения Главного войска под Татищевой крепостью 22 марта 1774 года Е.И. Пугачев дал распоряжение уничтожить все документы Ставки и Военной коллегии, чтобы они не попали в руки карателей и не использовались властями в качестве компрометирующего материала. Манифесты и указы Е.И. Пугачева и Военной коллегии, документы походных канцелярий отдельных крупных предводителей были уничтожены и карателями. Их сжигали публично на церковных площадях. Поэтому о присвоении высоких чинов многим предводителям не сохранились. Их приходится восстанавливать путем реконструкции по косвенным информациям: по сообщениям повстанческих канцелярий; по рапортам и переписке карательных командиров, представителей местной царской администрации. Самые достоверные и полные сведения имеются в материалах Оренгбургской и Казанской секретных комиссий и Тайной экспедиции Сената, где проводились допросы участников восстания. Следственные материалы имеют огромное значение для изучения истории этого грандиозного антикрепостнического движения в России, в том числе и в выяснении предводителей народных масс. Эти источники размещены в фондах РГАДА, РГВИА и других архивохранилищ Москвы и Санкт-Петербурга. Автору данной книги удалось изучать эти материалы в течение 45 лет, что позволило сделать

по поставленной задаче некоторые выводы. Однако это лишь промежуточные выводы. Для выявления всех предводителей, их боевой деятельности и судьбы необходимо тщательное изучение всех письменных источников, что требует планомерной и целенаправленной работы целой группы исследователей и, возможно, не одного поколения.

Ниже предлагаем читателям имена башкирских предводителей Крестьянской войны 1773–1775 годов, которые имели высокие чины повстанческой армии (таблица 2). В список включены также предводители, командовавшие крупными повстанческими частями и соединениями, которым присвоение чина полковника документами не подтверждается.

Таблица 2

Башкирские предводители Крестьянской войны 1773–1775 годов

№ п/п	Имя, фамилия	Повстанческий чин	Провинция, уезд, дорога	Волость, деревня (современное название деревни и района)	Занимаемая должность до восстания	Судьба
1	2	3	4	5	6	7
1	Базаргул Юнаев	Фельдмаршал	Исетская провинция	Мякотинская волость, ныне несуществующая деревня Базаргулово (Челябинская область)	Старшина, депутат Уложенной комиссии	Лишен депутатской должности
2	Юламан Кушаев	Генерал	Исетская провинция	Кара-Табынская волость	Старшина	
3	Салават Юлаев	Бригадир	Сибирская дорога	Шайтан-Кудейская волость, деревня Текеево (Салаватский район РБ)	Старшинский сын	Сослан на вечную каторгу
4	Кинзя Арсланов	Главный полковник	Ногайская дорога	Бушман-Кыпсакская волость, деревня Кинзя (ныне Кинзя-Абызово Куюргазинского района РБ)	Старшина	Исчез после сражения под Черным Яром

Продолжение табл. 2

1	2	3	4	5	6	7
5	Каранай Муратов	Главный полковник	Ногайская дорога	Бурзянская волость, деревня Каранаево (Стерлибашевский район РБ)	Сотник	Освобожден без наказаний
6	Ишмень Иткулов	Главный полковник	Сибирская дорога	Кущинская волость, деревня Кызылбаево (Мечетлинский район РБ)	Рядовой башкир	Погиб в бою
7	Бахтияр Канкаев	Главный полковник	Сибирская дорога	Кущинская волость, деревня Большая Ока (Мечетлинский район РБ)	Мулла	Скрылся
8	Юлай Азналин	Поковник, главный атаман	Сибирская дорога	Шайтан-Кудейская волость, деревня Текеево (Салаватский район РБ)	Старшина	Сослан на вечную каторгу
9	Адиль Бигашев	Полковник, главный атаман	Сибирская дорога	Неизвестны	Отставной капрал, мулла	Наказанию не подвергался
10	Араслан Рангулов	Полковник, главный атаман	Сибирская дорога	Танып ская волость, деревня Кигазы (Аскинский район РБ)	Сотник	Умер в Уфимской тюрьме
11	Баим Кедряев	Полковник, главный судья	Исетская провинция	Кубалякская волость, деревня Баимово (Абзелиловский район РБ)	Старшина, тархан	Наказанию не подвергался
12	Абзан Баимов	Командир повстанческого отряда	Исетская провинция	Кубалякская волость, деревня Баимово (Абзелиловский район РБ)	Старшина, тархан	Наказанию не подвергался
13	Абдей Абдулов	Полковник	Осинская дорога	Гайнинская волость, деревня Елпачиха (Бардымский район Пермского края)	Мулла, старшина	Наказанию не подвергался

Продолжение табл. 2

1	2	3	4	5	6	7
14	Абдакай Абдулов	Полковник	Осинская дорога	Гайнинская волость, деревня Елпачиха (Бардымский район Пермского края)	Рядовой башкир, брат Абдея	Наказанию не подвергался
15	Канзей Абдулов	Полковник	Осинская дорога	Гайнинская волость, деревня Елпачиха (Бардымский район Пермского края)	Рядовой башкир, брат Абдея	Наказанию не подвергался
16	Абдулзялиль Урускулов	Полковник	Сибирская дорога	Кыр-Таныпская волость	Рядовой башкир	Освобожден без наказаний
17	Абдулла Мустаев	Полковник	Неизвестна	Неизвестны	Неизвестна	Неизвестна
18	Абдусалям Рамзин	Полковник	Осинская дорога	Гайнинская волость, деревня Ишменево (Бардымский район Пермского края)	Рядовой башкир	Сослан в гусарский полк
19	Адигут Тимясев	Полковник	Осинская дорога	Гайнинская волость, деревня Елпачиха (Бардымский район Пермского края)	Мулла	Освобожден без наказаний
20	Адыль Ашменев	Полковник	Осинская дорога	Гайнинская волость, деревня Елпачиха (Бардымский район Пермского края)	Рядовой башкир	Ослеп в тюрьме, освобожден с наказанием
21	Азатка	Полковник	Ногайская дорога	Бишауль-Табынская волость, деревня Бишаул-Унгарово (Кармаскалинский район РБ)	Рядовой башкир	Неизвестна
22	Аднагул Мурзагулов	Атаман	Ногайская дорога	Кыркули-Минская волость, деревня Чукраклы (Чишминский район РБ)	Рядовой башкир, брат Алибая	Неизвестна

Продолжение табл. 2

1	2	3	4	5	6	7
23	Аит Саитов	Полковник	Осинская дорога	Уранская волость, деревня Кумово (Бардымский район Пермского края)	Рядовой башкир	Умер в Казанской тюрьме
24	Акмурза Лоишев	Полковник	Ногайская дорога	Неизвестно	Рядовой башкир	Неизвестна
25	Аладин Бектуганов	Полковник	Сибирская дорога	Кыр-Таныпская волость, деревня Кайпаново (Балтачевский район РБ)	Рядовой башкир	Умер в пути из Казани в Мензелинск
26	Аладин Феляков	Полковник	Осинская дорога	Неизвестно	Рядовой башкир	Неизвестна
27	Алибай Мурзагулов	Полковник	Ногайская дорога	Кыркули-Минская волость, деревня Чукраклы (Чишминский район РБ)	Старшина, тл. старшин Ногайской дороги	Наказанию не подвергался
28	Амин Ибраев	Полковник	Исетская провинция	Телевская волость	Рядовой башкир	Неизвестна
29	Асылгужа Мутачев	Полковник	Неизвестна	Неизвестны	Неизвестна	Неизвестна
30	Байгаза Козямышев	Полковник	Исетская провинция	Айлинская волость, деревня Байгазино (Аргаяшский район Челябинской области)	Старшина	Наказанию не подвергался
31	Бакый Абдулов	Полковник	Неизвестна	Неизвестны	Рядовой башкир	Наказанию не подвергался
32	Балтай Идеркаев	Полковник, «писец татарского письма»,	Оренбургская провинция	Казак Войска Яицкого, деревня Кучуево	Рядовой казак	Сослан на пожизненную службу солдатом

Продолжение табл. 2

1	2	3	4	5	6	7
33	Батыркай Иткинин	Полковник	Осинская дорога	Гайнинская волость, деревня Усть-Тунтор (Бардымский район Пермского края)	Рядовой башкир	Наказанию не подвергался
34	Баязит Максютов	Посол Пугачева	Исетская провинция	Терсятская (Салзаутская) волость	старшина	Наказанию не подвергался
35	Биктимир Мутаев	Полковник	Ногайская дорога	Бурзянская волость, ныне несуществующая деревня Мутаево (Кугарчинский район РБ)	Старшина	Наказанию не подвергался
36	Биктимер Уразаев	Полковник	Исетская провинция	Барын-Табынская волость	Рядовой башкир	Погиб в бою
37	Бузан Смаков	Полковник	Ногайская дорога	Кул-Иле-Минская волость, деревня Азнаево (Бижбулякский район РБ)	Сотник	Освобожден без наказания
38	Буляк Якупов	Атаман	Сибирская дорога	Сунларская волость, деревня Байки (Караидельский район)	Старшина	Неизвестна
39	Джиян Куштанов	Полковник	Осинская дорога	Гайнинская волость, деревня Кызылярово (Бардымский район Пермского края)	Рядовой башкир	Освобожден без наказания
40	Ибрагим Мрясев	Полковник	Ногайская дорога	Уршак-Минская волость, деревня Мрясево (Давлекановский район РБ)	Старшина	Наказанию не подвергался
41	Идеркай Баймекев	Полковник, толмач, советник Е.И. Пугачева	Оренбургская провинция	Казак Войска Яицкого, деревня Кучуево	Рядовой казак	Исчез после сражения под Черным Яром

Продолжение табл. 2

1	2	3	4	5	6	7
42	Ильчигул Иткулов	Полковник	Сибирская дорога	Кущинская волость, деревня Кызылбаево (Мечетлинский район РБ)	Старшина	Неизвестна
43	Имаскул Обрамов	Полковник	Неизвестна	Неизвестны	Неизвестна	Наказанию не подвергался
44	Иса Токтагулов	Командир повстанческого отряда: 700 чел.	Исетская провинция	Кара-Табынская волость, деревня Исаево (Челябинская область)	Старшина, гл.старшина Исетской провинции	Наказанию не подвергался
45	Ишкара Арсланов	Полковник	Казанская дорога	Кыпсакская волость, деревня Устюба (Буздякский район РБ)	Старшина	Наказанию не подвергался
46	Каип Зиямбетев	Полковник	Ногайская дорога	Кара-Табынская волость, ныне не существующая деревня Каипово (Альшеевский район РБ)	Старшина	Наказанию не подвергался
47	Каипкул Аслыкаев	Командир повстанческого отряда: 500 чел.	Ногайская дорога	Юмран-Табынская волость, деревня Каипкулово (Оренбургская область)	Старшина	Освобождне без наказания
48	Канбулат Юлдашев	Полковник	Ногайская дорога	Тамьянская волость (Абзелиловский район РБ)	Старшина	Наказанию не подвергался
49	Канбулат Юнин	Полковник	Сибирская дорога	Неизвестно	Рядовой башкир	Неизвестна
50	Карабай Ашменев	Полковник	Осинская дорога	Неизвестно	Неизвестна	Неизвестна

Продолжение табл. 2

1	2	3	4	5	6	7
51	Каскын Самаров	Полковник	Ногайская дорога	Тамьянская волость, деревня Мустафино (ныне деревня Саитово, Федоровский район РБ)	Походный старшина	Освобожден без наказаний
52	Керкей	Полковник	Неизвестна	Неизвестны	Неизвестна	Неизвестна
53	Кидрас Муллакаев	Полковник	Ногайская дорога	Кара-Табынская волость, деревня Кидряч (Давлекановский район РБ)	Старшина, тархан	Наказанию не подвергался
54	Кинзябулат Алкашев	Командир повстанческого отряда: 500 чел.	Ногайская дорога	Бурзянская волость, деревня Кинзябулатово (Иткулово 2-е Баймакского района РБ)	Старшина	Наказанию не подвергался
55	Кузмет Ишменев	Полковник	Казанская дорога	Деревня Маткауш-Баш (Мензелинский район РТ)	Рядовой башкир	Неизвестна
56	Кунакбай	Полковник	Ногайская дорога	Уршак-Минская волость, деревня Кальчир (Кальчир-Бураново, Аургазинский район РБ)	Рядовой башкир	Неизвестна
57	Кунакбай Джумабаев	Полковник	Сибирская дорога	Кунгурский уезд, деревня Сарыс-башы	Рядовой башкир	Неизвестна
58	Кусяпкул Азатов	Командир повстанческого отряда, 950 чел.	Ногайская дорога	Юрматинская волость, ныне несуществующая деревня Кусяпкулово (Ишимбайский район РБ)	Старшина	Наказанию не подвергался
59	Кутлугильде Абдрахманов	Полковник	Ногайская дорога	Бушман-Кыпсакская волость, деревня Кинзя (Кинзя-Абызово, Куюргазинский район РБ)	Рядовой башкир	Освобожден без наказания

Продолжение табл. 2

1	2	3	4	5	6	7
60	Кутлучура Саитмамбетев	Полковник	Ногайская дорога	Сунларская волость, деревня неизвестна	Старшина	Неизвестна
61	Мавлют Аитов	Полковник	Сибирская дорога	Сунларская волость, деревня Чюмакаево (Караидельский район РБ)	Рядовой башкир	Наказанию не подвергался
62	Магдей Мадияров	Полковник	Осинская дорога	Уранская волость, деревня Ябалаково (Илишевский район РБ)	Старшина	Освобожден без наказания
63	Максют	Полковник	Неизвестна	Неизвестны	Неизвестна	Неизвестна
64	Махмут Калмакаев	Посол в Малый казахский жуз	Исетская провинция, Терсятская волость	Деревня Махмутово (Челябинская область)	Сотник	Наказанию не подвергался
65	Мансур Таймасов	Полковник	Исетская провинция	Кара-Табынская волость, деревня Таймасово (Аргаяшский район Челябинской области)	Старшина, тархан	Наказанию не подвергался
66	Масалим Уразаев	Полковник	Казанская дорога	Сарайли-Минская волость, деревня Аитово (Бижбулякский район РБ)	Неизвестна	Неизвестна
67	Медет Миндиаров	Полковник	Сибирская дорога	Дуванская волость, деревня Козяково(ныне входит в состав деревни Яныбаево Белокатайского района РБ)	Старшинский сын, тархан	Наказанию не подвергался
68	Миндиар Аркаев	Командир повстанческого отряда	Сибирская дорога	Дуванская волость, деревня Козяково (ныне входит в состав деревни Яныбаево Белокатайского района РБ)	Старшина, тархан	Наказанию не подвергался

Продолжение табл. 2

1	2	3	4	5	6	7
69	Миней Султуков	Полковник	Казанская дорога	Канлинская волость, деревня Сабаево (Буздякский район РБ)	Старшина	Неизвестна
70	Минлигул Кутлумаметов	Полковник	Неизвестна	Неизвестны	Неизвестна	Неизвестна
71	Мирас Мендияров	Полковник	Неизвестна	Неизвестны	Неизвестна	Неизвестна
72	Муйнак Сулейманов	Полковник	Ногайская дорога	Усерганская волость, деревня Уметбаево (ныне Муйнак Зианчуринского района РБ)	Старшина	Освобожден без наказания
73	Мурадым Абдрахманов	Командир повстанческого отряда: 700 чел.	Ногайская дорога	Кумрук-Табынская (деревня Тирякле, Архангельский район РБ)	Старшина	Наказанию не подвергался
74	Мурат Абдалов	Полковник	Ногайская дорога	Бурзянская волость, деревня Мратово (ныне Тавлыкаево, Баймакский район РБ)	Рядовой башкир	Неизвестна
75	Мурат Булатов	Атаман	Осинская дорога	Гайнинская волость	Рядовой башкир	Неизвестна
76	Муратша Сыртланов	Полковник	Казанская дорога	Кыр-Иланская волость (Илишевский район РБ)	Старшина	Наказанию не подвергался
77	Мурзабай Кашкин	Посол в Малый казахский жуз	Исетская провинция	Калмыкская волость	Сотник, правящий должность старшины	Наказанию не подвергался

Продолжение табл. 2

1	2	3	4	5	6	7
78	Муртаза Юртумов	Полковник	Исетская провинция	Айлинская волость деревня Муртазино (Челябинская область)	Старшина	Наказанию не подвергался
79	Нагайбак Асянов	Полковник	Казанская дорога	Юрминская волость, деревня Чалпы (Азнакаевский район РТ)	Старшина	Освобожден без наказания
80	Неизвестный	Полковник	Неизвестна	Неизвестны	Неизвестна	Погиб в бою
81	Неизвестный	Полковник	Неизвестна	Неизвестны	Неизвестна	Неизвестна
82	Нарынбай	Полковник	Ногайская дорога	Усерганская волость	Рядовой башкир	Неизвестна
83	Расуль Итжимасов	Командир повстанческого отряда: 700 чел.	Исетская провинция	Кара-Табынская волость, деревня Расулево (Учалинский район РБ)	Старшина, тархан	Наказанию не подвергался
84	Регим Алиев	Полковник	Сибирская дорога	Неизвестны	Рядовой башкир	Неизвестна
85	Сабай Кутлин	Командир повстанческого отряда: 500 чел.	Ногайская дорога	Кальсер-Табынская волость, деревня Сабаево (Гафурийский район РБ)	Старшина	Наказанию не подвергался
86	Сайран Саитов	Полковник	Ногайская дорога	Юрматинская волость, деревня Сайраново (Ишимбайский район РБ)	Старшина	Наказанию не подвергался
87	Сайфул-Мавлют Сайдашев	Полковник	Осинская дорога	Гайнинская волость, деревня Глухово (Бардымский район Пермского края)	Рядовой башкир	Освобожден без наказания

БАШКИРСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Продолжение табл. 2

1	2	3	4	5	6	7
88	Салим-Зюфар Илишев	Атаман	Осинская дорога	Гайнинская волость, деревня Узик (Бардымский район Пермского края)	Рядовой башкир	Сослан в поселен. полк
89	Салей Кутумаков	Полковник	Неизвестна	Неизвестны	Неизвестна	Наказанию не подвергался
90	Сара Абдуллин	Полковник	Исетская провинция	Бала-Катайская волость, деревня Сара (Белокатайский район РБ)	Старшина	Наказанию не подвергался
91	Селяусин Кинзин	Полковник	Ногайская дорога	Бушман-Кыпсакская волость, деревня Кинзя (Кинзя-Абызово Куюргазинского района РБ)	Старшинский сын	Освобожден без наказания
92	Субханкул Кильтяков	Полковник	Сибирская дорога	Тюбелясская волость, деревня Сюрюкай (Салаватский район РБ)	Старшина	Казнен
93	Сулейман Иткустин	Полковник	Сибирская дорога	Балыкчинская волость	Старшина	Погиб в бою
94	Суяргул Яманаев	Посол Пугачева, полковник	Исетская провинция	Неизвестны	Неизвестна	Неизвестна
95	Сюрей Расулев	Полковник	Осинская дорога	Гайнинская волость	Походный старшина	Казнен
96	Тойгуза Мамыков	Полковник	Казанская дорога	Байлярская волость, деревня Аргуза (Менделинский район РТ)	Старшина	Наказанию не подвергался

Продолжение табл. 2

1	2	3	4	5	6	7
97	Трухмен Янсаитов	Полковник	Ногайская дорога	Бурзянская волость, деревня Туркмен (Баймакский район РБ)	Старшина	Наказанию не подвергался
98	Туктамыш Ишбулатов	Полковник	Осинская дорога	Гайнинская волость, деревня Барды (Бардымский район Пермского края)	Старшина, депутат Уложенной комиссии	Лишен депутатского полномочия
99	Турай Ишалин	Полковник	Ногайская дорога	Суби-Минская волость, деревняТураево (Ермекеевский район РБ)	Старшинский сын	Наказанию не подвергался
100	Тышкан Дербишев	Полковник	Сибирская дорога	Неизвестны	Неизвестна	Неизвестна
101	Ульмаскул Абдуллин	Полковник	Сибирская дорога	Кущинская волость, деревня Кызылбаево (Мечетлинский район РБ)	Рядовой башкир	Неизвестна
102	Уметей Уразембетев	Полковник	Сибирская дорога	Сартская волость, деревня Уразембетово (Сарт), ныне деревня Абдрашитово Дуванского района РБ	Старшина	Освобожден без наказания
103	Уметей Усянов	Посол Пугачева	Исетская провинция	Кара-Табынская волость	Рядовой башкир	Неизвестна
104	Упак Абзямов	Посол Пугачева	Исетская провинция	Кара-Табынская волость, деревня Шукурово	Сотник	Неизвестна
105	Утяв Яраткулов	Посол Пугачева, полковник	Исетская провинция	Айлинская волость, деревня Яраткулово (Аргаяшский район Челябинской области)	Сотник	Неизвестна

Продолжение табл. 2

1	2	3	4	5	6	7
106	Утяган Муашев	Командир повстанческого отряда: 500 чел.	Ногайская дорога	Дуван-Табынская волость, деревня Утяганово (Кармаскалинский район РБ)	Старшина	Наказанию не подвергался
107	Чагыр Илляйманов	Полковник	Исетская провинция	Неизвестны	Неизвестна	Неизвестна
108	Шафей Тойгузин	Полковник	Казанская дорога	Байлярская волость, деревня Аргуза (Мензелинский район РТ)	Старшинский сын	Наказанию не подвергался
109	Шукур Абзямов	Полковник	Исетская провинция	Барын-Табынская волость, ныне несуществующая деревня Шукурово (Челябинская область)	Походный старшина	Неизвестна
110	Юзекей Беккешов	Полковник	Неизвестна	Неизвестны	Неизвестна	Неизвестна
111	Юламан Ильясов	Командир повстанческого отряда	Ногайская дорога	Кара-Табынская, ныне несуществующая деревня Меля Оренбургской области	Сотник	Наказанию не подвергался
112	Юлдыбай	Полковник	Ногайская дорога	Тангаурская волость, деревня Юлдыбаево (Зилаирский район РБ)	Сотник	Неизвестна
113	Юмакай Аскаров	Командир повстанческого отряда: 1000 чел.	Казанская дорога	Урман-Гарейская волость, деревня Шульган (Татышлинский район РБ)	Старшина	Освобожден без наказания
114	Ягафар Аязбаев	Командир повстанческого отряда:1000–1500 чел.	Сибирская дорога	Неизвестны	Неизвестна	Неизвестна

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5	6	7
115	Якуп Тляумбетев	Полковник	Сибирская дорога	Мурзаларская волость, Деревня Яуыново (Кигинский район РБ)	Мулла	Освобожден без наказания
116	Яманcара Япаров	Полковник	Ногайская дорога	Суун-Кыпсакская волость, деревня Ямансарово (Куюргазинский район РБ)	Старшина	Наказанию не подвергался

Таким образом, добрую половину предводителей Крестьянской войны составляли башкиры. Среди них были: 1 фельдмаршал, 1 генерал, 1 бригадир, 4 главных полковника, 3 главных атамана, 1 главный судья, 82 полковника, 4 атамана, 12 командиров крупных повстанческих отрядов, равных по Табели о рангах казачьему полку.

ЭНЦИКЛОПЕДИЯҺЫ · ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Глава 3. Башкирские предводители – представители высшего командного состава повстанческой армии

Базаргул Юнаев и Юламан Кушаев

Башкиры Исетской провинции. Принимали активное участие в Крестьянской войне 1773–1775 годов. Действия крупнейших предводителей восставших башкир Исетской провинции Базаргула Юнаева и Юламана Кушаева настолько тесно были связаны, что освещение повстанческой деятельности каждого из них отдельно приводило бы к многочисленным повторам фактов событий. Поэтому автор решил объединить рассказ об их повстанческой деятельности.

Базаргул Юнаев, башкир ныне несуществующей деревни Базаргулово Исетской провинции (Челябинская область). Старшина Мякотинской волости Исетской провинции. Пугачевский фельдмаршал. В совместом командовании со старшиной Тоузаком Тавабилевым было 180 дворов[1]. Депутат Уложенной комиссии 1767–1770 годов, составитель «Наказа башкир, тарханов, калмыков и сартов Исетской провинции» в Уложенную комиссию[2]. Фельдмаршал повстанческой армии[3].

Юламан Кушаев, походный старшина Кара-Табынской волости Исетской провинции. Генерал повстанческой армии.

Базаргул Юнаев долгие годы был сотником при отце, старшине Мякотинской волости Юнае Азнаеве. В 1758 году князь П.И. Репнин в компании с екатеринбургским купцом Я. Р. Коробовым начали строить Каслинский доменно-молотовый завод. Они обратились в Исетскую провинциальную канцелярию с просьбой отвести под строящийся завод вотчинные земли башкир Кара-Табынской волости. Старшина волости Таймас Шаимов согласился с решением провинциальной канцелярии. Но рядовые башкиры во главе с сотником Кунбаком Зилевым оказали сопротивление отводу большого участка

[1] РГАДА. Ф.429. Оп.1. Л.60 об.

[2] *Кулбахтин И.Н., Кулбахтин Н.М.* Наказы народов Башкортостана в Уложенную комиссию 1767–1768 годов. Уфа: Китап, 2005. С.113–122.

[3] РГВИА. Ф.20. Д.1240. Л.306 и об.

земли. 26 июня 1760 года в деревню Караси, в тот момент, когда башкиры Кара-Табынской волости грозились избить маркшейдера В. Титова и берггешворна П. Чернышова, приехали сотник соседней Мякотинской волости Базаргул Юнаев с рядовыми башкирами Курманаем Тимашевым и Буляком Суляковым. Они стали свидетелями этого бурного события[1].

Когда Базаргул Юнаев стал старшиной Мякотинской волости, точной информации нет. Но в немногих сохранившихся источниках он предстает внимательным, рачительным хозяином, прогрессивным для своего времени лидером своей волости. Во второй половине XVIII века у зауральских башкир земледелие получило значительное развитие. В его распространении среди башкир Мякотинской волости активную роль сыграл Базаргул Юнаев. Указом от 11 марта 1771 года Оренбургский губернатор И. А. Рейнсдорп наградил Базаргула Юнаева похвальным листом и ценным подарком «за побуждение башкир к хлебопашеству»[2]. В «Определении» Исетской провинциальной канцелярии от 28 января 1773 года объясняется, что Ишбулды Наурузов мельницу на реке Синаре построил по предписанию старшины Базаргула Юнаева[3].

Базаргул Юнаев в историю башкирского народа вошел как депутат Уложенной комисии 1767–1770 годов. В составленном им «Наказе башкир, тарханов, калмыков и сартов Исетской провинции» он выступает тонким знатоком социально-экономического и политико-правового положения зауральских башкир, сильным и последовательным борцом за интересы своего народа, его лидером. Особенно принципиально ставил он вопросы о захвате башкирских вотчинных земель горнозаводчиками, о составлении фальшивых документов при оформлении купчих записей. В кратких и четко изложенных разделах «Наказа» отражаются его природный ум и житейская мудрость.

Базаргул Юнаев не владел грамотой: в конце «Наказа» и «Дополнений» к наказам он ставил тамгу. В силу этих причин, в отличие от Туктамыша Ишбулатова, он не выступал на заседаниях Большого

---

[1] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV. Ч. 2. С. 160.

[2] ГАОО. Ф.3. Оп.1. Д.116. Л. 38.

[3] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV. Ч. 2. С. 130–131.

собрания. Но это не помешало ему принимать активное участие в работе Уложенной комиссии. Он работал в тесном контакте с Туктамышем Ишбулатовым и депутатами других нерусских народов низших сословий. Они создавали депутатские группы для защиты общих интересов. Широко образованный Туктамыш Ишбулатов по острым вопросам выступал на заседаниях Большого собрания, а каждый представитель депутатской группы под текстом его выступлений ставили свою подпись или тамгу. Такая процедура являлась формой официального «голосования» за выступление оратора.

Долгая и активная работа в Уложенной комиссии убедила умудренных жизненным опытом Туктамыша Ишбулатова и Базаргула Юнаева, что комиссия уходит от реального решения насущных социально-экономических проблем. Поэтому они в соавторстве составили и подали в Уложенную комиссию три «Дополнения» к своим наказам, где требовали решения конкретных задач. Для подтверждения вотчинных прав башкир на землю они представили Комиссии свод копий жалованных грамот Ивана Грозного о добровольном принятии «прадедами, дедами и отцами» российского подданства и оберегательных грамот московских царей XVII–XVIII веков, о выполнении предками условий добровольного вхождения в состав Русского государства своей усердной службой на пограничных линиях, регулярным участием в войнах России и походах русской армии.

Довоенная биография Юламана Кушаева в сохранившихся источниках освещается очень слабо. Он был походным старшиной Кара-Табынской волости Сибирской дороги Исетской провинции. Служил на Сибирской и Оренбургской пограничных линиях.

В октябре 1773 года Уфимская провинциальная канцелярия отправила указ башкирским старшинам Исетской провинции с требованием срочно набрать команды для комплектования карательного корпуса. Иса Токтагулов, Базаргул Юнаев, Юламан Кушаев и Муртаза Юртумов отказались набирать башкир в карательные команды, принимали энергичные меры для пресечения агитации среди башкир царских чиновников, эмиссаров воеводы Исетской провинциальной канцелярии И.Г. Лазарева. Юламан Кушаев взял в плен мишарского муллу, ахуна Исетской провинции, депутата Уложенной комиссии Абдуллу Муслюмова Даушева. Переводчика Исетской провинциальной канцелярии О. Мещеряковского башкиры арестовали и по распоряжению Базаргула Юнаева повесили. Данный эпизод

показывает, что Базаргул Юнаев с самого начала повстанческого движения был признанным лидером восставших башкир Исетской провинции.

С приездом в Исетскую провинцию пугачевского эмиссара И.Н. Грязнова предводители зауральских башкир стали его активными соратниками. Они влились со своими отрядами в его повстанческую армию и в его составе участвовали в осаде и штурмах Челябинска, препятствовали продвижению карательного корпуса генерал-поручика И.А. Деколонга на помощь к осажденному Оренбургу, дважды вступали с ним в сражение. После захвата Челябинска повстанческой армией И.Н. Грязнова башкирские отряды несли гарнизонную службу. Некоторые башкирские отряды участвовали в распространении восстания на территории Окуневского, Куртамышского и Шадринского уездов Исетской провинции.

В начале лета 1774 года восстание в Зауральском Башкортостане разгорелось с новой силой. Отряд Базаргула Юнаева располагался в районе Каслинского завода. Базаргул Юнаев вместе с Юламаном Кушаевым и Сарой Абдуллиным сопротивлялись продвижению карательных корпусов И.А. Деколонга и Де Кастро Лацерода, снабжали Главное войско Пугачева провиантом, фуражом, оружием, пополняли конными отрядами. Юламан Кушаев со своим отрядом действовал на коммуникациях Челябинска. Базаргул Юнаев с отрядом более 500 конников действовал в районе Каслинского и Кыштымских заводов. На Каслинском заводе он конфисковал порох. В расписке старшего есаула И. Шибаева говорится, что «завоевали башкирцы пороху старшиной Базаргулом Юнаевым с товарыщи Бекатинской волости. Оного пороху завоевано четкою девятнатцеть пушечный зарядов, которой завоеван старшиною под Каслинским заводом». Четыре заряда Базаргул отдал башкирскому полковнику Мансуру Таймасову, остальные 15 зарядов отправил к Пугачеву[1].

Башкирские предводители Исетской провинции успешно проводили борьбу с агитаторами местных властей, ведущих пропаганду против восстания. Так, ахун Исетской провинции Абдулла Муслюмов Даушев летом 1774 года вел двойную игру. И.Н. Грязнов посылал его в осажденный Челябинск для переговоров с генералом

[1] РГАДА. Ф. 20. Оп. 47. Д. 9. Л. 163.

И.А. Деколонгом, тот использовал ахуна для агитации среди башкир против восстания. Салават Юлаев захватил его в плен. Повстанцы требовали расправы. Но Салават Юлаев его отпустил[1]. Ахун продолжал вести агитацию среди повстанцев и попал в плен к Юламану Кушаеву, который приковал его к стене цепью, посадил на хлеб и воду.

Появление Е.И. Пугачева в Исетской провинции с новой силой всколыхнуло зауральских башкир. Особенно велика была заслуга башкирских предводителей Зауралья в возрождении Главного войска Е.И. Пугачева после его сокрушительных поражений от И.А. Деколонга и И.И. Михельсона в сражениях под Троицкой крепостью и у села Лягушино. У Е.И. Пугачева оставалось «самое малое число» людей, не было ни одной пушки. Башкиры прятали «царя» в своих кочевьях. Особенно важную роль сыграли старшины Байгаза Козямышев, Баим Кедряев и Базаргул Юнаев. Зауральские башкиры шли к Е.И. Пугачеву целыми отрядами и возрождали Главное войско. 2 июня к нему присоединился со своей трехтысячной конницей Салават Юлаев. На допросе в Тайной экспедиции Сената Е.И. Пугачев говорил, что в это время к нему пришли «уральских башкирцев тысяч десять и несколько заводских крестьян»[2]. В сражениях с карательным корпусом И.И. Михельсона конница Салавата Юлаева и отряды зауральских башкир составляли основные и наиболее боеспособные единицы повстанческой армии. 5 июня 1774 года, после сражения около деревни Мясогутово с карательным корпусом И.И. Михельсона, вождь Крестьянской войны Е.И. Пугачев наградил башкирских предводителей кармазинными кафтанами с позументами и высокими чинами. Своим указом он присвоил старшине Мякотинской волости Исетской провинции Базаргулу Юнаеву чин фельдмаршала повстанческой армии, походному старшине Кара-Табынской волости Юламану Кушаеву – чин генерала, Салавату Юлаеву и мишарскому полковнику Канзафару Усаеву – бригадира. Юлая Азналина Е.И. Пугачев назначил главным атаманом Сибирской дороги, старшину Кубелякской волости Баим-тархана Кидряева – главным судьей Башкортостана. По показаниям пугачевского полковника И.А. Творогова на допросе, в тот же день Е.И. Пугачев произвел

[1] *Гвоздикова И.М.* Салават Юлаев. С. 163–164.

[2] Следствие и суд над Пугачевым. С. 121.

в полковники около десяти башкирских старшин. Пугачевский указ о присвоении чина полковника предводителям зауральских башкир не сохранился. В архивных источниках подтверждается чин полковника у Байгазы Козямышева и Муртазы Юртумова. К сожалению, у Исы Токтагулова, Сары Абдуллина и других крупнейших башкирских предводителей Зауралья чин полковника источниками не подтверждается.

Р.В. Овчинников подвергает сомнению достоверность источников о присвоении чина фельдмаршала Базаргулу Юнаеву и генерала – Юламану Кушаеву. Однако маститый ученый делает выводы только по умозаключению, что такие высокие чины Е.И. Пугачев присвоил лишь накануне последнего боя у Солониковой ватаги для подбадривания своих соратников. Летом 1774 года у Е.И. Пугачева было не менее тревожное положение. Под Царицыном у него было десятитысячное Главное войско, целая артиллерия. А летом 1774 года после разгрома Главного войска под Троицкой крепостью и у села Лягушино у Пугачева осталось не более 500 (по некоторым источникам, не больше 50) людей без оружия и пушек. Эта безоружная кучка людей со своим «царем» была зажата с двух сторон боеспособными карательными корпусами, хорошо вооруженными огнестрельным оружием и пушками, укомплектованными профессионально подготовленными воинами под командой опытных офицеров. От полного истребления остатков Главного войска и пленения самого Е.И. Пугачева спасли зауральские башкиры. Исетский воевода подполковник В.И. Свербеев летом 1775 года в своем обращении к старшинам Катайской волости обвинял их в активной поддержке Пугачева летом 1774 года: «Тогда, когда того вора [Пугачева] под Троицкой крепостью и деревней Лягушиной впрах разбили, старались спасать плутовскую ево жизнь и дали ему убежище в своих кочевьях, да и погодя во всяких случаях ему помощь и подкрепление»[1].

Около двух недель Е.И. Пугачев скрывался в кочевьях у старшин зауральских башкир. За это время они собрали около 10 тысяч своих вооруженных конников и возродили Главное войско. Е.И. Пугачев не мог не отблагодарить за столь самотверженную помощь и поддержку, оказанную ему башкирскими старшинами в такой архикритической

[1] РГАДА. Ф.429. Оп.1. Д.65. Л.65 и об.

ситуации. Эту благодарность он выразил присвоением высоких чинов наиболее активным и авторитетным старшинам зауральских башкир. О присвоении чина фельдмаршала Базаргулу Юнаеву, генерала – Юламану Кушаеву и полковника – около десяти башкирским старшинам сообщали старшина Салжиутской волости Баязит Максютов и сотник Терсякской волости Махмут Калмакаев. Кроме того, о присвоении чина генерала Юламану Кушаеву сообщал в своем рапорте Оренбургскому губернатору И.А. Рейнсдорпу комендант Верхояицкой крепости полковник Е.А. Ступишин[1].

Когда Е.И. Пугачев из Исетской провинции через Северный Башкортостан направился на Казань, Базаргул Юнаев, Юламан Кушаев, Сара Абдуллин, Муртаза Юртумов и Байгазы Козямышев со своими отрядами вошли в состав Главного войска и участвовали в Казанском походе. По утверждению И.М. Гвоздиковой, командиром сводного башкирского отряда был генерал Юламан Кушаев[2]. Отряды зауральских башкир в составе Главного войска участвовали в полевых сражениях под Кунгуром с деташаментом подполковника А.В. Папава, во взятии Красноуфимской крепости, в захвате пригорода Осы, Ижевского и Воткинского заводов. Особенно активное участие башкирские отряды принимали в штурме города Казани, в полевых сражениях 12 и 15 июля с карательным корпусом И.И. Михельсона. В последнем сражении Е.И. Пугачев потерял до 2-х тысяч убитыми, среди которых было много башкирских конников. Участник казанских сражений, башкир Айлинской волости Хамза Баязитов на допросе говорил, что башкиры были в передних шеренгах повстанческой армии, «будучи чрезвычайно порублены»[3].

После поражения Главного войска под Казанью и ухода Е.И. Пугачева за Волгу башкирские повстанцы под командой своих старшин вернулись домой. Юламан Кушаев из-под Казани вернулся с отрядом более 1000 человек и присоединился с Базаргулом Юнаевым[4]. После возвращения домой предводители зауральских башкир вновь развернули борьбу с карательными корпусами генерал-поручика И.А. Деколонга,

[1] РГАДА. Ф. 1100. Д. 12. Л. 132–133.

[2] Салават Юлаев. Энциклопедия. С. 422.

[3] РГВИА. Ф. 20. Д. 1239. Л. 110.

[4] Салават Юлаев. Энциклопедия. С. 412.

генерал-майоров А.Д. Скалона и Ф.Ю. Фреймана, секунд-майора Д.О. Гагрина, коллежского советника И.Л. Тимашева, сильным гарнизоном Верхояицкой крепости полковника Е.А. Ступишина и другими более мелкими командами. В условиях концентрации в регионе карательных сил Базаргул Юнаев, Юламан Кушаев, Сара Абдуллин и старшина тептяро-бобылей Исетской провинции, пугачевский полковник Мухамет Сафаров начали сплачивать повстанческие силы Зауральского Башкортостана. На допросе в походной канцелярии подполковника Н.Е. Аршеневского Салават Юлаев говорил, что Юламан Кушаев был оставлен Пугачевым «главным в Башкирии»[1]. 1 августа 1774 года коллежский советник И.Л. Тимашев прибыл на Саткинский завод с намерением собрать башкирских старшин Сибирской дороги для объявления покорности. 6 августа ему удалось собрать около 7 тысяч башкир. Но приехали Юлай Азналин, за ним Юламан Кушаев, и они разогнали собравшихся башкир[2]. И.Л. Тимашев в рапорте генерал-аншефу П.И. Панину с сокрушением сообщал, что положение в Исетской провинции «…и многим трудом поправить невозможно»[3].

Осенью 1774 года повстанческие отряды башкир, тептярей и мишарей Исетской провинции захватили Каслинский и Кыштымские заводы, нападали на крепости, вступали в сражение с крупными корпусами царских генералов и полковников и небольшими карательными командами. 13 октября комендант Верхояицкой крепости полковник Е.А. Ступишин в рапорте Оренбургскому губернатору И.А. Рейнсдорпу писал, что до сих пор в неповиновении остались «Исецкой провинции есашных татар старшина Мухаметь Сафаров и Кара-Табынской волости старшина ж Юламан Кушаев, которым неоднократно посыланными от меня указами писано было, чтоб они с подвластными им мещеряками в то повиновение пришли. Но несмотря оные ни на что, как были злодея Пугачева: Юламан – генералом, а Мухаметь – полковником, паче, усугубя свое злодейство, начели по всем мещерякам и башкирам тем, кои в подданство и повиновение ея императорского величества пришли, разглашать,

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 320.

[2] РГАДА. Ф. 6. Д. 503. Л. 68.

[3] РГАДА. Ф. 1274. Д. 175. Л. 462.

что сказанной злодей появился в здешних окружностях во многочисленном собрании. От чего намеревших притти в повиновение, находящихся в башкирских и мещеряцких жительствах более 500 человек калмык обратили, так же и тех мещеряков и башкирцов, в прежнее бунтовство и злодейство приводили»[1].

6 ноября 1774 года воевода Исетской провинции И.Г. Лазарев рапортовал П.И. Панину, что в провинции все пришли в повиновение, кроме старшин Юламана Кушаева, Сары Абдуллина и Базаргула Юнаева. 13 ноября Оренбургский губернатор И.Д. Рейнсдорп, сославшись на рапорты Е.А. Ступишина и И.Г. Лазарева, докладывал П.И. Панину, что в Исетской провинции в повиновение пришли 1630 башкир. «И теперь только остались первые и главные бунтовщики волостей – Кара-Табынской – походный старшина Юламан Кошаев, Бала-Катайской – Сара Абдуллин, Мякотинской – депутат Базаргул Юнаев»[2].

Базаргул Юнаев, Юламан Кушаев и Сара Абдуллин до поздней осени оказывали сопротивление карателям и местным властям. В регионе, наводненном карательными войсками, объединить разрозненные повстанческие силы оказалось невозможным. Восстание подходило к своему финалу. Началась охота на отдельных предводителей повстанцев. Из Исетской провинциальной канцелярии командирам карательных корпусов рассылались указы с требованием схватить Базаргула Юнаева[3]. 18 декабря по доносу пугачевского полковника Муртазы Юртумова, бывшего соратника, Базаргул Юнаев был схвачен и достален в Челябинск. Исетский воевода И.Г. Лазарев в рапорте Панину сообщал, что депутат Базаргул Юнаев «содержитца прикованный к стене под крепким караулом, на хлебе и воде»[4].

Военные командиры и местные царские власти не решались расправиться депутатом Уложенной комиссии Базаргулом Юнаевым. Депутатская неприкосновенность не позволяла применять телесные наказания и смертную казнь. 12 февраля 1775 года П.И. Панин обратился лично к императрице Екатерине II с просьбой «высочайшей

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 407.

[2] РГАДА. Ф. 1274. Д. 179. Л. 36.

[3] Салават Юлаев. Энциклопедия. С. 10, 48.

[4] Там же. С. 460.

монаршей конфирмации» по делу депутата Базаргула Юнаева. Судьбу Базаргула Юнаева решали в течение целых трех лет. 12 марта 1778 года он был лишен депутатского достоинства. Депутатский знак отправили в Сенат[1]. Дальнейшая судьба Базаргула Юнаева неизвестна.

Комендант Верхнеяицкой крепости полковник Е.А. Ступишин разослал по провинции указы «о сыску и поимке Юламана с обещаниями денежного вознаграждения»[2]. 22 ноября 1774 года Тимашеву удалось «забрать» Юламана Кушаева. Дальнейшая судьба Юламана Кушаева неизвестна.

Юлай Азналин и Салават Юлаев

В созвездии выдающихся вождей Крестьянской войны 1773–1775 годов самой яркой звездой вот уже более двух с половиной веков в памяти благодарных потомков светятся имена Юлая Азналина и Салавата Юлаева. Отец и сын, они вошли в историю башкирского народа как эталон преданных борцов за народное счастье, как образцы людей с кристально чистой душой и благородным сердцем. Помимо этих общих черт они были и людьми с яркими индивидуальными качествами. Если Юлай Азналин был человеком с богатой биографией и жизненным опытом, научившимся самые сложные задачи решать спокойно и бесповоротно, то его сын Салават Юлаев – юный и беспредельно отважный, смелый и решительный воин, лихой наездник, певец-импровизатор и яркий оратор, в свои 19–20 лет поднялся на самую высшую ступень организаторов самого грандиозного антифеодального движения в крепостнической России. Среди вождей многовековой национально-освободительной борьбы непокорного и непокоренного башкирского народа этих двух героев объединяло еще и то, что они четверть века несли на себе невыносимо тяжелое бремя великомучеников-каторжников и через столетия вернулись на свою Родину, к своему родному народу легендой и песней, приобрели бессмертие.

Нет сомнения, что очерки о башкирских вождях Крестьянской войны 1773–1775 годов необходимо начать с описания жизни, повстанческой деятельности и горькой судьбы этих двух великих сынов

[1] Салават Юлаев. Энциклопедия. С. 48.

[2] Там же. С. 412.

башкирского народа: Юлая Азналина и Салавата Юлаева. Нужно чистосердечно признать, что писать о них чрезвычайно трудно. О них так много написано в обобщающих трудах и специальных монографических исследованиях, журнальных и газетных статьях. После этого найти что-либо новое, оригинальное практически крайне сложно. Но обязывает долг потомков: надо писать.

Юлай Азналин, полковник, главный атаман. Летом 1774 года Е.И. Пугачев присвоил Юлаю чин «главного атамана» башкир Сибирской дороги. Этот чин наиболее емко определяет роль и место Юлая Азналина в Крестьянской войне 1773–1775 годов. Ведь он был не только полководцем, но и крупным организатором гражданской жизни на освобожденной территории, мудрым советчиком и судьей не только для молодых воинов, но и для огромной массы повстанцев на огромной территории.

О своем происхождении Юлай Азналин достаточно четко говорил на допросе в Тайной экспедиции Сената 25 февраля 1775 года: «Природою он башкирец, зовут его Юлай Азналихин сын, от роду ему сорок пять лет. Жительство имеет Оренбургской губернии Уфимской провинции в деревне Юлаевой, состоящей на большой Сибирской дороге»[1]. Следовательно, Юлай родился в 1730 году в деревне Юлаево. Но в «Статейном списке» колодников Рогервикской крепости, составленном в 1797 году комендантом полковником Экбаумом, говорится: «Юлай Азналин. – 75 [лет]. – Оренбургской губернии правинции Уфимскаго деревни Текоевой»[2]. По данным этого документа, Юлай родился в 1722 году в деревне Текеевой. И.М. Гвоздикова утверждает, что Юлай родился в 1729 или 1730 году в деревне Юлаево Шайтан-Кудейской волости Сибирской дороги[3].

На допросах Юлай Азналин давал достаточно полную информацию о своей жизни и деятельности до Крестьянской войны. Дополнительный материал имеется в допросных речах других повстанцев, реестрах Уфимской провинциальной и Оренбургской губернской канцелярий, Казанской секретной комиссии и Московской Тайной экспедиции Сената, в рапортах и переписках командиров каратель-

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 303.

[2] Там же. С. 340.

[3] *Гвоздикова И.М.* Салават Юлаев. Исследование документальных источников.Уфа, 1982. С. 183.

ных войск. Историки, особенно И.М. Гвоздикова, провели скрупулезный анализ биографии Юлая Азналина. Однако ряд вопросов до сих пор остается нерешенным четко и до конца. К таковым относится, например, вопрос, связанный с деревней Текеево. Неясно также, когда Юлай Азналин стал старшиной и старшиной какой волости он был назначен. Время назначения Юлая Азналина старшиной И.М. Гвоздикова вычислила 1766 годом исходя из того, что указ о его назначении издан А.А. Путятиным, который стал Оренбургским губернатором в том же 1766 году. Но с названием волости пока трудно разобраться. В сохранившихся документах Юлай Азналин до Крестьянской войны был старшиной Кубовской волости[1]. В одном из этих документов, купчей от 24 мая 1770 года, речь идет о продаже башкирами Кубовской волости команды старшины Юлая Азналина вотчинных земель в бассейнах рек Белая и Юрюзань заводчикам Твердышеву и Мясникову[2]. В «Росписи», составленной И.К. Кириловым в 1735 году, Кубовская тюба Минской волости относилась к Ногайской дороге, а Кудейская тюба – к Кудейской волости Сибирской дороги[3]. По П.И. Рычкову, Кубовская тюба Минской волости относилась к Ногайской дороге, а Шайтан-Кудейская тюба Кудейской волости – Сибирской дороге[4].

Трудно объяснить, то ли к 70-м годам XVIII века Кубовская тюба была включена в состав Кудейской волости, то ли произошло объединение Кубовской и Шайтан-Кудейской или Кудейской тюбы в одну волость. Но по «Ведомости», составленной в 1775 году, Кубовская и Кудейская волости ни на одной дороге не значатся, а Юлай Азналин фигурирует как старшина Шайтан-Кудейской волости Сибирской дороги[5].

На фоне жестокого XVIII столетия Юлай Азналин выделялся благородством, честностью и стойкостью. Одаренный от природы живым и аналитическим умом, энергичный, он постоянно находился в гуще событий и принимал в них активное участие. Будучи рядовым

---

[1] Материалы по истории Башкиской АССР. Т. IV. Ч. 1. С. 345, 371, 372.

[2] Там же. С. 345–346.

[3] Там же. Т. III. С. 495–496.

[4] *Рычков П.И.* Топография Орпенбургской губернии. Уфа: Китап, 1999. С. 55, 57.

[5] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 285.

башкиром, Юлай Азналин вел бескомпромиссную борьбу с заводчиком Твердышевым за общинные земли шайтан-кудейских башкир, захваченные под Симский завод, что нашло свое отражение в трудах дореволюционных исследователей. Эта тема нашла дальнейшее исследование в статье советского историка А.П. Николаенко. Многолетняя борьба Юлая Азналина и юного Салавата Юлаева с всесильным заводовладельцем завершилась демонстрацией несправедливости: Юлай Азналин, Салават Юлаев и его сторонники за «напрасное возбуждение происков и волокиты» были наказаны штрафом на огромную для того времени сумму в 600 рублей[1].

Став сотником, а в 1766 году – старшиной своей родной волости, Юлай Азналин продолжал борьбу не только за сохранение вотчинных земель башкир Шайтан-Кудейской волости, но и за восстановление справедливости. Так, в 1769 году они вместе со старшиной Тырнаклинской волости Яуном Чувашаевым активно поддерживали Кинзю Арсланова и Кутлугильде Абдрахманова, которые в Уфимской провинциальной канцелярии вели борьбу с походным старшиной Каршинской волости Казанской дороги Валишой Шариповым, обвиняя последнего во взяточничестве[2]. Но власти всегда стояли на защите интересов заводовладельцев и башкирских богатеев, предававших своих соплеменников в своих корыстных интересах. Поэтому для Юлая Азналина и Салавата Юлаева вопрос, на чью сторону идти, когда появится «надежда-царь», был предрешен заранее. А споры вокруг Симского завода были разрешены его сожжением в годы Крестьянской войны.

Чтобы стать предводителем в грядущей Крестьянской войне, Юлай Азналин прошел хорошую школу не только как борец за права народа, но и как военачальник. Помимо службы на пограничной линии, он часто участвовал в походах русской армии. В 1770 году он участвовал в преследовании бежавших в Джунгарию ставропольских калмыков[3]. В 1771–1772 годах для подавления восстания польских конфедератов были привлечены 3 тысячи башкир. Командиром башкирского корпуса был назначен старшина Кыр-Таныпской во-

[1] *Николаенко А.П.* Башкиры перед восстанием Пугачева. С. 116–118.

[2] *Гвоздикова И.М.* Указ. соч. С. 198.

[3] Очерки истории Калмыкской АССР. Дооктябрьский период. М., 1967. С. 212–221; *Гвоздикова И.М.* Указ. соч. С. 184.

лости Сибирской дороги Кулый Балтасев, а его помощником – старшина Кара-Табынской волости Ногайской дороги Каип Зиямбетев[1]. Юлай Азналин участвовал в этой кампании командиром 300-й команды. Из Польши он домой вернулся с 8 трофейными лошадьми, вооруженный туркой (пистолетом), луком, саблей и копьем[2]. В Польше Юлай Азналин воевал мужественно, за что был награжден медалью. О своем участии в преследовании калмыков и в подавлении восстания польских конфедератов Юлай Азналин сообщал на допросах[3]. Салават на допросе подчеркивал, что отец отправил его в Стерлитамакскую пристань, «дав ему, Салавату, в команду башкирцев восемьдесят человек, да и заслуженной тем отцом его в Польше знак»[4].

Нужно подчеркнуть еще одно достоинство Юлая, которое было необходимым, чтобы возглавить повстанческое движение в многонациональном районе: грамотность. В исторической литературе утверждено мнение о безграмотности Юлая[5]. Эту мысль подтверждает также приписка под протоколами допросов: «К подлинному допросу башкирец Юлай Азналихов тамгу свою приложил такову». Вполне возможно, что Юлай Азналин притворялся безграмотным, что могло бы в какой-то степени облегчить его наказание. Но в других сохранившихся документах встречаются факты, когда старшина Юлай Азналин подписывался на языке тюрки. В частности, письмо Салавата Юлаева и Юлая Азналина управителям и приказчикам Катав-Ивановского завода от 10 сентября 1774 года завершается словами: «Ваш истинный главный атаман Юлай сын Азналин руку приложил»[6].

В исторической литературе спорят по вопросу: когда и как Юлай примкнул к восстанию. Одни авторы утверждают, что Юлай Азналин, когда отправил Салавата Юлаева в Стерлитамакскую пристань, уже имел решение присоединиться к восстанию и сыну подсказал эту мысль. Другие авторы предполагают, что он перешел к восставшим только после того, когда Салават Юлаев в чине полковника

---

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 467. Ч. 10. Л. 533 об.

[2] *Гвоздикова И.М.* Указ. соч. С. 184.

[3] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 303

[4] Там же. С. 300.

[5] *Гвоздикова И. М.* Указ. соч. С. 188.

[6] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 229.

вернулся из-под Оренбурга и убедил отца признать «царя» Петра III – Е.И. Пугачева. Все произошло гораздо прозаичнее. Как объяснял сам Юлай Азналин на допросе, «из Уфимской провинции прислан был к ним, башкирцам, печатный манифест, чтоб они шли на оборонение от оного злодея и вспоможение верным войскам к Оренбургу»[1]. Юлай Азналин в течение одних суток набрал команду из 95 человек и отправил ее во главе со своим сыном Салаватом, наказав явиться к Богданову. Следовательно, Юлай Азналин отправил в Стерлитамакскую пристань карательную команду. И никаких иллюзий о грядущей гражданской войне и участии в ней на стороне самозванного царя у Юлая Азналина не могло быть. И тут ничего не нужно выдумывать, чтобы оправдать его. Это была традиция. Башкиры, как военнослужилое сословие, в течение двух столетий по первому зову властей собирали команду, садились на коней и ехали защищать Россию. Но осенью 1773 года события стремительно приобрели иной оборот. Салават Юлаев самостоятельно, без совета отца, в составе Стерлитамакского башкиро-мишарского карательного корпуса перешел к Пугачеву, в сражениях под Оренбургом проявил себя как отважный воин и талантливый командир, получил чин полковника и был направлен в Северный Башкортостан для мобилизации населения региона в восстание. Свою миссию как организатор повстанческого движения он начал на Сибирской дороге. Но Юлай Азналин включился в восстание, когда мощная волна восстания достигла его родных мест. Возможно, до него дошли эмиссары Кинзи Арсланова. Но в середине декабря 1773 года приказчик Саткинского завода С.Ф. Моисеев докладывал Исетскому воеводе А.П. Веревкину, что группа выборных от заводских крестьян поехала к злодейскому полковнику Юлаю[2]. 18 декабря 1773 года крестьяне Саткинского завода обратились к Юлаю Азналину с рапортом и просили допустить их делегацию «до его величества», не посылать «разъезжающих грабительских воровских партий». В рапорте заводских крестьян можно узнать о масштабах народного движения: «следственные заводы и протчия окрестные башкирские жительства его величеству... приклонились»[3].

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 303.

[2] Пугачевщина. Т. II. С. 435.

[3] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 68.

В это время Салават Юлаев был еще под Оренбургом. Следовательно, Юлай Азналин примкнул к восстанию самостоятельно, под влиянием развивающихся событий.

О своих действиях зимой 1773–1774 годов Юлай Азналин на допросе излагал очень скромно: «Потом оной сын его [Салават] возвратился к нему в дом. А по прошествии малого времени злодейские шайки наезжали уже и на их селении и чинили великие разорения, грабежи и убийства, и некоторые селения выжгли»[1]. В действительности, события в Зауральском Башкортостане разворачивались подобно буре. 22 декабря 1773 года на Саткинский завод прибыл представитель Чесноковского центра, пугачевский бригадир И.С. Кузнецов и начал формировать повстанческий отряд, мобилизуя в него заводских крестьян и башкир. В начале января 1774 года сюда же прибыл посланник Пугачева полковник И.Н. Грязнов[2].

Точная дата возвращения Салавата Юлаева на Сибирскую дорогу неизвестна. Исследователи употребляют фразу «в конце декабря». Если верить сообщению Юлая Азналина, Салават должен был вернуться домой до 22 декабря, то есть раньше появления в этом районе И.С. Кузнецова. Потому что «злодейские шайки наезжали» по «прошествии малого времени» после возвращения Салавата Юлаева. На допросе в Тайной экспедиции Салават Юлаев нарисовал жуткую обстановку насилия, созданную в означенном районе Башкортостана И.Н. Грязновым. Поэтому все бежали, «устранясь того», бежал и Юлай[3].

Вряд ли сообщения Салавата Юлаева и Юлая Азналина на допросе соответствовали истине. Юлай Азналин, еще до этого занимавший одно из руководящих мест среди предводителей зауральских башкир, активно включился в восстание до возвращения Салавата. Отряды Юлая Азналина действовали в пределах своей волости, в районах Симского и Саткинского заводов, поддерживая порядок в населенных пунктах района.

Весной 1774 года с появлением Е.И. Пугачева и его Главного войска восстание в Зауральском Башкортостане вспыхнуло с новой силой. В вихре этого катаклизма закрутилось все многонациональное

---

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 303

[2] *Андрущенко А.И.* Указ. соч. С. 163, 164.

[3] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 301.

население региона. Не остался в стороне и Юлай Азналин. Тем более, весной в башкирских волостях Сибирской дороги, в бассейнах реки Ай новое войско собирали Салават и Белобородов. Отец и сын некоторое время могли действовать вместе. После сокрушительного поражения Главного войска восставших от карательных корпусов генерала И.А. Деколонга под Троицкой крепостью 21 мая и подполковника И.И. Михельсона под деревней Лягушино 22 мая Пугачев с жалкими остатками своего войска бежал в башкирские кочевья Исетской провинции. Главное войско в считанные дни возродилось в результате массового потока к Е.И. Пугачеву зауральских башкир.

В восстановлении Главного войска активное участие принимал и Юлай Азналин. Он на допросе в Тайной экспедиции Сената говорил, что Е.И. Пугачев, приближаясь к их кочевьям, прислал к ним «трех башкирцов» с требованием, чтобы все «старшины и рядовые, пребывающие в кочевьях, из оных кочевьев никуда не отлучались, а явились бы к нему, злодею, и в помощь его злодейской шайки, приготовили бы башкирскую команду». А как Е.И. Пугачев «стал блиско их лагерем, то они своими подкомандующими к злодею и явились. А он, Юлай, явился с тринадцатью человеками рядовых башкирцов. Находился у злодея в толпе шесть дней, и по приказу оного злодея был он, Юлай, посылан с протчими старшинами для раззорения и пожегу селениев и заводов»[1].

Непосредственный контакт с вождем Крестьянской войны требовал объединения повстанческих сил, концентрации их в Главное войско Пугачева или в самостоятельные крупные отряды. После сражения Салавата Юлаева с И.И. Михельсоном 7 и 8 мая Юлай Азналин и Салават Юлаев часто действовали совместно. На допросе в Тайной экспедиции Сената Салават Юлаев показывал: «когда злодей Пугачев к их селениям приблизился, то он, Салават, паки к нему на службу взят. И по приказу его он, Салават, з двумя полковниками и с частию толпы выжгли заводчика Твердышева, состоящей близ отца его деревни, завод...»[2]. Это же событие Юлай Азналин на допросе объяснял следующим образом: «А потом и самой злодей Пугачев с толпою приближался к ним, башкирцам, и чинил также злей-

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 304.

[2] Там же. С. 302.

шие разорения, выжигал почти все оставшиеся селения, причем и означенного Твердышева завод и новопоселенные на его, Юлаевой, земле им Твердышевым деревни выжег»[1].

Данное сообщение Юлая Азналина не должно ввести читателя в заблуждение. Ответственность за сожжение Симского завода Салават Юлаев взял на себя, проявив сыновнее сочувствие к отцу. А Юлай Азналин защищал сына, свалив вину сожжения завода на самого Е.И. Пугачева. Уточнение в этом вопросе дают сообщения других свидетелей. 22 мая 1774 года солдаты Уфимского гарнизона И. Логинов и И. Зубов в своем рапорте объявили, что «старшинский сын Салават Юлаев, быв с отцом ево у самзванца, возвратился и собирает на Аю реке блись деревни Юкаликуль башкирцов и разных иноверцов, коих уже и собрано сот с восемь»[2]. 23 мая в Уфимской провинциальной канцелярии аналогичное сообщение сделал приказчик Симского завода А. Исаев: возвращаясь 20 мая от И.И. Михельсона, он заехал на Катав-Ивановский завод и получил информацию от кирпичника Е. Данилова, что «собралась злодейская толпа башкирцов в деревне Абдрахмановой, называемой Семибаш, под предводительством ахуна деревни Ишеевой да старшины Сартской волости Мутая (Уметея Уразембетева. – Н.К.), числом до пятисот человек». В тот же день Исаев выехал из Катав-Ивановска и в пути на Симский завод сам уведомился о сборе «второй злодейской толпы в Кудейской волости при деревне Шиганаевой в расстоянии от Симского завода в 20 верстах состоящей, около 500 человек под предводительством башкирца Салавата Юлаева и отца ево, старшины Юлая»[3]. 23 мая в Уфу приехал крестьянин Симского завода Р. Плотников и сообщил в провинциальной канцелярии, что в полдень, 23 мая, на Симский завод напали старшина Юлай Азналин и его сын Салават Юлаев с отрядом около тысячи человек. Повстанцы перебили заводских служителей, которые пытались организовать оборону завода, а «завод, фабрику с плотиною, церковь божию и все заводские селения сожгли»[4].

---

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 303.

[2] РГАДА. Ф. 6. Д. 592. Л. 429 об.

[3] Там же. Л. 535 и об.

[4] Там же. Ф. 6. Д. 592. Л. 565 и об.

Почему Салават Юлаев, имея 3-тысячную конницу, решил собрать новый отряд и как Плотников, свидетель захвата Симского завода повстанцами в полдень 23 мая, в тот же день смог оказаться в Уфе, трудно объяснить, спорить, утверждать или игнорировать. Но захват и сожжение Симского завода совместными силами Юлая Азналина, Салавата Юлаева и Уметея Уразембетева – факт достоверный. Сам Салават Юлаев на допросе в Уфимской провинциальной канцелярии 5 мая 1775 года дал сведения, в какой-то мере уточняющие это событие: «А прошлого ж, 1774 году в майе месяце, злодей Пугачев прислал на имя отца моего и мое, да и протчих, письменное повеление, с тем, чтоб нам все заводы выжечь, а естли того не учиним, то стращал нас искоренением. Почему, собрався мы с протчими начальниками, более тысячи человек, наперед Симский завод и сожгли, и противящихся крестьян перекололи досмерти... Имущество ж заводское все разграбили, а оставшихся за убийством крестьян отослали в деревню заводскую Ераль»[1]. Созвучное показание дал и Юлай Азналин на этом допросе: в мае 1774 года Е.И. Пугачев с Белорецкого завода прислал на имя Юлая Азналина, Салавата Юлаева, старшины Кущинской волости Яхьи Якшиева «и протчих на татарском диалекте повеление» с требованием и угрозами жечь все горные заводы на Сибирской дороге. «Почему мы, собрався в числе тысячи полуторы человек, в том же майе месяце к Симскому заводу приступили, и тот завод сожгли». В отличие от Салавата Юлай Азналин отрицал свое участие в истреблении и грабеже заводчан. По его сообщению, они крестьян вывели «всех в степь, и после отпустили в Кунгурский уезд»[2].

Таким образом, 23 мая 1774 года, выполняя указ «царя», башкирские отряды под предводительством своих старшин, пугачевских полковников Салавата Юлаева, Юлая Азналина, Уметея Уразембетева и Яхьи Якшиева приступом взяли Симский завод, сопротивлявшихся крестьян перебили, завод и заводской поселок сожгли. Оставшихся заводских крестьян отправили в Кунгурский уезд. Это было с точки зрения повстанцев правильное решение вопроса в плане военной тактики: заводы перестали играть роль опорных

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 318.

[2] Там же. С. 317.

пунктов для повстанцев и не должны были служить местом для расквартирования карательных команд[1]. А для Юлая Азналина и Салавата Юлава, как и для остальных башкир Шайтан-Кудейской волости, это было разрешением многолетней тяжбы с заводчиком Твердышевым, возмездием за насильственный захват их вотчинных земель под Симский завод.

Дальнейшая повстанческая деятельность Юлая Азналина летом–осенью 1774 года широкой панорамой раскрывается в его показаниях на допросе в мае 1775 года в Уфимской провинциальной канцелярии. По его сообщению, после сожжения Симского завода 23 мая 1774 года они разъехались по домам. Когда Е.И. Пугачев после появления в их селениях, спросил у них: «все ль заводы по ево повелению нами исстреблены?». Получив ответ, что кроме Симского все заводы целы, «он паки нам подтвердил, собрався, к тем заводам делать приступы»[2].

Летом 1774 года Салават Юлаев и большинство старшин зауральских башкир со своими отрядами влились в Главное войско и вместе с ним ушли под Осу. Юлай Азналин по просьбе Салавата Юлаева и башкир Шайтан-Кудейской волости был оставлен Е.И. Пугачевым дома «главным атаманом» башкир Сибирской дороги и в дальнейшем действовал самостоятельно. На допросе в Тайной экспедиции Юлай Азналин рассказывал, что Пугачев хотел взять его с собой, но он уговорил своих башкир, а те «чтоб его оставить над ними начальником в их селениях, у самого злодея и просили»[3]. А на допросе в Уфимской провинциальной канцелярии Юлай Азналин дал более конкретные сведения: «... он, злодей, для лучшего в народе разбирательства и учредил меня над всеми в нашей стороне обитающими главным атаманом»[4]. В последующем в своих документах Юлай Азналин стал подписываться: «главный атаман Юлай сын Азналин».

После ухода Е. И. Пугачева и Салавата Юлаева под Осу Юлай Азналин первым делом организовал поход на главный из заводов

---

[1] Крестьянская война в России в 1773–1775 года. Восстание Пугачева. Т. III. М.; Л., 1970. С. 67–73 (Далее – Крестьянская война в России); *Андрущенко А.И.* Указ. соч. С. 189–190; *Гвоздикова И.М.* Указ. соч. С. 156.

[2] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 317.

[3] Там же. С. 304

[4] Там же. С. 317.

Твердышева и Мясникова – Катав-Ивановский. Сам Юлай Азналин об этом на допросе рассказывал: «Мы же, разные старшины, после оного злодея, собрав свои команды, в числе тысяч двух, 19 июня наперед к Катавскому заводу чинили приступ... И не взяв тот завод их, ездили с оною толпою наперед в деревню заводскую Орловку, и потом Усть-Катавской завод сожгли. При чем и я был над всеми главным начальником»[1].

Такая же информация в несколько другой хронологической последовательности дана в рапорте канцелярии Катав-Ивановского завода от 16 июня 1774 года в Уфимскую провинциальную канцелярию. В нем говорится, что «третьего дня» [13 июня] к здешнему заводу подъехали башкирцы под командою «полковника башкирца Амина Ибраева, да двух есаулов Кучука Муртазина, Ясака Абулгасымова, всего сот до шести человек и здешний Катав-Ивановский завод атаковали». На следующий день заводчане взяли в плен башкира, присланного повстанцами для переговоров. Тот сообщал, что «Шайтан-Кудейской волости бунтовщик старшина Юлай, Салаваткин отец, пришел к ним на помощь для раззорения здешняго ж завода с командою, и он де набрал толпу под свою команду около полутора тысячи человек»[2].

Юлай Азналин сообщал, что они на Усть-Катавский завод и деревни заводских поселений ходили после неудачного приступа к Катав-Ивановскому заводу. А в рапорте заводской конторы говорится, что «Симской, Юрюзенской заводы совсем сожжены. При Усть-Катавском в деревне Орловке, в деревне Ярале и в деревне Карауловке пажить вся и скот крупный и мелкой без малейшего остатку пограблен»[3]. Не совпадают сведения о сожжении Юрюзань-Ивановского завода. Юлай Азналин отрицал свою причастность к его сожжению. На допросе он заявил: «И кто точно еще Юрюзенский завод, деревни Ерал и Карауловку сожгли, и учинили ль там кому какое смертное убивство – я не знаю, и никому того делать я не приказывал»[4].

---

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 317.

[2] Там же. С. 192–193.

[3] Там же. С. 193.

[4] Там же. С. 317.

В мае-июне 1775 года переводчик Уфимской провинциальной канцелярии Ф. Третьяков ездил по башкирским волостям и собирал дополнительные материалы по делу Салавата Юлаева и Юлая Азналина. Башкиры Кущинской и Кудеевской волостей Тусман Курганов и другие, всего 19 человек, дали иные показания. Они сообщали, что Юлай Азналин «обще с сыном Салаватом во многолюдстве Симского заводу крестьян, ограбя, побили и завод выжгли». Что Юлай Азналин после ухода Е.И. Пугачева и Салавата Юлаева под Кунгур «возвратясь, назвавшись атаманом, собрав всякого звания людей, в том числе Исецкой правинцыи с злодейским начальником Аминем Илтабановым под Катавский завод приступ чинили, и не взяв оного, Усть-Катавский завод и деревню Орловку, ограбя крестьян, выжгли». Один из свидетелей Ильчекай Бектуганов говорил, что «по приказанию Юлая Азналина и Юрюзанского заводу крестьяна побиты»[1]. Однако Юлай Азналин и после этого отказывался признать, что он Ильчекая отправил разорять Юрюзанский завод[2].

На вопрос об участии Юлая Азналин в захвате Юрюзань-Ивановского завода, деревень Ерал и Орловка определенный свет проливают показания свидетелей из башкир, допрошенных 8 июля 1775 года в Уфимской провинциальной канцелярии. Салават и Арслан Субхангуловы, Ишимбет Исекеев, Давлет Якупов и Сафа Мусин дали показания, что Юлай Азналин взял и сжег Усть-Катавский завод и деревню Орловку, а Юрюзанский завод по приказу Юлая Азналина захватил и жителей побил Ильчекай Биктуганов[3].

Таким образом, летом 1774 года, после ухода Е.И. Пугачева, а вместе с ним Салавата Юлаева и других крупных повстанческих предводителей из башкирских старшин Исетской провинции, Юлай Азналин оставался главным и общепризнанным вождем восстания многонационального Зауральского Башкортостана. Выполняя установку Е.И. Пугачева, его отряды захватили и сожгли Симский, Юрюзань-Ивановский и Усть-Катавский заводы и заводские деревни. Отрядами Юлая Азналина были сожжены также Белорецкий завод, заводские деревни Арская и Ломовка, на что

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 325.

[2] Там же. С. 329.

[3] Там же. С. 328–329.

указывалось в рапорте конторы Катав-Ивановского завода от 16 июня 1774 года[1].

В ряде источников указываются действия Юлая Азналина в районе Уфы. В частности, Канзафар Усаев на допросе в Бугульме сообщил, что Е.И. Пугачев из-под Осы послал на Сибирскую дорогу «башкирца Салавата с отцом ево, Юлаем», а 3 августа он получил известие о том, что Салават «следует ко мне вниз по реке Уфе с толпою»[2]. Следовательно, в походе Салавата Юлаева должен был участвовать и Юлай Азналин. Еще раньше, 13 июля 1774 года, генерал П.М. Голицын рапортовал генералу Ф.Ф. Щербатову, что «толпа под начальством Салаваткина отца намеревается переправиться на сю сторону реки Уфы»[3].

Однако эти сообщения были недостоверны. Не имели основания также известия о подготовке Салавата Юлаева и Юлая Азналина на Каслинский и Кыштымские заводы[4]. С июля до конца октября Юлай Азналин со своими отрядами действовал в районах Симского, Юрюзанского и Усть-Катавского заводов. А своей главной задачей он считал захват Катав-Ивановского завода. Завод представлял собой крупную, хорошо укрепленную крепость с сильным гарнизоном. Он был достаточно обеспечен вооружением и порохом. 6 августа уфимский воевода полковник С.С. Мясоедов докладывал, что он отправил на Катав-Ивановский завод 5 пудов пороху. К этому времени завод уже находился в блокаде. Но 6 казаков, сопровождавших груз, вернулись в Уфу и докладывали, что они доставили груз на завод[5].

Заблокировав Катав-Ивановский завод, Юлай Азналин несколько раз обращался к заводским крестьянам с призывом перейти на сторону «царя» и предлагал «с ними, башкирцами, жить союзно». Однако заводские крестьяне не спешили дать положительный ответ. Сожжение заводов и грабеж заводского населения летом 1774 года сильно напугали заводских крестьян и вынудили их отойти от движения

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 208.

[2] Там же. С. 222.

[3] Там же. С. 208.

[4] РГАДА. Ф. 6. Д. 467. Ч. 12. Л. 12.

[5] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 237.

или занимать осторожную позицию. Проявляли осторожность и катав-ивановские крестьяне. Они требовали прислать в качестве атаманов двух «надежных башкирцов». Посла Мусабая Бикзянова, присланного Юлаем Азналиным для переговоров, заводчане арестовали. На требование Юлая Азналина вернуть посла они ответили отрицательно. Конный разъезд башкир недалеко от завода перехватил двух заводских крестьян и отвел их к Юлаю Азналину. Одного из них Юлай Азналин отпустил с письмом для осажденных, другого оставил для обмена с Мусабаем. Вернувшийся из повстанческого лагеря крестьянин сообщил в заводской конторе, что Юлай Азналин допрашивал его «обо всех заводских обстоятельствах, то есть, как укреплена кругом завода стена, и много ли пушек и пороху, и сколько находится в нем военной команды»[1]. Заводчане заключили, что Юлай Азналин готовится к «приступу завода».

В начале сентября из-под Осы вернулся раненый Салават Юлаев и приехал к отцу. Некоторое время они вели совместную блокаду Катав-Ивановского завода. 10 сентября Юлай Азналин и Салават Юлаев прислали через одного из двух вышеназванных пленных крестьян письмо «приказчикам и старшинам, являющимся командирами Катавского завода».

Письмо носит глубокое содержание и яркий характер дружелюбия башкирских повстанцев к заводским крестьянам. Юлай Азналин и Салават Юлаев предлагали действовать дружно, согласованно. «Нам с вами невозможно жить в несогласии и причинять обиды друг другу, – говорится в письме, – ибо мы все подданные его величества Петра Федоровича». Авторы письма выражали обиду заводчанам: «Когда ваши люди попадают к нам, мы их не убиваем, а отпускаем обратно невредимыми. А когда наш человек попадает к вам, то вы его держите в заключении, а иных якобы убиваете». Убедительно звучит предупреждение: «Если бы у нас был злой умысел, коли того пожелает бог, мы можем больше всего поймать и значительно больше убивать. Но мы не трогаем ваших, ибо мы не питаем к вам зла». Еще более внушительна угроза, переданная через пленного крестьянина устно, что они могут обложить завод соломой и сжечь[2].

---

[1] РГАДА. Ф. 1100. Д. 11. Л. 201 и об.

[2] Там же. Д. 8. Л. 112; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 229; Документы Ставки Е.И.Пугачева. С. 256–257.

События под Катав-Ивановским заводом встревожили как военные, так и местные гражданские власти. Коллежский советник, командир карательной команды подполковник И.Л. Тимашев через своих разведчиков узнал, что в конце октября Салават Юлаев и Юлай Азналин собирали «в свою шайку с каждого двора по одному человеку, дабы со умножением силы взять им, злодеям, Катавский завод»[1]. Еще раньше заводовладелец Я.Б. Твердышев обратился к Оренбургскому губернатору И.Д. Рейнсдорпу с просьбой ввести в его заводы «по нескольку команды»[2]. Генерал Фрейман распорядился прислать на Катав-Ивановский завод 23-ю легкую полевую команду из Челябинска и 25-ю легкую полевую команду из Уфы[3].

Вскоре после отправки письма катавцам Салават Юлаев покинул лагерь своего отца и направился к Елдякской крепости. После двух сражений с карательным корпусом подполковника И.К. Рылеева 18 сентября под деревней Нуркино и 22 сентября под Елдякской крепостью он вновь вернулся к Катав-Ивановскому заводу. За это время осаду завода Юлай Азналин возглавлял один. После возвращения Салавата Юлаева они продолжали осаду вместе.

В конце октября Юлай Азналин покинул лагерь под Катав-Ивановским заводом и вернулся домой. А.И. Андрущенко обвиняет Юлая Азналина за этот поступок: «Юлай Азналин, поддавшись уговору башкирских старшин, получивших «прощение», оставил Салавата с повстанцами в районе Катавских заводов и уехал домой в Шайтан-Кудейскую волость, надеясь скрыть свое руководящее положение в восстании»[4]. Однако причиной его возвращения домой было не стремление «скрыть свою вину», а тяжелая болезнь. 31 октября, после посещения его Кутлугильде Абдрахмановым и Каскыном Самаровым, Юлай Азналин писал Тимашеву: «Я же ныне нахожусь в тяжелой болезни»[5].

С уходом из-под Катав-Ивановского завода закончилась повстанческая деятельность Юлая-атамана. Была поставлена последняя точка на последней странице его героической биографии. С возвращени-

---

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 249.

[2] РГАДА. Ф. 1100. Д. 8. Л. 112

[3] Там же.Ф. 1274. Д. 179. Л. 127 и об.

[4] *Андрущенко А.И.* Указ. соч. С. 307.

[5] РГАДА. Ф. 1100. Д. 12. Л. 219.

ем домой была открыта новая странца трагического продолжения его жизни, наполненной допросами, пытками, истязаниями, кровью и стонами, почти четвертьвековая каторжная неволя великомученика. Но об этом исключительно добросовестно и детально написано в фундаментальных монографиях И.М. Гвоздиковой. Поэтому нет необходимости еще раз повторяться о нечеловеческих пытках и истязаниях этого благороднейшего сына башкирского народа. Об этом очень тяжело писать. Когда читаешь документы или публикации о последних годах жизни Юлая-каторжника, в память невольно приходят строки из поэмы Баязита Бикбая «Земля»: «Тело Башкортостана исполосовано тысячами следов от кнута», и перед глазами встает Юлай Азналин, привязанный к столбу и истязаемый палачом-кнутобойцем. Следует лишь напомнить, что он умер вдали от Родины, на берегу далекого Балтийского моря в крепости Рогервик между 1797 и 1800 годами[1].

Царское правительство сделало все, чтобы полностью и навечно стереть имя Юлая Азналина из памяти народа. Но имя Юлая сквозь рогатки и препоны, цензурные запреты и жестокие угрозы наказания, сквозь толщи веков вернулось к своему народу.

Салават Юлаев, башкир, старшинский сын Шайтан-Кудейской волости Сибирской дороги, бригадир пугачевской армии. О Салавате Юлаеве много писали историки, публицисты, журналисты, краеведы, продолжают писать и сегодня. Первым на национального героя башкирского народа обратил внимание А.С. Пушкин. Он высоко оценил полководческий талант молодого вождя башкир, признал его одним из крупнейших предводителей Крестьянской войны и верным соратником Емельяна Пугачева[2]. Много теплых слов признания полководческого таланта Салавата Юлаева писали дворянский историк Н.Ф. Дубровин[3], русские буржуазные историки-краеведы Р.Г. Игнатьев[4] и Ф.Д. Нефедов[5]. Буржуазный историк П.Л.

---

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 339–341.

[2] *Пушкин А.С.* История Пугачевского бунта.

[3] *Дубровин Н.Ф.* Пугачев и его сообщники. Т. 1–3. СПб., 1881.

[4] *Игнатьев Р.Г.* Башкир Салават Юлаев, пугачевский бригадир, певец и импровизатор // Башкирия в русской литературе. Кн.2. Уфа, 1991.

[5] *Нефедов Ф.Д.* Движение среди башкир перед пугачевским бунтом. Салават – башкирский батыр // Башкирия в русской литературе. Уфа,1991. Т. 2. С. 86.

Юдин дал высочайшую оценку роли и места Салавата Юлаева в Крестьянской войне 1773–1775 годов[1].

В фундаментальных исследованиях ленинградских авторов[2] и А.И. Андрущенко[3] Салават Юлаев признан одним из крупнейших предводителей Крестьянской войны. В.М. Панеях[4] и А.П. Николаенко[5] осветили боевой путь Салавата, П.Ф. Ищериков[6] и В.В. Сидоров[7] изучали последние годы его жизни. Единственное фундаментальное монографическое исследование о жизни и судьбе Салавата Юлаева принадлежит перу И.М. Гвоздиковой[8]. Интересные материалы о повстанческой деятельности использованы в эссе Мираса Идельбаева[9], монографии С.У. Таймасова[10] и историческом очерке Н.М. Кулбахтина[11]. Исключительно богатая информация, связанная с повстанческой деятельностью и судьбой Салавата Юлаева, собрана в энциклопедических изданиях «Салават Юлаев»[12] и «Военная история башкир»[13].

Таким образом, научной, популярной и краеведческой литературы о жизни, повстанческой деятельности и трагической судьбе национального героя башкирского народа Салавата Юлаева написано

---

[1] *Юдин П.Л.* Суд и казнь Салаватки (Эпизод из пугачевского бунта) // Исторический вестник. 1898. № 8.

[2] Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Восстание Пугачева / отв.ред. В.В. Мавродин. Т. 1–3. М.; Л.: Изд. д-во ЛГУ, 1961–1970.

[3] *Андрущенко А.И.* Указ. соч.

[4] *Ищериков П.Ф.* Салават Юлаев – вождь башкирского народа и сподвижник Пугачева // Преподавание истории в школе. 1951. № 11.

[5] *Сидоров В.В.* О башкире-певце и бесстрашном бойце. Уфа, 2004.

[6] *Панеях В.М.* Кинзя Арсланов и Салават Юлаев // *Лимонов Ю.А.*, *Мавродин В.В.*, *Панеях В.М.* Пугачев и пугачевцы. Л., 1974.

[7] *Николаенко А.П.* Вождь башкирского народа, пугачевский бригадир Салават Юлаев // Исторический журнал. 1940. № 11.

[8] *Гвоздикова И.М.* Салават Юлаев. Исследование документальных источников. Уфа, 1982.

[9] *Идельбаев М.Х.* Салават, сын Юлая / перевод Ф. Ахмадеева // Ватандаш. 2003. № 1, 3, 5.

[10] *Таймасов С.У.* Указ. соч.

[11] *Кулбахтин Н.М.* Юлай-атаман, сардар-Салават, Кинзя-абыз.

[12] Салават Юлаев. Энциклопедия.

[13] Военная история башкир. Энциклопедия. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2013

и издано много. Основные моменты, где отражается повстанческая деятельность Салавата Юлаева как полководца, изложены И.М. Гвоздиковой[1]. В данной статье ставится задача раскрыть полководческий талант Салавата Юлаева более детальным анализом его сражений с крупными карательными командами.

Основные вехи краткой, но яркой жизни Салавата Юлаева хорошо известны. Он родился в 1754 году в деревне Текеево в семье старшины Шайтан-Кудейской волости Сибирской дороги Юлая Азналина. 11 ноября 1773 года в составе Стерлитамакского башкирско-мишарского карательного корпуса 19-летний Салават Юлаев добровольно перешел на сторону восставших и в Бердском лагере предстал перед вождем восстания Емельяном Пугачевым. С этого дня и до ареста 25 ноября 1774 года, то есть в течение 1 года и 15 дней, Салават находился в центре событий самого грандиозного катаклизма феодальной России. Эта веха жизни подняла юного башкирского батыра над массами, сделала его одним из крупнейших предводителей восстания, талантливым полководцем повстанческой армии. С 25 ноября 1774 года до 2 октября 1775 года, в течение 339 дней, Салават Юлаев проходил все круги ада в застенках следственных карательных органов. 29 ноября 1775 года Салавата и его отца Юлая под конвоем доставили на далекий берег Балтийского моря, в крепость Рогервик. Началась новая веха в жизни Салавата, которая оказалась самой продолжительной: 24 года 9 месяцев и 28 дней. Больше половины своей короткой и яркой жизни гордость башкирского народа, национальный герой томился на каторге. И эта трагическая веха жизни сделала Салавата бессмертным. Через 150 лет он вернулся на Родину, к своему народу национальным героем.

О Салавате Юлаеве как талантливом полководце Крестьянской войны 1773–1775 годов говорят 29 сражений с его участием, из которых 13 он провел самостоятельно. Под Оренбургом в составе Главного войска он участвовал в 7 сражениях. 23 и 24 января 1774 года Салават Юлаев вместе с бригадиром И.С. Кузнецовым и полковником Канзафаром Усаевым организовал штурм города Кунгура. 23 февраля, 3 и 9 марта 1774 года он сражался с И. Гурьевым и полностью уничтожил его карательную команду. 14 марта под Краснуфимской

[1] *Гвоздикова И.М.* Салават Юлаев: Исторический портрет // Салават Юлаев. Энциклопедия. Уфа, 2004. С. 10–17.

крепостью и 17 марта у села Бугалыш Салават Юлаев выдержал два сражения с карательным корпусом подполковника А.В. Папава. 6, 7, 8 и 31 мая 1774 года Салават Юлаев сражался против корпуса подполковника И.И. Михельсона. 3 и 5 июня 1774 года он вместе с Е.И. Пугачевым участвовал в сражении с И.И. Михельсоном. 11 июня вместе с И.Н. Белобородовым отразил вылазку карательного корпуса подполковника А.В. Папава из Кунгура. 18, 19 и 20 июня 1774 года было проведено 4 штурма пригорода Осы, где повстанческую армию возглавляли Е.И. Пугачев, Салават Юлаев и И.Н. Белобородов. 18 и 22 сентября 1774 года под деревней Нуркино и крепостью Елдяк Салават Юлаев сражался с корпусом подполковника И.К. Рылеева. Последнее сражение бригадира Салавата с тем же Рылеевым произошло под Катав-Ивановским заводом 22 ноября 1774 года. Ниже предлагаем таблицу о всех сражениях Салавата Юлаева.

Перечень сражений Салавата Юлаева

№/№ п/ п	Дата	Место сражения	Противники	Союзники
1	2	3	4	5
1	13.11.1773	Бердская крепость	Полковник П.М. Чернышев	В составе Главного войска
2	14.11.1773	Бердская крепость	Бригадир А.Ф. Корф	В составе Главного войска
3	22.11.1773	Бердская крепость	Премьер-майор С.Л. Наумов	В составе Главного войска
4	23.11.1773	Оренбург, штурм	Генерал-поручик И.А. Рейнсдорп	В составе Главного войска
5	26.11.1773	Бердская крепость	Премьер-майор С.Л. Наумов	В составе Главного войска
6	07.12.1773	Город Оренбург, штурм	Генерал-поручик И.А. Рейнсдорп	В составе Главного войска
7	11.12.1773	Город Оренбург, штурм	Генерал-поручик И.А. Рейнсдорп	В составе Главного войска
8	23.01.1774	Город Кунгур, штурм	Гарнизон города Кунгура	Бригадир И.С. Кузнецов
9	24.01.1774	Город Кунгур, штурм	Гарнизон города Кунгура	Бригадир И.С. Кузнецов

Окончание таблицы

1	2	3	4	5
10	23.02.1774	Сарапульская волость	Секунд-майор И. Гурьев	Самостоятельно
11	03.03.1774	Сарапульская волость	Секунд-майор И. Гурьев	Самостоятельно
12	09.03.1774	Сарапульская волость	Секунд-майор И. Гурьев	Самостоятельно
13	14.03.1774	Красноуфимская крепость	Премьер-майор А.В. Папав	Самостоятельно
14	17.03.1774	Село Бугалыш	Премьер-майор А.В. Папав	Самостоятельно
15	06.05.1774	Симский завод	Премьер-майор А.В. Папав	Самостоятельно
16	07.05.1774	Деревня Ерал	Подполковник И.И. Михельсон	Самостоятельно
17	08.05.1774	Река Усть-Канды	Подполковник И.И. Михельсон	Самостоятельно
18	31.05.1774	Река Ай	Подполковник И.И. Михельсон	Самостоятельно
19	03.06.1774	Село Верхние Киги	Подполковник И.И. Михельсон	Е.И. Пугачев
20	05.06.1774	Деревня Месягутово	Подполковник И.И. Михельсон	Е.И. Пугачев
21	11.07.1774	Красноуфимская крепость	Секунд-майор А.В. Папав	И.Н. Белобородов
22	18.07.1774	Пригород Оса	Гарнизон пригорода	И.Н. Белобородов,
23	18.07.1774	Пригород Оса	Гарнизон пригорода	И.Н. Белобородов
24	20.07.1774	Пригород Оса	Гарнизон пригорода	Е.И. Пугачев, И.Н. Белобородов
25	20.07.1774	Пригород Оса	Гарнизон пригорода	Е.И. Пугачев, И.Н. Белобородов
26	04.09.1774	Река Амзя	Премьер-майор Г. Штерич	Самостоятельно
27	18.09.1774	Дер. Нуркино	Подполковник И.К. Рылеев	Самостоятельно
28	22.09.1774	Крепость Елдяк	Подполковник И.К. Рылеев	Самостоятельно
29	22.11.1774	Катав-Ивановский завод	Подполковник И.К. Рылеев	Самостоятельно

Таким образом, за один год Салават Юлаев участвовал в 29 сражениях, в том числе 13 он провел самостоятельно. Не все сражения Салавата Юлаева завершались победой. Не надо забывать, что против плохо вооруженной массы повстанцев действовала регулярная армия, которая в то время была самой могущей в Европе. Сокрушительное поражение потерпело Главное войско Е.И. Пугачева под Татищевой крепостью и Сакмарским городком, Троицкой крепостью и деревней Лягушино, под Казанью и Черным Яром; повстанческая армия И.Н. Зрубина-Чики – под Уфой, «сибирский корпус» И.Н. Белобородова – под Екатеринбургом, войско Г. Туманова – под Челябинском. В отличие от других предводителей Крестьянской войны Салават Юлаев ни разу не допускал полного уничтожения своего войска. Ему каждый раз удавалось сохранять основные силы своей конницы, в кратчайший срок восстановить боевые порядки и снова вступать в сражения.

В сражениях под Оренбургом Салават Юлаев проявил не только воинскую отвагу, но и талант командира, за что Е.И. Пугачев присвоил ему чин полковника. 19-летний Салават Юлаев стал самым молодым полковником повстанческой армии. В середине декабря «царь» отправил его в Северный Башкортостан для вовлечения жителей региона в повстанческое движение. Вернувшись на Сибирскую дорогу, Салават Юлаев приступил к объединению разрозненных башкирских повстанческих команд, действующих в районе Симского, Усть-Катавского, Юрюзань-Ивановского, Саткинского и Златоустовского горных заводов. В кратчайший срок он собрал их в крупное боеспособное войско. Слава о молодом предводителе молниеносно разнеслась на всю Сибирскую дорогу и за ее пределы. 12 января 1774 года Салават Юлаев по приглашению восставших казаков вступил в Красноуфимскую крепость и возглавил повстанческое движение. За считанные дни он собрал 4-тысячное войско, обеспечил его оружием и пушками, лошадьми и провиантом; провел выборы атаманов крепости, наладил дисциплину в крепости и повстанческих отрядах. 15 января 1774 года Салават Юлаев вместе с бригадиром И.С. Кузнецовым и полковником Канзафаром Усаевым повел 4-тысячное войско на штурм Кунгура.

Таким образом, повстанческое движение в Северном Башкортостане под предводительством Салавата Юлаева получило организованную форму. Возглавив Красноуфимско-Кунгурский повстанчес-

кий центр, Салават Юлаев стал одним из крупнейших предводителей Крестьянской войны 1773–1775 годов. Он созрел для самостоятельного решения масштабных задач общенародной борьбы. Именно здесь в сражениях с карательными корпусами раскрылся его полководческий талант.

Первое самостоятельное сражение Салават провел 23 января при штурме города Кунгура. В фондах Российского государственного исторического архива (РГИА) в Санкт-Петербурге хранится документ с подробным описанием этого сражения[1]. Повстанческое войско к этому времени насчитывало более 4 тысяч человек. Бригадир И.С. Кузнецов выбрал себе отряд в одну тысячу повстанцев преимущественно из русских крестьян. Остальные 3 тысячи повстанцев из башкир и представителей других нерусских народов составляли корпус Салавата Юлаева. Согласно предворительной договоренности, Салават Юлаев в 7 часов утра 23 января начал штурм города с «нагорной» стороны артиллерийским обстрелом. В его отряде было 10 больших и малых пушек, двадцать пудов пороха. Пушки обслуживали 40 бомбардиров из заводских крестьян. Пушки были уложены на санях, их быстро перемещали с одного места на другое, что позволяло избегать прицельного огня по пушкам и создавало у противника впечатление о наличии большого количества пушек. Меткими выстрелами бомбардиры Салавата выбили два единорога противника, пробили несколько брешей в крепостной стене. Повстанцы на конях и на лыжах ворвались в предместье города. Город от поражения спасло несогласованное действие. И.С. Кузнецов штурм города с южной стороны начал с опозданием на два часа, чем воспользовались осажденные. Они перебросили пушки и воинов, подготовленных для отражения атаки с луговой стороны, против войска Салавата Юлаева. К тому времени у восставших кончились ядра и порох. В результате гарнизону удалось вытеснить войско Салавата из предместья города.

Уже первое самостоятельное сражение Салавата Юлаева показало его незаурядные полководческие способности. Юный башкирский батыр успешно применил традиционную тактику регулярной русской армии осады и штурма укрепленного пункта с использованием артиллерии и огнестрельного оружия.

[1] РГИА. Ф. 468. Оп. 32. Д. 2. Л. 147 об.–198 об.

В конце февраля по просьбе красноуфимских казаков Салават Юлаев поспешил им на помощь. 12 марта он с 2-тысячным войском вошел в Красноуфимскую крепость. 14 марта разыгрался многочасовой кровопролитный бой с карательным корпусом подполковника А.В. Папава. Салават Юлаев разделил свое войско на три группы. Одну группу, составлявшую основную силу его войска, он выдвинул на три версты вперед, используя ровную открытую местность для стремительной лобовой атаки противника конницей. Вторую группу Салават Юлаев расположил на высоте, находившейся справа от поля боя. Третья группа слева скрывалась за скирдами сена и сараями. Первая группа после стремительной атаки сделала вид, что отступает, тем самым завлекла преследующего противника в заранее подготовленную засаду. Когда корпус А.В. Папава, преследуя первую группу повстанцев, продвинулся сильно вперед, две другие группы, оказавшись в его тылу, обрушились на него огнем из ружей и стрельбой из луков. Воины первой группы, резко развернув коней, бросились в контратаку. А.В. Папав оказался в полном окружении, над его корпусом нависла смертельная опасность. Лишь превосходство карателей в пушках и огнестрельных оружиях спасло их от поражения и полного истребления. У Салавата Юлаева не было ни одной пушки, огнестрельного оружия было очень мало. Использовать преимущество конницы им помешал глубокий снег. Войско Салавата Юлаева с малыми потерями (в плен попали 12 человек) отступило к деревне Бугалыш.

17 марта в сражении под деревней Бугалыш с корпусом того же А.В. Папава Салават применил совершенно другую тактику, умело использовав особенности местности. На всех высотах он расставил караулы, которые следили за противником и передавали сведения о его передвижении. Мост через реку Бугалыш был заранее разрушен и сожжен. Точно предопределив, что А.В. Папав для преодоления водного препятствия вынужден будет отклониться вправо от большака, Салават Юлаев выставил туда 30 возов сена, за которыми прятались его лучники. Когда корпус А.В. Папава ввязался в бой с этой засадой, 2 группы конников Салавата Юлаева бросились на фланговый охват. Вновь А.В. Папава от поражения спасло его превосходство в артиллерии и огнестрельном оружии. К тому же был глубокий снег, доходивший до брюха коней, который не давал повстанцам успешно использовать их главное преимущество в коннице. Ни одна сторона не добилась победы. А.В. Папав вынужден был вер-

нуться в Кунгур, а Салават Юлаева со своим войском направился в родные места.

Весной 1774 года Салават Юлаев на реке Ай собирал повстанческие силы. Здесь ему пришлось столкнуться с грозой Крестьянской войны подполковником И.И. Михельсоном. В начале лета 1774 года положение Е.И. Пугачева оказалось практически безвыходным. После поражения около деревни Лягушино у него оставалось не больше 500 человек. И в это критическое время ему на помощь со своей 3-тысячной конницей подоспел Салават Юлаев. Именно этому моменту Крестьянской войны относится оценка, данная повстанческой деятельности Салавата Юлаева буржуазным историком П.Л. Юдиным, который писал: «Не будь такого талантливого и преданного сподвижника Пугачева, как Салават, Пугачев перестал бы быть вождем Крестьянской войны, а сама Крестьянская война была бы подавлена еще весной 1774 года. После сокрушительного поражения повстанческой армии под Троицкой крепостью и селом Лягушино только Салават, подоспевший со своей конницей, спас Пугачева и пугачевский бунт». По утверждению Юдина, Пугачев «вряд ли бы мог продержаться долго в Башкирии, чтобы после целого ряда неудач от Михельсона и Деколонга успеть снова набрать мятежные толпы, с которыми потом двинуться к Казани»[1] .

В сражениях с И.И. Михельсоном Салават Юлаев выступал зрелым и опытным военачальником, сумевшим оценить силы противника, просчитать дальнейшее развитие боя, умело использовать рельеф и особенности местности. Его полководческий дар и воинскую отвагу вынужден был признать опытный офицер русской армии И.И. Михельсон. 7 мая в 17 верстах от Симского завода Салават Юлаев неожиданно напал на корпус И.И. Михельсона. Наводя суматоху и панику у противника, салаватцы так же неожиданно ушли. Это сражение для Салавата Юлаева имело разведывательную цель. Он ввел в бой не все войско, а лишь незначительную его часть для проверки сил и изматывания противника. 8 мая у деревни Усть-Канды он напал на корпус И.И. Михельсона всей своей 3-тысячной конницей. Сражение носило упорный характер. Карательный корпус имел явное преимущество в артиллерии и огнестрельном оружии, в профессиональной

[1] *Юдин П.Л.* Суд и казнь Суд и казнь Салаватки. С. 579–580

выучке солдат. Салават Юлаев организованно отступил, используя особенности местности. 31 мая в 30 верстах от Симского завода Салават Юлаев еще раз вступил в бой с И.И. Михельсоном. На этот раз бой имел определенную цель: не допустить карателей форсировать реку Ай и не дать И.И. Михельсону преследовать Е.И. Пугачева. Бой имел исключительно напряженный характер и завершился ничьей. И.И. Михельсон был поражен отвагой повстанцев и умением Салавата Юлаева вести бой тактически грамотно.

2 июня Салават Юлаев со своей 3-тысячной конницей присоединился к Главному войску Е.И. Пугачева. На следующий день, 3 июня, в 3-х верстах от деревни Верхние Киги произошло сражение с корпусом И.И. Михельсона. План боя был хорошо разработан. Конница Салавата Юлаева напала на корпус И.И. Михельсона, который все силы бросил на отражение конницы. Этим воспользовался Е.И. Пугачев и напал на обоз карательного корпуса. Опытному И.И. Михельсону с огромным напряжением сил удалось выстоять против повстанцев.

5 июня на реке Ай, в 15 верстах севернее от места предыдущего сражения, у деревни Месягутово, произошло еще одно совместное сражение Е.И. Пугачева и Салавата Юлаева с И.И. Михельсоном. Повстанцы хотели помешать карательному корпусу форсировать реку Ай. Укрывшись в горных ущельях и расщелинах, повстанцы открыли интенсивную стрельбу. И.И. Михельсону с большим трудом удалось перебраться на другой берег реки Ай.

После этого сражения Е.И. Пугачев взял курс на Казань. Салават Юлаев и Белобородов шли впереди основных сил Главного войска, создавая последнему коридор для беспрепятственного продвижения. 11 июня из города Кунгур вышел карательный корпус подполковника А.В. Папава с целью преградить путь Главному войску Е.И. Пугачева на Казань. Салават Юлаев и Белобородов напали на команду А.В. Папава. Завязался бой, который тянулся 6 часов. Папаву пришлось выстроить свою команду в каре и с боями отступать к городу. Положение его было настолько критическое, что, по его собственному признанию, он готов был покончить жизнь самоубийством[1].

Последними крупными сражениями Салавата Юлаева совместно с вождем Крестьянской войны Емельяном Пугачевым и Иваном Бело-

[1] *Гвоздикова И.М.* Башкортостан накануне и в годы Крестьянской войны под предводительством Е.И. Пугачева. С. 413.

бородовым были штурмовые бои за овладение пригородом Осой. В одном из этих сражений Салават Юлаев получил тяжелое пулевое ранение в ногу. Это было четвертое ранение башкирского полководца. Е.И. Пугачев отправил его домой для лечения.

Летом и осенью 1774 года, после ухода Главного войска Пугачева под Казань и за Волгу, Салават Юлаев стал одним из главных предводителей восстания в Башкортостане. Он координировал действия повстанческих отрядов на Сибирской, Осинской и Казанской дорогах, сам во главе многотысячной конницы сражался с крупными регулярными корпусами и командами «верных» башкирских и мишарских старшин. 4 сентября на реке Амзе он выдержал бой с карательной командой майора И. Штерича. Опытный военный командир Штерич был поражен воинским искусством «славного наездника» Салавата Юлаева. Последние крупные сражения Салавата Юлаев произошли 18 и 22 сентября у деревни Тимошкино Елдяцкой волости и деревни Нуркино Кыр-Таныпской волости против карательного корпуса подполковника И.К. Рылеева. У Салавата была 3-тысячная конница. При первом сражении Салават с командой в одну тысячу человек совершил стремительный налет, привел корпус карателей в смятение и быстро ушел. Второе сражение носило упорный характер и продолжалось несколько часов. Салават потерял до 400 воинов, но организованно отступил к Елдякской крепости. Вскоре пополнив свой отряд, он довел его численность до 3-х тысяч воинов, ушел к Катав-Ивановскому заводу. 22 ноября произошло последнее сражение башкирского батыра с карательным корпусом подполковника И.К. Рылеева. В войске Салавата Юлаева было около 2-х тысяч конных башкир семи волостей Сибирской дороги. Отряд был хорошо обучен и вооружен, имел пушки[1]. Бой начался стремительной атакой повстанцев. Каратели имели явное преимущество в артиллерии. Они встретили повстанцев картечью и нанесли отряду большой урон. Салават Юлаев сохранил основные силы своего отряда и организованно отступил. После этого сражения Салават убедился в невозможности продолжать открытое сопротивление, распустил воинов своего войска по домам и с четырьмя соратниками решил уйти в казахские степи, чтобы весной следующего года вернуться с новым войском и продолжать борьбу.

[1] *Гвоздикова И.М.* Указ. соч. С. 457–458.

Чтобы стать крупнейшим предводителем и самым молодым полководцем Крестьянской войны 1773–1775 годов Салавату Юлаеву способствовали исторические условия развития башкирского общества и его личные качества. Салават был сыном своего вольнолюбивого народа. С детских лет он впитывал в себя традиции освободительной борьбы, готовил себя физически, осваивал элементы традиционной тактики боя башкирских конников. Он имел великолепную генеалогическую линию выдающихся предводителей башкирских восстаний. По линии матери прапрадед Салавата Тулякай был казнен царскими властями за активное участие в башкирском восстании 1681–1683 годов. Прадед Салавата Кусюм Тулякаев вместе с Алдаром Исакаевым возглавлял башкирское восстание 1704–1711 годов. Его дед Акай Кусюмов был одним из крупнейших предводителей башкирского восстания 1735–1740 годов. В этом же восстании активное участие принимал дядя Салавата Абдулла Акаев. Таким образом, по линии матери в жилах Салавата Юлаева текла кровь целой династии башкирских борцов. По линии отца Салават был прапраправнуком в одиннадцатом колене легендарного Шагали Шакмана, одного из бийев, добровольно принявших подданство Московского царства в середине XVI века. Активное участие в борьбе башкир против социального и национального угнетения принимал дед Салавата Азналы. Его отец Юлай Азналин вошел в историю как активный борец за свой народ, смелый вожак шайтан-кудейских башкир. С богатым жизненным опытом, образованный, смелый, он вел активную борьбу против бесчинств и самоуправства уфимских воевод и «верных» башкирских старшин, против захвата вотчинных земель под горные заводы. Юлай Азналин имел богатый воинский опыт. Он участвовал в преследовании бежавших в Джунгарию ставропольских калмыков. В составе экспедиционного корпуса генерала А.И. Бибикова при подавлении восстания польских конфедератов он командовал конным полком башкир, за что был награжден серебряной медалью. В своем любознательном и одаренном сыне Салавате Юлай воспитывал будущего борца за счастье своего народа, учил военному искусству.

Салават Юлаев завоевал любовь воинов и доверие «мужицкого царя» не только воинской отвагой и полководческим талантом. Менее чем за год он был четырежды ранен, но ни разу не покидал поле боя. Он вел воинов в бой своими песнями, что должно было

отложить неизгладимое впечатление на людей в те суровые дни всенародной войны. Он был всегда справедливым по отношению к своим воинам и жителям освобожденных населенных пунктов. Бескомпромиссный и беспощадный к врагам, строгий командир крупного повстанческого войска, Салават проявлял чуткость, внимание и заботу к своим воинам. Весьма любопытный факт! Во время следствия на вопрос: почему он присвоил марийскому повстанцу Изибаю Акбаеву чин полковника? – Салават ответил: чтобы другие воины не могли обидеть этот малочисленный народ его войска. В Красноуфимске он наказал проворовавшегося атамана и организовал выборы нового атамана, требовал от него справедливого обращения с подчиненными. Тем самым он завоевал сердца не только башкир, но и русских казаков и крестьян, заводских людей, представителей других нерусских народов, стал всеобщим любимцем.

Салават Юлаев хорошо знал традиционную партизанскую тактику ведения боя башкирской конницы. В Крестьянской войне 1773–1775 годов кавалерия обеспечивала повстанческой армии победы в полевых сражениях, в отражении вылазок гарнизонных сил осажденных городов и крепостей. Стремительная атака лавиной и быстрый уход рассыпной цепью не давали противнику вести преследование и избежать больших потерь от картечи. В повстанческой армии кавалерию всегда использовали для флангового охвата и полного окружения противника. Конница Салавата Юлаева была именно такой подвижной и боеспособной единицей повстанческой армии в Крестьянской войне 1773–1775 годов. Салават Юлаев перед каждым сражением тщательно изучал противника, его силы, планы и действия. Готовясь к сражению, он проводил рекогносцировку местности, изучал ее особенности, а в ходе боя их умело использовал. Салават Юлаев успешно применял приемы тактики русской армии XVIII века. Кроме лука, стрелы, сабли, кистени и копья, в многонациональном войске Салавата Юлаева многие повстанцы были вооружены огнестрельным оружием: фузеями и пистолями. Он успешно пользовался артиллерией при штурме Кунгура, Осы и других укрепленных пунктов. Салават Юлаев в своих самостоятельных сражениях против карательных корпусов успешно сочетал традиционные тактики башкирской конницы и русской регулярной армии. Таким образом, Салават Юлаев создавал симбиоз традиционной

партизанской тактики башкирской конницы и тактики регулярной русской армии того времени.

Все исследователи дружно замалчивают еще одно достоинство Салавата Юлаева: его колоссальную организаторскую способность. На Сибирскую дорогу он вернулся из-под Оренбурга с манифестом «царя» в последних числах декабря 1773 года. В считанные дни сумел организовать разрозненно действующие команды в сводный отряд. 12 января 1774 года со сводным отрядом башкир Сибирской дороги в 800 человек вошел в Красноуфимскую крепость, где пробыл всего три дня. Он разослал своих сподвижников в окрестные села и деревни для мобилизации населения в повстанческое движение. За несколько дней Салават Юлаев собрал 4-тысячное войско и распределил их на полки, обеспечил провиантом, фуражом, вооружил огнестрельным оружием и пушками, набрал команду бомбардиров численностью 40 человек из заводских крестьян. При себе создал походную канцелярию, состоящую из есаула, писарей и толмачей. В полках и отрядах были установлены нормы выдачи жалованья воинам с регистрацией их в ведомостях. За это время он успел организовать выборы атамана, обеспечить самооборону крепости. Таким образом, для комплектования повстанческого войска и подготовки похода на административный центр провинции Салавату Юлаеву потребовалось всего три дня.

Поражает умение Салавата Юлаева подчинить себе других командиров. Когда он из-под Оренбурга вернулся домой, башкирские предводители повстанческих команд его признали своим командиром, хотя они все были многоопытные старшины и старше Салавата по возрасту. К моменту возвращения Салавата Юлаева в Красноуфимской крепости были полковники: эмиссар Е.И. Пугачева Канзафар Усаев, эмиссары И.Н. Зарубина Бахтияр Канкаев и Сулейман Кусекеев; казачьи атаманы и воевода. Все они признали Салавата Юлаева главным командиром. Даже бригадир И.С. Кузнецов не претендовал на ведущую роль в армии повстанцев.

Все вышесказанное достаточно полно и красноречиво раскрывает полководческий талант Салавата Юлаева. Он был одним из самых преданных соратников вождя Крестьянской войны Емельяна Пугачева и самым молодым среди крупнейших вождей и полководцев Крестьянской войны 1773–1775 годов.

Кинзя Арсланов

Во время Крестьянской войны нередко были случаи, когда в ее вихрях закрутились целые семьи как среди восставших, так и среди карателей. Читателям хорошо известна судьба семьи Е.И. Пугачева: его жена, двое дочерей и сын более 50 лет томились в застенках Кексгольмской крепости. Их судьбу разделила и «казачья жена» Пугачева – Устинья Кузнецова[1]. Жены многих яицких казаков принимали участие в повстанческой борьбе своих мужей, а после поражения восстания вместе с ними проходили все круги ада в следственных комиссиях.

«Семейное» участие в восстании было не исключением для башкир и других нерусских народов Башкортостана. Читателю до боли известна судьба национальных героев Юлая Азналина и Салавата Юлаева. С самого начала восстания и до конца в нем участвовали яицкие казаки из башкир Идеркай Баймеков и его приемный сын Болтай Идеркаев. Активными участниками восстания летом 1774 года были послы Пугачева к казахскому хану Упак и Шукур Абзямовы. В начале движения в числе его предводителей были Алибай и Азнагул Мурзагуловы. Сложная была судьба старшины Суун-Кыпсакской волости Ногайской дороги Ямансары Яппарова. Он одним из первых со своей командой перешел к повстанцам и получил от Пугачева чин полковника, а весной–осенью 1774 года принимал активное участие в подавлении восстания, в чем ему помогали сыновья Узянбай и Киикбай Ямансарины.

Были «семейные» участники в карательных командах и из «верных» башкир и мишарей. Сохранившиеся письменные источники говорят, что в подавлении Крестьянской войны самое активное участие принимали башкиры Колый и Сагит Балтасевы, Ахмер и Валиша Шариповы, мишари Миндей и Башир Тупеевы, Абдул-Латиф и Аблай Исмаиловы, Салтан-Мурат и Бахтияр Янышевы, Муксин и Ямгур Абдусалямовы. В орбите бурных событий Крестьянской войны 1773–1775 годов оказался со своей семьей и старшина Бушман-Кыпсакской волости Ногайской дороги Кинзя Арсланов, его сыновья Сляусин, Сулейман и Юлай, племянник Кутлугильде Абдрахманов.

[1] Крестьянская война в России. Т. III. М.; Л., 1970. С. 481–485.

Большой знаток истории Крестьянской войны 1773–1775 годов А.Н. Усманов еще в 1962 году справедливо писал, что роли вождей освободительной борьбы башкир уделяется недостаточное внимание. Отмечая общеизвестность повстанческой деятельности Салавата Юлаева, он подчеркивал что «роль же других руководителей восстания освещена крайне слабо, а некоторые из них почти не известны читателю». К их числу он относил Кинзю Арсланова[1].

С тех пор прошло более 50 лет. Сам автор выполнил свой гражданский долг, опубликовав серьезную научную статью о повстанческой деятельности Кинзи Арсланова в академическом издании «Исторических записок». К сожалению, книга стала библиографической редкостью и почти недоступна для широкого читателя. Деятельность Кинзи Арсланова в Крестьянской войне нашла освещение в исторических исследованиях обобщающего характера[2]. В них подчеркивается роль его агитаторов в вовлечении нерусских народов Башкортостана в повстанческое движение, а сам Кинзя Арсланов предстает как один из ближайших и последовательных соратников Емельяна Пугачева. Известный башкирский писатель Гали Ибрагимов посвятил повстанческой деятельности Кинзи Арсланова трехтомный исторический роман, где автору удалось воссоздать исторически достоверную панораму грандиозного движения в феодальной России и реальную колоритную фигуру главного героя. Однако до сих пор для широкого читателя остаются неизвестными многие страницы, целые направления многогранной повстанческой деятельности одного из крупнейших предводителей Крестьянской войны 1773–1775 годов Кинзи Арсланова. Значительная масса опубликованных и архивных источников позволяют предпринять попытку в более широкой, доступной и популярной форме представить на суд читателя

[1] *Усманов А.Н.* Кинзя Арсланов – выдающийся сподвижник Пугачева // Исторические записки. Т. 71. М., 1962. С. 113.

[2] Крестьянская война в России. Т. 1–3. Л.; М., 1961–1970; *Андрущенко А.И.* Крестьянская война 1773–1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. М., 1969; *Лимонов Ю.А., Мавродин В.В., Панеях В.М.* Пугачев и пугачевцы. Л., 1974. С. 152–166: *Кулбахтин Н.М.* Участие башкирского народа в Крестьянской войне 1773–1775 гг. Уфа, 1984; *Таймасов С.* Восстание в Башкортостане в 1773–1775 гг. Уфа, 1999; *Гвоздикова И.М.* Башкортостан накануне и в годы Крестьянской войны под предводительством Емельяна Пугачева. Уфа, 1999.

боевую биографию этого выдающегося башкирского вождя Крестьянской войны.

Кинзя Арсланов – башкир Бушман-Кыпсакской волости Ногайской дороги, старшина (210 дворов). В шежере башкир рода Кары-Кыпсак говорится, что он берет свое начало от Бабсак-бия, а продолжали родовое древо Бурундук-бий, Суюндук-бий и Сарыбайсал-тархан. Дальше идут Давлеткул, Минлигул, Аккул, Арслан, Кинзя-абыз и Саляук-мулла[1]. Род бушман-кыпсаков был известным, почитаемым не только на Ногайской дороге, но и во всем Башкортостане. Об этом убедительно говорится в документах. Так, в 1721–1722 годах борьбу башкир за наказание карателей башкирских восстаний 1704–1711 годов Александра Сергеева, Андрея Жихарева и других «прибыльщиков» возглавлял Арслан-батыр Аккулов. Как сообщил в Сенат уфимский воевода граф Головкин, башкиры многократно обращались с жалобами на своих обидчиков в Сенат и добились рассмотрения их дела в суде, а «февраля 12-го дня сего года [1722] явились ему всех 4-х дорог башкирцы Араслан батыр Аккулов с товарищи 55 человек» и требовали своего присутствия на судебном процессе». В официальных документах тех столетий обычно поименно всех представителей делегации не перечисляли, а называли имя старшего по положению, то есть руководителя, а всех остальных обобщали в емкое слово «со товарищи». Из вышеприведенного источника нетрудно догадаться, что большую делегацию из 55 человек от всех четырех башкирских дорог возглавлял Арслан Аккулов. Безусловно, этому способствовала и грамотность Арслан-батыра. Тем не менее необходимы были большая популярность и высокий авторитет, чтобы возглавить всебашкирскую делегацию, которая должна была выступить в роли защитника всего башкирского сословия на суде против крупного чиновника царского правительства по весьма скандальному вопросу. Арслан Акулов умело вел борьбу в судебном процессе и добился наказания обидчиков: воевода Сергеев был казнен[2]. Факт сам по себе беспрецедентный.

После подавления Крестьянской войны Кинзя Арсланов в руки карателей не попал, по его делу следствие не велось. Поэтому документов

---

[1] *Кузеев Р.Г.* Башкирские шежере. Уфа, 1960. С. 105.

[2] Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. С. 461.

с указанием точного времени рождения и возраста Кинзи Арсланова невозможно определить. Но что он к началу восстания имел почтенный возраст, подтверждается целым рядом косвенных сведений. Во-первых, в Крестьянской войне участвовал его взрослый сын, пугачевский полковник Сляусин. Во-вторых, 9 июля 1754 года в Уфимской провинциальной канцелярии представители 5 волостей Ногайской дороги заключили купчую по продаже земли под рудники заводовладельцам И.Б. Твердышеву и И.С. Мясникову. Купчую подписали 147 человек, в том числе старшина Сыуын-Кыпсакской волости Шайла Кулумбеков с сотниками, выборными и рядовыми, всего 27 человек; старшина Усерганской волости Куваш Кинзягулов – всего 17 человек; Бушман-Кыпсакской волости старшина Сатлык Еникеев с сотниками и выборными – 24 человека; Тамьянской волости того же старшины Сатлыка Еникеева подкомандный 1 человек; Чанким-Кыпсакской волости старшина Тлеумбет Явгостин – 48 человек[1]. В составе этой многолюдной делегации, возглавляемой 4 старшинами и 19 сотниками, был и рядовой башкир Бушман-Кыпсакской волости Кинзя Арсланов. Для участия в решении такого важного вопроса, как продажа вотчинных владений 5 волостей, рядовой башкир должен был обладать достаточной популярностью и авторитетом. А они приходили в мирное время к человеку не в юношеском возрасте. Если исходить из таких предположений, то в это время Кинзе Арсланову было лет 30–35, возраст вполне достаточный для приобретения всеобщего признания среди соплеменников.

Кстати, среди выборных от своих волостей при оформлении данной купчей были будущие активные участники Крестьянской войны, полковники повстанческой армии, соратники Кинзи-атамана рядовой башкир Сыуын-Кыпсакской волости Ямансары Яппаров; рядовой башкир Бушман Кыпсакской волости, родной племянник Кинзи Кутлугильде Абдрахманов; рядовой башкир Тамьянской волости Каскын Самаров. Таким образом, будущие вожди башкир-повстанцев лично были знакомы друг с другом еще за 20 лет до Крестьянской войны.

Кинзя Арсланов задолго до Крестьянской войны был выбран старшиной Бушман-Кыпсакской волости. В каком именно году ока-

[1] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV. Ч. 1. С. 83–86

зали ему такое доверие, неизвестно. Но в документе 1763 года Кинзя Арсланов упоминается старшиной этой волости. В данном документе речь идет об ответе башкирской феодально-старшинской верхушки Ногайской дороги на обращение Оренбургского губернатора Д.В. Волкова, вступившего в эту должность 30 апреля 1763 года. Одним из первых мероприятий нового губернатора было его обращение к башкирским старшинам Ногайской дороги с призывом распространить у себя хлебопашество. Для начала он предлагал дать представление в письменной форме о своих нуждах и способах для решения этого вопроса[1].

Чуть позже, 26 мая того же года, Д.В.Волков отправил доношение Екатерине II, где докладывал о своих соображениях по улучшению управления краем. В центре его внимания находился «башкирский» вопрос: как не допускать в дальнейшем восстания башкир. Решение этой острейшей проблемы для царской России в крае Волков связывал с переводом их к оседлости и приобщением к земледелию[2].

Важное значение для Д.В. Волкова имел ответ башкирских старшин. 25 июня в Оренбургскую губернию поступило ответное письмо. Оно было написано «татарским письмом», подписано 22 выборными. Среди них упоминается Аптрак Явгачтин, выборный из команды старшины Бушман-Кыпсакской волости Кинзи Арсланова. Таким образом, летом 1763 года Кинзя Арсланов являлся старшиной своей родной волости. Документ демонстрирует решительную борьбу башкир Ногайской дороги за свои земли, за сохранение социально-политических привилегий военно-служилого сословия, что может быть не безынтересной для читателя. Поэтому мы более подробно остановимся в анализе этого чрезвычайно интересного документа.

Первым пунктом своего ответного письма старшины требовали приравнять их с русскими дворянами в правах владения крепостными крестьянами. Это требование они предъявили тонко, дипломатично, завуалированно. Соглашаясь с предложением губернатора Д.В. Волкова о внедрении в своем хозяйстве хлебопашества и проявляя

---

[1] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV, Ч. 2. С. 461.

[2] Там же. С. 444

готовность неотложно приступить к земледелию, старшины заявили, что башкиры «пашни много пахать не навыкли». Кроме того, башкиры «содержат большое поголовье скота, у многих по 200 и 300 лошадей и по 100 коров, также по немалому числу овец имеется». Присмотр за таким поголовьем скота, заготовка сена, содержание хворого скота и молодняка в зимнее время они осуществляют «с великой нуждою», отчего «и пашню пахать время нам не бывает». Поэтому башкирские старшины требовали разрешения содержать работников, а также «найти к тому способ и сколько нам работников надобно, на такое число от нас деньги взять и оных работников нам из внутренних мест доставить». Таким образом, башкирская феодально-старшинская верхушка, располагая достаточным богатством и не имея возможности приобрести крестьян из своей среды, добивалась покупки русских крепостных крестьян в центральных уездах России.

Со сложностями распространения земледелия среди башкир старшины связывали и другие актуальные социально-политические проблемы коренного населения края. В письме выдвигается просьба восстановить права башкир на содержание кузниц, указывается на растущую тяжесть пограничной службы и налогов, критикуется волокита при рассматривании третейских вопросов в провинциальных канцеляриях, остро ставится вопрос о защите вотчинных лесных владений башкир от заводовладельцев[1].

13 июня того же 1763 года Д.В. Волков послал письмо в Сенат. В нем губернатор поддерживал просьбы башкир и предлагал разрешить им покупать крестьян из чувашей, черемис и новокрещенных татар; открыть кузницы для изготовления и ремонта земледельческих орудий[2]. В первых числах июля в письме к Екатерине II Оренбургский губернатор повторял свои предложения, связанные с проблемами распространения земледелия среди башкир[3]. Царское правительство было заинтересовано в распространении земледелия среди башкир, но его пугали их военное усиление и башкирские восстания. Поэтому Сенат в конце лета 1763 года составил «Примечания» к представ-

[1] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV. Ч. 2. 451.

[2] Там же. С. 456–458.

[3] Там же. С. 459–462.

лению Д.В. Волкова, но реальных мер не предпринимал[1]. Лишь через 2 года, в июне 1765 года, Сенат принял «Определение» по этому вопросу. Но к тому времени Д.В. Волков был освобожден от своего поста, губернатором был прислан князь А.А. Путятин. Сенат послал секретный указ, обязывающий А.А. Путятина прилагать старание для размножения хлебопашества среди башкир. Однако заводить кузницы строго запрещалось, а необходимые земледельческие инструменты предлагалось завозить из Казанской губернии[2]. Остальные просьбы и требования башкир, изложенные в письме к Д.В. Волкову, остались без внимания.

Нет сомнения, что в этой борьбе старшина Кинзя Арсланов сыграл не последнюю роль. К этому времени он имел огромный авторитет не только среди башкир Ногайской дороги, но и всего Башкортостана. Он был участником крупных исторических событий. В частности, исследователям предстоит тщательно изучать материалы, относящиеся к коронации Петра III императором. В списках участников этого всероссийского праздника, возможно, удастся найти состав делегации из башкир, а среди них – имя Кинзи Арсланова. В распоряжении историков Башкортостана пока не имеются источники, прямо указывающие на это историческое событие. Но ряд косвенных материалов подтверждает факт участия Кинзи Арсланова в составе башкирской делегации в церемонии коронации Петра III. В частности, после приезда Кинзи Арсланова в Бердский повстанческий лагерь Е.И. Пугачев публично обратился к нему: «Что, Кинзя, узнаешь ли ты меня?». Царь намекал именно на факт коронации. Кинзя Арсланов не сразу мог ответить на этот вопрос. Но когда Пугачев начал перечислять отдельные детали встречи, что якобы ему «подарил кармазину на кафтан», Кинзя Арсланов решительно ответил: «Так, ваше величество, теперь я помню и познаю тебя»[3].

Исследователи справедливо отмечают, что Кинзя Арсланов видел перед собой не царя, а смелого и решительного человека, который поднял многонациональный народ России на восстание, и решил связать с ним свою судьбу. Поэтому он поддержал Е.И. Пугачева,

---

[1] Материалы по истории Башкирской АССР. С. 462–463.

[2] Там же. С. 464.

[3] РГАДА. Ф. 6. Д. 507. Ч. 3. Л. 413 об. – 414. Далее этот диалог был использован историками Н.Ф. Дубровиным, В.В. Мавродиным, А.Н. Усмановым и мн. др.

публично признав в нем царя Петра III. Но необходимо заметить и тот немаловажный факт, что Кинзя Арсланов признал Е.И. Пугачева царем не только при яицких казаках из окружения царя, но и при башкирах-повстанцах своей и других кыпсакских волостей Ногайской дороги. Они-то должны были знать об участии Кинзи Арсланова на церемонии коронации Петра III. Если бы он не ездил в Петербург на коронацию Петра III, то оказался бы на глазах своих людей обманщиком и его авторитет резко мог упасть, чего не мог допустить умудренный жизненным опытом старшина Кинзя Арсланов. Следовательно, участие его в церемонии коронации императора Петра III не фантазия Е.И.Пугачева, а реальность.

Есть мнение и о том, что Кинзя Арсланов принимал непосредственное участие в составлении Наказа башкир Уфимской провинции в Уложенную комиссию 1767–1768 годов. Данный документ охватывает все актуальные вопросы социально-экономической, политико-правовой и культурно-просветительской жизни башкир и является важным памятником общественной мысли башкирского общества середины XVIII века[1]. Кинзя Арсланов, обладавший к тому времени большой популярностью и авторитетом среди башкир, не мог оставаться в стороне от всенародного процесса выбора депутатов и составления наказов в Уложенную комиссию. Тем более, доверенным лицом депутата от башкир Уфимской провинции Туктамыша Ижбулатова был главный старшина Ногайской дороги Алибай Мурзагулов. Трудно предполагать, что Алибай Мурзагулов мог обходиться без советов и помощи своего друга, образованного, владеющего русским языком и русской грамотой Кинзи Арсланова в этом важном, судьбоносном для башкирского народа процессе. Кинзя Арсланов занимал активную жизненную позицию, смело вел борьбу за справедливость, за сохранение сословных привилегий башкир. Об этом свидетельствует челобитная, составленная и отправленная Кинзей Арслановым и его племянником Кутлугильде Абдрахмановым в Оренбургскую губернскую канцелярию в январе 1769 года. В том же году Кинзя Арсланов со старшинами Шайтан-Кудейской волости Юлаем Азналиным и Тырнаклинской волости Яуыном Чувашаевым судились в Уфимской провинциальной канцелярии с походным стар-

[1] Более подробно см.: *Кулбахтин И.Н., Кулбахтин Н.М.* Наказы народов Башкортостана в Уложенную комиссию 1767–1768 годов. Уфа: Китап, 2005

шиной Каршинской волости Казанской дороги Валишей Шариповым, обвиняли его во взяточничестве[1]. Популярность Кинзи Арсланова не ограничивалась только башкирским обществом. Дальнейшие события показывают, что он был хорошо известен среди казаков, калмыков, татар, мишарей, тептярей, заводских крестьян башкирского края, казахов. Для всех он был известен как «башкирский старшина Кинзя», «башкирский мулла Кинзя» или «башкирский абыз Кинзя». Все перечисленные факты говорят о том, что к началу Крестьянской войны Кинзя Арсланов был взрослым, мудрым и популярным человеком.

Весть о появлении «надежи-царя» Петра Федоровича – Е.И. Пугачева – под Яицким городком быстро достигла башкир прилегающих к эпицентру восстания волостей Ногайской дороги. О событиях на Яике стало известно башкирам Бушман-Кыпсакской волости уже в конце сентября 1773 года. 30 сентября в Каргалинскую (Сеитовскую) слободу торговых татар, где была расположена Ставка Пугачева, прибыла делегация от Кинзи Арсланова в количестве 6 человек, которую возглавлял его родной племянник Кутлугильде Абдрахманов. Делегация добилась аудиенции Е.И. Пугачева и объявила об «усердии старшины Кинзи служить ему» и сказали, что «вся их башкирская орда, буде он пошлет к ним свой указ, приклонится к нему». В исторической литературе ведутся споры о времени составления и количестве именных указов Пугачева башкирам[2]. Сопоставительный анализ всех оригиналов и переводов именного указа, сохранявшихся в фондах РГАДА и РГВИА, а также опубликованных вариантов этих манифестов позволяет сделать следующий вывод.

---

[1] *Гвоздикова И.М.* Башкортостан накануне и в годы Крестьянской войны. С. 197–198.

[2] Крестьянская война в России. Т. II. М.; Л., 1966. С. 135–141. Авторы утверждают о двух манифестах, составленных одновременно башкирским старшинам и башкирскому народу: *Лимонов Ю.А.*, *Мавродин В.В.*, *Панеях В.М.* Пугачев и пугачевцы. Л., 1974. С. 155–156. Авторы «Очерков по истории Башкирской АССР. (Т. 1. Ч. 1. Уфа, 1956. С. 221) пишут о многих указах, в том числе и к башкирам; А.Н. Усманов ведет речь об одном указе (См.: *Усманов А.Н.* Указ. соч. С. 115–116); Р.В. Овчинников утверждает, что 30 сентября были написаны три указа идентичного содержания, т.е. один указ в трех экземплярах (*Овчинников Р.В.* Манифесты и указы Е.И. Пугачева. С. 41–44).

Делегация от Кинзи Арсланова во главе с Кутлугильде прибыла в Каргалинскую слободу поздно вечером 30 сентября и была принята Е.П. Пугачевым в ночь с 30 сентября на 1 октября. «Мужицкий царь» тут же решил послать указ башкирам. Текст послания составили коллективно. В обсуждении и составлении манифеста участвовали сам Е.И. Пугачев, И.Н. Зарубин-Чика, Идеркай Баймеков и руководитель делегации Кутлугильде Абдрахманов. Манифест был написан Балтаем Идеркаевым на языке тюрки, затем размножен им же в трех экземплярах. Манифесты были утверждены Пугачевым ранним утром 1 октября, во вторник, в Покров день. Один экземпляр манифеста через муллу деревни Айсыуак Уфимского уезда Якшея был отправлен Алибаю Мурзагулову, другой экземпляр Кинзе Арсланову повез Идеркай Баймеков, третий экземпляр забрал себе Кутлугильде[1]. Попав в руки царских властей, манифесты были переведены русскими писарями: в Оренбурге – Артомоном Имановым, в Уфе – Андреем Васильевым, в Кунгуре – неизвестным толмачом. Один из оригиналов с переводом Иманова Оренбургский губернатор И.А. Рейнсдорп послал в Военную коллегию[2]. Эти три оригинала одного Манифеста в историческую литературу вошли как три самостоятельных документа[3].

Дата прибытия Кинзи Арсланова в повстанческий лагерь и численность его отряда является предметом споров. Наиболее общепринятая точка зрения: Кинзя Арсланов привел свой отряд из 300 или 500 человек на пятый день после начала осады Оренбурга, то есть 9 или 10 октября[4]. Однако это утверждение требует некоторой корректировки. За основу исследователи берут сведения, данные

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 415. Д. 2–3, 16–17; Д. 504. Ч. 1. Л. 9-10; Ф. 1100. Д. 2. Л. 256–257; Д. 3. Л. 105; РГВИА. Ф. 20. Д. 1230. Л. 70, 73а–75б, 115–116, 119–120; Д. 1234. Л. 183; Пугачевщина. Т. 1. М.; Л., 1926. С. 27–28, 29–30, 31; Т. II. М.; Л., 1929. С. 133; *Забиров В.* Новые источники об участии националов в Пугачевщине // Проблемы источниковедения. Т. I. М.; Л., 1933. С. 36–37; Вопросы истории. 1973. № 8. С. 100; Крестьянская война. С. 26–27; Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 25–28.

[2] Все три экземпляра указа в настоящее время хранятся в фонде РГВИА. Ф. 20. Д. 1230. Л. 73 а – 75 б.

[3] *Овчинников Р.В.* Указ. соч. С. 4.

[4] *Лимонов Ю.А., Мавродин В.В., Панеях В.М.* Указ. соч. С 156.

Е.И. Пугачевым на следствии. Но вождь Крестьянской войны в своих ответах сомневался, говорил: «или-или».

Между тем есть сообщение другого свидетеля и участника этих событий, который наверняка должен был знать их более конкретно. Это – Балтай Идеркаев, который сам под диктовку Идеркая Баймекова составил манифест Е.И. Пугачева башкирам. На следствии он показывал: «Когда самозванец остановился в сем лагере, то на другой день помянутый старшина Кинзей приехал к нему с тремя стами башкирцев»[1]. Сведения конкретные и убедительные. 4 октября Е.И. Пугачев вывел свое войско из Сакмарского городка и расположился лагерем в 5 верстах от Оренбурга, напротив Бердской слободы, на Казачьей горе[2]. Вот туда и прибыл на следующий день, то есть 5 октября 1773 года, Кинзя Арсланов со своим отрядом в 300 или 500 человек. Что касается численности отряда, это не имеет особого значения. В Сыуын-Кыпсакской волости с населением в 121 двор Ямансары Япаров собрал отряд в 500 человек. В своей волости с населением в 210 дворов Кинзя Арсланов мог набрать и больше башкир, желающих бороться за свои интересы. Свидетель прихода Кинзи Арсланова в Бердский лагерь, пугачевский полковник Аит Уразметев сообщал, что Кинзя Арсланов привел к Пугачеву 700 башкир[3].

Принципиально важное значение имеет приход в повстанческий лагерь Кинзи Арсланова, человека популярного, умного и энергичного. Уже сам факт его склонения «мужицкому царю» оказывал решающее влияние на колеблющуюся массу башкир. Балтай Идеркаев сообщал на допросе, что вслед за Кинзей Арслановым «и другия кучами приезжали, и собиралось оных башкирцев в сей лагерь человек с семьсот, потом день ото дня накопилось их множество»[4]. В лице Кинзи Арсланова повстанческий центр приобрел энергичного организатора для мобилизации нерусских народов в повстанческое движение, а Пугачев – умного, талантливого и верного сподвижника.

С приходом Главного войска к Оренбургу восстание приобрело широкий размах. В повстанческий лагерь шли яицкие, илецкие,

---

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 505. Л. 487.

[2] Крестьянская война в России. Т. II. С. 113–116; *Усманов А.Н.* Указ. соч. С. 116; *Гвоздикова И.М.* Указ. соч. С. 273.

[3] РГАДА. Ф. 6. Д. 419. Л. 5 об.

[4] Там же. Д. 507. Л. 487.

оренбургские казаки, русские крестьяне, заводские люди и представители нерусских народов. Возник Яицкий повстанческий район с центром в Бердской казачьей слободе. Для общего руководства была создана повстанческая Военная коллегия. С самого начала между повстанческим центром и губернскими властями развернулась борьба за привлечение местного населения на свою сторону. Как справедливо отмечал академик М.Н. Покровский, особенно важно было привлечь на свою сторону башкир, «народа конного и приученного к военному искусству»[1]. С приходом в повстанческую Ставку Кинзи Арсланова борьба за башкир приобрела особенно масштабный размах.

Опытный предводитель башкирского народа, воспитанный в традициях башкирских восстаний 30–50-х годов, пользовавшийся огромной популярностью не только на Ногайской дороге, Кинзя Арсланов сразу по прибытии в повстанческий лагерь вошел в круг близких сподвижников Е.И. Пугачева. Последний присвоил ему чин главного полковника и назначил атаманом «башкирского полка». Нужно подчеркнуть, что время прибытия Кинзи Арсланова в Бердский лагерь совпало с началом вербовки башкир в карательные команды для поимки Е.И. Пугачева и подавления восстания. Интересно отметить, что по сообщению Мендея Тупеева, 28 сентября старшина Сыуын-Кыпсакской волости Ямансары Япаров со своими 500 конниками первым прибыл в село Имангулово, где собирались башкирские карательные команды. Но 4 октября он же первым прибыл в повстанческий лагерь[2]. Вполне возможно, что на решение Ямансары Япарова мог воздействовать переход Кинзи Арсланова на сторону Е.И. Пугачева[3].

Будучи атаманом «башкирского полка», Кинзя Арсланов занялся его комплектованием. Хотя полк и назывался «башкирским», на деле в подчинении Кинзи Арсланова находились повстанцы из всех нерусских народов Башкортостана: башкиры, татары, мишари, тептяри, чуваши, марийцы, калмыки и др. Командиров повстанческих отрядов и наиболее способных рядовых повстанцев Кинзя Арсланов

[1] *Покровский М.Н.* Избранные произведения. М., 1965. Кн. 2. С. 138.

[2] Архив СПбИИ РАН. Ф. 113. Д. 60. Л. 115; Допрос Е. Пугачева в Тайной экспедиции в Москве в 1774–1775 гг. // Красный архив. 1925. № 2–3 (69–70). С. 198.

[3] Архив СПбИИ РАН. Ф. 113. Д. 60. Л. 115.

использовал в качестве писарей, переводчиков, в других ответственных должностях в своем штабе, в сражениях под Оренбургом, а потом представлял «государю». При приемах «государя» сам выполнял функции толмача. Один из крупных предводителей Крестьянской войны, полковник повстанческой армии Каскын Самаров на допросе в Казанской секретной комиссии сообщал, что прибыв в Берду, он явился к «башкирскому мулле Кинзе Арсланову», а тот уверил его в истинности царя и представил «ево самозванцу, которой через перевод того Кинзи сказывал о себе что он – государь». В конце аудиенции Е.И. Пугачев назначил Каскына Самарова старшиной и «велел ему служить верно»[1]. В ноябре 1773 года Каскын Самаров вместе с Каранаем Муратовым были направлены Ставкой в центральные волости Башкортостана. Каскын Самаров возглавил осаду Уфы, а Каранай Муратов поднял на борьбу многонациональное население Западного Башкортостана и возглавил Мензелинский повстанческий район.

Свой боевой путь в Крестьянской войне начал писарем в штабе Кинзи Арсланова сотник деревни Бузовьязы Ногайской дороги, будущий бригадир повстанческой армии мишар Канзафар Усаев[2]. Примерно через месяц Е.И. Пугачев присвоил ему чин полковника и направил в Северный Башкортостан для организации повстанческого движения. Такую же школу организатора и предводителя повстанческого движения в «башкирском полку» Кинзи Арсланова проходили полковники Бахтияр Канкаев и Салават Юлаев.

Помимо комплектования «башкирского полка» и подготовки командных кадров повстанческого движения, Кинзя Арсланов с первых дней своего пребывания в Бердском лагере развернул мощную агитацию среди многонационального населения Башкортостана. В этом ему сильно помогало то, что он был широко образованным человеком, владел русским языком и письмом. Современники называли его «муллой», «абызом», что означало в то время: знаток, толкователь догм ислама, то есть богослов, широко образованный, эрудированный человек. А.Н. Усманов писал, что с приходом Кинзи Арсланова в Бердский лагерь содержание манифестов Е.И. Пугачева изменилось в лучшую сторону. Кинзя Арсланов, став главным

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 427. Л. 44; Д. 593. Л. 314 и об.

[2] Там же. Д. 512. Ч. 2. Л. 596 и об.

полковником «башкирского полка», стал посылать к башкирским старшинам собственные указы, которые сыграли неоценимую роль в мобилизации башкир в повстанческое движение. Сохранились два таких документа. Первый документ – письмо Алибаю Мурзагулову от 17 октября 1773 года. Письмо имело чрезвычайно важное значение. В это время Алибай Мурзагулов находился в Стерлитамакской пристани, помогал товарищу уфимского воеводы майору П.Н. Богданову и капитану М. Уракову в формировании башкирско-мишарского карательного корпуса. Вероятно, Кинзя Арсланов рассчитывал через Алибая Мурзагулова склонить башкирско-мишарский карательный корпус на сторону повстанцев. Кроме того, Алибай Мурзагулов был главным старшиной Ногайской дороги, имел огромный авторитет в Башкортостане, что способствовало бы массовому привлечению башкир в повстанческое движение.

В письме Кинзя Арсланов обратился к Алибаю Мурзагулову доверительно: «Секретнодержатель, друг!». Он уверял в истинности царя Петра Федоровича и его сына Павла Петровича. Любопытна фраза: «желаемое нами от бога дал бог нам», что появился на земле «потерянной царь и великой государь». Текст приведенной фразы наводит на мысль, что башкиры давно ждали такого момента, чтобы дружно подняться на восстание и примкнуть к «царю-освободителю». Эта мысль подтверждается сообщением Кинзи Арсланова, что «с полками одиннадцать старшин уже склонились к царю»[1].

Второй документ – письмо Кинзи Арсланова к башкирским старшинам от 20 октября 1773 года, написанное якобы «по приказанию императора Петра Федоровича». В нем автор сообщал, что к «царю» присоединились «из башкирских народов ныне двадцать три старшины и протчия яитские, многое число» и «полки вседневно являютца к нашему государю»[2].

В агитации идей восстания среди народов Башкортостана Кинзя Арсланов в качестве агитаторов использовал своих близких людей: сына Сляусина и племянника Кутлугильде. Многие документы, раскрывающие агитационную деятельность Кинзи Арсланова, до нас не дошли. Но и сохранившиеся источники дают основание определить ее

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 32.

[2] Там же. С. 32–33.

истинные масштабы. В одном из документов говорится, что «для поиску» Сляусина Кинзина «с протчими согласниками» из Уфимской провинциальной канцелярии «посланы во все те места нарочные»[1]. Каргалинский татарин Абдусалям Хасанов на допросе показал: «Башкирцы... начали разъезжаться в дома, получая отпуск от учрежденного над ними начальника старшины Кинзи Арсланова, и хотя они отпуск получают... однако, назад уже не приезжают, а вместо того разъезжают по указу для грабежа помещиков прочих»[2]. В рапорте Уфимской провинциальной канцелярии Оренбургскому губернатору от 28 октября 1773 года говорится, что старшиной Кинзей Арслановым «из злодейской толпы послано калмык три человека в Ставропольский уезд за калмыками», о чем сообщил на допросе «башкирец Бекташ Кутлугильдин»[3].

Таким образом, агитационная деятельность Кинзи Арсланова распространилась на огромную территорию, включая Ногайскую дорогу и Ставропольский уезд Оренбургской губернии. Постепенно в состав агитаторов Кинзя Арсланов включал представителей башкир, татар, калмыков и других народов Башкортостана. В результате агитационной работы изменилось настроение трудовых масс края. Уже в первой половине октября обнаружилось «генеральное колебание» и начало массового перехода башкир на сторону восставших. Вне сомнения, в переломе настроения народов края, в преодолении колебаний большую роль сыграли манифесты Е.И. Пугачева и громкие победы Главного войска повстанцев над крупными карательными корпусами генерал-майора А.В. Кара, бригадира Х.Х. Билова и симбирского воеводы полковника П.М. Чернышева. Но на нерусское население края определяющее воздействие оказывали агитаторы Кинзи Арсланова. Хорошо знавшие интересы и чаяния трудовых масс, выходцы из народов, владевшие их языком, они обеспечивали победу повстанческого центра за башкир и другие нерусские народы Башкортостана. В рапорте Оренбургскому губернатору И.А. Рейнсдорпу уфимский воевода А.Н. Борисов 28 октября вынужден был признать, что большое распространение среди башкир Ногайской дороги имеет

[1] РГАДА. Ф. 1100. Д. 3. Л. 106 и об.

[2] *Лимонов Ю.А., Мавродин В.В., Панеях В.М.* Указ. соч. С. 163.

[3] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 40.

«писанный по-арабски, персицки, турецки и по-татарски, запечатанной в конверте посланной в Башкирию от известного злодея указ»[1]. А распространяли эти указы «царя» среди башкир, татар, калмыков и других нерусских народов края агитаторы Кинзи Арсланова.

Роль Кинзи Арсланова и его агитаторов в мобилизации народов Башкортостана в повстанческое движение достойно отмечали предводители Крестьянской войны: Е.И. Пугачев, И.Н. Зарубин, А.Т. Соколов-Хлопуша, И.А. Творогов, Балтай Идеркаев и другие. Это подтверждают допросные документы. Вынуждены были признавать это и представители местной царской администрации[2]. Так, Казанский губернатор Я.Л. Брант в рапорте в Военную коллегию от 21 октября 1773 года писал: «А еще 100 человек при старшине Кинзе Арсланове после того их лехкомыслия, будучи обольщенными, сами добровольно туда и передались и известному самозванцу и злодею присягу учинили». Я.Л. Брант подчеркивал, что указы самозванца «для обитающего во всей Оренбургской губернии иноверного народа на арапском, персицком, турецком и татарском диалектах» распространяются[3]. В рапорте Уфимской провинциальной канцелярии Оренбургскому губернатору И.А. Рейнсдорпу от 28 октября 1773 года воевода А.Н. Борисов жаловался, что посланные им для поимки Сляусина и его согласников нарочные «со всевозможностию старались, но только нигде оных разведать не могли»[4]. Первый командующий карательными войсками генерал В.А. Кар 31 октября в рапорте президенту Военной коллегии З.Г. Чернышеву сообщал о своей тревоге, что башкиры из его карательного корпуса могут разбежаться, так как «от бежавшего в толпу со своими подчиненными башкирского старшины Кинзи Арсланова чрез разсеяние во всю Башкирию злодейских возмутительных писем в великой колеблемости находятся»[5]. Тревоги генерала подтвердились: во время сражения под деревней Юзеево из башкир

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 37.

[2] РГАДА. Ф. 1100. Д. 2. Л. 327, 328, 380 и об.; Д. 3. Л. 104–109; РГВИА Ф 20. Д. 1230. Д. 69–70 об.; 117–118 об.; 178, 179; Следствие и суд над Пугачевым //История СССР. 1996. № 4. С. 117. Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 33, 39, 46, 50, 51.

[3] РГВИА. Ф. 20. Д. 1230. Л. 117.

[4] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 39.

[5] Там же. С. 45–46.

«тысяча человек конных, не видя себе никакого притеснения, и отдались в открытой степи без всякого сопротивления»[1]. Перешли на сторону повстанцев и 1200 башкир и мишарей Стерлитамакского карательного корпуса, с поддержкой которого генерал В.Я. Кар связывал свои успехи в борьбе с Е.И. Пугачевым. К середине ноября Оренбургский губернатор И.А. Рейнсдорп вынужден был признать свое полное поражение в борьбе за башкир. Все старания «верных» старшин Миндея Тупеева, Колыя Балтасева, Юсупа Надырова по мобилизации башкир южных волостей Ногайской дороги, равно как и мероприятия Уфимской провинциальной канцелярии по комплектованию Стерлитамакского башкирско-мишарского карательного корпуса, завершилось массовым переходом команд на сторону повстанцев. Власти вынуждены были признать, что «собирание их сюда на помощь обращается наипаче во усиливание того злодея, который, разведывая, всех их к себе перехватывает». В результате в Бердском лагере к середине ноября башкирских конников набралось «тысяч до пяти». Поэтому губернатор вынужден был отказаться от мер по мобилизации башкир в карательные команды и велел «быть им в долях от того злодея во всякой осторожности»[2].

Вышеизложенные факты позволяют сделать следующий вывод: Кинзя Арсланов и его соратники своей активной агитационной работой по мобилизации башкир и других народов Башкортостана в повстанческое движение создали условия для перерастания локального восстания яицких казаков во всенародную грандиозную Крестьянскую войну. Это – главный вклад Кинзи Арсланова в Крестьянскую войну 1773–1775 годов.

Будучи главным полковником и атаманом «башкирского полка», Кинзя Арсланов постоянно находился в Бердской крепости и входил в число ближайших сподвижников Пугачева. Его «башкирский полк» в составе Главного войска участвовал в штурмах города Оренбурга и отражениях вылазок осажденных, а также в сражениях под Татищевой крепостью и Сакмарским городком. Башкирские повстанцы вместе с казаками и калмыками составляли самую боеспособную силу, ядро повстанческой армии – конницу. Они участвовали в разгроме

---

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 51.

[2] РГДА. Ф. 1100. Д. 3. Л. 111 об.

карательных корпусов бригадира Х.Х.Билова и полковника П.М. Чернышева, в штурме Яицкого городка и его детинца. 1500 башкир под командованием Идеркая Баймекова и Кутлугильде Абдрахманова приняли участие в разгроме корпуса генерала В.Я. Кара. 1000 башкирских конников во главе с Е.И. Пугачевым участвовали в захвате Ильинской крепости и Илецкой защиты, в штурме Верхне-Озерной крепости. В походе на Авзяно-Петровские заводы и Желтый редут А.Т. Соколова-Хлопушу сопровождали 500 всадников «башкирского полка». Башкиры вместе с калмыками добровольно вызвались охранять Бердский лагерь. Кинзя Арсланов умело руководил своим «башкирским полком», который составлял половину Главного войска, достигнув в конце декабря до 10–12 тысяч воинов.

Параллельно с этим Кинзя Арсланов продолжал вести агитацию среди народов края. Когда была одержана полная победа над местной царской администрацией за вовлечение башкир на свою сторону, повстанческий центр изменил тактику мобилизации населения. Встала задача распространения восстания вширь, на новые территории, расширить ее границы. Поэтому повстанцев, проявивших свои полководческие и организаторские способности, Е.И. Пугачев и Военная коллегия направляла для организации новых повстанческих районов. Среди таких посланцев Е.И. Пугачева были и представители «башкирского полка» – Салават Юлаев, Канзафар Усаев, Каскын Самаров, Каранай Муратов, Абдей Абдулов, Бахтияр Канкаев и другие. Все это показывает, что Кинзя Арсланов, будучи одним из организаторов и руководителей повстанческого движения, принимал активное участие в распространении восстания на всей территории Башкортостана.

Кинзя Арсланов играл важную роль в Крестьянской войне как один из ближайших и доверенных лиц «царя», составлявших при нем негласный совет. Заседания этого совета проходили в строжайшем секрете, его роль в руководстве восстанием была очень велика. Он функционировал параллельно с Военной коллегией, а с переходом Главного войска на правый берег Волги негласный совет стал особенно авторитетным органом. Состав совета был крайне ограниченный и постоянный. В него входили самые ближайшие сподвижники Е.И. Пугачева. Алексей Зверев, который с самого начала Крестьянской войны находился в Бердском лагере, на допросе сообщал, что в состав негласного совета «царя» входили: войсковой ата-

ман А.А. Овчинников, дежурный Еким Давилин, секретарь Военной коллегии И. А. Творогов, полковники А.П. Перфильев и Ф.Ф. Чумаков, каргалинский татарин Садык Сеитов. В числе членов этого узкого круга «наперсников» Е.И. Пугачева были и два башкира – Идеркай Баймеков и Кинзя Арсланов[1]. Члены совета «почасту входя к Пугачеву в палатку никого не допуская производят советы; а секретов протчим слышать не можно», говорили повстанцы во время допросов[2]. Кинзя на протяжении всей Крестьянской войны оставался членом негласного совета, до конца сохранял и оправдал доверие вождя.

Кинзя Арсланов сыграл исключительную роль весной 1774 года. Его вес и авторитет в повстанческом центре еще более возрос, чему способствовали следующие факторы. Во-первых, после потери Главного войска под Татищевой крепостью 22 марта 1774 года Е.И. Пугачев остался без армии. А корпус генерала П.М. Голицына после занятия Бердского лагеря продолжал наступление на остатки повстанческой армии, находившиеся в Сакмарском городке. В этих критических условиях повстанческому центру удалось сформировать войско численностью около 5 тысяч человек. Из них более 3 тысяч были башкирские конники Кинзи Арсланова[3]. 1–2 апреля 1774 года они героически сражались с карательным корпусом генерала П.М. Голицына под Сакмарским городком. В результате двух сражений Пугачев потерял 2895 убитыми и 6813 повстанцев попали в плен[4]. Остальные участники сражений разбежались. С вождем восстания осталось 500 наиболее преданных повстанцев. В их числе было 100 яицких и илецких казаков, 100 заводских крестьян и 300 башкир. Во-вторых, в двух сражениях погибло и попало в плен много близких сподвижников Е.И. Пугачева. В плену оказались Максим Шигаев, Тимофей Падуров, Иван Почиталин, Максим Горшков, Тимофей Мясников, Андрей Кожевников, братья Толкачевы, Афанасий Соколов-Хлопуша, Балтай Идеркаев. Без вести пропал Андрей Витошнов. Это были казаки, которые вместе с Е.И. Пугачевым начинали

---

[1] *Усманов А.Н.* Указ. соч. С. 125.

[2] Пугачевщина. Т. II. С. 207, 208.

[3] *Кулбахтин Н.М.* Участие башкирского народа в Крестьянской войне 1773–1775 гг. Уфа, 1984. С. 48.

[4] Крестьянская война в России. Т. III. С. 27, 32.

восстание и составляли Военную коллегию, некоторые из них входили в состав негласного совета. В целом они представляли руководящий костяк Крестьянской войны. Часть казацкой верхушки после сражения под Татищевой крепостью готовила заговор и собиралась сдать Е.И. Пугачева властям, чтобы тем самым заслужить помилование. Часть преданных сподвижников Е.И. Пугачева находилась вдали от повстанческого центра. А.А. Овчинников и А.Ф. Перфильев, потерпев под Яицким городком поражение от карательного корпуса генерала П.Д. Мансурова, бежали в степь. И.Н. Зарубин потерпел поражение под Уфой и попал в плен. И.Н. Грязнов сражался под Челябинском с Д.О. Гагриным, Салават Юлаев и И.Н. Белобородов действовали на севере Башкортостана. В эти суровые для вождя дни рядом с ним самыми верными и надежными сподвижниками оставались Кинзя Арсланов, Идеркай Баймеков и каргалинский татарин Садык Сеитов. В этих условиях невозможно переоценить роль Кинзи Арсланова, под командованием которого находилось больше половины повстанческой армии. Этим объясняется тот факт, что Е.И. Пугачев определил дальнейшие задачи и маршрут движения по совету Кинзи Арсланова.

В Бердском лагере после поражения под Татищевой крепостью перед Е.И. Пугачевым и его сподвижниками встал вопрос: куда идти? Спорили долго и шумно. Одни советовали идти на Уфу для соединения с И.Н. Зарубиным, другие – через Переволоцкую или Сорочинскую крепость идти на Яицкий городок, оттуда на Гурьев. Этот же роковой вопрос встал перед пугачевцами после поражения под Сакмарским городком. В селе Ташлы, в 50 верстах от Сакмарского городка, вновь разгорелись споры. Идти через Яицкий городок на Гурьев, а оттуда к некрасовцам оказалось невозможным: везде располагались пикеты генерала П.М. Голицына. Е.И. Пугачев намеревался вернуться в Каргалу или Сакмарский городок и там продержаться до весны, что было явно нереальным. В этой сложной ситуации Кинзя Арсланов предложил Е.И. Пугачеву идти на север, в Башкортостан. «Если вы туда придете, так я вам чрез десять дней хоть десять тысяч своих башкирцев поставлю», – обещал Кинзя Арсланов[1]. Пугачев принял его предложение.

---

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 508. Ч. II. Л. 32; *Дубровин Н.Ф.* Пугачев и его сообщники СПб., 1883. Т. II. С. 382.

Вновь развернулась агитационная деятельность Кинзи Арсланова и его сподвижников. По сведениям И.А. Творогова, к 4 апреля, то есть уже в первые дни возобновления движения, «под руководством башкирского старшины Кинзи по уверению о злодее, что он истинный государь, приходя от места к месту, собирали башкирцев множество»[1]. В агитацию башкир и народов Башкортостана Кинзя Арсланов подключил Сляусина и других испытанных и опытных агитаторов. Позже на допросе Ф.Ф. Чумаков признавал, что весной 1774 года старшина Кинзя Арсланов, его сыновья и башкирские агитаторы обеспечили возрождение Главного войска Пугачева[2].

По утверждению дворянского историка Н.Ф. Дубровина, в первые дни после поражения повстанческой армии под Сакмарским городком Е.И. Пугачев со своим немногочисленным отрядом вынужден был скрываться от преследования карателей и «верных» старшин в доме Кинзи Арсланова. А хозяин дома и его соратники в эти дни распространяли новые манифесты «царя» и собирали башкир для формирования новой повстанческой армии[3].

Из дома Кинзи Арсланова Е.И. Пугачев двинулся через южноуральские заводы на север, затем резко свернул на северо-восток. Такой маршрут был подсказан тем, что первоначально «государь» решил идти на соединение с многотысячной повстанческой армией И.Н. Зарубина, действовавшей в районе Уфы. Но вскоре бригадир повстанческой армии, случайный участник сражения армии И.Н. Зарубина с карательным корпусом И.И. Михельсона повстанческий полковник Канзафар Усаев принес печальное известие о поражении И.Н. Зарубина и разгроме его армии. Тогда Е.И. Пугачев решил идти в Зауралье, где продолжала действовать повстанческая армия И.Н. Грязнова.

На Воскресенском, Авзяно-Петровских, Белорецком заводах повстанческая армия пополнялась за счет заводских крестьян, а Кинзя Арсланов и его агитаторы продолжали приводить все новые и новые отряды восставших башкир. 19 мая, когда возрожденное Главное войско Е.И. Пугачева подошло к Троицкой крепости, оно насчитывало

---

[1] Пугачевщина. Т. II. С. 145.

[2] РГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 9 об.

[3] *Дубровин Н.Ф.* Указ. соч. С. 387; *Усманов А.Н.* Указ. соч. С. 128; *Лимонов Ю.А., Мавродин В.В., Панеях В.М.* Указ. соч. С. 165; *Кулбахтин Н.М.* Участие башкирского народа в Крестьянской войне 1773–1775 гг.

10–12 тысяч человек. Абсолютное большинство в Главном войске составляли башкиры.

Летом 1774 года Кинзя Арсланов не ограничивался только мобилизацией башкир в новую повстанческую армию, но и принимал меры для распространения восстания на новые территории. О масштабах действия его агитаторов красноречиво говорит нижеследующий документ. В июне 1774 года башкир Катайской волости, есаул башкир-повстанцев Абузар Абдулхаиров рапортовал Кинзе Арсланову, что он по его указу прибыл и завербовал людей для повстанческой армии. Абузар сообщал еще о двух агитаторах – Габдулле и Атналы. По его сообщению, они мобилизовали в повстанческие отряды около 1000 башкир[1]. В билете, выданном в июне 1774 года мулле деревни Янгуловой Арской дороги Казанской губернии Габдрахману Хасанову, проживавшему в данное время в деревне старшины Катайской волости Ногайской дороги Аккучука Таирова, Кинзя Арсланов разрешал ему и двум его спутникам «свободно и мирно разъезжать, распространять знания...». Хотя прямых указаний в источниках нет, но можно предположить воздействие Кинзи Арсланова на Каскына Самарова, Караная Муратова, Канзафара Усаева и других вождей нерусских народов, которые в конце весны – начале лета удивительно синхронно действовали в различных регионах Башкортостана. На эту мысль наводят воззвание Каскына Самарова от 21 мая 1774 года с призывом присоединиться к Е.И. Пугачеву и посещение Канзафаром Усаевым повстанческого центра 5 июня 1774 года на реке Ай[2].

Кинзя Арсланов принимал живое участие в мероприятиях повстанческого центра по вовлечению в повстанческое движение казахов. Автором этой идеи и первым активным ее проводником еще в самом начале восстания был яицкий казак из башкир Идеркай Баймеков. В начале лета 1774 года, когда повстанческая армия продвигалась по Зауральскому Башкортостану, этот вопрос вновь приобрел

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 593. Л. 32; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 200–201. А.Н. Усманов и другие исследователи сообщение Абузара Абдулхаирова неверно связывают с агитационной деятельностью Кинзи Арсланова в начале Крестьянской войны. См.: *Усманов А.Е.* Указ. соч. С. 120.

[2] РГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 2. Л. 596–599 об.; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С 153.

актуальное значение. В начале мая, находясь на Белорецком заводе, Е.И. Пугачев решил отправить послов к хану Аблаю и султанам Среднего жуза.

После переговоров со старшинами Кара-Табынской и Телевской волостей Баим-тарханом Кидряевым, Мусой Килкиным и Рясулем Итжимясовым Кинзя Арсланов предложил Е.И. Пугачеву кандидатуры походного старшины Барын-Табынской волости Исетской провинции Шукура Абзямова, сотника той же волости Упака Абзямова и рядового башкира Уметея Усянова. Братья Абзямовы и Уметей Усянов, получив указ, явились к Е.И. Пугачеву, когда повстанческий центр находился под Магнитной крепостью.

8 мая 1774 года Пугачев отправил Уметея Усянова, Шукура и Упака Абзямовых к хану Среднего Казахского жуза с задачей склонить казахов на сторону повстанцев. Делегация успешно выполнила поставленную задачу. Через 16 дней она прибыла к казахским султанам Ембетю-батыру и Санкадаутбай-тархану, которые кочевали при реке Сарытургай. Делегация добилась от казахов согласия на совместные действия «против российских войск». Казахские султаны написали письмо Пугачеву о согласии совместных действий и отправили с сыном Ембетя Аралбаем. Шукур Абзямов со своими людьми поехал к Аблай-хану. Аблай-хан обещал прислать 1500 своих конников, повстанческая армия и казахские отряды должны были соединиться в районе Звероногловской крепости. В некоторых документах говорится, что 1500 казахов хана Аблая ждали сигнала за рекой Яиком в урочище Ибык-Каратай. Посольство Шукура Абзямова благополучно вернулось в повстанческий центр, а Упак Абзямов с Аралбаем при возвращении в повстанческий центр под Санарской крепостью попали в плен[1].

Чуть позже Е.И. Пугачев решил отправить к Аблай-хану и казахским султанам еще одну делегацию. К этому времени Кинзя Арсланов для посольства подобрал еще несколько кандидатов. В состав другой делегации вновь были предложены башкиры Исетской

[1] РГАДА. Ф. 1274. Д. 183. Л. 232–233; Ф. 1100. Л. 8. Л. 335 об – 336 об.; РГВИА. Ф. 20. Д. 1240. Л. 471 и об.; Допрос Е.И. Пугачева. С. 211; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 175, 190–191; *Усманов А.Н.* Указ соч. С. 128–129; *Бекмаханова Н.Е.* «Легенда о Невидимке» (участие казахов в Крестьянской воине под предводительством Пугачева). Алма-Ата, 1968. С. 170–174.

провинции: сотник Айлинской волости команды старшины Байгазы Козямышева Утяв Яраткулов, рядовые башкиры Суяргул Яманаев и Чагыр Иляйманов. Итоги дипломатической миссии и судьба всех троих представителей делегации неизвестны.

Летом 1774 года Е.И. Пугачев к казахам Среднего жуза отправил еще одну делегацию в составе старшины Салжиутской волости Баязита Максютова, сотника Терсятской волости Махмута Калмакаева «со товарищи, всего 20 человек з данным от реченного государственного злодея Пугачева письмом, чтоб они киргисцов собрали не малое число и разоряли б линейные крепости»[1]. Через 20 дней делегация добралась до кочевья Даутбай-тархана. По согласованной договоренности Е.И. Пугачев и казахское ополчение должны были встретиться у Звериноголовской крепости. Баязит Максютов и Махмут Калмакаев успешно выполнили поставленную перед ними дипломатическую задачу. Однако встретиться повстанческой армии Е.И. Пугачева и казахскому ополчению Даутбай-тархана не удалось, так как Главное войско с Троицкой крепости взяло курс резко на северо-запад, оставив в стороне Звериноголовскую крепость[2].

Таким образом, весной 1774 года в крайне критические дни для повстанческой армии и повстанческого движения в целом, ярко раскрылась еще одна грань таланта Кинзи – дипломатическая. И дипломатическая деятельность его была осуществлена весьма успешно. В том, что не удалось осуществить идеи соединения повстанческих сил с казахами, была не его вина. Оказавшись перед фактом полного разгрома повстанческой армии Н.И. Грязнова и Григория Туманова под Челябинском, Е.И. Пугачев, не дойдя до Звериноголовской крепости и не дождавшись соединения с казахами, резко изменил свой маршрут и направился через северные волости Башкортостана к Казани.

Летом 1774 года события Крестьянской войны калейдоскопически менялись. Е.И. Пугачев несколько раз потерпел поражение от генерал-поручика И.А. Деколонга и подполковника И.И. Михельсона, при этом каждый раз терял Главное войско. Задачи восстания решали полководцы типа Салавата Юлаева, Ивана Белобородова. В такой

[1] РГВИА. Ф. 20. Д. 1240. Л. 306 и об.

[2] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 389.

ситауции роль Кинзи Арсланова отходила на второй план. Но тем не менее массовый приход башкир Осинской дороги, в том числе и депутата Уложенной комиссии Туктамыша Ижбулатова, к Пугачеву, пополнение его 20-тысячной армии башкирами и представителями нерусских народов трудно представить без участия и активной деятельности Кинзи Арсланова.

После поражения повстанческой армии под Казанью башкиры вернулись домой. Как сообщал на допросе яицкий казак Петр Пустобаев, под Казанью «башкирцы же на том сражении от него отстали, и с того времени, кроме одного старшины Киншу, никого их не было»[1]. Однако И.М. Гвоздикова утверждает, что с Кинзей Арслановым за Волгу ушло несколько сот башкир[2].

Летом 1774 года, когда Главное войско Пугачева стремительным маршем двигалось вниз по Волге к Царицыну, Кинзя Арсланов оставался в числе самых доверенных людей вождя. Секунд-майор Андрей Салманов, командир батальона Саратовского гарнизона, добровольно перешедший к Е.И. Пугачеву, на допросе сообщал, что «… на совете, в котором первые – войсквой атаман Андрей Овчинников, дежурный Еким Давилин, полковник Петр Перфильев, секретарь Иван Творогов, полковник Федор Чумаков, каргалинский татарин Садык Сеитов, Кинзя-башкирец, Идерка-толмач...»[3]. Это относится к последним дням Крестьянской войны. Следовательно, негласный совет Е.И. Пугачева почти не изменился в составе, где свое место продолжал сохранять Кинзя Арсланов. Более того, когда «писец татарского письма» Балтай Идеркаев попал в плен, Кинзя Арсланов выполнял и его функции. По утверждению Р.В. Овчинникова, Манифест Пугачева жителям города Казани был написан Кинзей Арслановым[4].

В последнем сражении Е.И. Пугачева с И.И. Михельсоном под Сальниковой ватагой 24 августа 1774 года Идеркай Баймеков пропал без вести. Вместе с Е.И. Пугачевым на левый берег Волги переправился Кинзя Арсланов. Он оставался верным соратником вождя

---

[1] Пугачевщина. Т. II. С. 226.

[2] *Гвоздикова И.М.* Указ. соч. С. 424.

[3] Пугачевщина. Т. II. С. 212.

[4] *Овчинников Р.В.* Указ. соч. С. 23.

Крестьянской войны. Когда И.А. Творогов, Ф.Ф. Чумаков и другие яицкие казаки из окружения Пугачева затеяли заговор и хотели схватить Е.И. Пугачева, они боялись Кинзи Арсланова. На допросе И.А. Творогов показал: «Кинзю нельзя было нам никак оставить в разсуждении, что злодей тот час взял бы нас на подозрение»[1]. Таким образом, обширный круг деятельности Кинзи Арсланова позволяет ставить его в ранг крупнейших вождей Крестьянской войны 1773–1775 годов.

В ночь с 14 на 15 сентября 1774 года заговорщики арестовали Е.И. Пугачева. Кинзя Арсланов не смог им помешать в осуществлении их предательства. Причина могла быть только одна: его не было рядом с Пугачевым. Казаки-заговорщики могли его убить или каким-то образом сумели разлучить их.

Кинзя Арсланов пропал без вести. Власти долго искали одного из крупнейших предводителей Крестьянской войны, самого преданного сподвижника Е.И. Пугачева. Они многократно обращались к Кинзе Арсланову с предложением добровольно явиться с повинной, распространяли ложные сообщения о его готовности к капитуляции[2]. Власти боялись даже имени Кинзи Арсланова, для его поимки вербовали «верных» старшин. 10 ноября 1774 года начальник Казанской секретной комиссии генерал П.С. Потемкин в рапорте императрице сообщал: «Ныне известных башкирских бунтовщиков осталось только 5 человек, а именно: Кинзя, Салават, Каранай, Ханикей и Ильчигул. Первых трех подписался поймать бывший бунтовщик и по позыву моему явившийся с повинною предводитель Алибай Мурзагулов». Когда в Казанскую секретную комиссию был доставлен Каранай Муратов, П.С. Потемкин под угрозой смертной казни заставил его подписать обязательство поймать и сдать властям Кинзю Арсланова и Салавата Юлаева[3]. Алибай Мурзагулов как главный старшина разъезжал по Ногайской дороге, был в деревне Кинзи Арсланова, однако его дома не оказалось[4]. Башкирский народ долго не мог забыть своего любимого вождя. Осенью 1774 года, когда Главное

[1] Пугачевщина. Т. II. С. 156.

[2] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С.204, 262.

[3] РГАДА. Ф. 6. Д. 507. Ч. III. Л. 39.

[4] Там же. Д. 512. Ч. 2. Л. 79–82 об.; *Усманов А.Н.* Указ. соч. С. 133.

войско уже было разбито под Черным Яром, в Башкортостане распространялся слух, что Е.И. Пугачев оренбургским губернатором назначил Кинзю Арсланова[1]. Таким способом башкирские предводители решили использовать огромный авторитет Кинзи для продолжения повстанческого движения.

В заключение нужно подчеркнуть утверждение авторов научно-популярных очерков о сподвижниках Е.И.Пугачева, которые писали: «Авторитет Кинзи Арсланова в Башкирии с ходом восстания все время возрастал и, очевидно, даже не шел в сравнение с авторитетом какого-либо другого башкирского предводителя»[2]. Вышеизложенное является подтверждением этой мысли.

Каранай Муратов

Башкир деревни Каранаево (Стерлибашевский район РБ). Сотник Бурзянской волости. Главный полковник повстанческой армии. О Каранае Муратове писали в обобщающих работах и в отдельных статьях[3]. Большое внимание башкирскому вождю уделили авторы Татарстана. Доктор исторических наук С.Х. Алишев дал широкую панораму повстанческой деятельности Караная Муратова в роли предводителя Мензелинского повстанческого района[4]. Однако автор ни единым словом не дает знать читателю, что предводитель повстанческого района был башкиром Бурзянской волости Ногайской

---

[1] Пугачевщина. Т. I. С. 94.

[2] *Лимонов Ю.А., Мавродин В.В., Панеях В.М.* Указ. соч. С. 164.

[3] Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Восстание Пугачева. М.; Л., 1966–1970. Т. II–III; *Андрущенко А.И.* Крестьянская война 1773–1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. М., 1969. С. 67, 77, 145–146, 300, 304, 306, 307; *Асфандияров А.З.* Пугачев полковниктэре // Агидель. 1973. № 11; *Он же*. История сел и деревень. Т. 2. Уфа, 1991. С. 144; *Гвоздикова И.М.* Салават Юлаев. Исследование документальных источников. Уфа, 1982; *Она же.* Башкортостан накануне и в годы Крестьянской войны под предводительством Е.И. Пугачева. Уфа, 1999; *Таймасов С.* Каранай Муратов, забытый герой // Советская Башкирия. 1989. 13 октября. № 235; *Он же*. Каранай бытыр // Агидель. 1991. № 5; *Он же.* Восстание 1773–1775 гг. в Башкортостане. Уфа, 2000; *Салават Хамидуллин.* Каранай Муратов – забытый герой. Гипотезы, поиски, находки // Истоки. 1991. № 5. С. 7.

[4] *Алишев. С.Х.* Татары Среднего Поволжья в Пугачевском восстании. Казань, 1973.

дороги. Журналист из Набережных Челнов Вахит Имамов в своей популярной работе уделил достаточно много внимания повстанческой деятельности и судьбе Караная Муратова. К сожалению, автор допустил очень много неточностей как в фактах, так и в своих выводах[1].

Каранай Муратов в числе нескольких семей накануне Крестьянской войны поселился на землях Меркит-Минской волости на правах припущенников и основал деревню Каранаево[2]. В литературе промелькнуло мнение о том, что Каранай Муратов был внуком знаменитого Алдар-батыра Исякаева[3]. Мнение очень привлекательное: соединить генеалогической нитью двух выдающихся сынов башкирского народа. Такая мысль посещала и автора данной книги[4]. Действительно, у Алдара был сын Мурат, активный участник башкирских восстаний 1735–1740 годов[5]. И по годам правдоподобно соотношение возрастов Алдара – Мурата – Караная. Однако достоверных аргументов в генеалогическом древе бурзянского рода для ее утверждения пока не нашлось. Об участии Караная Муратова в башкирском восстании 1755–1756 годов также нет источников и четких аргументов. Для утверждения данной версии С.У. Таймасов цитирует письмо старшины Уршак-Минской волости Ибрагима Мрясева мишарскому старшине Муксину Абдулсалямову от 20 мая 1774 года, где тот называл Караная Муратова «Бурзянской волости издревле изменник»[6]. Однако необходимо уточнить приведенную цитату из документа, которым пользуется автор. В документе говорится: «Бурзянской волости с начала злодейскую толпу вожак сотник Каранай Муратов»[7]. И в рапорте Ибрагим Мрясев не называл Караная Муратова «издревле изменник». Следовательно, данная весьма желаемая версия никакими сведениями в источниках не подтверждается.

---

[1] *Имамов Вахит.* Татары в Пугачевском восстании. Набережные Челны, 1994. С. 455–456.

[2] *Асфандияров А.З.* История сел и деревень. Т. 2. С. 144.

[3] *Таймасов С.У.* Каранай-батыр. С. 140; *Он же*. Восстание 1773–1775 гг. в Башкортостане. С. 188.

[4] *Кулбахтин Н.М.* Юлай-атаман, сардар-Салават, Кинзя-абыз. С. 99.

[5] Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. С. 415.

[6] *Таймасов С.У.* Восстание 1773–1775 гг. в Башкортостане. С. 118.

[7] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 152.

К началу Крестьянской войны 1773–1775 годов Каранай Муратов был зрелым человеком. Во всех источниках он именуется сотником Бурзянской волости. Возможно, в повстанческое движение он был мобилизован Каскыном Самаровым и довольно долго оставался в его тени. Каранай Муратов вместе с Каскыном Самаровым штурмовал Стерлитамакскую пристань и Табынскую крепость. 24 ноября они вместе во главе 4-тысячного повстанческого войска подошли к Уфе и вместе организовали блокаду города. Каскын Самаров остался под Уфой и возглавил Чесноковский повстанческий центр, а Каранай Муратов направился к Мензелинску.

Бурная и самостоятельная повстанческая деятельность Караная развернулась под Мензелинском, где стремительно и ослепительно ярко загорелась его звезда. Анализируя этот период его деятельности, невольно вспоминаешь русскую поговорку: «Долго запрягать, быстро ездить». У Караная Муратова именно так и получилось. Около полутора месяцев он тихо и скромно проходил школу Кинзи Арсланова и Каскына Самарова, созревал как крупный военный предводитель. Прибыв в район Мензелинска, он в считанные дни вырос в одного из крупнейших предводителей Крестьянской войны. Уже в первой половине декабря 1773 года один из крупных повстанческих предводителей Западного Башкортостана, старшина ясачных татар Надыровой волости Казанской дороги Ибраш Уразбахтин в своем письме старшине деревни Якуповой признает его руководящую роль и требует «приехать всем к походному старшине Каранаю Муратову» для организации совместного похода против карательной команды[1].

Каранай Муратов вложил много сил для формирования повстанческой армии, обеспечения ее оружием, провиантом и фуражом, для распространения восстания в западных волостях Башкортостана. Он рассылал своих эмиссаров с манифестами Пугачева и своими письмами, где призывал многонациональное население региона подняться на борьбу против социального и национального гнета под флагом «царя Петра III» – Пугачева. В одном из своих «повелений» Каранай Муратов требовал «имеющимся во всех местах армиям и в протчих деревнях армийским главным» собраться в селе

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 416. Ч. 1. Л. 58; РГВИА. Ф. 20. Д. 1231. Л. 347; Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 116.

Старый Тазов для совместного отражения наступающих карательных сил[1].

Вместе с Каранаем Муратовым из-под Уфы к Мензелинску уехали башкирские старшины Ногайской дороги, пугачевские полковники Кидрас Муллакаев, Каип Зиямбетев, Ишкара Арсланов, которые признали Караная Муратова своим командиром. На огромной территории Западного Башкортостана под командой Караная Муратова действовали повстанческие отряды Мясогута Гумерова, Шафея Тойгузина, Шарипа Якупова, Нагайбака Асанова, Бакея Абдулова, Юскея Кудашева, Назара Алексеева, Аита Уразметева, Осипа Енгалышева и других предводителей. Таким образом, образовался Мензелинский повстанческий район. Отряды действовали в районах Бакалинской и Нагайбакской крепостей, Шуранского перевоза, Елабуги, Таиша и Заинска, Мамадыша, Арска и Малмыжа, Кичуйской, Шешминской и Черемшанской крепостей и Бугульминской слободы, Ижевского и Воткинского заводов. Отдельные отряды повстанческого войска Караная действовали в окрестностях Казани.

Указанный район, призванный защищать территорию Казанской губернии от вторжения повстанческих сил, имел важнейшее стратегическое значение. Для этого в Бугульме был расквартирован карательный корпус генерал-майора Ф.Ю. Фреймана, который курсировал вдоль Ново-Московской дороги. Сильные гарнизоны были в Бакалинской и Нагайбакской крепостях, Мензелинске, Заинске и других укрепленных пунктах. Все эти правительственные войска составляли надежный заслон. Они держали западные волости Башкортостана под контролем. Местные небольшие повстанческие отряды не могли оказывать серьезного воздействия на обстановку в регионе. Решающую роль в социальном взрыве в Западном Башкортостане и Казанской губернии сыграло появление здесь повстанческого отряда Караная Муратова и его бурная организаторская деятельность по объединению и координации действий разрозненных сил. После подавления Крестьянской войны жители этого региона свое активное включение в повстанческое движение объясняли следующим образом: «В 1773 году на народ, живший в деревнях безвыездно зимой и летом, обрабатывая свой урожай, напали башкир-

[1] РГАДА. Ф. 349. Д. 7304. Л. 6; Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 146.

ские и мишарские команды Ногайской дороги во главе с башкиром Ногайской дороги Каранаем Муратовым. Они были вооружены пушками»[1].

Здесь очевидно стремление подследственных умалять свою вину и оправдать себя перед царскими властями. Тем не менее документ содержит целый ряд важнейших сведений. Во-первых, Каранай Муратов появился в Западном Башкортостане во главе внушительного повстанческого войска, состоявшего из башкир и мишарей. Во-вторых, войско Караная Муратова было вооружено кроме традиционных башкирских оружий – лука и стрелы, копья и сабли – огнестрельными оружиями и пушками, что должно было сыграть особенно сильное воздействие на настроение колеблющегося населения. В-третьих, даже при определенной доле преувеличения роли Караная Муратова, факт его воздействия на распространение восстания в Западном Башкортостане вне сомнения.

Ставки Караная Муратова находились в деревнях Сарсазар и Бекбов под Мензелинском, в селе Касево под Сарапулом. Отсюда он вел общее руководство повстанческим движением, собирал повстанческие отряды для осуществления штурмов Мензелинска, сам выезжал в отдельные пункты для решения важных задач. К середине декабря Каранай Муратов стал общепризнанным руководителем. Во второй половине декабря в документах он стал именоваться «армейским главным полковником»[2].

В разгар восстания в Западном Башкортостане общая численность повстанцев доходила до 12 тысяч человек[3]. По выражению официальных властей, «главная толпа» повстанческих войск Западного Башкортостана находилась под Мензелинском под непосредственным командованием Караная Муратова. Мензелинский повстанческий центр номинально подчинялся Чесноковке, «графу Чернышеву» – И.Н. Зарубину. Но фактически в декабре 1773 – январе 1774 года Каранай Муратов действовал самостоятельно. Об этом свидетельствует следующий весьма любопытный факт. В разгаре Крестьянской войны крепостные крестьяне одного из

---

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 416. Ч. 2. Л. 56.

[2] Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 146.

[3] *Кулбахтин Н.М.* Участие Башкирского народа в Крестьянской войне 1773–1775 гг.. С. 54.

дворян Саратовской губернии арестовали своего помещика и повезли к повстанческому командиру, полковнику повстанческой армии Карпу Карасеву с просьбой казнить «кровопийцу». Командир отказался выполнить их просьбу, сославшись на строгое запрещение «царя» осуществлять казни самостоятельно. По установке Е.И. Пугачева выносить смертный приговор имел право только «император Петр Федорович», то есть сам Е.И. Пугачев. Крестьяне возили своего помещика от одного командира к другому. Но каждый из них побоялся нарушить указ Пугачева. Так крестьяне доехали до окрестностей Мензелинска. По их рассказу, приехали они в штаб повстанческого командира «Каракая» поздно вечером. Каранай Муратов, высокий, статный, чернобородый, смуглый красивый мужчина, послушав их просьбу, повелел своим подчиненным мужиков накормить, помыть в бане и дать отдохнуть. Они после долгой дороги, сытного ужина и бани долго спали и проснулись поздно утром. Когда один из крестьян подошел к окну, то увидел напротив их дома, на площади свежепоставленную виселицу, а на ней «своего» повешенного помещика. Следовательно, Каранай Муратов не побоялся переступить запреты «царя» и самостоятельно привел в исполнение просьбу крестьян о казни их хозяина.

Мензелинск в течение XVII–XVIII веков был важнейшим пунктом колонизационной политики России в Башкортостане. Он играл зловещую роль в подавлении башкирских восстаний. Здесь было казнено много предводителей, в том числе Алдар Исекеев и другие. Поэтому Мензелинск приковал к себе внимание башкир и других народностей Башкортостана. Вот почему повстанческое войско Караная Муратова в первую очередь стремилось овладеть Мензелинском.

К началу Крестьянской войны пригород Мензелинск представлял собой сильно укрепленный пункт с 500–600 дворами, населенный отставными солдатами и потомками смоленской шляхты. Таким образом, основное население было военнослужилым. Кроме того, город охранял многочисленный гарнизон. Пригород был обнесен бревенчатой стеной с башнями и бойницами. По всему периметру Мензелинск окружали земляной вал и глубокий ров, наполняемый водой из реки Мензели. В городе было много пушек, пороха и снарядов, достаточный запас хлеба, воды. В середине декабря в Мензелинск прорвалась регулярная полевая команда капи-

тана К. Алексеева, которая значительно усилила гарнизон[1]. Серьезную естественную преграду для повстанцев представляла река Мензеля.

Каранай Муратов имел повстанческое войско численностью около 10 тысяч человек и артиллерию в 14 пушках. Но в войске мало было огнестрельного оружия, не было опытных бомабрдиров. Восставшие не имели опыта штурмовых боев.

Первый штурм города был произведен 23 декабря 1773 года. До штурма Каранай Муратов послал в Мензелинск указ «царя» и свое увещевание с предложением гарнизону и жителям сдать город без кровопролития и принести присягу «великому государю Петру Федоровичу»[2]. Получив отказ, Каранай Муратов повел свое войско на штурм, который продолжался весь световой день и носил ожесточенный характер. Однако явное превосходство осажденных в огнестрельном оружии и пушках, удобное стратегическое положение не позволили повстанцам овладеть городом. Восставшие с большим уроном в живой силе вынуждены были прекратить штурм.

Генеральный штурм Мензелинска был назначен на 26 декабря. В течение двух дней, 24 и 25 декабря, с утра до вечера город подвергался постоянной бомбардировке из 14 пушек. 26 декабря Каранай Муратов произвел генеральный штурм Мензелинска. Восставшие шли на штурм с четырех сторон города, под пушечным и ружейным огнем преодолевали ров и реку Мензелю, ворвались в предместье, сожгли гумна и крайние дома города, чтобы создать панику. Ценой огромного усилия гарнизону удалось отбить штурм. После многочасового ожесточенного сражения 10-тысячное войско Караная Муратова вынуждено было отступить, оставив в поле битвы много убитых и раненых, три пушки.

Новой базой повстанческого войска стали подгородные деревни Деухово и Мазино. Блокада Мензелинска продолжалась. Чтобы измотать осажденных, Каранай Муратов ежедневно направлял конные отряды в 200–300 человек, которые близко подъезжали к городу, производили обстрелы из ружей и лука. На них возлагалась обязанность

---

[1] *Алишев С.Х.* Татары Среднего Поволжья в Пугачевском восстании. Казань, 1973. С. 88.

[2] Там же. С. 99–100.

не допускать выезда из города за сеном, дровами и провиантом, прорыва правительственных команд в город на помощь осажденным[1].

Власти встревожились положением в районе Мензелинска. Генерал Ф.Ю. Фрейман вызвал из Бугульмы команду капитана Н. Евсеева. Узнав о приближении этой команды, Каранай Муратов объявил сбор повстанческих сил, рассеявшихся после неудачного генерального штурма. В своем «Повелении» он писал: «От меня, армейского главного полковника Караная Муратова повелевается имеющимся во всех местах армиям и в протчих деревнях армейским главным: понеже слышно, что едущая неприятельская партия, коя еще не доехала до Мензелинска за 20 верст, с намерением во оной въехать, и затем я уже с ымеющимся при мне собранием выступил, да и вы со всеми же собраниями доезжайте сею ночию в Старую Тазов для остановления тех неприятелей». Каранай требовал, чтобы «находящиеся в разных деревнях армейский народ доставлению друг к другу старалися с подводами»[2].

Характерной чертой для любого крестьянского восстания, в том числе и крестьянских войн, является слабая дисциплина, стихийность действий повстанческих сил. В отличие от остальных повстанческих районов, где преобладали привычные к военной дисциплине служилые сословия: казаки, башкиры, калмыки, традиционно организованные заводские крестьяне, в Западном Башкортостане значительный удельный вес восставших составляли русские и нерусские ясачные крестьяне. Они вели оседлый образ жизни, были привязаны к своему дому, при каждом случае неудачи бежали домой. Нетрудно представить, с какими сложностями приходилось сталкиваться Каранаю Муратову для поддержки дисциплины и организации общенародной борьбы. Так случилось и с отражением прорыва карательной команды Н. Евсеева в Мензелинск. Видимо, Каранаю Муратову не удалось в короткие сроки собрать повстанческие силы, и Евсеев без особых осложнений прорвался в город.

Помимо организации осады и штурмов Мензелинска, активных действий в районах Бакалинской и Нагайбакской крепостей, Каранай Муратов вкладывал много усилий для общего руководства повстан-

---

[1] *Алишев С.Х.* Указ.соч. С. 99–100.

[2] Документы Ставки Е.И. Пугачева С.146.

ческим движением в Западном Башкортостане. В его подчинении действовали пугачевские полковники Аит Уразметев и Осип Енгалычев в районе Черемшанской крепости[1]. К востоку от Мензелинска, в уездах Казанской дороги действовал отряд ясачного татарина Надыровой волости, походного старшины повстанцев Ибраша Уразбахтина. Он проводил энергичные меры для мобилизации населения в повстанческое войско Караная Муратова. В своем письме старшине деревни Якуповой еще в начале декабря 1773 года он требовал «приехать всем к походному старшине Каранаю Муратову»[2]. На территории Арской дороги Казанской губернии действовал служилый татарин деревни Псяк, пугачевский полковник Мясогут Гумеров. Его отряд достигал 1700 человек, отдельные команды действовали в окрестностях Казани. Мясогут Гумеров присылал в помощь Каранаю людей и пушки[3]. В Западном Закамье отряды старшин Кузмета Ишметова, Шафея Тойгузина, Шарипа Якупова, сотников Утягана Муратова, Василия Иванова, Назара Алексеева осадили Елабугу[4]. Отряды старшины Юрминской волости полковника Нагайбака Асанова и татарина деревни Аскариной Казанского уезда Аренкула Асеева действовали в районе пригорода Заинска. 15 января 1774 года они штурмом овладели пригородом. В пределах Терсинской волости и Вятской провинции действовали отряды полковника Абдулзелиля Сулейманова и атамана Юскея Кудашева[5].

К январю 1774 года повстанцами были заняты Ижевский, Шаранский, Юго-Камский заводы, крепости Бакалы, Нагайбак, Заинск, села Мамадыш, Акташ. Кроме Мензелинска и Елабуги в осаде находились Черемшанская и Тиинская крепости.

Красноречивое описание обстановки в Западном Башкортостане зимой 1773–1774 годов дал генерал Ф.Ю. Фрейман. Ему была поставлена задача контролировать эту территорию. В конце 1773 года генерал не сумел противопоставить развернувшемуся движению сколько-нибудь организованные действия. Карательный корпус

---

[1] Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 305, 381, 392, 441.

[2] Там же. С. 116.

[3] *Алишев С.Х.* Указ.соч. С. 109, 110.

[4] Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 299–303.

[5] Там же. С. 418, 440.

генерала был изолирован в Бугульме, сообщения с Уфой и Оренбургом были прерваны «бунтующею башкирью», отряды восставших действовали «всегда на переменных санях», снег по мелкости своей нимало им не мешал. Около двух тысяч башкир из его карательного корпуса перешли к восставшим, после чего карательные силы состояли «большей частью из пехоты и остаются без успеха»[1].

Каранай Муратов не только координировал действия повстанческих отрядов, но и сам выезжал на места, где требовалось принимать решительные меры. Так, в декабре 1773 года он во главе отряда из 800 человек прибыл в деревню Туба Терсинской волости, в вотчину помещика Осипа Тевкелева, и «объявил указ царя», крепостных крестьян от имени государя Петра Федоровича объявил свободными, а крепостного крестьянина Тевкелевых Абдулзалилу Сулейманову присвоил чин полковника и назначил старшиной Терсинской волости. Каранай Муратов дал Абдулзялилу большие полномочия «быть ему старшиной, ... в случае, естли явятся государю нашему Петру Федоровичу неприятели, то ему со всею его командою ехать против их», «невыехавших с окольных мест людей взять в службу неволею, а противляющихся в том погублять и имение отнимать»[2]. 24 декабря 1773 года Каранай Муратов вместе с полковником повстанческой армии Ярмухаметом Кадырметовым занял дворцовое село Сарапул[3].

В начале января 1774 года в районе Елабуги собралось около 6 тысяч повстанцев из башкир, татар, русских, удмуртов, которые длительное время держали ее в блокаде. Каранай Муратов решил лично руководить ее штурмом. Писарь Караная Муратова Умар Муртазин 11 января отправил руководителям блокады приказ: « ...приказывается тебе, старшине Шарифу Якубову сыну, сотнику Назару Алексееву, также армейским людям на других местах. Собирайте в окрестностях войска любыми средствами: ныне, очень скоро, будет сражение, будьте в большой готовности. Идет сам атаман Каранай, извещайте об этом во все стороны, не будьте беспечной»[4]. Документ демонстрирует, каким огромным, общепризнанным авторитетом

[1] РГАДА. Ф. 1100. Д. 5. Л. 68 об.

[2] Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 297.

[3] *Гвоздикова И.М.* Указ. соч. С. 347.

[4] Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения. С. 87.

пользовался Каранай среди повстанцев Западного Башкортостана. До прихода Караная было предпринято несколько неуспешных штурмов Елабуги. С приходом Караная ее судьба могла быть решена. Но последующие непредвиденные события вынудили Караная в срочном порядке отложить организацию штурма Елабуги.

26 декабря 1773 года в Казань прибыл новый командующий правительственными войсками генерал-аншеф А.И. Бибиков, опытный каратель. В 1764 году он вместе с князем А.А. Вяземским подавлял волнения заводских крестьян на Урале. В 1771–1772 годах командовал карательными войсками при подавлении восстания польских конфедератов. Приехав в Казань, Бибиков предпринял энергичные меры по мобилизации правительственных войск, их укреплению и укомплектованию. Были определены главные направления наступления карательных войск. В рамках этих планов для подавления восстания в Западном Башкортостане А.И. Бибиков 4 января 1774 года отправил из Казани две карательные экспедиции. Команда полковника Ю.Б. Бибикова отправилась по маршруту Алексеевск–Шешминск–Заинск; команда капитана Г. Кардашевского – по маршруту Арск–Мамадыш–Заинск. Соединившись в Заинске, они должны были идти к Мензелинску[1].

О движении карательных войск на Мензелинск Каранаю Муратову сообщали по многим каналам. 10 января сотники Абдулла Тикметев и Смаил Беккулов из села Сухарево сообщали Аренкулу Асееву об отправке из Казани двух команд «на две дороги», а в Сухареве «якобы быть штату». Об этом же сообщал и сухаревский крестьянин Никифор Михайлов, вернувшийся в тот день из Казани. Тогда же сотник повстанцев Тимербай сообщал атаману В.И. Торнову о приближении карателей[2]. Однако В.И. Торнов никаких мер не предпринимал.

В команде полковника Ю.Б. Бибикова было 4 гренадерские роты, 3 эскадрона гусар с 2 пушками. 13 января около села Сухарево Ю.Б. Бибиков разбил передовые разъезды повстанческого войска Караная Муратова. 14 января он рассеял отряды восставших в деревнях Ерыклы и Туба. 16 января под деревней Аскарино команда Ю.Б. Бибикова подверглась атаке отрядом Аренкула Асеева численностью до 600 человек. Аренкул Асеев потерпел поражение. В тот же день

---

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 72–73.

[2] РГАДА. Ф. 6. Д. 416. Ч. 1. Л. 417; Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 148–149.

Ю.Б. Бибиков подошел к Заинску, занятому накануне повстанческими отрядами Нагайбака Асанова и Аренкула Асеева. Произошло продолжительное кровопролитное сражение, в котором повстанцы потерпели поражение[1]. Рейд Ю.Б. Бибикова сопровождался жестокостью, истреблением мирного населения и сожжением населенных пунктов. 13 января сотник повстанцев Бикбов Муллагулов в рапорте В.И. Торнову сообщал, что каратели во время сражения под селом Сухарево сожгли 2 деревни, потом поступали сведения о сожжении еще 4 деревень[2].

Карательная команда капитана Изюмского гусарского полка Г. Кардашевского в составе 50 гренадер, роты гусар с одной пушкой выступила из Казани 5 января, 7 января прибыла в Арск. В районе деревни Псяк она разбила повстанческий отряд Мясогута Гумерова, затем по Арской дороге подошла к Таишскому заводу и Вятке, откуда направилась к Елабуге, блокированной повстанцами[3].

Получив известие о наступлении полковника Ю.Б. Бибикова на Заинск, Каранай Муратов спешил на помощь повстанцам. Вместо себя для общего руководства повстанческими силами под Елабугой назначил башкирского полковника Шафея Тойгузина, а всем «армейским людям, находящимся под Елабугой», объявил повеление: «Все вы: старшина Кузмет Ишметов сын и исполняющий обязанности старшины сотник Шариф Якубов сын, сотник Назар Алексеев сын, сотник Утяган Муратов сын – не выходите из-под воли старшины Тойгузина и получайте приказ у него, так как мы сами по просьбе мусульманских деревень, которых сожгли гусары, выходя из известного Сухарева, с несколькими командами пошли против них»[4].

Однако Каранаю Муратову не удалось оказать помощи передовым заслоном своего войска. К тому времени, когда он из-под Елабуги направился к Заинску, основные опорные пункты были заняты карателями, а повстанческие отряды понесли поражение. 20 января при штурме Черемшанской крепости потерпели поражение отряды

---

[1] Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 150, 418. Сражения полковника Бибикова с повстанцами в районе Заинска подробно описаны в его рапортах генерал- аншефу А.И. Бибикову. РГВИА. Ф. 20. Д. 1232. Л. 44–46.

[2] Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 150.

[3] Там же. С. 418, 444.

[4] Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения. С. 91.

Аита Уразметева и Осипа Енгалычева, а сами предводители попали в плен[1]. 22 января полковник Ю.Б. Бибиков отправил под Елабугу сильную команду С.Н. Неклюдова. Одновременно к Елабуге подходила карательная команда Г. Кардашевского. Активизировал свои действия гарнизон осажденной Елабуги[2]. Повстанцы вышли навстречу карателям и атаковали их, но потерпели поражение. Остатки повстанцев разбежались, блокада Елабуги была снята. Получив известие о событиях под Елабугой, полковник Ю.Б. Бибиков с основными силами направился к Мензелинску.

В итоге Каранай Муратов, вышедший навстречу Ю.Б. Бибикову, не сумел объединить свои разбросанные отряды, сам оказался отрезанным от основных сил восстания в Западном Башкортостане. Со своим немногочисленным отрядом он спешил к Мензелинску. С приближением карательных сил активизировал свои действия гарнизон осажденного города. Еще 13 января полковник повстанческой армии Асылходжа Мутачев в рапорте В.И. Торнову сообщал: «Ежедневно из Мензелинска неприятели чинят выезды и окольные деревни рубят и губят много людей. А нам итти напротив их и стоять неможно, ибо они палят из больших пушек, а у нас пушек нет». Асылходжа Мутачев просил помочь пушками[3]. В.И. Торнов на рапорт и запросы не ответил. В этих катастрофических условиях к Мензелинску подошел Каранай Муратов и в крайне невыгодных условиях принял командование на себя. 20 января состоялось сражение. Войско Караная Муратова потерпело поражение. В рапорте В.И. Торнову от 21 января Каранай Муратов сообщал: «сего января 20 дня, выступив из города Мензелинска сила, в деревне Сарсазар убито ими пушками и ружьями походных людей 45 человек, да попавшимися в живых, и 50 лошадей. За неимением оружия стоять против тех неприятелей неможно»[4].

Предвидя фронтальное наступление карательных сил на Мензелинск, Каранай Муратов начал укреплять свои силы. 26 января в письме писарю атамана В.И. Торнова Абдулкариму Рахманкулову

---

[1] РГВИА. Ф. 20. Д. 1235. Л. 199 и об.

[2] РГАДА. Ф. 6. Д. 416. Ч. 1. Л. 110–112 об.

[3] Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 149–150, 418.

[4] Там же. С. 152.

он требовал прислать 12 пушек, назначенных для его войска, и двух русских подьячих «безоговорочно срочно». В случае срыва Каранай Муратов грозился «неминуемо репортировать графу Ивану Никифоровичу», то есть Зарубину[1].

В этот критический для повстанческого района момент «медвежью услугу» оказали Бердский и Чесноковский центры. В разгар восстания в Западном Башкортостане указом от декабря 1773 года Е.И. Пугачев назначил В.И. Торнова (Персиянинова) атаманом Нагайбакской крепости. В.И. Торнов, перс по происхождению, уроженец города Мецхед, с 1756 года жил в России среди ставропольских калмыков. В октябре 1773 года примкнул к восстанию и служил в полку Т.И. Падурова под Оренбургом. Особым организаторским и полководческим даром не выделялся. Во второй половине декабря 1773 года он с 4 казаками в качестве эмиссара «императора» явился в Нагайбак. Позже сюда же И.Н. Зарубин направил своего племянника, повстанческого полковника И.И. Ульянова.

В отечественной исторической литературе утвердилось мнение, что Е.И. Пугачев послал В.И. Торнова для организации и осуществления общего руководства Мензелинским повстанческим районом. И что свои задачи успешно выполнил[2]. Однако задачи и роль Торнова в этом районе сильно преувеличены. Он был назначен не предводителем Мензелинского повстанческого района, а атаманом Нагайбакской крепости. На допросе Е.И. Пугачев сообщал, что он В.И. Торнова полковником не назначал. Сам В.И. Торнов на следствии в Казанской секретной комиссии о цели своего приезда в Нагайбак объяснял: «собрав команду, не допускать башкир до раззорения жителей, тож и препятствовать военным командам в проходе в Оренбург»[3]. Следовательно, Е.И. Пугачев направил В.И. Торнова в Мензелинский повстанческий район для устранения национальной розни, якобы совершаемой башкирскими предводителями. В указе, выданном Е.И. Пугачевым В.И. Торнову в Бердской слободе 15 декабря 1773 года, говорится: «... собравшись командою, кто не поддается, то ему дана власть рубить без всякого прекословения без останов-

[1] Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 153, 419.

[2] Крестьянская война в России. Т. II. С. 234–236; Т. III. С. 35; *Андрущенко А.Н.* Указ. соч. С. 145–147.

[3] РГАДА. Ф. 6. Д. 431. Л. 30 об.

ки, и без крику, и без стону»[1]. Е.И. Пугачев и И.Н. Зарубин своим эмиссарам всегда давали неограниченные полномочия, «право безоговорочно и незамедлительно, без слов и без шума вешать и рубить тех, кто не покорился»[2]. В жестокости обращения с населением В.И. Торнов оправдал надежды «царя» и превзошел данные ему полномочия.

Что касается трений на национальной почве среди повстанцев Мензелинского повстанческого района, они не носили массового характера и проявлялись не по инициативе башкирских предводителей. Так, старшина ясачных татар Калнинской волости Ишкильда Ишмурзин в декабре 1773 года сообщил В.И. Торнову о случае грабежа, насилия и обид командирами повстанческих отрядов «безвинных людей» в окрестностях Казани, что эти предводители «сюда, к Мензелинску и к Бугульме, где сражение быть может, не приезжают»[3]. Жители Коринского медеплавильного завода 14 января 1774 года обратились к повстанческому сотнику Назару Алексееву с просьбой вернуть им неправильно конфискованные имущества[4].

Из этих документов видно, что грабежи и насилия осуществлялись не на почве национальных розней и не по инициативе башкирских командиров. Например, в январе 1774 года старшина ясачных татар Юрминской волости Смаил Беккинин в своем рапорте В.И. Торнову сообщал, что по жалобе жителей деревни Емаш Смаила Теменеева и его отца Теменея он наказал трех повстанцев татар: Абдюша Сулейманова из деревни Наратасты, Абдулзалиля Азметева из деревни Ямады и Имангула Сабанева из деревни Теменяк, «которые, будучи в том доме, захватя жен, чинили разные безчеловечные обиды и пили мед, да сверх вынули преснаго меду два ведра». Обидчиков было четверо, но один из них сбежал. Остальных троих «за ту их вину, по разбирательству наказал плетью, и таки заставил в службу»[5]. Таким образом, татарское население грабили татарские повстанцы.

Прибыв в Нагайбак во второй половине декабря 1773 года, В.И. Торнов собрал отряд из казаков, башкир и татар численностью

---

[1] *Овчинников Р.В.* Манифесты и Указы Е.И. Пугачева. М., 1980. С. 87–88.

[2] Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения. С. 51.

[3] Документы Ставки. Е.И. Пугачева. С. 147.

[4] Там же. С. 298–299.

[5] РГАДА. Ф. 349. Д. 7304. Л. 3 об.–4 об.

400–500 человек и начал укреплять крепость. Он развернул обширную переписку с предводителями повстанческих отрядов, старшинами и рядовыми представителями местного многонационального населения. Такая активная переписка позволила исследователям сделать вывод, что В.И. Торнов, прибыв в Нагайбак, развернул активную повстанческую деятельность по руководству повстанческим войском района, что в его отряд «вступали целиком ранее уже сформированные команды Караная Муратова и Кидраса Муллакаева»[1]. Действия Караная Муратова и его сподвижников происходили с середины декабря 1773 года, а попытка объединения сил повстанцев В.И. Торновым происходила в конце февраля 1774 года. Кидрас Муллакаев и другие башкирские полковники действовали под Елабугой, Каранай Муратов осуществлял руководство повстанческим движением во всем Западном Башкортостане, а повстанческая деятельность В.И. Торнова ограничивалась Нагайбакской крепостью и ее окрестностями. Общепризнанным руководителем повстанческого движения в Западном Башкортостане В.И. Торнова сделали не реальные его действия, а советские историки. Что касается обширной переписки, более реально его связи действовали с Чесноковским центром. Из достаточно богатого архива походной канцелярии В.И. Торнова нельзя назвать ни одного документа, где бы можно было найти положительный ответ на обращения других командиров и оказание реальной помощи живой силой, пушками или оружием. Даже те пушки, которые он получил в Чесноковском центре для обороны Мензелинска, до адресата не дошли. Каранай Муратов 26 января 1774 года в письме писарю В.И. Торнова Абдулкариму Рахманкулову писал: «... мы уведомились, что посланы до вас прямо две пушки, а к нам 10 пушек, к коим послал встречу трех человек, только они еще не возвратились»[2].

Таким образом, направление в Мензелинский повстаческий район В.И. Торнова и наделение его неограниченными полномочиями не принесли ожидаемых результатов, а привели к разладу в руководстве. Реальным предводителем оставался Каранай Муратов, а своими активными, но бесплодными переписками В.И. Торнов раз-

[1] Крестьянская война в России. Т. II. С. 235.

[2] Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 153.

дувал интригу, способствовал ослаблению дисциплины в повстанческих рядах и авторитета командиров.

А между тем обстановка в Западном Башкортостане продолжала обостряться. После поражения 20 января под Мензелинском Каранай Муратов обращался к В.И. Торнову с требованием прислать пушки. С аналогичной просьбой и угрозой рапортовал он Зарубину, 26 января обращался к писарю В.И. Торнова Абдулкариму Рахманкулову. Однако помощь из Нагайбакской крепости не последовала. И.И. Ульянов, убедившись в необходимости серьезной помощи повстанческому району, вернулся в Чесноковку. В таких условиях разброда в руководящем составе повстанческого района 31 января 1774 года полковник Ю.Б. Бибиков под Мензелинском нанес Каранаю еще одно поражение.

Еще в начале января, по мере усиления натиска карательных войск, В.И. Торнов обратился в Чесноковский лагерь с просьбой прислать подкрепление, пушки и порох. Своим ордером от 17 января 1774 года И.Н. Зарубин на его просьбу ответил, что он получил рапорт, где вы «... требуите присылкою к вам ружейных команду казаков; а по неимению здесь таковых, много ружейных послать неково». «Граф» предлагал «старатся вам, сколько можно, собирать казаков из тамошних пределов. Да и пушек ныне еще, (зделанных) и з завода привезенных, нет; а когда будит зделаны и привезены, тогда и к вам присланы быть имеют»[1]. Не удовлетворившись таким ответом, В.И. Торнов сам поехал в Чесноковку и вернулся в Нагайбак с 3 пушками и 2 пудами пороха[2]. После потери Нагайбакской и Бакалинской крепостей В.И. Торнов и Каранай Муратов вместе поехали в Чесноковку, оттуда – в Берду. В повстанческом центре ходокам никакой помощи не оказали. Для моральной поддержки Военная коллегия пожаловала В.И. Торнову звание «атамана» и велела вернуться в Нагайбакскую крепость.

Пока В.И. Торнов и Каранай Муратов отсутствовали в Мензелинском повстанческом районе произошли серьезные события. 10 февраля полковник Ю.Б. Бибиков захватил Нагайбак, выбив оттуда повстанческий отряд, которым командовали башкирские полковники

---

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 79.

[2] Крестьянская война в России. Т. II. С. 235.

Китдрас Муллакаев, Ишкара Арасланов, Каип Зиямбетев и Муратша Сыртланов. 11 февраля пала Бакалинская крепость[1]. После этого карательная команда Ю.Б. Бибикова отбыла в Бугуруслан и влилась в корпус генерала П.М. Голицына, наступающего на Оренбург. Для подавления движения в Западном Башкортостане и наступления на Уфу в Бугульму прибыл карательный корпус генерала А.Л. Ларионова, который состоял из легиона казанских дворян-добровольцев, Томского пехотного полка, эскадрона гусар и эскадрона карабинеров[2]. Несмотря на ряд поражений и потерю опорных пунктов, повстанцы еще сохраняли свои основные силы.

И.И. Ульянов, которого И.Н. Зарубин вторично отправил в Нагайбак с «пушками и многочисленною шайкою», 18 февраля штурмом занял Бакалы и Нагайбак. К этому времени карательной команды Ю.Б. Бибикова в этом районе уже не было. Вернувшегося в Нагайбак В.И. Торнова И.И. Ульянов заподозрил в умышленной задержке и арестовал. Но последний обратился в Военную коллегию, которая оправдала его, и Торнов был освобожден[3]. Борьба между двумя эмиссарами приходилась на период временного затишья, когда Ю.Б. Бибиков ушел к П.М. Голицыну, а генерал А.Л. Ларионов медлил со своим наступлением. Благоприятные условия для укрепления повстанческого фронта было упущено безвозвратно.

Пока В.И. Торнов и И.И. Ульянов делили между собой роли, повстанческие отряды оказались без единого руководства. 19 февраля походный старшина В. Еремкин в рапорте В.И. Торнову сообщал, что Каранай Муратов требовал явиться в деревню Текермен, но сам в этой деревне не оказался. Житель деревни Саклов-Баш башкир Халай Нуркин информировал, что «он, Мратов, с командою уехал в деревню Бекбову»[4]. Из этого документа можно сделать такое предположение, что В.И. Торнов и Каранай Муратов из Берды вернулись вместе. Но затем В.И. Торнов где-то задержался, а Каранай Муратов сразу поехал к своим войскам. Но былого полномочия у него уже не было. Эмиссары Е.И. Пугачева и И.Н. Зарубина от общего руко-

[1] Крестьянская война в России. Т. II. С. 236.

[2] Крестьянская война в России. Т. III. С. 35.

[3] РГАДА. Ф. 6. Д. 431. Л. 32 и об.

[4] Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 150.

водства повстанчским войском оттеснили его на второй план. В результате они сами бездействовали, а Каранай Муратов вынужден был действовать локально. В начале марта 1774 года башкирские полковники Каип Зиямбетев, Кидрас Муллакаев и Муратша Сыртланов в рапорте в Военную коллегию выразли свою обеспокоенность усилением наступления карательных войск и «верных» старшин, ослаблением повстанческих сил, плохим вооружением и отсутствием единого предводителя для войск под Мензелинском. Поэтому они просили «прислать сюда атамана Алибая Мурзагулова, ибо здесь главного начальника, коему б был народ послушан, не имеетца, кой бы тому народу, подпорою быть мог»[1].

Трагические события февраля-марта 1774 года в Западном Башкортостане в исторической литературе мало изучены и читатели о них недостаточно осведомлены. Поэтому проследим наиболее важные из них, чтобы ввести читателя в общий курс восстания в Западном Башкортостане в начале весны 1774 года, самого сложного периода Крестьянской войны.

В конце февраля корпус генерала А.Л. Ларионова вышел из Бугульмы в направлении к Нагайбакской крепости, которую занял 6 марта. В.И. Торнов и башкирские повстанческие полки укрепились в деревне Стерлитамак, куда и направился из Нагайбака Ларионов. 10 марта В.И. Торнов сдал деревню Стерлитамак без особого сопротивления. Долго и упорно сопротивлялась Бакалинская крепость во главе с И.И. Ульяновым. Регулярному полку полковника Н.Н. Кожина удалось захватить ее лишь 13 марта. Бакалинская крепость была последним опорным пунктом Мензелинского повстанческого района.

После падения Бакалинской крепости И.И. Ульянов отправился в Чесноковку, а В.И. Торнов после сдачи деревни Стерлитамака приступил к сбору нового войска. Но он действовал грубо, обращался с жителями жестоко. Татарин Новой Казанской слободы, участник восстания Измаил Токтамышев на допросе в Казанской секретной комиссии дал В.И. Торнову нелестную оценку: «...весьма усерден был к самозванцу и поступал с противниками бесчеловечно»[2]. О жестокости В.И. Торнова в обращениях с иноверческим населением

[1] Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 118–119.

[2] РГВИА. Д. 20. Оп. 47. Д. 8. Л. 44 об.

ходили легенды. В своем рапорте от 10 апреля его соратники, башкирские полковники Кидрас Муллакаев, Каип Зиямбетев и Ишкара Арсланов в Уфимскую провинциальную канцелярию писали: «...погубил многих невинных людей повешением и порублением, а иных замучил побоем до смерти»[1]. Иван Князев, повстанец из отряда Торнова, на допросе говорил о том, что приехав в деревню Бишкуразово, В.И. Торнов «заколол неизвестно за что трех человек»[2]. Таким образом, В.И. Торнов терял авторитет среди своих соратников и среди населения. В итоге 8 апреля башкирские полковники во главе с Кидрасом Муллакевым арестовали его и сдали в руки властей. В рапорте они докладывали, что «учиня несколько сражений, ево, Торнова, с товарищами поймали»[3]. Это произошло в деревне Бишкуразово, где располагался на ночлег отряд В.И. Торнова.

Таким образом, Мензелинский повстанческий район перестал существовать. Подполковник И.И. Михельсон, который земенил медлительного и нерешительного генерала А.Л. Ларионова, повел свой карательный корпус на Чесноковку. Роль Караная Муратова как главного командира повстанческого движения в Западном Башкортостане признается в письме секретаря повстанческой Военной коллегии М.Д. Горшкова В.И. Торнову от 19 марта 1774 года, где он просит «...засвидетельствовать мой нижайший поклон господину полковнику Каранаю Муратову»[4].

Версия о том, что весной 1774 года Каранай Муратов вместе с другими башкирскими предводителями скрывался в лесах под Бирском и вел борьбу против карательных команд майоров С. Тютчева и О.И. Дуве, «верных» мишарских старшин Аблая Смаилова, Мендея Тупеева, Султанмурата и Бахтияра Янышевых, не подтверждается источниками. Авторы ссылаются на «Объявление» Бахтияра Канкаева, что в мае 1774 года Каранай Муратов своим тысячным отрядом преследовал Султан-Мурата Янышева[5]. Объявление полковника Бахтияра Канкаева малоубедительна, ибо оно состоит из явных вымыслов.

---

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 127.

[2] РГАДА. Ф. 6. Д. 507. Ч. 5. Л. 526 об.

[3] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии С. 127.

[4] Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 368.

[5] РГАДА. Ф. 6. Д. 418. Л. 21–22; Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 314–315.

Более вероятно, что весной 1774 года после поражения главных повстанческих сил Каранай Муратов вернулся домой и выжидал у себя дома, копил силы. В мае 1774 года в районе Стерлитамакской пристани он вновь развернул свою повстанческую деятельность. 20 мая Ибрагим Мрясев в рапорте мишарскому старшине Муксину Абдусалямову сообщал, что «вожак сотник Каранай Муратов с собранными заблудившимися ворами башкирцами, всево сот до шести человеками» действует в бассейнах рек Дема и Ашкадар[1]. У Караная Муратова был крупный и боеспособный отряд – 600 опытных воинов. В том же рапорте сообщается, что Каранай Муратов «следующих с Ашкадарской пристани к Бугульме триста гусар близь реки Демы в полях деревни Каркали атаковал, да в одном месте разъездных человек с сорок побил». Каранай Муратов продолжал поднимать башкир бассейна реки Демы на восстание, о чем Ибрагим Мрясев сообщал в том же рапорте: «И в окольности тут живущих старшин в товарищество к себе ззывает с такими угрозами: естли которой волости народ ево слов не послушает, то таковых с собранными до трехсот человек калмыками и до шестисот башкирцами, поехав, в каждой деревне людей будет рубить, а начальников вешать».

В рапорте в Уфимскую провинциальную канцелярию от 22 мая Ибрагим Мрясев уточняет детали столкновения Караная Муратова с гусарами: «...изменнической начальник Бурзянской волости сотник Каранай Мратов с собранными им беглыми и заблудшими до 600 человеками, бежавших 300 человек калмыков взяв к себе в товарищество, следовавших со Стерлитамакской пристани к Бугульме 300 человек гусар при реке Деме, у деревни Каркали, отаковав, вел до состоящей по реке Ашкадару деревни башкирской, которые называются Мурзаларцы, в которой есть и мечеть, куда те гусары, вошед, против их вооружились, и из ымеющих при них четырех пушек и ружей отстреливаютца А он, вор Каранай, не допуская их до пристани, окружа, тут держал»[2].

Тогда же, 22 мая, в Уфимскую провинциальную канцелярию обратились мишарские старшины Мендей Тупеев и Аблай Смаилов. Они сообщали: «18 числа сего майя, отправившийся с пристани

---

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 152.

[2] Там же. С. 156.

с командою майор идущего за ним и известного вора Караная с собранными им подобных себе ворами и с самыми теми, с которыми в прошедшей зиме, разъезжая, грабил заводы и боярские жилища, Юрматынской и Тамьянской волостей башкирцами, слышно да, что и калмык до шестидесяти с ним было, под деревней бил, а оставшиеся в бег обратились»[1]. Из этого сообщения видно, что костяк его повстанческого отряда составляли башкиры Бурзянской, Тамьянской и Юрматинской волостей.

Разумеется, борьба не состояла из одних триумфальных побед восставших. 18 мая Каранай Муратов потерпел поражение от регулярных частей, но сохранил свой боеспособный отряд и продолжал его наращивать. В том же рапорте, ссылаясь на информацию Ибрагима Мрясева, Мендей Тупеев и Аблай Смаилов с тревогой сообщали, что «выше писанный Каранай к живущим по рекам Деме и Уршаку старшинам прислал людей с тем, чтоб они с командами их в самой скорости к нему ехали, а естли не будут, то де идущия к нему до шестисот человек калмыки уже скоро будут, коих де он пошлет к ним, и жительства их велит грабить, а самих их рубить». Это навело на «верных» старшин животный страх: «Почему пришед он, Ибрагим, в страх, просит к себе команду». Просили помощи у власти и сами мишарские старшины: «И так по сему из города, хотя немного, команды поскорее с пушками выслать, и для набранных здесь команд пороху и свинцу прислать. И сей ли хотя немного военной команды требует, то и здешняго народа и еще воскомандировали б»[2].

Общее моральное состояние и страх «верных» старшин ярко и полно выразил Кидрас Муллакаев в своем рапорте в Уфимскую провинциальную канцелярию 24 мая 1774 года: «...живущий в вершинах реки Уршаку Каранай Муратов присовокуплял к себе бежавших калмык, делает ея императорскому величеству противности. Однако же выступившими из пристани воинскими командами разбит и несколько из них побито. И ныне слышно, что он, разведывая о Пугачеве в нашем крае находящемся, в усердии народу хочет учинить вред»[3]. Кидрас Муллакаев выразил общую тревогу: «прошу сего зло-

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 592. Л. 432.

[2] Там же. Л. 433.

[3] Там же. Л. 529.

дея ныне в коротком времени постараться поймать и тем весь наш народ от ево злого намерения избавить. А если он пойман не будет и напоследок подобный себе заблудших набрав, умножит, то тогда и поймать его будет трудно... Когда б собранным старшиною Аблаем Исмаиловым командам хотя небольшая воинская команда с пушками прислана была, чтоб ево поймать было можно».

Любопытно, что без помощи регулярных команд ни башкирские, ни мишарские «верные» команды, ни командиры крепостей не могли выступить против Караная Муратова даже объединенными силами.

Действия Караная Муратова летом 1774 года являются еще одной яркой страницей в его повстанческой деятельности. Если на первом этапе Крестьянской войны он проявлял талант предводителя целого повстанческого района и общепризнанного полководца огромного войска, летом 1774 года он успешно совмещал в своих действиях тактику позиционного противостояния с тактикой «летучего эскадрона». Основным районом действия его отряда были бассейны среднего течения рек Дема, Ашкадар и Стерля. Иногда он шел на соединение с другими башкирскими предводителями для решения общих крупномасштабных задач, а иногда совершал многоверстные марши. И всегда слухи и слава о нем шли впереди, опережая его.

Энергичные действия Караная Муратова в конце мая ввергли в тревогу и страх не только «верных» башкирских и мишарских старшин, но и военные власти. Мишарские старшины Муксин Абдусалямов и Ишмухамет Сулейманов в рапорте в Уфимскую провинциальную канцелярию от 28 мая писали: «Того ради, оной Уфимской провинциальной канцелярии через сие представляем и нижайше просим: дабы повелению было для поимки оного злодея, башкирского сотника Караная, снабдив нас повелением в том, чтоб имеющийся при нас мещерской команде, тридцати человекам, быть здесь, под городом Уфою в селе Чесноковке в команде регистратора Лутохина для разъезду под нынешней опасности, а старшине Аблаю с командою своею, в числе двух стах пятидесяти человеках повелено б было следовать по Табынскому тракту к показанной пристане, где ево, злодея Караная, собрание состоит»[1]. Как видно из данного документа,

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 163.

мишарские «верные» старшины в страхе готовы были служить властям и предлагали целую программу борьбы с Каранаем Муратовым. Комендант Табынской крепости майор И. Маршилов в экстракте комендантской канцелярии зарегистрировал, что один из агитаторов Караная, чувашин из деревни Асавтамак, 26 мая в селе Куганак объявил: «...на татарском диалекте с письмом писанным от старшины Каранайки с тем, чтоб с того села отправлено было к нему, Каранайке, жителей 30 человек с таким устрашением: естли оных людей из села не пришлется, то де совсем оное село созжено и истреблено бутет, почему де того села сотник Лаван, то число людей командировав, тому присланному и отдал»[1].

По мере развертывания движения сведения о действиях Караная Муратова и других предводителей продолжали поступать в Уфимскую провинциальную и Оренбургскую губернскую канцелярии. Из них просматривается, что летом 1774 года Караная Муратова признавали главным предводителем восстания на Ногайской дороге. 29 мая в Уфимской провинциальной канцелярии доставленный туда татарин Кутлумет Тойметев дал показания, что в деревню Ишлину вступил повстанческий отряд «человек з двести, ис которых де главным предводителем мещеряк Канзафар Усаев, вторым – ясашной татарин Аллагул Акаев. А они де поедут в главную толпу, которой де под командою предводителя Караная Мратова более будет девяти тысяч с пушками к Стерлитамакской, а оттоль де поспешать будут к городу Уфе. Там ж де соединиться с ними может и сам Пугачев, а также старшина Качкын Самаров, с которым де две тысячи калмыков и башкирцев с тысячу»[2]. Сведения о 9 тысячах повстанцев и пушках в отряде Караная Муратова, а также их планы соединиться под Уфой с Пугачевым явно преувеличены. Как гласит русская поговорка: «У страха глаза велики». Но факт признания Караная Муратова «главным» предводителем не подлежит сомнению.

О том, что в начале лета 1774 года Каранай Муратов господствовал в центре Ногайской дороги, в бассейнах рек Дема, Уршак, Ашкадар и Стерля, красноречиво рассказывает рапорт мишарских «верных» старшин Муксина Абдусалямова и Ишмухамета Сулейманова

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 164–165.

[2] РГВИА. Ф. 20. Д. 1239. Л. 42 об.

в Уфимскую провинциальную канцелярию от 28 мая: «... злодей башкирский сотник под Стерлитамакскою пристанью, которой по учреждении от своей злодейской партии по тракту как до той пристани, так и до пригорода Табынска караулов, расстоянием от нашей деревни Бузовьязовой верстах в двадцати, разъезды имеет. И проезду от нас по пресечении оными злодеями по тому тракту не имеется. Для поимки же оных злодеев состоящего в деревни Термах за Демой рекой с командою старшину Аблея чрез нарочно посланных от оного людей просили, но оной не поехав»[1].

Даже когда полковник И.К. Рылеев со своим Санкт-Петербургским карабинерным полком прибыл в Стерлитамакскую пристань, не смог сообщить об этом в Уфимскую провинциальную канцелярию. 23 мая им был отправлен солдат Скорин из Табынской крепости в Стерлитамакскую пристань «водяною каммуникацию», то есть по реке Белой на лодке, так как на суше все дороги были под контролем отряда Караная. Но 26 мая Скорин вынужден был вернуться восвояси, так как не доплыв до пристани 15 верст, его остановил «от злодеев башкирцов караул». Те начали «по ним из ружей палить и из луков стрелами стрелять»[2].

Перекрыв сообщение между Стерлитамакской пристанью и Табынской крепостью, тем самым и между Уфой и Оренбургом, Каранай Муратов пытался взять под свой контроль и Ново-Московскую дорогу, где курсировал карательный корпус полковника П.А. Шепелева. В своем рапорте от 27 мая в Уфимскую провинциальную канцелярию Кидрас сообщил: «Намерение ж их простирается: чтоб находящегося в помянутой деревни Дюсметевой с воинскими командами реченного полковника Шепелева разбить, а потом и живущей в реке Деме, сторожащей мою, Кедрячеву сторону народ вырубить»[3].

И этот отчаянно смелый план Каранай Муратов собирался реализовать через неделю с небольшим после поражения от И.К. Рылеева 18 мая под деревней Уршакбаш- Карамалы. Многоопытный Кидрас дал тонкий анализ как обстановки на юге Башкортостана, так и реальных возможностей повстанческого войска Караная Муратова.

---

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 163.

[2] Там же. С. 165.

[3] РГАДА. Ф. 1100. Д. 8. Л. 17.

Он чистосердечно признавал, что Каранай Муратов очень быстро оправился от неудачи, вновь усиливается и поднимает башкир Ногайской дороги на восстание: «В окольности находящихся всех и по реке Деме Иклинской, Кули-Минской волостей и команды моей отделявших к старшине Каипу Зиямбетову, Кипчакской волости башкирцов собрал». У Караная Муратова оказался Юламан Ильясов, помощник Кидраса Муллакаева. Даже башкиры деревни Бурангулово Кара-Табынской волости Умитбай Бурангулов с «родственниками, всего семью дворами, согласясь с помянутым Каранаем, условливаются: когда де он, Каранай, разобьет помянутого полковника, то де он, Умитбай, и меня, Кидрача, срубит». А эти башкиры из команды самого Кидраса Муллакаева из Кара-Табынской волости, где многие десятки лет он был и оставался старшиной. Естественно, страх Кидраса Муллакаева был огромный. И он взмолился перед Уфимской провинциальной канцелярией: «И так я, в рассуждении сих их условий, явствуемую провинциальную канцелярию прошу поскорее, пока сия злодеи не усилились, постараться их переловить. А когда ныне пойманы не будут, то они народ в гибель приведут»[1].

Таким образом, назревал раскол башкирского общества на два воюющих лагеря. Насмерть напуганные «верные» старшины стали перевозить свои семьи в районы дислокации правительственных войск. А рядовые башкиры стали склоняться на сторону восставших. Правительственный агент татарин Губайдулла Уразаев в рапорте полковнику Н.Н. Кожину предупреждал: «... на сем часу догадываюсь о состоянии башкирского народа, что они, сев на конь, следовать будут, переправясь через реку Дему, по другую сторону, якобы для поимки злодеев. Токмо в мыслях их не то: ежели возможность их будет, поража нескольких российских полков, совокупятся с находящимися по Белой башкирцами»[2].

Начало лета 1774 года было ознаменовано новым мощным подъемом народного восстания на всей территории Башкортостана. Е.И. Пугачев со своим Главным войском стремительно продвигался по Зауральскому Башкортостану, поднимая башкир, заводских и черносошных крестьян, нерусские народы Исетской провинции. 2 июня

[1] РГАДА. Ф. 1100. Д. 8. Л. 17.

[2] Там же. Л. 17 и об.

к Главному войску присоединилась конница Салавата. После сражения под деревней Мясагутова 5 июня Е.И. Пугачев в сопровождении Салавата Юлаева и И.Н. Белобородова двинулся через Северный Башкортостан, поднимая народные массы этого региона в восстание, к Казани. Тем временем на Южном Урале отряды восставших башкир штурмовали крепости и заводы. Была захвачена Уртазымская крепость сводным повстанческим отрядом старшины Бурзянской волости Трухмена Янсаитова, сотника Тангаурской волости Юлдыбая и отставного старшины Усерганской волости Сабира Кутлунбекова. По сообщению башкира Умера Антыкова на допросе, они «бывших тут солдат и обывателей всех без изъятия порубили и жительства выжгли; причем взято ими в оной крепости пушек медных две, пороху 15 пуд»[1]. 3 июня в блокаде оказалась Зилаирская крепость. Коллежский советник И.Л. Тимашев вел тяжелые бои с осаждавшими башкирскими отрядами. Кроме башкир Бурзянской, Тангаурской, Усерганской и Карагай-Кыпсакской волостей среди восставших были казаки, калмыки и заводские крестьяне. Восставшие захватили и сожгли Преображенский завод. Повстанческие отряды действовали на юге Башкортостана, нападали на карательные команды вдоль Ново-Московской дороги[2].

4 июня отряды Арслана Рангулова, Буляка Якупова и Аладина Фелякова штурмом овладели городом Бирском. Повстанческие предводители стихийно стремились к объединению своих сил в районе Уфы. Над административным центром провинции нависла угроза. 16 июня уфимский комендант полковник С.С. Мясоедов в очередной раз обратился к исполняющему обязанности командующего карательными войсками генерал-поручику Ф.Ф. Щербатову с просьбой прислать воинские команды с пушками, ибо «опасность же от злодеев время от времени умножается, и, как по известиям видится, стремятся на город Уфу с трех сторон, то есть с Ногайской, Осинской и Сибирской дорог»[3].

25 июня С.С. Мясоедов получил рапорт И.И. Михельсона, который неверно информировал о намерениях Е.И. Пугачева и Салавата

---

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 170–171.

[2] Там же. С. 178–179.

[3] Там же. С. 385.

Юлаева идти на Уфу[1]. В тот же день С.С. Мясоедов отправил рапорт И.А. Рейнсдорпу о приближении опасности к Уфе с юга. Опасность действительно подошла к Уфе с юга, хотя Е.И. Пугачев и Салават Юлаев в это время были на севере Башкортостана. В 50 верстах южнее Уфы, в районе деревень Бузовьязы, Атзитярево и Токаево появился трехтысячный сводный отряд башкир Кси-, Дуван-, Калчир-Табынских, Уршак-Минской, Телтим-Юрматынской волостей Ногайской дороги. В отряде были также мишари и ясачные татары. По сведениям Абти Тевкелева, восставшие имели намерение идти на Уфу. 27 июня под деревней Амантаевой недалеко от села Чесноковки произошло сражение отряда с карательным корпусом полковника Л.Я. Якубовича. Повстанцы потерпели жестокое поражение, погибло около 2 тысяч башкир[2]. Сводный отряд возглавляли Аккучук Таиров, Ишкина Аисов, Мурадым Абдрахманов, Утяган Муашев и другие башкирские старшины Ногайской дороги.

В этих условиях всеобщего подъема народного движения разворачивались и события в центре Ногайской дороги. «Верные» башкирские старшины под напором народных масс вынуждены были вернуться в лагерь повстанцев и временно возглавить движение. Масштабы движения были настолько велики, что карательному корпусу генерала П.М. Голицына, разгромившему Главное войско Е.И. Пугачева под Татищевой крепостью и Сакмарским городком, для продвижения от Оренбурга до Уфы потребовалось более месяца. Выступив из Оренбурга 5 июня, корпус прибыл в Уфу 12 июля. Военные и гражданские власти Уфы на корпус П.М. Голицына возлагали большие надежды. Командующий карательными войсками генерал Ф.Ф. Щербаков 4 июля отправил приказ П.М. Голицыну «ускорить прибытием ево в Уфу и проходом своим Белую реку очистить, а там восстановить коммуникацию от Оренбурга с Уфою»[3].

Однако корпусу П.М. Голицына приходилось буквально пробиваться сквозь бушующее пространство, отбиваясь от бесконечных нападений, вступая в мелкие и крупные сражения. В рапорте Ф.Ф. Щербатову от 13 июля П.М. Голицын писал: «Всеми силами

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 199.

[2] РГАДА. Ф. 1100. Д. 9. Л. 376–377.

[3] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 202–203.

старался, исполняя оное [приказ от 4 июля], приумножить форсированными маршами, хотя с крайним изнурением для людей и лошадей, паче от несносных жаров, которые в здешних местах отменно чувствительны. Но между тем, имел немалые остановки от скопищ злодейских, встречающихся на моем пути, которые многолюдством отымали всю коммуникацию с расположенными деташментами в Стерлитамакской пристани и в Табынске, окружая беспрестанно оныя»[1].

Наиболее значительным было сражение, которое произошло 5 июля под Стерлитамакской пристанью. Сводный отряд восставших башкир численностью около двух тысяч человек решил сходу атаковать левую колонну корпуса П.М. Голицына, находящегося в марше. Многотысячному регулярному корпусу, хорошо вооруженному артиллерией и огнестрельным оружием, усиленному полками гусар и донских казаков, не составило большого труда разбить повстанцев. Сражение представляло страшную картину. Восставшие башкиры вынуждены были спастись бегством. Конница карателей преследовала повстанцев более 40 верст. П.М. Голицын с удовлетворением описывал завершение боя: «Отороплennыя башкиры спасали свою жизнь, опрокинувшись частию большею к реке Белой, но, не найдя настоящего броду, кидалися вплавь. От превеликого жару разгоревшия лошади не могли переплыть быструю реку. Множество потонуло, а иныя на берегу побиты, потерпев превеличайшей урон». Из двух тысяч повстанцев «тел мертвых найдено на месте и з преследованными 320; сверх того, по рапорту полковника Денисова, потоплено в реке множество, и что большое число на ту сторону могли спастись. В плен взято 28»[2].

Сводный отряд возглавляли вернувшиеся в лагерь повстанцев Алибай Мурзагулов, Ибрагим Мрясев, Каип Зиямбетев, Ильчигул Таймасов, Аслай Курмакаев и Кидрас Муллакаев. Опытные военные предводители, совершенно не используя традиционную партизанскую тактику башкирской конницы, опрометчиво бросились всей массой на хорошо вооруженное регулярное соединение, вследствие чего потерпели страшное поражение и понесли огромные потери.

---

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 206.

[2] Там же. С. 216–217.

За всю Крестьянскую войну ни один башкирский отряд так безалаберно не вступал в бой и не терпел такого поражения.

Тем временем Каранай Муратов самостоятельно продолжал борьбу с карателями и «верными» старшинами. Когда сводный отряд 5 июля сражался с корпусом П.М. Голицына, Каранай Муратов находился под Стерлитамакской пристанью. 7 июля Уфимская провинциальная канцелярия рапортовала И.А. Рейнсдорпу: «назад тому четвертый день вор, сотник Каранай Муратов, около Стерлитамакской соляной пристани, собрав подобных себе воров башкирцов сот до осьми, деревни Ашкадар и Стерля выжег, а пристань имеет в осаде»[1].

О действиях Караная Муратова под Стерлитамаком косвенно подтверждает и генерал П.М. Голицын. В вышеизложенном рапорте он сообщал, что «не нашел деташаментов господина полковника Шепелева, ни подполковника Рылеева, а оставлен из отставных капитан Мельников с гарнизоном, в котором, не имев более вооруженных ста человек с тремя пушками, вытерпев он две атаки от злодеев 1-го и 2-го сего месяца. Но как оное место обливается с трех сторон водою, то злодеи не могли вреда зделать, а сожгли в дву верстах две деревни Ашкадар и Стерля»[2]. Штурмы пристани 1 и 2 июля совпадают с сообщениями Уфимской провинциальной канцелярии. Полковника П.А. Шепелева с его карательным полком П.М. Голицын обнаружил в Табынске. Следовательно, до появления корпуса П.М. Голицына в районе Стерлитамакской пристани господствовал Каранай Муратов.

Когда вести о походе Е.И. Пугачева на Казань дошли до жителей Башкортостана, многие повстанческие отряды, особенно северных и западных волостей края, спешили соединиться с ним. Именно за счет массового притока народов Северного и Западного Башкортостана Е.И. Пугачев подошел к Казани с Главным войском численностью 30 тысяч человек. С Ногайской дороги на соединение с Главным войском со своим отрядом в 2 тысячи повстанцев направился Каранай Муратов.

Когда именно Каранай Муратов отправился из района Стерлитамакской пристани на запад, точно определить по источникам трудно. Вероятнее всего, сразу же после неудачных штурмов Стерлитамакской

---

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 205.

[2] Там же. С. 207.

пристани. Если бы он находился в районе пристани, то непременно участвовал бы в сражении сводного отряда с крпусом генерала П.М. Голицына. В середине июля 2-тысячный отряд Караная Муратова находился уже в районе Рыбной слободы на реке Каме. Есаул повстанческой армии Гаврила Лихачев, действующий в районе Рыбной слободы, 16 июля обратился с рапортом «господину полковнику Каранаю Муратовичу». Из рапорта можно узнать, что казаки разъезда из отряда Караная Муратова 16 июля явились к Лихачеву и объявили, что их отряд дислоцируется в деревне Янсаварах Казанского уезда. Г. Лихачев предлагал Каранаю Муратову «поспешать, как возможно наискорее, чтоб нам совокупить армию вместе и следовать к Казани»[1].

Таким образом, в середине июля Каранай Муратов с отрядом в 2 тысячи человек оказался на Каме в районе Рыбной слободы, собирался переправиться через Каму и присоединиться к Главному войску Пугачева. 22 июля Бахтияр Канкаев вместе с Гаврилой Лихачевым рапортовали в Военную коллегию, что по сообщению жителей Арской дороги, к Каме подошла армия Караная Муратова «немалое число», что он хочет переправиться через Каму и присоединиться с армией «царя», только не может переправиться через Каму.

В тот же день, 22 июля, повстанческий полковник Бахтияр Канкаев писал Каранаю с приглашением «поспешить, чтоб со своею армиею, как возможно, поспешить для совокупления во едино общество нашей армии. А батюшка наш, слышно, от Казани марширует и между тем нас не оставляет от злодеев в настаянии»[2].

О передвижении отряда Караная Муратова в направлении к Каме сообщал Бахтияру Канкаеву Г. Лихачев. 24 июля он писал: «... от Сибирской стороны идет на помощь его величеству, батюшке нашему, армии до 20 тысяч человек»[3]. Р.В. Овчинников утверждает, что вместе с Каранаем Муратовым в Западном Закамье в районе Рыбной слободы были Канзафар Усаев и другие повстанческие предводители[4]. У нас нет материлов ни для опровержения, ни для поддержки этой версии. Но Бахтияр Канкаев в рапорте в Военную коллегию сообщал,

---

[1] Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 336.

[2] Там же. С. 342.

[3] Там же. С. 342–343.

[4] Там же. С. 448.

что «действительно видели войска, которые собирались дать отпор врагам его величества милостивого государя нашего Петра Федоровича, из предводителей их видели главного атамана Караная Муратова сына и других разных командиров с бесчисленными войсками при них»[1]. Для данного очерка не имеет принципиального значения, кто сопровождал поход Караная Муратова на Каму, кто входил в число «других разных командиров». Нам важно, что летом 1774 года Каранай Муратов совершил поход на Каму с целью присоединиться с Главным войском Е.И. Пугачева и участвовать в Казанском походе. Нам также важно, что для народов Западного Башкортостана Каранай Муратов оставался «главным атаманом», а появление сводного отряда башкир в Западном Закамье воспринималось ими как поход армии Караная Муратова. На деле это и был его рейд из-под Стерлитамака на Каму.

Появление его отряда в Западном Башкортостане вызвало бурную реакцию, с ним народы этого региона связывали свои надежды и активно поднимлись на новую борьбу, пополняли Главную армию Пугачева, создавали свои отряды и действовали самостоятельно.

Каранай Муратов подошел к Рыбной слободе 22 июля. К тому времени Главное войско Е.И. Пугачева, потерпев сокрушительное поражение от карательного корпуса И. Михельсона в сражениях 12, 13 и 15 июля на Арском поле под Казанью, перестало существовать, а «государь», потеряв 30-тысячную армию, бежал за Волгу.Таким образом, Каранай Муратов не успел присоединитсья с Главным войском Е.И. Пугачева. Не сумев переправиться через Каму, он со своим отрядом вернулся к Стерлитамакской пристани. К этому времени Салават Юлаев, Канзафар Усаев, Кутлугильде Абдрахманов, Сляусин Кинзин и другие предводители, вернувшиеся из-под Осы в Башкортостан, начали готовить комбинированный поход на Уфу. Канзафар Усаев на допросе в Бугульме 4 августа говорил о подготовке такого похода и перечислял предводителей. Но среди них он Караная не назвал[2].

Видимо, Каранай Муратов, вернувшись на Ногайскую дорогу, не успел активно подключиться в это мероприятие. 24 июля Каип Зиямбетев и Ибрагим Мрясев сообщали мишарскому старшине Иш-

[1] Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения. С. 181.

[2] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 222.

мухамету Сулейманову о совместных действиях Караная Муратова, Канбулата Юлдашева, Кутлугильде Абдрахманова и Сляусина Кинзина в вершине реки Кундракуш[1]. Видимо, «верные» башкирские старшины недостоточно верно были осведомлены. Каранай Муратов, стоявший 22 июля у Рыбной слободы на Каме, не мог за два дня вернуться на юг Башкортостана и включиться в общую борьбу. Такую же неточность могла допустить Уфимская провинциальная канцелярия, которая, опираясь на сведения своих информаторов, 24 июля сообщала о действиях Караная Муратова на реках Ашкадар и Белая[2]. Однако в том, что вернувшись из Прикамья, Каранай Муратов вновь стал одним из крупнейших предводителей восставших башкир Ногайской дороги, не сомневались даже каратели.

В конце лета – осенью 1774 года восстание на территории Башкортостана пошло на убыль. Край был наводнен карательными войсками, активизировали действия «верные» башкирские и мишарские старшины. От движения отошли мастеровые и работные люди заводов, казаки, русские крестьяне и нерусские народы. Башкирские повстанцы оказались один на один с огромной карательной машиной. Дальше нельзя было рассчитывать на организованную борьбу с объединением повстанческих отрядов в крупные войска, армии. Поэтому наиболее последовательные вожди восставших башкир перешли на традиционную тактику партизанской войны. Они увозили семьи, скот, другие предметы жилья в леса, горы, а сами с небольшими отрядами совершали дерзкие налеты на форпосты и редуты, на обозы, небольшие воинские подразделения и команды «верных» старшин, угоняли скот, лошадей. И они до глубокой осени 1774 года держали огромную территорию Башкортостана в постоянном напряжении. Не зря главной заботой военных и гражданских властей в конце лета – осенью 1774 года стала поимка одного из «главнейших сообщников самозванца Пугачева», Караная Муратова, которого в открытых боях не могли одолеть ни каратели, ни «верные» старшины. Командир Бугульминского гарнизона полковник Н.Н. Кожин в рапорте генералу Ф.Ф. Щербатову доносил, что Кидрас Муллакаев пригласил к себе «протчих лучших старшин», угостил их по башкирской

[1] РГВИА. Ф. 20. Д. 1239. л. 28 и об.

[2] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 214.

традиции, зарезав трех лошадей и «по согласию с другими старшинами, чтоб найти лучший способ в поимке главного вора и возмутителя в сей стороне Башкирии, башкирца Караная Муратова, отправил двух старшин к господину полковнику и кавалеру Шепелеву, видно для лутчаго содействия в искоренении злодеев, то, надеюсь, с известием о своих успехах не замедлят»[1]. Однако события показали, что в разгар нового мощного подъема народного восстания затея о поимке Караная успеха не имела.

Кидрас Муллакаев в союзе с карательными генералами в середине августа 1774 года вновь выступает с инициативой поимки Караная. 17 августа начальник Казанской секретной комиссии генерал П.С. Потемкин в своем донесении императрице Екатерине II сообщал, что он «послал...старшине Кидрясу медаль, повелев ему искать оставшихся двух, Караная и Салавата, и обещав за каждого по сту рублев»[2]. Но он и на этот раз не сумел выполнить данное перед императрицей обещание. Каранай продолжал борьбу и оставался неуловимым. Уже поздней осенью, 25 октября Оренбургский губернатор И.А. Рейнсдорп в рапорте П.И. Панину сетовал, что «старшины, кои у него, Пугачева, искусныя были Каранайка, Муйнак, Качкын, Кутлугильде от домов их находятся в отлучении. Однако отправленному в Исетскую провинцию с провиантской комиссией коллежскому советнику Тимашеву за первый предмет предписал я по пути пристойным образом сих злодеев захватить доведя до российских жил, прямо в Казань или к вашему сиятельству отправить»[3]. В тот же день губернатор получил сообщение о поимке этих крупных башкирских предводителей Ногайской дороги, которые собрались на совещание в деревне Тавлыкаево. Об их сборе стало известно коллежскому советнику И.Л. Тимашеву. 25 октября на Ирандыкских горах, в 20 верстах от деревни Тавлыкаево, И.Л. Тимашев, которому было поручено собирать провиантский штраф с зауральских башкир, захватил в плен 8 крупнейших предводителей башкир и в тот же день рапортировал об этом губернатору И.А. Рейнсдорпу. Среди них был Каранай Муратов[4].

---

[1] РГВИА. Ф. 20. Д. 1239. Л. 28 и об.

[2] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 225.

[3] РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 196. Л. 70.

[4] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 247.

Перед И.Л. Тимашевым встала сложная задача: что делать с арестованными. «Перевезав привезли ко мне, которых я содержу под крепким караулом, не входя в распроз», – сообщал он губернатору и обещал: «ожидать буду резолюцыи на сие от вашего высокопревосходительства». Триумфатор боялся их отправить в Оренбург: «за опасностию чрез Башкирию никаким образом не можно», предполагал отправить их через Челябинск, Екатеринбург и Кунгур в Казань. А пока он решил до особого распоряжения держать их у себя, «которые все со мной употреблятца в выгоне фуража и подвод»[1].

Особенно сложно было решить вопрос с Каранаем Муратовым, которого по запросу начальника Казанской секретной комиссии генерала П.С. Потемкина нужно было отправить в Казань. Весьма любопытна история доставки Караная Муратова в Казанскую секретную комиссию. Первоначально И.Л. Тимашев с этим вопросом обратился к губернатору И.А. Рейнсдорпу. Губернатор посоветовал отправить Караная Муратова из Верхояицкой крепости в Казань через Оренбург и Симбирск, чтобы башкиры не могли его отбить. Авторитет Караная Муратова был настолько высок, что его побоялись даже карателя и решили отправить якобы для доставки «посылки з доношениями» к генералу П.С. Потемкину. При этом губернатор предлагал И.Л. Тимашеву двойной вариант действий. Каранай Муратов должен был ехать в Оренбург и доставить пакет И.А. Рейнсдорпу, а из Оренбурга губернатор должен был отправить его с пакетом генерал-аншефу П.И. Панину в Симбирск. Оттуда Караная Муратова должны были отправить в Казань с пакетом для начальника Секретной комиссии. Его должен был сопровождать каргалинский татарин[2].

При этом И.Л. Тимашев решил некоторым смягчением вины сделать Караная Муратова послушным исполнителем. В рапорте губернатору И.А. Рейнсдорпу он сообщал: «тот злодей, под видом надобности, по призыву моему сам ко мне явился для употребления по вверенной мне комиссии», что он сам изъявил желание поехать в Казань. И.Л. Тимашев предложил П.С. Потемкину: «Ежели оной по разсмотрению вашего превосходительства достоин милосердия ее величества, то может, возвратясь, утверждение зделать в своем

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 247.

[2] РГАДА. Ф. 6. Д. 489. Л. 171 об.

буйственном и безобразном народе»[1]. Каратель наивно расчитывал использовать популярность Караная Муратова для подавления восстания. Пока Каранай Муратов с доношением И.Л. Тимашева добирался до Казани, П.С. Потемкин переживал за поимку Караная, строил догадки, верил ложным слухам и сам распространял неверные слухи. Так, 12 ноября П.С. Потемкин сообщал П.И. Панину: «Каранайка умер».

Каранай Муратов прибыл в Казань 20 ноября 1774 года. В тот же день П.С. Потемкин сообщил Оренбургскому губернатору И.А. Рейнсдорпу, что в Казань доставлен «главнейший бунтовщик» Каранай Муратов[2].

В реестрах колодников Казанской секретной комиссии и проживающих в городе Казани по «первому» и по «второму» спискам Каранай Муратов не значится. Вероятно, начальник комиссии генерал-майор П.С. Потемкин имел определенную цель в отношении Караная Муратова. В частности, он заставил Караная Муратова дать подписку с обязательством арестовать Кинзю Арсланова. В исторической литературе этот факт объясняется односторонне: Каранай обвиняется в предательстве делу восстания. Все это объясняется слабым знанием источников. Мы приводим этот документ в пространном фрагменте, чтобы у читателя не осталось сомнений относительно верности Караная Муратова делу борьбы и последовательности его действий. П.С. Потемкин писал: «Дал сию подписку в том, что он всячески станет стараться Пуснаш-Кипчакской волости старшину Кинзю Арсланова, сыскав, уговорить или, в случае его противности, поймав, его препроводить в секретную комиссию, конечно чрез два месяца, естли он жив, а естли умер, то собрав верное засвидетельствование, явиться со оным засвидетельствованием в секретную комиссию как можно скорее. В противном же случае, естли он сего не исполнит, то подвергает себя высочайшемуся императорского величества гневу и самой смертной казни»[3]. Как видно из приведенного документа, Каранай Муратов дал подписку не добровольно, а под угрозой смертной казни. Другими словами, генерал П.С. Потемкин под угрозой смертной казни заставил его дать подписку о поимке

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 259.

[2] РГАДА. Ф. 6. Д. 489. Л. 200 об.

[3] Там же. Д. 507. Ч. 3. Л. 39.

Кинзи Арсланова. Однако, выйдя на свободу, Каранай Муратов никаких мер для выполнения данного обязательства не предпринимал. К тому же освобождение Караная Муратова было еще не скоро.

Видимо, Каранай Муратов искренне верил, что Е.И. Пугачев является истинным царем Петром Федоровичем. По указанию П.С. Потемкина от 28 ноября 1774 года Караная Муратова из Казани отправили в Москву для «лицезрения» казни «самозванца». Даже помилованный, Каранай Муратов продолжал оставаться опасным для властей. П.С. Потемкин, находившийся в то время в Москве, послал в Казанскую секретную комиссию подробную инструкцию, как Караная Муратова отправить в Москву. Генерал предупреждал: ни в коем случае не дать знать ему, что он отправляется в качестве арестанта. Поэтому он предлагал Караная Муратова для видимости включить в состав конвоя для сопровождения пленных пугачевцев. 9 декабря 1775 года Караная Муратова отправили в Москву, включив в состав конвойной команды для сопровождения повстанцев из яицких казаков Кузьму и Семена Фофановых[1]. Поразительная находчивость начальника секретной комиссии по делам Пугачевского бунта. Чем мог напугать или располагать к нему «главный башкирский бунтовщик» Каранай Муратов? Но комиссия поступила точно по инструкции своего начальника. Каранай Муратов был доставлен в Москву не как бунтовщик, а как конвоир, доставивший пленных бунтовщиков в Тайную экспедицию Сената.

15 января 1775 года на Болотной площади среди многотысячной толпы зрителей Каранай Муратов был свидетелем казни «государя императора Петра III» – Е.И. Пугачева. Что он испытывал в это время? Трудно ответить. Но скудные сведения из его последующей жизни дают материалы для рассуждения, что он перенес казнь своего вождя тяжело. 20 января П.С. Потемкин отправил Караная Муратова из Москы в Казань, в распоряжение казанского губернатора князя П.С. Мещерского. В сопроводительном письме в Казанскую секретную комиссию он писал: «...понеже обстоятельства требовали, чтобы удостоверить его в богоненавистном прилеплении к самозванцу Пугачеву, который уже и принял в Москве должную казнь, то привезен сей Каранай был в Москву, во-первых, для того, чтоб видел под

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 3. Л. 4.

стражею и в узах того, коего идолом они представляли, а потом бы и казни был мнимого идола своего, злодея Пугачева, очевидным свидетелем»[1].

П.С. Потемкин распорядился Караная Муратова «препроводить к господину генерал-поручику и губернатору казанскому князю Платону Степановичу Мещерскому». Судьба Караная Муратова к тому времени была уже решена. Секретная комиссия вынесла свой вердикт, и П.С. Потемкин писал об этом открытым текстом: «Препровождается при сем башкирец Каранай, который, как известно комиссии, по позыву моему, признав преступление свое и оставя возмутительство, сам явился в бытность мою в Казани. А как в силу всемилостивейшаго ея императорского величества манифеста все таковыя кои с признанием, раскаясь, явились с повинною, помилованы, и прощены бывают, то и сей сказанный преступник повиновением своим избавился от наказания»[2].

Благополучно вернувшись домой, Каранай Муратов продолжал служить сотником Бурзянской волости. В купчей башкир Бурзянской волости Ногайской дороги, составленной 17 ноября 1783 года в Гражданской палате Уфимского наместничества о продаже земли по реке Ик секунд-майору А.П. Мансурову, Каранай Муратов значится сотником команды старшины Аслая Курмекеева[3]. По «Закладной записи» продажи башкирами Бурзянской волости Ногайской дороги на землю по реке Салмыш торговому татарину Каргалинской (Сеитовской) слободы Мухамет-Рахимову Заитову, оформленной 1 ноября 1788 года, отмечено: «деревни Каранаевой правящий старшинскую должность из башщкирцов указной сотник Каранай Муратов»[4].

Каранай Муратов так и остался непокорным, гордым. Уже будучи старшиной Бурзянской волости в преклонном возрасте, он создавал местным царским властям немало хлопот и беспокойства. После освобождения из-под следствия в Казанской секретной комиссии на Караная Муратова был установлен негласный надзор Уфимской про-

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 507. Ч. III. Л. 89 и об.

[2] Там же. Л. 92.

[3] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. V. С. 143.

[4] Там же. С. 235.

винциальной канцелярии. Последняя пыталась контролировать жизнедеятельность старого мятежника вплоть до определения кочевых мест и маршрутов кочевания, системтически докладывала о поступках Караная Муратова Оренбургскому губернатору. Так, 29 апреля 1775 года Оренбургский губернатор И.А. Рейнсдорп и губернский секретарь П.И. Рычков в письме в Уфимскую провинциальную канцелярию отметили: «...бывший в злодействе и по учинению прошения из Казанской следственной комиссии отпущенной в дом сотник Каранай Муратов оказался в некотором сумнении: из настоящего его жительства отлучился в Урал на реку Сакмару, которой неотменно сюда или в город Уфу забран быть должен». Далее губернские власти требовали: «Сотник Каранай по ныне в Урале ль находится или на прежнее жилище перекочевал: буде в Урале, то б под пристойным претекстом старались вызвав привесть его сюда или выслать в то его жительство»[1]. Но Каранай Муратов продолжал нарушать предписанный властями маршрут кочевья. В результате губернатор вынужден был признать: «пусть уж Каранай нарушает предписанный маршрут кочевья, лишь бы не допускал нарушений покоя губернии»[2].

Дата смерти Караная Муратова неизвестна. Но в одном можно быть уверенным, что он, непокорный сын непокоренного народа, прожил свою жизнь достойно.

Потомки Караная Муратова чтят память своего прославленного предка. В родной деревне Каранаево Стерлибашевского района Республики Башкортотсан регулярно проводятся встречи с известными земляками. В районном центре по инициативе доктора медицинских наук, профессора М.Т. Юлдашева установлен памятник Каранаю Муратову. Но о заботе местных и республиканских властей для сохранения памяти одного из крупнейших предводителей Крестьянской войны говорить преждевременно.

Ишмень Иткулов

Главный полковник повстанческой армии. Рядовой башкир деревни Кызылбаево Кущинской волости Сибирской дороги. С.У. Таймасов пишет: «Вероятно, является братом старшины Ильчигула

[1] ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 148. Л. 45.

[2] Там же. Д. 149. Л. 45.

Иткулова»[1]. Для твердого утверждения автору помешало разноречие, имеющееся в документах. Составители сборников «Документы Ставки Е.И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений» и «Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии» отметили, что Ильчигул Иткулов был из деревни Кызылбаево Кущинской волости, а Ишмень Иткулов – из деревни Кызылбаево Дуванской волости. По их утверждению, были две деревни Кызылбаево: одна в Кущинской, другая в Дуванской волости. Однако в период Крестьянской войны 1773–1775 годов была одна деревня Кызылбаево. В «Топографических описаниях» Генерального межевания 1795 года деревня Кызылбаево относится к Кущинской волости. Во второй половине XIX века появилась другая деревня под таким названием. В Справочнике «Уфимская губерния. 1877» отмечены деревни Кызылбаева и Кызылбаева Малая, которые относились к 4-му стану Златоустовского уезда[2]. В справочнике «Административно-территориальное устройство Республики Башкортостан на 1 января 1999 года» отмечены деревни Большекызылбаево и Малокызылбаево[3]. В «Атласе Республики Башкортостан» также указаны деревни Большекызылбаево и Малокызылбаево[4]. По утверждению профессора А.З. Асфандиярова, в XVIII веке была деревня Кызылбаево, которая относилась к Малокущинской волости Екатеринбургского уезда Оренбургской губернии[5]. 17 августа 1770 года через деревню Кызылбаево проезжал академик И.И. Лепехин, который дал очень высокую оценку развитому хозяйству жителей деревни и ставил их примером трудолюбия.

Таким образом, из вышеизложенного можно заключить: в XVIII веке была одна деревня Кызылбаево Кущинской волости. Вторая деревня с названием «Новокызылбаево» или «Малокызылбаево» появилась в XIX веке. Следовательно, Ильчигул и Ишмень Иткуловы –

---

[1] *Таймасов С.У.* Восстание 1773–1774 гг. в Башкоротостане. С. 282.

[2] Населенные пункты Башкортостана. Ч. 1. Уфимская губерния. 1877. Уфа: Китап, 2002. С. 285.

[3] Административно-территориальное устройство Республики Башкортостан. Уфа, 1999. С. 366, 383.

[4] Атлас Республики Башкортостан. Уфа, 2005. С. 367, 411.

[5] *Асфандияров А.З.* История сел и деревень Башкортостана. Справочник. Кн. 9. Уфа: Китап, 2001. С. 238.

жители одной деревни и были братьями. Сведения о двух деревнях с одинаковым названием Кызылбаево, находившихся в разных волостях – Кущинской и Дуванской, будем считать ошибкой составителей указателей имен.

Все вышеизложенное позволяет предполагать, что Ишмень Иткулов оказался в повстанческой армии Красноуфимско-Кунгурского района в составе отряда своего родного брата Ильчигула Иткулова, принимал активное участие во всех сражениях под Красноуфимском и Кунгуром. Когда раненый Салават Юлаев уехал для лечения домой, И.С. Кузнецов уехал в Чесноковку, а М.Е. Мальцев арестовал Канзафара Усаева и отправил к И.Н. Зарубину, повстанческий центр оказался без авторитеного предводителя. Чюря Расулев, которого Салават Юлаев оставил вместо себя командиром башкирского войска, и Субхангул Кильтяков также были арестованвны М.Е. Мальцевым, затем попали в плен. Писарь красноуфимских казаков М.Е. Мальцев, назначенный И.С. Кузнецовым войсковым атаманом, в критических условиях обострения противостояния враждующих сил не проявлял воли и умения возглавить крупные повстанческие силы, запил. В такой обстановке есаул красноуфимских казаков М.Д. Чигвинцев, после крупного поражения повстанцев под Кунгуром 30 января 1774 года, обратился к И.Н. Белобородову.

И.Н. Белобородов посоветовал сменить главного предводителя: «И при сем вам накрепко подтверждаю, – писал он в своем письме к Чигвинцеву 6 февраля, – чтоб предводитель был выбран из верных рабов, который уже по довольной вашей знаемости к его императорскому величеству чистосердечные свои ревности оказуем, а не из лесцов [льстицов], кои только одним видом и обманством своим заслуги оказывают. И в том крайне наблюдать, дабы от такого хищника впредь не можно было обмануться»[1]. Выбор казаков пал на полковника Ишменя Иткулова, который со своим отрядом более тысячи повстанцев располагался в деревне Кашаево под Кунгуром.

Таким образом, 6 февраля Ишмень Иткулов возглавил повстанческую армию Красноуфимско-Кунгурского повстанческого района. Ишмень за кратчайший срок сумел развернуть энергичную многогранную деятельность по объединению разрозненных повстанческих

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 429. Л. 16 об.

отрядов для отражения карательных сил, установил связь с И.Н. Белобородовым, восстановил и укрепил контакт с населением и выборными органами самоуправления на огромной территории. Скудные документальные источники, сохранившиеся в походной канцелярии Ишменя Иткулова, позволяют воспроизвести яркий талант крупного предводителя Крестьянской войны и организатора повстанческого движения. В единственном документе Ишмень Иткулов именуется «главным полковником»[1].

Когда Ишмень Иткулов принял на себя командование всеми отрядами Красноуфимско-Кунгурского повстанческого района, обстановка в регионе была крайне напряженная. Положение повстанцев приняло катастрофические масштабы: 25 января 1774 года в Кунгур пробилась хорошо вооруженная карательная команда опытного офицера секунд-майора Д.О. Гагрина. Подполковник А.В. Папав и Д.О. Гагрин приступили к энергичной подготовке операции по ликвидации повстанческих сил, действовавших в Красноуфимско-Кунгурском районе.

Первое крупное поражение было нанесено карательным корпусом отряду М.Е. Мальцева под Ильинским острожком 30 января 1774 года. В поражении повстанцев М.Е. Мальцев в своем рапорте И.Н. Зарубину от 1 февраля обвинял Чюру Расулева за его отказ участвовать в сражении[2]. 10 февраля М.Е. Мальцев отправил рапорт Ишменю Иткулову с сообщением о поражении повстанцев под Кунгуром. Он писал, что карателі «нашу армию з большим поражением разбили и артиллерию всю отняли». К рапорту он приложил реестры убитых казаков и имущества, отбитого у повстанцев и населения карателями[3]. Выборные повстанческие органы многих населенных пунктов обращались в Красноуфимскую станичную избу с просьбой сообщить о результатах этого боя.

Поражение повстанцев под Кунгуром 30 января произвел сильный резонанс в регионе. Некоторые активные участники восстания проявили колебания. Так, отставной казак Ермолай Игумнищев 3 и 13 февраля сообщал Ишменю Иткулову, что бывший есаул Афанасий Овчинников, узнав, что карательный корпус вышел из Кунгура

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 416. 4.1. Л. 374.

[2] Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 216.

[3] Там же. С. 221–222.

и напраляется к Красноуфимской крепости, проговаривал такие слова: «как де та кунгурская команда сюда придет, то они как меня, так прочших, кои склонны з башкирцами во общество народ, таковых связать и руками отдать». А его сын Григорий Овчинников, встретил «на улице с ружьем, коим намерен был застрелить». Казак-повстанец Дмитрий Дербачев жаловался, что на него напали крестьяне села Медянского. Житель деревни Подтитешная Григорий Окунев жаловался на посадского человека Кондратия Кузнецова, который угрожал разорить его за то, что он находится «под командою Ишмена Иткулова. Красноуфимский казак Н. Синицын жаловался Ишменю на татарина Асылбая Тасимова, который заколол у него двух коров. В жалобе кунгурского татарина Тупача Упаначева говорится о захвате имущества у него и соседей русскими крестьянами деревни Кишерть[1].

После боя 30 января активизировались действия карательных команд. В населенных пунктах стали появляться лазутчики, которые сеяли среди людей панику, уговаривали не снабжать повстанческие отряды фуражом, провиантом. 11 февраля анонимный информатор из деревни Катаевой сообщил Ишменю, что к ним в деревню явились неприятельские казаки, требуют «фуражу и провианта». На следующий день сотник этой же деревни Ф. Кузнецов в своем рапорте Ишменю сообщал, что наступают карательные команды, которые стоят в Рубежной деревне, «расстоянием от нашева жительства верст 50, и обешаитца к нам быть, и запрещают в селах вести к вам фураши, токмо накладено у крестьян на возах, только не смеют вести, и присылают нам приказы и стращают нас рубить, за тем народ опасен»[2].

Сохранился весьма любопытный документ, который подтверждает высокий авторитет нового главного предводителя среди населения региона. Это – «прошение» беглого солдата Мунасипа Аднагозина в Военную коллегию с просьбой зачислить его в повстанческую армию Ишменя Иткулова. Он обращается к императору Петру Федоровичу, раскаивается во всех прежних грехах: дезертировал из царской армии, «в своем побеге пил и ел, а наконец, за несостоянием пропитанием воровал, покрал клети, так же и другие проступки делал».

---

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 416. 4.1. Л. 184 и об.; Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 219, 227, 231,

[2] Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 229.

Мунасип Аднагозин раскаивается, «решил служить под командою Ишменя Иткулова»[1].

Вот в таких критических условиях разброда и шатания в повстанческих отрядах и активизации карательных сил взялся управлять Красноуфимско-Кунгурским центром Ишмень Иткулов. Рапорты, донесения, жалобы поступали в его походную канцелярию со всех сторон. Он старался вникнуть во все детали сложных событий, в тесном контакте со станичной избой во главе с есаулом М.Д. Чигвинцевым собирал боеспособную армию, принимал меры для поддержки дисциплины.

5 февраля Саранинская станичная изба рапортовала в Красноуфимскую станичную избу: «По присланному из Красноуфимской станишной избы известие получили, что де кунгурская армия поступила в село Башкирцово. Для той опастности посланы все без остатка також и наши казаки, которые годны к службе, все в готовности, которые и посылаются»[2]. 16 февраля Ишмень Иткулов отправил в Красноуфимскую крепость приказ с требованием скорейшей присылки подкреплений в деревню Кашаево, где дислоцировалось его войско: «По получении сего выписать вам ис Красноуфимской крепости сколько годных к военной службе имеетца казаков, всех прислать, конечно, сего дня, також и пушки, да Саранинского заводу и деревни Башкирцово, сколько ж годных есть, всех без остатку, ибо находимся мы в деревне Кошаевой с армией»[3].

Есаул М.Д. Чигвинцев в наказе казакам Мирону Пастухову и Елисею Кожевникову требовал набрать из крестьян деревни «Чюваской казаков 35, из села Крестововоздвиженского (Башкирцово тож) с окольными деревнями 100 человек, коим и велеть явиться сюда в Красноуфимскую крепость в самом скором времени». Он требовал соблюдать дисциплину: «Будучи ж вам в пути, никому обид, налог не чинить и ко взяткам не касаться под опасением по указом штрафа».

О соблюдении дисциплины говорит сохранившийся реестр денег, взысканных станичной избой со старшин и казаков за выданные им казенные ружья. В повстанческом центре велся учет личного состава

[1] Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 241.

[2] Там же. С. 219.

[3] Там же. С. 235–236.

и вооружения. Сохранились записка Красноуфимской станичной избы о казаках и их семьях, сбежавших к неприятелю в Кунгур и утерявших ружья, реестр казаков, убитых и оказавшихся в плену в бою 30 января под Кунгуром, и реестр имуществ, отбитых неприятелем в том же бою. Сотник Никита Серебренников рапортовал Ишменю Иткулову об успешной дозорной службе, казак-повстанец Яков Окулин – о ведении разведки боевой обстановки под Кунгуром. 14 февраля 1774 года в Красноуфимскую станичную избу поступило сообщение из Саткинского завода, что они собрали «из разных мест 10 пушек с припасами и команды башкирской до 2-х тысяч». Саткинцы обещали «спомоществование» и в ответ просили прислать 300 пудов соли[1].

Таким образом, приведенные источники подтверждают, что шел интенсивный процесс мобилизации в повстанческую армию новых сил, велась разведка лагеря противника, функционировали пикеты и дозоры на опасных участках. Большие надежды повстанцам Красноуфимско-Кунгурского района вселяли успехи И.Н. Белобородова в пределах Екатеринбургского горнозаводского ведомства. По наставлению Ишменя Иткулова есаул Красноуфимской крепости М.Д. Чигвинцев 5 февраля отправил И.Н. Белобородову письмо с просьбой прислать для обороны Красноуфимской крепости воинскую команду и пушки. Он описал тревожное положение повстанческой армии в районе Красноуфимска и Кунгура: «Так ныне от того города Кунгура большая настоит опасность, а команды здесь русской и иноверческой хотя небольшая часть и состоит, только артиллерии никакой, кроме ружей и стрел, не имеется. Того ради вам, господину атаману Белобородову, чрез сие знать даётся.

А притом нижайше требуем для охранения здешнего города артилерии с припасом, сколь возможно, и при ней команды по разсмотрению в скором времени прислать». Далее следует весьма оригинальное предложение своих услуг И.Н. Белобородову: «А сверх того, ежели под городом Экатеринбургом или где стоять и большого отпору учинить надежды не имеете, то и со всем войском отступить в здешние места и расположиться в пристойных местах, для чего от нас и народные два человека посланы»[2].

---

[1] Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 232.

[2] Там же. С. 218.

Особенно бурное оживление у повстанцев вызвал захват И.И. Белобородовым Уткинского железоделательного завода Демидовых. Вести об этом событии до Красноуфимска дошли по разным каналам. 12 февраля Ишмень Иткулов через казака Байчуру Мустафина в Красноуфимск отправил известие об успехах И.Н. Белобородова. 15 февраля в станичной избе ясачный татарин из деревни Сухой Майчаш Исекай Минеев сообщил, что татарин их же деревни Уташ Утеев «объявил им, что будучи де он, Утеев, в армии господина атамана Ивана Белобородова, коя стояла под Демидовским Уткинским заводом, который чрез великую баталию взял»[1].

Оба повстанческих центра были заинтересованы в тесном взаимодействии, а при определенных условиях – в объединении сил. Поэтому в тот же день, то есть 15 февраля, Ишмень Иткулов отправил М.Д. Чигвинцеву ордер с требованием послать к И.Н. Белобородову казака с сообщением о здешних событиях. М.Д. Чигвинцев 15 февраля через казаков Евдокима Кузнецова и Семена Пермякова послал известие И.Н. Белобородову, где выразил «сердечную радость» за взятие Уткинского завода и просил прислать в Красноуфимскую крепость «на вспоможение армии по разсуждению вашему, также и артеллерии с припасы, а наипаче пороху прислать»[2].

А между тем бурные события в районе Красноуфимска и Кунгура приближались к развязке. 14 февраля карательная экспедиция секунд-майора Д.О. Гагрина вышла из Кунгура. На следующий день она вступила в Суксунский завод. Разведка Ишменя Иткулова своевременно сообщила об этом командиру. 15 февраля в ордере М.Д. Чигвинцеву Ишмень Иткулов повелевал ему: «Посылай ты к нему казака своего репортом, как знаком ваш, на здешного вести и из Конгорского высокоблагородному атаману Ивану Белобородову, чтоб прислал де сюда армию, в Пурх [деревня Турыш, где располагался штаб Ишменя Иткулова]. Затем ис Конгорского вести объявляю: пол тре тысяч неприятельская армия вчерашной ноще нощовалося села Сабаркинского». М.Д. Чигвинцев в вышеупомянутом «известии» И.Н. Белобородову сообщал: «А сего числа от стоящего на заставе при деревне Турыше господина башкирского полковника Ишменя Аиткулова получил

[1] Документы Ставки Е.И. Пугачева. 235.

[2] Там же. С. 234–235.

письменное известие, что из города Кунгура армия выступила в дву тысячах пяти стах и приближается к здешнему пригороду Красноуфимску, коя уже находится в 50-ти верстах в селе Суксунском». М.Д. Чигвинцев трезво оценивал обстановку. «Итак, – продолжает он, – ныне от той кунгурской армии состоит крайняя опасность». Обращаясь за помощью, он заключал: «А здесь русской и иноверческой армии состоит не более тысячи человек..., дабы нашей армии по малолюдству и за малоимением артиллерии и пороху напрасно не погибнуть».

Катострофическую ситуацию в повстанческом районе понимал и Ишмень Иткулов. 16 февраля он прислал в Красноуфимскую станичную избу приказ с требованием скорейшей присылки подкрепления. Данный приказ – крик души отчаянного командира, армия которого была неминуемо обречена. Поэтому текст приказа приводим полностью:

«В Красноуфимскую станичную избу от господина полковника Ишменя Иткулова с товарищи.

По получении сего выписать вам из Красноуфимской крепости сколько годных к военной службе имеетца казаков, всех прислать, конечно, сегодня, також и пушки, да Саранинского завода и деревни Башкирцовой, сколько ж годных есть, всех без остатку, ибо находимся мы в деревне Кошаевой с армией. А слышно, что города Кунгура посадские злодейской армии люди находятся в Торговижском острожке, в деревне Сатковой и намерение имеют идти на нашу силу, которая находится в Ишметевой деревень. Того ради благоволено б было, как наивозможно, прислать скорее казаков к нам в армию, ибо опасность имеем великую от посадских людей в той деревне Кошаевой, от чего б не последовало артиллерии и армии урону.

Февраль 16 ч[исла] 1774 году.

А ежели, паче чаяния, в сутки не пришлите, причтены будите аки за сущих изменников.

Февраль 16 дня 1774 году.

Полковник Ишмень Иткулов руку приложил». Далее в документе подпись Ишменя Иткулова на татарском письме[1].

Это – последнее послание и последний автограф главного полковника повстанческой армии Красноуфимско-Кунгурского района Ишменя Иткулова.

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 416. 4.1. Л. 388.

События под Красноуфимском развивались стремительно. 17 февраля карательная команда Д.О. Гагрина разбила заслон Ишменя Иткулова у Тисовского завода и направилась на Красноуфимскую крепость. Красноуфимская станичная изба не сумела, да и не смогла, в считанные часы собрать повстанческие отряды и отправить на помощь Ишменю Иткулову, который вынужден был отступить со своим отрядом к Красноуфимской крепости. 19 февраля под Красноуфимском произошло многочасовое кровопролитное сражение между повстанческой армией Ишменя Иткулова и сводным карательным корпусом секунд-майора Д.О. Гагрина и подполковника А.В. Папава. В этом сражении Ишмень Иткулов погиб. Об этом Бахтияр Канкаев сообщил 20 февраля в Военную коллегию[1].

Бахтияр Канкаев

Бахтияр Канкаев был одной из ярких и самобытных фигур в Крестьянской войне 1773–1775 годов. До сих пор интересует исследователей и читателей не только его неординарные действия в ходе восстания, его загадочное исчезновение и неизвестность дальнейшей судьбы, но и этносословное происхождение. Более двух веков историки не могли уточнить место рождения Бахтияра. Даже в фундаментальных сборниках материалов по Крестьянской войне о нем писали: «мишар Казанского уезда», «мишар одной из волостей Казанского уезда»[2]. Лишь в конце 70-х годов XX века казанский историк С.Х. Алишев в ряде своих публикаций установил, что Бахтияр Канкаев был уроженцем села Ока Сибирской дороги[3]. Опираясь на эти сведения, Б.С. Давлетбаев более уверенно заявляет, что Бахтияр Канкаев был мишаром деревни Большая Ока Мечетлинского района Республики Башкортостан[4].

В сохранившихся источниках этническое происхождение Бахтияра дается весьма противоречиво. В именном указе Е.И. Пугачева полковнику Бахтияру Канкаеву и походному старшине Ермухамету

---

[1] Пугачевщина. Т. 1. С. 161; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 361.

[2] Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 465; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 371.

[3] *Алишев С.Х.* Документы свидетельствуют // Кызыл тан. 1977. 2 марта.

[4] *Давлетбаев Б.С.* Большая Ока. История села. Уфа, 1992. С. 33.

Кадырметеву от 13 июня 1774 года говорится: «мещеряцкому полковнику Бахтияру Канкаеву»[1]. Однако целый ряд соратников признавали Бахтира Канкаева башкиром. Салават Юлаев на допросе в Тайной экспедиции в Москве сообщал, что в декабре 1773 года за ним прислали людей «...осадившие Красноуфимскую крепость, бывшие при оной осаде башкирцы, названные объявленным Грязновым полковниками, Субхангул и Бахтияр»[2]. Абубакир Клянчев, татарин из деревни Карши Уфимского уезда, писарь в Походной канцелярии Бахтияра Канкаева, на допросе называл его башкиром Бахтияром Канкендеевым[3]. Башкиром называли Бахтияра Канкаева командиры и рядовые воины повстанческой армии башкиры Аладин Бектуганов, Абдулла Мазитов, Аметбай Абдрахманнов, Ракай Галеев, Юмакай Аскаров, Аит Саитов, Оси Буртюков, марийцы Иштубай Ижбулатов и Киязь Токмурзин[4]. Мишарским полковником называл Бахтияра Канкаева на допросе в Казанской секретной комиссии только повстанец-мариец Изибай Акбаев[5]. Однако во время другого допроса он назвал Бахтияра Канкаева башкиром[6]. Башкиром считали Бахтияра Канкаева и представители царской власти. Начальник Казанской секретной комиссии генерал-майор П.С. Потемкин 20 ноября 1774 года писал Оренбургскому губернатору И.А. Рейнсдорпу: «Равным образом и других знаменитых бунтовщиков башкирских старшин как-то: Кинзю Арсланова, Бахтияра Канкаева, Сарылгафара Аизбаева, и прочих важных преступников …отправить сюда же»[7].

Нет сомнения, что Салават Юлаев и другие башкирские повстанцы могли ошибиться в определении этнической принадлежности крупного и популярного предводителя восстания. Не мог не разобраться в этом вопросе и секретарь походной канцелярии Бахтияра Канкаева татарин Абубакир Клянчев. Обязан был разобраться

---

[1] Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 44.

[2] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 301.

[3] РГАДА. Ф. 6. Д. 507. Ч. 4. Л. 220.

[4] Там же. Л. 203 об., 216, 217–218 об., 219 об., 298 об – 299, 337 об., 557 об. – 558.

[5] Там же. Ч. 6. Л. 24.

[6] Там же. Ч. 10. Л. 65.

[7] РГАДА. Ф. 1274. Д. 179. Л. 36; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 411.

в определении этнической принадлежности крупнейших предводителей восстания начальник Казанской секретной комиссии генерал П.С. Потемкин, который отличался своей дотошностью в канцелярских делах. Во всяком случае, сведения Е.И. Пугачева внушает меньше доверия, чем сообщения башкир и татар, которые владели башкирским и татарским языками, воевали вместе с Бахтияром Канкаевым бок о бок в течение многих месяцев, тесно общались с ним. Следовательно, башкира Бахтияра Канкаева мишарским полковником сделали советские историки.

Попробуем разобраться в версии Б.С. Давлетбаева, который более подробно обосновал национальность Бахтияра Канкаева. Деревня Ока (Ака Тур, Большая Ока) к тому времени была многонациональной. По подсчетам Б.С. Давлетбева, в 1802 году в Большой Оке проживали 660 человек, в том числе 17 башкир, 517 мишарей, 127 тептярей. Кроме того, часть тептярей могла быть из башкир[1]. О смешанном составе населения Большой Оки пишет и А.З. Асфандияров: «Таким образом, в деревне проживали мишари-припущенники башкир Кущинской волости, мишари-припущенники мишарей, тептяри-припущенники башкир-кущинцев и башкиры-вотчинники[2]. Бахтияр Канкаев мог быть представителем как 17 башкир-вотчинников, так и башкир-припущенников этого села.

В 1765 году мулла Бахтияр Канкаев участвовал в составлении договора акинцев о припуске тептярей на свою землю[3]. Б.С. Давлетбаев предполагает, что Бахтияр Канкаев, встречавшийся в документе 1765 года, и Бахтияр Канкаев-полковник Крестьянской войны, один и тот же человек. Данное мнение автора вполне правдоподобно. Вряд ли в одном небольшом населенном пункте в одно и то же время могли проживать два человека с редким именем. Если учесть и тот немаловажный факт, что мулла Бахтияр в условиях массовой безграмотности владел татарской и русской грамотой, то эти два исторических персонажа являлись одним и тем же человеком: уроженцем деревни Большая Ока. Следовательно, мулла Бахтияр де-

[1] *Давлетбаев Б.С.* Указ. соч. С. 19.

[2] *Асфандияров А.З.* История сел и деревень Башкортостана. Кн. 9. С. 267.

[3] *Давлетбаев Б.С.* Указ. соч. С. 20.

ревни Большая Ока стал полковником повстанческой армии в годы Крестьянской войны 1773–1775 годов.

По утверждению А.З. Асфандиярова, в заключении купчих документов по продаже земли могли участвовать вотчинные башкиры, башкиры-припущенники, припущенные мишари и тептяри. К тому же не все участники договора должны были быть мишарями. В частности, документ начинается фразой: «Уфимского уезда Сибирской дороги команды старшины Султанмурата деревни Оки, мы, мищеряки», а список выборщиков возглавляет «выборной башкирец Изильбай Шулганов»[1]. В списке оказался мулла, башкир Бахтияр Канкаев, единственный грамотный человек среди выборных.

Бахтияр Канкаев одним из первых примкнул к восстанию. В последних числах ноября 1773 года житель деревни Большая Ока Кущинской волости Сибирской дороги Бахтияр Канкаев вместе со своим односельчанином Абдулкаримом Кусекеевым приехал в Бердскую слободу в Ставку Е.И. Пугачева. Пробыв несколько дней в штабе Кинзи Арсланова и добившись аудиенции «государя», Бахтияр Канкаев получил чин полкового старшины, а Абдулкарим Кусекеев – чин полкового сотника. Время пребывания Бахтияра Канкаева и Абдулкарима Кусекеева совпало с моментом отправки пугачевских эмиссаров в различные районы Башкортостана: Каскына Самарова под Уфу, И.Н. Грязнова – в Исетскую провинцию, Канзафара Усаева – под Кунгур. Возможно, Бахтияр Канкаев оказался в числе первых из этих эмиссаров. Об этом говорит тот факт, что манифест Е.И. Пугачева стал основополагающим при определении принципиальных положений всех последующих манифестов Е.И. Пугачева и Военной коллегии, выданных Канзафару Усаеву, Салавату Юлаеву, И.Н. Зарубину и другим эмиссарам. Кроме того, именной указ на имя Бахтияра Канкаева догнал его уже на Воскресенском заводе 3 декабря 1773 года[2].

Составители сборника «Докумены Ставки Е.И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений» недостаточно четко определили дату издания данного именного указа. Она определяется датой вручения Бахтияру указа И.Н. Зарубина – 3 декабря 1773 года. Следовательно, отправив Бахтияра Канкаева в Северный Башкортостан для

---

[1] *Давлетбаев Б.С.* Указ. соч. С. 20.

[2] Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 37–38.

мобилизации многонационального населения региона, Ставка Е.И. Пугачева по каким-то причинам не обеспечила его документами. Возможно, такая система еще не была выработана Ставкой Е.И. Пугачева. По пути следования в район назначения Бахтияр Канкаев должен был заехать на Воскресенский завод к И.Н. Зарубину, который должен был возглавить повстанческое движение на огромной территории Башкортостана и которому в будущем должен был подчиняться Бахтияр Канкаев. Здесь, на Воскресенском заводе, 3 декабря его догнал вестовой с «Именным манифестом» Е.И. Пугачева. Манифест написан на старотюркском шрифте и конкретно кому-либо, в том числе «Бахтияру», не адресован. Лишь в июле 1774 года он был контрассигнован (подтвержден) членами Военной коллегии с припиской: «Этот манифест дан полковому старшине Бахтияру Канкей-углы, полковому сотнику Габдулкариму Кузкой-углы».[1] Манифест носил обобщающий характер с призывом служить государю Петру Федоровичу с обещаниями жаловать всех «всякими землями, водами, рыбными ловлями, покосами, пашнями, лесом, порохом, деньгами, свинцом, хлебом, солью и прочими», с призывами не повиновавшимся боярам, генералам, майорам, капитанам и иным «голову рубить, имение взять»[2].

На Воскресенском заводе И.Н. Зарубин и Я.С. Антипов вручили Бахтияру Канкаеву и свой указ, который конкретизировал его положение и определил четкие задачи. Бахтияр Канкаев должен был мобилизовать на службу «башкирцев, мещеряков, татар, черемис и россиян, какого бы звания ни было... с каждых двух домов по человеку». Повстанческий отряд сам себя должен был обеспечивать всем необходимым. Для этого Бахтияру Канкаеву предписывались «пушки, пули, фузеи, турки и прочие разные оружия, осматривать и взять, не приемля никаких оговорок». Ему давались обширные полномочия на месте: он мог «повинующих водить с собой, а не повинующих же приводить в повиновение», внушить тем, кто делал «его императорскому величию обиду и ущерб», «наведываться и стоять против неприятелей; и кто будет отрекаться, с таковыми иметь сражения»[3].

[1] Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 383.

[2] Там же. С. 37.

[3] Там же.С. 125–126.

С манифестом «государя Петра Федоровича» и указом «графа Захара Чернышева», в звании полкового старшины, с четко поставленными задачами и в сопровождении полкового сотника Абдулкарима Кусекаева, Бахтияр Канкаев в середине декабря 1773 года вернулся домой и начал бурную деятельность по мобилизации в свой повстанческий отряд прежде всего своих односельчан и жителей соседних мишарских, башкирских и тептярских деревень. Он принимал меры по обеспечению формирующегося повстанческого полка вооружением, лошадьми, провиантом, фуражом и прочим необходимым атрибутом[1].

Следующим шагом для выполнения поставленных повстанческим центром задач было взятие близлежащих заводов. Среди них самым ближайшим к окинцам оказался Саранинский молотовой завод И.П. Осокина. О походе на Сараниский завод Бахтияр Канкаев рапортовал Военной коллегии: «... отправили посланниками четыре человека на Саранинский завод». Заводские крестьяне встретили посланников Бахтияра Канкаева в семи верстах от завода хлебом-солью, «с одной пушкой, с тремя гранками пороха, девяноста тремя ядрами, восемью хорошими фузеями, двумя хорошими турками, с годными для войска вооружениями»[2].

Набрав значительное число людей в повстанческий отряд и вооружив его не только традиционным вооружением: луками, стрелами, саблями и копьями, но и пушками и огнестрельным оружием, Бахтияр Канкаев направился на Красноуфимскую крепость, которая вместе с городом Кунгуром представляла для народов Северного Башкортостана оплот царизма, «главного виновника» феодального и национального угнетения. Поэтому взятие этих укрепленных пунктов для повстанцев региона являлась первостепенной задачей. Часть задачи была Бахтияром Канкаевым решена легко и удачно. «Русские из городка Кызыл-Яр [Красноуфимск], – сообщал он в Военную коллегию, – на восемнадцать верст вышли нам на встречу, с двумя пушками, и повели нас с собой»[3].

---

[1] Мероприятия Бахтияра Канкаева, проведенные в первые дни пребывания дома, подробно описаны в его извете на Салавата Юлаева. См.: Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 311–312.

[2] Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 107

[3] Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения. С. 107.

Таким образом, красноуфимские казаки добровольно перешли на сторону повстанцев. Прибыв в Красноуфимскую крепость, Бахтияр Канкаев конфисковал 4 пушки, 24 пуда пороха, неизвестное количество ядер, 6 мешков винных и 90 мешков соляных денег. У богатых жителей он изъял 36 лошадей, 2 коров, 1 козу, которые были отданы на пропитание своей армии, а хороших и годных коней оставил «для государя»[1].

По утверждению Б.С. Давлетбаева, первыми в Красноуфимскую крепость, еще до Канзафара Усаева и Салавата Юлаева, прибыли Бахтияр Канкаев, Габдулкарим Кусекеев и башкирский старшина Тюбелясской волости Сибирской дороги Субхангул Килтяков. Эта мысль подтверждается и показаниями Салавата Юлаева. На допросе в Тайной экспедиции Сената 15 февраля 1775 года он сообщал: «осадившие Красноуфимскую крепость, бывшие при оной осаде башкирцы, названные Грязновым полковниками, Субханкул и Бахтияр, прислали по него, Салавата, в его желище одного башкирца, Эвлезыя Саккулова, и русского попона сына, Макара Иванова, с которыми он, Салават, по приказу тех полковников в Красноуфимскую крепость к злодейской толпе и явился»[2]. Аналогичное сведение дал Салават Юлаев и на допросе в Уфимской провинциальной канцелярии 5 мая 1775 года: «будучи отправленный Пугачевым в Красноуфимскую крепость, он присоединился к злодейской толпе с их злодейскими полковниками Бахтияром Каныкаевым, башкирским старшиною Субхангулом Килтюковым»[3]. Соратник Салавата Ракай Галеев на допросе в Казанской секретной комиссии 6 апреля 1775 года показывал, что они с Салаватом Юлаевым «ходили в Красноуфимскую крепость, забрав во оной казаков к артиллерию, пошли на помощь к башкирским же старшинам Мавлюту, Канзафару и Бахтияру для взятия города Кунгура». Однако Субхангул Килтяков на допросе в городе Кунгуре 4 февраля 1774 года информировал, что в Красноуфимскую крепость он прибыл вместе с Салаватом Юлаевым в составе его сводного отряда[4].

---

[1] Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения. С. 107–108.

[2] Крестьянска война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 301.

[3] Там же. С.318.

[4] Там же. С. 91, 311.

Таким образом, из пугачевских эмиссаров Бахтияр Канкаев был первым в районе Красноуфимска и первым начал бурную деятельность по организации всенародной борьбы в Северном Башкортостане. Он объединил повстанческие башкирские отряды старшины Алагузы Бакынова, сотников Ишалея Кадралеева и Кутушева с отрядами красноуфимских казаков, арестовал и посадил «на цепь» есаула Григория Овчинникова и казака Максима Калашника за разорение крепости[1].

Вскоре в Северный Башкортостан прибыли Канзафар Усаев, Салават Юлаев, И.С. Кузнецов. Из отряда Салавата Юлаева выросли крупные предводители, полковники повстанческой армии Ильчигул и Ишмень Иткуловы, Субхангул Килтяков, Сюрей Расулев, Мавлют Аитов. Появление целой плеяды талантливых и энергичных предводителей-полководцев отодвинуло зачинателя повстанческого движения в регионе на второй план. Последующие события показали, что Бахтияр Канкаев был способным организатором по мобилизации населения в повстанческие отряды, но заурядным военным командиром. Видимо, осознание превосходства молодых единоборцев над ним серьезно задевало уязвимое самолюбие Бахтияра Канкаева, что послужило причиной его частых конфликтов с остальными предводителями восстания. Он писал в Военную коллегию извет на Салавата Юлаева, Ильчигула Иткулова и Сулеймана Кусекеева, обвинял их во взяточничестве, что они взяли у арестованных Бахтияром Канкаевым и «посаженных на цепь» Г. Овчинникова и М. Калашника по «100 рублев, самих их освободили». Когда Бахтияр Канкаев возразил им, у него отобрали Пугачевский указ, взяли под караул и «наложа на него цепь, повели вешать». Бахтияр Канкаев откупился 12 рублями. В извете он требовал у Военной коллегии вернуть эти деньги, лошадей, 8 фузей и 2 турок. Жаловался он и на Ильчигула Иткулова. В письме И.Н. Белобородову он писал, что Ильчигул ночью приезжал пьяным в деревню, «обывателей устращивал, некоторых наказывал, и тем зделал немалую обиду, и вшедших своим желанием в твою команду людей, взяв насильно в команду свою, судить». В другом рапорте И.Н. Белобородову он писал, что Ильчигул препятствовал Изге Аюпову изготовить порох из серы. На Сулеймана Кусекеева он

[1] Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 311

жаловался, что тот имеет к нему злобу и приказывает деревенским выборным по его «указу подвод не давать». Ишменя Иткулова он обвинил в том, что тот хотел арестовать Г. Овчинникова и М. Калашника за предательство, но освободил, «взяв с каждого по двести рублев, а наконец получил себе погибель от них»[1].

Однако, несмотря на скандальный нрав, Бахтияр Канкаев оставался в рядах предводителей Красноуфимско-Кунгурского повстанческого района. Он участвовал в штурмах Кунгура 23 и 24 января, оставался в районе Красноуфимска и после отъезда Салавата Юлаева, И.С.Кузнецова и Канзафара Усаева. Бахтияр Канкаев был свидетелем гибели главного полковника Ишменя Иткулова 19 февраля 1774 года в бою против карательной команды секунд-майора Д.О. Гагрина[2].

Весной 1774 года Бахтияр Канкаев не прекращал борьбу, действовал в Северо-Восточном Башкортостане. 9 апреля в селе Верхние Киги он получил наставление И.Н. Белобородова. В наставлении говорилось, что 4 апреля И.Н. Белобородов получил указ Военной коллегии с требованием «для укомплектования и распространения корпуса его величества собрать русской, башкирской, черемиской его величества команды многотысячное число человек...для отправления в Главную армию». И.Н. Белобородов отправил Бахтияра Канкаева в Кунгурский уезд, чтобы собирать команды «со всем конным прибором и орудием» и все привести лично к И.Н. Белобородову. Тут же была выписана проезжая грамота Бахтияру Канкаеву, сотникам Абдулкариму Кусекееву и Юсуфу Юнусову и писарю Исмаилу Иманову с требованием к жителям «давать по лежащему тракту вперед и обратно... от жила до жила три подводы бес прогонов и малейшаго задержания»[3].

Бахтияру Канкаеву не удалось решить ни одной задачи, поставленной И.Н. Белобородовым. В рапорте от 17 апреля 1774 года он докладывал И.Н. Белобородову, во всем обвинив Ильчигула Иткулова и Сулеймана Кусекеева, действовавших в это время в пределах Кунгурского уезда, якобы Ильчигул Иткулов не позволил разделить

[1] Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 293, 311–312.

[2] Там же. С. 290–291.

[3] Там же. С. 290–291.

с барских судов льна и смолы, препятствовал производству пороха; что Бахтияр Канкаев разослал по Кунгурскому уезду троих вербовщиков, но их не слушали и в команды не записывались, «объявляя, будто бы едут ис Кунгура неприятели». Видимо, люди Бахтияра Канкаева пытались переманить к себе повстанцев из отрядов Ильчигула Иткулова и Сулеймана Кусекеева. Поэтому Ильчигул Иткулов «делает в том насилее и хочет их наказать», а Сулейман Кусекеев запретил выборным дать подводы «для высылки русских казаков»[1].

В ответ на рапорт Бахтияра Канкаева И.Н. Белобородов ордером от 28 апреля повторил свои требования о немедленной присылке к нему «тутошных русских и татар», угрожая любого за отказ «сыскивать и по сыску убить и повесить». Самому Бахтияру Канкаеву И.Н. Белобородов советовал «собрав ... народ, разставить караулы и быть в крайней осторожности» от возможного нападения «от кунгурских неприетелей»[2].

В мае 1774 года Бахтияр Канкаев продолжал действовать в Кунгурском уезде. Об этом свидетельствуют следующие документы. 4 мая сотник Ишметь Маметкулов докладывал Бахтияру Канкаеву, что они получили его указ и работают по этому указу в окрестных селениях и в самом Кунгуре. Ишметь Маметкулов предупреждал Бахтияра, что в Кунгуре карательные силы активизируют свои действия, располагают 16 пушками, на днях напали на село Алтыново и забрали атамана И. Васева в плен[3].

С появлением Главного войска Е.И. Пугачева на территории Башкортостана Бахтияр Канкаев оживил свою деятельность по мобилизации населения Кунгурского уезда в повстанческие отряды. В своем объявлении башкирским, татарским, мишарским и марийским предводителям старшине Каникаю Яшпохтину, сотникам Осипу и Ишметю Ишмаметову, мулле, депутату, Бакею Абдулову и сотнику Иману Аладинову Бахтияр Канкаев сообщал об успехах «государя». Помимо достоверных сведений о продвижении Главного войска по Зауральскому Башкортостану, он в целях активизации населения писал о невероятных событиях: взятии Оренбурга повстанцами

[1] Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 312.

[2] Там же. С. 293.

[3] Там же. С. 313–314.

и назначении Кинзи Арсланова губернатором, осаде Москвы тюрками, присоединении к Е.И. Пугачеву 10 тысяч казахов, которые «привели с собой для раздачи в армию бесчисленно много лошадей, коров и баранов и мн. др.»[1]

Талант агитатора и организатора повстанческих сил у Бахтияра Канкаева особенно широко раскрылся летом 1774 года, когда Е.И. Пугачев со своим Главным войском продвигался по Северному Башкортостану. 13 июня под Иргинским заводом Осокиных в повстанческом лагере был составлен именной указ «Петра III» – Е.И. Пугачева, полковникам Бахтияру Канкаеву и Ярмухамету Кадырметову. Указ был ответом Е.И. Пугачева на просьбу Бахтияра Канкаева прислать «повелительного указу о набрании русского и башкирского войска». В указе требовалось «полковнику Канкаеву и старшине Кадырметову... оного войска как русского, так и башкирского всячески стараться набирать в Большую армию и стоять против злодеев и искоренять противящихся нашей короны»[2]. Указ был отправлен есаулом Салихом Наврузовым, которому была вручена подорожная грамота «с именными его величества о самонужнейших делах указами к нуждающемуся с войском старшинам Бахтияру Канкаеву с товарищами»[3].

Надо полагать, что есаул Салих Наврузов с указом Е.И. Пугачева добрался до Бахтияра Канкаева благополучно, так как данный указ вместе с остальными документами оказался в походной канцелярии Бахтияра Канкаева, попавшей в руки карателей после поражения его отряда в бою под деревней Зюри 27 июля 1774 года. Получив указ «царя», Бахтияр Канкаев развернул широкомасштабную деятельность по вовлечению в восстание многонационального населения вначале в районе Красноуфимска, затем в районах Бирска и Прикамья.

Тщательное изучение документов походной канцелярии Бахтияра позволяет проследить действия Бахтияра Канкаева и восстановить общую картину восстания в Северо-Западном Башкортостане летом 1774 года. В общей суете и суматохе событий лета 1774 года Бахтияр Канкаев своей первостепенной задачей считал вовлечение

[1] Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 314.

[2] Там же. С. 44, 387; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 188, 388.

[3] Там же. С. 397–398.

населения в восстание, формирование новых отрядов. 22 июня 1774 года Бахтияр Канкаев, сославшись на указ Е.И. Пугачева от 13 июня, отправил приказ старшинам Уранской волости Осинской дороги Аиту Сеитову, Ишкине Уразову и Федоске Янбахтину, где повелевал им «стоять напротив состоящихся в Сарапульской стороне и на Качове [село Касево левом берегу Камы напротив Сарапула] неприятелей». Для этого они должны были «всяких чинов обывателей в поход с каждого дому по одному человеку, но ежели в одном доме три человека, то взяв из них двоих», забрать в повстанческий отряд и чтобы «во время приезду самого государя была команда больше и тем бы показалась красива»[1].

Помимо указов, ордеров, наставлений Бахтияр Канкаев в различные районы и населенные пункты рассылал своих эмиссаров и целые отряды. Так, на Суслову мельницу для приведения населения к присяге на верную службу «государю Петру Федоровичу» он послал отряд в 100 человек во главе со старшиной Зулькарнаем Юсуповым[2].

Если зимой 1773–1774 годов его бессменным помощником был есаул Абдулкарим Кусекеев, летом 1774 года появилась целая группа крупных предводителей, действовавших под его руководством или в тесном контакте с ним. К таковым относятся полковники Ярмухамет Кадырметев и Абдулла Мустаев, атаманы Гаврила Лихачев и Рахмангул Дюслеев, старшина Балтач Сеитов, полковой писар Абубакир Клянчев. Они оказывали постоянную помощь в мобилизации населения в повстанческие отряды, в обеспечении их провиантом, фуражом и оружием, в охране населенных пунктов, основных трактов и перевозов через Белую, Каму, Вятку и другие реки, в управление освобожденной территорией, в решении спорных вопросов.

Бахтияр Канкаев предпринимал попытку внести элементы организованности в повстанческих отрядах, что отразилось в составлении реестров, ведомостей, списков повстанцев, выдаче жалований[3].

Много сил требовалось для обеспечения повстанческих отрядов провиантом и фуражом. Бахтияр Канкаев систематически занимался решением этой задачи. В приказе походному старшине Балтачу

---

[1] Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 316.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 302–303, 327–330, 350–352.

Сеитову он требовал обеспечить рассыльщиков Токтарского перевоза, «збирая с стоящих по близости онаго перевоза деревень Биктеметовой, Токрак, Аяковой, Бадрак немедленно». Учитывая «дальность их разстоянием», Бахтияр Канкаев предлагал решить проблему за счет местного населения, требовал «с каждых пяти домов дать по одному барану»[1]. В качестве одного из опорных пунктов в обеспечении отрядов оружием, провиантом, порохом, скотом, лошадьми и вином Бахтияр Канкаев использовал Шумбутский винокуренный завод. При отказе исполнения заводом его приказов он грозился: «то з зади приказ зделаем калмыкам и башкирам вырубить и завод сожечь». В одном из билетов он требовал прислать с завода в его отряд 15 казаков. 5 жителей завода, уволенных из отряда, должны были вернуться домой и привести «з заводу боярской скот: два ста овец; ежели есть коровы, то все взять; и коней без остатку, да две бочки целые сороковые крепкого вина». В другой раз писарь Федор Игнатов оформил записку о приеме с Шумбутского завода 125 овец, 10 дротиков, 4 сабель и 2 бочек вина[2]. Резервы отрядов пополнялись и трофеями. Об этом свидетельствует, в частности, рапорт сотника дозора Якова Иванова, где говорится о пленении неприятельского солдата и конфискации его лошадей: «мерина карего, жеребца карева»[3].

В повстанческих отрядах и на освобождённой территории Бахтияр Канкаев старался решать спорные вопросы, регулировать отношения между повстанцами и местным населением, принимал меры против мародерства и грабежа жителей[4]. Иногда жители обращались к Бахтияру Канкаеву с вопросами, в решении которых он был некомпетентным. Так, повстанческие командиры Ярмухамет Кадырметов, Ишкина Саинов, Юмай и Амир Карачёвы жаловались на то, что у жителей деревни Бикметево каратели захватили лошадей, оружия и имущество[5].

Укомплектованные отряды Бахтияр Канкаев отправлял для пополнения Главного войска. В том, что Е.И. Пугачев подошел к Каза-

[1] Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 327–330, 350–352.

[2] Там же. С. 325–327, 337

[3] Там же. С. 349.

[4] Там же. 320, 321, 325, 330, 331,337, 338, 340, 350.

[5] Там же. С. 321.

ни с войском в 30 тысяч человек, безусловно, есть заслуга Бахтияра Канкаева и его соратников. Многие вновь комплектованные отряды оставались на местах и стояли против неприятелей, охраняли тракты и перевозы, следили за движением карательных команд систематически сообщали об этом командирам, Бахтияру Канкаеву и в Военную коллегию[1].

Бахтияр Канкаев имел обширные связи с предводителями других районов. Многие из них обращались к нему с просьбой прислать команды на помощь. Часто он и сам просил помощи у других командиров. Атаман Адиль Бигашев и полковник Араслан Рангулов многократно требовали его прислать вооруженные отряды под Бирск и на Ангасякский винокуренный завод. И.Н. Белобородов требовал набирать команды и присылать их в распоряжение Е.И. Пугачева. Башкирские полковники Абдулзялиль Урускулов и Аладин Бектуганов также просили помощи в борьбе с карателями, прибывшими из города Уфы в село Дуваней[2]. Таким образом, летом 1774 года Бахтияр выполнял функцию диспетчера в распределении, дислокации и передислокации повстанческих отрядов в Северо-Западном Башкортостане. Этим он сыграл заметную роль во внесении элементов организованности в стихийное движение.

Одной из важнейших заслуг Бахтияра Канкаева летом 1774 года было контролирование особо важных трактов и перевозов через Каму, Волгу, Белую и другие реки. Структура организации охраны перевоза хорошо раскрывается в его рапорте в Военную коллегию от 21 июля 1774 года. Бахтияр Канкаев сообщал: «во всяких перевозах камских и вятских имеются большие караулы». В рапорте говорится о подходе к Сокольскому перевозу на Каме карательной команды, но «наши караулы их на сию сторону не пускают». В этом же рапорте сообщается об организации пикетов и дозоров на дорогах, которые осматривают дороги, «нет ли где неприятельских команд по разным дорогам; в разных местах денные и нощные караулы поставлены от нашей собранной армии по сту и по пятьдесят человек со всяким военным оружием»[3].

---

[1] Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 331–333.

[2] Там же. С. 290, 291, 293, 312–317,318, 320, 322–327

[3] Там же. С. 341.

Бахтияр Канакаев старался держать перевозы под личным контролем. В приказе сотнику А. Федорову и жителям деревень по рекам Каме и Вятке он требовал: «Чтоб не перевозить сюда команды неприятельские, также и на оную сторону. Накрепко сим подтверждаю: кто какого жительства услышит неприятельский находы, то чтоб неотменно во всякой скорости ко мне репортировали чрез почту»[1]. В этом деле ему помогали Абдулзялиль Урускулов, Адиль Бигашев, Балтач Сеитов, Абдулла Туктаров и другие предводители.

Охрана перевозов возлагалась на местное население. Бахтияр Канкаев назначал из среды крестьян сотника, иногда есаула, или присылал своего человека. Тот организовывал круглосуточное дежурство на перевозе, занимался обеспечением своей команды питанием, лошадьми и оружием. Деревни, на котрых возлагалась охрана перевозов или трактов, освобождались от наборов.

Таким образом, своим активным действием по вовлечению населения в повстанческое движение, организацией управления и контроля на освобожденной территории Бахтияр Канкаев создал коридор для свободного продвижения Е.И. Пугачева и его Главного войска по Северо-Западному Башкортостану, от Осы к Казани.

При продвижении Е.И. Пугачева к Казани повстанческие отряды Северо-Западного Башкортостана стремились присоединиться к его Главному войску. Многие из них двигались к Казани. Бахтияр Канкаев также предпринимал меры для соединения с Е.И. Пугачевым. Он со своим отрядом передвинулся из района Среднего Прикамья на территорию Арской и Зюрейской дорог Казанского уезда. Авангарды его отрядов достигали окрестностей Казани.

Захватив Казань, в середине июля Е.И. Пугачев отправил повстанческим предводителям указ с требованием стягивать силы для сражения с карательным корпусом И.И. Михельсона[2]. Этот указ, не дошедший до нас, сделал сильный толчок повстанческим силам и их командирам принять меры для организации похода на Казань. О необходимости объединить силы для совместного похода к Бахтияру Канкаеву обращался полковник Гаврила Лихачев, в свою очередь Бахтияр Канкаев обращался к Гавриле Лихачеву. С радостью встре-

[1] Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 330–331.

[2] Там же. С. 334–335.

тили они известие о появлении в Прикамье повстанческого отряда Караная Муратова. Бахтияр Канкаев и Гаврила Лихачев обращались к Каранаю Муратову с призывом объединиться и вместе идти на Казань к Е.И. Пугачеву[1].

Однако многим предводителям Северо-Западного Башкортостана не удалось соединиться с Главным войском Е.И. Пугачева. Не смог присоединиться к Е.И. Пугачеву и Бахтияр Канкаев. Он продолжал мобилизовать население в повстанческие отряды, контролировать тракты и перевозы через Каму и Вятку[2]. Близкими и надежными соратниками Бахтияра Канкаева в это время были полковники Ярмухамет Кадерметев, Гаврила Лихачев, Абдулла Мустаев. После перехода Е.И. Пугачева за Волгу на преследование Главного войска ушел карательный корпус И.И. Михельсона. Но территорию Башкортостана и Казанской губернии наводнили правительственные войска. В районе действия отрядов Бахтияра Канкаева и его соратников действовали карательные корпуса полковников С.В. Неклюдова, А.Ф. Обернибесова, М.Н. Кожина и Ю.Б. Бибикова, мелкие подразделения майоров В. Меллина и В. Юшкова. Достаточно крупные повстанческие отряды Бахтияра Канкаева, Гаврилы Лихачева, Абдуллы Мустаева в течение длительного времени успешно сопротивлялись карательным силам. Но неизбежный печальный финал Крестьянской войны приближался. Дальнейшее продолжение борьбы становилось все труднее, требовало огромного усилия, вносило в среду повстанческих предводителей определенную напряженность. 23 июля Г. Лихачев писал Бахтияру Канкаеву с просьбой прислать подкрепление в деревню Меретяк в связи с приближением карательной команды[3]. Приближавшейся карательной командой была разведывательная партия из корпуса полковника С.В. Неклюдова, высланная вечером 22 июля из Рыбной слободы на Зюрейскую дорогу. О продвижении этой карательной команды известно было и Бахтияру Канкаеву. В тот же день, то есть 23 июля, он послал Г. Лихачеву приказ с требованием охранять деревню Меретяк и ее окрестности от карателей собственными силами. Своего соратника он решил успокоить фантастическими

[1] Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 336, 342–343.

[2] Там же. С. 326–332, 340–342, 346, 347 и др.

[3] Там же. С. 343.

сообщениями, что недалеко находится 20-тысячная армия «государя». В это время сам Бахтияр Канкаев с 2-тысячным отрядом находился в деревне Зюри[1]. 24 и 25 июля Г. Лихачев целым рядом рапортов и писем обращался к Бахтияру Канкаеву с просьбой прибыть в деревню Меретяк и с объединенными силами наступать на Рыбную слободу, где располагались деташаменты полковника С.В. Неклюдова[2]. Однако Бахтияр Канкаев не спешил на соединение с Г. Лихачевым, продолжал рассылать приказы есаулу У. Иванову и сотнику И. Михайлову, командиру повстанческой команды Г. Сабаеву с требованием о дальнейшем комплектовании повстанческих команд, охране перевозов через Каму[3].

К этому времени Г. Лихачев обосновался в деревне Батеряки, расположенной в 15 верстах от Рыбной слободы, и продолжал звать Бахтияра Канкаева на помощь. Он имел отряд в 400 человек, надеялся на соединение с отрядом Караная Муратова, совершившего поход из-под Стерлитамакской пристани на Каму для соединения с Главным войском Е.И. Пугачева. Но эта надежда не сбылась. Доведенный до отчаяния своим критическим положением, Г. Лихачев 25 июля послал последний рапорт Бахтияру Канкаеву с обвинением его за отказ от совместного действия. В тот же день, 25 июля, в сражении с корпусом С.В. Неклюдова у деревни Батеряки отряд Г. Лихачева потерпел поражение, сам он с 4-мя соратниками бежал на Вятку[4]. Таким образом, один из боеспособных повстанческих отрядов перестал существовать, а Бахтияр Канкаев лишился одного из надежных и деятельных соратников.

Еще раньше аналогичная судьба настигла и полковника Абдуллу Мустаева. Направленный для сбора новых отрядов и для организации охраны Шуранского перевоза через Каму, он оказался отрезанным от основных сил Бахтияра Канкаева. В последнем своем рапорте он сообщал, что набрал и отправил к Бахтияру Канкаеву вначале 20, затем еще 110 человек. Но в дальнейшем его положение оказалось критическим. Многие жители района еще в июне были мобили-

[1] Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 444.

[2] Там.же. С. 244–346.

[3] Там же. С. 346–347.

[4] РГВИА. Ф. 20. Д. 1240. Л. 475.

зованы в Главное войско Е.И. Пугачева. Большинство из них погибло или попало в плен, домой вернулись раненные и больные. Сотник Адигам и мулла Хамит, которым было поручено собрать команду, оказались больными или претворялись таковыми. «А без них двоих ездить нам неможно», – писал Абдулла Мустаев в своем последнем рапорте Бахтиру Канкаеву[1]. 14 июля в сражении с карательной командой секунд-майора В. Меллина Абдулла Мустаев потерпел поражение[2].

Последним крупным предводителем из соратников Бахтияра Канкаева оставался полковник Ярмухамет Кадырметев, именовавший себя в последних документах «главным полковником». В одном из объявлений Бахтияру Канкаеву он сообщал, что в деревню Агирде приехали неприятели и собраются ее выжечь. «Почему для сопротивления против тех неприятелей все мы выехали», – писал Ярмухамет Кадерметев и просил Бахтияра Канкаева «как скоро получишь оное письмо, выезжай в готовности». Однако и на этот раз Бахтияр Канкаев не откликнулся и не спешил на помощь. В сражении с карательной командой Ярмухамет Кадерметев потерпел поражение и с остатками своего отряда ушел в пределы Осинской дороги, где действовали отряды Салавата Юлаева, Абдулзялила Урускулова, Байкея Тойкиева, Аладина Бектуганова, Арслана Рангулова[3].

27 июля под деревней Зюри был разбит 2-тысячный отряд Бахтияра Канкаева. Сам Бахтияр Канкаев, бросив отряд, скрылся в Прикамских лесах[4]. В плен попали его верные соратники, писари Алексей Поторчинов и Абубакер Клянчев. Последнему Казанская секретная комиссия вынесла приговор: «Отсечь руку, которою он писал народу, а потом голову»[5].

Царские власти долго и безрезультатно разыскивали Бахтияра Канкаева. 18 ноября 1774 года начальник Казанской секретной комиссии генерал П.С. Потемкин в своем распоряжении предупреждал:

---

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 416. Ч. 1. Л. 163; Пугачевщина. Т. 1. Док. 111; Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 347–348.

[2] Там же. С. 446.

[3] Крестьянская война в России. Т. III. С. 280; *Гвоздикова И.М.* Башкортостан накануне и в годы Крестьянской войны. С. 436–437.

[4] Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 282.

[5] РГАДА. Ф. 6. Д. 467. Ч. 6. Л. 246.

«главнейших бунтовщиков, как, например, Кинзю, 2-х Салаватов, Ильчигула и Канкея» задержать в комиссии[1]. Но властям так и не удалось найти и наказать Бахтияра Канкаева. Он исчез, оставив после себя походную канцелярию с богатым содержанием документов.

Анализ всей повстанческой деятельности Бахтияра Канкаева показывает, что он был незаурядным организатором повстанческого движения в Северном и Северо-Западном Башкортостане в течение длительного времени: с декабря 1773 по июль 1774 года. Он был неординарной личностью, человеком со сложным, неуживчивым характером. В самый сложный для восстания момент он мог поднимать скандалы со своими соратниками, в самое необходимое для решительных действий время мог оставаться бездейственным и, напротив, в самое неподходящее время мог принимать непродуманные решения. Г. Лихачев и Ярмухамет Кадерметев критиковали его за безответственность, когда он не откликался на их письма и не шел на соединение отрядов. Адиль Бигашев и Аладин Бектуганов обвиняли Бахтияра Канкаева за то, что он в июне 1774 года без согласия с другими предводителями бросил их под Бирском и ушел в сторону Сарапула[2].

Тем не менее Бахтияр Канкаев сыграл большую роль в Крестьянской войне 1773–1775 годов. Одной из его больших заслуг является вовлечение башкир, мишарей, марийцев Сибирской дороги в повстанческое движение в декабре 1773 года. Особенно неоценимую роль Бахтияр Канкаев сыграл летом 1774 года, когда в Северо-Западном Башкортостане своими энергичными действиями подготовил население региона для встречи Е.И. Пугачева и его Главного войска, а после ухода их под Казань фактически открыл «второй фронт» для отвлечения от Пугачева значительных карательных сил.

Бахтияр Канкаев честно боролся за идеи освобождения своего края от социального и национального гнета. Много ошибался, но боролся как умел и как мог. Поэтому он должен занимать свое заслуженное место в памяти и сердцах потомков.

---

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 507. Ч. 3. Л. 24 об.

[2] Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 316, 444.

Адиль Бигашев

Адиль Бигашев, башкир Сибирской дороги, главный атаман повстанческой армии, соратник Салавата Юлаева. Человек с уникальной и загадочной биографией и не менее загадочной судьбой. По показаниям многих повстанцев, он служил во флоте, был капралом. Откуда он родом, из какой деревни или села, какого рода и волости, сколько лет служил во флоте, когда и почему ушел со службы, где после службы жил и выполнял должность волостного муллы, на все эти вопросы ни в каких архивных источниках упоминаний не имеется. Известно лишь, что он был отставным капралом, волостным муллой Сибирской дороги, владел языком тюрки и русской грамотой.

Адиль Бигашев неожиданно появился в разгар Крестьянской войны 1773–1775 годов, ярким метеором пронесся над ее небосклоном и незаметно исчез, оставив исследователям десятки неразрешенных вопросов и загадок. Он включился в повстанческое движение в декабре 1773 года. Вместе с полковниками повстанческой армии Бахтияром Канкаевым и Абдулзялилем Урускуловым на Казанской дороге занимался мобилизацией жителей «на службу императору Петру Федоровичу». По этому периоду повстанческой деятельности Адиля Бигашева сохранился единственный документ. В своем приказе старшине деревни Бекмеево Еланской волости Казанской дороги Башмету Сеитову полковники Абдулзялиль Урускулов, Бахтияр Канкаев и атаман Адиль Бигашев требовали: «Каждая из ваших команд пусть будет послушной его, старшины Каскына Самарова сына, приказаниям»... Приказ подписали полковники Абдулзялиль Урускулов и Бахтияр Канкаев, атаман, мулла Адиль Бигашев[1]. Видимо, приказ появился в связи с «Воззванием» башкирских предводителей повстанческого корпуса, осадившего город Уфу в конце ноября 1773 года. 6 декабря полковник Каскын Самаров разослал указ башкирам Демской волости с призывом изготовиться «в поход со всяким оружием и выступить вам в город Уфу». Кроме того, Каскын Самаров предупреждал, что «по Казанской дороге с осми пушками идут из города Уфы, и их бы, злодеев, истребить, дабы они не чинили противу нашего государя сопротивление»[2]. 12 декабря

[1] Воззвания и переписка вожаков Пугаческого движения. С. 59–60.

[2] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 66–67.

с аналогичными требованиями Каскын Самаров, Канбулат Юлдашев и Ибрагим Мрясев разослали указ старшинам и сотникам Иланской волости Казанской дороги. Очевидно, что Абдулзялиль Урускулов, Бахтияр Канкаев и Адиль Бигашев правильно определили значение усиления повстанческого корпуса под городом Уфой для дальнейшего распространения Крестьянской войны на территории Башкортостана и решили оказать поддержку формирующемуся Уфимскому повстанческому центру.

Во второй половине декабря Адиль Бигашев вернулся на Сибирскую дорогу и стал одним из ближайших соратников Салавата Юлаева. Крупнейший знаток истории Крестьянской войны 1773–1775 годов Р.В. Овчинников писал, что Салават Юлаев в январе 1774 года под Кунгуром действовал вместе с отрядами пугачевских атаманов И.С. Кузнецова, М.Е. Мальцева, Канзафара Усаева, Бахтияра Канкаева и Адиля Бигашева[1]. Во многих сохранившихся источниках отражается активное участие Адиля Бигашева в повстанческом движении в январе 1774 года в Красноуфимско-Кунгурском районе в качестве ближайшего соратника Салавата Юлаева. В «Увещевании» повстанческих командиров властям и населению города Кунгура от 19 января автограф «Войсковой предводитель и переводчик Адиль Бигашев» следует после полковников Ильчигула Иткулова и Сулеймана Кусекеева[2]. В аналогичном «Увещевании» от 20 января, в «Наставлении» И.С. Кузнецова и Салавата Юлаева атаману Юговского завода Г.П. Ситникову о пополнении отряда жителями окрестных сел и подготовке к окружению Кунгура, в «Ордере» И.С. Кузнецова и Салавата Юлаева Осинской земской избе о мерах предосторожности в связи с прибытием в Кунгур карательной команды секунд-майора Д.О. Гагрина подпись Адиля Бигашева следует после главного атамана И.С. Кузнецова[3].

Во всех этих документах Адиль Бигашев именуется «Войсковой предводитель и переводчик». Немногим раньше, в указе Салавата Юлаева от 13 января 1774 года об определении атаманом Красноуфимского казачьего войска М.П. Попова (Иванова) и есаулом

[1] *Овчинников Р.В.* Манифесты и указы Е.И. Пугачева. С. 189.

[2] Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 248.

[3] Там же. С. 250, 252, 253

М.Д. Чигвинцева он именовался «Выборный переводчик и капрал», в указе Салавата Юлаева от 14 января М.П. Попову и М.Д. Чигвинцеву об отставке от службы Г.А. Овчинникова Адиль Бигашев подписывался после Салавата Юлаева: «Выборный и переводчик капрал Адиль Бигашев»[1]. Несколько отличается автограф Адиля Бигашева на «Наставлении» Салавата Юлаева М.П. Попову и М.Д. Чигвинцеву от 14 января об управлении Красноуфимской крепостью, где он называется «Выборной предводитель переводчик»[2]. Сопоставление всех этих регалий Адиля Бигашева позволяет выяснить вопрос об определении его статуса в иерархической лестнице командного состава повстанческого центра Красноуфимско-Кунгурского района.

Войсковой предводитель и переводчик походной канцелярии Салавата Юлаева Адиль Бигашев оставался его преданным соратником и находился рядом с ним, участвовал во всех сражениях: во взятии Красноуфимской крепости, в штурме города Кунгура, оборонительных боях Красноуфимской крепости против карательных команд 19 февраля 1774 года и полевых сражениях Салавата Юлаева в марте 1774 года.

В мае 1774 года, когда определился маршрут продвижения Большого войска Е.И.Пугачева через северные волости Башкортостана на Казань, Салават Юлаев отправил Адиля Бигашева и Бахтияра Канкаева в Северо-Западный Башкортостан с задачей мобилизации населения в повстанческие отряды для пополнения Главного войска. Прибыв в район Прикамья, Адиль Бигашев с присущей ему энергией развернул свою повстанческую деятельность. Этот период его участия в Крестьянской войне наиболее полно отражается в сохранившихся источниках. Он имел свой отряд, но действовал в тесном контакте с Бахтияром Канкаевым, Буляком Якуповым, Абдулзялилем Урускуловым, Ермухаметом Кадырметевым и другими предводителями восстания этого региона.

Особенность Северо-Западного Башкортостана в годы Крестьянской войны заключалась в том, что на одной и той же территории одновременно действовали по мобилизации населения и формированию повстанческих отрядов предводители от горных заводов,

---

[1] Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 243, 246.

[2] Там же. С. 245.

дворцовых изб, полковники Мензелинского повстанческого района, местные башкирские предводители, эмиссары Е.И. Пугачева, Военной коллегии и Чесноковского центра. Каждый предводитель формировал свой отряд, ссылаясь на Манифест от «государя». В результате из одного и того же селения набирали «казаков» по нескольку раз. Для регулирования этого вопроса нужен был авторитетный предводитель, мнение которого признавали другие. Такими авторитетами стали Бахтияр Канкаев и Адиль Бигашев, которые действовали от имени Салавата Юлаева. Об этом очень ярко говорится в «Донесении» жителей деревни Карышево Бахтияру Канкаеву и Адилю Бигашеву с просьбой об освобождении их от набора в повстанческую армию. Жители села перечисляют, что от них некто Тайчин набрал 9 человек, мишарский старшина Султанмурат Янышев – 12 человек, пугачевский полковник из армии Караная Муратова Абдулзялиль Сулейманов, писчик из села Алтынного Иван Васев и другие. Многие односельчане погибли в сражениях. Сельчанам приходится содержать за свой счет как повстанческие отряды, так и карательные команды, отчего они разорились. Поэтому старейшины села Карышево просили «высокопоставленных, оказать помощь». Такими «высокопоставленными», компетентными решить их проблему они признали Бахтияра Канкаева и Адиля Бигашева[1].

Рапорты, письма, приказы, донесения командиров повстанческих отрядов в июне 1774 года в Северо-Западном Башкортостане раскрывают многогранную деятельность именно этих предводителей. Им предстояла колоссальная работа по вовлечению населения в движение после крупных поражений повстанческих сил весной 1774 года; подготовить регион и население для встречи и беспрепятственного продвижения Главного войска. Для этого необходимо было расставлять дозоры на дорогах, отряды для охраны речных переправ; не допустить прорыва карательных команд со стороны Уфы, Кунгура, Казани и горных заводов Пермского края, оказавшихся опорными базами карателей. Наиболее опасным направлением в этом плане было южное направление, со стороны Уфы, где к лету 1774 года концентрировались крупные, хорошо вооруженные правительственные корпуса генералов Ф.Ю. Фреймана, П.М. Голицына,

[1] Воззвания и переписка вожаков Пугаческого движения. С. 123–124.

полковника А.Я. Якубовича, подполковника И.И. Михельсона и других. Для прикрытия этого направления необходимо было захватить пригород Бирск. Адилю Бигашеву и другим предводителям приходилось решать эти задачи одновременно. Поэтому со своими динамичными действиями они успевали работать с населением Западного Прикамья, вести борьбу с карателями, возглавлять осаду и штурм Бирска.

Видимо, Бахтияр Канкаев и Адиль Бигашев прибыли в район назначения в последних числах мая или в самом начале июня 1774 года. 1 июня повстанческие предводители Араслан Рангулов, Буляк Якупов, Аладин Бектуганов и Ярмухамет Кадырметов, находвишиеся под Бирском, в своем письме Бахтияру Канкаеву и Адилю Бигашеву писали: «Мы, ожидая вас, чтоб обсудить различные дела, пребываем в неведении и неопределенности»[1].

Если сопоставить события и переписку предводителей, воссоздается такая картина. Сводный отряд Араслана Рангулова, Буляка Якупова, Аладина Бектуганова и Ярмухамета Кадырметева 27 мая 1774 года потерпел поражение под Бирском во время вылазки его гарнизона. 4 июня вновь собранные повстанческие отряды при поддержке отряда численностью 200 воинов, присланного Салаватом Юлаевым, штурмом взяли Бирск. Этот факт проскальзывается и в допросе Адиля Бигашева, проведенном 5 мая 1775 года в Уфимской провинциальной канцелярии. Во время допроса он изворачивался, сваливал свою вину на угрозы со стороны Салавата Юлаева. Это – типичный прием любого предводителя умалять свою роль в восстании для облегчения меры наказания. Однако Адиль Бигашев вынужден был признать, что «был употреблен им на злодейскую службу и был при сожжении пригорода Бирска»[2].

Следовательно, Салават Юлаев для оказания помощи повстанцам в захвате пригорода Бирска отправил туда отряд под командой Бахтияра Канкаева и Адиля Бигашева. По пути продвижения от Красноуфимска к Бирску Бахтияр Канкаев и Адиль Бигашев занимались мобилизацией населения в повстанческие отряды, наводили дисциплину. Об этом говорит вышеотмеченное доношение старейшин села

---

[1] Воззвания и переписка вожаков Пугаческого движения. С. 128–129.

[2] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 316.

Карышево от 23 мая. 3 июня сотник Саид-Джафар Зайсанов рапортовал им о конфискации имущества Надира Шарыпова, отошедшего от движения[1]. 4 июня они участвовали в захвате Бирска и вступили в руководство восстанием в районе Бирска и Ангасякского винокуренного завода. 5 июня Адиль Бигашев отправляет приказ походному сотнику Абилю Бияшеву с требованием набирать жителей Бирского уезда в повстанческие отряды и собирать их в деревне Сатаниха в связи с ожидаемым походом карательного корпуса А.Я. Якубовича из Уфы[2]. 8 июня Адиль Бигашев и Бахтияр Канкаев приказывают старшине Зулькарнаю Юсупову о приведении к присяге жителей Сусловой мельницы. Одновременно они принимали меры по организации перевозов и их охраны через большие реки. 8 июня они отправили приказ походному старшине Балтачу Сеитову об усилении охраны провоза через реку Белую. Чрезвычайная важность поставленной задачи очевидна в строгом характере приказа: «Отправить тебе из своей команды надлежащее число людей на состоящейся на Бадрашской дороге перевод в самокрайней скорости безотговорочно. Да и самому тебе надо обеими теми перевозами завсегдашней присмотр иметь с канвоями и велеть быть в крайней осторожности, дабы, наехав впезапно, неприятели не перебрались». Адиль Бигашев и Бахтияр Канкаев понимали серьезность положения, поэтому они требовали: «А ежели получите какое либо опасное известие, прислать без малейшего замедления репорт. По тому ж велеть и черемисам, чтоб они были в крайней осторожности, а команде твоей возвратиться на старой перевоз». В данном приказе Адиль Бигашев подписался: «Главный отаман, мулла Адель Бигашев руку приложил»[3].

Предводители не упускали из виду и командования своих отрядов. 9 июня Адиль Бигашев рапортовал Бахтияру Канкаеву об организации охраны Ангасякского завода. В рапорте хорошо просматриваются самостоятельные действия Адиля Бигашева с собственным отрядом: «С вашей стороны не получили мы никаких [вестей]. Что касается нас, то мы выступили с войском, чтобы враги не одержали верх на Ангасякском заводе»[4]. Туда же они собирали и другие

[1] Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения. С. 129.

[2] Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 318.

[3] Там же. С. 323.

[4] Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения. С. 135.

повстанческие отряды. 10 июня Адиль Бигашев и Бахтияр Канкаев отправили приказ черемисскому старшине Байкию Тойкиеву с требованием вернуть семнадцать трофейных лошадей, уведенных с Ангасяксого завода, и черемисские команды. «Потому что, – говорится в приказе, – те лошади будут необходимы здесь армейским казакам для ведения конного сражения. И здесь очень много врагов. Пойми это, не будь беспечным как прежде»[1]. 11 июня Адиль Бигашев рапортовал Бахтияру Канкаеву об отправке повстанческого отряда на Ангасякский завод: «...А мы тут отправили триста человек на Ангасяк и сами здесь собираем новую команду». Он также сообщал о продвижении Е.И. Пугачева по Северному Башкортостану и его сражениях на реке Ай[2].

Продвижение Главного войска Е.И. Пугачева в сторону Кунгура приковало внимание повстанческих командиров к северу Башкортостана. Основной их задачей стало обеспечение дороги по маршруту движения «государя», налаживание работы почтовой службы, охрана дорог и переправ. 12 июня Араслан Рангулов рапортовал Бахтияру Канкаеву и Адилю Бигашеву: «Мы сами [находимся] здесь: по Атарской дороге, как мы обнаружили, опасно следовать почте, поэтому несколькими людьми я охраняю Атарскую дорогу и несколько людей поставили на Бардашскую дорогу».

Местные командиры придавали огромное значение сотрудничеству с Главным войском Е.И. Пугачева и личного свидания с «государем». В рапорте от 12 июня сообщается также о том, что старшина Буляк Якупов «...с несколькими людьми... отправился на свидание к его величеству государю»[3]. Они в своем рапорте Е.И. Пугачеву просили «повелительного указа» объединить русские и башкирские отряды и создать многонациональную «великую армию, противостоя врагам, искоренить враждебных вашему величеству людей». Буляк Якупов в письме Адилю Бигашеву от 12 июня рапортовал, что они получили письмо, посланное им через Уметдина. Видимо, Адиль Бигашев ставил перед ним задачу формирования такой армии, так как Буляк Якупов сообщает: «после этого мы снарядили

---

[1] Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения. С. 136.

[2] Там же. С. 137–138.

[3] Там же. С. 140

полк». Буляк Якупов продолжает письмо сообщением, что «его величество, милостивый государь наш Петр Федорович, с двенадцатью тысячами людей отправился на Кунгурскую крепость. Нас тоже требуют туда»[1]. Е.И. Пугачев своим именным указом от 13 июня Бахтияру Канкаеву поддерживал идею создания «великой армии» и повелевал инициаторам «доводить все без изменения до предела[2].

Когда Е.И. Пугачев захватил пригород Осу и направился на Казань, задачи местных командиров и их повстанческих отрядов изменились. Они должны были активизировать мобилизацию населения в повстанческие отряды и посылать их на пополнение Главного войска, усилить борьбу с карательными командами, которые значительно оживили свои действия после ухода Е.И. Пугачева и его Главного войска с территории Башкортостана. 18 июня Адиль Бигашев и Аладин Бектуганов в приказе Бахтияру Канкаеву сообщают о резком обострении борьбы. Они пишут: «... пришедшие со стороны Ангасяка враги разорили деревню Чалкан и убивали его жителей. И сейчас эти враги непристанно чинили подобные разорения. И если каждый час приходят люди с рапортами, [сообщая о том], как разоряют [население] враги, находящиеся на стороне Сукояза». Поэтому Адиль Бигашев требует: «Да соглашайтесь же без каких-либо изменений с ранее отправленным отсюда нашим приказом». Адиль Бигашев не знал, что Бахтияр Канкаев покинул район дислокации отряда по приказу «государя», и думал, что он самовольно возвращается домой и осуждал его: «Если же вы собираетесь возвращаться домой, то возвращайтесь. А мы совместно с оставшимися здесь командами и униженными, у которых разорены очаги, доложим об этих ваших действиях его величеству милостивому государю нашему»[3].

В конце июня Бахтияр Канкаев со своими отрядами переместился на территорию Западного Прикамья, где формировал новые команды для Главного войска Е.И. Пугачева, обеспечивал переправы на Белой и Каме, вел сопротивление карательным экспедициям. Адиль Бигашев курировал действиями повстанческих командиров под пригородом Бирском. Бахтияр Канкаев рапортовал Адилю Бига-

[1] Воззвания и переписка вожаков Пугаческого движения. С. 141.

[2] Там же. С. 141–142.

[3] Там же. С. 144.

шеву: «И мы здесь, напротив [деревни] Курча, поставили пикеты и приказали построить через реку [Белую] рядом три моста»[1]. 26 июня Ярмухамет Кадырметов в рапорте Адилю Бигашеву и Бахтияру Канкаеву писал: «Собрав и снарядив здесь возвратившихся с Ангасякского завода людей, если даст всевышний, я в понедельник на рассвете присоединяюсь к вам. Тут я отправил в разные стороны посыльных, чтобы пригнать войсковых людей»[2].

Район действия Адиля Бигашева и его отряда после захвата Бирска уточняется в его рапорте Бахтияру Канкаеву в конце июня: «... и будет известно вам, что мы сами находимся в деревне Карабай на реке Танып»[3]. Составители сборника «Документы Ставки Е.И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений» неверно информировали, что деревня Карабай находится под Бирском. Такая деревня в указанном ими районе действительно имеется. К тому же исследователей дезориентировало сообщение Адиля Бигашева: «После того как команды соберутся, поставив караулы вокруг Ангасякского завода, мы сами, если будет угодно аллаху, подготовившись, прибудем к вам»[4]. Однако они не обратили внимания на такую деталь в рапорте Адиля Бигашева. Он отмечает, что деревня Карабай «на реке Танып». Следовательно, лагерь Адиля Бигашева находился не под Бирском, а в деревне Карабай Осинской дороги.

Когда повстанческое движение на территории Казанской и Осинской дорог шло к своему финишу, а крупные силы повстанцев были разбиты или рассеялись. Адиль Бигашев присоеденился к Салавату Юлаеву и участвовал в его сражении с корпусом подполковника И.К. Рылеева 22 сентября под Елдякской крепостью. На допросе Адиль Бигашев показывал, что после сражения он якобы бежал домой, но «отколь и еще Салаваткою взят был на сражение против деташамента подполковника Рылеева»[5]. Об участии Адиля Бигашева в сражении под Елдякской крепостью показывал на допросе елдякский казак Абиль Байдашев[6].

---

[1] Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения. С. 154.

[2] Там же. С. 149.

[3] Там же. С. 158.

[4] Там же.

[5] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 316.

[6] Там же.

Во многих документах июня 1774 года Адиль Бигашев подписывался главным атаманом. В совместных приказах с Бахтияром Канкаевым от 9 июня Балтаю Сеитову, от 10 июня Байкею Тойкиеву и в своем приказе Бахтияру Канкаеву от 18 июня он подписывается «Я, главный полковник мулла Адиль Бигашев»[1]. В первый раз Адиль Бигашев подписался «главным атаманом» в приказе от 8 июня под пригородом Бирском. Вероятно, отправив в мае в район Прикамья с ответственной задачей, Салават Юлаев присвоил ему чин «главного атамана».

Изучение сохранившихся источников позволяет констатировать, что Адиль Бигашев вел себя в отношении с полковниками Бахтияром Канкаевым и Ярмухаметом Кадырметовым, Арасланом Рангуловым, Абдулзялилем Урускуловым на равных, а в отдельных случаях даже давал им приказы и требовал бесспорного исполнения его указаний. В любом случае он, человек с большим жизненным опытом, знакомый службой в российской армии и флоте не по книгам, владевший татарским письмом и русской грамотой, то есть образованный для своего времени, достойно занимал место среди крупных башкирских предводителей Крестьянской войны 1773–1775 годов. Он сыграл заметную роль в повстанческом движении зимой 1773–1774 годов в районе Красноуфимской крепости и города Кунгура, летом 1774 года под пригородом Бирском и в бассейне реки Танып. Он проявлял себя и как талантливый организатор повстанческих сил, и как незаурядный военный предводитель. Адиль Бигашев был и оставался близким и надежным соратником Салавата Юлаева. Их повстанческие пути сошлись в январе 1774 года в районе Красноуфимска. Сражение 22 сентября 1774 года под Елдякской крепостью с корпусом подполковника И.К. Рылеева оказалось последним аккордом их совместной борьбы. На допросе Адиль Бигашев ссылался на принуждение и угрозу Салавата Юлаева, якобы заставившего участвовать в восстании. В свою очередь Салават Юлаев заявил: «отставного капрала Адиля Бигашева на злодейскую службу я никуда не нарежал и ево никогда повесить не намерялся». Эти заявления не раскрывают их истинных отношений, лишь являются тактикой выкручивания на следствии, стремление скрывать фактические масштабы своей повстанческой деятельности.

[1] Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения. С. 134, 136, 144.

Судьба Адиля Бигашева как до Крестьянской войны, так и после нее для нас покрыты тайной. И.М. Гвоздикова утверждает: «Последнее упоминание об А.Б. (Адиле Бигашеве) связано с его приказом от 18 июня 1774 года, в котором он осуждал намерения Бахтияра Канкаева отступить...». Однако Адиль Бигашев фигурирует в документах от 26 и 28 июня и в двух июнских документах без даты, по содержанию относившихся к событиям последних дней июня. А приказ Бахтияра Канкаева и Адиля Бигашева Байкию Тойкиеву с требованием вернуть штрафных коней датируется июлем месяцем 1774 года[1].

Составители сборника «Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения» пишут, что Адиль Бигашев «был пленен карателями и находился под следствием в Уфимской провинциальной комиссии»[2]. Автор данного очерка не располагает материалами о пленении Адиля Бигашева карателями. Использование показаний Адиля Бигашева Уфимской провинциальная канцелярия по делу Салавата Юлаева не значит, что он выступил в качестве свидетеля или обвинителя. Обвинительные материалы по делу Салавата Юлаева и Юлая Азналина Уфимская провинциальная канцелярия получила от Оренбургского губернатора И.А. Рейнсдорпа. В числе свидетелей, опрошенных Ф. Третьяковым летом 1775 года, Адиль Бигашев не значится[3]. Дальнейшая судьба Адиля Бигашева, крупного башкирского предводителя Крестьянской войны 1773–1775 годов, неизвестна.

Араслан Рангулов

Башкир деревни Кигазы, сотник Су-Таныпской волости Сибирской дороги (деревня Кигазы Аскинского района РБ). Полковник, главный атаман повстанческой армии. Владел языком тюрки.

Автору не удалось найти в архивных фондах материалы о повстанческой деятельности Араслана Рангулова осенью и зимой 1773 года. Поэтому обращаемся к энциклопедии «Салават Юлаев», где освещается этот период участия Араслана Рангулова в повстанческом движении. Араслан Рангулов в октябре 1773 – марте 1774 года в составе Главного войска участвовал в осаде города Оренбурга.

---

[1] Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 349.

[2] Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения. С. 394.

[3] *Гвоздикова И.М.* Салават Юлаев. Исследование документальных источников. С. 50–53.

Попал в плен, находился под следствием Яицкой комендантской канцелярии, был освобожден[1].

Он активно включился в повстанческое движение весной 1774 года, когда население Северного Башкортостана ждало прихода в их край «государя Петра Федоровича». Салават Юлаев направил в Северо-Западный Башкортостан отряд под командой полковника Бахтияра Канкаева и Адиля Бигашева для организации встречи «государя Петра Федоровича» и его Главного войска. Вероятно, в этом отряде был Араслан Рангулов и его постоянные соратники Буляк Якупов и Аладин Феляков. В пути продвижения отряд мобилизовал в свой состав представителей местного населения. Воины Салавата Юлаева должны были участвовать в захвате пригорода Бирска.

Основным местом повстанческой деятельности Араслана Рангулова, Буляка Якупова и Аладина Фелякова были район пригорода Бирска и Ангасякского винокуренного завода. Узнав, что над пригородом нависла реальная угроза, И.И. Михельсон направил из Уфы к Бирску деташамент капитана Казанского дворянского уланского корпуса А.В. Мельгунова, послал приказ секунд-майору О.И. Дуве из Бакалинской крепости передислоцироваться в Бирск, деташамент которого 23 мая выступил из Бакалов.

Повстанцы активизировали свои действия, расширяли территорию восстания. 24 мая они напали на деревню «верного» башкирского старшины Кулыя Балтачева и двинулись в направлении к Бирску. 25 мая бирский воевода капитан И. Суровцев рапортовал в Уфимскую провинциальную канцелярию о приближении к Бирску «отряда под командованием Аладина Бектуганова, сотника Мрата и Араслана Рангулова», просил прислать из Уфы пушки и боеприпасы. В тот же день А.В. Мельгунов сообщал в провинциальную канцелярию, что повстанцы остановились в 40 верстах от пригорода, «а наконец, в бытность уже к ночи, в 25 верстах начевали и намерены сего числа Бирск атаковать», просил прислать для поддержки чугуевских казаков[2].

27 мая под Бирском состоялось сражение с повстанческим отрядом, возглавляемым Арасланом Рангуловым, Буляком Якуповым

[1] *Гвоздикова И.М.* Араслан Рангулов // Салават Юлаев. Энциклопедия. С. 41.

[2] РГВИА. Ф. 20. Д. 1239. Л. 1 и об.; РГАДА. Ф. 6. Д. 592. Л. 527 об.

и Аладином Феляковым, с командой О.И. Дуве, который в тот же день отправил рапорт генерал-поручику Ф.Ф. Щербатову с сообщением о сражении. Рапорт изобилует самовосхвалениями самого автора. Тем не менее документ имеет подробное описание хода сражения и заслуживает частичного воспроизведения. Деташамент О.И. Дуве был составлен из следующих сил: у капитана А.В. Мельгунова было 140 раненых из уланского корпуса, здоровых осказались 50 человек, «ис коих взял с собою 40 человек и пушку»; 25 человек из Чугуевского казачьего полка; 63 – из чугуевских солдат и рекрутов прапорщика Василия Титова. Всего набралось у О.И. Дуве 223 человека. Когда правительственная команда вышла из пригорода и отошла на 2 версты, ее встретил сводный отряд повстанцев. Дуве «ни мало не мешкав, занял сколь мог лутчие места, построил своих людей так, как мне надобно было к супротивлению з злодеями». Но в 11 часов утра повстанцы бросились в атаку «с превеликим криком и окружили меня совсем, куда на все стороны обороняться должен был, с коими я 4 часа дрался». Повстанцы отрезали от деташамента Дуве команду капитана Мельгунова. Дуве на его выручку бросил эскадрон, однако повстанцы стали преодолевать его. Тогда Дуве «принужденным нашолся последний секурс – резерф, кой пехоту и пушку прикрывал, взять их и поворотить в подкрепление ескадроана и казаков». Резерв врезался в середину повстанческого отряда и обеспечил победу карательной команды. Дуве в рапорте восторгается, что они «обратили в бегство и гнали их до самого лесу, разстоянием 7 верст, где подошла река, чрез нее мост, до которого много злодеев порезано и в реке потоплено». По сообщению О.И. Дуве, «Толпа злодейская находилась под предводительством старшин башкирских: деревни Байки Буляк Якупов, да Ирехтинской и Кигазинской волостей Араслан Рангулов и Аладин». Повстанческий отряд имел «слишком до трех тысяч человек, ис коих мною убито 200, в числе много старшин побито, в плен взято 20 человек»[1].

Показания пленных башкир в основных моментах совпадают с текстом рапорта О.И. Дуве: в сводном отряде было около трех тысяч воинов, бой начался в 11 часов утра, первыми на карателей бросились повстанцы и окружили карательную команду, упорный

[1] РГВИА. Ф. 20. Д. 1239. Л. 15 об.–16; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 162–163.

и кровопролитный бой продолжался 4 часа и закончился поражением повстанцев[1].

Однако поражение от майора О.И. Дуве и капитана А.В. Мельгунова не остудило порыва восставших. Их командиры продолжали набирать людей в свои отряды. Обострению борьбы способствовали приближение Главного войска Пугачева и тесная связь с Салаватом Юлаевым. Башкир деревни Кызылярово Гарейской волости, активный участник восстания Шарип Шаркаев на допросе в Казанской секретной комссии показывал, что летом 1774 года в их деревню от Е.И. Пугачева пришли два башкира с билетом и требовали набрать по одному человеку с каждого двора, «а всего тринадцать человек». Затем явились к старшине волости, полковнику повстанческой армии Юмакаю Аскарову. Всего набрали «как башкирцов, так вотяков, мещеряков и черемис более тысячи человек. Потом пошли в пригород Бирск. Тут главными у них над толпою были башкирцы Араслан Рангулов, Буляк Якупов и Аладин Бектуганов»[2]. Аналогичные сведения Шарип Шаркаев дал на допросе по делу Салавата Юлаева в Уфе в октябре 1775 года. Участник событий под Бирском вотяк Москов Якимов набор повстанцев связывал с действиями Салавата Юлаева: «Весною же, не знает в котором месяце, приехал в их деревню башкирец [Феляков] с двадцатью человеками башкирцев и требовал на службу якобы государю Петру Федоровичу в команду к их старшине Салавату Юлаеву»[3].

Под Бирском сводный отряд потерпел еще одно поражение. По показаниям Шарипа Шаркаева, потерпев поражение, повстанцы бежали в мишарскую деревню Пулеву. Туда подоспела команда от Салавата Юлаева человек 200, затем еще одна команда от Салавата в 300 человек. 4 июня повстанцы возобновили атаку на Бирск. «И как жители усмотрели, что их толпа весьма уже велика, то перебрались все за реку Белую на сю сторону». Воинская команда гарнизона попыталась оказать отпор, но повстанцы, «зажегши дома, тем пригородом овладели и весь выжгли».

Когда Главное войско Е.И. Пугачева вступило на территорию Северного Башкортостана и двинулось на Казань, Араслан Рангулов,

[1] РГВИА. Ф. 20. Д. 1239. Л. 16 об.–17.

[2] РГАДА. Ф. 6. Д. 507. Ч. 4 . Л. 550–552 об.

[3] Там же. Л. 552 об.–555.

Аладин Феляков и Буляк Якупов приступили к подготовке встречи с Е.И. Пугачевым: набирали отряды для пополнения Главного войска, обеспечивали охрану дорог, мостов и перевозов через реки, устанавливали прямую связь со Ставкой Пугачева. В письме Бахтияру Канкаеву от 1 июня Араслан Рангулов приглашал его приехать к ним на совещание для разработки и решения общих вопросов, интересовался действиями полковника Ильчигула Иткулова и других командиров повстанческих отрядов.

6 июня в Ставку Е.И. Пугачева, которая находилась в верховьях реки Ай, прибыл Абдулкарим Аитов в качестве посланца сводного отряда Араслана Рангулова, Аладина Фелякова и Буляка Якупова, действовавшего в районе пригорода Бирска. Салават Юлаев, находившийся в это время в Ставке Е.И. Пугачева, в тот же день, 6 июня, через Абдулкарима Аитова отправил письмо атаманам Осинской и Сибирской дорог. Письмо было адресовано «старшине Буляку Якупову, атаману Аладину Фелякову и старшине Араслану Рангулову». В нем Салават Юлаев сообщал о двух сражениях «государя Петра Федоровича» с гусарами на реке Ай, давал наставление «стоять против неприятелей крепко с непоколеблимостью сердец своих ни на какую сторону». Военная коллегия в тот же день через Абдулкарима Аитова послала увещевательное письмо «Буляковой команде» с повелением «в своих волостях с мещеряцкого народа собрать армию и быть от разоряющих неприятелей в осторожности»[1].

После получения писем от Военной коллегии и Салавата Юлаева у предводителей оживилась работа по мобилизации жителей в повстанческие отряды. Командиры начали устанавливать между собой более тесные контакты, согласовывали свои действия, предпринимали попытки объединять отряды. 12 июня Араслан Рангулов отправил письмо Бахтияру Канкаеву, Адилю Бигашеву и Ярмухамету Кадырметеву с сообщением, что получили от них три письма и к ним на помощь отправили отряд под командой полковника Салея Кутумакова. В письме говорилось об опасностях на Атарской и Бардашских дорогах, в связи с чем Араслан Рангулов поставил людей патрулировать эти дороги. Из письма становится известным, что к тому времени Буляк Якупов выехал «с несколькою командою для

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 416. Ч. 1. Л. 168 об.; Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 256.

свидания с государем». В тот же день, 12 июня, башкирский полковник Абдулзялиль Урускулов отправил Бахтияру Канкаеву письмо с предложением собраться «скоро-на скоро» и приехать в деревню Тимкино, послать людей к Буляку Якупову и Араслану Рангулову, чтобы они тоже ехали со своими командами к Бахтияру Канкаеву[1].

После поражения Главного войска и ухода Пугачева за Волгу башкирские отряды вернулись домой. Араслан Рангулов, Буляк Якупов и Аладин Феляков до поздней осени действовали под Бирском и в бассейне реки Быстрый Танып. «Верный» башкирский старшина Шарип Кииков в рапорте от 4 сентября 1774 года информировал Уфимскую провинциальную канцелярию, что у реки Танып собрались команды злодейских полковников Абдулзялиля Урускулова, Араслана Рангулова и Абдусаляма Рамзина «с шести сот человек, да еще с ними Елдяцкой крепости казаков и новокрещен с атаманским сыном со ста человек, приехали в деревню Бурай-Чешму, где и ночевали, дожидаясь Байкинской волости воров Буляка Якупова с командою. Да Кайпановой волости Аладин Бектуганов собрался за Танып рекою, например, с тысячью человек, и переехали в Уранскую волость». Они продолжали набирать воинов «з дву дворов в поход по человеку». В тот же день, 4 сентября, майор И. Штерич под Ангасякским заводом нанес поражение одному из повстанческих отрядов.

Осенью 1774 года обстановка на территории Башкортостана обострилась. Главное войско Пугачева под Царицыном потерпело поражение и перестало существовать. Вождя Крестьянской войны яицкие казаки сдали властям. В то же время край наводнили карательные войска, активизировали свои действия «верные» башкирские и мишарские старшины. Повстанческое движение пошло на убыль. Видимо, распался и сводный отряд Араслана Рангулова, Буляка Якупова и Аладина Фелякова. Лишь Салават Юлаев продолжал свою беспрецедентную борьбу. Арасалан Рангулов со своим отрядом примкнул к войску Салавата Юлаева, участвовал в сражениях 18 и 22 сентября под Елдякской крепостью и деревней Норкино против карательного корпуса подполковника И.К. Рылеева. После этих сражений Араслан Рангулов вернулся в бассейн реки Танып и продолжал самостоятельно сопротивляться до глубокой осени. Генерал-

[1] Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения. С. 139.

майор П.М. Голицын в рапорте от 23 ноября 1774 года П.И. Панину сообщал, что 14 башкирских старшин и 15 ясачных татар принесли повинную, лишь «повстанческий атаман Араслан Рангулов и сотник Мансур Азменев с малым числом сторонников бежали вверх реки Таныпп»[1].

Араслан Рангулов попал в плен в конце 1774 года. В Казанской секретной комиссии подвергался допросам и пыткам. Весной 1775 года был переведен в Уфимскую тюрьму для привлечения по делу Салавата Юлаева в качестве свидетеля. Он признавал свое участие вместе с Салаватом Юлаевым в сражениях «обще против деташамента подполковника Рылеева». Умер в Уфимской тюрьме.

Баим Кедряев

Башкир деревни Баимово (Абзелиловский район РБ), тархан, отставной старшина Кубелякской волости Исетской провинции (80 дворов). Полковник повстанческой армии, главный судья Башкортостана. Имел богатую родословную: прадед Турмамбет Ялтиков был князем, отец Кедряй Давлетов – старшиной. Баим Кедряев был одним из богатейших башкирских старшин, имел более 6 тысяч лошадей. Известный рудознатец, первооткрыватель многих месторождений железной руды. В 1740 году он показал маркшейдеру Маркову и переводчику Оренбургской губернской канцелярии Роману Уразлину месторождение магнитного железняка на левом берегу реки Яик, на горе Атас, которая стала знаменитой Магнитной горой. Баим Кедряев был широко известным, популярным, знатным старшиной. 18–19 июня 1770 года в его летовке побывал академик И.И. Лепехин.

Баим Кедряев верой и правдой служил царской власти. В башкирских восстаниях 1735–1740 годов участия не принимал. Когда началось восстание 1755–1756 годов, он нес линейную службу в Кизильской крепости. Оренбургский губернатор И.И. Неплюев для подавления восстания в Зауральский Башкортостан направил несколько карательных полков с установкой «в жилищах бунтовщиков корень находить и искоренить». Командир карательного полка Исаков арестовал Баима Кедряева, подозревав в нем «секретного волка»

[1] РГАДА. Ф. 1274. Д. 179. Л. 380; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 411.

и дважды подвергал жестоким пыткам. Верный присяге, данной царским властям, Баим-тархан был «бесчеловечно изломан»[1].

Когда началась Крестьянская война, Баим-тархан, видимо, вспомнил старые обиды, незаслуженно нанесенные ему в 1755 году. В декабре 1773 года примкнул к восстанию и принимал в нем активное участие. Зимой 1774 года совместно с тарханом Муйнаком Расулевым и старшиной Телевской волости Мусой Килкиным они действовали в окрестностях Верхояицкой крепости, досаждали коменданту крепости полковнику Е.А. Ступишину частыми нападками на крепость. Они штурмом захватили Белорецкий завод и к своему тысячному отряду присоединили 200 заводских крестьян.

Исключительную роль в Крестьянской войне Баим Кедряев сыграл весной и летом 1774 года. После крупных поражений под Татищевой крепостью и Сакмарским городком Е.И. Пугачев с жалким остатком Главного войска по совету Кинзи Арсланова бежал в Зауральский Башкортостан, где дислоцировались крупные карательные корпуса генерал-поручика И.А. Деколонга, генерал-майора С.К. Станиславского, секунд-майора Д.О. Гагрина, сильные гарнизоны Троицкой и Верхояицкой крепостей. Власти боялись, что беглого самозванца могут поддержать зауральские башкиры и заводские крестьяне. Поэтому они стремились изолировать Е.И. Пугачева от башкир, не допускать его в их жилища и делали ставку на Баима Кедряева как на «духовного наставника» башкирских старшин. В апреле 1774 года генерал-майор П.М. Голицын направил к нему двух «верных» башкирских старшин с увещеванием. Генерал-поручик Ф.Ф. Щербатов в донесении императрице Екатерине Алексеевне 11 мая 1774 года писал об исключительном влиянии Баима Кедряева на башкирских старшин и выражал надежду на его поддержку.

Однако Баим Кедряев к тому времени уже твердо определил свою позицию. Еще в начале апреля Е.И. Пугачев отправил ему письмо с просьбой набрать и отправить к нему конных башкир. С приходом Пугачева на Белорецкий завод зауральские башкиры начали формировать повстанческие отряды для возрождения Главного войска. Старшина Муса Имангулов в походной канцелярии генерала П.М. Голицына докладывал, что «знатной старшина Баим-тархан по-

[1] *Асфандияров А.З.* История сел и деревень Башкортостана. Кн. 1. С. 104.

ехал к Пугачеву и при нем башкирцов человек со ста, чтоб ево звать к себе в гости»[1]. Составители сборника «Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии» утверждают, что Баим-тархан отправил к Пугачеву своего сына Абзана Баимова во главе отряда в 100 человек и с письмом с приглашением в гости[2].

Баим Кедряев набирал и отправлял отряды для пополнения Главного войска, вел самостоятельные действия: захватил деревню Арскую под Белорецким заводом, сражался с карательной командой коллежского советника И.Л. Тимашева, 21 мая в составе Главного войска участвовал в штурме и захвате Троицкой крепости. Таким образом, ставка властей на Баим-тархана не оправдалась. В донесении императрице генерал Ф.Ф. Щербатов писал, что «из посланных от него [генерала П.М. Голицына] с увещеваниями верных башкирских старшин к их Баим-тархану, духовному начальнику, возвратился к нему [генералу П.М. Голицыну] только один, не имея успеха в своем деле».

Приглашение Е.И. Пугачева к себе в гости, сделанное Баим-тарханом в мае месяце, реализовалось летом 1774 года. После крупных поражений от генерала И.А. Деколонга и подполковника И.И. Михельсона под Троицкой крепостью и деревней Лягушино Е.И. Пугачев остался без войска, артиллерии и обоза. Небольшая кучка сподвижников во главе с «государем» оказалась зажатой между карательными корпусами И.А. Деколонга и И.И. Михельсона. Катастрофа восстания и гибель вождя, по признанию буржуазного историка, профессора Московского университета П.Л. Юдина, были неизбежны. Выход Е.И. Пугачева из этого архикритического положения обеспечили зауральские башкиры. Е.И. Пугачев скрывался в их летних кочевьях, а башкирские старшины за это время набирали конных воинов и возрождали Главное войско. Это признавал сам Е.И. Пугачев, который на допросе в Тайной экспедиции Сената показывал, что в то критическое время к нему пришли более 10 тысяч «уральских башкирцев» и несколько заводских крестьян. Признавали это и местные царские власти. После подавления восстания летом 1775 года Исетский воевода В.И. Свербеев обращался к башкирским старшинам Исетской

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкитрии. С. 139.

[2] Там же. С. 374.

провинции с обвинением, что они поддержали самозванца и сохранили его «злую душу».

В этом историческом эпизоде Крестьянской войны главную роль довелось сыграть Баим-тархану Кедряеву. Около 10 дней Е.И. Пугачев исчез не только для карателей и местных царских властей, но даже для близких соратников и населения. Сохранившиеся источники подтверждают, что в течение более недели Е.И. Пугачев скрывался в летних кочевьях Баима Кедряева. 24 мая генерал-майор Ф.Ю. Фрейман, получив сообщение о нахождении Е.И. Пугачева у Баим-тархана, отправил на его поиски команды офицеров Жаденова и Гончарова, капитана Краевича и поручика Тимашева. Однако башкиры дружно прятали своего вождя, направляли карателей на ложные пути. Властям так и не удалось найти и арестовать Е.И. Пугачева.

С вновь набранным Главным войском Е.И. Пугачев двинулся через северные волости Башкортостана на Казань. В знак признания заслуг старшин зауральских башкир он своим именным указом от 5 июня 1774 года присвоил им высокие воинские чины. Полковника Баима Кедряева он назначил главным судьей Башкортостана.

Баим Кедряев до поздней осени 1774 года продолжал борьбу против карательных команд. 22 ноября он совместно с Салаватом Юлаевым участвовал в сражении под Катав-Ивановским заводом против корпуса генерала Ф.Ю. Фреймана. 24 ноября Баим Кедряев был арестован коллежским советником И.Л. Тимашевым. Власти не решались принимать какие-либо меры наказания к столь популярному и влиятельному старшине, тархану Баиму Кедряеву. И.Л. Тимашев для предупреждения возможной вспышки восстания весной 1775 года советовал последнему командующему карательными войсками по подавлению Крестьянской войны, генерал-аншефу П.И. Панину нескольким пугачевским «чиновникам объявить прощение и использовать для увещевания среди башкир». Вероятно, И.Л. Тимашев рассчитывал использовать Баима Кедряева для увещевания среди башкир, и он оказался в этом списке. Баим Кедряев был освобожден из-под ареста без наказания, но в увещевании населения не участвовал. Последнее сведение о Баиме Кедряеве относится к 1783 году.

Абзан Баимов. Сын Баима Кедряева, тархан, старшина Кубелякской волости Исетской провинции. Активный участник Крестьянской войны. Командир повстанческого отряда. В мае 1774 года при-

вел в Белорецкий завод отряд в 100 конных башкир и доставил Е.И. Пугачеву письмо своего отца с приглашением в гости. Собирал отряд из зауральских башкир. Весной-летом 1774 года в сводном отряде Абзан-тархана Баимова, Мрадыма Саитмамбетева и трех старшин Бурзянской волости было более 2 тысяч воинов. По признанию Е.И. Пугачева, на Белорецком заводе «пристали к нему башкирцов до 2000, с коими он Магнитную крепость взял»[1]. В «Ведомости» Исетской провинциальной канцелярии, составленной 17 декабря 1774 года, говорится: «Протчих же нижеписанных волостей старшины с их подкомандующими, не исключая ни одного, все генерально находились в бунте, ис коих под сим значющияся возвратились их волостей с подиченными в прежнее повиновение». В списке значится: «Кубелятской волости старшина Абзан-тархан Баимов»[2].

[1] Допрос Е. Пугачева в Тайной экспедиции Сената в Москве. С. 210.

[2] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 272.

Глава 4. Башкирские предводители Ногайской дороги

Аднагул Мурзагулов

Башкир. Атаман повстанческой армии. Упоминается в единственном документе: в ноябре 1773 года Кинзя Арсланов отправил ордер башкирским старшинам-повстанцам Канбулату Юлдашеву и Худайназеру Теливбердину с требованием истреблять неприятельские команды. В конце ордера автографы: «Во уверение сего атаман Кинзя Арсланов руку приложил. Атаман Аднагул тамгу свою приложил»[1]. Вероятно, Аднагул был родным братом Алибая Мурзагулова. По сообщению Оренбургского губернатора И.Д. Рейнсдорпа, 9 или 10 октября в Берду прибыл отряд «башкирского старшины Альвея [Алибая]» в 600 человек. В это время сам Алибай Мурзагулов находился в Стерлитамакской пристани и помогал местным властям формировать башкиро-мишарский карательный корпус. Отряд в 600 человек из башкир Кыркули-Минской волости в Бердский лагерь мог привести его брат Аднагул. Однако документы, подтверждающие такую версию, обнаружить не удалось.

Азат

Рядовой башкир деревни Бишаул-Унгарово (Кармаскалинский район РБ). О нем сохранился единственный документ. Майор Пекарский, один из организаторов и руководителей обороны Уфы от повстанческой армии И.Н. Зарубина, сообщал: «… башкир Азатка из деревни Бешаул Уфимского уезда находился общником Пугачева и назывался полковником в их злодейской толпе, который во время атакования Уфы находился возле деревни Пекарского и брата ево, и все состоящие за рекой Уфой дворянские деревни и дома, как и обжитком, так и скотом и прочим ограбил и разорил»[2]. Во время генерального сражения повстанческой армии И.Н. Зарубина с карательным корпусом И.И. Михельсона в ночь с 24 на 25 марта 1774 года

[1] *Гвоздикова И.М.* Указ. соч. С. 57.

[2] НА УФИЦ РАН. Ф.3. Оп.12. Д.73. Л.44; *Асфандияров А.З.* Указ. соч. Кн.3. С. 74.

около деревни Зубово попал в плен. Отпущен в сентябре 1774 года поручиком Атаевым[1]. Дальнейшая судьба неизвестна.

Акмурза Лоишев

Башкир Кандырской слободы Ногайской дороги. Пугачевский полковник[2]. Сохранились крайне скудные сведения. В рапорте коменданта Озерной дистанции бригадира А.А. Корфа Оренбургскому губернатору И.А. Рейнсдорпу сообщается, что «назад тому четырнадцатый день» Кундровскую слободу покинула команда, «командующим» которой был Акмурза[3].

В Оренбургской секретной комиссии допросу подвергался Канчура Мункин, «старшина своекошных татар деревни Канчуриной Оренбургского уезда». На допросе Канчура рассказал, что летом 1773 года башкиры угнали казахских лошадей. Казахи отыскали часть угнанных лошадей, 400 голов, и оставили их на хранение татарам деревни Кончурино. Началась Крестьянская война, в их деревню приехал башкир «Кандырской» слободы Акмурза с отрядом в 90 человек. Он отогнал лошадей в Берду, «за что от Пугачева зделан был полковником»[4].

Судя по тому, что он регулярно посещал Бердскую слободу, можно предполагать, что отряд полковника Акмурзы действовал в непосредственной близости от повстанческого центра. Постоянные контакты с Пугачевым говорят о том, что чин полковника ему присвоил сам «государь».

Других сведений об этом башкирском полковнике Акмурзе пока обнаружить не удалось. Дальнейшая судьба неизвестна.

Алибай Мурзагулов

Башкир деревни Чукраклы Кыркули-Минской волости (Чишминский район РБ). Старшина Кыркули-Минской волости (107 дворов), главный старшина Ногайской дороги. Его отца Мурзагула Абысова в 1737 году зарубили каратели. В письме Кидраса Муллакаева

---

[1] *Таймасов С.У.* Указ. соч. С. 268.

[2] РГАДА. Ф. 6. Д. 508. Ч. 3. Л. 260 об.–261.

[3] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 44.

[4] РГАДА. Ф. 6. Д. 508. Ч. 3. Л. 260 об.-261; Д. 467. Ч. 9. Л. 35 об.

капитану П.А. Батову от 3 июля 1737 года говорится: «А после того курану первой Кильмяк мулла 75 человек в верность привели и порубили, а которых штрафных коней во 80 человеках водили, и тех всех рубили, а у них главного Юрматынской волости Свияргул Черамышаков, той же Ногайской дороги, Кул-Минской волости Мурзагула Абысова…»[1].

В советской историографии Алибай Мурзагулов получил одностороннюю, упрощенную оценку как представитель колеблющейся группы башкирских старшин, которые в восстании участвовали под давлением народных масс, а в период спада движения переходили на сторону карателей. Очень справедливую характеристику Алибаю Мурзагулову дает историк Салават Таймасов: «Алибай всегда находился у властей на виду и в силу этого часто был вынужден действовать осторожно, имитируя собственную лояльность. Он не был героем, подобным Салавату, Кинзе и Каранаю, и действовал, сообразуя с обстоятельствами. Быть героем, уметь поступать нередко вопреки обстоятельствам – удел немногих. В октябре – ноябре 1773 года Алибай находился на Ашкадарской пристани, где формировался пятитысячный башкиро-мишарский отряд. 10 ноября он вместе с Салаватом привел к Пугачеву 1200 человек»[2]. К этой замечательно справедливой оценке можно добавить всего пару моментов. Во-первых, Алибай Мурзагулов был старшиной Кыркули-Минской волости, на территории которой находился город Уфа. Следовательно, Алибаю Мурзагулову постоянно приходилось быть на виду у царской администрации Уфимской провинции. А должность главного старшины требовала регулярного контакта с губернскими властями. Во-вторых, 10 ноября 1200 башкирских конников Алибай Мурзагулов привел сам. К тому времени Салават Юлаев еще не достиг такого уровня авторитета и влияния, чтобы вместе с главным старшиной Ногайской дороги сагитировать огромный карательный отряд перейти на сторону самозваного царя.

До Крестьянской войны Алибай Мурзагулов вел активную социально-политическую деятельность. 31 декабря 1759 года он подал рапорт в Уфимскую провинциальную канцелярию с протестом против

[1] Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. С. 314

[2] *Таймасов С.У.* Указ. соч. С. 203.

поселения на башкирских землях мишарей и татар. В рапорте конкретные материалы о самовольном поселении мишарей и татар на вотчинные владения башкир приводятся по нескольким Минским волостям, а собственная волость Алибая Мурзагулова не указана. Следовательно, уже в это время он выполнял должность главного старшины Ногайской дороги. В конце документа приписка: «В том я, Алибей Мурзагулов, для уверения тамгу свою приложил»[1]. Следовательно, Алибай Мурзагулов грамотой не владел.

Алибай Мурзагулов пользовался большой популярностью и заслуженным авторитетом среди башкир. Во время выборов депутатов и составления наказов в Уложенную комиссию 1767–1768 годов он был доверенным лицом депутата от башкир и тарханов Уфимской провинции Туктамыша Ижбулатова. В начале 1767 года повереные от всех волостей Уфимской провинции свои челобитные для составления наказа передали Алибаю Мурзагулову как человеку «в наказаниях, подозрениях, ябедах, явных пороках небывалому». К 23 марта он закончил составление проекта наказов в 15 пунктах и передал Туктамышу Ишбулатову[2].

Когда началась Крестьянская война, Алибай Мурзагулов оказался в сложном положении. Около 700 человек башкир его команды самостоятельно перешли на сторону восставших[3]. По нашему предположению, отряд в Бердский лагерь привел его брат Аднагул Мурзагулов. Повстанческий центр, учитывая популярность и авторитет Алибая Мурзагулова, своим первым Манифестом обратился к нему. По сообщению на допросе старшины каргалинских торговых татар Мусы Алиева, один из трех экземпляров манифеста башкирам 1 октября Е.И. Пугачев через муллу деревни Айсыуак Якшея отправили к Алибаю Мурзагулову[4].

Уфимская провинциальная канцелярия назначила Алибая Мурзагулова помощником командира комплектующегося Стерлитамакского башкирско-мишарского карательного корпуса. Ставка Е.И. Пугачева

---

[1] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV. Ч. 2. С. 26–27.

[2] *Гвоздикова И.М.* Башкортостан накануне и в годы Крестьянской айвы. С. 198, 199.

[3] РГАДА. Ф. 1100. Д. 2. Л. 251–252; Архив СПбИИ РАН. Ф. 113. Д. 60. Л. 115. Допрос Е.И. Пугачева в Тайной экспедиции Сената в Москве. С. 198; Восстание Емельяна Пугачева. Л. 1935. С. 143.

[4] Допрос Е.И. Пугачева в Тайной экспедиции Сената в Москве. С. 198.

продолжала держать связь с Алибаем через атамана «башкирского полка» Кинзи Арсланова, который писал ему письма, обращался к нему со словами «Секретнодержатель, друг!», сообщал о притоке к «царю Петру Федоровичу» – Е.И. Пугачеву, башкирских полков 11 старшин[1]. Е.И. Пугачев направил к нему именной Манифест, где призывал всех башкир и их старшин служить ему, смело бороться с его врагами. И угрожал: «... естли кто меня не послушает, то им за то учинена будет казнь»[2].

Алибай вынужден был вести двойную игру. Сочувствуя восставшим, тем не менее письма Кинзи Арсланова и Манифесты Е.И. Пугачева он передавал капитану И. Уракову. В результате военные и местные гражданские власти были информированы о событиях в Башкортостане. В частности, Уфимская провинциальная канцелярия 28 октября 1773 года в своем секретном рапорте Оренбургскому губернатору сообщала, что капитан И. Ураков через письмо, присланное Кинзей Арслановым Алибаю Мурзагулову, узнал о преклонении 11 зауральских башкирских старшин Е.И. Пугачеву[3].

Но о переписке Алибая Мурзагулова с Кинзей Арслановым знали также другие старшины, рядовые башкиры и мишари Стерлитамакского корпуса, получали информацию о Пугачеве и событиях под Оренбургом. Это обстоятельство в определенной степени способствовало усилению брожения в корпусе. В своем сообщении от 29 декабря 1773 года товарищ Уфимской воеводы майор П.Н. Богданов информировал Уфимскую провинциальную канцелярию о том, что башкиры под командованием старшин Юрматинской волости Сайрана Саитова и Кусяпкула Азятева отказались стрелять по крестьянам Авзяно-Петровских заводов, окружили майора Н. Голова и Алибая Мурзагулова, грозились их «колоть»[4].

Алибай Мурзагулов перешел на сторону повстанцев 10 ноября 1773 года под деревней Биккуловой вместе с частью Стерлитамакского башкирско-мишарского карательного корпуса с 1200 всадниками. В исторической литературе до сих пор идут споры о роли Алибая

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 32.

[2] Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 30.

[3] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 39.

[4] Там же. С. 42.

Мурзагулова в переходе этого корпуса на сторону Е.И. Пугачева. Большинство авторов утверждают, что переход корпуса возглавил Салават Юлаев, а Алибай Мурзагулов был вынужден подчиниться воле рядовых башкир. Однако сам Салават Юлаев на допросе в Тайной экспедиции Сената 25 февраля 1775 года абсолютно уверенно и откровенно заявил о руководящей роли Алибая в этом событии. Факт принципиально важный, поэтому данную часть допроса цитируем полностью. Салават сообщает, что командир башкирско-мишарского корпуса Павел Богданов поручил доставить их команду «башкирцев и мещеряков, всего до тысячи двухсот человек под предводительством башкирского старшины Элви (Алибай), к генералу Кару в деревню Биккулову. Но не доезжая до оной с версту, встретила их злодейская толпа в дву тысячах или более, при которых были пушки, и их всех атаковав, держали до сумерек. Почему их старшина Элвий, не имев при себе пушек и видя, что злодейской толпы вдвое было больше, нежели его команды, без сопротивления к злодеям и склонился»[1].

В Бердском лагере Алибай Мурзагулов служил в «башкирском полку» Кинзи Арсланова. Е.И. Пугачев присвоил ему чин полковника, назначил атаманом. Возможно, атаман «башкирского полка» Кинзя Арсланов больше времени пробывал в штабе Е.И. Пугачева в качестве его советника, а Алибай Мурзагулов находился в башкирских полках, возглавлял их во время штурмов города, при отражении вылазок гарнизона. О том, что Алибай играл значительную роль в Бердском лагере, говорит такой любопытный факт. На допросе в Казанской секретной комиссии башкир деревни Юбакаево Уранской волости Осинской дороги Мяди Медияров сообщал, что в Бердском лагере «атаман Алибай Мурзагулов пожаловал ему чин старшины»[2]. В повстанческом центре, где функционировала Военная коллегия, были Е.И. Пугачев и Кинзя Арсланов, возложить на себя ответственность присваивать высокие чины мог допустить лишь крупный предводитель, располагавший самостоятельностью в своих действиях.

Об огромном авторитете Алибая Мурзагулова не только в Бердском лагере и в «башкирском полку», но и среди башкир всего края

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 300.

[2] РГАДА. Ф. 6. Д. 507. Ч. 4. Л. 217.

говорят следующие события. В марте 1774 года башкирские полковники Мензелинского повстанческого района Кидрас Муллакаев, Каип Зиямбетев и Муратша Сыртланов обратились к Военной коллегии с рапортом, где просили «прислать сюда атамана Алибая Мурзагулова, ибо здесь главного начальника, коему б был народ послушен, не имеетца, кой бы тому народу подпорою быть мог»[1].

Весной 1774 года Е.И. Пугачев, когда узнал о разгроме армии И.Н. Зарубина под Уфой, отправил туда Алибая Мурзагулова. Алмекей Алкеев, который сопровождал его в этой поездке, на допросе показал, что Е.И. Пугачев «нарядил на место того пойманного Чики башкирского старшину Алибая Мурзагулова (который у него в толпе был главным) с тем, чтоб он, Алибай, город Уфу атаковал и, как можно, старался бы ево взять, о чем ему и указ дал».

С данным указом Алибай Мурзагулов в конце марта выехал из Бердского лагеря в Чесноковку. Его сопровождал Алмекей, который сумел уговорить явиться в Уфимскую провинциальную канцелярию с повинной[2]. Подполковник И.И. Михельсон 7 апреля сообщал генерал-аншефу А.И. Бибикову, что к нему «в разных числах, принеся свою покорность, старшины сего числа явились: Алибай Мурзагулов, Ибрагим Мрясов, Айса Якупов и Каиб Зиямбетов»[3]. Таким образом, в апреле 1774 года Алибай в числе первых отошел от повстанческого движения и явился к местным властям с повинной, чему косвенно способствовала отправка его Е.И. Пугачевым под Уфу. Возможно, пока он добирался до Чесноковки, его догнала весть о поражениях самого Е.И. Пугачева под Татищевой крепостью и Сакмарским городком[4].

До лета 1774 года Алибай Мурзагулов сохранял нейтралитет. 1 июня большая группа старшин Ногайской дороги по инициативе Кидраса Муллакаева явилась в Бугульму к полковнику Н.Н. Кожину и там составила рапорт исполняющему должность командующего карательными войсками генералу Ф.Ф. Щербатову. В рапорте они заверяли о готовности срочно приступить к действиям «для поиску

---

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 118–119.

[2] *Овчинников Р.В.* Указ. соч. С. 209.

[3] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 124.

[4] По сообщению Алмекея, они явились в провинциальную канцелярию 9 апреля 1774 года. См.: *Овчинников Р.В.* Указ. соч. С. 209.

злодеев» и войти в состав карательной команды полковника П.А. Шепелева[1]. В этой группе старшин был и Алибай Мурзагулов. Однако к практическому делу по подавлению восстания летом 1774 года приступил лишь Кидрас Муллакаев. Алибай Мурзагулов с остальными башкирскими старшинами не спешили перейти на сторону карателей. Мишарский старшина Мендей Тупеев не без основания сомневался в «верности» башкирских старшин, явившихся весной 1774 года с повинной. В рапорте в Уфимскую провинциальную канцелярию он писал о своих намерениях «послать нарочных для призыву старшин Кидряса, Алибая, Ибрагима, Айсу и протчих в одну деревню для переговоров и высматривания их совести: не предвидится ли между ими какой злой умысел?». Мишарский «верный» старшина, опытный прислужник царских властей верно предчувствовал «злой умысел» башкирских старшин. Появление Е.И. Пугачева в башкирских жилищах и новый подъем народного восстания летом 1774 года привели эту группу старшин в лагерь повстанцев. Как опытные предводители, они вновь возглавили движение башкир Ногайской дороги.

Отряды башкир Ногайской дороги оказывали упорное сопротивление продвижению карательного корпуса генерала П.М. Голицына из Оренбурга в Уфу. 5 июля 1774 года их сводный отряд численностью до 2-х тысяч человек дал бой корпусу П.М. Голицына под Стерлитамакской пристанью. Отрядом командовали Алибай Мурзагулов, Каип Зиямбетев и другие старшины Ногайской дороги, полковники и атаманы повстанческой армии. Тактика лобовой атаки хорошо вооруженного регулярного соединения во главе с опытным генералом, разбившим Главную армию Е.И. Пугачева под Татищевой крепостью и Сакмарским городком, себя не оправдала. Повстанцы потерпели страшное поражение[2]. Часть старшин перешла на сторону карателей. 17 июля Каип Зиямбетев и Ибрагим Мрясев с 300 башкирами догнали корпус П.М. Голицына на реке Кармасан и в его составе отправились к Казани[3].

После этого сражения Алибай Мурзагулов окончательно отошел от движения. Его положение летом 1774 года было особенно сложным.

---

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 170–171, 383.

[2] Там же. С. 205–207, 216–217.

[3] Там же. С. 217, 399.

Бывшие соратники по восстанию пытались его вернуть в свои ряды. Из рапорта Уфимской провинциальной канцелярии от 18 июля выясняется, что предводители восставших Канбулат Юлдашев и Кутлучура Саитмамбетев «послали от себя башкирца Исенчюла к «верным» старшинам Кидрасу Муллакаеву, Каипу Зиямбетеву, Алибаю Мурзагулову и Ибрагиму Мрясеву «с тем, чтоб и они к ним с командами присоединились. А когда де соберут в свою шайку в большом количестве, то и к городу Уфе пойдут»[1]. Намерения Канбулата Юлдашева и Кутлучуры Саитмамбетева совпадали с общими планами Канзафара Усаева, Салавата Юлаева, Караная Муратова, Каскына Самарова и других крупных предводителей об организации комбинированного похода на Уфу. Потерявшие надежду на возвращение этих популярных вождей башкир в лагерь восставших, грозились их «жительства вырубить»[2].

Не однозначное было отношение к этой группе башкирских старшин и со стороны властей. Если подполковник И.И. Михельсон с восторгом сообщал об их явке с повинной и питал радужные надежды на их активное участие в подавлении восстания, то полковник Н.Н. Кожин выражал сомнение и недоверие. В своем письме Уфимскому воеводе А.Н. Борисову от 26 августа 1774 года он писал, что Алибай Мурзагулов со своей командой в 200 человек «намерение имеет идти для поимки известного злодейского начальника Салавата». Но вместе с тем он предупреждал воеводу, «подлинно ль показанной старшина Алибай доброхотствует к общей пользе» и предлагал: «как вы более сведомы о добром или злом ево намерении, меня об оном уведомлении не оставить»[3].

Позиция Алибая Мурзагулова летом 1774 года очень ярко отражается в его письме к Ибрашу Уразбахтину и Максюту Мурзакаеву от 26 июля. На сообщение о взятии Е.И.Пугачевым Казани и намерении идти на Москву Алибай Мурзагулов предлагал временно успокоиться, не тревожить народ новой войной, так как народ «принялся за работу, а как хлеб уже поспел, то пускай они исправляются». Он предлагал выжидать, «а лучше, доколе успокоится время, жить».

[1] РГВИА. Ф. 20. Д. 1239. Л. 555.

[2] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 214–215.

[3] Там же. С. 225–226.

И просил писать «с хорошим увещеванием к мулле Канзафару, чтоб он на некоторое время имел терпение». Вместе с тем Алибай Мурзагулов не запрещал желающим продолжать борьбу: «А как вам угодно, таки и оствайтесь», только «вновь тревожить отечество трудно»[1].

В этом письме Алибая Мурзагулова многие авторы видят его измену восстанию. Но ни один исследователь не заметил в нем проявления отеческой заботы о башкирском народе умудренного жизненным опытом главного старшины Ногайской дороги. На глазах Алибая Мурзагулова не одна тысяча башкир умирала от голода после жестоких подавлений башкирских восстаний 30-х и 50-х годов XVIII века. Аналогичную возможную трагедию башкирского народа предвидел Алибай Мурзагулов в конце лета 1774 года. Он писал, что на территории Башкоротостана целый год бушует война, люди не смогли убирать прошлогодний урожай, народ голодает. Если и в этом году не дадут убирать урожай, то наступит голод, будет массовый мор. Поэтому главный старшина Ногайской дороги просит дать народу возможность убирать урожай, тем самым спасти народ от голода и массового вымирания.

Многие авторы обвиняют Алибая Мурзагулова еще и в том, что он принимал активное участие в подавлении Крестьянской войны[2]. Однако действия Алибая летом и осенью 1774 года были не столь однозначны. Поэтому нельзя дать безапелляционную оценку его деятельности. Он не выходил на сражения с повстанческими отрядами, не возглавлял карательные команды, не входил в качестве «партизан» в состав правительственных войск. Основной его деятельностью было увещевание старшин и повстанческих командиров явиться с повинной, прекратить явно проигранную войну. Ругая Алибая Мурзагулова за эту деятельность, мы забываем , что он был главным старшиной Ногайской дороги, «маленьким винтиком» местной царской администрации. Власти хорошо знали об этом, поэтому и обращались к нему с требованием выполнять свои функциональные обязанности. Это сложнейшее положение Алибая Мурзагулова исключительно полно и справедливо раскрывается в письме уфимского воеводы А.Н. Борисова полковнику Н.Н. Кожину от 3 сентября

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 122.

[2] *Андрущенко А.И.* Указ. соч. С. 302, 304, 306; *Усманов А.Н.* Указ соч. С. 132–133; *Гвоздикова И.М.* Указ. соч. С. 150 и др.

1774 года: «Что принадлежит до того, чтоб ему, Алибаю, поручено было известного злодейского начальника Салаватку поймать, то такого повеления от здешней провинциальной канцелярии дано ему не было». И причину такого недоверия воевода объясняет тем, что еще в июле Алибай Мурзагулов обязался генералу П.М. Голицыну с волостей по реке Деме снарядить «к службе годных башкирцов 300 человек», но не выполнил этого обязательства до сих пор, хотя «в дурных обращениях и к злодейскому умыслу склонным... не нашелся»[1].

Для окончательного убеждения Алибая Мурзагулова, чтобы отвести от повстанческого движения, начальник Казанской секретной комиссии генерал П.С. Потемкин отправил его в Симбирск для лицезрения казни Е.И. Пугачева. В письме к Екатерине II от 17 октября 1774 года П.С. Потемкин писал: «Из числа главнейших башкирских мятежников явился с повинною предводитель их Алибай». Сославшись на Манифест Екатерины II от 29 ноября 1773 года об амнистии явившимся самостоятельно с повинной повстанцам, П.С. Потемкин освободил Алибая Мурзагулова от наказания, но «чтоб мог он быть более убежден в раскаянии в преступлении своем, отправил я его в Симбирск с шестью товарщами для лицезрения изверга, которому они в самозванстве верили и служили». П.С. Потемкин надеялся использовать авторитет Алибая Мурзагуова для приведения других вождей башкир в повиновение. «Алибая, – продолжал генерал, – будучи в почтении между собратий своих, много удостоверит башкирцев в поимке злодея»[2].

Выполняя свои функциональные обязанности главного старшины и почтового комиссара Ногайской дороги, Алибай Мурзагулов без устали разъезжал по башкирским волостям, убеждая их старшин в необходимости явиться с повинной к местным властям. В ноябре 1774 года в Казанскую секретную комиссию поступила ведомость с подписью 21 старшины башкирских волостей Ногайской дороги, которых привел в повиновение Алибай Мурзагулов. 9 января 1775 года туда же поступил его рапорт с ответом о проделанной работе по приведению старшин-повстанцев к повиновению. Оба документа хранятся в фонде Казанской секретной комиссии Российского госу-

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 593. Л. 10 и об.

[2] Там же. Д. 489. Л. 157 об.

дарственного архива древних актов в Москве[1]. Старшин, явившихся в Уфимскую провинциальную канцелярию с повинной, отправили в Казань для прохождения следственной обработки в секретной комиссии. Явился в комиссию и Алибай Мурзагулов, где с него взяли обязательство уговорить Кинзю Арсланова, Салавата Юлаева и Караная Муратова прекратить восстания или поймать и доставить их в Казанскую секретную комиссию. Алибай Мурзагулов ездил в деревню Кинзи, забрал его сына Сляусина Кинзина и отправил в Казань[2]. Сам Алибай Мурзагулов следствию и наказаниям не подвергался, был освобожден без наказания. Следует подчеркнуть, что все башкирские старшины, которых Алибай Мурзагулов приводил к повиновению, были освобождены без наказания.

Алибай Мурзагулов прожил долгую жизнь, продолжал управлять Кыркули-Минской волостью. В 1776 году он в качестве свидетеля выступил в сделке башкир Тамьянской волости Ногайской дороги с уфимским купцом А.М. Подъячевым о взятии товара с обязательством уплаты долга через полгода. В заемной записи башкир Ногайской дороги 27 ноября 1778 года Алибай Мурзагулов участвовал в качестве старшины Сартской волости Ногайской дороги. В документе от 17 февраля 1780 года он вновь значится старшиной Кыркули-Минской волости. В купчей бумаге, оформленной 5 июля 1789 года в Уфимской провинциальной канцелярии, Алибай Мурзагулов фигурирует старшиной Чуби-Минской волости Ногайской дороги. В аналогичных документах от 30 мая и 5 июня 1791 года он снова является старшиной Кыркули-Минской волости, а от 30 июля 1791 года, 22 июля 1792 и 20 мая 1793 года – старшиной Минской волости[3].

Таким образом, не используя оружия, без насилия и кровопролития Алибай Мурзагулов способствовал прекращению повстанческого движения на Ногайской дороге Башкортостана. В условиях, когда «государь» со своим войском ушел за Волгу и потерпел сокрушительное поражение под Черным Яром, а от восстания отошли казаки, заводские крестьяне, нерусские народы края и продолжали борьбу одни только башкиры, своей миротворческой деятельностью Алибай

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 507. Ч. 3. Л. 78–90.

[2] Там же. Л. 78 и об.

[3] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. V. С. 31. 79, 103, 304–306, 320–321, 327–328.

Мурзагулов способствовал сохранению жизни десяткам старшин, тысячам рядовых башкир, избавлению башкирских деревень от излишнего разорения, разрушения, сожжения.

Когда потомки рассуждают об исторических заслугах своих предков, им не следует осуждать их за то, чего они не сумели совершить, а должны быть признательными за все, что они успели сделать для потомков. При таком сознательном подходе к этому вопросу вожди башкир заслуживают искреннего восхищения не только мужеством, но и своей мудростью.

Асылгужа Мутачев

Башкир Чуби-Минской волости Ногайской дороги. Полковник повстанческой армии. Его этническое происхождение вызывает споры. Составители сборника «Документы Ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений» Асылгужу Мутачева считают татарином Казанского уезда по той причине, что он сам в своем рапорте писал «от живущегося под городом Мензелинском в деревне Бикбовове». Деревня Бикбововo не родина Асылгужи Мутачева, а ставка Караная Муратова под Мензелинском. Асылгужа Мутачев не уроженец этой деревни, а служил в ставке Караная в деревне Бикбововo. С.У. Таймасов называет его башкиром деревни Бикбово Чуби-Минской волости Ногайской дороги[1]. Действительно, 19 марта 1770 года поверенные башкир Чуби-Минской волости Ногайской дороги команды старшины Нагайбака Кансуярова оформили купчую отставному каптенармусу П.И. Гладышеву на вотчинную землю у озера Кипчак. Среди поверенных от мирского схода был Асылгузя Мутачев[2]. Следовательно, Асылгужа Мутачев был башкиром Чуби-Минской волости Ногайской дороги. К началу Крестьянской войны 1773–1775 годов он был взрослым человеком, пользовался авторитетом в своей волости.

О повстанческой деятельности Асылгужи Мутачева сохранились материалы, по которым можно определить его роль в восстании. В сборнике «Документы Ставки Е.И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений» имеется «Рапорт» пугачевского полковника Асыл-

[1] *Таймасов С.У.* Указ. соч. С. 270.

[2] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV. Ч. 1. С. 342.

гужи Мутачева атаману В.И. Торнову от 13 января 1774 года. В нем сообщается об усилении карательных сил осажденного Мензелинска и активизации их действий, что «неприятели чинят выезды и окольные деревни рубят и губят много людей», а повстанческие отряды «не в состоянии им противостоять, так как у них нет пушек». Асылгужа Мутачев просил В.И. Торнова об этом «объявить милостивому государю»[1]. Он был грамотным человеком, владел языком тюрки, свои рапорты заверял подписью: «Полковник Асылходжа Мутачев руку приложил»[2].

Из вышеизложенного можно сделать следующие выводы. Каранай Муратов в ноябре 1773 года из-под Уфы в район Мензелинска прошел через волости минских башкир Ногайской дороги и башкирских волостей Казанской дороги. Поэтому в Мензелинском повстанческом районе в его армии многие башкирские полковники были из старшин этих волостей: Кидрас Муллакаев, Каип Зиямбетев, Ибрагим Мрясев, Юмакай Аскаров, Муратша Сыртланов, Минлигул Кутлуметев, Максют. Вероятно, среди них был и башкир Чуби-Минской волости Асылгужа Мутачев. Многие полковники из минских башкир возглавляли восстание под Елабугой, в районе Бакалинской и Нагайбакской крепостей. Асылгужа Мутачев воевал под Мензелинском, был близким соратником Караная Муратова, вместе с ним возглавлял осаду и штурмы города Мензелинска.

Дальнейшая судьба неизвестна.

Биктимир Мутаев

Башкир деревни Мутаево Кыпсакской волости (Мелеузовский район РБ), старшина Бурзянской волости (115 дворов), тархан. Пугачевский полковник[3].

Биктимир Мутаев одним из первых примкнул к восстанию. Он объединил восставших башкир Бурзянской волости, крестьян Преображенского и Каноникольского заводов в большой сводный отряд и действовал в районе Зилаирской крепости, нападал на эту крепость. 15 ноября его сводный отряд под Зилаирской крепостью

---

[1] Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 149–150.

[2] РГАДА. Ф. 349. Д. 7304. Л. 1.

[3] *Асфандияров А.З.* Биктимировы // Военная история башкир. Энциклопедия. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2013. С. 94.

выдержал сражение с карательной командой капитана А. Лукьянова[1]. Сведения об участии Биктимира Мутаева в событиях под Оренбургом и присвоении ему чина полковника в источниках не сохранились.

Весной 1774 года он продолжил повстанческую деятельность. Старшина деревни Имангулово Ногайской дороги Муса Имангулов 6 мая 1774 года в походной канцелярии генерала Л.М. Голицына докладывал: «Доезжал он, Муса, Бурзейской волости до старшины Бектимера Мутиева, и, по объявлению данных ему манифестов, он, Бектимер сказал, что он в Оренбург не едет и никого аманата не даст. Причем башкирцов в собрании было Бурзейской и Тюнгаурской волости человек до дву сот»[2].

Из данного документа выясняется, что «верный» башкирский старшина Муса Имангулов приезжал к Биктимиру Мутаеву по поручению генерала Голицына для агитации его против восстания и требовал для гарантии выдать аманата. Но Биктимир Мутаев не только отказался явиться в губернскую кацелярию для приношения повинной и выдавать аманата, а комплекатовал отряд из башкир Бурзянской и Тангаурской волостей для возобновления повстанческой деятельности. По времени посещение Биктимира Мутаева «верным» башкирским старшиной совпадает с появлением Е.И. Пугачева в пределах южных волостей Ногайской дороги после поражения Главного войска под Татищевой крепостью и Сакмарским городком. В это время начался интенсивный приток башкирских отрядов к «надеже-царю». Вероятно, Биктимир Мутаев собирался присоединиться к Е.И. Пугачеву. Но для подтверждения такой версии у нас нет источников.

Биктимир Мутаев продолжал сопротивление карательным командам до глубокой осени. В «Ведомости» Уфимской провинциальной канцелярии, составленной 1 ноября 1774 года говорится о том, что большинство башкирских старшин «обратились в прежнее повиновение»[3]. В октябре он явился к И.Л. Тимашеву, который отправил его в Казанскую секретную комиссию. По решению Казан-

[1] РГВИА. Ф. 20. Д. 1231. Л. 154 об.; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 394.

[2] РГВИА. Ф. 20. Д. 1232. Л. 412; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 138.

[3] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 257.

ского губернатора П.С. Мещерского от 17 января 1775 года Биктимир Мутаев был освобожден без наказаний. Сохранил за собой должность старшины. Последний раз он упоминается в 1788 году.

Бузан Смаков

Полковник повстанческой армии. Башкир деревни Азнаево Куль-Или-Минской волости (Бижбулякский район РБ) Ногайской дороги. В XVIII веке было две деревни Азнаево. По материалам Генерального межевания 1795 года в первой из них в 10 дворах проживали 41, во второй в 10 дворах – 42 башкира. Деревни находились на территории Куль-Или-Минской волости, а население относилось к Иликай-Минской волости[1].

Бузан Смаков до Крестьянской войны служил сотником своей деревни. 16 сентября 1770 года «сотник Бузан Исмаков с товарищами» оформили запись о припуске башкир Сарайли-Минской волости Ногайской дороги на свою вотчинную землю по реке Деме[2].

К восстанию примкнул в самом его начале. Вместе с Каскыном Самаровым прошел боевой путь от Оренбурга до Уфы. Участвовал во взятии Стерлитамакской пристани, Богоявленского завода и Табынской крепости. Вместе с полковниками повстанческой армии Каскыном Самаровым, Каранаем Муратовым, Кидрасом Муллакаевым, Канбулатом Юлдашевым, Тураем Ишалиным и другими старшинами Ногайской дороги возглавлял осаду Уфы.

Характерным для башкирских вождей Ногайской дороги было их совместное выступление во главе крупных объединенных повстанческих войск. В конце ноября 1773 года 4-тысячное войско возглавляли походные старшины Тамьянской волости Каскын Самаров и Канбулат Юлдашев, сотник Бурзянской волости Каранай Муратов, Куль-Или-Минской волости Бузан Смаков и Чуби-Минской волости Турай Ишалин. Среди командиров этого войска были также старшины Кара-Табынской волости Кидрас Муллакаев и Каип Зиямбетев, Уршак-Минской волости Ибрагим Мрясев. В первые дни декабря Каранай Муратов, Кидрас Муллакаев, Каип Зиямбетев, Бузан Смаков и Ибрагим Мрясев ушли в Западный Башкортостан. Каранай Муратов

[1] *Асфандияров А.З.* Указ. соч. Кн. 7. С. 140.

[2] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV. Ч. 1. С. 349–350.

стал признанным вождем Мензелинского повстанческого района, остальные башкирские полковники возглавили отдельные крупные отряды.

В Мензелинском повстанческом районе Бузан Смаков развернул активную деятельность по мобилизации населения в восстание, участвовал в решающих сражениях. Его роль в Западном Башкортостане хорошо просматривается в нижеприведенных материалах. Повстанец Измаил Токтамышев на допросе в Казанской секретной комиссии показал, что его в татарской деревне Корсах поймали и связали «злодейские башкирцы» и привезли в татарскую деревню Мулюково к старшине Бузану», а тот отправил его в деревню Бекбово «к стоящему тут с бунтующей шайкою, в кой было тогда, как сказывают, разного народу тысяч с пять, называемому главному полковнику башкирцу Каранаю Муратову»[1]. Священник села Круглое Поле Илья Дмитриев сообщал на допросе, что они вместе со священником Патрекеевым и его сыном повезли овес из села Илбахтино в татарскую деревню Кулюково «к башкирским полковникам Тобуза и Бузаму». Те похвалили их: «Хорошо, что сами явились». На просьбу выдать проездной билет полковники ответили: «Погодите, надобно де с вашего села взять в службу государю с четырех дворов по человеку» и, выдав билет, отправили их по домам для вербовки крестьян в повстанческий отряд. Билет выдал есаул Мусса[2].

В конце декабря 1773 года Каранай Муратов отправил Бузана Смакова для осады и взятия Елабуги. На пути к Елабуге Бузан Смаков занял Беткенскую пристань. Гарнизон, состоявший из солдат второго Оренбургского батальона, добровольно перешел на сторону восставших. Около Боровецкого завода он захватил жителя Елабуги 29-летнего купца А.И. Огородникова и отправил по деревням агитировать за «государя Петра Федоровича»[3]. В январе 1774 года Бузан Смаков вернулся к Каранаю Муратову.

30 января он участвовал в сражении Караная Муратова с карательным деташаментом подполковника А.Ф. Бедряги и премьер-майора С.В. Неклюдова у села Пьяный Бор под Менезелинском. Поте-

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 507. Ч. 3. Л. 241 об.–242.

[2] Там же. Л. 492 об.

[3] *Таймасов С.У.* Указ. соч. С. 63.

ряв 400 человек убитыми и 60 пленными, они отступили к Нагайбакской крепости. 19 февраля Бузан Смаков участвовал в захвате Нагайбакской крепости[1].

Летом 1774 года Каскын Самаров, Каранай Муратов, Канбулат Юлдашев, Турай Ишалин, Кутлугильде Абдрахманов, Сляусин Кинзин и Бузан Смаков вели активную и согласованную борьбу в пределах Ногайской дороги. Зоной действия отрядов Караная Муратова был район Стерлитамакской пристани, бассейны рек Ашкадар и Стерля. Южнее от него, в районе деревни Бугульчан, действствовали отряды Каскына Самарова. На юге Ногайской дороги, вдоль Ново-Московской дороги нападения на обозы, небольшие карательные команды совершали отряды Кутлугильде Абдрахманова и Сляусина Кинзина. Отряды Бузана Смакова и Турая Ишалина вели борьбу с карательным деташаментом полковника Н.Н. Кожина и командами «верных» старшин в бассейнах верхнего течения Демы и Уршака. В сохранившихся источниках просматривается постоянная взаимосвязь, часто они шли на соединение своих отрядов для проведения военных операций против крупных карательных сил. Так, 19 июля старшина Муса Имангулов сообщал о появлении сводного отряда в 1500 человек под предводительством Кутлугильде Абдрахманова, Каскына Самарова, Бузана Смакова и Турая Ишалина[2].

Летом 1774 года на юге Башкортостана в районе башкирских деревень Сарманаево, Дюсметево, Наурузово, расположенных вдоль Ново-Моковской дороги, обострилась борьба. Бузан Смаков действовал на юге Ногайской дороги, вдоль Ново-Московской дороги. 20 июня недалеко от деревни Дюсметево он наголову разбил команду казанских уланов поручика Наумова[3]. Возникали крупные повстанческие отряды башкир. Алибай Мурзагулов, Бузан Смаков, ясачный татарин Амин образовали сводный отряд в 700 человек. К ним намеревался присоединиться Каип Зиямбетев. 25 июня у деревни Ибраево на реке Тятер секунд-майор В. Юшков нанес поражение повстанцам. Видимо, после этого сражения сводный башкирский отряд распался, и каждый башкирский предводитель действовал

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 507. Ч. 5. Л. 337 об.

[2] РГАДА. Ф. 1100. Д. 9. Л. 531 и об.

[3] РГВИА. Ф. 20. Д. 1239. Л. 305–306.

самостоятельно. 4 июля около деревни Мияки Бузан Смаков дважды вступал в бой с карательной командой В. Юшкова и отступил к речке Кизил. Позже вместе с Тураем Ишалиным, Кутлугильде Абдрахмановым и Каскыном Самаровым готовил поход на Уфу[1].

Осенью 1774 года Бузан Смаков по агитации Алибая Мурзагулова дал подписку и явился с повинной в Уфимскую провинциальную канцелярию. Оттуда Бузана Смакова отправили в Казанскую секретную комиссию. В списке комиссии отмечено, что Бузан Смаков, Каскын Самаров, Туктамыш Ишбулатов и Кучукбай Абдуллин «сами явились»[2]. Жил в городе в квартире. Решением комиссии от 24 декабря 1774 года вместе с башкирскими полковниками Ишкарой Арслановым, Туктамышем Ишбулатовым и Кучукбаем Абдуллиным и другими, всего 13 человек, Бузан Смаков был освобожден без наказания и отправлен домой с билетом[3].

Бузан Смаков сохранил за собой должность сотника деревни Азнаево. 22 февраля 1783 года «деревни Азнаевой сотник Бузан Исмаков с товарищами» оформили купчую на луга по реке Белой заводчице И.Я. Хлебниковой[4]. 26 октября 1786 года сотник деревни Азнаевой Бузан Смаков участвовал в оформлении записи об отдаче вотчинных земель башкир Куль-Или-Минской волости Ногайской дороги по реке Камышлы на оброчное владение на 35 лет крестьянину Н.Я. Первушину «с товарищами»[5].

Ибрагим Мрясов

Башкир деревни Мрясово Уршак-Минской волости Ногайской дороги. Старшина (143 двора). Пугачевский полковник[6]. В «Определении» Берг-комиссии от 3 мая 1761 года о разрешении графу О.П. Ягужинскому построить Курганский медеплавильный завод определяются границы земли, проданной ему башкирами. В данном документе Ибрагим Мрясов отмечается как старшина Миркицкой и Татаркулы-Минской волостей. В «Доношении» Оренбургского

[1] РГАДА. Ф. 1100. Д. 9. Л. 531.

[2] РГАДА. Ф. 6. Д. 507. Ч. 1. Л.125 об.; Ч. 5. Л. 28 об.

[3] Там же. Л. 65 об.

[4] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. V. С. 139–140.

[5] Там же. С. 198–199.

[6] РГАДА. Ф. 1100. Д. 7. Л. 397 об.

горного начальника от 6 сентября 1761 года о разрешении П. Балашеву на постройку Меселевского медеплавильного завода Ибрагим Мрясев упоминается старшиной Алинской и Минской волостей Уфимского уезда. В «Ведомости» Главного правления уральских заводов от 24 сентября того же 1761 года Ибрагим Мрясев значится старшиной Кубовской волости[1].

Разночтение в названиях волостей, где Ибрагим Мрясев правил должность старшины, объясняется тем, что во второй половине XVIII века перевод старшин из одной волости в другую, а также правление старшинами одновременно несколькими волостями, становилось системой. Для нас важен факт, что Ибрагим Мрясев задолго до Крестьянской войны был волостным старшиной. Накануне и в годы Крестьянской войны он был старшиной Уршак-Минской волости Ногайской дороги. В его команде было 143 башкирских двора. Следовательно, к началу восстания он был взрослым человеком и опытным администратором.

Его отец Мирас Юлумбетов был старшиной Уршак-Минской волости. В «Доношении» старшин и рядовых башкир начальнику Оренбургской комиссии В.Н. Татищеву от 24 февраля 1738 года о притеснениях, чинимых местными русскими должностными лицами, имеется тамга старшины Уршак-Минской волости Мираса Елумбетова. Мирас Елумбетов участвовал и в составлении «Челобитной» башкирских старшин императрице Анне Иоанновне об издании указа, «подтверждающего права башкир на взимание оброка с припущенников как русских, так и иноверцев»[2]. Все эти документы подтверждают, что Мирас Елумбетов активно боролся за сохранение прав и привилегий башкир, но во время башкирских восстаний 1735–1739 годов был сторонником царского правительства.

Ибрагим Мрясев примкнул к восстанию в ноябре 1773 года. В сводном повстанческом войске Каскына Самарова и Караная Муратова среди башкирских и мишарских полковников Канбулата Юлдашева, Турая Ишалина, Кутлучуры Саитмамбетова, Ибраша Уразбахтина и Абдулсалима Мамаделина был и полковник Ибрагим Мрясов. Он участвовал во всех штурмах осажденной Уфы. Когда

[1] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV. Ч. 2. С. 207–208, 215–216, 273.

[2] Там же. Ч. 1. С. 143, 144–145.

в Чесноковку прибыл И.Н. Зарубин, Ибрагим Мрясев остался под Уфой и вместе с Каскыном Самаровым вел активную работу по мобилизации населения в повстанческие отряды, обеспечению отрядов провиантом и фуражом. В «Указе» Каскына Самарова, Канбулата Юлдашева и Ибрагима Мрясева старшинам и сотникам Иланской волости от 12 декабря 1773 года они требовали, чтоб «вы подкомандующих своих привели в подданство государю добропорядочным увещеванием. А по приведении, наряжать каждому из своей команды с каждого дома по человеку, годных и вооруженных»[1].

Полковники призывали вести решительную борьбу с неповиновавшимися «государевыми изменниками», поймав их «отправить сюда, а пожитки их прислать в государеву казну немедленно, дав от деревни до деревни подводы и канвой». При невозможности подчинить их своей воле полковники обещали прислать помощь с пушками[2].

Русские крестьяне окрестностей осажденной Уфы жаловались повстанческой Военной коллегии на башкирских полковников, якобы они грабят население, отбирают лошадей, фураж, провиант. Военная коллегия требовала у И.Н. Зарубина принимать суровые меры для их наказания. Однако И.Н. Зарубин никаких мер не принимал, ибо хорошо понимал: многотысячное повстанческое войско нельзя было содержать и обеспечивать всем необходимым без поддержки местного населения. Более того, он признавал авторитет башкирских полковников и использовал это для расширения движения. Названные башкирские полковники оставались надежной опорой для И.Н. Зарубина. В «Повелении» атамана И.Н. Зарубина от 28 декабря 1773 года старшинам башкир-повстанцев Сибирской дороги с требованием выслать пополнение рядом с его именем имеются тамги Каскына Самарова и Канбулата Юлдашева, подпись Ибрагима Мрясева на языке тюрки[3]. Они приняли активное участие в роковом сражении между армией И.Н. Зарубина и карательным корпусом И.И. Михельсона в ночь с 24 на 25 марта около деревни Зубово.

После поражения повстанческой армии И.Н. Зарубина башкирские старшины разошлись по своим волостям. Вернулся к себе до-

[1] Пугачевщина. Т. I. С. 147.

[2] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 67.

[3] Там же. С. 70.

мой и Ибрагим Мрясев. Крупные поражения основных повстанческих сил под Оренбургом, Мензелинском, Уфой, Челябинском и Красноуфимском побудило часть башкирских старшин отойти от восстания. Одни из них заняли выжидательную позицию, небольшая группа перешла к правительственным войскам и участвовала в карательных операциях. Ибрагим Мрясев занимал особую позицию. Он не занимался карательными операциями, а снабжал Уфимскую провинциальную канцелярию и мишарских «верных» старшин тайными доносами о событиях на территории Ногайской дороги, о действиях отрядов Караная Муратова, Каскына Самарова и других башкирских предводителей[1]. Однако власти сомневались в «верности» этих старшин. Мишарский «верный» старшина Миндей Тупеев 10 мая сообщал в Уфимскую провинциальную канцелярию, что он намеревался «послать нарочных для призыву старшин Кидраса, Алибая, Ибрагима и Аису и протчих в одну деревню для переговорки и высматривания их совести: не предвидится ли между ими какой злой умысел»[2].

Летом 1774 года, когда Е.И. Пугачев со своим Главным войском появился на территории Башкирии, к восстанию примкнули башкирские старшины, которые с весны занимали выжидательную позицию. Среди них оказался и Ибрагим Мрясев. Сводный повстанческий отряд башкирских старшин Ногайской дороги, насчитывающий в своих рядах до трех тысяч человек, в июне 1774 года напал на деревни Токаево и Бузовязы, расположенные в 50 верстах к югу от Уфы и собирался «на тот город учинить приступ». 27 июня около деревни Алмантаевой вблизи села Чесноковки отряд был встречен карательным корпусом полковника А.Я. Якубовича и, «потеряв в бою башкирцов две тысячи человк», отступил в горы[3]. Среди предводителей восставших был и Ибрагим Мрясев.

Другой крупный сводный отряд башкирских старшин Ногайской дороги решил препятствовать продвижению карательного корпуса генерал-майора П.М. Голицына от Оренбурга в Уфу. Опытные военные предводители, в кратчайший срок собрали 2-тысячный отряд. На реке Ашкадар 5 июля 1774 года произошло

---

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 146–147, 152–153, 156, 214, 216.

[2] РГАДА. Ф. 6. Д. 592. Л. 252 об.

[3] РГАДА. Ф. 1100. Д. 9. Л. 376–377.

кровопролитное сражение, где повстанцы потерпели жестокое поражение. 13 старшин, в том числе Алибай Мурзагулов, Каип Зиямбетев, Ильчигул Таймасов, Ибрагим Мрясев, Мурадым Саитмамбетов и Кидрас Муллакаев, попали в плен и принесли повиновение. Каип Зияметев и Ибрагим Мрясев с тремя стами человек вошли в корпус Голицына и в его составе прошли до Бугульмы[1].

Вернувшись домой, Ибрагим Мрясев продолжал посылать в Уфимскую провинциальную канцелярию доносы. Судьба благославила Ибрагима Мрясева. В «Ведомости Уфимской провинциальной канцелярии», составленной 1 ноября 1774 года, было отмечено: «Все Ногайской дороги старшины с командами и селеньи их в возмущньи злодейском прежде и других были, а обратились в прежнее повиновение по неоднократном уже публиковании высочайших ея императорского величества манифестов о прощении таковым вин и по вступлении в здешней воинских команд, с которыми из-за того некоторые из них, а именно (далее перечисляются имена старшин, в том числе и Ибрагим Мрясев. – Н.К.) и прочия имели сопротивление и сражение, однако ж как не безызвестно, что ныне оныя старшины и их подкомандующия, видя расположение во многих местах здешней провинции войск ея императорского величества, усмирились и более не злодейсвуют, а находятся некоторыя в их селениях по-прежнему». Видимо, такое расположение местных властей к усмирившимся башкирским старшинам решило их судьбу. Однако в списке, поданном Алибаем Мурзагуловым в Казанскую секретную комиссию в ноябре 1774 года, среди старшин, обязавшихся прибыть в комиссию с повинной, фамилия Ибрагима Мрясева не значится. Тем не менее он не подвергался наказаниям и сохранил за собой должность волостного старшины.

В 1777–1787 годах башкиры Уршак-Минской волости вели активную работу по продаже своих вотчинных земель дворянам, чиновникам и каргалинским торговым татарам. В «Материалах по истории Башкирской АССР» опубликовано 26 таких купчих документов этой волости. В последний раз Ибрагим Мрясев упоминается стршиной в купчей записи от 16 апреля 1787 года. В купчей от февраля 1889 года старшиной Уршак-Минской волости назван Сагит Муштаев, а в куп-

[1] РГАДА. Ф. 1100. Д. 9. Л. 827; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 216–217.

чей записи от 24 мая того же года отмечено: «…умершего старшины Уршак-Минской волости Ибрагима Мрясева»[1]. Следовательно, Ибрагим Мрясев умер между 1787 и 1789 годами. Его сын Усман служил помощником кантонного начальника, основал деревню Усманово (Казмурун) Аургазинского района.

Каип Зиямбетев

Башкир ныне несуществующей деревни Каипово Кара-Табынской волости Ногайской дороги (Давлекановский район РБ). Старшина. Вместе с Кидрасом Муллакаевым правил старшинскую должность. В их команде было 211 дворов. Полковник повстанческой армии.

В первый раз Каип Зиямбетев упоминается в документе 1763 года, где башкиры Яиксуби-Минской волости Ногайской дороги оформляли купчую запись на продажу вотчинной земли заводовладельцу И.П. Осокину. Среди поверенных от мирских людей значится Каип Зиямбетев, сотник команды старшины Кидраса Муллакаева[2]. Во время выборов депутата в Уложенную комиссию 1767–1770 годов и составления наказа от башкир и тарханов Уфимской провинции Каип Зиямбетев принимал активное участие в качестве выборного от башкир Кара-Табынской волости Ногайской дороги. В Польском походе 1771–1772 годов вместе с Кулыем Балтасевым командовал 3-тысячным башкирским корпусом. В документах они назывались «полковником башкирского войска»[3].

В конце ноября или начале декабря 1773 года он вместе с Кидрасом Муллакаевым, Ишкарой Тархановым и другими башкирскими старшинами Ногайской дороги был привлечен к восстанию Каранаем Муратовым во время его похода в Западный Башкортостан. Зимой 1773–1774 годов в чине полковника повстанческой армии принимал участие в событиях под пригородами Мензелинском и Елабугой, Бакалинской и Нагайбакской крепостями. В конце января – начале февраля 1774 года отряды Мензелинского повстанческого района потерпели ряд серьезных поражений от карательных деташаментов

[1] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. V. С. 244, 254.

[2] Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. С. 271.

[3] РГАДА. Ф. 6. Д. 467. Ч. 10. Л. 533 об.

генерал-майора А.Л. Ларионова, полковника Ю.Б. Бибикова и майора С.В. Неклюдова. Карателями была снята блокада Мензелинска и Елабуги, захвачены Бакалинская и Нагайбакская крепости. На помощь повстанцам И.Н. Зарубин направил полковника И.И. Ульянова, которому удалось в некоторой степени активизировать действия повстанческих отрядов. 19 февраля И.И. Ульянов, Каранай Муратов, Кидрас Муллакаев и Каип Зиямбетев штурмом захватили Нагайбакскую крепость. Повстанцев было около 2-х тысяч человек. Они штурмовали крепость разбившись в две группы. Башкиры около 1,5 тысяч человек под командой своих полковников составляли самостоятельную группу. В ходе ожесточенного боя повстанцы потеряли около 200 человек. Крепость была взята и предана огню. Около 70 гусаров были взяты в плен и отправлены в Чесноковку[1].

В марте обстановка в регионе еще более обострилась с приездом эмиссара Военной коллегии В.И. Торнова, отличавшегося своей грубостью в обращении с рядовыми повстанцами и откровенным игнорированием их командиров. В такой ситуации башкирские полковники Каип Зиямбетев, Кидрас Муллакаев и Муратша Сыртланов, озабоченные критическим положением в регионе, обратились в Военную коллегию с просьбой прислать подкрепление и авторитетного командира: Они писали: «Просим прислать сюда атамана Алибая Мурзагулова, ибо здесь главного начальника, кому б народ был послушен, не имеется, кой бы тому народу подпорою быть мог»[2].

Однако положение Мензелинского повстанческого района резко ухудшалось. Новый командующий карательными войсками генерал-аншеф А.И. Бибиков перешел на фронтальное наступление на повстанческие районы. В направлении Оренбурга шли основные силы под командованием генерала П.М. Голицына. В район пермских горных заводов и Кунгура А.И. Бибиков направил коропус секунд-майора Д.О. Гагрина. Территория между Казанью и Мензелинском стала объектом действия карательных команд генерал-майора А.Л. Ларионова, полковника Ю.Б. Бибикова, подполковника А.Ф. Обернибесова, майора С.В. Неклюдова. Основной силой в этом направлении оказался корпус И.И. Михельсона, заменившего генерала Ларионова.

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 416. Ч. 2. Л. 36.

[2] РГВИА. Ф. 20. Д. 1232. Л. 405.

Именно он наносил самые значительные поражения на отряды Мензелинского повстанческого района. Наступление карательных сил сопровождалось агитацией населения повиноваться правительственным властям и обещаниями милосердия матушки-императрицы. В результате часть башкирских старшин-повстанцев стала отходить от восстания. 7 апреля 1774 года И.И. Михельсон в рапорте А.И. Бибикову сообщал: «Сверх бывших у меня в разных числах, принеся свою покорность, старшины сего числа явились: Алибай Мурзагулов, Ибрагим Мрясев, Айса Якупов и Каиб Зиямбетев, коего самого сим рапортом к вашему высокопревосходительству для лутчего изъяснения отправил»[1].

Следовательно, Каип Зиямбетев одним из первых отошел от восстания и 7 апреля 1774 года явился с повинной к И.И. Михельсону. В тот же день И.И. Михельсон отправил с рапортом к командующему А.И. Бибикову. Позиция той части башкирских старшин, которые проявляли колебания в ходе Крестьянской войны, очень выпукло и наглядно просматривается в поведении и действиях Каипа Зямбетева весной-летом 1774 года. В рапорте от 1 июня 1774 года бывшие башкирские повстанческие полковники, отошедшие от восстания, Кидрас Муллакаев и Ишкара Арсланов в своем рапорте генерал-поручику Ф.Ф. Щербатову, временно исполняющему функции командующего карательными войсками, перечисляли башкирских старшин Ногайской и Казанской дорог, сохранявших верность царскому правительству. В списке имеется фамилия Каипа Зиямбетева[2].

Каип Зиямбетев не принимал участия в карательных операциях, у населения сохранял ореол «защитника». Так, мишари деревни Сафаровой под Уфой 13 апреля 1774 года обратились к Е.И. Пугачеву с прошением, где подробно описывали обстановку: усиливаются карательные и рассеиваются повстанческие силы, активизируют свои действия «верные» башкирские и мишарские старшины. Мишарские старшины Султан-Мурат Янышев и Миндей Тупеев совершают набеги, устрашают истребить семьи. В такой сложной обстановке жители деревни Сафаровой продолжали верить мужицкому «царю»,

[1] РГВИА. Ф. 20. Д. 1238. Л. 109.

[2] Там же. Д. 1239. Л. 80.

сохраняли ему верность. Они самостоятельно обеспечивали самооборону, защищались от набегов карателей. Во время одной из стычек взяли в плен гусара *и отправили его к Каипу Зиямбетеву* (курсив наш. – Н. К.).

Каип Зиямбетев информировал повстанческих командиров о действиях местных властей, карательных команд и «верных» старшин. Канзафар Усаев на допросе говорил, что Каип Зиямбетев сообщил ему о продвижении Сляусина Кинзина со своей командой на соединение с другими отрядами для похода на Уфу[1].

Одновременно Каип Зиямбетев посылал уфимским властям, башкирским и мишарским «верным» старшинам информации о действиях Караная Муратова, Канзафара Усаева, Сляусина Кинзина и других башкирских предводителей. 24 июля 1774 года Каип Зиямбетев и Ибрагим Мрясев в своем рапорте мишарскому старшине Ишмухамету Сулейманову сообщали о действиях отрядов Караная Муратова, Сляусина Кинзина, Канзафара Усаева, Канбулата Юлдашева и Кутлугильде Абдрахманова в бассейне среднего течения реки Белой, просили срочно прислать им помощь[2].

Тем не менее местные власти не проявляли особого доверия заверениям башкирских старшин, бывших полковников повстанческой армии. Уфимская провинциальная канцелярия в рапорте генералу П.М. Голицыну сообщала, что команды Каипа Зиямбетева, Ибрагима Мрясева и Мурадыма Саитмамбетева «состоят в разных деревнях и отдаленных местах, а другие – в горах, потому их вскорости в поход при вашем сиятельстве и выкомандировать неможно»[3].

Сомнения властей были не без основания. Новый подъем народной борьбы летом 1774 года снова привел колебавшихся старшин в повстанческие отряды. Каип Зиямбетев тоже примкнул к восстанию. В июне он совместно с Сляусином Кинзиным и Кутлугильде Абдрахмановым действовал на Ново-Московской дороге, сражался с карательной командой секунд-майора В. Юшкова. 5 июля на реке Ашкадар, недалеко от ее впадения в реку Белую,

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 428. Л. 5.

[2] РГВИА. Ф. 20. Д. 1240. Л. 520.

[3] Там же. Л. 519 об.

2-тысячный сводный отряд башкирских старшин Ногайской дороги под командой Алибая Мурзагулова вступил в сражение с корпусом генерала П.М. Голицына, который весной 1774 года нанес сокрушительное поражение Главному войску под Татищевой крепостью и Сакмарским городком. Вступление в сражение с таким боеспособным правительственным соединением было безумием. Отряд потерпел тяжелейшее поражение. Повстанцы потеряли более тысячи убитыми. В плен попали 13 старшин. Старшина деревни Имангулово Муса Имангулов в своем рапорте от 24 июля Оренбургскому губернатору И.А. Рейнсдорпу сообщает о том, что среди пленных был и Каип Зиямбетев: «Из оных де старшин Ибрагим и Каип с тремястами человеки при его сиятельстве ж отправились во всяком благополучии в Казань»[1]. Однако сообщение Мусы Имангулова не совсем точное. Каипа Зиямбетева и Ибрагима Мрясева с тремястами воинами вслед за Голицыным отправили башкирские старшины. Каип Зиямбетев догнал корпус Голицына на реке Чермасан и сопровождал его до Бугульмы. Корпус Голицына дислоцировался в Бугульминской слободе, а Каип Зиямбетев со своей командой вернулся домой.

После этих событий Каип Зиямбетев окончательно отошел от повстанческого движения. В «Ведомости» Уфимской провинциальной канцелярии, составленной 1 ноября 1774 года о башкирских старшинах Ногайской дороги, отмечено: «Все оныя Ногайской дороги старшины с командами и семьи их в возмущении прежде и других были, а обратились в прежнее повновение»[2]. В этом списке значится и Каип Зиямбетев.

Судьба миловала Каипа Зиямбетева. Он не подвергался допросам, пыткам и наказаниям, сохранил должность старшины. В последний раз в статусе старшины упоминается в 1798 году. В купчей башкир Ногайской дороги надворному советнику М.М. Бекчурину на вотчинные земли по реке Белой отмечены поверенные от команды старшины Бешаул-Табынской волости Каипа Зиямбетева[3].

---

[1] РГАДА. Ф. 1100. Д. 9. Л. 827.

[2] Там же. Д. 11. Л. 303; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 257.

[3] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. V. С. 249.

Каипкул Аслыкаев, Юламан Ильясов

Каипкул Аслыкаев, башкир деревни Каипкулово (Оренбургская область), старшина Юмран-Табынской волости, командир повстанческого отряда в 500 человек.

Юламан Ильясов, башкир ныне несуществующей деревни Мелля на реке Ток Оренбургской области, помощник старшины Кара-Табынской волости Кидраса Муллакаева. Командир повстанческого отряда численностью 500 воинов.

Каипкул Аслыкаев и Юламан Ильясов действовали совместно с пугачевским полковником, атаманом ставропольских калмыков Ф.И. Дербетевым. Зимой 1773–1774 годов их сводный отряд совершал вылазки «в разные места для разорения домов господских». 20 января 1774 года они захватили город Ставрополь.

Весной и летом 1774 года Каипкул Аслыкаев и Юламан Ильясов продолжали борьбу, но действовали самостоятельно. Юламан Ильясов в марте с отрядом в 500 человек действовал в районе деревни Игнашкино в бассейне реки Ток. Каипкул Аслыкаев во главе отряда в 700 воинов – на юге Ногайской дороги. 20 июня у деревни Сарманаево он разбил карательный отряд уланов.

Каипкул Аслыкаев и Юламан Ильясов продолжали оказывать сопротивление карательным командам до осени 1774 года. В «Ведомости» Уфимской провинциальной канцелярии, составленной 1 ноября 1774 года, Каипкул Аслыкаев упоминается среди башкирских старшин, которые «обратились в прежнее повиновение»[1]. Они в Секретную комиссию не попали и следственным допросам не подвергались. Каипкул сохранил за собой должность волостной старшины. В заемной записи башкир Ногайской дороги Юмаша Аднакаева с товарищами уфимскому купцу И.Д. Иконникову говорится, они были из команды старшины Бешуль-Табынской волости Каипкула Аслыкаева[2].

Канбулат Юлдашев

Канбулат Юлдашев, походный старшина Тамьянской волости. Полковник повстанческой армии. В восстание включился в первые

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 257.

[2] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. V. С. 61.

же дни. В составе «башкирского полка» Кинзи Арсланова принимал участие в сражениях под Оренбургом. Об этом говорит ордер, выданный в ноябре 1773 года атаманом Кинзей Арслановым повстанческим старшинам Канбулату Юлдашеву и Худайназару Телявердину, где говорится: «Супротивников нашему государю, также полки и бояр истреблять вам, сколько вы можете»[1]. В ноябре 1774 года в составе повстанческого войска Каскына Самарова и Караная Муратова Канбулат Юлдашев из-под Оренбурга отправился в Башкирию, участвовал в захвате Стерлитамакской пристани, Табынской крепости и Богоявленского завода. В конце ноября – первой половине декабря 1774 года вместе с Каскыном Самаровым и Тураем Ишалиным возглавлял осаду Уфы. О том, что Канбулат Юлдашев входил в командный состав повстанческого войска под Уфой, говорят несколько документов. 12 декабря он вместе с Каскыном Самаровым и Ибрагимом Мрясевым составил указ старшинам и сотникам Иланской волости Казанской дороги с требованием принять годных людей в повстанческие отряды. В указе Военной коллегии Ивану Зарубину от 20 декабря руководители Чесноковского повстанческого центра полковники Канбулат Юлдашев и Каскын Самаров обвиняются в раздувании национальной розни. И после приезда И.Н. Зарубина в Чесноковку Канбулат Юлдашев оставался в числе предводителей повстанческого войска, вместе с И.Н. Зарубиным и Каскыном Самаровым подписывал документы, исходящие из походной канцелярии[2].

Весной 1774 года Канбулат Юлдашев не прекращал борьбу, с повинной к властям не явился. Летом вместе с Каскыном Самаровым и другими башкирскими предводителями развернул повстанческую деятельность на территории Ногайской дороги. Каип Зиямбетев и Ибрагим Мрясов, соратники на первом этапе Крестьянской войны, но ставшие летом 1774 года правительственными информаторами, в своем рапорте мишарскому «верному» старшине Ишмухамету Сулейманову от 24 июля 1774 года сообщали: «А Каранай, Канбулат и Кинзи-абыза меньшой брат Кутлукильда, сын ево, Кинзи, Сляусин, набрав сот до шести башкирцов, находятся в вершине реки

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 257.

[2] Там же. С. 67, 69, 71, 355.

Кундряку»[1]. Об активных действиях Канбулата Юлдашева знали и власти. 13 июля 1774 года, опираясь на сведения татарского информатора Хамзы Усманова, Уфимская провинциальная канцелярия рапортовала Оренбургскому губернатору И.А. Рейнсдорпу, что южнее Уфы, в деревне Карамалы «под предводительством башкирцов Кайбулата и Култучюры, да татарина Аллагула Акаева» собрали толпу в 200 человек, послали людей к «верным» старшинам Кыдрасу, Алибаю, Каипу и Ибрагиму с предложением объединить силы и организовать поход на Уфу»[2].

Дальнейшая судьба Канбулата Юлдашева неизвестна. В списках явившихся с повинной и подследственных в Казанской секретной комиссии его имя не значится.

Каскын Самаров

Башкир деревни Мустафино Тамьянской волости. Деревня была основана в 1730-х годах Саитом Алдагуловым, активным участником башкирского восстания 1737–1740 годов, казненным карателями. В 1739 году здесь жил Мустафа, сын Саита. Деревня стала называться Мустафино. В этой деревне родился Каскын Самаров. Следовательно, один из крупнейших предводителей Крестьянской войны 1773–1775 годов имел гены борца за народное счастье. Ныне деревня вновь приобрела название Саитово, находится в Федоровском районе Республики Башкортостан[3].

Пугачевский полковник. В повстанческое движение Каскын Самаров пришел зрелым человеком. Во время допроса в Казанской секретной комиссии 6 апреля 1775 года Каскын Самаров говорил, что он из деревни Мустафино Уфимской провинции[4]. Каскын Самаров упоминается в документах 1754 года, где они вместе с Кинзей Арслановым, Ямансарой Япаровым, Кутлугильде Абдрахмановым и другими выборными от башкир Ногайской дороги оформляли купчую на земли и рудники по рекам Яику, Белой, Сакмарой заводовладельцам

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 214.

[2] РГАДА. Ф. 1100. Д. 9. Л. 555.

[3] *Асфандияров А.З.* Указ соч. С. 158; Административно-территориальное устройство Республики Башкортостан. С. 395.

[4] РГАДА. Ф. 6. Д. 593. Л. 317 об.; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 313.

Твердышеву и Мясникову. Второй раз выборным от башкир Тамьянской волости по оформлению купчей земли по рекам Урман-Юшатыр, Старая и Новая Елан-Ташлы И.Л. Тимашеву Каскын Самаров участвовал в 1761 году. В 1764 году он возглавлял выборных людей Тамьянской волости при оформлении записи по передаче земель по рекам Белой и Булзе татарам разных уездов в оброчное владение на 20 лет[1]. Каскын Самаров упоминается и в известном письме старшин Ногайской дороги губернатору Д.В. Волкову[2].

Следовательно, Каскын Самаров пользовался авторитетом, играл активную роль в решении общих проблем башкир Тамьянской волости. Был лично знаком с будущими полковниками повстанческой армии Кинзей Арслановым, Кутлугильде Абдрахмановым, Ямансарой Япаровым.

Он был опытным военачальником, походным старшиной. В 1770–1772 годах Каскын Самаров участвовал в подавлении восстания польских конфедератов, возглавлял один из полков башкирского корпуса. В это время он мог близко познакомиться с будущими полковниками Пугачевского восстания Юлаем Азналиным, Каипом Зиямбетевым, с «верным» башкирским старшиной, будущим активным участником подавления восстания Кулыем Балтасевым. В походе Кулый Балтасев был командиром 3-тысячного башкирского корпуса. Каип Зиямбетев – его заместителем, Юлай Азналин командовал трехсотным отрядом[3].

Факт перехода Каскына Самарова на сторону восставших в источниках и в исторической литературе несколько запутан. На допросе в Казанской секретной комиссии Каскын Самаров сообщал: «Приехавши в Берду, явился во-первых, башкирцу мулле Кинзе Арсланову (который при Пугачеве тогда находился). А сей уверил его, что тот – не злодей, а государь. Но он, Кинзя выговорил – и я де ево государем почитать буду». Потом Кинзя Арсланов представил его Е.И. Пугачеву, который спрашивал: «Для чего де ты мне давно не ехал, надобно тебя повесить». Каскын Самаров ему ответил: «По близости де меня стоит Стерлитамакской пристане армия

[1] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV. Ч. 1. С. 93, 215, 300–301.

[2] Там же. Ч. 2. С. 45.

[3] РГАДА. Ф. 6. Д. 467. Ч. 10. Л. 533 об.

государыни Екатерины Алексеевны». Самозванец, выслушав сие, «велел ему служить верою себе. Почему и остался в толпе ево, где самозванец, назвав ево старшиною, отпустил»[1]. В рапорте Уфимской провинциальной канцелярии губернатору И.А. Рейнсдорпу от 28 октября 1773 года передается информация Мендея Тупеева о том, что «за старшиною де Каскыном Самариным от той злодейской толпы прислано было раз до пяти чтоб ехал туда же, но только он, отзываясь болезнию, не поехал»[2].

Согласно этим документам, Каскын Самаров примкнул к восстанию после долгих колебаний и лишь после многократных приглашений Е.И. Пугачева прибыл в Бердский лагерь. Называется и дата: 18 октября 1773 года. Эта версия была принята всеми дореволюционными и советскими отечественными историками, которые отвели Каскына Самарова к числу колеблющихся старшин. Однако все исследователи упускают из внимания тот непреложный факт, что каждый подследственный на допросе стремился умалять свою вину перед властями. Не был исключением и Каскын Самаров, который мог придумать версию многократных вызовов Е.И.Пугачева. Что касается информации Мендея Тупеева, он получил ее через третьи руки, которая сопровождается такими словами, как «уведомляет», «получил от», «которые де» и т.д.

В фондах РГАДА сохранился достоверный источник, который на факт перехода Каскына Самарова на сторону Е.И. Пугачева проливает совершенно иной свет. Согласно этому источнику, Каскын Самаров 12 октября 1773 года занял Воскресенский завод Твердышевых и Мясникова[3]. Мы предлагаем читателю более развернутое изложение этого события на заводе.

Каскын Самаров со своим отрядом из 20 башкирских всадников своей волости в первых числах октября подъехал к Воскресенскому заводу, занял поляну перед заводскими воротами и стал посылать наставления заводской администрации с требованием открыть ворота, заводских крестьян призывал преклониться к «государю Петру Третьему». Старший приказчик завода Василий Кулалаев запретил

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 593. Л. 317 об.; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 313.

[2] РГАДА. Ф. 6. Д. 593. Л. 39.

[3] Там же. Д. 511. Л. 74–74.

крестьянам открывать ворота и выходить из заводского поселка. К Каскыну Самарову стали прибывать жители соседних селений, отряд стал внушительным, что оказывало воздействие на настроение заводских крестьян. Те готовились добровольно перейти к повстанцам. В ночь на 12 октября их делегация тайно пришла к Каскыну Самарову. Стороны согласовали план о совместных действиях. Утром 12 октября, когда отряд башкир подошел к заводу, заводские крестьяне открыли крепостные ворота.

На заводе отряд Каскына Самарова пробыл до 15 октября. За это время Каскын Самаров записал в повстанческую армию 600 заводских крестьян и отправил их в Бердский лагерь. С ними в повстанческий центр отправили 14 пушек, 300 ядер, свинец, порох, лопаты и другие шанцевые инструменты, деньги в сумме 30 тысяч рублей и хозяйское серебро. С Каргалинского рудника в Берду было отправлено 50 быков, 4 пушки, порох, ружья, около 1000 рублей денег. В заводской конторе Каскын Самаров уничтожил всю документацию: векселя, долговые записки, шнуровые книги, крепостные акты, указы, письма и другие бумаги заводской конторы, которая вела делопроизводство всех заводов компании Твердышевых и Мясникова. Заводские крестьяне просили арестовать ненавистного им управляющего заводом прапорщика Василия Кулалаева. Последний заперся у себя дома и стал отстреливаться из окна. Крестьяне обложили дом соломой и сожгли вместе с «ненавистным угнетателем» и его семьей. Старший приказчик Петр Беспалов, изъявивший желание добровольно перейти на сторону восставших, под караулом был отправлен в Берду. В заводском поселке были открыты «магазейны» с заводскими припасами, медной посудой и инструментами, была организована выдача хлеба заводчанам. Для мобилизации крестьян в повстанческую армию на Преображенский и Архангельский заводы был отправлен крестьянин Воскресенского завода Исай Рыжиков. После этого Каскын Самаров со своим отрядом отправился в Берду, куда прибыл 18 октября и явился к Кинзе Арсланову. Тот представил его Е.И. Пугачеву[1].

Следовательно Каскын Самаров в начале восстания не колебался и не сомневался в истинности «царя Петра Федоровича III» –

[1] *Кулбахтин Н.М.* Участие башкирского народа в Крестьянской войне. С. 38.

Пугачева, а присоединился к нему и решительно начал самостоятельную повстанческую деятельность, заняв Воскресенский завод.

Факт занятия указанного завода Каскыном Самаровым 12 октября признают и отдельные историки[1]. Крестьянин Воскресенского завода Исай Рыжиков, которого Каскын Самаров отправил для агитации заводских крестьян Преображенского и Архангельского заводов, 14 октября попал в плен к табынским казакам. На допросе он сообщал: «Воскресенский же завод уже двумя присланными с той злодейской партии и их же крестьянами в числе башкирцев, приехавших от той толпы, 70 человек, разграблен; порох, ружья денежной казны тысяч до тридцати и серебро увезено в злодейский лагерь, да и управитель прапорщик Кулалаев сожжен»[2].

Таким образом, захватив 12 октября Воскресенский завод и явившись 18 октября в Бердский лагерь, Каскын Самаров получил от Е.И. Пугачева чин повстанческого походного старшины и развернул бурную деятельность по мобилизации населения Ногайской дороги в восстание и по организации борьбы с карателями. Как опытный предводитель и военный командир, он действовал стремительно и решительно. В этом аспекте Каскына Самарова можно было бы назвать одной из самых заметных, ярких фигур Крестьянской войны. Его конница как смерч летела на юге Башкортостана, на огромных просторах между Стерлитамакской пристанью и Бердским лагерем. В этом отношении динамику действий опытного предводителя Каскына Самарова можно сравнить с действиями юного и пылкого Салавата Юлаева или опытного яицкого казака Андрея Овчинникова. Каскын Самаров оставался хозяином этой территории на весь октябрь и ноябрь месяцы 1773 года. Его отряд численно рос, к нему присоединялись многие старшины Ногайской дороги. По сообщению нагайбакского казака Алексея Еремкина, в ноябре у Каскына Самарова была походная канцелярия, писарем в которой служил он, Еремкин. Писарем татарского письма у Каскына Самарова служил Амир Усманов[3].

Вскоре Каскын Самаров командовал большим отрядом, способным решать крупные задачи. Ленинградские авторы утверждают, что

---

[1] *Мартынов М.Н.* Воскресенский завод в Крестьянской войне 1773–1775 гг. // Историчесакие записки. Т. 80. М.: Наука, 1967. С. 291–293.

[2] РГАДА. Ф. 1100. Д. 3. Л. 106.

[3] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 67.

Каскын Самаров был отправлен Пугачевым «в Башкирию для развертывания борьбы на местах»[1]. В ночь с 18 на 19 ноября стремительным налетом он овладел Стерлитамакской соляной пристанью. Как сообщал комендант Табынской крепости капитан А. Моисеев, майоры И.К. Маршилов и Н. Голов успели из Стерлитамака убежать в Уфу, а часть Башкирско-мишарского карательного корпуса числом около 600 человек захвачена Каскыном. О захвате Стерлитамакской пристани и об отправке остатка карательного корпуса в Бердский лагерь Каскыном Самаровым сообщали на допросах в Казанской секретной комиссии повстанцы, оказавшиеся свидетелями и участниками этого события. А. Моисеев тревожился, что повстанцы намереваются идти на Табынск. Тревоги коменданта подтвердились очень скоро. 19 ноября отряд Каскына Самарова занял Табынскую крепость. На этот раз в Уфу бежал капитан А. Моисеев. Забрав оттуда 2 пушки, порох и другие необходимые для полевых условий вещи, отряд Каскына Самарова направился на Уфу.

Уфа являлась административным центром провинции и олицетворяла для башкир национальное и социальное угнетение. Поэтому стремление Каскына Самарова, Караная Муратова и других башкирских предводителей Ногайской дороги захватить Уфу вполне объяснимо. 24 ноября 4-тысячное войско Каскына Самарова подошло к Уфе и начало ее блокаду. Вместе с ним во главе повстанческого войска стояли пугачевские полковники из башкир Канбулат Юлдашев, Каранай Муратов, Кидрас Муллакаев, Турай Ишалин, Ибрагим Мрясев, Ишкара Арсланов, Каип Зиямбетев и другие[2].

Таким образом, за месяц после прихода в Бердский лагерь Каскын Самаров вырос до одного из крупнейших предводителей Крестьянской войны. Он сформировал Уфимский повстанческий район с 24 ноября 1773 до 12 января 1774 года, до приезда в Чесноковку пугачевского эмиссара И.Н. Зарубина, и возглавил Чесноковский повстанческий центр. Каскын Самаров занимался усилением повстанческого войска, мобилизацией в его ряды местных жителей, обеспечением войска оружием, провиантом, фуражом. В своем указе от 6 декабря 1773 года он призывал старшин минских волостей

[1] Крестьянская война в России. Т. III. С. 219.

[2] РГАДА. Ф.. Д. 416. Ч. 1. Л. 167.

бассейна реки Демы признать «императора Петра Федоровича» и требовал «с какого двора изготовиться...в поход со всяким оружием и выступить ... в город Уфу»[1]. При этом он проявлял принципиальность и непреклонность, что ярко демонстрируется в аресте Каскыном Самаровым отца своего писаря А. Еремкина, сельского богача[2].

В указе от 12 декабря раскрываются масштабы деятельности Каскына Самарова. Он требовал преклониться «к государю», распространять его манифесты среди своих подкомандующих «с добропорядочным увещеванием», прислать под Уфу команды, собрав «из своей команды с каждого дому по человеку, годных и вооруженных», а повстанцам обещал прислать пушки[3]. В этом указе Каскын Самаров обращается к старшинам и сотникам Иланской волости Казанской дороги, то есть к башкирам Западного Башкортостана. Таким образом, еще до прибытия под Уфу И.Н. Зарубина Каскын Самаров предпринимал энергичные меры по расширению территории Крестьянской войны в центре и западных волостях Башкортостана.

Каскын Самаров предпринимал попытки овладеть Уфой штурмом. 12 декабря для осуществления общего руководства осадой Уфы и повстанческим движением на огромной территории Уфимской провинции в Чесноковку прибыл эмиссар Пугачева И.Н. Зарубин[4]. Но и при нем роль Каскына Самарова в Чесноковском лагере и Уфимском повстанческом районе не умалялась, о чем свидетельствует нижеследующий документ. 18 декабря в Военную коллегию поступил извет уфимского казака, повстанческого подполковника И.В. Губанова и крестьянина Гребенщикова с обвинением Каскына Самарова и Канбулата Юлдашева с «протчими старшинами» в разорении русского населения окрестностей Уфы[5]. 20 декабря Военная коллегия прислала указ И.Н. Зарубину с требованием принять срочные меры по устранению перечисленных в извете нарушений: «послать указ к полковникам Тамьянской волости Каскыну Самарову и Канбулату Юлдашеву и протчим старшинам, чтоб они разграбленное имение

---

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 66.

[2] *Андрущенко А.И.* Указ. соч. С. 123.

[3] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. 67.

[4] Крестьянская война в России. Т. II. С. 224, 229.

[5] РГАДА. Ф. 6. Д. 312. Ч. 2. Л. 7.

верноподданному сынове обратно тем хозяевам отдали и во всем удовольствовали, а паче взятых от помещиков лошадей тем, которые в службу годны, без всякого препятствия отдали же и, сыскав из них виновных, представили к вам»[1].

По этому поводу в отечественной исторической литературе утвердилась точка зрения, что в начале осады Уфы «в лагере восставших возникли острые конфликты, основанные на национальных трениях», что с приходом И.Н. Зарубина «с этим было решительно покончено»[2]. Между тем, кроме извета И.Губанова и указа Военной коллегии в других источниках «об острых межнациональных конфликтах» в Чесноковском повстанческом центре, сведений не встречается. Указ Военной коллегии от 20 декабря носил общий, профилактический характер. Следует подчеркнуть, что И.Н. Зарубин никаких мер по исполнению требований указа не предпринимал. Ему не нужно было разъяснять, что многотысячное конное повстанческое войско, не имеющее своего тылового обеспечения, не может существовать без обеспечения провиантом, фуражом и необходимым снаряжением с населения занятой территории. Поэтому И.Н. Зарубин и башкирские полковники Чесноковского центра продолжали дружно и согласованно возглавлять восстание под Уфой. О дружной и совместной борьбе многонационального войска вынуждены были говорить сами представители местных властей. 2 декабря Уфимская провинциальная канцелярия сообщала генералу Ф.Ю. Фрейману, что «первого числа башкирския толпы обще с государственными и помещичьими крестьянами на город Уфу устремились»[3]. Влияние и роль Каскына Самарова и других башкирских полковников в Уфимском повстанческом районе оставались высокими.

Параллельно с руководством повстанческим войском под Уфой Каскын Самаров продолжал контролировать за событиями на территории к югу от Уфы, в районах Стерлитамакской пристани, Бугульчана, Бугульмы. 7 декабря генерал Ф.Ю. Фрейман сообщал в Военную коллегию, что отправил в деревню Акбашеву карательную

---

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 312. Ч. 2. Л.7 об.; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 69.

[2] *Лимонов Ю.А., Мародин В.В., Панеях В.М.* Пугачев и пугачевцы. Л., 1974. С. 56.

[3] РГВИА. Ф. 20. Д. 1231. Л. 16 об.

команду секунд-майора О.А. Тевкелева. В команде было 400 башкир, вернувшихся из Польши. Но 6 декабря в деревню Акбашеву, недалеко от Бугульминской слободы, на команду Тевкелева напал повстанческий отряд Каскына Самарова. Башкиры команды Тевкелева тут же перешли на сторону восставших, а своего командира взяли в плен и сдали Каскыну Самарову. По сообщению Ф.Ю. Фреймана, «Изменников было до шестисот человек под предводительством из злодейской толпы несколька яицких казаков... И команда майора почти вся, за исключением самого малого числа к ним передалась сначала, а потом уже и оные, остающиеся при нем, Тевкелеве, и несколько ево охранявших деревню сожгли. При захвате же оного майора злодейской старшина Каскын был первой, которой, кинувшись на него, стал бить по голове»[1].

Каскын Самаров продолжал действовать под Уфой до весны 1774 года. 11 марта он послал приказ сотнику Еланской волости Казанской дороги Шамаю Муслюмову с требованием прибыть со своей командой под Уфу. Об участии Каскына Самарова в генеральном сражении повстанческой армии с корпусом И.И. Михельсона под деревней Зубово в ночь с 24 на 25 марта в источниках не упоминается.

Вновь имя Каскына Самарова появляется весной 1774 года. 4 апреля И.И. Михельсон в своем рапорте командующему карательными войсками А.И. Бибикову писал: «Сейчас прибыли ко мне посланные башкирского народа, от старшины Кусяпкула Азятева, Елдаша Кутлина, Буляка Умерова и Каскына Самарова, живущих позади Стерлитамакской пристани и близ Воскресенского завода, которые обещают жить спокоем и быть верноподдаными ея императорскому величеству»[2]. Сославшись на этот документ, историки включают Каскына в группу старшин, которые весной отошли от восстания. В пользу этой версии они приводят факт обращения Каскына Самарова к генералу Ф.Ю. Фрейману с просьбой разрешить ему создать карательную команду в 300 человек для преследования бежавшего Е.И. Пугачева. Генерал поверил «раскаявшемуся бунтовщику» и дал разрешение[3]. Поверили и другие представители властей. 11 апреля

[1] РГВИА. Ф. 20. Д. 1231. Л. 16 об.

[2] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 122.

[3] РГВИА. Ф. 20. Д. 1232. Л. 407.

И.И. Михельсон рапортовал: «о Каскыне Самарине меня уверяют, что ловит Пугачева»[1].

Но Каскын Самаров не изменял восстанию, а сделал ловкий ход опытного предводителя. Застраховавшись позволительным билетом генерала, он усыпил бдительность карателей, вернулся в Тамьянскую волость и развернул агитацию по мобилизации башкир в повстанческие отряды для оказания помощи «государю» в возрождении Главного войска, поднимал народы на новую борьбу. Многочисленные отряды Каскына Самарова поспевали повсюду, то рассеиваясь в разных направлениях, то объединяясь во внушительную силу. В Оренбургскую губернскую и Уфимскую провинциальную канцелярии, командирам карательных корпусов поступали регулярные сообщения. Информаторы с тревогой и страхом сообщали о действиях Каскына Самарова. 10 мая Мендей Тупеев в рапорте в Уфимскую провинциальную канцелярию сообщал, что Каскын Самаров «смущает» башкир Ногайской дороги, что «предвидится намерении и согласием к смущению народа, что уже и сочиняется: из разных мест башкирцы и сопротивлению принадлежащим оружием, собравшись приезжают». Мендей Тупеев очень четко уловил настроение башкир, которые свои семьи и хозяйства перевозят за реку Белую, «препровождают в горы», и тревожился, что башкиры Тамьянской, Кыпсакских, Бурзянской и Усерганской волостей объединяются и «в скором времени под Оренбург прибыть могут», чему помогает и слух, что «к государю собрано силы до сорока тысяч»[2].

18 мая Мендей Тупеев вместе с мишарским старшиной Аблаем Смаиловым рапортовали в Уфимскую провинциальную канцелярию, что Каскын Самаров накануне перехватил «отправленный в Оренбург провиант и находящихся при нем десять человек русских и, поймав, удерживает у себя». Кроме того, Каскын, рассылая во все стороны известия, «подобных себе с худым намерением собирает». Под его воздействием старшина Кумрук-Табынской волости Мурадым Абдрахманов уже «собрал до пятисот человек», а сам Каскын Самаров продолжает «во все стороны разсылать людей,

[1] РГВИА. Ф. 20. Д. 1237. Л. 113.

[2] РГАДА. Ф. 6. Д. 592. Л. 252.

коих башкирцы, не ловя, на подводах провожают»[1]. В этом документе хорошо прослеживается не только энергичная деятельность предводителя, но и всенародная поддержка Каскына и его агитаторов.

Летом 1774 года Каскын Самаров вновь обратился к башкирам, мишарям и татарам Уфимской провинции с воззванием, где призывал их присоединиться к войску Е.И. Пугачева, стоять против карателей, «и когда силы достануть, всех рубить, а не будут доставать, то хотя отаковать»[2]. Видимо, воззвания Каскына Самарова распространились на большой территории. 10 мая мулла Башир Рахмангулов сообщал, что старшина Калнинской волости Казанской дороги Миней Султуков «назад тому дней с пять... ездил по Деме реке на Ногайскую дорогу в Башкирию для разведывания: в каком намерении они ныне стоят». Вернувшись через 10 дней, Миней Султуков сообщил, что «все Ногайской дороги башкирцы согласие имеют присовокупитца к государственному злодею Пугачеву, к коему немалая партия через Ногайскую дорогу уже пришла». После этого Миней Султуков отправил своего сына Ишкула «в разные жительства для возмущения к тому злодейству и уездных жителей»[3]. Таким образом, Каскын Самаров и его агитаторы поднимали на борьбу башкир и нерусское население не только Ногайской дороги, но и отдельных волостей Казанской дороги.

О внушительной силе повстанческого отряда Каскына Самарова информировали по различным каналам. Так, Ибрагим Мрясев, бывший пугачевский полковник и соратник Каскына Самарова, в рапорте в Уфимскую провинциальную канцелярию от 22 мая 1774 года сообщал, что «Походной старшина Качкин Самаров с собранными им шестьюстами человеками находящаяся в Бугульчане с тремя стами гусарами и казаками майора, атаковав, к пристани и к Оренбургу не пропущает»[4]. В мае 1774 года у деревни Бугульчан Каскын Самаров сражался с карательной командой старшего приказчика Воскресенского завода В. Беспалова, где карательная команда была разбита,

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 146–147.

[2] Там же. С. 153.

[3] РГАДА. Ф. 6. Д. 592. Л. 223 и об..

[4] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 156.

сам В. Беспалов в этом сражении погиб[1]. Таким образом, Каскын Самаров не только призывал к активным действиям, но и сам действовал решительно, смело вступая в сражения с карательными силами.

Летом 1774 года под общим командованием Каскына Самарова действовали известные башкирские предводители Миней Султуков, Турай Ишалин, Мурадым Абдрахманов и другие. Иногда для решения больших и важных задач объединялись повстанческие войска Каскына Самарова, Караная Муратова, Кутлугильде Абдрахманова, Сляусина Кинзина, Канзафара Усаева. Так было летом 1774 года, когда повстанцы готовили комбинированный поход на Уфу[2]. Кроме башкир, татар и мишарей, в повстанческих отрядах Каскына Самарова были русские, калмыки и представители других народов края. Так, 22 мая мишарские «верные» старшины Мендей Тупеев и Аблай Смаилов в рапорте в Уфимскую провинциальную канцелярию выразили тревогу, что «человек сот до шести злодеев калмык по Уралу пробежали к Богулчану, естли, паче чаяния, оне, воры, калмыки, соединяются с начальником воров Качкыном Самаровым, как бы народ и паки не привели в разврат, а иных невольно брав, не умножились, и тем бы народу гибели не зделали»[3]. Здесь речь шла о тех калмыках, которые прорвались через Ново-Московскую дорогу в Башкортостан после сражений с карательным корпусом полковника П.А. Шепелева 7 и 8 мая под деревней Мустафино. Часть прорвавшихся калмыков присоединилась с Каскыном Самаровым. 29 мая тайный информатор властей татарин Кутлумей Тайметев сообщал, что у Каскына Самарова в это время было «две тысячи калмык и башкирцов с тысячу»[4]. Здесь налицо традиционное для Крестьянской войны преувеличение сил, но факт наличия калмыков в отряде Каскына Самарова трудно отрицать.

Активная повстанческая деятельность Каскына Самарова, Караная Муратова и других башкирских предводителей летом 1774 года вместе с появлением Е.И. Пугачева и его Большого войска в Башкортостане оказали решающее воздействие на поведение тех башкирских

---

[1] РГАДА. Ф. 1100. Д. 10. Л. 6 и об.

[2] Там же. Д. 9. Л. 531 а; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 156. 399.

[3] РГАДА. Ф. 6. Д. 592. Л. 432.

[4] РГВИА.Ф. 20. Д. 1239. Л. 42 об..

старшин, которые временно отошли от движения. На это с тревогой указывали информаторы. Алибай Мурзагулов, Кидрас Муллакаев, Каип Зиямбетев, Ишкара Арсланов и другие пугачевские полковники и активные участники Крестьянской войны на ее первом этапе летом вновь примкнули к восстанию и играли значительную роль в борьбе народов края с карательными корпусами. Сводный повстанческий отряд этих предводителей 5 июня 1774 года вступил в сражение с корпусом генерала П.М. Голицына.

Каскын Самаров, Каранай Муратов, Кутлугильде Абдрахманов и другие предводители башкир Ногайской дороги продолжали оказывать упорное сопротивление правительственным войскам и командам «верных» старшин до поздней осени 1774 года. Силу этого сопротивления вынуждены были признать военные и гражданские власти. 30 сентября полковник П.А. Шепелев обратился к башкирским предводителям с увещеванием отказаться от борьбы и явиться с повинной к начальнику Казанской секретной комиссии генералу П.С. Потемкину[1]. Выражал свою тревогу по поводу продолжения борьбы «искусных из башкир» Каскына Самарова и других предводителей Оренбургский губернатор И.А. Рейнсдорп в своем рапорте к Панину от 24 октября 1774 года[2].

25 октября на Ирендыкских горах, в 20 верстах от деревни Тавлыкаевой, коллежский советник И.Л. Тимашев, которому Оренбургский губернатор поручил собирать провиантский штраф в Зауральском Башкоротостане, захватил в плен 8 крупных предводителей башкир. Среди них был и Каскын Самаров[3]. И.Л. Тимашев взял их с собой для сбора провиантского штрафа.

Вскоре И.Л. Тимашев Каскына Самарова и Кутлугильде Абдрахманова отправил в Шайтан-Кудейскую волость, чтобы уговорить Юлая Азналина явиться с повинной. 31 октября Юлай Азналин писал И.Л. Тимашеву: «Посланные от вашего высокоблагородия старшина Каскын Самаров, есаул Кутлугильда Абдрагимов ко мне прибыли»[4]. 9 декабря И.Л. Тимашев рапортовал генералу А.Д. Скалону, что

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 235

[2] Там же. С. 345–346.

[3] Там же. С. 346–347.

[4] РГАДА. Ф. 1100. Д. 12. Л. 129.

посланные им Каскын Самаров и Кутлугильде Абдрахманов ездили к Юлаю Азналину и привели его в повиновение.

О том, что Юлай Азналин явился с повинной после визита к нему Каскына Самарова и Кутлугильде Абдрахманова, на допросах в мае–июне 1775 года говорили башкиры, воевавшие в его повстанческом отряде[1]. На допросе в Уфимской провинциальной канцелярии 6 июля 1775 года Юлай еще раз признался, что он добровольно явился с повинной по уговору Каскына и Кутлугильде. 11 ноября Каскын Самаров и Кутлугильде Абдрахманов, выполнив поручение, вернулись к И.Л.Тимашеву, после чего вместе с другими предводителями, взятыми в плен под деревней Тавлыкаевой, были отпущены домой[2].

В ноябре 1774 года Алибай Мурзагулов по поручению П.С. Потемкина собрал старшин и сотников Ногайской дороги и отправил в Казанскую секретную комиссию для принесения личного повиновения. Среди этой группы старшин Каскына Самарова не было. В Казань поехал старшина Тамьянской волости Тлянча Исянчев[3].

Однако Каскын Самаров не избежал следствия. В реестре Казанской секретной комиссии отмечено, что Каскын Самаров, Бузан Смаков, Туктамыш Ишбулатов и Кучукбай Абдуллин «сами явились». Они не были «колодниками», жили в городе[4]. В рапорте генералу П.С. Потемкину от 13 февраля 1775 года сообщалось, что от Казанского губернатора князя П.С. Мещерского присланы «сего месяца 4-го числа известного башкирского бунтовщика Салаватки отец, Юлай Азналин, а на другой день и сам Салаватка прочими шестью в злодействе обретающимися». Среди этих шести соратников Салавата Юлаева первым называется имя Каскына Самарова[5]. Следовательно, Каскын Самаров явился в секретную комиссию значительно позже других башкирских полковников Ногайской дороги, вместе с Салаватом Юлаевым и Юлаем Азналиным. Однако на полях реестра отмечено: «Прислан по требованию комиссии, потому

---

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 267, 326.

[2] Там же. С. 268, 331.

[3] РГАДА. Ф. 6. Д. 507. Ч. 3. Л. 79.

[4] Там же. Ч. 5. Л. 28 об.

[5] Там же. Л. 95.

что по делам оной есть на него показания»[1]. В другом реестре указано: «От злодея Пугачева имел чин полковничий. Имел 100 дворов, участвовал в 3-хтысячном корпусе»[2].

В комиссии Каскын Самаров распоряжением 10 марта 1775 года был включен в «список колодников Казанской секретной комиссии»[3]. Само название списка говорит об условиях содержания Каскына Самарова в застенках Казанской тюрьмы. Но в другом документе этой же комиссии Каскын Самаров числится в списке старшин, которые жили в городе на квартирах[4]. 6 апреля он дал показания по делу Кинзи Арсланова.

По непонятной причине имя Каскына Самарова часто встречается в списках башкир Осинской или Сибирской дороги[5]. В Казанской секретной комиссии с билетом об освобождении без наказания было отправлено несколько больших групп башкирских предводителей. В списке освобожденных от 28 декабря 1774 года, 17 и 27 января 1775 года имя Каскына Самарова отсутствует. В списке колодников от 5 февраля 1775 года напротив его имени записано: «Прислан по требованию комиссии, потому что по делам оной есть на него показания: в бытие в толпе старшиною в преклонении народа самозванцу, также и в супротивлении против верных войск»[6].

Каскын Самаров освобожден без наказания указом Казанского губернатора П.С. Мещерского от 27 марта 1775 года[7]. Когда он занял должность волостного старшины неизвестно. В документе от 22 декабря 1777 года старшина Тамьянской волости Каскын Самаров вместе с другим старшиной Кутушом Муртазиным и выборными людьми участвовал в оформлении купчей бумаги по продаже вотчинных земель по реке Белой прапорщику Мурзе Ибрагиму Чанышеву[8].

---

[1] РГАДА. Ф. 1274. Д. 196. Л. 25.

[2] Там же. 129–130 об.

[3] Там же. Ф.6. Д.467. Ч.12. Л.397; Д.507. Ч.3. Л.121; Ч.5. Л.175 об.

[4] Там же. Ч. 3. Л. 111 об.–125; Ч. 5. Л. 28 и об.

[5] Там же. Ф. 6. Д. 507. Ч. 5. Л. 28 об.

[6] Там же. Ч. 3. Л. 121.

[7] Там же. Ч. 5. Л. 176.

[8] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. V. С. 65.

Кидрас Муллакаев

Башкир деревни Кидрясово (Давлекановский район РБ), тархан, старшина Кара-Табынской волости Ногайской дороги (В команде вместе с Каипом Зиямбетевым было 211 дворов). Пугачевский полковник. Кидрас Муллакаев – сложнейшая историческая фигура. Из башкирских старшин Ногайской дороги он имел самый солидный послужной список. Кидрас Муллакаев верой и правдой служил царскому правительству. Неоднократно приглашался в числе «лучших людей» в столицу к царскому двору. Сотрудничал с Оренбургской экспедицией. В 1730–1731 годах Кидрас Муллакаев участвовал в дипломатической миссии Алексея Тевкелева в Малый казахский жуз, за что царское правительство выдало грамоту на потомственное тарханство.

Во время башкирских восстаний 1735–1740 годов Кидрас Муллакаев принимал участие в их подавлении[1]. В феврале 1737 года сопровождал арестованного вождя восстания Кильмяк-абыза Нурушева из Табынской крепости в пригород Мензелинск. В 1741 году Кидрас Муллакаев переселился из Кара-Табынской волости Троицкого уезда на земли башкир Канлинской волости Казанской дороги. В 1740–1760-х годах он часто встречается в документах по продаже, кортомлению и аренде вотчинных земель башкир припущенникам, дворянам и заводовладельцам[2]. Упоминается его имя и среди взяточников, которые были наказаны по представлению в Сенат уфимского вице-губернатора бригадира П.Д. Аксакова[3].

Было бы несправедливо, если бы мы перечислили только негативные «заслуги» Кидраса Муллакаева. Он вошел в историю башкирского народа и оставил в ней глубокий след. П.И. Рычков писал, что «Историю Оренбургскую» он написал с рассказа и материалов Кидраса Муллакаева.

Кидрас Муллакаев активно боролся за защиту интересов своего народа, сохраняя при этом верность присяге царскому трону. 3 июля 1737 года Кидрас-батыр «с товарищами» писал письмо капитану П.А. Батову, где они обвиняли русских карателей в вероломстве

---

[1] Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. 339–340, 341–347.

[2] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. С. 527; Т. IV. Ч. 1. С. 233, 270, 288; Т. IV. Ч. 2. С. 29, 39, 45, 208–212, 279, 288.

[3] Там же. Т. III. С. 548.

и излишней жестокости[1]. 24 февраля 1738 года Кидрас Муллакаев в числе 31 старшины четырех дорог поставил свою тамгу на челобитной башкир императрице Анне Иоанновне[2]. В челобитной башкиры просили императрицу издать указ, подтверждающий их права башкир на взимание оброка с припущенников за представленную им вотчинную землю. С 1738 года, за 35 лет до Крестьянской войны, он служил старшиной Кара-Табынской волости, в течение многих лет исполнял должность главного старшины Ногайской дороги. В 1756 году он был назначен командиром 2-тысячного башкирского корпуса для участия в Семилетней войне[3]. 18 февраля 1758 года наградил его «за верную и усердную службу» саблей и «похвальным листом». С 1767 года возглавлял башкирско-мишарские команды на Оренбургской пограничной линии.

Когда началась Крестьянская война, Кидрас Муллакаев под влиянием массового перехода башкир на сторону Е.И. Пугачева оказался в лагере восставших. Когда и при каких конкретных условиях он перешел к повстанцам, по сохранившимся источникам трудно проследить. Он в начале восстания явился в Бердский лагерь. Комендант Озерской дистанции крепостей бригадир А.И. Корф в своем рапорте Оренбургскому губернатору И.А. Рейнсдорпу от 31 октября 1773 года сообщал, что «Усерганской волости старшина Сабыр и Уфимской – Кядряс в верности к ея императорскому величеству изменяют»[4]. Е.И. Пугачев, надеясь использовать широкую популярность Кидраса Муллакаева, присвоил ему чин полковника[5]. И.М. Гвоздикова пишет, что Кидрас Муллакаев не оправдал оказанного Е.И. Пугачевым доверия, «не проявил себя в качестве командира или советника восставших. Сформированные им отряды, прикрываясь повстанческими призывами, занимались грабежами, разоряли хозяйства рядовых башкир и крестьян»[6]. Обвинение автором Кидраса Муллакаева во всех этих грехах абсолютно ничем не оправдывается. В архивных

[1] Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. С. 314–315.

[2] Там же. С. 144–145.

[3] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV. Ч. 2. С. 499–500 (В документе подчеркивается, что он выполнял эту должность и в прежние годы).

[4] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 44.

[5] Салават Юлаев. Энциклопедия. С. 164.

[6] *Гвоздикова И.М.* Кидряс Муллакаев // Салават Юлаев. Энциклопедия. С. 164.

фондах нам не удалось обнаружить ни одного документа, подтверждающего версию уважаемого автора. Кидрас Муллакаев принимал активное участие в повстанческом движении и внес весомый вклад в общенародную борьбу. Он разбил команду В.И. Торнова и захватил самого атамана в плен только потому, что тот обращался с населением грубо и жестоко. Дальнейшее изложение действий Кидраса Муллакаева показывает, что он относился к той категории защитников народного счастья, которые боролись «как умели и как могли».

В составе повстанческого войска Каскына Самарова и Караная Муратова он участвовал во взятии Стерлитамакской пристани, Табынской крепости и Богоявленского завода, в походе на Уфу. В конце ноября – начале декабря 1773 года вместе с Каранаем Муратовым и другими башкирскими старшинами Ногайской и Казанской дорог Каипом Зиямбетевым, Ибрагимом Мрясевым, Ишкарой Арслановым, Мураткой Сыртлановым, Аслаем Курмекеевым и Ильчигулом Таймасовым направился в Западный Башкортостан. Зимой 1773–1774 годов их отряды составляли основную боеспособную часть повстанческой армии Караная Муратова в Мензелинском повстанческом районе. Они держали в осаде Елабугу, воевали с карательными корпусами генерала А.Л. Ларионова и полковника Ю.Б. Бибикова и под Нагайбакской и Бакалинской крепостями[1]. 19 февраля 1774 года во время штурма Нагайбакской крепости вместе с Каранаем Муратовым и Каипом Зиямбетевым командовал основной группой сводного войска[2]. 8 марта в сражениях около деревни Стерлитамак Юрминской волости с деташаментом майора К.А. Харина Кидрас Муллакаев вместе с Каранаем Муратовым и В.И. Торновым командовал полуторатысячным повстанческим отрядом[3].

В феврале–марте 1774 года в Западном Башкортостане резко обострилась обстановка. Прибывший в Казань новый командующий правительственными войсками по подавлению Крестьянской войны

---

[1] Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 118–119; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 199, 385; *Андрущенко А.И.* Указ. соч. С. 145–147; Крестьянская война в России. Т. II С. 234–236; *Гвоздикова И.М.* Башктортостан накануне и в годы Крестьянской войны. С. 358–360.

[2] *Таймасов С.У.* Указ. соч. С. 94.

[3] РГАДА. Ф. 6. Д. 507. Ч. 3. Л. 229 и об.

генерал-аншеф А.И. Бибиков разработал план фронтального наступления на повстанческие районы. Первыми под ударом регулярных частей оказались повстанческие силы Западного Башкортостана. Обстановка в регионе осложнилась неадекватными действиями эмиссара Военной коллегии В.И. Торнова, которые внесли в командном составе восставших разброд. В этих условиях Кидрас Муллакаев с группой башкирских старшин обратился в Ставку Е.И. Пугачева с просьбой «прислать сюда атамана Алибая Мурзагулова, ибо здесь главного начальника, коему б был народ послушен, не имеетца, кой бы тому народу подпорою быть мог»[1]. Данный факт подтверждает, что Кидрас Муллакаев и его соратники еще сохраняли веру на успех освободительной борьбы. Однако действия атамана В.И. Торнова, который «погубил многих невинных людей повелением и порублением, а иных замучил побоем до смерти», на общем фоне крупных поражений главных повстанчских войск обусловили резкое изменение позиции Кидраса Муллакаева и небольшой группы пугачевских полковников из башкирских старшин Ногайской дороги. 8 апреля Кидрас Муллакаев с отрядом около 700 человек в деревне Бишкуразово разбил команду В.И. Торнова и взял его вместе с 25 его соратниками в плен[2].

Сомнения Мендея Тупеева имели основание. Летом 1774 года, во время нового подъема народного движения, эта группа старшин вновь оказалась в лагере восставших, многие из них сумели возглавить повстанческие отряды. Последний аккорд их повстанческой деятельности был дан 5 июля. Недалеко от Стерлитамакской пристани произошло кровопролитное сражение сводного башкирского отряда с карательным корпусом генерала П.М. Голицына[3]. Сражение закончилось страшным поражением восставших, башкиры понесли большие потери. Старшины окончательно отошли от движения. Кидрас Муллакаев стал принимать активное участие в подавлении восстания. 4 августа около деревни Ермолкино он захватил в плен пугачевского бригадира Канзафара Усаева, за что был награжден медалью и деньгами.

---

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 118–119.

[2] Там же. С. 127.

[3] Там же. С. 205–208, 396–397.

В декабре 1774 года Кидрас Муллакаев явился с повинной в Казанскую секретную комиссию, где пребывал до весны 1775 года. Был освобожден без наказания и остался старшиной своей волости[1]. В записи башкир Казанской и Ногайской дорог от 26 октября 1777 года о припуске на свои вотчинные земли татар и мишарей по реке Карагалке участвовали поверенные команды старшины Кара-Табынской волости Кидраса Муллакаева[2]. Точная дата его смерти неизвестна. В купчей башкир Казанской дороги от 9 ноября 1789 года заводчику И.П. Осокину на свои вотчинные земли говорится: «… приглася припущенника Кара-Табынской волости умершего главного старшину тархана Кидряся Муллакаева…»[3]. Следовательно, Кидрас Муллакаев умер между 1787 и 1789 годами.

Керкей

Башкирский полковник. Упоминается в единственном документе. Московского легиона карабинерных эскадронов поручик Черкасов в своем рапорте Оренбургскому губернатору И.А. Рейнсдорпу 27 марта 1774 года говорил, что они в декабре 1773 года в составе 6 человек ехали из Дона через Симбирск в Оренбург. 17 декабря у Кичуевского фельдшанца на их группу напала «злодейская партия команды старшины Исмаила Сартая Таирова человек 200». В деревне Сапяеве Сартай их допрашивал, затем «наложил на него и Кублицкого «железо», а на остальных колодки» и отвез их в деревню Исердоклы, где сдал «воровскому полковнику Керкею». Черкасов хорошо запомнил внешность этого башкирского полковника: «у него совсем носа нет и то место, где ему быть надлежит, прикрыто красным сукном».

Из деревни Исердоклы арестованных армейских офицеров доставили в дервню Каргалы и 31 декабря передали старшине Мусе Алиеву, который отправил их в Берду к Пугачеву. Пугачев оставил их в своей армии и определил «в квартиру к Шванвичу»[4].

В повстанческой армии был хорошо известен полковник А.Т. Соколов-Хлопуша с отрезанным носом. Но Черкасов не мог перепутать

---

[1] РГАДА.Ф. 6. Д. 507. Ч. 3. Л. 166 об.-169 об.

[2] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 5. С. 60.

[3] Там же. С. 268.

[4] РГАДА. Ф. 6. Д. 467. Ч. 12. Л. 335 об.

башкирского полковника Керкея с Соколовым-Хлопушой, который в ноябре–декабре 1773 года находился в Бердской крепости. Пугачев посылал его на Авзяно-Петровские заводы для захвата Ильинской и Верхнее-Озерной крепостей. Можно предположить, что Керкей был старым мятежником, активным участником башкирских восстаний 1755–1756 годов. Других сведений об этом башкирском полковнике повстанческой армии Крестьянской войны 1773–1775 годов найти не удалось.

Кинзябулат Алкашев

Башкир деревни Кинзябулатово Бурзянской волости (Иткулово 2-е Баймакского района РБ). Вместо Таулыкая Суракова был назначен старшиной Бурзянской волости (209 дворов). Командир повстанческого отряда, в отряде было 500 человек[1].

Кинзябулат Алкашев примкнул к восстанию осенью 1773 года. 24 октября его отряд занял Уртазымский рудник Кано-Никольского медеплавильного завода. Ранней весной 1774 года, когда Е.И. Пугачев после крупных поражений под Татищевой крепостью и Сакмарским городком с небольшим остатком Главного войска появился в южных волостях Башкортостана, башкиры под агитацией эмиссаров Кинзи Арсланова целыми отрядами стали приходить к «царю-надеже». Собирался идти к Е.И. Пугачеву и Кинзябулат Алкашев. 6 мая 1774 года в походной канцелярии генерала П.М. Голицына башкирский «верный» старшина деревни Имангулово Муса Имангулов, который ездил к башкирским старшинам для приведения их к повиновению властям, докладывал: «А затем еще был у старшины той же Бурзейской волости Кинзя-Булата Алкашева, у которого в собрании было башкирцов человек до пяти сот. Оной старшина по объявлению ему манифестов [императрицы Ектерины II], тож объявил, и что они намерены идти для вспоможения к известному злодею Пугачеву, который де находитца на Белорецком заводе»[2].

Летом 1774 года Кинзябулат Алкашев действовал в районе Зилаирской крепости. В июне он вместе с пугачевским полковником Муйнаком Сулеймановым штурмом захватил и разорил Зилаирскую

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 138.

[2] РГВИА. Ф. 20. Д. 1232. Л. 412; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 138.

крепость. Их сводный отряд несколько раз вступал в стычки с карательным деташаментом Л.И. Тимашева, создавали ему препятствие в продвижении в Исетскую провинцию для сбора у башкир штрафного провианта.

Кинзябулат Алкашев до глубокой осени оказывал сопротивление карательным командам. В конце октября 1774 года крупные башкирские предводители Ногайской дороги Каранай Муратов, Каскын Самаров, Кутлугильде Абдрахманов, Трухмен Янсаитов, Муйнак Сулейманов и Таулыкай Сураков собрались у Кинзябулата Алкашева для обсуждения вопросов дальнейшего продолжения совместной борьбы. Об этом съезде башкирских предводителей Л.И. Тимашев узнал «от одного знаемого Усерганской волости башкирца» и организовал налет на деревню Кинзябулата Алкашева. К тому времени предводители успели уехать в деревню Таулыкаево старшины Бурзянской волости Таулыкая Суракова. Тимашев устроил Кинзябулату Алкашеву допрос «со увещеванием» и заставил его поехать в деревню Таулыкаево для поимки башкирских предводителей, выделив из своей команды «надежных людей человек 30». Однако те были предупреждены и успели убежать в Ирандыкские горы. Тимашеву самому пришлось организовать их поимку[1].

И.Л. Тимашев отправил Кинзябулата Алкашева в Казань, в распоряжение Секретной комиссии. Ему позволили жить в городе. Был освобожден распоряжением Казанского губернатора П.С. Мещерского от 17 января 1775 года без наказаний. Кинзябулат Алкашев был назначен старшиной Бурзянской волости вместо Таулыкая Суракова, который еще в мае 1774 года был смертельно болен. В закладной записи башкир Ногайской дороги от 1 ноября 1788 года татарскому купцу Каргалинской слободы Мухамет-Рахиму Заитову на земли по реке Салмыш среди многих башкирских старшин упоминается и Кинзябулат Алкашев[2].

Кунакбай

Башкир деревни Кальчир (Кальчир-Бураново Аургазинского района РБ). Полковник пугачевской армии. В архивных источниках

[1] РГАДА. Ф. 1100. Д. 11. Л. 315 и об.; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 247.

[2] Материалы по истории Башкирско АССР. Т. V. С. 235.

упоминается лишь один раз. Мишарский старшина Ногайской дороги Муксин Абдусалямов в 1775 году бил челом императрице Екатерине Алексеевне, что в июне 1774 года башкирские повстанческие отряды пришли в село Бузовязы и ограбили его дом. Сводный отряд возглавляли полковники Канзафар Усаев, Канбулат Юлдашев, Ибрагим Мрясев, Каип Зиямбетев. По сообщению Муксина Абдусалямова, среди командиров был «башкир деревни Калчировой Кунакбай, называемый полковником»[1]. К сожалению, Муксин Абдусалямов не называет фамилии полковника Кунакбая. В XVIII веке недалеко от деревни Бузовязы была башкирская деревня Калчирово. Вероятно, полковник Кунакбай был жителем этой деревни. Мишари деревни Бузовязы Ишмухамет Сулейманов, Муксин и Ямгур Абдусалямовы вели агрессивную позицию по захвату вотчинных владений соседних башкирских деревень. Во время Крестьянской войны они вели активную карательную деятельность, что усилило к ним ненависть башкир. Вероятно жители деревни Калчирово во главе со своим полковником Кунакбаем отомстили Муксину Абдусалямову.

Дальнейшая судьба неизвестна.

Кусяпкул Азатов и Сайран Саитов

Башкирские старшины Юрматинской волости Ногайской дороги.

Сайран Саитов, житель деревни Сайраново (Ишимбайский район РБ), волостной старшина. В его команде было 360 дворов. Пугачевский полковник[2].

Кусяпкул Азатов, повстанческий командир. Житель ныне несуществующей деревни Кусяпкулово (Ишимбайский район РБ). Старшина волости. Под его командой числилось 373 двора. В деревне Кусяпкулово в 1770 году побывал академик И.И. Лепехин. В горе Кызыляр близ деревни Кусяпкулово в пластах каменного угля он открыл источники нефти. Ныне оказалась в черте города Ишимбая[3].

Сайран Саитов и Кусяпкул Азатов с командой из башкир своей Юрматинской волости в 250 человек осенью 1773 года были мобили-

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 507. Ч. II. Л. 263 об.

[2] *Асфандиярав А.З.* Указ. соч. Кн. 2. С. 124.

[3] Там же. С. 130.

зованы в Башкирско-мишарский карательный корпус, который комплектовался в Стерлитамакской пристани под командой товарища Уфимского воеводы майора П.Н. Богданова. 28 октября для преследования бежавших с Авзяно-Петровских заводов крестьян П.Н. Богданов отправил карательную команду с «башкирскими и мещеряцкими командами в числе тысячи трехсот человек» под командой отставного секунд-майора Н.И. Голова, подпоручика князя М. Уракова и прапорщика Моисеева. В составе команды были и юрматинские башкиры старшин Сайрана Саитова и Кусяпкула Азатова. Дальнейшие события излагаем по тексту рапорта П.Н. Богданова в Уфимскую провинциальную канцелярию.

29 октября около деревни Осиновка, недалеко от Воскресенского завода, каратели настигли бежавших заводских крестьян, которые везли в Бердский лагерь 7 пушек, порох и свинец. По рапорту Н.И. Голова в Уфимскую провинциальную канцелярию, крестьян было около 300 человек. Увидев карателей, они «остановились между болот и лесу и имеющиеся у них пушки поставили на них». Майор Н.И. Голов приказал им, «чтоб они те пушки, порох и свинец, да бывшие при них ружья отдали и возвращались бы обратно,…но только они на то не согласились». Н.И. Голов «нападение на оных злодеев учинить намерен был», но башкирские старшины Сайран Саитов и Кусяпкул Азатов запретили ему стрелять по крестьянам. К тому времени к месту событий подошли «бывших в деревнях башкирцов сот до семи». Таким образом, у юрматинских старшин оказалось около одной тысячи вооруженных башкир, которые окружили карательную команду Н.И. Голова. Сайран Саитов и Кусяпкул Азатов заявили: «когда они будут по тех крестьянех стрелять, то и реченные башкирцы стануть их колоть».

В итоге майор Н.И. Голов вынужден был отказаться от намерения стрелять по авзянопетровским крестьянам. Юрматинские башкиры «самоохотно» решили проводить крестьян в Бердский лагерь. Они майора Н.И. Голова, «взяв за руку потащили, приговаривая, что как ево, так и подпоручика князя Уракова и прапорщика Моисеева, отвезут к тому самозванцу».

Таким образом, Сайран Саитов и Кусяпкул Азатов с отрядом около одной тысячи конных башкир, сопровождая крестьян Авзяно-Петровских заводов с 7 пушками, порохом, свинцом и знатным числом

огнестрельного оружия, в конце октября 1773 года прибыли в Бердский лагерь[1].

По сохранившимся документам выясняется, что Сайран Саитов со своим отрядом остался в Бердском лагере и участвовал в событиях под Оренбургом, а Кусяпкул Азатов вернулся домой.

Летом 1774 года Сайран Саитов и Кусяпкул Азатов активно включились в повстанческое движение. Вместе с Каранаем Муратовым они действовали в районе Стерлитамакской пристани, деревень Ашкадар и Стерля. Они продолжали борьбу до осени 1774 года. 30 сентября 1774 года полковник П.Я. Шепелев обратился к башкирским старшинам с призывом отойти от восстания и явиться с повинной. В числе старшин, продолжавших не повиноваться, значатся Сайран Саитов и Кусяпкул Азатов[2].

Видимо, в какое-то время Сайран Саитов и Кусяпкул Азатов отходили от восстания, затем вновь примкнули к повстанческому движению. 31 октября 1774 года воеводский товарищ Уфимского воеводы майор П.И. Богданов в своем рапорте в Уфимскую провинциальную канцелярию сообщал, что старшины Сайран Саитов и Кусяпкул Азатов «отложились» на сторону повстанцев[3]. Они до поздней осени 1774 года продолжали борьбу с карательными командами[4]. А.З. Асфандияров называет Сайрана Саитова пугачевским полковником[5]. Нет сомнения, что Е.И. Пугачев не мог не присвоить чин полковника предводителям, которые привели в повстанческий лагерь 950 конных воинов и в составе Главного войска участвовали во всех событиях. Однако указы о присвоении чина полковника Сайрану Саитову и Кусяпкулу Азатову не сохранились.

В ноябре 1774 года главный старшина Ногайской дороги Алибай Мурзагулов ездил по башкирским волостям и собирал подписи у старшин и рядовых башкир с обязательством явиться за повиновением в Казанскую секретную комиссию. В списке со-

---

[1] РГАДА. Ф. 1100. Д. 3. Л. 151 об.–153; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 42–44.

[2] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 235.

[3] РГАДА. Ф. 1100. Д. 3. Л. 146; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 347.

[4] Там же. С. 42–43, 235, 258, 260, 347, 410, 412.

[5] *Асфандияров А.З.* История сел и деревень Башкортостана. Кн. 2. С. 124.

гласившихся имеются подписи Сайрана Саитова и Кусяпкула Азатова[1].

Сайран Саитов и Кусяпкул Азатов не подвергались допросам и наказаниям. Они сохранили должность старшины своей волости. В 1770–1780-х годах активно занимались продажей вотчинных земель своей волости. 3 февраля 1777 года башкиры Юрматинской волости команды Кусяпкула Азатова заложили земли по реке Ашкадар татарам Арской дороги Казанского уезда. 10 марта 1777 года башкиры Телтим-Юрматинской волости команды старшин Юлдаша Кутлина и Сайрана Саитова оформили купчую запись на земли по рекам Белой и Стерле мордвам Бугульминского уезда. 30 января 1779 года башкиры команды Кусяпкула Азатова оформили две купчие записи на вотчинную землю по реке Ашкадар бугульминским татарам. 25 февраля и 4 марта 1787 года башкиры Телтим-Юрматинской волости команды Сайрана Саитова оформили купчие записи на земли по рекам Белой и Стерле отставному поручику О.Т. Щевкунову. 26 октября 1788 года башкиры Юрматинской волости команды старшины Кусяпкула Азатова и Телтим-Юрматинской волости команды старшин Юмагузы Каипова и Сайрана Саитова продали землю по реке Ашкадар князю В.Б. Волховскому. 8 марта 1790 года они продали землю заводчице Д.И. Пашковой[2].

Кутлугильде Абдрахманов

Башкир Бушман-Кыпсакской волости Ногайской дороги. Пугачевский полковник[3]. Родной племянник Кинзи Арсланова. В некоторых источниках Кутлугильде Абдрахманова называют «меньшим братом» Кинзи-абыза[4]. В материалах походной канцелярии последнего командующего правительственными войсками по подавлению восстания генрал-аншефа П.И. Панина Кутлугильде Абдрахманов также

---

[1] РГАДА. Ф. 1274. Д. 179. Л. 78 и об.; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 412

[2] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. V. С. 51, 52, 83–84, 88, 204–206, 233, 279.

[3] Военная история башкир. Энциклопедия. С. 238.

[4] РГВИА. Ф. 20. Д. 1240. Л. 520; РГАДА. Ф. 1100. Д. 9 Л 531 об.; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 214.

отмечен как «брат Кинзи Арсланова»[1]. Однако в большинстве источников его называют племянником Кинзи, что единогласно признали и исследователи.

К началу Крестьянской войны Кутлугильде Абдрахманов был уже взрослым человеком. В 1763 году вместе с Кинзей Арслановым, Ямансарой Яппаровым и Каскыном Самаровым в числе выборных от нескольких волостей Ногайской дороги он участвовал в продаже вотчинных земель заводовладельцам Твердышеву и Мясникову[2]. Следовательно, еще задолго до восстания он числился одним из авторитетных и уважаемых людей в своей волости, был хорошо знаком с другими будущими крупными предводителями Крестьянской войны из башкир Ногайской дороги.

Кутлугильде Абдрахманов одним из первых примкнул к восстанию. 30 сентября 1773 года во главе делегации от Кинзи Арсланова он приехал в Каргалинскую (Сеитовскую) слободу к Е.И. Пугачеву и принял непосредственное участие в составлении первого Манифеста «мужицкого царя» башкирам[3]. Балтай Идеркаев на допросе сообщил, что Е.И. Пугачев «приказывал написать к старшинам Кинзею Арсланову, Алибаю Мурзагулову и Кутлугильде указ свой, коим призывал он их с командами к себе на службу»[4]. Один экземпляр Манифеста Кутлугильде Абдрахманов взял себе. Именно с этого дня можно считать началом его повстанческой деятельности.

С приходом Кинзи Арсланова в Бердский лагерь на Кутлугильде Абдрахманова и Сляусина Кинзина была возложена задача агитации манифестов повстанческого центра среди башкир Ногайской дороги. Роль агитаторов Кинзи Арсланова, в том числе самых деятельных и надежных из них Сляусина Кинзина и Кутлугильде Абдрахманова, признавали как в повстанческом центре, так и в кругу правительственных властей. Это единогласно признают и историки[5]. Кроме агитационной деятельности, Кутлугильде Абдрахманов с самого на-

[1] РГАДА. Ф. 1274. Д. 196. Л. 129.

[2] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV. Ч. 1. С. 83–86.

[3] РГВИА. Ф. 20. Д. 1230. Л. 73 а–75 б; *Овчинников Р.В.* Указ соч. С. 42–43.

[4] Следствие и суд над Е.И. Пугачевым. С. 100.

[5] *Усманов А.Н.* Указ. соч. С. 120; *Лимонов Ю.А., Мавродин В.В., Панеях В.М.* Указ. соч. С. 155, 159.

чала движения проявил себя и как крупный организатор повстанческого движения и военный предводитель. В составе «башкирского полка» Кинзи Арсланова он участвовал в сражениях под Оренбургом, сам самостоятельно действовал во главе повстанческих полков. Так, 8–9 ноября 1773 года в сражении повстанцев с карательным корпусом генерала В.Я. Кара Кутлугильде Абдрахманов вместе с Идеркаем Баймековым командовали башкирским отрядом в 1500 воинов[1]. На следующий день, то есть 10 ноября, И.Н. Зарубин и А.А. Овчинников «... послали... племянника... башкирского Кинзи» навстречу стерлитамакскому башкирско-мишарскому карательному корпусу, который под командой капитана И. Уракова и Алибая Мурзагулова шел на соединение с корпусом генерала В.Я. Кара. В результате переговоров И. Ураков вынужден был покинуть корпус, а башкиры и мишари в количестве 1200 человек под командой Алибая Мурзагулова перешли к повстанцам[2]. Весной 1774 года Куглугильде Абдрахманов вместе с сыновьями Кинзи Арсланова принимал активное участие в агитации пугачевских манифестов среди башкир южных волостей Ногайской дороги и в возрождении Главного войска Е.И. Пугачева. После взятия пригорода Осы в числе других башкирских предводителей Кутлугильде Абдрахманов был отправлен Пугачевым в Башкортостан.

Особенно активная повстанческая деятельность Кутлугильде Абдрахманова развернулась летом 1774 года. Он стал одним из крупных башкирских предводителей на юге Ногайской дороги. Он вместе с Сляусином Кинзиным и другими башкирскими предводителями Ногайской дороги участвовал в организации похода на Уфу. Так, по сообщению старшины деревни Имангулово Мусы Имангулова И.А. Рейнсдорпу от 19 июля 1774 года, недалеко от его деревни располагался отряд «в полутора тысяч человек под предводительством» Кутлугильде Абдрахманова, Каскына Самарова, Бузана Смакова и Турая Ишалина[3]. В рапорте Каипа Зиямбетева и Ибрагима Мрясева в Уфимскую провинциальную канцелярию от 24 июля 1774 года среди предводителей сводного башкирского отряда рядом с Каскыном

[1] Пугачевщина. Т. II. С. 134.

[2] Там же.

[3] РГАДА. Ф. 1100. Д. 9. Л. 531а.

Самаровым, Каранаем Муратовым и Сляусином Кинзиным был и Кутлугильде Абдрахманов[1]. На допросе Канзафар Усаев сообщал, что «из деревни Юзеевой вниз по Белой реке в здешние селения ко мне же шла толпа в большом числе, а под чьем предводительством – не знаю»[2]. Указанный район, то есть южные волости Ногайской дороги, летом являлся зоной действия Кутлугильде Абдрахманова и Сляусина Кинзина. Но Сляусин Кинзин в этом документе упоминается действующим в бассейне реки Демы. Следовательно, неизвестным предводителем «толпы в большом числе» мог быть только Кутлугильде Абдрахманов.

Масштабы деятельности Кутлугильде Абдрахманова летом–осенью 1774 года вынуждены были признать и каратели. Так, 30 сентября полковник П.А. Шепелев обратился с призывом к группе башкирских предводителей отойти от восстания и явиться с повинной, среди которых упоминается и Кутлугильде Абдрахманов[3].

Время обращения полковника было сложным для властей, но особенно трудно было для башкир, продолжающих борьбу. После поимки Канзафара Усаева Кидрас Муллакаев, собрав команду «с каждого двора по одному человеку» в своей волости, отправил ее в вершины рек Ик и Дема «для поимки отставших от вора Канзафара ево товарищей»[4]. Полковник П.А. Шепелев верно оценил обстановку и предлагал башкирским предводителям последовать «вашим товарищам и по реке Диоме и Урощаку живущим, которые уже все исполнили соизволение всемилостивейшей государыни и поехали безопасно в Казань»[5]. В этих условиях наиболее последовательные предводители башкир продолжали упорную берьбу. 24 октября 1774 года Оренбургский губернатор И.А. Рейнсдорп в рапорте командующему карательными силами генерал-аншефу П.И. Панину сообщал, что «старшины, кои у него, Пугачева, искусныя были Каранайка, Муйнак, Качкын, Кутлугильде от домов их находятся в отлучении»[6].

---

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 214.

[2] Там же. С. 222.

[3] Там же. С. 235.

[4] РГАДА. Ф. 6. Д. 593. Л. 18.

[5] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 235.

[6] Там же. С. 245–246.

Однако восстание шло к своему неизбежному финалу. 25 октября коллежский советник И.Л. Тимашев, который занимался сбором штрафного провианта и фуража для карательных войск у башкир Исетской провинции, сообщил Оренбургскому губернатору И.А. Рейнсдорпу о поимке группы башкирских предводителей, среди которых был и Кутлугильде Абдрахманов[1]. Документ очень любопытный и заслуживает краткого анализа. И.Л. Тимашев сообщает, что один знакомый ему башкир из Усерганской волости, имя которого он отказывается назвать даже губернатору, сообщил ему, что у старшины Бурзянской волости Кинзябулата Алкашева находятся 6 человек башкир. Тимашев тут же вызвал к себе старшину и допрашивал «со увещеванием», который под пыткой вынужден был признать, что эти люди собрались для совещания около деревни Тавлыкаево. И.Л. Тимашев отправил туда команду из 30 своих надежных людей. Прятавшиеся предводители успели бежать в Ирандыкские горы, но каратели их настигли, перевязали и доставили к И.Л. Тимашеву. Ими оказались оставшиеся на воле крупнейшие башкирские предводители, пугачевские полковники Каранай Муратов, Каскын Самаров, Трухмен Янсаитов, Муйнак Сулейманов, Кутлугильде Абдрахманов, Тавлыкай Бураков и Мурат Апталов. Таким образом, в руках И.Л. Тимашева вместе с арестованным Кинзябулатом Алкашевым оказалось 8 предводителей башкир Ногайской дороги. До получения особого распоряжения И.Л. Тимашев забрал их в свою команду и использовал в сборе провиантского штрафа[2].

В конце октября И.Л. Тимашев Каскына Самарова и Кутлугильде Абдрахманова отправил к Юлаю Азналину, чтобы уговорить его явиться с повинной. 31 октября Юлай Азналин прислал ИТ. Л. Тимашеву «покорный рапорт», где сообщал, что к нему приехали Каскын Самаров и Кутлугильде Абдрахманов, что он приносит повинную, но приехать не может. «Я ж ныне нахожусь в тяжкой болезни», – объяснял он свой отказ явиться к И.Л. Тимашеву. Здесь же говорится о том, что Юлай Азналин обратился ко всем старшинам и призвал их собраться в одном месте и ехать к И.Л. Тимашеву с повинной[3]. Сам

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 246–247.

[2] Там же. С. 247.

[3] РГАДА. Ф. 1100. Д. 12. Л. 219.

И.Л. Тимашев 9 декабря в рапорте генералу А.Д. Скалону писал, что Каскын Самаров и Кутлугильде Абдрахманов по его указу привели старого Юлая Азналина к повиновению.

В ноябре 1774 года по инициативе Алибая Мурзагулова в Казанскую секретную комиссию прибыла большая группа старшин, сотников и рядовых башкир Ногайской дороги, среди которых был и Кутлугильде Абдрахманов. В реестре Казанской секретной комиссии против имени Кутлугильде Абдрахманова генерал-аншефом П.И. Паниным отмечено, что «служил самозванцу в Берде и Магнитной. При разбитии Михельсоном бежал, увел с собой яицких казаков, калмык и заводских мужиков. В Башкирии собрал из разных волостей в множестве числе с пушками. Действовал на Ново-Московской дороге. По посылке моей явился ко мне сам. Приведен к присяге»[1].

До весны 1775 года он вместе с другими повстанцами находился в Секретной комиссии. Согласно Манифесту Екатерны II от 29 ноября 1773 года о помиловании всех участников Крестьянской войны, добровольно явившихся с повинной, Кутлугильде Абдрахманов был освобожден без наказания и отпущен домой с билетом. Дальнейшая судьба его неизвестна.

Многие историки в своих исследованиях называют Кутлугильде Абдрахманова полковником повстанческой армии. Однако в архивных фондах не удалось обнаружить ни одного документа, подтверждающего такую версию. Однако уже в ноябре 1773 года Кутлугильде Абдрахманов возглавлял полуторатысячный отряд башкирских конников в сражении с генералом В.Я. Каром у деревни Юзеево. Он же вместе с Алибаем Мурзагуловым привел башкирско-мишарский карательный корпус в Бердский лагерь. Следовательно, Кутлугильде Абдрахманов заслуживал присвоения ему чина полковника. Однако такой указ не сохранился. Но Кутлугильде Абдрахманов был одним из крупных предводителей башкир в Крестьянской войне, долго, упорно и последовательно боролся против карательных войск и отрядов «верных» башкирских и мишарских старшин. Тем самым он заслуживает памяти благодарных потомков.

[1] РГАДА. Ф. 1274. Д. 196. Л. 129–130 об.

Кутлучура Саитмамбетев

Башкир Ногайской дороги, повстанческий полковник[1]. Примкнул к восстанию в ноябре 1773 года, в составе повстанческого войска Каскына Самарова и Караная Муратова участвовал в блокаде и штурмах города Уфы. В декабре того же года вместе с Каранаем Муратовым ушел под Мензелинск и принимал активное участие в событиях в Мензелинском повстанческом районе. Его отряд действовал на территории Осинской дороги. В декабре отряд разграбил мельницу «верного» башкирского старшины Шарипа Киикова[2].

Летом 1774 года, когда Е.И. Пугачев со своим Главным войском стремительно продвигался по Зауральской Башкирии в направлении к Кунгуру, вновь усилилась борьба на всей территории края. Активно включились в восстание и башкиры Ногайской дороги. В мае 1774 года Кутлучура Саитмамбетев был мобилизован генералом Ф.Ю. Фрейманом в карательную команду. Однако он со своей командой бежал и прмкнул к повстанцам.

Центром повстанческого движения на Ногайской дороге стала территория между Уфой и Стерлитамакской пристанью, где господствовал сильный повстанческий отряд Караная Муратова. Основной задачей повстанцев стал поход на Уфу. Старшины башкирских волостей объединялись в сводный отряд. Среди предводителей был и Кутлучура Саитмамбетев[3]. Уфимская провинциальная канцелярия 18 июня в рапорте Оренбургскому губернатору И.А. Рейнсдорпу сообщала «о скопищах башкирских, от города Уфы только в 60 верстах состоящих, которые де стремятся в свое злодейство присоединить и протчих, для чего и разсылают от себя нарочных и стремятся нападением на Уфу». В донесении татарина деревни Токаевой Дуван-Табынской волости Хамзы Усманова говорилось, что в деревне Карамалы появились повстанцы «под предводительством башкирцов Кайбулата и Кутлучуры» до 200 человек, за которыми шел отряд в 600 человек[4].

27 июня 1774 года 2-тысячный сводный отряд ногайских башкир, где одним из командиров был полковник Кутлучура Саитмамбетев,

---

[1] РГАДА. Ф. 1100. Д. 7. Л. 397 об.

[2] *Таймасов С.У.* Указ. соч. С. 239.

[3] *Дубровин Н.Ф.* Пугачев и его сообщники. Т. 2. С. 314.

[4] РГВИА. Ф. 20. Д. 1239. Л. 555.

под деревней Алмантаевой вблизи села Чесноковки вступил в сражение с карательным корпусом полковника А.Я. Якубовича и потерпел жестокое поражение[1].

Дальнейшая судьба Кутлучуры Саитмамбетева неизвестна.

Максют

Повстанческий полковник. Башкир Ногайской дороги. Единственный раз упоминается в показаниях повстанца И.В. Князева в Казанской секретной комиссии. Он участвовал в событиях в Мензелинском повстанческом районе в январе–марте 1774 года. Весной вместе с группой старшин Ногайской дороги, полковников повстанческой армии Кидрасом Муллакаевым, Каипом Зиямбетевым, Ишкарой Тархановым отошел от повстанческого движения. 11 апреля 1774 года в татарской деревне Бишкуразово они арестовали пугачевского атамана В.И. Торнова. И.В. Князев на допросе об этом событии сообщил так: «Вдруг наехали человек з двести башкирцев, при коих были предводителями выше упоминаемые старшины Кидряс и полковники Максют, Каип и Ишкара»[2].

Дальнейшая судьба башкирского полковника Максюта неизвестна.

Масалим Уразаев

Башкир деревни Аитово Сарайли-Минской волости Казанской дороги[3]. Пугачевский полковник[4]. Очень скудные сведения об этом крупном предводителе восстания башкир имеются в показаниях его брата, повстанца Салиха Уразаева в Казанской секретной комиссии. По его сообщению, башкиры из правительственного корпуса генерал-майора В.Я. Кара взбунтовались, отказались идти на Бердскую крепость и сражаться с повстанческим войском. Бунт организовал и возглавил его брат Масалим Уразаев. В результате около 1000 башкир из корпуса В.Я. Кара под его командой 10 ноября 1773 года, накануне решающего сражения под деревней Юзеевой, открыто перешли на сторону повстанцев, тем самым обрекли карательный корпус на поражение. Первый командую-

[1] РГАДА. Ф. 1100. Д. 9. Л. 376–377.

[2] Там же. Ф. 6. Д. 507. Ч. 5. Л. 526 об.

[3] Там же. Д. 510. Оп. 1. Л. 120. Место жительства Масалима Уразаева выяснили по показаниям его брата Салиха Масалимова.

[4] Там же. Ф. 6. Д. 508. Ч. 1. Л. 27 об.; Военная история башкир. С. 247.

щий карательного корпуса генерал-майор В.Я. Кар в своем рапорте в Военную коллегию от 15 ноября вынужден был признать, что «тысяча человек конных, не видя себе никакого притеснения, и отдалась в открытой степи без всякого сопротивления»[1]. Подробной информации о повстанческой деятельности Масалима Уразаева в архивных фондах найти не удалось. Известно лишь, что он со своим отрядом в составе Главного войска участвовал в боях под Оренбургом. В следственных документах он называется пугачевским полковником[2]. Весной 1774 года он попал в плен, содержался в Яицкой следственной комиссии, затем был переведен в Казанскую секретную комиссию. В списках колодников Секретной комиссии он значился под номером 1014[3]. Следственные материалы по его делу в архивных фондах найти не удалось.

Дальнейшая судьба Масалима Уразаева неизвестна.

Муйнак Сулейманов

Башкир деревни Иметбаево Усерганской волости Ногайской дороги (село Муйнак Зианчуринского района РБ). Старшина волости (129 дворов). Полковник повстанческой армии.

В купчей записи башкир Усерганской волости Ногайской дороги от 19 июля 1761 года на вотчинную землю по рекам Ташлы и Аман-Буляк И.Л. Тимашеву Муйнак Сулейманов значится сотником[4]. Когда он стал старшиной Усерганской волости – не известно. По «Ведомости» Уфимской провинциальной канцелярии, составленной 16 февраля 1775 года, старшинскую должность правили Муйнак Сулейманов и Бекбов Сююшев[5].

Об участии Муйнака Сулейманова в восстании осенью–зимой 1773 года сведений в источниках не обнаружено. Вероятно, примкнул к повстанческому движению весной 1774 года. В апреле он разбил сводную команду оренбургских казаков и каргалинских татар, отправленных коллежским советником И.Л. Тимашевым для поимки Е.И. Пугачева, бежавшего после поражения под Сакмарским городком

---

[1] РГВИА. Ф. 20. Д. 1230. Л. 299; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 51.

[2] РГАДА. Ф. 6. Д. 507. Ч. 6. Л. 36; Ч. 5. Л. 353 об.; Д. 467. Ч. 4. Л. 1 и об.

[3] Там же. Д. 507. Ч. 3. Л. 27 об.

[4] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV. Ч. 1. С. 214–215.

[5] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 287.

в Башкортостан. В середине мая отряд Каскына Самарова готовился напасть на село Бугульчан, где располагались три роты гренадеров и эскадрон гусар с 4 пушками. Повстанцы обратились за помощью к крестьянам Воскресенского завода. 18 мая несколько повстанцев из отряда подошли к заводу для переговоров, показали «государев» указ на татарском языке. Заводчане требовали предъявить указ «государя» на русском языке. В тот же день повстанцы привезли указ на русском языке с печатью. Повстанцы требовали выдать «пушки, порох и людей на помощь для разбития стоящей на Бугульчане команды», при отказе угрожали: «А когда не дадите, то через три дня завод совсем исстребим». Заводчане заявили, что указ адресован полковнику Муйнаку Сулейманову и отказались выдать требуемое[1]. Данный факт подтверждает высокий авторитет Муйнака Сулейманова среди повстанцев.

В июне 1774 года Муйнак Сулейманов совместно с Кинзябулатом Алкашевым захватили и разорили Зилаирскую крепость. Он до поздней осени продолжал борьбу. 24 октября 1774 года Оренбургский губернатор И.А. Рейнсдорп в рапорте генерал-аншефу П.И. Панину докладывал, что «искусные у Пугачева Каранайка, Муйнак, Качкын, Кутлугильде «от домов их находятся в отлучении»[2]. Но на следующий день, 25 октября, коллежский советник И.Л. Тимашев рапортовал губернатору: «по подсказке от одного знаемого Усерганской волости мне башкирца» узнал, что у бурзянского старшины Кинзябулата Алкашева находятся «6 человек башкирцов», что он совершил налет. Собравшиеся для совета башкирские предводители слишком поздно узнали о предательстве. Они бежали на Ирендыкские горы, но каратели их настигли и всех арестовали. В арестованной группе оказались самые крупные и активные башкирские полковники: Каранай Муратов, Каскын Самаров, Мурат Абдалов, Тавлыкай Бураков, Кутлугильде Абдрахманов, Трухмен Янсаитов и Муйнак Сулейманов[3].

В рапорте губернатору И.А. Рейнсдорпу И.Л. Тимашев в тот же день написал: «В Оренбурх же мне оных отправить чрез Башкирь ни-

[1] *Таймасов С.У.* Указ. соч. С. 119.

[2] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 245.

[3] Там же. С. 247.

каким образом не можно, разве повелите из Челябы через Екатеринбург, Кунгур и Казань. А здесь единомышленников их большая часть». И.Л. Тимашев побоялся оставит у себя под караулом этих крупных, опытных и влиятельных башкирских вождей. Поэтому он решил их временно использовать в сборе штрафных коней и фуража у башкир, мишарей и служилых татар Исетской првинции. В ноябре у них взяли подписку с обязательством явиться в Казань в Секретную комиссию.

Муйнак Сулейманов вместе с этой группой был доставлен в Казань. Распоряжением Казанского губернатора П.С. Мещерского от 17 января 1775 года он был освобожден без наказания[1].

Дальнейшая судьба Муйнака Сулейманова неизвестна.

Мурадым Абдрахманов, Сабай Кутлин, Утяган Муашев

Мурадым Абдрахманов, башкир деревни Тереклы (Архангельский район РБ), старшина Кумрук-Табынской волости (138 дворов).

Сабай Кутлин, башкир деревни Сабаево (Гафурийский район РБ), старшина Калчир-Табынской волости (184 двора).

Утяган Муашев, башкир деревни Утяганово (Кармаскалинский район РБ), старшина Дуван-Табынской волости (125 дворов).

Командиры повстанческих отрядов. Действовали всегда вместе. Об их участии в восстании осенью и зимой 1773–1774 годов в источниках не отражается. Вероятно, они со своими отрядами в составе повстанческой армии И.Н. Грязнова ушли в Зауральский Башкортостан и участвовали в событиях под Челябинском. В источниках сохранилось мало информаций об их повстанческой деятельности весной 1774 года. Лишь о действиях Мурадыма Абдрахманова имеются скудные сведения. После поражения основных повстанческих сил он одним из первых на Ногайской дороге поднялся на борьбу с карательными командами. 18 мая 1774 года мишарские «верные» старшины Миндей Тупеев и Аблай Смаилов в своем рапорте в Уфимскую провинциальную канцелярию сообщали, что «Кумрукской волости старшина Мрадым же Абдрахманов неведома в каком разуме собрал до пятсот человек». 22 мая башкирский старшина Ибрагим Мрясев в рапорте в ту же канцелярию писал: «Кумрук-Табынской же волости старшина Мрадым Абдрахманов глупцов и неведующих

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 507. Ч. 1. Л. 89 об.

заблуждения своего людей человек сот до семи собрав, куда с ними следовать, не знает»[1].

Однако бывший пугачевский полковник, теперь осведомитель уфимских властей, Ибрагим Мрясев глубоко ошибался, что Мурадым Абдрахманов «не знает, куда следовать». В экстракте Табынской комендантской канцелярии от 30 мая отмечено: по сообщению приказчика Архангельского завода Рыжикова, «Кумруцкой волости Мурадымка с своей командою имеет собрание вверху реки Инзеря, в расстоянии от того завода в 50 верстах обще с Катавскою волостью башкирами же»[2]. Опытный предводитель четко знал, «куда следовать». Он собирал силы, объединял повстанческие отряды башкир Кумрук-Табынской и Катайской волостей для организации похода на Архангельский медеплавильный завод. 13 июня его отряд напал на заводское село Зилим, отогнал 600 лошадей и 159 голов крупного рогатого скота. 16 июня захватил и сжег Архангельский завод, затем осадил село Зилим[3].

Летом 1774 года Мурадым Абдрахманов, Сабай Кутлин и Утяган Муашев принимали активное участие в повстанческом движении под Уфой. Об Утягане Муашеве власти сообщали, что его отряд не раз имел «сопротивление и сражение» с правительственными командами. Они долго и упорно оказывали сопротивление карательным силам, участвовали в организованном походе объединенных повстанческих сил башкир Ногайской дороги на Уфу. Сотник Кумрук-Табынской волости Абейдулла Кудайгулов вместе со старшинами Ишкиней Аисовым, Мрадымом Саитмамбетевым и сотником Канмурзой напали на деревни Токаево и Бузовьязы, в авангарде сводного отряда подошли к деревням Атзитярево и Алмантаево. Сводный отряд в составе до трех тысяч повстанцев шел на Уфу с намерением «на тот город учинить приступ». 27 июня под деревней Алмантаево недалеко от села Чесноковка отряд был встречен карательным корпусом полковника А.Я. Якубовича. Потеряв около двух тысяч человек, отряд отступил в горы[4]. В составе сводного отряда были башкиры Табынских

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 146, 156.

[2] Там же. С. 167.

[3] РГАДА. Ф. 1100. Д. 9. Л. 552.

[4] РГАДА. Ф. 1100. Д. 9. Л. 376–377.

волостей, в числе командиров – Мурадым Абдрахманов, Сабай Кутлин и Утяган Муашев[1].

В «Ведомости» Уфимской провинциальной канцелярии, составленной 1 ноября 1774 года, отмечено: «все оныя Нагайской дороги старшины с командами и селеньи их в возмущеньи злодейском прежде и других были». К тому времени они «обратились в прежнее повиновение».

Мурадым Абдрахманов, Сабай Кутлин и Утяган Муашев следствию и наказаниям не подвергались, сохранили должность старшины. В договорных записях от 3 марта 1777 года и 10 января 1778 года с уфимским купцом А.М. Подъячевым, от 19 апреля 1778 года с уфимским купцом С.А. Жулябиным, от 4 марта 1779 года с мишарским старшиной Калиуллой Асядуллиным говорится, что башкиры Кумрук-Табынской волости команды старшины Мурадыма Абдрахманова занимали деньги с условием уплаты долга медом. 30 марта была составлена купчая запись с тем же купцом А.М. Подъячевым о займе денег. Но в этот раз Мурадым Абдрахманов являлся старшиной Кальчир-Табынской волости[2]. 25 января 1779 года в Уфимской провинциальной канцелярии была оформлена заемная запись башкира деревни Айдашево Дуван-Табынской волости команды старшины Утягана Муашева Ногайчюры Солдатова[3]. 15 февраля 1787 года башкиры нескольких деревень Дуван-Табынской волости команды старшины Утягана Муашева в Уфимской палате гражданского суда оформили купчую запись на земли по реке Белой статскому советнику А.И. Чирикову[4]. Сабай Кутлин в источниках последней четверти XVIII века не упоминается.

Мурат Абдалов

Мурат Абдалов, башкир деревни Мратово Бурзянской волости Ногайской дороги. Полковник повстанческой армии[5]. Одна из ярких фигур Крестьянской войны 1773–1775 годов. Но, к сожалению,

---

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 394, 398.

[2] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. V. С. 62, 66, 71, 86, 108.

[3] Там же. Т. V. С. 81.

[4] Там же. С. 203.

[5] *Гвоздикова И.М.* Указ. соч. С.505.

его имя до сих пор почти неизвестно в Республике Башкортостан. Небольшая информация о его повстанческой деятельности имеется в работах С.У. Таймасова[1] и в энциклопедии «Военная история башкир»[2]. Причиной такого незаслуженного забвения этого героя Крестьянской войны является почти полное отсутствие источников: он не оказался в следственных комиссиях.

Мурат Абдалов имел огромный авторитет среди бурзянских башкир. Его почитали батыром. С.У. Таймасов предполагает, что повстанческие полковники Мурат Абдалов и Мурат Сураков – «одно и то же лицо». Однако в документах Мурат Абдалов из деревн Мратово, Мурат Сураков из деревни Тавлыкаево. Следовательно, они разные лица, хотя оба они полковники и оба из Бурзянской волости.

К восстанию Мурат Абдалов примкнул в декабре 1773 года. Он постоянно действовал вместе со старшиной Бурзянской волости Сабыром Кутлумбековым, отставным старшиной Трухменом Янсаитовым и сотником Тангаурской волости Юлдубаем. 12 декабря Мурат с отрядом в 600 человек осадил Уйскую крепость, разорил окрестные хутора. 16 декабря его отряд напал на полевую команду подполковника Декастро-Лацерода. Одновременно нападению его отряда подвергались Карагайская, Петропавловская и Магнитная крепости, Белорецкий завод. Затем отряд подступил к Кано-Никольскому заводу. На рудниках завода взяли в плен 250 работников, в том числе А.И. Дубровского, будущего секретаря Военной коллегии, и отвезли на Кано-Никольский завод, оттуда в Берду.

После поражения Главного войска под Татищевой крепостью и Сакмарским городком Е.И. Пугачев по совету Кинзи Арсланова направился вглубь Башкортостана. Башкиры южных волостей целыми деревнями шли к нему и пополняли Главное войско. Одним из первых к Пугачеву прибыл Мурат Абдалов. Старшина деревни Имангулово Муса Имангулов в походной канцелярии генерал-майора П.М. Голицына 6 мая 1774 года сообщал, что он в апреле ездил по башкирским волостям и выявил: «Из них, башкирцев, один деревни Мратовой Мрат, который между их считается попроворнея, ездил к нему, Пугачеву, и получил в награждение денег 100 рублей, чтоб склонить баш-

[1] *Таймасов С.У.* Указ. соч. С. 79, 119, 129, 187, 193, 197, 277, 290, 291, 313.

[2] Военная история башкир. С. 253.

кирский народ к нему, Пугачеву»[1]. По другим документам можно уточнить дату встречи Мурата Абдалова с «государем»:12 апреля 1774 года.

Часть башкирских старшин после поражения основных повстанческих сил весной 1774 года отошла от движения, некоторые из них поспешили реабилитировать себя перед властями и перешли на сторону карателей. Старшина Суун-Кыпсакской волости Ямансара Яппаров с разрешения генерала П.М. Голицына собрал команду в 300 человек под командой своих сыновей Киикбая и Узянбая и 4 апреля отправил их для преследования Пугачева[2]. По сообщению того же Имангулова, «Мрат, с собранием своим разбил башкирцев, состоящих под командою старшинского сына Киикбая Ямансарина, и пять человек лутчих, в том числе онаго Киикбая брата, захватя, увезли к реченому Пугачеву»[3].

Особенно бурные действия Мурат Абдалов развернул летом 1774 года. Сводный отряд Трухмена Янсаитова, Сабира Кутлумбетова и Мурата Абдалова несколько раз вступал в сражение с карательной командой коллежского советника И.Л. Тимашева. 22 мая они захватили Уртазымскую крепость. 2 июня башкир-повстанец Умер Аптыков на допросе показал, что Трухмен Янсаитов и Мурат Абдалов с другими башкирскими предводителями штурмом взяли Уртазымскую крепость, солдат и обывателей порубили, крепость выжгли, забрали 2 пушки и 15 пудов пороха[4]. 5 июня И.Л.Тимашев рапортовал П.М. Голицыну, что в 20-х числах мая на его команду дважды были совершены нападения. 3 июня отряд Трухмена Янсаитова и Мурата Абдалова еще раз напал на Тимашева[5].

В рапорте от 5 июня генералу П.М. Голицыну И.Л. Тимашев вновь докладывал о нападениях башкир на его команду в конце мая и 3 июня. Расписав яркими красками свои подвиги, он вынужден был признавать, что «совсем сию злодейскую толпу истребить никоим образом не возмог». Причины своей беспомощности И.Л. Тимашев

---

[1] РГВИА. Ф. 20. Д. 1232. Л. 412.

[2] Там же. Л. 407.

[3] Там же. Л. 413.

[4] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 170–171.

[5] Там же. С. 177–179.

объясняет усталостью и худобой лошадей, множеством лесов, гор, болот и мелких речек[6]. В рапорте от 11 июня И.Л. Тимашев докладывает П.М. Голицыну о сражении с башкирским отрядом в верховьях реки Таналык. По утверждению И.Л. Тимашева, в башкирском отряде повстанцев было «тысяч до двух или более». Башкиры первыми напали на команду карателей. И.Л. Тимашев планировал через Кизильскую, Зилаирскую и Верхояицкие крепости идти на соединение с корпусом генерала Ф.Ю. Фреймана. Но частые столкновения со сводным отрядом бурзянских, тангаурских и усерганских старшин под командой Трухмена Янсаитова, Мурата Абдалова, Сабира Кутлунбекова и Юлдубая вынудили его остановиться в Зилаирской крепости практически в осадном положении и просить поддержки[7].

Кроме крепостей, башкирские отряды нападали и на горные заводы. В частности, был захвачен и разорен Преображенский медеплавильный завод Твердышевых. В сводном отряде кроме башкир были ставропольские калмыки и русские крестьяне. 25 октября 1774 года в деревне Тавлыкаево Бурзянской волости И.Л. Тимашев взял в плен 8 башкирских старшин, среди которых были крупнейшие предводители Крестьянской войны, выдающиеся организаторы народной борьбы Каранай Муратов, Каскын Самаров, Кутлугильде Абдрахманов, Трухмен Янсаитов и Мурат Абдалов[8]. И.Л. Тимашев дал Мурату Абдалову следующую характеристику: «Начальнейший злодей, служил у Пугачева, употреблялся над воровскими партиями начальником. Во утверждении к бунту башкирцев имел великий успех». Аналогичную характеристику Мурату Абдалову дал генерал П.И. Панин. В материалах походной канцелярии последнего командующего карательными войсками отмечено: «В бунте имел великий успех, ибо он у них по склонности к воровству в почтении называется батыром и придается ему воровский титул «Мрат Кашка». Явился сам и у меня присягал»[9].

---

[6] РГАДА. Ф. 1100. Д. 9. Л. 275 об.; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 177–178.

[7] РГАДА. Ф. 1100. Д. 9. Л. 277 об., 281 об.; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 186–188.

[8] РГАДА. Ф. 1100. Д. 11. Л. 315 об.; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии С. 246–247.

[9] РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 196. Л. 129.

Мурат Абдалов в руки карателей не попал, в следственной комиссии не был и допросам не подвергался. Поэтому документы о его повстанческой деятельности и дальнейшей судьбе не сохранились.

Дальнейшая судьба Мурата Абдалова неизвестна.

Нарынбай

Башкир Ногайской дороги. Полковник. О башкирском полковнике повстанческой армии Нарынбае сведения имеются в единственном архивном источнике, сохранившемся в фонде Российского государственного архива древних актов в Москве. В канцелярии Орской крепости генерал-майор С.К. Станиславский и бригадир А.И. Корф допрашивали группу казаков Орской крепости. Из них наиболее полную информацию дал казак из татар Ишмухамет Абдулкаримов. Из его допросной речи мы узнаем о башкирском полковнике повстанческой армии Нарынбае. Читателям предлагаем более подробное изложение этого интересного документа.

Ишмухамет служил в карательном батальоне майора Заева, который 29 ноября 1773 года был разбит Е.И. Пугачевым под Ильинской крепостью. Рядовые солдаты и казаки батальона добровольно перешли на сторону восставших. В их числе оказался и Ишмухамет. Е.И. Пугачев привел «в Ногайскую слободу и отдал их стоящему тут злодейскому полковнику башкирцу Нарынбаю». Через 2 месяца Е.И. Пугачев через письма затребовал их в Берду. Нарынбай отправил татар в Берду в распоряжение А.Т. Соколова-Хлопуши. Последний обратно вернул их Нарынбаю. В дальнейшем они служили в повстанческом отряде полковника Нарынбая, который дислоцировался под Орской крепостью[1].

Орская крепость считалась одной из хорошо укрепленных не только на Орской дистанции. П.И. Рычков писал: «Она поныне из всех новопостроенных крепостей, включая нынешний Оренбург, лучше и регулярнее укреплена и снабжена достаточно артиллериею»[2]. В течение осени 1773 – весны 1774 года в Орской крепости находились 10-я и 11-я легкие полевые команды генерал-майора С.К. Станиславского. В письме от 29 декабря 1773 года к генерал-поручику

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 508. Л. 472–473.

[2] *Рычков П.И.* Топография Оренбургской губернии. Уфа, 1999. С. 237.

И.А. Деколонгу Оренбургский губернатор И.А. Рейнсдорп требовал «Станиславскому приказать с имеющейся при нем командою быть в Орской крепости неолучно, ибо, как оная крепость земляная и против прочих лутчая, то ему быть тамо весьма не опасно»[1]. Генерал С.К. Станиславский задержался в Орской крепости до лета 1775 года. Кроме корпуса С.К. Станиславского в гарнизоне Орской крепости было много казаков из башкир и татар.

Видимо, Пугачев поставил перед полковником Нарынбаем задачу занять эту сильно укрепленную и хорошо вооруженную крепость. Когда татары, перешедшие из батальона Заева к повстанцам, вернулись из Бердской слободы, Нарынбай «тотчас отправил Ишмухамета одного с тремя башкирами в Орскую крепость» для агитации. Группа Ишмухамета остановилась в лесу, в крепость пошли Ишмухамет с одним башкиром. В Орской крепости они обратились к «кызылбашину Мамбетю» и открылись ему обо всем. Мамбет повел агитаторов к татарину Кунакбаю, Кунакбай – капралам Абакиру и Аббасу, а те – атаману Касимову. Атаман Касимов приказал им убраться из крепости.

Кунакбай сомневался в истинности «государя». Ишмухамету удалось его убедить, после чего тот вторично пришел к атаману, попытался уговорами и угрозами заставить перейти на сторону Е.И. Пугачева. Касимов ответил, что он не боится угроз Е.И. Пугачева, так как в крепости дислоцируется корпус численностью в 2000 человек с генералом, и снова потребовал «убраться не мешкав». Агитаторы вернулись в расположение повстанческого отряда и доложили обо всем Нарынбаю.

Через 2 недели Нарынбай еще раз отправил Ишмухамета вместе с казаком Асяновым в Орскую крепость. Их сопровождали 20 башкир, снабженные манифестом Е.И. Пугачева. Не доезжая одной версты до крепости, команда Абдулкарима остановилась, в крепость отправили ночью с манифестом одного Асанова, так как «кызылбаш» Мамбет был его отчимом. Асанов благополучно съездил в Орск, передал манифест, утром вернулся с хорунжием Усеином, отставным капралом Кунакбаем и отчимом Мамбетом. Делегация казаков Орской крепости привезла Нарынбаю письмо муллы Мамбетова. Письмо передали хорунжию Ильинской крепости башкиру Узбеку, случайно присутствовавшему с ними.

[1] РГАДА. Ф. 1100. Д. 4. Л. 270.

Агитаторы вернулись к Нарынбаю, передали письмо. В письме было написано, что башкирские и татарские казаки Орской крепости хотят служить «государю», но боятся наказания, потому что в крепости расквартирован карательный корпус генерала с 2000 солдатами, в каждом доме по 15 человек.

Нарынбай в третий раз отправил Ишмухамета Абдулкаримова и Асанова с одним башкиром и поставил конкретные задачи перед ними: склонить на свою сторону атамана и казаков; если не сумеют склонить, то узнать людей, желающих служить «государю»; детально разведать о наличии генерала и его корпуса.

В это время в Орской крепости атамана не оказалось, хорунжий тоже уехал в Озерную крепость. Кунакбай и Мамбет не знали, как поступить без них. Делегации удалось выяснить, что в крепости располагается корпус в 2000 солдат во главе с генералом, а в Озерной крепости – провиантская команда в 300 человек. Абдулкарим и Асанов в полночь уехали из крепости, угнали у татарина Назарова 3-х лошадей. Проехав верст 40 от крепости, решили остановиться на отдых и приготовить пищу. В это время на них наехал разъезд из Озерной крепости. Повстанцев поймали и привезли к генералу С.К. Станиславскому. При допросе С.К. Станиславский бил повстанцев плетьми. От пытки и избиения Асанов и казак Юсупов умерли[1]. На допросе выяснилась готовность орских казаков перейти на сторону пугачевцев. Но Нарынбай задачу, поставленную Е.И. Пугачевым, выполнить не смог: Орская крепость хорошо защищалась крупным регулярным войском.

На этом сообщение о башкирском полковнике Нарынбае прерывается. В списках колодников ни в одной следственной комиссии имя Нарынбая не встречается. Возможно, после поражения основных повстанческих сил весной 1774 года он отошел от движения. Представителем какой башкирской волости был Нарынбай, трудно сказать. Если исходить из места его действия, он мог быть башкиром Тангаурской волости. С места дислокации своего отряда Нарынбай несколько раз приезжал в Бердскую крепость по вызову Пугачева, который сам присвоил ему чин полковника.

Дальнейшая судьба неизвестна.

---

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 508. Ч. 3. Л. 472–476 об..

Сляусин, Сулейман, Юлай Кинзины

Сляусин Кинзин. Башкир деревни Кинзя (Кинзя-Абызово Куюргазинского района РБ), сын Кинзи Арсланова. Полковник повстанческой армии. В шежере Кара-Кыпсакского племени у Кинзи-абыза значится один сын – Саляук. Другие сыновья, в том числе полковник повстанческой армии Крестьянской войны Сляусин в родословном не упоминается. Если шежере было составлено до начала Крестьянской войны 1773–1774 годов, к началу этого всенародного движения Саляук должен был быть уже взрослым мужчиной. Тем более, в шежере говорится, что он – мулла. Но ни в одном из сохранившихся архивных источников, касающихся Крестьянской войны, Саляук не упоминается. В том, что он в этом восстании участия не принимал, нет никакого сомнения. Но сомнение вызывает другой вопрос. В источниках систематически перемешиваются имена «Сляусин» и «Сулеман». В письме Канзафару Усаеву в июле 1774 года Сляусин писал: «Тебе, господину полковнику, уважаемому и высокопоставленному другу нашему, мулле Канзафыару Усаеву сыну от полковника муллы Сляусина сообщается» Но письмо завершается фразой: «Молящейся твой нижайший есаул Сулайман»[1]. Окончательно решить эту загадку на документальном основании крайне трудно, а скорее всего, невозможно. Остается только гадать. Поэтому нет смысла вводить читателя в загадочную историю Саляука. Лучше обратимся к повстанческой деятельности Сляусина Кинзина, второго сына Кинзи Арсланова. Однако и здесь имеются загадочные ситуации. Сляусин Кинзин включился в активную повстанческую деятельность в самом начале восстания. Возможно, он пришел в Бердский лагерь вместе с отцом: с первых дней пребывания Кинзи Арсланова в Бердском лагере Сляусин Кинзин и Кутлугильде Абдрахманов в источниках упоминаются самыми верными и самыми деятельными его агитаторами. О Сляусине Кинзине, талантливом распространителе пугачевских манифестов среди народов Башкортостана и крупном предводителе башкир-повстанцев Ногайской дороги сохранилось очень мало источников. Однако дошедшие до нас документы позволяют выяснить основные моменты его повстанческой деятельности.

[1] Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения. С. 174.

На первом и начале второго этапа Крестьянской войны, то есть осенью 1773 – зимой и весной 1774 года, Сляусин Кинзин под руководством своего отца занимался агитацией манифестов Е.И. Пугачева среди башкир и нерусских народов Ногайской дороги. 28 октября 1773 года Уфимская провинциальная канцелярия в своем секретном рапорте Оренбургскому губернатору И.А. Рейнсдорпу, опираясь на информацию Кулыя Балтасева и Мендея Тупеева, сообщала, что по Ногайской дороге разъезжают «Кинзи Арсланова сын Сюлявчин с протчими согласниками со объявленными от изменнической толпы письмами, которые де приводят народ башкирской в согласие»[1]. Сляусин Кинзин и другие агитаторы Кинзи Арсланова пользовались огромной поддержкой населения. В том же рапорте власти провинции сетовали: «Для поиску от Уфимской провинциальной канцелярии посланы во все те места нарочные и возвратясь, поданными рапортами объявили, что они тех лжеразгласителей к поимке хотя и со всевозможностью старались, но только нигде оных разведать не могли»[2].

О повстанческой деятельности Сляусина в период с ноября 1773 года до апреля 1774 года в источниках сведений крайне мало. Но сохранился документ, который подтверждает версию о том, что зимой 1773–1774 годов он служил в «башкирском полку» своего отца. В отпускном письме Кинзи на имя Азамата Тумтаева, составленном 8 февраля 1774 года, имеется запись: «По приказу вышеписанных [атамана Кинзи Арсланова и полковника Ямансары Яппарова] писал и руку приложил писарь Слявсун Кинзин»[3]. Об участии в сражениях, где он мог проявлять полководческие способности, до лета 1774 года документы единогласно молчат.

Весной 1773 года, после появления Е.И. Пугачева в Башкортостане, Сляусин Кинзин вновь под руководством Кинзи Арсланова развернул бурную деятельность по мобилизации башкир южных волостей для возрождения Главного войска. Повстанческий полковник Ф.Ф. Чумаков на допросе сообщал, что весной 1774 года, сыновья старшины Кинзы Арсланова и башкирские агитаторы обеспечили

---

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 39.

[2] Там же.

[3] РГАДА. Ф. 1100. Д. 7. Л. 200, 201.

возрождение Главного войска Пугачева[1]. Отдельные источники дают сведения, что он продолжал приводить отряды восставших башкир к Е.И. Пугачеву и тогда, когда тот действовал в Зауральском Башкортостане, в бассейне реки Ай. Участвовал ли Сляусин Кинзин в сражениях Главного войска, дошел ли в его составе до Казани, в источниках инфоромации нет. Поэтому трудно такую мысль утверждать, но и оспаривать ее нет основания. Вероятнее всего, Сляусин Кинзин вместе с Салаватом Юлаевым, Канзафаром Усаевым и другими предводителями края был отпущен из-под Осы для обеспечения аръергарда Главному войску.

Летом 1774 года, после ухода Главного войска за Волгу, восстание в Башкортостане развернулось с новой силой. 24 июля повстанческие полковники Каип Зиямбетев и Ибрагим Мрясев, отошедшие от восстания, в своем рапорте «верному» мишарскому старшине Ишмухамету Сулейманову сообщали: «А Каранай, Канбулат и Кинзи-абыза меньшой брат Кутлугильда, сын ево, Кинзи, Сляусин, набрав сот до шести башкирцев, находятся в вершине реки Кундряку»[2]. Канзафар Усаев 4 августа на допросе раскрыл масштабный план комбинированного похода повстанческих сил на Уфу. Согласно его сообщению, для реализации этого плана «вниз по реке Уфе» шел Салават Юлаев, ожидая сигнала для похода «блиско Уфы» находился «злодейский полковник Токтамыш с толпою в превосходном числе», под чьим-то предводительством на соединение с Канзафаром Усаевым «из деревни Юзеевой вниз по Белой реке в здешние селения шла через реку Дему толпа в большом числе» и «толпа под командою башкирца Силювчина Кинзина»[3]. Таким образом, Сляусин Кинзин летом 1774 года входил в число таких маститых повстанческих вождей, как Салават Юлаев, Канзафар Усаев, Каранай Муратов, Каскын Самаров, Туктамыш Ишбулатов.

Когда сорвался план комбинированного похода на Уфу, Сляусин Кинзин ушел на юг и вместе со своим двоюродным братом Кутлугильде Абдрахмановым боролся с карателями и «верными» старши-

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 9 об.

[2] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 214.

[3] Там же. С. 222.

нами в районе Сакмарского городка, села Бугульчан и вдоль Ново-Московской дороги. У него был большой и боеспособный отряд. В письме к Алибаю Мурзагулову от 19 июля он сообщал, что с отрядом в 1000 человек он взял в плен старшину Ямансару Япарова, а Алибаю Мурзагулову обещал помочь «с одной-двумя тысячами человек»[1].

В ноябре 1774 года Алибай Мурзагулов в Казанскую секретную комиссию отправил рапорт с подписками большого числа старшин Ногайской дороги с обязательством добровольно явиться с повинной. По призыву генерала П.С. Потемкина бывшие участники восстания через старшин Алибая Мурзагулова и Ильчигула Таймасова принесли повинную, при этом приложили свою руку или ставили тамгу. В «Ведомости» отмечено: «Пошмас-Кипчацкой волости старшинский сын Селяусин Кинзин татарским языком руку приложил»[2]. В рапорте в Казанскую секретную комиссию от 9 января 1775 года Алибай Мурзагулов еще раз уточняет, что он ездил в деревню Кинзи Арсланова: «Кинзи Арсланова в доме не избежал, о котором обыватели объявили, что где он находится они неизвестны, а взят вместо ево сын родной Силяусин Кинзин, кой и отправлен был от меня в Казань»[3].

Сляусину Кинзину досталось много испытаний в следственных комиссиях. В Казани его допрашивали вместе с Салаватом Юлаевым и Юлаем Азналиным, с ними же делил все муки допросов в Тайной экспедиции Сената в Москве. 17 марта 1775 года вместе с Салаватом Юлаевым и Юлаем Азналиным Сляусина Кинзина отправили в Оренбург для сбора дополнительных сведений об их повстанческой деятельности. В тот же день генерал-прокурор Правительствующего Сената князь А.А. Вяземский прапорщику Нарвского пехотного полка Петру Лаврову, который должен был сопровождать арестантов, препоручил инструкцию об их конвоировании. Инструкция состояла из 8 пунктов и содержала весьма интересные моменты. Поэтому мы предлагаем читателю некоторые из пунктов этой инструкции. Во-первых, А.А. Вяземский предписывал: «Вследствие

[1] *Гвоздикова И.М.* Указ. соч. С. 416.

[2] РГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 79 об.

[3] Там же. Ч. 3. Л. 78 об.

имянного ея императорского величества высочайшего соизволения отправляетесь вы в Оренбург для препровождения туда арестантов башкирцов Юлая Азналихова, сына ево Салавата Юлаева и Сулеймана Кинзина»[1]. Мы не ошиблись в имени третьего арестанта. Не мог ошибиться Генерал-прокурор Правительствующего Сената А.А. Вяземский. Но разгадку этой метаморфозы с именами Кинзи мы попытаемся разобраться попозже.

Во втором и третьем пунктах инструкции А.А. Вяземский строжайше предупреждает: «Будучи в пути, содержать тех арестантов под наикрепчайшим караулом; ничего им до разговоров и ни для чего посторонних не допускать, писем писать и для того бумаги, пера, чернил, карандаша, угля, бересты и прочаго к письму способнаго, также хмельного питья, ножа, яду и протчих орудиев, чем человек может себя и другого повредить, – им не давать. И наикрепчайше за ними смотреть, чтоб они из-под караула каким-либо образом уйтить не могли.

А как ныне настоит вешнее время, то и при переправе через реки иметь вам за ними крепкое смотрение, чтоб они какою вреда с собою не учинили и из-под караула побега не учинили.

Никаких с ними разговоров не иметь, и о деле их, по которому они подвергли себя под стражу, не выспрашивать, о чем и посланный с ними для караула тех арестантов команде крепчайше подтвердить». Очевидно, как высоко ценили и как боялись этих трех башкирских предводителей Крестьянской войны высшие власти империи. Прапорщик Петр Лавров должен был сдать их Оренбургскому губернатору лично под расписку[2].

Любопытен еще один документ, имевший важную роль в судьбе Сляусина Кинзина. В тот же день, то есть 17 марта 1774 года, А.А. Вяземский послал предписание Казанскому губернатору П.С. Мещерскому с требованием искать дополнительные улики на бывших узников Казанской следственной комиссии «...Салавата, так на отца его Юлая, а равно и на Сулеймана Кинзина...»[3]. Весьма любопытно, что вновь Сляусин превратился в Сулеймана. Кстати,

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 427. Л. 47.

[2] Там же.Д. 467. Л. 48 и об.

[3] РГАДА. Ф. 6. Д.467.. Л. 43 об.

в письме Канзафару Усаеву летом 1774 года полковник мулла Сляусин Кинзин сам подписывался: «Молящийся твой нижайший есаул Сулайман»[1].

9 апреля 1775 года Салавата Юлаева, Юлая Азналина и Сляусина Кинзина доставили в Оренбург. Петр Лавров сдал арестантов под расписку чиновнику Оренбургской губернской канцелярии П. Чучалову. В расписке значится: «башкиры, старшина Юлай Адналин с сыном его, Салаваткой, да старшинский сын Сляусин Кинзин, бывшим в конвоировании их Нарвского пехотного полку прапорщиком Петром Лавровым, закованные первые двоя в ножных и ручных, а последний только в ножных железах, представлены и в канцелярии господина оренбургского губернатора приняты исправно»[2]. Очередная метаморфоза: Сулейман превратился в Сляусина.

Юлай Азналин и Салават Юлаев были отправлены в Уфимскую провинциальную канцелярию, а для Сляусина Кинзина последние дознания были проведены в Оренбургской губернской канцелярии. В это время в губернской канцелярии случайно оказались башкирские старшины Ямансара Япаров, Бектимир Мутаев и Муса Имангулов, сотник Ямангул Унгаров. Они подтвердили, что «хотя он, Сляусин, в злодейской толпе и бывал, только дни по два и по три, а более да и всегда находился в доме своем, не чиня нигде злодейства и селениям разорения». В своем рапорте от 29 апреля 1775 года генерал-прокурору Сената А.А. Вяземскому Оренбургский губернатор И.А. Рейнсдорп сообщал, что, поверив показаниям выше означенных старшин, «я по приводе ево вновь в верность к присяге и обязав подпискою, отпустил в дом его»[3]. Сляусин Кинзин был освобожден 23 апреля 1774 года без наказания по недостатку улик[4]. Основанием для такого гуманного решения было заключение Тайной экспедиции Сената от 23 декабря 1774 года, где говорилось: «... оной Кинзин явился по позыву его (генерала П.С. Потемкина) сам собою. А содержан он под присмотром был по причине такой, что отец, будучи старшиною, был в толпе злодейской, по опубликованным всемилостивейшим Ея

[1] Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения. С. 174.

[2] РГАДА. Ф. 6. Д. 467. Ч. 5. Л. 46.

[3] Там же. Д. 427. Л. 52.

[4] ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 145. Л. 25–26, 44–45; Д. 148. Л. 41–42.

императорского величества манифестам о явившихся собою добровольно он нигде не явился».

Таким образом, оказался неожиданный, но счастливый конец следственного дела Сляусина Кинзина. Самый активный агитатор повстанческого центра в начале движения и весной 1774 года, один из крупнейших предводителей башкир на завершающем этапе Крестьянской войны, вместе с Салаватом Юлаевым и Юлаем Азналиным в течение почти полгода допрашиваемый в самых суровых и грозных следственных комиссиях, вдруг оказался освобожденным «подчистую».

Произошло чудо. Однако чудо, по нашему предположению, открывается очень просто: во время Крестьянской войны в распространении пугачевских манифестов среди башкир и мобилизации последних в повстанческую армию у Кинзи Арсланова участвовали два сына: Сляусин и Сулейман. Старший из них, Сляусин Кинзин, включился в восстание с первых дней, приобрел огромную популярность как среди народов края, так и в кругу местных военных и гражданских властей как агитатор Е.И. Пугачева и Кинзи Арсланова, а летом 1774 года стал одним из крупных предводителей восставших башкир Ногайской дороги. Поэтому он представлял собой серьезную угрозу для режима. Не зря Алибай Мурзагулов, главный старшина Ногайской дороги, лично арестовал и отправил Сляусина Кинзина в Казанскую секретную комиссию. А там его с пристрастием допрашивали в течение многих недель и отправили в Московскую Тайную экспедицию под следствие «главного кнутобойца» императрицы С.И. Шешковского.

Сулейман Кинзин. Младший сын Кинзи Арсланова подключался в агитационную деятельность эпизодически весной 1774 года. Необходимо обратить внимание на следующий момент. Осенью 1773 года информаторы сообщали о том, что по Ногайской дороге разъезжают «от злодейской толпы старшины Кинзи Арсланова сын Сюлявчин с протчими согласниками»[1]. В этих информациях сын Кинзи Арсланова Сляусин упоминается в единственном числе. Башкирские повстанцы, присланные Киикбаем Ямансариным в Оренбургскую губернскую канцелярию, на допросе сообщали, что весной

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 39.

и в начале лета 1774 года *дети Кинзи* (курсив наш. – Н.К.) с места на место ездили с манифестами самозванца и приводили множество башкир к нему[1].Тут речь идет о сыновьях Кинзи Арсланова, использованных в агитации, во множественном числе. О роли сыновей Кинзи Арсланова в возрождении Главного войска весной 1774 года говорил на допросе и Ф.Ф. Чумаков[2]. Следовательно, в Крестьянской войне 1773–1775 годов в агитационной работе участвовали два сына Кинзи Арсланова: Сляусин и Сулейман. Но в отличие от Сляусина участие Сулеймана в восстании было кратковременным, эпизодическим. Поэтому он не только не успел приобрести популярности, но о его участии в восстании многие и не знали. Вот почему следователи Казанской секретной комиссии и Тайной экспедиции Сената запутались в именах сыновей Кинзи Арсланова. Для них известно было, что в агитации пугачевских манифестов Кинзя Арсланов использовал своего сына, и не имело принципиального значения, как его звали: «Сляусин» или «Сулейман». Этой ситуацией мог воспользоваться Сляусин Кинзин. Не нужно сбрасывать со счетов, что в Казанской секретной комиссии и Тайной экспедиции Сената в течение 4–5 месяцев рядом с ними были многоопытный Юлай Азналин и не по годам мудрый Салават Юлаев. На такую тонкую игру с именами могли надоумить Сляусина Кинзина и они. Но эта игра получилась. В Казанскую секретную комиссию пугачевский агитатор поступил как «Сляусин», затем в документах стали чередоваться два имени: «Сляусин» и «Сулейман». Из Казани в Москву, а затем из Тайной экспедиции в Оренбург в ножных кандалах вернулся «Сулейман» Кинзин. Поэтому и башкирские старшины, случайно оказавшиеся в губернской канцелярии, говорили, что Сляусин больше времени сидел дома. Таким образом, Сляусин Кинзин чудесным образом был освобожден.

Избавившись от следственных мук, отпущенный домой без наказания Сляусин Кинзин исчез, не оставив следов в истории. Автор исторического романа «Кинзя», большой знаток материалов Крестьянской войны покойный писатель Гали Гизетдинович Ибрагимов в кулуарных беседах с автором данного очерка говорил, что фамилия

---

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 182.

[2] РГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 9 об.

«Сляусинов» встречается среди башкир Саратовской области. Отсюда он делал предположение, что после освобождения Сляусин Кинзин мог уйти к тем местам, где сохранялись остатки корней кыпсаковцев, то есть к берегам Волги. Может быть. Но для утверждения или отрицания такой версии нужна большая и кропотливая работа по изучению на местах, среди башкир Саратовской области и в архивных фондах.

Юлай Кинзин. Еще один сын Кинзи Арсланова Юлай упоминается в единственном источнике. 9 сентября 1774 года «Уфимского уезда Казанской дороги села Архангельское, Белебей тож, чувашин Василий Григорьев» подал в адрес императрицы Екатерины II прошение, где изложено: «2 день Великого поста великая толпа команды старшины Имангула Таймасова ограбила церковь архистратега Михаила. А после того вскоре страшины Кинзи Арсланова сын Юлай с товарищи приезжал тое церковь сожег»[1].

Трухмен Янсаитов

Башкир деревни Туркменево (Баймакский район РБ), старшина Бурзянской волости. В команде было 39 дворов. Пугачевский полковник. Один из активных и последовательных предводителей восставших башкир. Комендант Кизильской крепости майор П. Демидов 26 октября сообщал бригадиру А.А. Корфу, что Е.И. Пугачев требует к себе старшину Трухменя Янсаитова «к персональному свиданию». Трухмен Янсаитов явился в Бердский лагерь в конце октября 1773 года. Видимо, его отряд был крупный и многочисленный. Е.И. Пугачев присвоил ему чин полковника и возложил на него обязанности контролировать северные подступы Оренбурга[2]. Полковник О.Х. Демарин 21 ноября 1773 года в своем рапорте губернатору И.А. Рейнсдорпу сообщал, что «Трухменю приказано от него злодея начиная от Орской до Верхояицкой ни команд, ни писем, не пропускать, а стараться, перехватывая, ловить»[3].

Трухмен Янсаитов продолжал активную борьбу летом 1774 года. 2 июня башкир Умер Аптыков на допросе в походной канцелярии

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 593. Ч. 3. Л. 135.

[2] РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 196. Л. 129 об.

[3] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 55.

И.Л. Тимашева показал, что Трухмен Янсаитов вместе с Муратом Апталовым и другими башкирскими предводителями штурмом взяли Уртазымскую крепость, солдат и обывателей порубили, крепость выжгли, забрали 2 медные пушки и 15 пудов пороха[1]. Чуть позже, 5 июня И.Л. Тимашев рапортовал генералу П.М. Голицыну, что в 20-х числах мая месяца на его команду дважды были совершены нападения. 3 июня повстанцы еще раз напали на И.Л. Тимашева. По утверждению Тимашева, во всех этих сражениях командиром повстанческого отряда был Трухмен Янсаитов[2].

Пугачевский полковник Трухмен Янсаитов продолжал борьбу до глубокой осени 1774 года. 25 ноября 1774 года он попал в плен коллежскому советнику И.Л. Тимашеву вместе с другими крупными башкирскими вождями Крестьянской войны[3]. И.Л. Тимашев использовал их для сбора штрафного провианта в Исетской провинции. Позже Трухмен Янсаитов в числе 21 башкирского старшины Ногайской дороги был отправлен Алибаем Мурзагуловым в Уфу, а оттуда доставлен в Казанскую секретную комиссию[4]. Комиссии стало известно, что Трухмен Янсаитов у Е.И. Пугачева служил полковником[5].

До весны 1775 года Трухмен оставался в числе колодников комиссии, подвергался допросам. Но на основании Манифеста Екатерины II от 29 ноября 1773 года был освобожден без наказания[6]. За собой сохранил должность волостного старшины. В 1798 году служил старшиной 6-го кантона Верхнеуральского уезда[7].

Турай Ишалин

Башкир, сотник Чуби-Минской волости Ногайской дороги. Повстанческий полковник. В 1770 году был назначен помощником старшины Гайсы Якупова. К восстанию примкнул в ноябре 1773 года. В последних числах ноября, когда Уфа была осаждена войсками Каскына Самарова и Караная Муратова, Турай Ишалин обратился с воззванием

---

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 170–171.

[2] Там же. С. 177–179.

[3] Там же. С. 246–247.

[4] РГАДА. Ф. 6. Д. 507. Ч. 3. Л. 79–82 об.

[5] Там же. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 196. Л. 129 и об.

[6] Там же. Ф. 6. Д. 507. Ч. 3. Л. 166 об. – 169.

[7] *Таймасов С.У.* Указ. соч. С. 306.

к башкирам, татарам, марийцам и русским крестьянам Казанской и Ногайской дорог «показать услуги» его величеству, «не пожалея сил своих»[1]. Из этого воззвания можно узнать, что у Турая Ишалина был повстанческий отряд «более тысячи человек», что под его командованием были волостные и походные старшины Максют Утяганов, Ихсан Баязитов, Батырша, Саитбаттал Мусалимов, Галей Хусаинов, Абдулкарим Максютов, депутат Уложенной комиссии Абдузелиль Максютов, муллы Салим Мустафин и Сулейман, управитель марийцев Байка Умеркаев. Отряд не имел пушек. Поэтому Турай Ишалин просил «царского милосердия» прислать несколько пушек, чтобы приобрести способность «сократить сопротивников». Турай Ишалин объявил: «нынешнюю пятницу город Уфу разорять ехать намерение имеем», для чего повелел «окольным жителям изготовлять для нынешней войны с каждого двора по одному казаку и со всеми ружьями»[2].

Турай Ишалин благополучно дошел со своим отрядом до Уфы. В «Журнале» Уфимской комендантской канцелярии говорится: «В осаде Уфы повстанческой армии предводительствовали и к злодейству склоняли ясачных татар старшина Ибраш Уразбахтин и старшинской полковник Турей Ишалин»[3]. Во многих сохранившихся документах говорится о том, что Турай Ишалин вместе с Каскыном Самаровым, Канбулатом Юлдашевым и Ибрашем Уразбахтиным входил в руководящую верхушку повстанческой армии под Уфой. Они посылали к осажденным письма с требованием признать «царя Петра III» и сдать город без кровопролития[4]. Роль Турая Ишалина в осаде Уфы признает крупный исследователь истории Крестьянской войны 1773–1775 годов А.И. Андрущенко[5].

Турай Ишалин сохранил твердость своих позиций и верность восстанию в драматические дни весны 1774 года. Он продолжал борьбу и летом 1774 года. По сообщению старшины Мусы Имангулова Оренбургскому губернатору И.А. Рейнсдорпу от 19 июня 1774 года, Турай Ишалин вместе с повстанческими полковниками

---

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 57.

[2] Там же. С. 57–58.

[3] Южно-уральский археографический сборник. Вып. 1. Уфа, 1973. С. 310.

[4] РГВИА. Ф. 20. Д. 4. Л. 284–285 об.; Пугачевщина. Т. 1. С. 45, 145–147, 157.

[5] *Андрущенко А.И.* Указ. соч. С. 141.

Каскыном Самаровым, Кутлугильде Абдрахмановым и Бузаном Смаковым со сводным отрядом «з полутора тысячю человек» действовали в районе деревни Бугульчан[1].

В материалах секретных комиссий имя Турая Ишалина не встречается. Вероятно, осенью 1774 года он отошел от восстания, следствию и наказаниям не подвергался. В купчей записи башкир Чуби-Минской волости Ногайской дороги от 21 февраля 1790 года на вотчинные земли по реке Узе мурзе Юсупу Алкину отмечено: «старшинский помощник Тюрей Ишалин»[2].

Юлдыбай

Башкир деревни Юлдыбаево, сотник Тангаурской волости Ногайской дороги. 22 мая 1774 года сводный отряд башкирских старшин Трухмена Янсаитова, Мурата Абдалова, Сабира Кутлумбекова и Юлдыбая захватил Уртазымскую крепость. Затем штурмом взяли Таналыкскую крепость, совершили налет на Кизильскую крепость. 31 мая они столкнулись с карательным деташаментом И.Л. Тимашева. В их сводном отряде было две тысячи воинов. Указ о присвоении ему чина полковника не сохранился.

Вероятно, осенью 1774 года отошел от восстания. 14 октября Тимашев доносил Оренбургскому губернатору Рейнсдорпу, что в Зилаирской крепости учредил стан для заготовки провианта, куда велел прибыть башкирским старшинам ближайших волостей, в том числе и Юлдыбаю[3]. Дальнейшая судьба неизвестна.

Ямансара Яппаров

Башкир деревни Ямансарино (Куюргазиский район РБ). Старшина Суун-Кыпсакской волости (121 двор). Пугачевский полковник. Из башкирских старшин Ямансара Япаров первым пришел к Е.И. Пугачеву. С началом восстания на Яике Оренбургский губернатор И.А. Рейнсдорп мишарского старшину Мендея Тупеева отправил в южные волости Ногайской дороги для набора «лучших» башкир в карательные команды для поимки беглого донского казака

---

[1] РГАДА. Ф. 1100. Д. 9. Л. 531 и об.

[2] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. V. С. 275.

[3] *Таймасов С.У.* Указ. Соч. С.129, 313.

Е.И. Пугачева. Местом сбора башкирских карательных команд Мендей Тупеев выбрал деревню Имангулово. Первым в Имангулово прибыл Ямансара Япаров с отрядом в 300 человек. 2 октября 1773 года он перешел на сторону восставших и явился со своим отрядом в повстанческий лагерь[1]. Осенью и зимой 1773–1774 годов он находился в Бердском лагере, вместе с Алибаем Мурзагуловым помогал Кинзе Арсланову командовать многотысячным «башкирским полком». Е.И. Пугачев присвоил ему чин полковника. Вероятно, он участвовал в сражениях под Оренбургом, но особого рвения в службе «государю» не выказывал и активными действиями не отличался.

Весной 1774 года, после поражений Главного войска под Татищевой крепостью и Сакмарским городком, Ямансара Япаров одним из первых отошел от повстанческого движения и перешел на сторону правительственных войск. В своем рапорте генералу П.М. Голицыну от 4 апреля 1774 года он сообщил, что собрал команду в 300 человек и отправил под командой своих сыновей Киикбая и Узенбая для преследования бежавшего Пугачева. Сам Ямансара Япаров вступил в команду И.Л. Тимашева[2].

Летом 1774 года военные власти получили сообщение, что Ямансара Япаров изменил данной присяге и перешел к повстанцам. Генерал Ф.Ф. Щербатов в своем рапорте губернатору И.А. Рейнсдорпу от 25 июля с возмущением писал о своих огорчениях по поводу его измены: «Кажется, нельзя было сомневаться о его признании, тем более, что оставил он сына с лучшими башкирцами у генерал-майора князя Голицына залогом своей преданности». И.М. Гвоздикова, опираясь на вновь извлеченные архивные источники, утверждает, что командующий правительственными войсками генерал-поручик Ф.Ф. Щербатов ошибался. Ямансара Япаров не изменял властям и не переходил на сторону восставших, а был взят в плен Сляусином Кинзиным[3]. Однако ему удалось сбежать из плена и он вновь приступил к увещеванию восставших башкир.

Осенью 1774 года Ямансара Япаров в числе 21 башкирского старшины явился в Казанскую секретную комиссию и пребывал там

[1] *Кулбахтин Н.М.* Указ.соч. С. 45.

[2] РГВИА. Ф. 20. Д. 1232. Л. 407.

[3] *Гвоздикова И.М.* Указ. соч. С. 416.

до конца декабря 1774 года[1]. В числе «верных» старшин он не входил в реестр колодников, а жил в Казани на квартире. По решению Секретной комиссии Ямансара Япаров был освобожден без наказания[2].

9 апреля 1775 года из Тайной экспедиции Сената для сбора дополнительных обвинительных материалов в Оренбург привезли Салавата Юлаева, Юлая Азналина и Сляусина Кинзина. Салавата Юлаева с отцом отправили в Уфу, Сляусина Кинзина оставили в Оренбургской губернской канцелярии для окончательного дознания. В это время в губернской канцелярии оказались башкирские старшины Ямансара Япаров, Муса Имангулов, Биктимер Мутаев и сотник Ямангул Унгаров. Они в один голос подтвердили: «хотя он, Сляусин, в злодейской толпе и бывал, только дни по два и по три, а более да и всегда находился в доме своем, не чиня нигде злодейства и селениям разорения»[3]. В результате указом Оренбургского губернатора И.А. Рейнсдорпа от 29 апреля 1775 года Сляусин Кинзин был освобожден без наказания «по недостатку улик»[4]. Таким образом, Ямансара Япаров совершил доброе дело для сохранения жизни Сляусина Кинзина и спасения его от наказаний.

Дальнейшая судьба Ямансары Япарова неизвестна.

Яицкие казаки из башкир

До сих пор господствует неверное представление о яицких казаках, что они все произошли от беглых русских крестьян. Яицкое казачество возникло на отдаленной многонациональной окраине Российской империи. Юго-восточная граница России тянулась на тысячи верст, для содержания постоянного воинского контингента страна не имела возможностей. Дабы сохранять незыблемость приграничных районов от частых набегов кочевников-соседей в яицкое казачество принимали всех: беглых крепостных крестьян; запорожских и донских казаков, бежавших на восток при подавлении их очередных бунтов; гулящих и безродных людей, появившихся бог весть откуда; отдельных представителей нерусских народов. Среди яицких

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 507. Ч. 3. Л. 79–82 об.

[2] Там же. Л. 166 об.–171 об.

[3] ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 145. Л. 45.

[4] Там же. Д. 148. Л. 41–42.

казаков были калмыки, армяне, туркмены, кызылбаши (персы) и другие. Но особенно много было яицких казаков из башкир, так как само казачество возникло на их землях. Целые крепости, как Орская, Мачинская и ряд других, целиком состояли из башкирских казаков. Население отдельных башкирских деревень, расположенных в окрестностях крепостей, несло казачью службу.

Вместе с тем яицкие казаки из башкир сохраняли свой язык, быт, традиции и обычаи, не порывали связи со своим народом. Поэтому, когда началась Крестьянская война 1773–1775 годов, они вместе с яицкими казаками первыми пришли к Е.И. Пугачеву и вступали в его отряд, а в последующем составляли связующую нить между повстанческим центром и башкирами. Среди первых сподвижников Е.И. Пугачева были яицкие казаки из башкир Идеркай Баймеков и его приемный сын Балтай Идеркаев, которые стали яркими фигурами в Крестьянской войне. Учитывая тот факт, что Яицкие укрепленные линии располагались вдоль владений башкир Ногайской дороги, Идеркая Баймекова и Болтая Идеркаева можно включить в список башкирских предводителей Ногайской дороги.

Идеркай Баймеков. Отставной казак из деревни Кучуево. С 18 лет всю свою сознательную жизнь он служил в Войске Яицком и нес пограничную службу, участвовал в войнах России.

В исторической литературе идут споры об этническом происхождении Идеркая Баймекова. Е.И. Пугачев назвал его «яицкого войска казак из кибиток Идерка, татарин некрещеный». И.Н. Зарубин также считал его татарином. «Татарином Идоркой Бахмутовым» называл его Н.И. Белобородов. А. Зверев и А. Салманов, повстанцы Главного войска, не задавались вопросом о его национальности и говорили: «Идорка-толмач». А.И. Дубровский, последний секретарь Военной коллегии, Идеркая Баймекова называл «из башкир толмач Идорка». Башкиром считал его и А.Т. Соколов-Хлопуша[1].

Разноголосица письменных источников обусловила утверждение разных мнений авторов об этническом происхождении Идеркая Баймекова. Н.Ф. Дубровин называл его «татарин Идеркей Алметев».

---

[1] Допрос Пугачева // Красный архив. Т. 1 (68). С. 166; Т. 2–3 (69–70).С. 188; Восстание Емельяна Пугачева. С. 128; РГАДА. Ф. 6. Д. 429. Л. 7. Д. 512. Ч. 2. Л. 204, 211; Пугачевщина. Т. II. С. 208, 219, 222, 333.

В.М. Панеях сомневается в своих определениях и называет Идеркая Баймекова «татарин или башкир». Казанский историк С.Х. Алишев считает его татарином, А.И. Андрущенко – татарином или туркменом. Татарином считает Идеркая Баймекова Р.В. Овчинников[1].

Е.И. Пугачев и И.Н. Зарубин не входили в своей повседневной жизни в тесный контакт с нерусскими народами. Для них все являлись «инородцами», потомками татаро-монгольских завоевателей, поэтому для них все были «татарами». Им и не надо было знать, на каком языке говорил Идеркай-толмач, к какой этнической группе он относился. Важно было, чтобы Идеркай Баймеков правильно переводил разговоры, правильно продиктовал тексты манифестов и указов. Тем не менее Е.И. Пугачев подчеркивал, что Идеркай Баймеков был «кочующим татарином», «татарином из кибиток». Хорошо известно, что в XVIII веке в южных и юго-восточных степях Башкортостана кочевали в своих юртах (кибитках) башкиры. Больше доверия внушают сообщения А.И. Дубровского и А.Т. Соколова-Хлопуши. Хлопуша известен как разбойник-каторжник, который многие годы до Крестьянской войны пребывал среди нерусских народов Башкортостана. В течение последних 15 предвоенных лет он прожил в Бердской слободе, где было многонациональное казачье население. Работал в селе Никольском у надворного советника Тимашева. Затем несколько лет работал вольнонаемным работником на рудниках Покровского завода А.И. Шувалова, где было много представителей нерусских народов Казанской губернии[2]. Ему приходилось постоянно общаться с башкирами и татарами, следовательно, он мог лучше разбираться в их наречиях, чем Е.И. Пугачев или И.Н. Зарубин. О А.И. Дубровском представители властей писали, что он владеет языками и письмом местных народов. На допросе сам А.И. Дубровский сообщал, что до Крестьянской войны работал на рудниках

[1] *Дубровин Н.Ф.* Указ. соч. Т. I. С. 237; Крестьянская война в России. Т. II. С. 99; *Алишев С.Х.* Указ. соч. С. 77; *Андрущенко А.И.* Указ. соч. С. 32–33.

[2] *Лимонов Ю.А., Мавродин В.В., Панеях В.М.* Пугачев и пугачевцы. Л., 1974. С. 141–142; *Кулбахтин И.Н.* Покровский медеплавильный завод (реконструкция по письменным источникам) // Марийский археологический вестник. Йошкар-Ола. 1996. С. 30. Авторы утверждают, что население завода было многонациональным, даже была отдельная чувашская слобода.

Златоустовского завода, где было много чувашей, татар и башкир[1]. К тому же очевидцы отмечали дружеские отношения между А.И. Дубровским и Идеркаем Баймековым, что они во время заволжского похода Главного войска старались быть вместе. Поэтому сведения А.И. Дубровского, что Идеркай-толмач был башкиром, нам кажется более достоверным. О том, что Идеркай Баймеков был яицким казаком из башкир, говорит и его давняя дружба с Кинзей Арслановым и другими башкирскими старшинами Ногайской дороги.

Идеркай Баймеков одним из первых приехал на реку Усиху, где скрывался Е.И. Пугачев. Сам Пугачев на допросе говорил: «после того скоро ж приехал к нему Яицкого ж войска казак ис кибиток Идорка, татарин некрещенный, да другой с ним Баранга, как он просил, зачем они к нему приехали. И они сказали, что приехали ево поглядеть и проведать и служить ему». Он им сказал: «Хорошо, послужите, я вас не оставлю, будьте при мне»[2].

Очень интересные и подробные сведения о приходе Идеркая Баймекова к Е.И. Путачеву в первые дни его пребывания на Усихе дал на допросе житель деревни Такай яицкий казак из татар Уразгильде Аманов. Материалы допроса весьма любопытные, поэтому мы излагаем их суть в кратком переложении. Деревня Такай находилась в 25 верстах от Усихи. Поэтому она должна была оказаться в эпицентре событий. Летом Уразгильде Аманов находился на сенокосе. На третий день после возвращения с сенокоса в их деревню приехал житель деревни Кучюево, находившейся в 25 верстах от Такая, отставной яицкий казак Идеркай Баймеков и спрашивал, кто в деревне продает барана. Уразгильде Аманов продал Идеркаю Баймекову барана за полтора рубля, после чего Идеркай Баймеков попросил его отвезти барана на Усиху. Оказалось, что он покупал барана для «государя Петра Федоровича», который там находился. Уразгильде согласился и помог пригнать туда барана. На Усихе Уразгильде увидел, «что разбита была ветхая палатка. Самозванец сидел тогда в ней, платье на нем было, кафтан сермяжный, рубашка холстинная толстая, в распущенной шляпе и в больших русских сапогах». Уразгильде усомнился в «истинности государя», но по повеле-

[1] Пугачевщина. Т. II. С. 222.

[2] Восстание Емельяна Пугачева. С. 128.

нию казаков они с Идеркаем встали перед Пугачевым на колени и целовали ему руку. Затем Идеркай о чем-то заговорил с Пугачевым, а Уразгильде вышел из палатки, поэтому он не слышал их разговора. «После сего он, Аманов, поехал домой, а Идеркай остался тут»[1].

Судя по рассказу Уразгильде, Идеркай приехал на Усиху к Е.И. Пугачеву не в первый раз. Видимо, он занимался вопросом обеспечения Пугачева и его немногочисленного окружения провиантом. Дату прибывания Идеркая и Уразгильде можно выяснить из дальнейшего рассказа. На следующий день в их деревню приехал бывший мулла Казанского уезда Забир, ныне писарь хана Малого казахского жуза Нургали, с подарками для «государя». Забир и Уразгильде в компании с казаками Сагитом Назимовым из деревни Назимово и Василием Петровым по прозвищу Балдырь в тот же день поехали на Усиху, куда и прибыли ночью, «но застали пустую палатку, людей не было»[2].

А дело обстояло так. В ночь с 15 на 16 сентября на Усиху прискакал Степан Кожевников и сообщил, что на хуторе арестован и увезен на Чаганский форпост его брат Михаил, один из организаторов восстания. Е.И. Пугачев скомандовал: «Казаки, на кони!». Казаки, бросив все, понеслись в степь[3]. Именно в эту ночь с 15 на 16 сентября Забир и Уразгильде приехали на Усиху. Следовательно, Идеркай Баймеков и Уразгильде Аманов привезли барана на Усиху 14 сентября. По утверждению Н.Ф. Дубровина, Идеркай Баймеков посоветовал Е.И. Пугачеву ехать на хутор Толкачевых[4]. Его предложение было принято, и отряд в 9–10 человек поскакал на хутор Толкачевых, находившийся под Бударинским форпостом.

Идеркай сам с Е.И. Пугачевым на хутор Толкачевых не поехал. Он отпросился у «государя» уйти «в свои кибитки» за лошадьми. На допросе Е.И. Пугачев об этом говорил так: «Как же он поехал на хутор, то упомянутые татары Идорка и Баранга с ним не поехали, а сказали, што мы де поедим домой и скажем об вас другим своей братьи татарам, и когда де вы пойдете в город, так мы вить вас увидим,

---

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 508. Ч. 3. Л. 192.

[2] Там же.

[3] Крестьянская война в России. Т. II. С. 100.

[4] *Дубровин Н.Ф.* Указ. соч. Т. I. С. 241.

то тогда за вами и пойдем вместе; ежели вы не пойдете, так мы и останемся в своих кибитках»[1].

Идеркай Баймеков сдержал данное Е.И. Пугачеву слово. Он на пути из хутора Толкачевых к Яицкому городку присоединился к Е.И. Пугачеву с 20 конными джигитами, в числе которых был и его приемный сын Балтай Идеркаев[2]. Об этом Е.И. Пугачев сообщал на допросе: «И как пришли к кибиткам кочующих татар, кои причислены к Яицкому войску, где вышел с татарами помянутый татарин Идорка с другими татарами – сколько числом не знает»[3].

Чтобы набрать в отряд 20 человек во время сенокоса, Идеркаю Баймекову потребовалось немало усилий. Послушаем об этом рассказ Балтая, изложенного на допросе в Казанской секретной комиссии. Еще в конце августа или в начале сентября Идеркай Баймеков приезжал на хутор Кош- Яик, где косили сено Балтай Идеркаев с тремя наемными мишарями, и сообщил, что «он из дому своего ездил на Усиху речку стрелять сайгаков и наехал тут в палатке государя Петра Федоровича, и что при нем яицких казаков человек с пять находится». Дня через четыре он вернулся вновь и приказал всем ехать домой. По приезде домой Балтаю было приказано быть «во всякой готовности на службу Петру Федоровичу. В их жительстве , как оно весьма малое, человека с четыре годныя на службу, в том числе и я, и приготовились». Готовили казаков и в других селениях. Е.И. Пугачев со своим отрядом «остановился верстах в двух от нашего селения лагерем между Кош-Яицкого и Чаганского форпостов. Когда же он приближался к нашему селению, то приготовившиеся из оного на службу к нему, сев на лошаей, пристали к его шайке, в числе коих и я был»[4].

На рассвете 18 сентября отряд Е.И. Пугачева под Чаганским форпостом, на реке Кушуме, догнал посол казахского хана Нурали мулла Забир. Он застал Е.И. Пугачева в окружении множества казаков, среди которых были русские, башкиры, татары, калмыки и другие. Посол поднес Е.И. Пугачеву ханский подарок и долго беседовал с ним. Переводчиком при том разговоре был Идеркай Баймеков.

---

[1] Восстание Емельяна Пугачева. С. 129.

[2] *Усманов А.Н.* Указ. соч. С. 115; Крестьянская война в России. Т. II. С. 103.

[3] Восстание Емельяна Пугачева. С. 130.

[4] РГАДА. Ф. 6. Д. 508. Ч. 3. Л. 194.

Тогда же при разговоре с Забиром Идеркай Баймеков предложил Е.И. Пугачеву написать письмо к Нурали-хану: «Не позволишь ли ты, государь, – обратился он к Е.И. Пугачеву, – написать письмо и послать к Марали-хану, што вы здесь находитесь, и штобы он привел человек сто-другое». Е.И. Пугачев согласился, но не знал: кто напишет письмо на татарском языке. На что Идеркай Баймеков ответил: «У меня напишет сын мой Балтай». Е.И. Пугачев повелел: «Ну, хорошо, вели сыну та хорошенько написать»[1]. Но о чем было письмо, Пугачев якобы сам не знал. Балтай Идеркаев на допросе в Оренбургской секретной комиссии дополнял сведения Е.И. Пугачева: «В ту же ночь перед светом самозванец прислал за мной шесть человек казаков, кои, взяв меня из дому, привезли и представили самозванцу, которой через перевод Идеркеев приказал мне написать к хану Нурали письмо». В письме говорилось, что «государь» находится здесь, собирается вновь вступить в царство, требует послать воинов и приехать самим ханам, за что он жалует их «землями и водами». Письмо к Нурали-хану отправили с Уразгельде Амановым, но он был пойман командой старшины Плотникова. Тогда Е.И. Пугачев велел, будучи уже недалеко от города, «написать другое в такой же точно силе к хану письмо, которое я и написал, и то письмо послал он с предписанным ханским переводчиком Забиром»[2]. При всех этих случаях Идеркай Баймеков был толмачом Е.И. Пугачева.

Идеркай продолжал курировать вопрос с казахами. Когда к Е.И. Пугачеву прибыла небольшая команда от Дусалей-султана во главе с его сыном Сайдалы-султаном, переговоры с ними вел Идеркай Баймеков. Манифест Пугачева Дусали-салтану на татарском языке был написан Балтаем под диктовку того же Идеркая Баймекова[3].

В лице Идеркая Баймекова Е.И. Пугачев приобрел умного, решительного, умудренного жизненным опытом советника, преданного и честного соратника и толмача, переводчика со знанием языков практически всех местных нерусских народов. А в лице Балтая Идеркаева – «писца татарского письма». Отец и сын вместе составляли

[1] Восстание Емельяна Пугачева. С. 130–131.

[2] Допрос Балтая Идеркаева // Вопросы истории. 1973. № 8. С. 109.

[3] Восстание Емельяна Пугачева. С. 145, 149.

исключительно нужный, полезный и незаменимый тандем в штабе Е.И. Пугачева для работы с многотысячной массой нерусских народов и с их предводителями.

Одной из наиболее значительных заслуг Идеркая Баймекова в этом амплуа было его активное участие в обращении пугачевской ставки к башкирам. Вовлечение в повстанческое движение башкир, по признанию академика М.Н. Покровского, «народа конного, располагавшего отличными лошадями, была особенно ценна для восставших». Башкиры «присоединились к Пугачеву весьма охотно и дрались под его знаменем отчаянно; другим пощады не давали и сами не сдавались», – писал позже М.Н. Покровский[1]. Но чтобы использовать эти перечисленные преимущества башкир, нужно было завоевать их доверие, начать массовую агитацию среди них. У истоков этой идеи наряду с Е.И. Пугачевым, И.Н. Зарубиным и А.А. Овчинниковым стоял Идеркай Баймеков. 30 сентября в Каргалинскую слободу прибыла делегация от старшины Бушман-Кыпсакской волости Ногайской дороги Кинзи Арсланова во главе с его племянником Кутлугильде Абдрахмановым. Делегация передала просьбу Кинзи Арсланова прислать манифест «государя» и его обещание: «вся их башкирская орда, буде он пошлет к ним свой указ, приклонится к нему». Почему «самозванец, призвав меня, – сообщал на допросе Балтай Идеркаев, – через Идеркая приказывал написать к старшинам Кинзею Арасланову, Алибаю Мурзагулову и Кутлугильде указ свой, коим призывал он их с командами к себе на службу»[2]. Балтай Идеркаев в присутствии Е.И. Пугачева, И.Н. Зарубина, А.А. Овчинникова и Кутлугильде Абдрахманова под диктовкой Идеркая Баймекова написал три указа идентичного содержания на татарском языке. Один из трех указов к Кинзе Арсланову повез сам Идеркай Баймеков[3]. Видимо, он должен был не только передать манифест Пугачева, но и вести переговоры с Кинзей Арслановым.

В Ставке Е.И. Пугачева Идеркай Баймеков стал одним из самых близких и доверенных людей «царя», входил в состав Тайного

---

[1] *Покровский М.Н.* Избранные произведения. Кн.2. М.,1965. С. 138.

[2] Сподвижники Пугачева свидетельствуют // Вопросы истории. 1973. № 8. С. 108.

[3] Допрос Е.И. Пугачева // Красный архив. 1935. № 3 (69–70). С. 198; *Овчинников Р.В.* Манифесты и указы Е.И. Пугачева. М., 1980. С. 41–43.

совета. По сообщению многих повстанцев, он участвовал во всех закрытых совещаниях. Идеркай Баймеков вошел в близкое окружение Пугачева с первых дней восстания и сохранял его доверие до последних дней. Крепостной крестьянин помещика Льва Нарышкина А.П. Зверев, оказавшийся в Бердском лагере в начале восстания, сообщал, что в числе «ближайших наперсников» Е.И. Пугачева наряду с полковниками Овчинниковым, Давилинным, Твороговым, Перфильевым и Чумаковым, каргалинским татарином Садыком Саитовым и башкиром Кинзей Арслановым был и «Идорка-толмач, которые почасту входя к Пугачеву, в комнату никого не допуская, производят советы; а секретов их прочим слышать не можно»[1]. Аналогичные сведения давал на допросах бывший батальонный командир саратовского гарнизона, секунд-майор А.М. Салманов, который перешел к Е.И. Пугачеву после взятия повстанцами Саратова[2].

Идеркай Баймеков давал Е.И. Пугачеву ценные советы, участвовал при написании указов и манифестов к нерусским народам, выполнял ответственные поручения «царя». Он участвовал в составлении указа башкирам от 14 октября 1773 года, адресованного Алибаю Мурзагулову[3]. Р.В. Овчинников утверждает, что Идеркай Баймеков участвовал в составлении татарского текста пугачевского указа казакам форпостов Верхне-Яицкой линии и был отправлен Пугачевым в Башкирию для распространения этого указа[4]. Идеркай Баймеков был инициатором очередного обращения Е.И. Пугачева к казахам с требованием прислать на помощь воинов. На допросе Е.И. Пугачев сообщал: когда они готовили Михаила Толкачева отправить на форпосты Нижне-Яицкой дистанции, к нему подошел Идеркай Баймеков и говорил: «пошлите-де, ваше величество, Тангаева к Нурали-хану, он-де детина проворный и, конечно, по указу вашему исполнит»[5]. Е.И. Пугачев послушался совета Идеркая Баймекова и отправил

---

[1] Допрос Е.И. Пугачева // Красный архив. 1935, № 3 (69–70). С. 198.

[2] Там же. С. 219.

[3] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 29, 343; *Овчинников Р.В.* Указ. соч. С. 49–50.

[4] *Овчинников Р.В.* Следствие и суд над Пугачевым // Вопросы истории. 1966. № 4. С. 118.

[5] Там же. С. 174.

Тангаева с указом к казахскому хану Нурали с предложением совместно штурмовать Яицкий городок. Тангаев благополучно доставил пугачевский указ Нурали-хану[1].

11 июля 1774 года Е.И. Пугачев отправил в осажденную Казань два манифеста, один из которых был адресован администрации губернии с требованием немедленно сдать город, в другом манифесте он обращался к населению с обещаниями «разных милостей». Татарский вариант манифеста, по предположению Р.В. Овчинникова, был составлен Кинзей Арслановым, Садыком Саитовым и Идеркаем Баймековым[2].

В последний раз Идеркай Баймеков упоминается в источниках 14 августа 1774 года. В тот день Е.И. Пугачев отправил его вместе с яицким казаком П. Пускобаевым к правителю волжских калмыков Цендену-Держе с требованием прибыть к нему со своим войском, за что обещал калмыкам освобождение от «великих притеснений и несностностей» со стороны «злоехидных и вредительных обществу дворян»[3]. Последний секретарь Военной коллегии, приятель Идеркая Баймекова А.И. Дубровский сообщал на допросе, что «из башкир толмач Идорка ходил с манифестом к калмыцкому владельцу Цендену», только его спутником, по Дубровскому, был не Пустобаев, а яицкий казак Петр Алексеев[4]. Идеркай с успехом выполнил возложенную на него Пугачевым задачу склонения волжских калмыков на свою сторону. 19 августа Ценден-Доржа привел в деревню Дубовку в лагерь Е.И. Пугачева 3-тысячную калмыцкую конницу[5].

Таким образом, отставной яицкий казак из башкир Идеркай Баймеков в Крестьянской войне 1773–1775 годов отличался «не полководческим» талантом и не воинской доблестью. Единственный раз он принимал участие в сражении под деревней Юзеевой, когда повстанческий отряд под командой И.Н. Зарубина и А.А. Овчинникова разбил карательный корпус генерала В.Я. Кара. В этом сражении Идеркай Баймеков вместе с Кутлугильде Абдрахмановым командо-

---

[1] *Овчинников Р.В.* Манифесты и указы Е.И. Пугачева. С. 184.

[2] Там же. С. 138.

[3] Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 50.

[4] Пугачевщина. Т. II. С. 222

[5] *Овчинников Р.В.* Указ. соч. С. 252.

вал полуторатысячной башкирской конницей[1]. Свое место в повстанческом движении и в его центре Идеркай Баймеков завоевал своим цепким умом, умением точно и безошибочно оценивать обстановку, подавать своевременные и верные, мудрые советы «надеже-царю». Неоценимую роль он сыграл в многонациональной повстанческой армии в качестве личного толмача Е.И. Пугачева.

Идеркай Баймеков с первого и до последнего дня своей повстанчесакой деятельности был рядом с вождем Крестьянской войны. Он пришел к Е.И. Пугачеву 14 сентября 1773 года накануне восстания, когда тот еще скрывался на Усихе, прошел с ним весь свой боевой путь и закончил повстанческую деятельность 23 августа 1774 года. Он участвовал в последнем сражении Е.И. Пугачева с И.И. Михельсоном под Черным Яром. После боя среди пленных его не оказалось. Его не было и среди последних пугачевцев, переправившихся вместе с Е.И. Пугачевым на левый берег Волги. Остается только гадать. Он мог незаметно уйти и скрыться; мог оказаться среди тех, кто утонул при преодолении великой русской реки. Идеркай Баймеков исчез бесследно.

Дальнейшая судьба Идеркая Баймекова неизвестна. Но его имя, его незаурядная личность, которая проявлялась в суровые дни грандиозного катаклизма в России, должны занять достойное место в памяти народа.

Балтай Идеркаев. Личность Балтая Идеркаева в исторической литературе больших и принципиальных споров не вызывает. Все авторы признают, что он туркмен по национальности, был приемным сыном Идеркая Баймекова. Наиболее полную информацию о себе дал сам Балтай на допросе в Оренбургской секретной комиссии. Приведем дословно ту часть протокола допроса, где даются интересные сведения об этническом и сословном происхождении Балтая: «от роду мне двадцать пятый год. Отец мой Авяз, а отечества его не знаю, по роду туркменской. Родился я на Яике в то время, когда оной мой отец жил на Яике и был в казачьей службе. Но не знаю для чего, отец мой сам ли ушел, или отпущен был в Трухмению, оставя меня четырехлетнего на руках родственника его, отставного яицкого казака Идеркая Баймекова, который воспитывал меня под именем сына

[1] *Кулбахтин Н.М.* Указ. соч. С. 48.

своего. А потому называюсь я по имени его Идеркаевым. Отец мой возвратился из Трухмении на Яик тому назад года с четыре и живет теперь у Идеркая. В казачьей службе нахожусь в шестой год»[1].

Из этих сведений можно сделать выводы, что Балтай был урожденным яицким казаком, имел кровную связь с отставным казаком из башкир Идеркаем Баймековым, который воспитывал его как своего сына в народных традициях, дал образование. В 19 лет Балтай начал казачью службу. По утверждению Р.В. Овчинникова, он был участником восстания 1772 года на Яике[2].

В материалах допроса Балтая Идеркаева имеются подробные сведения о его вовлечении в повстанческое движение, что мы довольно подробно привели в очерке об Идеркае Баймекове. Поэтому здесь мы ограничимся лишь сообщением о том, что 18 сентября Балтай присоединился к отряду Е.И. Пугачева. Таким образом, с этого утра окончательно и бесповоротно определилось его место в повстанческом движении. В то же утро Идеркай Баймеков для написания манифеста казахскому хану Нурали предложил своего сына Балтая. Таким образом, Балтай Идеркаев стал секретарем в штабе Е.И. Пугачева. На встрече Е.И. Пугачева с послом Нурали-хана муллой Забиром Балтай Идеркаев не присутствовал, потому что «уехал в свое жительство, как оно было блиско ночевать. Но, сказывают, что переводчиком между самозванцем и Забиром был Идеркай. Потом в ту же ночь перед светом самозванец прислал за мною шесть человек казаков, кои, взяв меня из дому, привезли и представили к самозванцу, который через перевод Идеркаева приказал мне написать к хану Нурали письмо»[3].

Такая работа Балтая Идеркаева в повстанческом центре продолжалась в течение шести месяцев. Е.И. Пугачев со своим ближним окружением вырабатывали коллективную мысль, затем Идеркай Баймеков сформулировал ее, переводил на татарский язык и диктовал Балтаю Идеркаеву, а тот переносил на бумагу. Видимо, некоторые манифесты, указы и письма Балтай Идеркаев составлял самостоятельно, без диктовки Идеркая Баймекова. Иногда приходилось

---

[1] Сподвижники Пугачева свидетельствуют. С. 108.

[2] *Овчинников Р.В.* Указ. соч. С. 33.

[3] Сподвижники Пугачева свидетельствуют. С. 110.

ему писать татарский дубликат манифестов и указов Е.И. Пугачева и Военной коллегии, адресованных русскому населению или русским повстанцам.

Балтай Идеркаев был писарем в ставке Е.И. Пугачева с сентября 1773 года по март 1774 года, вел всю корреспонденцию на восточных языках, был соавтором манифестов и указов Е.И. Пугачева и Военной коллегии башкирам, татарам, казахам, отдельным предводителям из этих народов. Его перу принадлежали манифесты башкирам и Алибаю Мурзагулову от 14 октября 1773 года, указы Нурали-хану от 18 сентября и в декабре 1773 года, Дусали-султану от 26 октября, татарский вариант манифестов «во всенародные известия» от 1 и 15 декабря 1773 года, именных указов Бахтияру Канкаеву от 3 декабря и Василию Торнову от 15 декабря, татарам Сеитовской слободы от 30 сентября 1773 года, татарский вариант указа к яицким казакам декабря 1773 года, указы Военной коллегии Салавату Юлаеву, Канзафару Усаеву и другим нерусским полковникам повстанческой армии[1].

Указы, составленные Балтаем Идеркаевым, отличались напыщенностью и цветистыми выражениями, свойственными языку и стилю восточного письма. Многие указы, написанные на татарском языке, Балтай от имени «Петра Федоровича» подписывал сам[2].

Будучи чисто штабным служителем, Балтай Идеркаев не принимал участия в сражениях. На допросе в Оренбургской секретной комиссии 6 июня 1774 года он сообщил: «Когда самозванец ходил под Татищеву крепость на сражение корпуса князя Голицына, в то время оставался я в Берде. Как же напоследок самозванец с толпою его разбит под Сакмарою, но и тут я на сражении не был, а сидел спрятавшись с моим называемым отцом Идеркеем в бане, которой, увидя, что толпа самозванцева разсыпалась в разныя стороны, звал меня с собою в бег и говорил, что государь буде жив останется, наберет в Башкирии новую армию. Но я на то не согласился и остался в бане. А Идеркей не знаю куда бежал, и где теперь находится, не знаю.

---

[1] Докумеиты ставки Е.И. Пугачева. С.8, 23, 26–28, 30, 32, 35–36, 37–38, 41, 371–373, 375, 376, 379, 383, 385; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 26–27, 29, 342, 343; *Овчинников Р.В.* Указ. соч. 6.9, 33, 41,42, 49, 55, 63, 65, 66, 71, 73, 80, 85–87, 167, 183, 186, 188.

[2] *Овчинников Р.В.* Указ. соч. С. 65, 71.

Я же, когда сражение миновалось, вышел из бани, явился к верным войскам, и с прочими прислан в Оренбург»[1].

Таким образом, 1 апреля 1774 года Балтай Идеркаев под Сакмарским городком попал в плен, содержался в Оренбургской секретной комиссии капитана С.И. Маврина[2]. Затем он был прислан в Казанскую секретную комиссию[3]. Приговором Правительствуюшего Сената в апреле 1775 года Балтай Идеркаев был приговорен к пожизненной солдатской службе в гарнизоне города Архангельска[4].

[1] Сподвижники Пугачева свидетельствуют. С. 110.

[2] РГАДА. Ф. 6. Д. 507. Ч. 2. Л. 193.

[3] Там же. Л. 195; Ч. 3. Л. 112 об.

[4] Там же. Л. 195.

Глава 5. Башкирские предводители Сибирской дороги

Абдулзялиль Урускулов

Башкир Кыр-Таныпской волости Сибирской дороги. Полковник повстанческой армии. К восстанию примкнул в декабре 1773 года. Действовал в Северном Башкортостане. В приказе Абдулзялиля Урускулова, Адиля Бигашева и Бахтияра Канкаева, посланном в декабре 1773 года старшине Еланской волости Балтачу Саитову, требовалось: «Каждая из ваших команд пусть будет послушной его, старшины Качкина Самарова сына приказаниям».

Из данного документа видно, что уже в самом начале восстания Абдулзялиль Урускулов имел чин полковника и занимал высокое положение: в конце приказа его подпись стоит первой. За ним следует атаман Адиль Бигашев и последним подписался полковник Бахтияр Канкаев. Авторы приказа, полковники северных волостей Уфимского уезда, признавали над собой власть Чесноковского повстанческого центра, одним из командиров которого до приезда И.Н. Зарубина был походный старшина Тамъянской волости Ногайской дороги Каскын Самаров. Под документом имеется автограф: «К сему я, полковник Абдулжалил Урускулов сын, руку свою приложил»[1]. Следовательно Абдулзялиль Урускулов владел тюрки.

Весной 1774 года Абдулзялиль Урускулов проводил активную повстанческую деятельность в районе пригорода Бирска и Ангасякского завода. По показаниям жителя деревни Балтачево повстанца-удмурта Москова Якимова на допросе в Казанской секретной комссии, весной 1774 года в их деревню приехал «башкирец Абзелих [Абдулзялиль] Урускулов и выслал их в Бирск на сражение против идущих к ним воинских команд. Собравшись великою толпою, пришли к реке Бирску [Бирь] и, остановясь тут, ожидали на себя пришествия команды. А дабы не пропустить через сию реку команды, мост разобрали»[2]. 21 июня под Бирском произошло сражение с корпусом

[1] Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения. С. 59.

[2] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 250.

И.И. Михельсона, где одним из командиров сводного отряда повстанцев был Абдулзялиль Урускулов.

Когда Е.И. Пугачев продвигался через Северный Башкортостан к Казани, Абдулзялиль Урускулов принимал активное участие в наборе новых отрядов для пополнения Главного войска и подготовке региона для встречи «государя Петра Федоровича». В письме Бахтияру Канкаеву, отправленное из деревни Тимкино Осинской дороги в июне 1774 года, Абдулзялиль Урускулов писал: «крайне стараюсь денно и ночно набирать людей, и сколько их наберется, немедленно к вам приеду». В том же письме он сообщал, что «Приехал человек со объявлением, что государское величество поехал в Кунгур и приговаривал, что он скоро сюда будет»[1]. Следовательно, Абдулзялиль Урускулов четко следил за действиями Е.И. Пугачева[2].

Одновременно Абдулзялиль Урускулов занимался вопросами укрепления дисциплины в повстанческих отрядах. В приказе Абдулзялиля Урускулова и Аладина Бектуганова Салимовой команде полковники требовали: «Повелевается вам, Салимовой команде: слышно, что вы Мираса Милбаева не слушаете, а ежели слушать не будете, то почтется за злодейство и будете штрафованы наижесточайше по законам». Сотник Абдул Байдашев докладывал Абдулзялилю Урускулову о поимке воров-мародеров и спрашивал, какое наказание дать нарушителям дисциплины. 10 июня в его совместном приказе с Бахтияром Канкаевым и Адилем Бигашевым полковнику-черемису Байкею Тойкиеву требовалось немедленно и без оговорок вернуть «пленных лошадей», захваченных на Ангасякском заводе[3].

Летом 1774 года Абдулзялиль Урускулов особенно тесно действовал с Бахтияром Канкаевым, ставшим к тому времени главным полковником и признанным лидером повстанческого движения в районе пригорода Бирска и бассейна реки Танып. 12 июня на требования Бахтияра Канкаева немедленно прибыть к нему с отрядом, чтобы противостоять корпусу полковника А.Я. Якубовича, вышедшего из Уфы и идущего к Бирску, Абдулзялиль Урускулов ответил,

[1] Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 317.

[2] Там же. С. 320.

[3] РГАДА. Ф. 6. Д. 416. Ч. 1. Л. 160 и об.; Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 349–350.

что ждет подхода отрядов Буляка Якупова и Араслана Рангулова и обещал: «Как скоро они придут, то немедленно поедим»[1].

Бахтияр Канкаев и Абдулзялиль Урускулов важнейшей своей задачей считали охрану мостов и перевозов для успешного продвижения Главного войска Е.И. Пугачева. В приказе от 8 июня 1774 года они требовали от Байкея Тойкиева: «Отправить тебе из своей команды надлежащее число людей на состоящейся по Бадрашской дороге перевоз в самокрайней скорости безотговорочно. Да и самому тебе над обеими теми перевозами завсегдашней присмотр иметь с канвоями и велеть быть в крайней осторожности, дабы наехав внезапно, неприятели не перебрались»[2]. В рапорте атаману Адилю Бигашеву они сообщали, что «напротив деревни Курча поставили пикеты и приказали построить через реку рядом три моста»[3].

После ухода Е.И. Пугачева и его Главного войска под Казань и за Волгу Абдулзялиль Урускулов долго и упорно продолжал борьбу против карателей. В рапорте от 4 сентября 1774 года «верный» башкирский старшина Шарип Кииков сообщал в Уфимскую провинциальную канцелярию, что башкирские повстанческие полковники Абдулзялиль Урускулов, Араслан Рангулов, Абдусалям Рамзин, Буляк Якупов, Аладин Бектуганов собрались за рекой Таныпом и переехали в Уранскую волость. Шарип Кииков просил прислать воинскую команду «для разбития помянутых сборищ»[4]. Уфимские власти вняли его просьбе и прислали карательный корпус полковника А.Я. Якубовича. В рапорте в Уфимскую провинциальную канцелярию Якубович сообщал, что майор И.Штерич из его корпуса разбил «до основания появившихся около Ангасякского завода злодейских старшин с их сообщниками».

Однако рапорт полковника А.Я. Якубовича не отличался скромностью. В «подвиге» майора И. Штерича он видел свою заслугу. В своем рапорте он писал, что «для поиску и исстребления оставшихся от их шаек злодеев свой подвиг брать от меня назначен». Да и точностью данной информации рапорт полковника А.Я. Якубовича

---

[1] Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 323.

[2] Там же.

[3] Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения. С. 154.

[4] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 403.

не выделялся. И. Штеричу удалось разбить лишь один из отрядов башкирских повстанцев.

Для окончательного усмирения башкир в район действия башкирских повстанческих полковников был откомандирован карательный корпус подполковника И.К. Рылеева. 22 сентября 1774 года под Елдякской крепостью произошло сражение корпуса с войском Салавата Юлаева. Абдулзялиль Урускулов со своим отрядом в составе войска Салавата Юлаева участвовал в этом сражении. На допросе в Уфимской провинциальной канцелярии 5 мая 1775 года Салават Юлаев показал, что сражался у «Елдяцкой крепости с деташаментом господина подполковника сообщась со злодейским полковником Абдулзелилем Урускуловым и ево собранною шайкою»[1].

Дальнейшая судьба Абдулзялиля Урускулова неизвестна.

Аладин Бектуганов

Башкир Кыр-Таныпской волости Сибирской дороги, активный участник Крестьянской войны 1773–1775 годов. Повстанческий полковник. Исследователи по-разному определяют уроженцем какой деревни был Аладин Бектуганов. Составители сборника материалов «Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье» и С.У. Таймасов считают его уроженцем деревни Кайпаново Кыр-Таныпской волости. А.З. Асфандияров и И.М. Гвоздикова малой родиной Аладина считают современную деревню Старокайпаново Татышлинского района. В энциклопедии «Салават Юлаев» И.М. Гвоздикова Аладина Бектуганова определяет уроженцем деревни Новокайпаново[2].

Авторы разноречиво определяют положение, занимаемое Аладином Бектугановым в своем обществе. И.М. Гвоздикова и А.З. Асфандияров пишут, что он был муллой. Р.В. Овчинников и С.У. Таймасов считают его старшиной Кыр-Таныпской волости. Все авторы признают его полковником повстанческой армии. Авторы едины в вопросе об активном участии Аладина Бектуганова в районе пригорода Бирска. Ну и добавим еще один спорный момент. А.З. Асфанди-

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 319.

[2] Салават Юлаев. Энциклопедия. С. 35–36.

яров и И.М. Гвоздикова утверждают, что Аладин Бектуганов и повстанческий атаман Аладин Феляков – одно и то же лицо[1]. Есть неточные информации и о месте смерти Аладина.

Все эти разночтения авторов объясняются тем, что Аладин Бектуганов как крупный башкирский предводитель Крестьянской войны не являлся объектом внимательного изучения исследователей. В данном очерке автор постарается уточнить все спорные моменты в биографии, расширить представление о повстанческой деятельности этого незаслуженно забытого потомками выдающегося сына башкирского народа. Для этого использованы как редкие публикации историков, так и опубликованные и архивные источники.

На допросе в Казанской следственной комиссии Аладин Бектуганов сообщал, что он башкир деревни Новой Кайпановой Кайпанской волости Сибирской дороги. Подчеркиваем, *«деревни Новой Кайпановой»*. Ныне это деревня Новокайпаново Татышлинского района. Он – не мулла и не старшина, а рядовой башкир. Аладин Бектуганов и Аладин Феляков – разные лица. Об Аладине Фелякове у нас будет отдельный очерк.

И.М. Гвоздикова в энциклопедии «Салават Юлаев» пишет: Аладин Бектуганов «В нояб. 1773 сформировал отряд из жителей Сибирской и Осинской дорог и работных людей Шермяитского з-да, принимал их в «казаки»[2]. При этом автор ссылается на показания удмурта из деревни Балтачевой Москова Якимова на допросе в Казанской секретной комиссии. Однако Москов Якимов говорил: «Весною же, не знает в котором месяце, приехал в их деревню башкирец Аладым с двадцатью человеками башкирцов и требовал на службу государю Петру Федоровичу в команду к их старшине Салавату Юлаеву»[3]. Во-первых, Москов Якимов говорит о приходе в их деревню «башкирца Аладыма» не в ноябре 1773, а весной 1774 года. Во-вторых, трудно определить, кого Москов Якимов называл «башкирцем Аладымом». В это время в Северо-Западном Башкортостане действовали два Аладина: Бектуганов и Феляков. Между тем

[1] Военная история башкир. С. 26; Салават Юлаев. Энциклопедия. С. 35.

[2] Салават Юлаев. Энциклопедия. С. 35.

[3] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 250.

в «Реестре», учиненном «ис татарских переводов о злодейских начальниках» зафиксированы отдельно «атаман Алладин Биктуганов» и «атаман Аладин Феляков»[1].

Следовательно, повстанческая деятельность Аладина Бектуганова началась на последнем этапе Крестьянской войны, но развивалась буйно и стремительно. Вовлечение в восстание Аладин Бектуганов сам объясняет так. Когда началось движение под Оренбургом осенью 1773 года, его в числе других односельчан отправили в Стерлитамакскую пристань, где формировался башкиро-мишарский карательный корпус под командованием товарища воеводы города Уфы, майора П.Н. Богданова, капитана И.Г. Уракова и главного башкирского старшины Ногайской дороги Алибая Мурзагулова. Видимо, их группа попала в пристань после того, как команды майора Н. Голова и капитана И. Уракова были уже отправлены в Берду. Об этом Аладин сообщал: «... а как из них, бывших на пристани башкирцов многие взбунтовались и разграбя тое пристань весь имевшийся провиант отправили и людей с собой в стан злодея Пугачева в Бердскую слободу» взяли[2]. А это событие произошло после взятия пристани отрядом Каскына Самарова в ночь с 18 на 19 ноября 1773 года. Со Стерлитамакской пристани Аладина Бектуганова, учитывая его преклонный возраст, отпустили домой, где он и прожил в тишине и покое до весны 1774 года.

Весной на северо-западе Башкортостана возобновилась и усилилась борьба, что было связано с приближением Главного войска Пугачева. Одним из наиболее активных органгизаторов мобилизации населения в повстанческие отряды были полковник Бахтияр Канкаев и главный атаман Адиль Бигашев. Ими был мобилизован в повстанческое движение Аладин Бектуганов. Как он сам говорил на допросе, в их деревню «явились 2 человека из злодейской толпы, стоящей в 20 верстах от их селения и требовали людей». Из деревни Новой Кайпановой набрали 15 человек, в числе которых оказался Аладин Бектуганов. Их привели в отряд из 400 человек «под командою называвшегося атаманом отставного солдата Адыля Бигашева, и между тем собралось к ним из оной сволочи до 400, в числе коих один баш-

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 467. Ч. 12. Л. 397об. и 398.

[2] Там же. Д. 507. Ч. 4. Л. 215 об.

кирец Бахтияр Канкаев, который называв себя полковником, объявлял данной ему от самозванца указ»[1].

Далее Аладин Бектуганов продолжает: «Потом они со всею толпою пошли к пригороду Бирску и близ оного остановились, где высланною из того пригорода воинскою командою были разбиты и разогнаны. Однако же вторично собравшись, зделали с тою командою сражение, на котором двух начальников, кто они таковы не знает, и несколько солдат побили, а остальные разбежались. Почему они город сожгли». После этого Аладин с 15 односельчанами вернулся домой и жил безвыездно до октября 1774 года.

В октябре, услышав, что в соседней башкирской деревне Ганви стоит команда подполковника А.В. Папава, 24 человека из деревни Новой Кайпановой поехали к нему с повинной, были приведены в верность Ея императорскому величеству и с билетами вернулись домой. Но через две недели «на реке Танып остановился какой-то поручик [Явороский] и прислал в их деревню увещевательное письмо к башкирцам». К нему явились несколько человек, «коих он отправил в Казань»[2].

Так лаконично изложил Аладин Бектуганов свою скромную роль в повстанческом движении. Однако нельзя забывать, что допросы участников восстания царские следователи вели «с пристрастием», а обвиняемые, закованные в ручные и ножные кандалы или колодки, стремились скрывать или умалять свое участие в повстанческом движении. Не исключением был изнуренный голодом и измученный пытками 69-летний старый бунтовщик Аладин Бектуганов. Изучение других сохранившихся источников позволяет осветить совершенно другую повстанческую деятельность Аладина Бектуганова в мае–сентябре 1774 года.

События осени 1773 и весны 1774 года действительно совпадают с показаниями Аладина Бектуганова на допросе. В ноябре 1773 года он был отправлен в Стерлитамакскую пристань вместе с односельчанами и вернулся оттуда домой. Весной он был вербован Адилем Бигашевым в повстанческий отряд Бахтияра Канкаева. Но к пригороду Бирска он подошел не в качестве рядового повстанца,

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 507. Ч. 4. Л. 216.

[2] Там же. Л. 216 об.–217.

а в роли одного из признанных командиров. Бирский воевода капитан И. Суровцев 25 мая рапортовал в Уфимскую провинциальную канцелярию: «По известиям от иноверческих людей о собравшейся злодейской толпе, иноверцах волостей Кайпанской, Балыкчинской и Гарайской. Называя себя атаманами, башкирцы Аладин Бектуганов, Ирехтинский сотник Мрат, Кигазинский – Араслан Рангулов, кои де, собрав себе команды всякого звания людей сот до пяти и более... к пригороду Бирску приближались в верстах семидесяти»[1]. Следовательно, уже при первом походе на Бирск Аладин Бектуганов был в числе командиров сводного отряда повстанцев. Попутно отряд напал на дом «верного» башкирского старшины Кулыя Балтачева и разорил его.

Активный участник Крестьянской войны, есаул повстанческого отряда Шарып Шаркаев на допросе в Казанской комиссии говорил: «И потом пошли все в пригород Бирск. Тут главным были Араслан Рангулов, Буляк Якупов, Аладин Бектуганов». У них был свой сводный отряд в 1000 человек, который 27 мая был рассеян в результате вылазки гарнизона из города Бирска[2].

В дальнейшем Аладин Бектуганов вместе с Бахтияром Канкаевым и Адилем Бигашевым, башкирскими полковниками Арасланом Рангуловым и Буляком Якуповым вел активное участие в мобилизации населения в восстание, в сопротивлении карательным командам, оказании поддержки Главному войску Е.И. Пугачева. Участник восстания, житель деревни Балтачевой Осинской дороги вотяк Москов Якимов на допросе в Казанской секретной комиссии показал: «Весной же, не знает в котором месяце приехал в их деревню башкирец Аладым (Аладин) с двадцатью человеками башкирцев и требовали на службу якобы государю Петру Федоровичу в команду к их старшине Салавату Юлаеву». Боясь якобы наказаний со стороны Салавата Юлаева, они были «принуждены из своей деревни дать 15 человек». Далее в деревне Казанчи они «взяли из оной под таким же видом будто бы на службу государю 25 человек. Приехав же в деревню Тушкиру и соединившись тут с бывшим во оной башкирцем Арасланом [Рангуловым] с пятьдесят человеками ево шайки, поеха-

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 562. Л. 527 и об.

[2] Там же. Д. 507. Ч. 3. Л. 551.

ли по реке Таныпу. И, пробираясь к пригороду Бирску, везде по жительствам забирали людей в с вою толпу и набрали напоследок человек с тысячу»[1]. Таким образом, Аладин Бектуганов, как и Араслан Рангулов, выполнил установленную Ставкой норму набора людей в команду 500 человек, чтобы присвоить чин полковника повстанческой армии.

Летом 1774 года повстанческие отряды башкир и других нерусских народов Северо-Западного Башкортостана вели активную борьбу с карательными командами и «верными» башкирскими старшинами в районе между городом Бирском и бассейном реки Танып. Видную роль в этом движении играл Аладин Бектуганов как один из ведущих предводителей. Особенно бурную деятельность он вел в пору ожидания Главного войска Е.И. Пугачева. 1 июня 1774 года Араслан Рангулов, Буляк Якупов, Ярмухамет Кадырметов и Аладин Бектуганов написали письмо Бахтияру Канкаеву и Адилю Бигашеву с приглашением их на совещание. Письмо подписали и руку приложили все командиры. Подписался под документом и Аладин Бектуганов: «Я, старшина общины Аладин Бектуганов сын, руку свою приложил»[2]. С такой же формулировкой «Я старшина общины Аладин Бектуганов...» поставлена подпись под охранным билетом, выданным повстанцу Зайнутдину Ахмарову[3]. В этих документах отчетливо видно, что Аладин Бектуганов владел тюрки.

В последующих документах Аладин Бектуганов называет себя атаманом. Так, в «Приказе к полковнику Бахтияру да есаулу Сеитяферу Зайсанову» под подписью главного атамана Адиля Бигашева имеется автограф «Отаман Аладин Бектуганов». Документ весьма любопытен тем, что в нем Адиль Бигашев и Аладин Бектуганов выступают не как подчиненные полковника Бахтияра Канкаева, а стоящие рангом выше: «Вы несомненно поступайте по прежде посланному к вам от меня приказу без великого спору». Описывая суровые условия борьбы и жестокость карательных команд по отношению к населению, авторы письма осуждают Бахтияра: «Естли вы возвращаетесь в свои дома, поезжайте, а мы с оставшею командою и с тем,

---

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 250.

[2] Воззвания и переписка вожаков Пугачевского лвижения. С. 128–129.

[3] Там же. С. 130–131.

у коих разорены дома, будем о таковых ваших поступках [доносить] государю»[1].

Высокое положение Аладина Бектуганова в повстанческой армии рассматривается и в других документах. 10 июня 1774 года полковник Бахтияр Канкаев и атаман Адиль Бигашев отправили черемиссому старшине Байкию Тойкиеву приказ с требованием отправить в их распоряжение трофейных лошадей, взятых на Ангасякском заводе, и вернуть черемисскую команду. Приказ подписали полковники Бахтияр Канкаев и Абдулзялиль Урускулов, главный атаман Адиль Бигашев и атаман Аладин Бектуганов[2]. В приказе повстанцам Салимовой команды Абдулзялиль Урускулов и Аладин Бектуганов требовали соблюдения дисциплины и беспрекословного подчинения командирам. «Вы все, – говорится в приказе, – оказывается, постоянно не слушаетесь этого Мираса Милбаева сына. Если [продолжая] дело так, не будете слушаться, то окажетесь злодейскими сообщниками – будете прокляты тягчайшим образом»[3]. В приказе Бахтияра Канкаева и Адиля Бигашева марийскому старшине Байкею Тойкиеву в июле 1774 года о необходимости мер предосторожности также имеется подпись «отамана Аладина Бектуганова»[4]. В пору обострения борьбы внутри башкирского общества между башкирскими повстанческими отрядами и карательными командами «верных» старшин группа башкирских предводителей Северного Башкортостана обратилась с письмом к Шарипу Киикову, Кулыю и Сагиту Балтачевым с призывом прекратить карательные операции. Среди авторов письма значится и Аладин Бектуганов[5].

Таким образом, в начале мая 1774 года Аладин Бектуганов вместе с Бахтияром Канкаевым, Адилем Бигашевым и Абдулзялилем Урускуловым действовал под пригородом Бирском и в бассейне реки Танып. Завершая описание этого этапа повстанческой деятельности Аладина Бектуганова, необходимо обратить внимание на один широ-

---

[1] Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 316; Пугачевщина. Т. I. С. 99–100.

[2] Там же. С. 176; Воззвания и переписка вожаков Пугачевского лвижения. С. 136.

[3] Там же. С. 159.

[4] Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 349–350.

[5] Там же. С. 124–125; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 227–228.

ко известный документ. 6 июня Салават Юлаев отправил письмо башкирским предводителям Осинской и Сибирской дорог, где сообщил о двух сражениях Главного войска на реке Ай. Документ интересен в другом аспекте. В своем письме Салават Юлаев перечисляет башкирских атаманов: Буляка Якупова, Араслана Рангулова и Аладина Фалянова. Исследователи растерялись в определении личности «Аладина Фалянова». Составители сборников «Документы Ставки Е.И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений» и «Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии» под «Фаляновым» подразумевают атамана Аладина Фелякова[1]. Составители сборника «Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье» предполагают, что Салават Юлаев не знал или забыл фамилию Аладина и использовал широко распространенный среди башкир и татар имярек «фалян». Поэтому составители сборника под этой фамилией подразумевают Аладина Бектуганова[2]. А.З. Асфандияров и И.М. Гвоздикова Аладина Бектуганова и Аладина Фелякова считают одним человеком[3].

Однако целый ряд документов подтверждает, что Аладин Бектуганов и Аладин Феляков – два разных предводителя, которые самостоятельно, независимо друг от друга, действовали в Северо-Западном Башкортостане. В Казанской секретной комиссии их следственные дела велись отдельно. Уточнение этой дискуссии находится в самом документе. Салават Юлаев свое письмо начинает фразой: «Рапорт, посланный Вами милостиво служащим (государю) старшиной Буляком Якуповым сыном да атаманом Аладином Фаляковым сыном, да старшиной Арасланом Рангуловым сыном получил я, главный полковник Салават Юлаев сын». А рапорт Салавату из-под Бирска с просьбой прислать помощь послали Буляк Якупов, Араслан Рангулов и Аладин Бектуганов.

В своем письме Салават сообщал: «Не пришлось [нам] отсюда ехать туда [к вам] – направились мы в Кунгур. Вы также, с некоторыми командами прибыв [туда] встретите нас». В данном случае Салават Юлаев дает знать, что он не может пойти к ним на подкрепление,

---

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 180, 387; Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 346, 431.

[2] Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения. С. 132, 431.

[3] Салават Юлаев. Энциклопедия. С. 35; Военная история башкир. С. 26.

так как следует с Главным войском Е.И.Пугачева на Кунгур. Поэтому он требует атаманов «...с большой твердостью собирая команды, без каких-либо колебаний принимайте все меры для сопротивления наступающим врагам»[1]. 4 июня при помощи присланных Салаватом 200 башкирских всадников повстанцы штурмом взяли пригород Бирск и сожгли его. Затем заняли Ангасякский винокуренный завод[2]. После этого, исполняя приказ Салавата Юлаева, атаманы со своими командами направились на север, в бассейн реки Танып. Отдельные команды дошли до пригорода Осы и соединились с Главным войском Пугачева.

Вероятно, среди них был и Аладин Бектуганов. Из-под Осы он вернулся в родные края. К сожалению, сохранившиеся источники дают разноречивые сведения. В приказе Адиля Бигашева и Аладина Бектуганова Бахтияру Канкаеву от 18 июня и в приказе Бахтияра Канкаева Байкею Тойкиеву сообщается, что Аладин Бектуганов после событий под Бирском продолжал борьбу в бассейне реки Танып. С.У. Таймасов утверждает, что Аладин Бектуганов вместе с Рахмангулом Иртугановым и Адигутом Темясовым до августа действовал под Бирском.

Аладин Бектуганов продолжал борьбу до глубокой осени в Северо-Западном Башкортостане совместно с Бахтияром Канкаевым, Абдулзялилем Урускуловым, Адигутом Темясовым, Арасланом Рангуловым. В энциклопедии «Салават Юлаев» говорится о его участии в сражении 4 сентября. Однако в рапорте Шарипа Кийкова от 4 сентября в Уфимскую провинциальную канцелярию говорится о мобилизации Аладином Бектугановым населения Кайпановой волости в повстанческий отряд и переходе его отряда «с тысячью человек» в Уранскую волость[3]. Но об участии Аладина Бектуганова вместе с Салаватом Юлавевым в сражении 4 сентября на реке Амзе с карательной командой майора Г. Штерича не упоминается. И вряд ли смог сообщить об этом Шарип Кийков в тот же день в провинциальную канцелярию.

Неоднозначно информируются и факты его пленения. Все авторы утверждают, что он в конце октября был взят в плен Шарипом

---

[1] Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения. С. 132.

[2] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 408.

[3] РГАДА. Ф. 6. Д. 593. Л. 113–114.

Кииковым. Но сам Аладин Бектуганов на допросе в Казанской секретной комиссии показал, что он «в числе 24 своих односельчан в октябре явился к майору Папаву и с билетом вернулся домой. А через две недели на реке Танып остановился какой-то поручик и прислал в их деревню увещевательное письмо к башкирам. К нему явились 20 человек, коих он отправил в Казань»[1]. В данном случае вряд ли есть основание не верить самому Аладину Бектуганову.

Таким образом, в конце октября или в первых числах ноября 1774 года один из крупных башкирских предводителей Крестьянской войны 1773–1775 годов в Северо-Западном Башкортостане Аладин Бектуганов сложил оружие борьбы и оказался в руках палачей. Он содержался в Казанской тюрьме по «первому списку», то есть в числе наиболее опасных преступников, закованных в ножные и ручные кандалы. В реестрах колодников, в допросных показаниях самого Аладина и его соратников по борьбе раскрываются основные этапы его повстанческой деятельности. В этих скупых архивных материалах Казанской секретной комиссии уточняются все спорные моменты его биографии. Они позволяют сделать краткое резюме о жизни и яркой повстанческой деятельности Аладина Бектуганова.

Аладин Бектуганов – рядовой башкир деревни Новый Кайпан Кайпанской волости Сибирской дороги. Он был грамотным человеком, во всех документах прикладывал свою руку, то есть подписывался на тюрки. Но в источниках нет никаких упоминаний о том, что он был старшиной волости или муллой, нет подтверждений и о его высоком звании «полковник». В них он фигурирует «атаманом», хотя временами в его отряде численность воинов превосходила тысячи человек. Что касается ошибки отдельных авторов, которые считают Аладина Бектуганова и Аладина Фелякова одним человеком, нужно отметить: в «Реестре о злодейских начальниках» дела № 467 фонда РГАДА их имена называются отдельно. Следовательно, они разные люди, а не один человек с двумя фамилиями.

Основным районом действий Аладина Бектуганова был пригород Бирск, Ангасякский винокуренный завод, район к северу от Бирска и бассейн реки Танып. Традиционно он стремился держаться поближе к своим родным местам. Постоянными его сподвижниками

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 507, Ч. 3. Л. 215 об.

были Араслан Рангулов, Буляк Якупов, Абдулзялиль Урускулов, Бахтияр Канкаев, Адиль Бигашев, Адигут Темясов.

Среди повстанческих предводителей башкир Аладин Бектуганов был самым старшим по возрасту. На допросе он говорил, что ему 69 лет. В связи с этим появляется и недоразумение: как такого пожилого человека могли отправить в Стерлитамакскую пристань в башкиро-мишарский карательный корпус для подавления Пугачевского восстания, а весной 1774 года – в повстанческий отряд для похода на Бирск.

Ни стремление Аладина скрывать свои поступки на допросах, ни преклонный возраст не смогли спасти его от наказания. Его приговорили к смертной казни и положили на плаху, затем сыграли комедию: зачитали указ Ее императорского величества о помиловании, били плетьми и отрезали оба уха. Для этого собрали башкир близлежащих селений и наказали публично «для их устрашения». Лишь после этого решили его вместе с черемисом Киязем Токмурзиным отправить в Мензелинск для полного и официального освобождения. Однако оба престарелых «бунтовщика» не выдержали пыток и умерли в Казанской тюрьме. Их трупы погрузили и 1 декабря 1774 года отправили в Мензелинск. 2 декабря «траурное шествие» в сопровождении капрала Казанской штабной роты Ивана Клеменова достигло пригорода Мензелинска. Данная версия не вызывает особого доверия. Вряд ли начальник Казанской секретной комиссии генерал-майор П.С. Потемкин стал бы отправлять в Мензеленскую провинциальную канцелярию трупы мертвых «бунтовщиков» Аладина Бектуганова и Кияза Токмурзина для их полного официального освобождения. Не сходится с реальностью и тот факт, что «траурное шествие» на лошадях преодолело путь от Казани до Мензелинска за сутки. Более достоверные сведения имеются в других источниках. В одном из них сообщается о смерти Аладина в пути из Казани в Мензелинск, в другом документе – о его кончине в Мензелинской тюрьме[1].

Буляк Якупов

Башкир деревни Байки Сунларской волости Сибирской дороги (Караидельский район РБ). Атаман повстанческой армии. Об этни-

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 507. Ч. 4. Л. 215 об.–217.

ческом происхождении Буляка Якупова в исторической литературе нет единого мнения. С.У. Таймасов утверждает, что он из деревни Байки, башкирский старшина Байкинской (Сунларской) волости Сибирской дороги, вероятно, брат Халила Якупова[1]. В «Ведомости», составленной в феврале 1775 года в Уфимской провинциальной канцелярии о нерусском населении провинции, принимавшем участие в Пугачевском восстании, старшиной Сунларской волости значится Халил Якупов[2]. Других старшин в данной волости не было. Следовательно, Буляк Якупов мог быть братом старшины Халила Якупова, но не старшиной.

Составители сборников «Документы Ставки Е.И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений» и «Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье» предполагают, что Буляк Якупов был татарином деревни Байки Уфимского уезда. В «Именном указателе» к сборнику «Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии» отмечены два повстанца с именем Буляк Якупов: татарин из деревни Байки Дуванской волости и башкирский старшина повстанческой армии. В рапорте солдата Уфимского гарнизона И.Логинова от 8 мая 1774 года Буляк Якупов упоминается как башкирский старшина Байкинской волости. Сопоставление сохранившихся источников позволяет сделать следующие выводы. Татарский старшина повстанчесой армии Буляк Якупов действовал в Западном Башкортостане, в районе Ижевского и Воткинского заводов. Башкирский атаман Буляк Якупов совместно с Арасланом Рангуловым и Аладином Феляковым действовал под пригородом Бирском и Ангасякским заводом, в бассейне реки Быстрый Танып. В документах из походных канцелярий командиров карательных команд и предводителей повстанческих отрядов Буляк Якупов называется башкирским атаманом повстанческой армии.

Буляк Якупов, Араслан Рангулов и Аладин Феляков всегда действовали совместно, лишь в редких случаях по каким-нибудь конкретным операциям им приходилось разлучаться. Они активно включились в повстанческое движение весной 1774 года, когда население

---

[1] *Таймасов С.У.* Указ. соч. С. 230.

[2] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 285.

Северного Башкортостана ждало прихода в их край «государя Петра Федоровича». Араслан Рангулов, Аладин Феляков и Буляк Якупов совместно с другими предводителями региона приступили к подготовке встречи с Е.И. Пугачевым: набирали отряды для пополнения Главного войска, обеспечивали охрану дорог, мостов и перевозов через реки, устанавливали прямую связь со Ставкой Пугачева.

6 июня в Ставку Пугачева, которая находилась в верховьях реки Ай, прибыл Абдулкарим Аитов в качестве посланца сводного отряда Араслана Рагнулова, Аладина Фелякова и Буляка Якупова, действовавшего в районе пригорода Бирска. Салават Юлаев, находившийся в это время в Ставке Пугачева, в тот же день, 6 июня, через Абдулкарима Аитова отправил письмо атаманам Осинской и Сибирской дорог. Письмо было адресовано «старшине Буляку Якупову, атаману Аладину Фелякову и старшине Арасланy Рангулову». В нем Салават Юлаев сообщал о двух сражениях «государя Петра Федоровича» с гусарами на реке Ай, давал наставление «стоять против неприятелей крепко с непоколеблимостью сердец своих ни на какую сторону». Военная коллегия в тот же день через Абдулкарима Аитова послала увещевательное письмо «Буляковой команде» с повелением «в своих волостях с мещеряцкого народа собрать армию и быть от разоряющих неприятелей в осторожности»[1].

Основным местом повстанческой деятельности Араслана Рангулова, Буляка Якупова и Аладина Фелякова летом 1774 года был район пригорода Бирска и Ангасякского винокуренного завода. 7 мая секунд-майор О. Дуве в рапорте генерал-поручику Ф.Ф. Щербатову докладывал, что 23 мая под пригородом Бирском состоялось сражение с повстанческим отрядом, возглавляемым Арасланом Рангуловым, Буляком Якуповым и Аладином Феляковым. По показаниям башкир, оказавшихся в плену, в сводном отряде было около трех тысяч воинов. Бой начался, когда восставшие, «не дожидаясь ничего, начали дело в 11 часов поутру с превеликим криком и окружили» карательную команду, заставив ее «на все стороны оборонятца». Упорный и кровопролитный бой продолжался 4 часа и закончился поражением повстанцев[2].

---

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 180

[2] РГАДА. Ф. 6. Д. 416. Ч. 1. Л. 168 и об.;

Однако поражение от майора Дуве и капитана Мельгунова не остудило порыва восставших. Их командиры продолжали набирать людей в свои отряды. Обострению борьбы способствовали приближение Главного войска Пугачева и тесная связь с Салаватом Юлаевым. Башкир деревни Кызылярово Гарейской волости, активный участник восстания Шарип Шаркаев на допросе в Казанской секретной комссии показывал, что летом 1774 года в их деревню от Пугачева пришли два башкира с билетом и требовали набрать по одному человеку с каждого двора, «а всего тринадцать человек». Затем явились к старшине волости, полковнику повстанческой армии Юмакаю Аскарову. Всего набрали «как башкирцов, так вотяков, мещеряков и черемис более тысячи человек. Потом пошли в пригород Бирск. Тут главными у них над толпою были башкирцы Араслан Рангулов, Буляк Якупов и Аладин Бектуганов»[1]. Аналогичные сведения Шарип Шаркаев дал на допросе по делу Салавата Юлаева в Уфе в октябре 1775 года. Участник событий под Бирском вотяк Москов Якимов набор повстанцев связывал с действиями Салавата Юлаева: «Весною же, не знает в котором месяце, приехал в их деревню башкирец (Феляков) с дватцатью человеками башкирцев и требовал на службу якобы государю Петру Федоровичу в команду к их старшине Салавату Юлаеву»[2].

Под Бирском сводный отряд потерпел еще одно поражение. По показаниям Шарипа Шаркаева, потерпевшие поражение повстанцы бежали в мишарскую деревню Пулеву. Туда подоспела команда от Салавата Юлаева человек 200, затем еще одна команда от Салавата в 300 человек. 4 июня повстанцы возобновили атаку на Бирск. «И как жители усмотрели, что их толпа весьма уже велика, то перебрались все за реку Белую на сю сторону». Воинская команда гарнизона попыталась оказать отпор, но повстанцы, «зажегши дома, тем пригородом овладели и весь выжгли»[3].

После захвата Бирска отряд Араслана Рангулова, Буляка Якупова и Аладина Фелякова присоединился к корпусу Салавата Юлаева и в составе Главного войска участвовал в Казанском походе.

---

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 507. Ч. 4. Л. 550–525 об.

[2] Там же. Л. 552 об.–555.

[3] Там же. Л. 550–525 об.

После поражения Главного войска и ухода Пугачева за Волгу башкирские отряды вернулись домой. Араслан Рангулов, Буляк Якупов и Аладин Феляков до поздней осени действовали под Бирском и в бассейне реки Быстрый Танып. «Верный» башкирский старшина Шарип Кииков в рапорте от 4 сентября 1774 года информировал Уфимскую провинциальную канцелярию, что у реки Танып собрались команды злодейских полковников Абдулзялиля Урускулова, Араслана Рангулова и Абдусаляма Рамзина «с шести сот человек, да еще с ними Елдяцкой крепости казаков и новокрещен с атаманским сыном со ста человек, приехали в деревню Бурай-Чешму, где и ночевали, дожидаясь Байкинской волости воров Буляка Якупова с командою»[1].

Осенью 1774 года обстановка на территории Башкортостана обострилась. Главное войско Пугачева под Царицыном потерпело поражение и перестало существовать. Вождя Крестьянской войны яицкие казаки сдали властям. В то же время край наводнили карательные войска, активизировали свои действия «верные» башкирские и мишарские старшины. Повстанческое движение пошло на убыль. Видимо, распался и сводный отряд Араслана Рангулова, Буляка Якупова и Аладина Фелякова. Араслан Рангулов попал в плен, прошел все круги ада, затем был переведен в Уфимскую тюрьму, где и умер.

Дальнейшие судьбы Буляка Якупова и Аладина Фелякова неизвестны.

Ильчигул Иткулов

Башкир, старшина Кущинской волости Сибирской дороги. В совместной команде Ильчигула Иткулова и Исекая Садырова числилось 246 дворов[2]. Ильчигул Иткулов одним из первых на Сибирской дороге включился в повстанческое движение. Еще до возвращения Салавата Юлаева на Сибирскую дорогу в конце декабря 1773 года Ильчигул Иткулов был осведомлен о событиях в Яицкой степи и под городом Оренбургом. Об этом говорит тот факт, что в его походной канцелярии сохранилась копия манифеста, объявленного Е.И. Пугачевым 25 ноября 1773 года верноподданным «всякого звания и чина».

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 593. Л. 113; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 403.

[2] Там же. С. 285.

Видимо, Ильчигул Иткулов искренне поверил тому, что было изложено в манифесте: чудесному спасению императора Петра III и восстановлению его власти, истинности царя и его обещаний «жаловать всех вольностию отеческой, всемилостивейше прощать все грехи»[1]. Поэтому с первых дней возвращения пугачевского эмиссара Салавата Юлаева на Сибирскую дорогу Ильчигул Иткулов примкнул к нему, стал самым близким и преданным соратником. Башкирский старшина Тюбелясской волости Сибирской дороги, активный участник движения на севере Башкортостана Субхангул Килтяков на допросе в Пермской провинциальной канцелярии 4 февраля 1774 года показывал, что «назад тому недели с три», то есть в середине декабря 1773 года, к нему в Тюбеляскую волость приехал «Шайтанской волости старшина, который в башкирской толпе назывался полковником, Салават Юлаев», с ним волостные старшины Сибирской дороги 8 человек, мишарский старшина Сулейман Кусекеев и черемисский старшина Каникаев, «итого – с десятю человек». Среди башкирских старшин Субхангул Килтяков назвал Ильчигула Иткулова. «При всех сих как с Салаватом, так и с ним Субхангулом и с прочими именуемыми старшинами находилось башкирцов и татар с восемь сот человек»[2].

Следовательно, Ильчигул Иткулов в числе первых из башкирских старшин Сибирской дороги признал Пугачева царем Петром III, был одним из организаторов первоначального повстанческого сводного отряда Салавата Юлаева, стал его близким и надежным соратником. Когда Салават Юлаев во главе отряда по приглашению казаков направился в Красноуфимскую крепость, Ильчигул Иткулов возглавил его авангардную команду. Субхангул Килтяков на допросе показал, что пройдя «к Красноуфимской крепости и, чтоб тутошние казаки в их толпу склонились, послали от себя в тое крепость с некоторым небольшим числом башкирцов старшину Ильчигула Иткулова». О том, что Салават Юлаев послал Ильчигула Иткулова в Красноуфимскую крепость для привлечения казаков и население окрестных селений к присяге «царю», на допросе подтверждали походный старшина Гайнинской волости Осинской дороги Чюря Расулев, пономарь

[1] Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 36–37.

[2] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 90.

приходской церкви крепости Макар Попов (Иванов) и писарь Красноуфимского казачьего войска Михаил Мальцев[1].

Не доехав до Красноуфимской крепости 15 верст, Ильчигул Иткулов со своим отрядом остановился в черемисской деревне Ключики, которую сделал своей временной ставкой. События этих дней подробно изложил на допросе Макар Попов (Иванов). Поэтому материал этого допроса воспроизводим дословно: «В тож самое Крещенье ввечеру есаул Григорий Овчинников с сыном ево харунжим Петром, да казачей писарь Михайла Мальцев, паки были посланы, которые, взяв ис питейного дому вина два ведра к предъявленному старшине Ильчигулу Иткулову с собою отвезли. А по отъезде своем оставшим казакам сказано от них было, чтоб за ними в скором времени везли в злодейскую толпу пушки и порох. То и он, понамарь, видя от них склонность, по отъезде показанных есаула и хорунжего, тож и писаря, тоя ж ночи, вскоре за ними, к показанному Ильчигулу Иткулову в деревню Ключики один собою отъехал. И явясь ему, Иткулову, причем ему, понамарю, от него, Иткулова, объявлено было о появившемся якоб Третьем императоре Петре словесно и утверждал, чтоб быть у него в подданстве, показывать верную ему службу. Почему он к тому и склонился без всякой присяги»[2]. О мобилизации Ильчигулом Иткуловым населения Красноуфимской крепости и окрестных селений на сторону Е.И. Пугачева говорит охранный билет, выданный им 10 января 1774 года мулле Мирсалиму Бикчурину. В нем говорится, что «он учинил покорность милостивому государю нашему Петру Федоровичу»[3].

В результате агитации казаки и население крепости единодушно признали Е.И. Пугачева за императора Петра Федоровича. К Ильчигулу Иткулову в деревню Ключики выехала делегация с подарками. Красноуфимский казак-канонир Яков Пермяков на допросе показал: «...взяв с порохом бочонок, взваля на дровни две трехфунтовые пушки, взяв из красноуфимских казаков в канвой с 15 человек, и отвезли

[1] РГВИА. Ф. 20. Д. 1236. Л. 67; РГАДА. Ф. 6. Д. 439. Л. 32, 138 и об.; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 89–90; Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 207, 425, 426.

[2] РГАДА. Ф. 6. Д. 439. Л. 21; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 95–96.

[3] Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения. С. 86.

к состоящей башкирской толпе от Красноуфимской крепости в 15 верстах в деревню черемисскую, называемую Ключики»[1].

Заслуги Ильчигула Иткулова в вовлечении населения Северного Башкортостана признавал и Е.И. Пугачев. В именном указе есаулу Красноуфимской крепости Матвею Чигвинцеву он писал: «Хотя вы чрез башкирского полковника Ильчагула Иткулова по ево увещеванию по верноподданнической должности, яко настоящия сыны отечеству и рачителей благожелания, как вышеписанная крепость красноуфимская и протчия окрестная жительства обыватели, пришли в повиновение»[2].

Таким образом, к подходу сводного отряда Салавата Юлаева Ильчигул Иткулов за считанные дни сумел привести казаков Красноуфимской крепости и население окрестных деревень к присяге «царю Петру Федоровичу» – Е.И. Пугачеву. Из деревни Ключики он отправил писаря М. Мальцева в деревню Кутуш с докладом Салавату Юлаеву о проведенных мероприятиях. Сам он 9 января вошел в Красноуфимскую крепость для организации встречи сводного отряда. 12 января в Красноуфимскую крепость вступил со своим отрядом Салават Юлаев. М. Попов (Иванов) на допросе говорил: «И как Салават с толпою своей к Красноуфимской крепости подъехали, то тутошный воевода поручик Бахматов с казаками, есаулом Григорьем Овчинниковым с товарыщи, человек, например, тритцети с пушками, при чем и казачье знамя было, от крепости верстах в двух встретили»[3].

За три дня (с 12 по 15 января) Салават Юлаев в Красноуфимской крепости провел масштабную работу по мобилизации казаков и жителей окрестных сел и деревень в повстанческие отряды; обеспечению отрядов оружием, провиантом, лошадьми и фуражом; организации гражданского самоуправления населения: наведению порядка и укреплению дисциплины. Ильчигул Иткулов принимал самое живое участие в этих мероприятиях. Об этом красноречиво говорит тот факт, что в «Увещевании» властям и населению города Кунгура ниже подписи «главного полковника» Салавата

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 439. Л. 36.

[2] Там же. Д. 420. Л. 2; Пугачевщина. Т. l. С. 48.

[3] РГАДА. Ф. 6. Д. 439. Л. 22.

Юлаева поставлен автограф: «Ильчигул Иткулов тамгу свою приложил»[1].

15 января 1774 года Салават Юлаев во главе 4-тысячного войска выехал из Красноуфимской крепости в поход на Кунгур. С собой он взял четыре пушки, до 20 пудов пороха и пушечные ядра, «красноуфимских казаков сто человек оружейных да канониров и со учениками дватцеть человек»[2]. Командирами этого сводного многонационального войска под общим командованием Салавата Юлаева были башкирские старшины Сибирской дороги Ишмень Иткулов, Чюря Расулев, Сулейман Кусекеев, Яуын Чувашаев, Уметей Уразембетов, Алагузя Бакынов, Заиб Зюмагулов, Масей Тавлин, Рахимгул Тумаисов, пугачевские полковники из башкир Бахтияр Канкаев и Субхангул Килтяков, мишар Канзафар Усаев, марийский старшина Байкей Тойкиев. Ильчигул Иткулов в числе командиров был в качестве самого близкого соратника Салавата Юлаева. От командования красноуфимских казаков отряд сопровождал пономарь Макар Попов (Иванов), которго Салават Юлаев назначил атаманом Красноуфимского казачьего войска. Во время похода Макар Попов сильно заболел и его заменил писарь станичной избы, который на допросе подробно изложил события похода и штурма города Кунгура.

19 января 1774 года в Красноуфимско-Кунгурский повстанческий район прибыл бригадир И.С. Кузнецов, направленный И.Н. Зарубиным в качестве «главного атамана азиатских войск». 4-тысячную повстанческую армию «полюбовно» поделили на два отряда: отряд, состоящий из одной тысячи русских казаков и крестьян, Кузнецов забрал себе, 3-тысячный отряд из башкир и представителей других нерусских народов достался Салавату Юлаеву.

23 января в 7 часов утра Салават Юлаев со своим 3-тысячным отрядом начал штурм Кунгура с северной, «нагорной» стороны. Он искусно использовал имеющиеся 10 пушек. Бомбардиры метким огнем выбили 2 единорога осажденных, пробили брешь в крепостной стене. Салаватцы на конях и на лыжах стремительным броском заняли предместье города. Лишь задержка бригадира И.С. Кузнецова, который подошел к городу с южной, «луговой», стороны лишь

[1] РГВИА. Ф. 20. Д. 1235. Л. 261.

[2] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 96.

к 9 часам, спасла город от полного захвата повстанцами. Гарнизон города, убедившись в том, что повстанцы не наступают с «луговой» стороны, все пушки с южных ворот перебросили против отряда Салавата Юлаева. У салаватовцев к тому времени кончился порох, и они вынуждены были прекратить штурм города, отойти к исходным позициям. 24 января Салават Юлаев и Канзафар Усаев организовали еще один приступ к Кунгуру, но успеха не имели.

После неудачного штурма города Кунгура Салават Юлаев, получив пулевое ранение в ногу, уехал домой для лечения. И.С. Кузнецов уехал в Чесноковку к И.Н. Зарубину за помощью. Главным командиром на свое место он назначил малоопытного писаря Красноуфимского казачьего войска М.Е. Мальцева, который по ложным доносам арестовал Канзафара Усаева, заковал его в ручные и ножные колодки и отправил в Чесноковку. Сам запил, законфликтовал с назначенными Салаватом Юлаевым командирами башкирского отряда Субхангулом Килтяковым и Чюрой Расулевым, арестовал их и запер в подвал. При отступлении из Красноуфимска он их оставил в заточении. Соратники Салавата Юлаева попали в плен, после допросов и пыток в Пермской провинциальной канцелярии 17 февраля они были казнены. Таким образом, Красноуфимско-Кунгурский повстанческий центр оказался без главных командиров.

В этих условиях для сохранения боеспособного войска большую роль сыграли опытные башкирские старшины. Достаточно высокое положение в Красноуфимском центре занимал Ильчигул Иткулов. Это хорошо прослеживается в извете Бахтияра Канкаева на Салавата Юлаева от 2 февраля 1774 года. В нем Ильчигул Иткулов обвиняется в самовольных действиях: якобы он освободил арестованных Бахтияром Канкаевым Г. Овчинникова и М. Калашникова. Когда Бахтияр Канкаев «проговаривал им, для чего они тех воров свобождают, за что они отнели у меня указ, а самого меня, взяв под караул и наложив на шею цепь, повели вещать»[1]. О роли Ильчигула Иткулова в Красноуфимско-Кунгурском повстанческом районе в конце января – начале февраля 1774 года почеркивается в документе об отчете перед ним капрала Уразмета и семи рядовых башкир, возвратившихся из-под Кунгура[2].

---

[1] Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 311–312.

[2] РГАДА. Ф. 6. Д. 416. Ч. 4. Л. 153 и об.

Однако слаженного действия повстанческих сил после отъезда главных командиров не получилось. Намеченный на 26 января приступ к городу не состоялся. 30 января 1774 года из Кунгура была совершена вылазка правительственных команд, в результате которой под Ильинским острожком был разбит повстанческий отряд Михаила Мальцева[1].

Воспользовавшись этим моментом, секунд-майор Д.О. Гагрин начал наступление на Красноуфимск. 17 февраля он нанес поражение повстанцам у деревень Иванково и Агафонково. Красноуфимский повстанческий центр оказался под угрозой. В эти критические дни руководители восстания обратились к Салавату Юлаеву. 16 февраля есаул казаков-повстанцев М.Д. Чигвинцев в рапорте Салавату Юлаеву сообщал, что вышедшая из Кунгура «многолюдная армия ж и з большою артиллериею поражением разбила и артиллерию всю без остатка увезли в город Кунгур», и в настоящее время «Кунгурская армия, всего 2500 человек выступила и приближается к городу Красноуфимску с большою артиллериею, коя уже при селе Суксунском, от чего большая опасность здесь стоит». Поэтому М. Чигвинцев с согласия главного полковника Ишменя Иткулова послал казака Трофима Глатких с рапортом к Салавату Юлаеву с просьбой «в самоскорейшем времени» прибыть в Красноуфимск, чтобы возглавить повстанческую армию[2]. Откликнувшись на обращение красноуфимцев, Салават поспешил на помощь повстанцам и возглавил 4-тысячное повстанческое войско в сражении, которое произошло 19 февраля под Красноуфимской крепостью.

Будучи ближайшим соратником Салавата Юлаева и активным участником повстанческого движения на севере Башкортостана, Ильчигул Иткулов принимал самое активное участие во всех этих больших и малых сражениях, приобретал опыт и развивал навыки крупного предводителя повстанческой массы для грядущих самостоятельных действий в качестве одного из вождей башкир. Видимо, после сражения под Красноуфимском 19 февраля Ильчигул Иткулов вместе с другими предводителями Сибирской дороги вернулся домой и начал действовать самостоятельно. Они вели работу по моби-

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 439.Л. 63.

[2] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 94–95.

лизации башкир своих волостей в команды для отправки в Чесноковский лагерь. В их рапорте И.Н. Зарубину в первых числах февраля 1774 года сообщается, что «по мере силы нашей, выслали команду с добрыми лошедми и с оружьями, а именно я Алагуз – 8 человек, Мангуяр Арукаев – 6, Ильчигул Иткулов – 15, Уметей Уразмаметев – 10 человек».

О том, что их отряды продолжали составлять значительные силы на Сибирской дороге и действовали самостоятельно, показывает их отказ явиться лично к И.Н. Зарубину. В данном рапорте говорится: «А хотя повеление ваше было выслать с трех домов по человеку, а токмо несостояние наше оному в том: естли мы выедем все без остатку, то могут неприятели нашего государя Петра Федоровича, ... усиливаясь, чинить домам нашим разорении»[1].

После поражения основных повстанческих сил весной 1774 года наступило кратковременное затишье. Новый пожар Крестьянской войны разгорелся с появлением Е.И. Пугачева в южных волостях Башкортостана. Однако в отличие от первого этапа весной–осенью 1774 года повстанческие районы и центры не создавались. Многие повстанческие отряды действовали самостоятельно. Попытка отдельных предводителей объединить разрозненные отряды и внести в восстание элементы централизации их действий не увенчались успехом. Каждый повстанческий отряд и его предводитель предпочитал действовать по своему плану. Это нередко вызывало трения между ними, что прослеживается и в повстанческой деятельности Ильчигула Иткулова. Особенно четко – в следующем событии.

По утверждению А.И. Андрущенко, после февральско-мартовских поражений Ильчигул Иткулов фактически возглавлял повстанческое движение в Кунгурском уезде[2]. И.Н. Белобородов, потерпевший ряд крупных поражений от карательного корпуса Д.О. Гагрина в районе Шайтанских и Кыштымских заводов, предпринимал усилия для объединения разрозненных повстанческих сил в Красноуфимско-Кунгурском районе. 9 апреля 1774 года он отправил наставление полковнику Бахтияру Канкаеву с требованием ехать в Кунгурский уезд и мобилизовать в повстанческие отряды людей «доброго состояния»

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 102.

[2] *Андрущенко А.И.* Указ. соч. С. 205.

«без малейшего замедления со всем конным прибором и орудием». В тот же день он в своем письме велел башкирскому есаулу Егафару Азбаеву «немало не медля» набрать «башкир прочих» и вести их на Саткинский завод[1]. Одновременно И.Н. Белобородов старался обеспечить повстанческие отряды порохом, недостача которого остро давала знать в условиях ожидаемых походов карательных сил из Кунгура. Это мероприятие должен был организовать Бахтияр Канкаев. Поиск серы и изготовление пороха он поручил пороховых дел мастеру Изге Аюпову. Группа повстанческих командиров и пороховой мастер Изге Аюпов в своем рапорте Бахтияру Канкаеву обстоятельно объясняли невозможность выполнения той задачи, так как поиски серы как основного компонента в производстве пороха не увенчались успехом[2].

Однако Бахтияр Канкаев в своем рапорте И.Н. Белобородову от 17 апреля в срыве изготовления пороха обвинил Ильчигула Иткулова и его соратника Сулеймана Кусекеева. Еще в конце февраля 1774 года он обратился в Военную коллегию с изветом, обвинив Салавата Юлаева, Ильчигула Иткулова и мишарского полковника Сулеймана Кусекеева во взяточничстве и других пороках[3]. Тогда факты обвинения не подтвердились. В извете Бахтияра Канкаева от 17 апреля говорится, что Ильчигул Иткулов отказал помогать Изге Аюпову, проговаривая: «Ежели де победит государыня, то де повеление ево откажется»[4]. Кроме того, Бахтияр Канкаев обвинял Ильчигула Иткулова, что он пьянствует, отказывается делить трофейные лен и смолу с другими командами, не признает выборных старшин, чинит насилие и наказывает повстанцев, не хочет подчиняться Бахтияру Канкаеву. В ответ на этот извет И.Н. Белобородов в своем ордере от 28 апреля 1774 года указал Бахтияру Канкаеву: «А чтоб оной Ильчигул отныне таких поступков не делал, и быть подкомандующим в тех командах старшин, в чьи они во время похода по желанию своему пошли, а насилия не от кого не было»[5]. Однако и в этот раз факты обвинения не подтверждаются. Обвинение в пьянстве и самодурстве

[1] Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 290–291, 439.

[2] Там же. С. 313.

[3] Там же. С. 311–312.

[4] Там же. С. 312.

[5] Там же. С. 293.

опытного и авторитетного башкирского старшины выглядит смешно. Что касается его нежелания признавать выборных старшин повстанческих отрядов, неподчинение указам Бахтияра Канкаева и И.Н. Белобородова, отказ передислоцироваться со своим отрядом по их требованию под Кунгур, к Саткинскому заводу или в другие районы вполне объяснимы. Он был близким соратником Салавата Юлаева и признавал его своим командиром. Будучи полковником, крупным и признанным предводителем башкирских повстанцев, он мог и должен был игнорировать над собой власть Бахтияра Канкаева и других выборных командиров рангами ниже себя. Тщательный анализ всей его повстанческой деятельности показывает, что Ильчигул Иткулов был одним из самых последовательных предводителей восстания, который до глубокой осени продолжал активное и упорное сопротивление карателям.

В целом поведение и действия Ильчигула Иткулова весной 1774 года является объективным проявлением таких характерных для крестьянских войн качеств, как стихийность, неорганизованность и слабая дисциплина. Но эти же качества более выпукло проявляются в действиях И.Н. Белобородова и Бахтияра Канкаева, которые, не разобравшись в конкретной ситуации в регионе, меняли командиров, раздробляли более сплоченные отряды и раздавали по частям другим формирующимся командам.

Крупный специалист по истории Крестьянской войны 1773–1775 годов А.И. Андрущенко, приняв изветы Бахтияра Канкаева за чистую монету, делает скороспелые и неверные выводы. По его утверждению, Ильчигул Иткулов пытался «вести независимую от Белобородова линию», занял «выжидательную позицию». Повстанческие предводители, составившие рапорт об отсутствии сырьевой базы для изготовления пороха, «состоятельные владельцы дач и несомненные единомышленники Ильчигула Иткулова», что поведение «И. Иткулова и других старшин отражало колебания феодальной верхушки нерусских народностей в условиях успешного наступления карательных сил»[1].

В конце мая – в июне 1774 года ареной решающих событий Крестьянской войны стала Исетская провинция. Здесь оказалось

[1] *Андрущенко А.И.* Указ. соч. С.205.

Главное войско Е.И. Пугачева, которое после крупных поражений под Троицкой крепостью и деревней Лягушино вновь восстановилась и стала внушительной силой. На соединение с ним из северных волостей Башкортостана спешил со своим «сибирским корпусом» И.Н. Белобородов. Подоспела 3-тысячная конница Салавата Юлаева. В Челябинске находился карательный корпус генерала И.А. Деколонга. Туда же стремился «для истребления башкирцов» карательный корпус И.И. Михельсона. Саткинский, Каслинский и Кыштымские заводы, бассейн реки Сим стали ареной ожесточенных боев.

Ильчигул Иткулов, сыгравший одну из главных ролей в повстанческом движении на севере Башкортостана, тоже стремился в район Саткинского завода, в район решающих сражений. И.И. Михельсон в рапорте от 27 мая 1774 года командующему правительственных войск генерал-поручику Ф.Ф. Щербатову сообщал, что 26 мая он с Златоустовского завода «выступил к Саткинскому заводу, куда и прибыл сего числа пополудни в четыр часа. Злодеи меня не дождав, как скоро узнали о моем приближении, отселя ушли, ограбя обывателей, к стороне деревни Киги, отселя в семидесяти верстах на Кунгурской дороге. Оных здесь было под предводительством их полковника Анчигула [Ильчигул] пятьсот человек»[1].

1 июня И.И. Михельсон отправил рапорт генералу Ф.Ф. Щербатову, что 31 июня он вступил в сражение со сводным отрядом Салавата Юлаева и старшины Айлинской волости Таиша Ченыкаева на переправе через реку Ай. В рапорте сообщалось, что «старшина Ильчигул равномерно ж имеет в собрании человек до трехсот и думаю, что Салават в них соберется и з сим злодеем соединится»[2].

Видимо, поход Ильчигула Иткулова из Северного Башкортостана в район Саткинского завода был стремительным. Ибо именно в этот день, то есть 1 июня 1774 года, руководители повстанческого движения в Северо-Западном Башкортостане Араслан Рангулов, Буляк Якупов, Аладин Бектуганов и Ярмухамет Кадырметов в письме Бахтияру Канкаеву просили «узнать и о том, прибыл ли или нет старшина Ильчигул»[3]. В это время Ильчигул Иткулов со своим отрядом

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 159–160.

[2] Там же. С. 169.

[3] Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения. С. 129; Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 457.

находился в деревне Киги и ожидал прибытия Главного войска Пугачева. В составе Главного войска Ильчигул Иткулов со своим отрядом прошел боевой путь от деревни Киги до города Казани. Участвовал в сражениях под деревней Верхние Киги (3 июня), во взятии Красноуфимской крепости и пригорода Осы, Ижевского и Воткинского заводов, в штурме и взятии Казани (11 июня), генеральных сражениях Главного войска под Казанью (12,13 и 15 июля).

После сражения под Казанью и перехода Главного войска на правый берег Волги Ильчигул Иткулов вернулся домой. В конце лета–осенью 1774 года многочисленные разрозненные отряды повстанцев в Северном Башкортостане действовали под общим предводительством Салавата Юлаева. В районе Красноуфимской крепости повстанческое движение возглавлял Ильчигул Иткулов. Пермская провинциальная канцелярия в своем рапорте от 18 октября 1774 года командующему карательными войсками генерал-аншефу П.И. Панину писала, что «опасается подошедших из-за Урала айских башкирцев и их старшин, Кущинской волости Ильчигула Иткулова», что Красноуфимской крепости и «Кунгурскому уезду наносится великая опасность»[1].

Тревога захвата крепости Ильчигулом Иткуловым звучит в донесениях и простых жителей региона. Так, 21 октября татарин Мандар Лазарев в письме в Бисертскую заводскую контору сообщал, что за рекой Уфой в деревню Касягулово пришло от Салавата Юлаева «башкир до трехсот человек. Да сверх оных башкирцов, Ягофарко с командою и Ельчигур с командою ж, коих тут в скопе будет до 1000 человек, и еще де в прибавок скоплятца будут»[2]. Из этого сообщения выясняется, что в конце октября Ильчигул Иткулов объединился с соратником И.Н. Белобородова по первому периоду Крестьянской войны, сотником башкирского полка его «сибирского корпуса» Ягафаром Азбаевым. Они концентрировали под своей командой внушительный для того времени повстанческий отряд в 1000 человек.

Ильчигул Иткулов упорно и долго сопротивлялся карательным силам. Начальник Казанской секретной комиссии генерал-майор

[1] РГАДА. Ф. 1274. Д. 179. Л. 139–140.

[2] Там же.

П.С. Потемкин в донесении императрице Екатерине II от 10 ноября 1774 года писал: «ныне известных башкирских бунтовщиков осталось только 6 человек, а именно: Кинзя, Салават, Каранай, Кюркей, Хникей и Ильчигул»[1]. Местные административные власти и полевые командиры пытались воздействовать на Ильчигула Иткулова напрямую и через близких ему людей, чтобы он прекратил сопротивляться и принес повинную. Пермская губернская канцелярия в своем доношении от 18 октября генералу П.И. Панину сообщала, что они посылали к Ильчигулу старшину служилых марийцев его волости Каникая Яшпохтина просить «ево Ильчигула с товарищи, о своих винах к раскаянию дозволения»[2].

В исторической литературе широко известно обращение исполняющего обязанности воеводы Красноуфимской крепости, отставного вахмистра Якова Савинова к Ильчигулу Иткулову с предложением прекратить сопротивление. В ответном письме Савинову от 11 октября Ильчигул Иткулов утверждал, что Е.И. Пугачев – истинный царь Петр Федорович: «А подлинно де оной – государь Петр Федорович, а не Пугачев, у кого де ноздри не рваны, клеймов нет и кнутом не бит, потому что мы его сами видели, и с ним обще служили». Ильчигул Иткулов категорически отказался идти с повинной: «А ты, Яков Савинов, к склонению нас за Уфу реку с командою не ходи. А когда пойдешь и команда к нам для того прибудет, то будем с вами противиться и драться. Мы к вам не пойдем и склониться не хочем, потому что присягу за Петра Федоровича приняли»[3].

Поздней осенью 1774 года повстанческое движение в Башкортостане было подавлено. Оставались небольшие отряды наиболее преданных борьбе предводителей. Продолжали сопротивляться Базаргул Юнаев, Юламан Кушаев, Сара Абдуллин в Исетской провинции; Каранай Муратов, Каскын Самаров, Кутлугильде Абдрахманов и Селяусин Кильдин на юге Башкортостана. В пределах Сибирской дороги продолжали борьбу Салават Юлаев, его соратники Ильчигул Иткулов и Якуп Тляумбетев.

---

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 2. Л. 183; Пугачевщина. Т. II. С. 450.

[2] Там же. Ф. 1274. Д. 179. Л. 140;

[3] Там же. 141, 142; Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения. С. 196–198; Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 239–242; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 239–240.

Однако дальнейшее сопротивление было бессмысленным и невозможным. Предводители восставших башкир попадали в плен или явились с повинной. Вынужден был явиться к властям и Ильчигул Иткулов. 12 ноября 1774 года генерал П.С. Потемкин сообщил П.И. Панину: «Сейчас получил я просительное письмо от самого того башкирца, которой прежде писал, что он нейдет с повинною и напоминал о публикованных в Оренбурге манифестах, якобы злодей был заклеймен и ноздри рваны. Сей Ильчигул и товарищ Каникай просят помилования и желают явиться с чистым раскаянием»[1].

Но пока власти только ждали его явки. Содержание рапорта П.С. Потемкина подтверждает, что инициатива внушения Ильчигула Иткулова через Якова Савинова и Яныкая Яшпохтина шла от воинских властей. Однако им приходилось ждать целый месяц, чтобы Ильчигул Иткулов «созрел» для явки с повинной. Когда и к кому Ильчигул Иткулов явился с повинной, в документах не говорится. С.У. Таймасов пишет, что он глубокой осенью явился к майору Д.О. Гагрину[2]. 20 ноября 1774 года начальник Казанской секретной комиссии П.С. Потемкин в письме И.А. Рейнсдорпу писал: «скоро также будет Салават с отцом, Ильчигул и прочие»[3]. Следовательно, к тому времени он был в руках карателей. 28 ноября генерал П.С. Потемкин распорядился «... всех башкирцов, приезжающих с повиновением, принимать по примеру того, как я доныне принимал их, давая им от комиссии охранительные листы, освобождать, исключая из общаго числа главнейших бунтовщиков, как напрмер, Кинзю, 2-х Салаватов, Ильчигула, Канкая и проч [их], коих злодейства были известны по дошедшим делам в секретную комиссию»[4]. Их из Секретной комиссии должны были отослать генерал-аншефу П.И. Панину. 5 декабря в письме к П.И. Панину генерал П.С. Потемкин сообщал: «Исполняя высочайшую Ея величества волю, дал я наставление Комиссии препроводить из числа их семь человек: Караная, который уже в руках, Ильчигула, двух Салаватов, Каникая, Юркея и главного злодея Кинзю, ибо на их персоны точно есть многия показания

---

[1] РГБ ОР. Ф. 222. Д. 7. Л. 221 об.; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 262.

[2] *Таймасов С.У.* Указ. соч. С. 226.

[3] РГАДА. Ф. 6. Д. 489. Л. 200 и об.

[4] РГАДА. Ф. 6. Д. 507. Ч. III. Л. 24 и об; Д. 489. Л. 200 и об.

злодейства в Казанской комиссии, и потому оставил я их для объяснения...Впрочем, исполняя сие, повелел я их привести в Москву, дабы они были свидетелями казни самозванца, а потом представлю их на решение вашего сиятельства»[1].

Однако и по этому документу неясно, находился ли Ильчигул Иткулов в это время в Казанской секретной комиссии. В рапортах П.С. Потемкина среди перечисленных башкирских предводителей называются Кинзя [Арсланов] и Каникай [Бахтияр Канкаев], которых власти так и не смогли найти и арестовать.

Согласно документам, Ильчигула Иткулова вместе с Салаватом Юлаевым, Юлаем Азналиным и Якупом Тляумбетевым доставили в Казанскую секретную комиссию 5 февраля 1775 года[2]. В реестре колодников Комиссии Ильчигул Иткулов зарегистрирован в тот же день, 5 февраля 1775 года. В этот же день в тюрьме оказался и Слават Юлаев. Его вместе с соратниками Ракаем и Абдрашитом Галеевыми, Юртумом Адылевым и Зайнашем Сулеймановым в первых числах февраля доставили Казанскому губернатору П.С. Мещерскому, оттуда 5 февраля перевели в Казанскую секретную комиссию. Таким образом, Салават Юлаев и его ближайший соратник Ильчигул Иткулов в Казань были доставлены в разное время и в разных группах, но в Секретной комиссии они оказались в один и тот же день: 5 февраля 1775 года.

Ильчигул Иткулов в материалах Казанской секретной комиссии много раз упоминается в реестре колодников. Он по «Определению» правительства от 27 марта 1775 года был освобожден от наказания. Дальнейшая судьба Ильчигула Иткулова неизвестна. В материалах последней четверти XVIII века он нигде не упоминается.

С.У. Таймасов пишет: «По материалам VIII ревизии 1834 года в деревне Кызылбаево проживали братья Зайнибашир (умер в 1819 году), Аспандияр (44 года), Аспаган (42 года) и Мухаметша (36 лет) Ильчигуловы». Вероятно, они были сыновьями Ильчигула Иткулова[3].

---

[1] РГБ ОР. Ф. 222. Д. 7. Л. 292 и об.

[2] РГАДА. Ф. 6. Д. 507. 4.2. Л. 121.

[3] *Таймасов С.У.* Указ. соч. С. 552.

Кунакбай Джумаев

Походный старшина деревни Сарыс-баш Сибирской дороги Кунгурского уезда. Полковник повстанческой армии. Он одним из первых в Северном Башкортстане поднялся на восстание. Жители деревни Ираздюба Сибирской дороги Кунгурского уезда 3 января 1774 года «собравшись и стар и млад, определили: Кунакбая Джумаева сына из деревни Сарыс-Баши той же Сибирской дороги – на должность полкового старшины»[1].

В приговоре повстанческих командиров от 8 января 1773 года о казни коменданта Ачитской крепости капитана Б.В. Воинова Кунакбай Джумаев подписался: «Сибирской дороги Кунгурского уезда полковой старшина деревни Сарыс-Баш я, Кунакбай Джумаев сын, вместо подписи тамгу свою приложил»[2]. В протоколе показаний крестьян Кунгурского уезда от 9 января 1773 года о пропаже лошадей и взыскании денег указано: «Дали бы указ по велению великого императора Петра Федоровича в присутствии полкового командира, старшины Кунакбая Джумаева сына»[3].

В сохранившихся источниках Кунакбая Джумаева не называют «полковником». Чин «полкового командира» для казачьего войска был равнозначен чину «полковника».

Полковник Кунакбай Джумаев во главе повстанческого отряда, скомплектованного из «башкирских казаков» окрестных деревень, отправился под Кунгур для соединения с войском Батыркая Иткинина. В приказе полковника Маулида Аитова перед Кунакбаем Джумаевым ставится целый ряд конкретных задач: нести воинскую службу Петру Федоровичу, покорять [непокорившихся], брать у населения подводы по необходимости, выдавать «покорившимся рабам» милосердные билеты, а «у непокорившихся рабов насильно изымать имущество», «вешать и резать подобных злодеев-обывателей».

Судя по сохранившимся документам, Кунакбай Джумаев успешно выполнил все поставленные задачи. Он соединился с войском Батыркая Иткинина и Канзафара Усаева под Кунгуром, занимался набором людей в повстанческий отряд, сбором лошадей и фуража,

---

[1] Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения. С. 77–78.

[2] Там же. С. 83.

[3] Там же. С. 84–85.

принимал активное участие в восстании в Северном Башкортостане в декабре 1773 – начале января 1774 года. Вместе с Канзафаром Усаевым и Мавлютом Аитовым участвовал в штурме и захвате Ачитской крепости и в казни ее коменданта капитана Б.В. Воинова. Положение Кунакбая Джумаева в повстанческом движении в Северном Башкортостане зимой 1773–1774 годов подтверждается в приговоре от 8 января 1774 года о казни коменданта Ачитской крепости капитана Б.В. Воинова. В конце приговора после подписи «полкового командира» Канзафара Усаева следует: «Сибирской дороги Кунгурского уезда полковой старшина деревни Сарыс-Баши я, Кунакбай Джумаев сын, вместо подписи тамгу свою приложил»[1]. Следует подчеркнуть, что Канзафару Усаеву чин полковника в декабре 1773 года в Бердском лагере присвоил сам «государь Петр Федорович» – Е.И. Пугачев.

Следов участия Кунакбая Джумаева в штурме Кунгура в составе войска Салавата Юлаева в источниках не имеется. В списке колодников Казанской секретной комиссии его имя также не обнаружено. Видимо, из-под Кунгура он вместе с Батыркаем Иткининым вернулся домой и отошел от движения.

Дальнейшая судьба неизвестна.

Мавлют Аитов

Башкир деревни Чумакаево Сунларской волости Сибирской дороги. В восстание был вовлечен Канзафаром Усаевым. В первых числах января 1774 года вместе с Канзафаром Усаевым и Кунакбаем Джумаевым он участвовал в штурме и захвате Ачитской крепости. 8 января они совместно подписали приговор о смертной казни коменданту крепости капитану Воинову и привели приговор к исполнению. В конце приговора имеется подпись: «Приложена подпись полкового командира Сибирской дороги Уфимского уезда старшины муллы Маулида Аидова сына»[2]. К тому времени он имел свой отряд. 11 января Мавлют Аитов у жителей деревни Бреховой Кунгурского уезда получил расписку о бесплатном снабжении его отряда продовольствием[3].

[1] Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения. С. 83.

[2] Там же.

[3] Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 203.

С прибытием Салавата Юлаева в Красноуфимскую крепость Мавлют Аитов вместе с татарским полковником Мамлешом присоединился к его войску.

Участвовал в походе на Кунгур. 23 января во время штурма отряд Мавлюта Аитова в составе войска Салавата Юлаева нападал с северной стороны города. Об участии Мавлюта Аитова в восстании летом-осенью 1774 года сведений нет.

Об участии Мавлюта Аитова в восстании после поражения главных повстанческих сил весной 1774 года в источниках на отражается. Зимой 1774 года он оказался в Казанской секретной комиссии. На допросах Мавлют Аитов давал сдержанные сообщения о своей жизни до Крестьянской войны. Он старался умалять свою роль в повстанческом движении в Северном Башкортостане. Он говорил, что в начале декабря 1774 года в их деревню пришла «злодейская» толпа башкир и мишарей человек 400 во главе с татарином деревни Уранской волости Уфимского уезда Мамлешем. Они забрали в повстанческий отряд с восьми дворов деревни четырех человек, в том числе и его, Мавлюта. Мамлеш дал ему 50 человек и назвал его «полковником»[1]. После они все поехали под Кунгур к Салавату Юлаеву, у которого было до 4-х тысяч башкир. В составе его войска Мавлют участвовал во всех сражениях в районе Красноуфимска – Кунгура, в том числе и в штурме Кунгура 23 января 1774 года.

По показаниям Мавлюта Аитова, Салават Юлаев оставил свое войско в 5 верстах от Кунгура с решением на следующий день [24 января] повторить штурм города. Мавлют Аитов с тремя башкирами ночью накануне штурма бежал из повстанческого лагеря и у «верного» мишарского старшины Султан-Мурата Янышева взял билет[2].

Дальнейшая судьба Мавлюта Аитова неизвестна.

Миндияр Аркаев, Медет Миндияров

Миндияр Аркаев. Башкир деревни Козяково Дуванской волости Сибирской дороги. Старшина (104 двора). Впервые в источниках упоминается 21 февраля 1737 года. В тот день старшины Дуванской волости Сибирской дороги Уразай, Козяш, Миндияр, Шумаш и их

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 507. Ч. 5. Л. 335.

[2] Там же. Л. 335–336 об.

сотники дали в Берг-коллегию «Сказку» о количестве тюб и волостей башкир Сибирской дороги[1].

Миндияр Аркаев верой и правдой служил царской власти. Участвовал в подавлении башкирских восстаний 1735–1740 и 1755–1756 годов[2]. Трудно объяснить, как такой преданный царским властям престарелый старшина Миндияр Аркаев примкнул к восстанию. 28 декабря 1773 года И.Н. Зарубин обратился к башкирским старшинам-повстанцам Сибирской дороги с требованием, «чтоб в самой крайней скорости и поспешением для противустояния против строющих в Уфе злодейства выслать вам, вычтя тех, от коих посланы в Сибирскую сторону, да находятся в Оренбурге и протчих местах, достальных затем годных и достойных храбрых людей с трех дворов по одному человеку со оружьями и по одной добрыми лошедьми и, сколько взять можно, съестными запасами»[3]. В феврале 1774 года старшины-повстанцы Сибирской дороги отправили рапорт И.Н. Зарубину, что они выполнили «повеление» атамана «по мере силы». Они выслали «команду с добрыми лошедми и с оружьями, а имянно я, Алакуз – 8 человек, Мангуяр Арукаев – 6, Ильчигул Иткулов – 15, Умумтей Уразмабетев – 10 человек». Старшины не смогли «выслать с трех домов по человеку», что они объясняли: «естли мы выедем все без остатку, то могут неприятели государя нашего Петра Федоровича, находящиеся в городе Кунгуре, в Екатеринбурге и в городе Красноярску [Красноуфимск], дав друг другу известие и усиливаясь, чинить домам наши разорение». Весьма ценный конец рапорта. Старшины обратились к И.Н. Зарубину: «Да при том просим вас для сопротивления государевых неприятелей пушку, без коей у нас недостанет»[4].

Судя по списку старшин, которые были активными участниками восстания и к которым обратился И.Н. Зарубин, и по тону обращения к признанному предводителю И.Н. Зарубину, Миндияр Аркаев к тому времени был вовлечен в повстанческое движение. Р.В. Овчинников пишет, что перечисленные в рапорте стар-

[1] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. С. 500.

[2] Там же. Ч. 1. С. 318–319, 388, 489, 493.

[3] Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 127.

[4] Крестьянская война 1773–1775 годов на территории Башкирии. С. 102.

шины были активными участниками повстанческой борьбы в Прикамье и Башкирии[1]. В «Ведомости» Уфимской провинциальной канцелярии от 1 ноября 1774 года отмечено: «Сии Сибирской дороги старшины с командами их и поныне находятся в злодействе, ис которых в провинцию с повиновением, окромя нижепоказанного ясашного старшины Алексея Бекметева, никого еще не явилось» и «по сие время нет и никто из них сюда [с повинной] не является»[2].

О непосредственном участии Миндияра Аркаева в восстании в источниках не отражается. Однако составители сборника «Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии» утверждают, что Миндияр Аркаев был активным участником восстания[3].

Миндияр Аркаев следственным допросам и наказанию не подвергался. Он оставался старшиной волости. В «Ведомости» Уфимской провинциальной канцелярии, составленной 16 февраля 1775 года, он вместе с Алагузой Бакыновым являлся старшиной Дуванской волости Сибирской дороги[4]. Однако должность старшины сохранил недолго. Еще в 1769 году в Уфимской провинциальной канцелярии о нем писали: «стар и к службе неспособен». В заемной записи от 16 марта 1776 года отмечено: «Уфимского уезду, Сибирской дороги, Дуванской волости, команды бывшаго старшины Миндияра Аркаева, деревни Козяковой башкирец Буранча Даутов»[5].

Медет Миндияров. Башкир деревни Медятово Дуванской волости Сибирской дороги. Сын старшины Миндияра Аркаева. К восстанию примкнул весной 1774 года, действовал в районе Красноуфимской крепости. Весной 1774 года повстанческие отряды, действовавшие в Северном Башкортостане, испытывали острую нужду в порохе. И.Н. Белобородов отправил приказ пороховому мастеру Изге Аюпову с требованием изготовить порох из серы. 17 апреля 1774 года в ответном рапорте И.Н. Белобородову башкирские полковники сообщали об отсутствии серы и невозможности изготовления

[1] Крестьянская война 1773–1775 годов на территории Башкирии. С. 354–355, 365; Документы Стваки Е.И. Пугачева. С. 386, 4288.

[2] Крестьянская война 1773–1775 годов на территории Башкирии. С. 257.

[3] Там же. С. 355, 365.

[4] Там же. С. 285.

[5] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. V. С. 35.

пороха. Документ подтвердили семь человек своими тамгами, в том числе имеется текст: «Полковник Мидят Мендияров в той же силе тамгу свою приложил»[1].

Таким образом, весной Медет Миндияров имел чин полковника. Кто и когда присвоил ему такой высокий чин, трудно определить. Но летом 1774 года он вновь получил чин полковника из рук самого «государя Петра Федоровича» – Е.И. Пугачева. Р.В. Овчинников утверждает, что Медет Миндияров по смерти отца Миндияра Аркаева «по наследственному праву вступил на пост волостного старшины и в том звании 5 июня 1774 года явился с прочими башкирскими старшинами в стан Пугачева, за что он и был пожалован чином полковника»[2]. Автор прав только в том, что среди 10 башкирских старшин, которым Е.И. Пугачев присвоил высокий чин полковника, был и Медет Миндияров. Однако вышеприведенный источник подтверждает, что он примкнул к восстанию значительно раньше и был полковником в одном из отрядов Салавата Юлаева. Следовательно, чин полковника он получил не только за то, что с другими башкирскими старшинами явился в стан Пугачева.

Когда Е.И. Пугачев со своим Главным войском продвигался по Исетской провинции в направлении к городу Кунгуру, повстанческие отряды Северного Башкортостана по требованию Салавата Юлаева набирали новые команды для пополнения Главного войска. Медет Миндияров со своим отрядом влился в корпус Салавата Юлаева. В составе его конницы он сражался с карательным корпусом И.И. Михельсона. 5 июня 1774 года в числе десяти башкирских старшин, оказавших Е.И. Пугачеву помощь в возрождении Главного войска, ему был присвоен чин полковника[3].

Любопытен факт, что из именных указов Е.И. Пугачева от 5 июня 1774 года о присвоении башкирским старшинам чина полковника, сохранился лишь указ о присвоении чина полковника Медету Миндиярову. Доумент уникальный, поэтому предлагаем читателю его полный текст: «Божьею милостию, мы Петр Третий, император и самодержец Всероссийский, и прочая, и прочая. Известно и ведомо да

[1] Пугачевщина. Т. I. С. 97; Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 313.

[2] Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 115.

[3] Вопросы истории. 1973. № 8. С. 106.

будет каждому, что Дуванской волости Медет Мендияров служил старшиною, а тысяча семьсот семдесят четвертаго года июня пятого за оказанную ево к службе ревность и прилежность полковником пожалован. Того ради мы сим жалуем и учреждаем, повелевая всем нашим верноподданным, оного Мендиярова нашим полковником надлежащим образом признавать и почитать. Напротив чего и мы надеемся, что он в том ему всемилостивейше пожалованном чине так верно и прилежно поступать будет, как то верному и доброму рабу надлежит. Во свидетельство того мы собственною рукою подписали и государственную нашею печатью укрепить соизволили.

Дня июня 5 дня 1774 года.

Петр»[1].

Обычно Е.И. Пугачев присваивал чин полковника тем старшинам, которые приводили в Главное войско или сформировали повстанческий отряд для самостоятельных действий численностью воинов 500 человек и более. Именной указ Медету Миндиярову оригинален и в этом отношении. Ему чин полковника «государь» присвоил «за оказанную ево к службе ревность и прилежность». Следовательно, что высокий чин полковника Медет Миндияров мог получить только по представлению вышестоящего командира. А прямым вышестоящим командиром Медета Миндиярова был Салават Юлаев.

Данный указ имеет огромное значение для реконструкции аналогичных утраченных указов. По нему можно установить стереотипную структуру именных указов о награждении отличившихся, «патентов на чин». В этом же аспекте особую ценность имеет приложенная к указу «государственная печать»[2].

Богата и интересна судьба самого указа. Во второй половине XIX века кто-то из потомков Медета Миндиярова передал его чиновнику Оренбургского казачьего войска П.В. Чернову, служившему в канцелярии башкирско-мещерякского войска. После смерти Чернова указ вместе с бумагами его архива поступил в Оренбургскую ученую архивную комиссию, оттуда в советское время был передан в Оренбургский краеведческий музей. В первый том «Пугачевщины»

---

[1] Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 43.

[2] *Овчинников Р.В.* Манифесты и указы Е.И. Пугачева. С. 114–115, 147, 224, 257.

он не попал. Впервые был опубликован в 1918 году в статье Н.И. Модестова «Пугачевская жалованная грамота на чин полковника». В 1966 году его опубликовал Е.А. Попов в статье «Указ Емельяна Пугачева». Обе публикации имели значительное число ошибок в комментариях. В последний раз указ был опубликован с высококвалифицированными комментариями в сборниках «Документы Ставки Е.И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений» и «Крестьянская война 1773–17745 гг. на территории Башкирии» и в монографии Р.В. Овчинникова «Манифесты и указы Е.И. Пугачева».

Дальнейшая судьба Медета Миндиярова неизвестна. Можно предположить, что он в составе конницы Салавата Юлаева участвовал в ее сражениях с карательными войсками под Кунгуром и пригородом Осой, вместе с Главным войском Пугачева дошел до Казани. Возможно он погиб в одном из этих сражений. Но все это только предположения. Автору данного очерка не удалось найти ни одного документа о его повстанческой деятельности после присвоения ему чина полковника. Его имя не встречается и среди колодников Казанской секретной комиссии. Следовательно, он в плен не попал, его не отправили в Секретную комиссию.

Трудно согласиться и с утверждением Р.В. Овчинникова о том, что Медет Миндияров после смерти отца занял пост волостного старшины. В 1776 году Мендияр Аркаев был еще жив, в документе значится «бывший старшина» Дуванской волости[1]. Имя Медета Миндиярова в качестве старшины в документах последней четверти XVIII века не встречается.

Салей Кутумаков

Башкир Сунларской волости Сибирской дороги. Полковник повстанческой армии. О Салее Кутумакове сохранились всего два документа, которые бесспорно определяют, что он из башкир и полковник повстанческой армии. В рапорте Араслана Рангулова Бахтияру Канкаеву в июне 1774 года о патрулировании Атарской и Бардашской дорог говорится: «А ныне команду отправили, перепоручив полковнику Салею Кутумакову[2].

---

[1] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. V. С. 35–36.

[2] Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 322; Воззвании я и переписка вожаков Пугачевского движения. С. 140.

В докладе повстанца Якима Илитбаева о поисках пропавших вещей и скота старшины Зайнаша сообщается: «У Сагида Якупова сына из команды полковника Салея Кутумакова сына Байкиевой волости найдены следующие пропавшие вещи старшины Зайнаша…». В народе Сунларскую волость иногда называли Байкиевой волостью.

Таким образом, можно констатировать, что полковник повстанческой армии Салей Кутумаков – башкир Сунларской волости Сибирской дороги. Действовал в тесном контакте с полковниками Бахтияром Канкаевым и Арасланом Рангуловым в Северо-Западном Башкортостане.

Дальнейшая судьба неизвестна.

Субхангул Кильтяков

Башкир деревни Сюрюкаево (Салаватский район РБ), старшина Тюбелясской волости Сибирской дороги. Под его командой числился 91 двор. Полковник, соратник Салавата Юлаева. Единственным источником для изучения биографии и повстанческой деятельности Субхангула Кильтякова является сохранившийся текст его допроса, проведенного 4 февраля 1774 года в Пермской провинциальной канцелярии. Мы излагаем повстанческую деятельность Субхангула Кильтякова по данному источнику[1].

Субхангул Кильтяков говорил, что ему «от роду…54 года». Был юртовым старшиной: «Назад тому лет с восемь [1765] выбран он был в старшины Оренбургской губернской канцелярией», указ получил в Уфимской провинциальной канцелярии.

По сообщению самого Субхангула Кильтякова, он был вовлечен в восстание Салаватом Юлаевым, который вместе со старшиной Сартской волости Уметеем Ураембетовым «назад тому недели с три» приехали в Тюбелясскую волость и объявили указ «от имени Третьего императора Петра Федоровича». Субхангул Кильтяков с командой своей волости в 91 двор «склонился Петру Федоровичу». Вместе с башкирскими старшинами Тырнаклинской волости Яуном Чувашаевым, Кущинской волости Ильчигулом Иткуловым, Сартской волости Уметеем Ураембетовым, Дуванской волости Алагузой Бакыновым, Трухменской волости Масаем Тавлиным, Мурзаларской волости

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 89–93.

Рахмангулом Тумаисовым, мишарским старшиной Сулейманом Кусекеевым, марийским старшиной Дуванской волости Каникаем Яшпохтиным под командой Салавата Юлаева сформировали сводный повстанческий отряд в 800 человек, который по приглашению казаков-повстанцев 12 января 1774 года вступил в Красноуфимскую крепость.

Далее Субхангул Кильтяков подробно излагает о своем участии в повстанческом движении. Материалы допросной речи значительно уточняют события и повстанческую деятельность Канзафара Усаева, Салавата Юлаева и его войска в начальный период его пребывания в районе Красноуфимской крепости и города Кунгура. По показаниям Субхангула Кильтякова, в Кунгурском уезде «в разных руских и татарских жительствах вольность объявляема была прежде их приезду» мишарским полковником Канзафаром Усаевым. Им же были захвачены монастырское село Вознесенское и Ачитская крепость. После Канзафара Усаева башкирские старшины Субхангул Кильтяков и «бывший с ним в обществе Гайнинской волости походный старшина Серюй Расулев проездом в обывательских многих разных жительствах, … а напоследок и в монастырском Вознесенском селе чинили крестьянству разные пожиткам их грабежи».

Канзафар Усаев по названным населенным пунктам прошел в первых числах января 1774 года. Субхангул Кильтяков и Сюрей Расулев в составе войска Салавата Юлаева прибыли в Красноуфимскую крепость 12 января. Вероятно, означенный поход по близлежащим к Красноуфимской крепости русским и татарским «жительствам» они совершали по указанию Салавата Юлаева между 12 и 15 января до похода повстанческого войска на Кунгур для мобилизации населения в повстанческий отряд.

Субхангул Кильтяков со своим отрядом в составе войска Салавата Юлаева участвовал во всех событиях зимы 1773–1774 годов в Красноуфимской крепости, осаде и штурмах города Кунгура. В своих показаниях он дает подробное описание маршрута войска Салавата Юлаева из Красноуфимской крепости на Кунгур: «села Златоустовское, Ключи тож, Введенское, Суксун тож, Суксунский завод, Ильинский острожек, Орда тож». Очень интересно следующее сообщение Субхангула Кильтякова: «При приступе ж к городу Кунгуру от полковника Салавата приказано было всем: егде город Кунгур в плен взят будет, тоб, войдя во оной, никого не рубить, а отрепортовать к Петру Третьему императору, ожидать будет о том указу». Замеча-

тельный факт высокой дисциплины и гуманности башкирского батыра.

Субхангул Кильтяков на допросе перед властями Кунгурского уезда не полностью раскрывался о своей повстанческой деятельности. В частности, он скрывал, что к восстанию он примкнул до приезда на Сибирскую дорогу Салавата Юлаева и принимал активное участие в событиях декабря 1773 года. Со своим отрядом в 25 человек он в составе войска бригадира повстанческой армии И.С. Кузнецова участвовал в установлении органов местного самоуправления на Златоустовском и Саткинском заводах, в сборе и отправке в Бердский центр денег, пушек, пороха, оружия и боеприпасов. Вероятно, он был близким соратником пугачевского эмиссара полковника И.Н. Грязнова, направленного в Исетскую провинцию. Салават Юлаев на допросе в Тайной экспедиции Сената 25 февраля 1775 года сообщал, что чин полковника Субханкул Кильтяков получил от Грязнова за формирование повстанческого отряда на Сибирской дороге[1].

После неудачного штурма города Кунгура раненый в ногу Салават Юлаев уехал домой на излечение. Командирами своей конницы он оставил Серюя Расулева и Субхангула Кильтякова. Но после отъезда главных предводителей в Красноуфимско-Кунгурском повстанческом районе ослабла связь между отдельными отрядами и их командирами. 30 января в сражении под городом Кунгуром часть повстанческого войска, которую возглавлял М.Е. Мальцев, потерпела поражение от карательного корпуса. Башкирская конница не была предупреждена, поэтому не смогла принять участие в сражении. Мальцев обвинил Серюя Расулева и Субхангула Кильтякова в неподчинении. На допросе рассказал об этом так: «А ево, Субхангула с походным старшиною Серюй Расуловым, приехавши в стречю им в деревне Брехове от графа, называемого Ивана Чернышева графской писарь Иван Иванов, взяв их, и отвёз на Суксунский Демидова завод, посадя под караул к мирскому старосте»[2]. При отступлении повстанческие командиры «забыли» их освободить. Субханкул Кильтяков и Сюрей Расулев оказались в руках карателей, занявших Суксунский завод. Их перевезли в город Кунгур, в провинциальной канцелярии

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 301.

[2] Там же. С. 92.

подвергли допросам. По приговору провинциальной канцелярии 17 февраля они были казнены: их повесили во дворе провинциальной канцелярии[1].

Сулейман Иткустин

Башкир Балыкчинской волости Сибирской дороги. Полковник повстанческой армии. О повстанческой деятельности башкирского полковника Крестьянской войны 1773–1775 годов Сулеймана Иткустина говорится в единственном документе.

25 апреля 1774 года командир карательного корпуса подполковник И.И. Михельсон в рапорте генерал-поручику Ф.Ф. Щербатову, временно назначенному командующим карательными войсками по подавлению Пугачевского восстания, сообщал, что деташамент майора С.Тютчева из его корпуса в полверсте от черемисской деревни Типаряшевой, недалеко от пригорода Бирска, 22 апреля был атакован отрядом из «башкир и разных иноверцов из Балачинской волости» числом более одной тысячи человек. Предводителем отряда был полковник Сулейман Иткустин. Башкиры первыми бросились в атаку. Но хорошо вооруженной команде удалось опрокинуть отряд Сулеймана Иткустина. В бою погибло более 200 повстанцев, в том числе сам полковник Сулейман Иткустин. 36 воинов его отряда попали в плен. Каратели потеряли 11 солдат и 16 боевых коней[2].

Составители сборника документов «Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии» подвергают сомнению тот факт, что тысячный отряд возглавлял Сулейман Иткустин, что «в данном случае неверно указана фамилия мишарского старшины-повстанца Сулеймана Кусекеева»[3]. Однако эти сомнения не имеют основания.

Во-первых, сам И.И. Михельсон, который в составлении документов отличался немецкой педантичностью, предводителя повстанческого отряда называет Сулейманом Иткустиным.

Во-вторых, мишарский повстанческий полковник Сулейман Кусекеев был соратником Салавата Юлаева, в данное время находился в его корпусе в Северном Башкортостане.

---

[1] РГВИА. Ф. 20. Д. 1236. Л. 67; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 360.

[2] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 134.

[3] Там же. С. 373.

В-третьих, предводитель повстанческого отряда Сулейман Иткустин 22 апреля в бою с командой С.Тютчева погиб. Мишарский полковник Сулейман Кусекеев вместе с Салаватом Юлаевым продолжал борьбу до поздней осени, сам явился в Казанскую секретную комссию, откуда был освобожден 27 марта 1775 года.

Следовательно, предводителем повстанческого отряда, принявшего 22 апреля 1774 года бой с деташаментом майора Тютчева, был башкирский полковник Сулейман Иткустин.

Тышкан Дербышев

Башкир Салжиутской волости Сибирской дороги Исетской провинции. Полковник повстанческой армии. Рудознатец. В «Прошении» известного рудознатца Салея Бускунова в Берг-коллегию от 14 октября 1762 года о взыскании с заводовладельца А.Ф. Турчанинова денег за насильно увезенную на его заводы руду, заготовленную для заводов Г.А. Демидова, отмечено: «Бьют челом ведомства Исецкой правинци, Сибирской дороги, Салзауцкой волости, команды старшины Ракая Исенеева поверенные сотники Салей Бускунов, Умюк Бинлибаев, редовой Тышкан Дербышев»[1].

Когда Тышкан Дербышев включился в повстанческое движение, где и в каких событиях участвовал, в документах сведений не сохранилось. О его повстанческой деятельности сохранился единственный документ. 19 марта 1774 года целовальник соляной продажи Каменского казенного железоделательного завода А. Лотохин в своем рапорте в Екатеринбургское комиссариатство сообщал, что 6 февраля 1774 года в Каменский казенный завод въехал «воровской шайки» полковник Тышкан Дербышев. Повстанцы «кругом завода и по всем дорогам учредили караулы»[2].

На следующий день полковник Тышкан Дербышев приказал отпускать «безденежно соли». Было роздано соли «по весу башкирам триста пять пуд, багарятским крестьянам, а называемым казаками, семьдесят четыре пуда, каменским мастеровым сорок четыре пуда дватцать фунтов, каменскому управителю Василью Дягилеву пять пуд, багаряцкому священнику Иосифу Богомолову два пуда, для

[1] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV. Ч. 1. С. 301.

[2] Крестьянская война 1773–1775 годов в России. Документы из собрания Государственного исторического музея. М.: Наука, 1973. С. 80–83.

отвозу в Долматов монастырь к атаману Пестереву дватцать пуд, а всего безденежно отпущено четыреста пятьдесят пуд дватцать фунтов»[1].

После этого Тышкан Дербышев отобрал у целовальника ключи от магазина и запечатал своими печатями, забрал заводскую казну и соляные сборы в сумме 412 рублей 92 копейки. Подканцеляриста Филиппа Понамарева назначил атаманом и приказал продавать соль «по дватцать копеек пуд». После этого выехал с завода. Через несколько дней конфискованные Тышканом Дербишывым деньги в сумме 412 рублей 92 копейки были возвращены через атамана Багаряцкой слободы Максимова и розданы мастеровым людям завода[2].

Как видно из данного документа, полковник Тышкан Дербышев действовал решительно и четко, никаких нарушений и отклонений от установок Ставки не допускал. Чувствуется его опыт общения с населением горных заводов, это в лишний раз подтверждает, что Тышкан Дербышев в предвоенные годы занимался рудоискательством и рудодобычей.

Дальнейшая судьба башкирского полковника повстанческой армии Тышкана Дербышева неизвестна.

Ульмаскул Абдуллин

Башкир деревни Кызылбаево Дуванской волости Сибирской дороги (деревня Больше-Кызылбаево Мечетлинского района РБ). О нем сохранилось очень мало документов, по которым тем не менее можно заключить, что он односельчанин Ильчигула и Ишменя Иткуловых, примкнул к восстанию в конце декабря 1773 или начале января 1774 года. В составе войска Салавата Юлаева участвовал во всех событиях в районе Красноуфимской крепости, в осаде и штурмах города Кунгура. Когда главные командиры Красноуфимско-Кунгурского повстанческого района бригадир И.С. Кузнецов, полковники Салават Юлаев и Канзафар Усаев после неудачных штурмов Кунгура 23 и 24 января разъехались, функции главного командира всех повстанческих сил региона возложил на себя башкирский главный полковник Ишмень Иткулов. Ульмаскул Абдуллин стал его помощником.

[1] Крестьянская война 1773–1775 годов в России. Документы из собрания Государственного исторического музея. С. 81.

[2] Там же. С. 82.

На допросе в Казанской секретной комиссии атаман красноуфимских казаков Михайло Мальцев, который в январе–феврале 1774 года действовал в тесном контакте с Ишменем Иткуловым и Ульмаскулом Абдуллиным, сообщал, что после отъезда И.С. Кузнецова предводителями повстанческой армии в Красноуфимской крепости были башкирские полковники Ишмень Иткулов и Ульмаскул Абдуллин[1]. Атаман красноуфимских казаков Матвей Чигвинцев так же говорил на допросах, что красноуфимскими казаками командовали полковники Ишмень Иткулов и Ульмаскул Абдуллин[2].

Ульмаскул Абдуллин принимал самое живое участие в защите Красноуфимской крепости как центра повстанческого движения от наступающих из Кунгура карательных сил под командованием опытных армейских офицеров майора Д.О. Гагрина и подполковника А.В. Папава. В рапорте есаула красноуфимских казаков-повстанцев М.Д. Чигвинцева Салавату Юлаеву от 16 февраля 1774 года говорится, что он получил письменное распоряжение от полковника Ишменя Иткулова и его помощника Ульмаскула Абдуллина. В их отряде было «не более тысячи человек», отряд имел 10 пушек, «но только пороху очень мало». Против них из Кунгура вышла карательная экспедиция числом 2500 человек «с большою артиллериею»[3]. В такой сложнейшей ситуации самым постоянным и надежным соратником Ишменя Иткулова оставался Ульмаскул Абдуллин. Во всех документах, сохранившихся в их походной канцелярии, подпись Ишменя Иткулова сопровождается подписью его «товарища», то есть заместителя, Ульмаскула Абдуллина.

После гибели Ишменя Иткулова в бою под Красноуфимской крепостью 19 февраля 1774 года имя Ульмаскула Абдуллина в последующих событиях не встречается. В Казанскую секретную комиссию Ульмаскул Абдуллин вместе с Уметеем Уразембетевым и Сулейманом Кусекеевым был прислан секунд-майором Нарвского пехотного полка Д.О. Гагриным[4].

---

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 507. Ч. 4. Л. 90 об.

[2] Там же. Л. 93 об.

[3] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 95.

[4] РГАДА. Ф. 6. Д. 507. Ч. 5. Л. 28.

Уметей Уразембетев

Башкир деревни Уметеевой Сартской волости Сибирской дороги (ныне деревня Абдрашитово Дуванского района РБ). Старшина, 187 дворов. Полковник повстанческой армии. Опытный предводитель. С 1763 года выезжал на службу на Оренбургскую пограничную линию. Участвовал в Польском походе Русской армии для подавления восстания польских конфедератов: командовал 2-й партией 3-тысячного башкирского копруса. 19 декабря 1771 года во главе конницы в 325 воинов из 5 башкирских волостей Сибирской и 2 волостей Казанской дорог выступил из Уфы. В апреле–мае 1772 года участвовал в боевых операциях русской экспедиционной армии, нес гарнизонную службу в Польше и Литве. Из похода в Башкортостан вернулся в марте 1773 года с партией в 289 человек (в боях и походах потерял 36 воинов).

К восстанию примкнул в декабре 1773 года. И.Н. Зарубин указом от 28 декабря 1773 года старшинам башкирских волостей Сибирской дороги требовал «в самый крайней скорости и поспешением для противоустояния против строющих в городе Уфе злодейства выслать вам…годных и достойных храбрых людей с трех домов по одному человеку со оружьями и по одной добрыми лошадьми, и, сколько взять можно, съестными запасами»[1]. В феврале 1774 года старшины рапортовали И.Н. Зарубину, что «по мере силы…выслали команду с добрыми лошадьми и с оружьями»[2]. Среди адресатов И.Н. Зарубина и рапортовавших ему башкирских старшин Сибирской дороги был и Уметей Уразембетев, который отправил из своей команды в Чесноковский повстанческий лагерь 10 конных и вооруженных воинов.

Уметей Уразембетев одним из первых на Сибирской дороге присоединился к Салавату Юлаеву. Соратник Салавата Юлаева, пугачевский полковник Субхангул Кильтяков на допросе в Пермской провинциальной канцелярии показывал, что к нему в Тюбелясскую волость приехали полковники Салават и Уметей «в шестидесяти человек». Таким образом, Уметей Уразембетев был одним из первых соратников Салавата Юлаева[3]. В составе войска Салавата Юлаева 12 января

[1] Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 127.

[2] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 241.

[3] Там же. С. 89.

1774 года он вступил в Красноуфимскую крепость. Уметей Уразембетев участвовал в осаде города Кунгура и его штурмах 23 и 24 января.

После событий в Красноуфимской крепости и под городом Кунгуром Уметей Уразембетев вернулся домой и продолжал борьбу на территории Сибирской дороги. Весной 1774 года в составе войска Салавата Юлаева участвовал в сражениях 6 и 8 мая 1774 года около Симского завода. 28 мая совместно с отрядом Юлая Азналина сражался с карательной командой. 31 мая его отряд участвовал в сражении с корпусом И.И. Михельсона около Айской пристани. В составе войска Салавата Юлаева отряд Уметея Уразембетева присоединился к Главному войску Е.И. Пугачева и участвовал в боях 3 июня около деревни Верхние Киги и 5 июня около деревни Уразметево Тырнаклинской волости. Возможно, Уметей со своим отрядом участвовал в штурмах и взятии пригорода Осы.

Когда Пугачев со своим Главным войском ушел под Казань, Уметей Уразембетев продолжал борьбу с карательными командами в пределах Сибирской дороги. Приказчик Симского завода А. Исаев в рапотре в Уфимскую провинциальную канцелярию от 23 мая сообщил, что в деревне Тюбаляс Уметей Урезембетев собрал команду «числом до пятисот человек»[1]. В сентябре–октябре 1774 года совместно с Юлаем Азналиным Уметей осаждал Катав-Ивановский завод. Когда он под Катав-Ивановским заводом присоединился к Юлаю Азналину, у него в отряде было около одной тысячи конных воинов.

Уметей Уразембетев до поздней осени продолжал сопротивляться карательным силам. По данным Уфимской провинциальной канцелярии, в ноябре он еще числился среди старшин, которые «с командами их и поныне» не пришли в повиновение властям. В сражении с карательным корпусом подполковника И.К. Рылеева 20 ноября 1774 года Уметей Уразембетев потерпел поражение и отступил с большими потерями.

Опытный военный предводитель, видимо, убедился в бесперспективности дальнейшего сопротивления властям и прекратил борьбу. Осенью 1774 года секунд-майор Нарвского пехотного полка Д.О. Гагрин Уметея Уразембетева вместе с Сулейманом Кусекеевым и Ульмаскулом Абдуллиным отправил в Казанскую секретную

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 382.

комиссию[1]. В комиссию они были доставлены 23 декабря 1743 года. В числе 8 человек, присланных Д.О. Гагриным, Уметей Уразембетев жил в городе на квартирах[2].

Уметей Уразембетев был освобожден без наказания, сохранил за собой должность старшины. Летом 1775 года переводчик Уфимской провинциальной канцелярии Ф. Третьяков ездил по башкирским селениям Уфимского уезда и собирал у башкир-повстанцев материалы по делу Салавата Юлаева и Юлая Азналина. Среди подвергнутых допросу оказался и Уметей Уразембетев[3].

В последний раз Уметей Уразембетев упоминается в документах 1780 года. Башкиры Кущинской и Сартской волостей Сибирской дороги команд старшин Исекая Садырова и Уметея Уразембетева оформили купчую от 12 декабря 1780 года на продажу вотчинных земель по реке Зюргязы воеводе Пермской провинции А.Ф. Голубцову[4].

Дальнейшая судьба Уметея Уразымбетева неизвестна.

Ягафар Аязбаев

Башкир Кунгурского уезда Сибирской дороги. О Ягафаре Азбаеве сохранилось очень мало источников. Много разночтений его имени и фамилии. Зимой 1773–1774 годов Ягафар Аязбаев возглавлял одну из трех команд 3-тысячного «сибирского» корпуса И.Н. Белобородова. В «Наставлении» И.Н. Белобородова от 31 января 1774 года Ягафар Аязбаев отмечается сотником, в «Наставлении» от 9 апреля того же года – есаулом «башкирской команды». Таким образом, И.Н. Белобородов сообщает о невысоком воинском чине своего соратника. Однако нужно подчеркнуть, что 3-тысячный «сибирский» корпус Белобородова состоял из трех команд: «русская команда» Семена Варенцова, «марийская команда» Оски Оскина и «башкирская команда» Ягафара Аязбаева. Вероятно, в «башкирской команде» Ягафара Аязбаева было не менее одной тысячи воинов. Хотя официальный чин командира «башкирской команды» был невысокий, но занимаемая роль вполне соответствовала чину полковника. Командир «русской ко-

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 507. Ч. 5. Л. 28 об.

[2] Там же. Ч. 1. Л. 125.

[3] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 326.

[4] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. V. С. 120–121.

манды» Семен Варенцов (повстанец-долгожитель Д.Е. Верхоланцев) был полковником повстанческой армии. Верхоланцев в своих воспоминаниях Алзафара (Аязбаева) признавал как близкого помощника И.Н. Белобородова, ревностного сторонника Е.И. Пугачева[1]. Следовательно, Ягафар Аязбаев занимал должность и чин полковника.

Ягафар Аязбаев в составе корпуса Белобородова участвовал во всех крупных сражениях в пределах Екатеринбургского горнозаводского ведомства, делил с его командиром все громкие победы. Вместе с И.Н. Белобородовым в составе Главного войска участвовал в захвате Осы, Ижевского и Воткинского заводов П.И. Шувалова, совершил поход на Казань, участвовал в штурме Казани и сражениях с корпусом И.И. Михельсона 12 и 15 июля на Арском поле под Казанью. 19 июля под Казанью его командир И.Н. Белобородов попал в плен.

Из-под Казани после поражения Главного войска Ягафар Аязбаев вернулся в Башкортостан и примкнул к Салавату Юлаеву. Осенью 1774 года совместно с Салаватом Юлаевым и Ильчигулом Иткуловым они действовали в районе Краснуфимской крепости, готовили поход на Ачитскую крепость, чтобы «захватить там пушки и идти на Бисертскую и Кленовскую крепости и Бисертский завод, чтобы впредь от Екатеринбурга командам стоять было негде»[2].

Ягафар Аязбаев в плен не попал, под следствием не находился. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Якуп Тляумбетев

Башкир деревни Яуново Мурзаларской волости Сибирской дороги (ныне Кигинский район РБ). Мулла. Повстанческий полковник. Документов о повстанческой деятельности Якупа Тляумбетева сохранилось очень мало. О своем участии в Крестьянской войне 1773–1775 годов Якуп Тляумбетев рассказал на допросе в Казанской секретной комиссии. 6 апреля 1775 года он дал показания по делу Салавата Юлаева. Согласно его показаниям, Салават Юлаев в декабре 1773 или январе 1774 года мобилизовал башкир их волости в повстанческий отряд. В мобилизацию попал и Якуп Тляумбетев.

---

[1] *Таймасов С.У.* Указ. соч. С. 240.

[2] Крестьянская война в России. Т. III. С. 144.

Вместе с Салаватом Юлаевым он участвовал в занятии Красноуфимской крепости и походах на Кунгур. Когда раненый в ногу Салават Юлаев уехал для лечения домой, «бывшие с ним разъехались». Вернулся к себе домой и Якуп Тляумбетев. Зимой 1774 года он находился дома.

Весной 1774 года Якуп Тляумбетев вновь оказался в отряде Салавата Юлаева и оставался его верным соратником. Якуп Тляумбетев 23 мая 1774 года участвовал в сражении конницы Савлавата Юлаева на реке Ай с карательным копусом И.И. Михельсона, 23 мая в захвате Симского завода. После этого Салават Юлаев присвоил ему чин походного старшины, выделил 150 воинов и отправил «для приклонения к злодею Кудеевской волости башкирцев»[1].

Якуп Тляумбетев успешно выполнил приказ Салавата Юлаева и продолжал самостоятельно действовать со своим отрядом. Летом 1774 года он участвовал во всех сражениях конницы Салавата и Главного войска Е.И. Пугачева. 5 июня под деревней Киги по представлению Салавата Юлаева «государь» присвоил ему чин полковника повстанческой армии[2].

Якуп Тляумбетев продолжал сопротивление карательным войскам и после поимки Салавата Юлаева. Генерал-майор Ф.Ю. Фрейман 9 декабря 1774 года в рапорте генерал-аншефу П.И. Панину писал: «обращающими у поиску в тамошней окружности командами пойман совместник Салаваткин, бывший в злодейской толпе названный полковником мулла Якуб»[3]. Таким образом, из башкирских полковников Якуп Тляумбетев самым последним сложил оружие.

Пути национального вождя башкирского народа и его преданного соратника вновь сошлись 5 февраля 1775 года. В тот день Салавата Юлаева, Юлая Азналина, Якупа Тляумбетева, Ракая и Абдрашита Галеевых, Юртыма Адылева, Зайняша Сулейманова, Ильчигула Иткулова и Каскына Самарова доставили в Казанскую секретную комиссию[4]. В Секретной комиссии от этой группы отделили Салавата

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии.С. 312.

[2] Салават Юлаев. Энциклопедия. С. 419–420.

[3] РГАДА. Ф. 6. Ф. 1274. Д. 1274. Л. 752; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии.С. 413.

[4] Там же. С. 313, 315.

Юлаева и Юлая Азналина, а остальных семерых предводителей в тот же день, то есть 5 февраля посадили в ножные колодки[1]. В реестре колодников о Якупе Тляумбетеве указано: «был в злодейской толпе полковником»[2]. Позже из этой группы изъяли Каскына Самарова. Якупа Тляумбетева вместе с остальными башкирскими предводителями этой группы Указом императрицы от 27 марта 1775 года освободили без наказания.

Дальнейшая судьба неизвестна.

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 507. Ч. 2. Л. 121.

[2] Там же. Ч. 5. Л. 175 об.–176.

Глава 6. Башкирские предводители Казанской дороги

Бакый Абдулов

Фигура, вызывающая споры у исследователей. С.У. Таймасов считает его крепостным крестьянином Осипа Тевкелева, пугачевским полковником. Ленинградские авторы отождествляют его с Абдеем Абдуловым. А.И. Андрущенко, не вдаваясь в вопросы происхождения Бакыя Абдулова, называет его повстанческим старшиной, действовавшим в январе 1774 года вместе с Юскеем Кудашевым в районе Ижевского завода. Историк-краевед Амир Фатыхов отождствляет его с муллой из Кунгурского уезда, депутатом Уложенной комиссии Бакаем Абдуловым. Разделяются мнения и у составителей сборников материалов о Крестьянской войне 1773–1775 годов. В сборнике документов из собрания Государственного исторического музея говорится, что Бакый Абдулов – башкирский старшина. По утверждению составителей сборника «Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье» Бакый Абдулов был крестьянином Уфимского уезда, сотником повстанцев[1]. Наиболее достоверным представляется утверждение составителей сборника «Документы Ставки Е.И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений», ответственным редактором которого является крупнейший исследователь и знаток истории Крестьянской войны 1773–1775 годов Р.В. Овчинников: Бакый Абдулов – башкир Уфимского уезда, сотник повстанцев. Но в комментариях к документу № 22 Р.В. Овчинников пишет, что манифест Пугачева, объявленный во всенародное известие от 1 декабря 1773 года, с татарского на русский диалект был переведен сотником Юскеем Кудашевым, который «служил у Бакея Абдулова, пугачевского полковника»[2].

Следовательно, можно констатировать, что среди крупных предводителей Крестьянской войны 1773–1775 годов был башкир Уфимского

[1] *Таймасов С.У.* Указ соч. С.328; Крестьянская война в России. Т. II. С.; *Андрущенко А.И.* Указ. соч. С. 238, 264; *Фатыхов А.* Указ. соч. С. 102; Крестьянская война 1773–1775 годов в России. Документы из собрания Государственного исторического музея. С. 367; Воззвания и переписка вожаков Пугачвского движения. С. 431.

[2] Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 380, 464.

уезда, пугачевский полковник Бакый Абдулов. Он в декабре 1773 года совместно с командирами повстанческих отрядов Юскеем Кудашевым, Валитом Ягафаровым, Юлдашем Маскеевым, Абзаимом Ибраимовым, Адилом Чикаевым действовал в районе дворцового села Сарапул, Ижевского и Варзино-Алексеевского заводов. Эти отряды составляли северо-западный фланг армии Караная Муратова, возглавлявшего Мензелинский повстанческий район.

Дальнейшая судьба Бакыя Абдулова неизвестна.

Ишкара Арсланов

Башкир деревни Устюба (Буздякский район РБ), тархан. Повстанческий полковник[1]. Старшина Кыпсакской волости Казанской дороги. В команде было 87 дворов[2]. 6 июля 1760 года башкиры Казанской дороги продали вотчинные земли бассейна реки Чуртанлы вдове подполковника, помещице И.А. Апраксиной. Среди поверенных от мирских сходов был Ишкара Арсланов[3].

Вероятно, Ишкара Арсланов вместе с другими старшинами башкирских волостей Ногайской и Казанской дорог был вовлечен в повстанческое движение Каранаем Муратовым при его продвижении из-под Уфы в Западный Башкоротостан. По подтвержденным архивными источниками фактам зимой 1773–1774 годов Ишкара Арсланов в составе войска Караная Муратова принимал активное участие в событиях в районе города Мензелинска, Бакалинской и Нагайбакской крепостей. В декабре 1773 года объединенная группа повстанческого войска в этом районе состояла из отрядов Бузана Смакова, Тойгузы Мамыкова, Кидраса Муллакаева, Каипа Зиямбетева, Ишкары Арсланова и других башкирских полковников. Ишкара Арсланов и Каип Зиямбетев вместе с И.И. Ульяновым и Каранаем Муратовым штурмом овладели Бакалинской крепостью. 17 февраля 1774 года повстанец Сейдяк в письме старшине Байлярской волости Казанской дороги Масею Хасанову сообщал: «…в Бакалы приехала армия: старшина Каип и старшина Ишкара да главным камандиром

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 431. Л. 42.

[2] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 178.

[3] Материалы по истории Башкирской АССР.Т.IV. Ч. 1. С. 191–192.

графской брат з двумя тысячи человек и с семью пушками и одной бонбою»[1].

Весной 1774 года, в условиях усиления конфликта в Мензелинском повстанческом районе, внесенного В.И. Торновым, Ишкара Арсланов вместе с Кидрасом Муллакаевым и Каипом Зиямбетевым отошел от движения. В рапорте генерал-аншефу А.И. Бибикову от 10 апреля 1774 года сообщается, что башкирские старшины тархан Кыдрас, Каип, тархан Ишкара, старшина Максют «с товарыщи ево» 9 апреля после нескольких сражений арестовали повстанческого атамана Василия Торнова. В письме довольно убедительно объясняются причины такого резкого разрыва в командном составе повстанческого района. В.И. Торнов, направленный повстанческой Военной коллегией в Нагайбакскую крепость с неограниченными полномочиями, «погубил многих невинных людей повешением и порублением, а иных замучил побоем до смерти и, посылая они подобных себе воров, во всех жительствах богатых людей ограбили, а в наших деревнях верноподданых ея императорскаго величества и находящихся в повиновении указам с истинным сердцом крайно изобижали и привели в разорение»[2].

Реальные события произошли следующим образом. По утверждению В.И. Торнова, «К Пугачеву дошла жалоба на башкирцов, што они многих разоряют…». Повстанческая Военная коллегия направила В.И. Торнова с наставлением, «чтоб быть ему в Нагайбакской крепости командиром и, собрав поблизости оной крепости из жительства команду, не допускать башкирцов до раззорения жителей». В.И. Торнов приехал в Нагайбак 17 декабря 1773 года в сопровождении четырех нагайбакских казаков. Своей ставкой он выбрал Нагайбакскую крепость, находился в ней неотлучно всю зиму, личного участия в боевых действиях не принимал. Но развернул масштабную переписку с командирами Мензелинского повстанческого района, представляя себя главным командиром, тем самым наносил огромный вред восстанию в Западном Башкортостане. Весной 1774 года новый командующий правительственными войсками по подавлению Крестьянской войны генерал-аншеф А.И. Бибиков организовал

[1] Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 117.

[2] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 127–128.

фронтальное наступление карательных сил. Первыми удар на себя приняли повстанческие отряды Мензелинского повстанческого района. Разгорелись жаркие бои под Мензелинском, Заинском, Елабугой, Бакалинской и Нагайбакской крепостями. Под натиском превосходящих правительственных сил повстанцы отступали в глубь Башкоротостана. В середине марта командиры повстанческих сил Каранай Муратов, Кидрас Муллакаев, Каип Зиямбетев, Ишкара Арсланов и В.И. Торнов собрались в деревне Кидряч, родной деревне Кидраса Муллакаева для обсуждения обстановки и поиска путей решения сложных задач. Решено было продолжать борьбу, для чего требовалась дальнейшая мобилизация населения в повстанческие отряды. В первых числах апреля они вновь собрались в деревне Бишкуразова с целью организовать общее наступление на Бакалинскую крепость. Однако В.И. Торнов и его люди повели себя грубо. Они зарубили ничем невинных братьев Юлбарса, Кутлубулата и Памантара Юртбагишевых, повстанческого полковника Аренкула Асеева, стали многих избивать. Разумеется, такое поведение В.И. Торнова не могло оставить башкирских полковников равнодушными. 9 апреля Кидрас Муллакаев и его соратники напали на его команду, В.И. Торнова и 25 воинов его команды захватили в плен, отвезли в Бугульму и сдали правительственным командам.

После этих событий Ишкара Арсланов отошел от восстания, вернулся домой. 26 мая Кидрас Муллакаев сообщил в Уфимскую провинциальную канцелярию с просьбой защиты, ибо «выехавшие из Бакалинской крепости уланы, ездя по деревням, убивают безвинных людей, грабят их имения, забрали в плен старшину Ишкару Арсланова»[1]. В рапорте генерал-поручику Ф.Ф. Щербатову от 1 июня 1774 года Кидрас Муллакаев и Ишкара Арсланов уверяли вновь назначенного командующего правительственными войсками Ф.Ф. Щербакова, что старшины Ногайской дороги, «получа от вашего высокопревосходительства указ, обрадовались и, тотчас нарядя команды свои для поиску злодеев, на службу ея императорскому величеству отправили»[2]. Однако участие Ишкары Арсланова

[1] *Таймасов С.У.* Указ. соч. С. 218.

[2] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 127–128.

в карательных операциях «верных» башкирских и мишарских старшин летом–осенью 1774 года в источниках не упоминается.

Осенью 1774 года Ишкара Арсланов явился в Казанскую секретную комиссию. Начальник комиссии генерал П.С. Потемкин отправил его к генералу П.И. Панину. Был освобожден без наказаний. Сохранил должность старшины.

Кузмет Ишменев

Башкир деревни Маткауш-Баш Казанской дороги (Мензелинский район РТ). Полковник. Составители сборника «Документы Ставки Е.И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений» ошибочно называют его служилым татарином Казанского уезда. Ленинградские авторы фундаментальной трехтомной монографии по истории Крестьянской войны Кузмета Ишменева называют башкирским полковником повстанческой армии[1].

В восстание был вовлечен Каранаем Муратовым. Один из командиров группы повстанческих отрядов, осаждавших Елабугу. 22 января около деревни Танайка под Елабугой потерпел поражение в сражении против карательной команды премьер-майора С.В. Неклюдова. После этого сражения отступил к Мензелинску и со своим отрядом влился в повстанческое войско Караная Муратова.

Дальнейшая судьба неизвестна.

Миней Султуков

Башкир деревни Сабаево Канлинской волости Казанской дороги (Буздякский район РБ). Старшина, 169 дворов. Полковник повстанческой армии[2].

Вероятно, в восстание был вовлечен Каранаем Муратовым во время его похода в Западный Башкортостан. Зимой 1773–1774 годов действовал в пределах Сарапульской дворцовой волости, совместно с атаманом Петром Вязовым сражался против сарапульских крестьян, перешедших на сторону правительства. На допросе в Казанской секретной комиссии крестьянин-повстанец дворцового села Березовка Сарапульского уезда Максим Лихачев сообщал: «В 20 верстах

[1] Крестьянская война в России. Т. II. С. 391.

[2] РГАДА. Ф. 6. Д. 426. Ч. 1. Л. 82.

от их села в черемисской деревне была злодейская толпа, куда он и поехал от имени мира, просил билет у их предводителя башкирца Минея»[1].

В марте 1774 года они вместе с Ярмухаметом Кадерметевым и Ишкиней Уразовым во главе сводного отряда в 800 человек под Камбарским заводом сражались против карательного корпуса полковника А.Ф.Обернибесова и потерпели поражение. Карателей поддерживали сарапульские дворцовые крестьяне, которые сообщали властям о месте нахождения повстанческого отряда, принимали участие в боевых действиях против повстанцев. Весной 1774 года после поражения основных повстанческих сил Миней Султуков одним из первых на Казанской дороге поднимал жителей своей волости на борьбу, пытался объединять повстанческе силы Казанской и Ногайской дорог. Мищарский мулла Башир Рахмангулов в начале мая 1774 года доносил в Уфимскую провинциальную канцелярию, что Миней Султуков «ездил по Деме реке на Ногайскую дорогу для разведывания…И оттоль через десять дней возвратяєь в дом, сказывал, что все Ногайской же дороги башкирцы согласие имеют присовокупитца к государственному злодею Пугачеву…А затем де оной старшина Миней сына своего Ишкула посылает в разные жительства для возмущения к тому злодейству и уездных жителей»[2]. Весной 1774 года Миней Султуков повесил регистратора горного начальства Павла Стоинского, который находился «во услужении» дворян Тевкелевых, когда тот после снятия осады Уфы выехал за хлебом в имение Тевкелевых в деревню Климово[3].

Миней Султуков был арестован и 5 мая доставлен в Уфу, где подвергался допросам. 26 сентября в числе 12 арестантов, среди которых были пугачевские полковники С.П. Толкачев и Мясогут Гумеров, был отправлен в Казань в Секретную комиссию. В двух реестрах комиссии Миней Султуков отмечен «полковник»[4]. Освобожден без наказания. Сохранил должность волостного старшины. В записи башкир Казанской и Ногайской дорог о припуске татар и мишарей

---

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 507. Ч. 4. Л. 114–115 об.

[2] Там же. Д. 592. Л. 223 и об.; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 375.

[3] *Таймасов С.У.* Указ. соч. С. 213.

[4] РГАДА. Ф. 6. Д. 426. Ч. 1. Л. 82; Д. 507. Ч. 3. Л. 143 об.

разных уездов для поселения на земли по реке Карагалке, составленной 3 октября 1777 года, среди башкирских старшин называется старшина Канлинской волости Миней Султуков[1].

У Минея Султукова был взрослый сын Ишкул, который летом 1774 года помогал отцу агитировать башкир Ногайской дороги объединиться для нового восстания. К следствию не подвергался.

Минлигул Кутлумаметов

Башкир Киргизской волости, мулла. Полковник повстанческой армии[2]. О нем единственный раз упоминается в показании повстанца, отставного писаря морского флота И.В. Князева в Казанской секретной комиссии. По его сообщению, он в январе 1774 года в селе Федотово под пригородом Заинском попал в повстанческий отряд. Его привезли в деревню Бикбау в ставку Караная Муратова, который отправил его в Нагайбакскую крепость к атаману В.И. Торнову. Тот передал его в команду полковника Минлигула Кутлумаметова. Минлигул использовал Князева для разведки карательных команд, позже поручил отвезти в Берду для Главного войска казенную соль. Но в это время полковник Ю.Б. Бибиков захватил Нагайбакскую крепость. Минлигул Кутлумаметов вместе с отрядом Ильи Ульянова атаковал Нагайбакскую крепость. Сводный отряд под командой И.И. Ульянова, в составе которого был и отряд Минлигула Кутлумаметова, сделал «… к Ногайбаку с одной стороны приступ, а з другой стороны атаман Торнов, башкирские старшины Кидрас и полковник Каип, и тогда оная крепость и была взята»[3].

После взятия Нагайбакской крепости В.И. Торнов остался там, а Минлигул Кутлумаметов приехал в деревню Азмеево и распустил свой отряд, а сам вместе с Князевым поехал по деревням собирать соль и провиант для отправки в Берду. Они остановились в деревне Стерлитамак под Бакалинской крепостью, где располагалась ставка Торнова[4].

На этом месте повествование Князева о Минлигуле Кутлумаметове прерывается. Князева к себе забрал В.И. Торнов. Далее Князев

---

[1] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. V. С. 60.

[2] РГАДА. Ф. 6. Д. 507. Ч. 3. Л. 229.

[3] Там же. Л. 229.

[4] РГАДА. Ф. 6. Д. 507. Ч. 5. Л. 523 об.-524.

рассказывает о поездке В.И. Торнова по башкирским и татарским селениям, на Усень-Ивановский и Троицкий заводы Осокиных для набора нового отряда, чтобы отбить от карателей Бакалинскую крепость. Своей ставкой В.И. Торнов использовал деревню Бишкуразово. Но «вдруг наехали человек з двести башкирцев, при коих были предводителями выше упоминаемые старшины Кидрас и полковники Максют, Каип и Ишкара». Они разгромили команду Торнова, а его самого взяли в плен и сдали местным царским властям.

Минлигул Кутлумаметов в плен не попал, под следствием не находился. В последний раз упоминается в купчей башкир команды старшин Кадыргула Баисланова и Елдаша Миксеева Киргизской волости Казанской дороги от 23 марта 1782 года уфимскому генерал-губернатору И.В. Якоби на землю по реке Ик. В числе поверенных от мирских людей Киргизской волости был мулла Минлигул Кутлумаметов[1].

Муксин Мадияров

Башкир деревни Мясогутово Урман-Гарейской волости Казанской дороги. Пугачевский полковник. К восстанию примкнул в декабре 1773 года. Ему было 62 года. На допросе в Казанской секретной комиссии Муксин сообщал, что в декабре 1773 года в их деревню приехал башкир деревни Юмакаевой Ногайской дороги Абдей Абдулов с 300 башкирами, требовал набрать на государственную службу по одному человеку с каждых двух дворов, читал указ, грозил. Собрали 40 казаков с ружьями, саблями, луками и стрелами. Нарядили и его. Абдей назначил полковником башкира деревни Тавовой Карабая Ашменева, Муксина – его помощником «с тем, чтобы в случае болезни Карабая полковником стать ему».

На следующий день вновь набранный «полк» восставших башкир пошел на Шермяитский завод С. Яковлева. По пути продолжали набирать людей в свой полк. Шермяитский завод взяли штурмом и разорили, конфисковали заводскую казну и деньги отправили Батыркаю Иткинину. Пригород Осу взяли «без никакого сопротивления, поэтому не грабили». Затем взяли деревню Барму, где соединились «с толпой кунгурских татар». Последнее место боя, где участвовал Муксин

[1] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. V. С. 132–133.

Мадияров, Юговский медеплавильный завод Осокина, который взяли боем и разорили.

Муксин Мадияров утверждает, что с Юговского завода он вернулся домой, взяв билет у Абдея Абдулова. Во взятии села Неволиной и деревни Басиной, в штурме Кунгура не участвовал. До ноября 1774 года жил дома, откуда его взял под караул Рахмангул Иртуганов и доставил подполковнику А.В. Папаву, который сделал первый допрос. При допросе Рахмангул Иртуганов был переводчиком. Тогда Муксин Мадияров признал свое участие в восстании. Поэтому А.В. Папав отправил его в Казанскую секретную комиссию.

В показаниях об отходе от восстания очевидно его стремление умалять свою роль в повстанческом движении. В «Донесении» походного старшины Осинской дороги Рахмангула Иртуганова генерал-аншефу П.И. Панину от 14 декабя 1774 года сообщается, что он 13 октября того года с карательной партией «в двухстах двадцати пяти башкирцев обще с походным старшиной Биктяшем Шарыповым», разъезжая «в левую сторону вверх реки Танып», поймал бывших в злодейской толпе начальников, а именно: старшину Аделя Ашменева, сотника Мукаша Сютеева, полковника Ивана Каштанова, старшину Салима Зювара Иликева, полковника Муксина Мадиярова, писаря Сотлагана Иманаева, есаула Умера Юсупова, рядовых Абдусаляма Адилева, Абея Бектуганова, да Кунгурского уезда есашного татарина Акбая Кинзибаева»[1]. Из этого документа очевидно, что Муксин Мадияров с декабря 1773 года до ноября 1774 года не находился дома, а продолжал участвовать в народной борьбе.

В Казанскую секретную комиссию Муксин Мадияров доставлен вместе с Адылем Ашменевым, Ябаном Куштановым, Мукашем Сютеевым, Ярмухаметом Казырметовым, Салим-Зюфаром Илишевым и Адигутом Тимясевым 27 ноября 1774 года[2]. На допросах Муксин отрицал участие в штурме Кунгура, отказывался от своих показаний, данных на допросе в полевом штабе подполковника А.В. Папава, объяснял это тем, что у Папава переводчиком был Иртуганов, который «мог не так перевести его слова». Однако на полях допроса слева имеется приписка следователя: «В присылке показано, что он

[1] РГАДА. Ф. 1274. Д. 179. Л. 731; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 269.;

[2] РГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 3. Л. 4.

в злодейской толпе был полковником. Но он в том не признается и не почитает себя виновным говоря так, что ему нельзя было отговариваться, повесили бы»[1]. В «Реестре колодников» под номером 34 зафиксирован: «Муксин Мадияров – полковник»[2].

18 февраля 1775 года начальник Казанской секретной комиссии генерал-майор П.С. Потемкин подготовил «Предложение» к комиссии: сдать всех оставшихся колодников с их делами казанскому губернатору в связи с его отъездом в Москву и прекратить деятельность комиссии. В реестре колодников значится Муксин Мадияров. В графе об участии в бунте отмечено: «Будучи в злодейской толпе назван полковником». В графе о мерах наказания группе командиров, в числе которых был Муксин Мадияров, отмечено: «О сих представлено на конфирмацию генваря 15 числа». Следовательно, Муксину Мадиярову не удалось убедить комиссию в своей непричастности к восстанию и в отрицании повстанческого чина «полковник»[3].

Однако группе арестантов, поступивших в Комиссию 26 ноября 1774 года, повезло: Казанский губернатор П.С. Мещерский отпускал повстанцев целыми группами без наказания. В числе освобожденных без наказания оказался и Муксин Мадияров[4].

Дальнейшая судьба Муксина Мадиярова неизвестна.

Муратша Сыртланов

Башкир, сотник Кыр-Иланской волости Казанской дороги. Пугачевский полковник. В «Доношении» губернского прокурора И.Л. Тимашева в Сенат от 11 марта 1759 года по поводу посылки башкирских и мишарских представителей с прошением об упорядочении земельных дел в Петербург делегатом от башкир указано: «Кыркули-Минской волости сотник же Муратша Сыртланов»[5]. В рапорте пугачевских полковников в повстанческую Военную коллегию в марте 1774 года Муратша упоминается «Крык-Иланской волости походный

---

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 507. Ч. 5. Л. 45 об.-47.

[2] Там же. Ч. 4. Л. 119.

[3] ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 145. Л. 115 об.

[4] РГАДА. Ф. 6. Д. 507. Ч. 3. Л. 259.

[5] Материалы. Т. IV. Ч. 2. С. 23–24.

полковник»[1]. В связи с этим разночтением С.У. Таймасов называет его старшиной Кыр-Иланской волости Казанской дороги. Однако по «Ведомости Уфимской провинциальной канцелярии», составленной 1 ноября 1774 года, старшиной Кыр-Иланской волости был Аптыкей Московов.

Муратша Сыртланов к восстанию примкнул в конце 1773 года. В составе отряда Караная Муратова он прибыл в район Мензелинска и принимал активное участие в повстанческом движении в Мензелинском повстанческом районе. В марте 1774 года в самые кризисные дни вместе с Каипом Зиямбетевым, Кидрасом Муллакаевым и другими полковниками из башкир обратился с рапортом в Военную коллегию с просьбой прислать войска для защиты населения от карателей под Мензелинском, Нагайбаком и Уфой. По содержанию можно определить, что рапорт был составлен после поражения Чесноковской армии И.Н. Зарубина под Уфой. В рапорте говорится, что сводный карательный отряд мишарских старшин Мендея Тупеева, Султан-Мурата Янышева, башкирского старшины Валиши Шарипова и прокурора Н.С. Зубова «со многими товарищами с целым полком въехали в город Уфу, имев сражение, за нестребою пушек, и тако многое число людей порубили»[2]. Упомянутое сражение повстанцев с карательной командой под Уфой произошло 23 марта 1774 года. Генеральное сражение повстанческой армии И.Н. Зарубина с корпусом И.И. Михельсона под селом Чесноковкой произошло в ночь с 24 на 25 марта. В рапорте подчеркивается: «И как в экономическом селе [Чесноковка], так и в протчих местах никакого войска не имеетца». Составители рапорта не знали, что Главное войско Пугачева под Оренбургом потерпело поражение. Поэтому они просили Военную коллегию прислать для защиты населения войско, а для руководства движением «прислать сюда атамана Алибая Мурзагулова, ибо здесь главного начальника, кому бы народ был послушен, не имеютца, кой бы тому народу подпорою быть мог»[3].

Весной 1774 года Муратша Сыртланов в числе колебавшихся старшин отошел от повстанческого движения. Но летом вновь примкнул к восстанию и принимал активное участие в подготовке

[1] Крестьянская война 1773–1775гг. На территории Башкирии. С. 118.

[2] РГВИА. Ф. 20. Д. 1232. Л. 405; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 118–119.

[3] РГВИА. Ф. 20. Д. 1232. Л. 405.

комбинированного похода повстанческих сил на Уфу, действовал вместе с Канзафаром Усаевым южнее Уфы на территории Ногайской и Казанской дорог. Об этом свидетельствует сохранившееся письмо Муратши Сыртланова Канзафару Усаеву от 31 июля. Письмо очень интересное, содержит много информации и советов. Оно показывает, что его автор активно занимался вопросами мобилизации населения в повстанческое движение и организации похода на Уфу. Чувствуется, что Муратша Сыртланов на должном уровне поставил разведку, в результате чего он хорошо осведомлен о событиях в других волостях, о настроении и планах своих соратников и противников. Он четко определяет изменение общего настроения в крае, многократно предупреждает Канзафара Усаева быть внимательным и осторожным. Перечислив башкирских полковников, сохранивших верность «государю», Муратша Сыртланов советует: «... и не верь другим, кроме них, старшинам, и не ходи с малочисленными командами, так как же, другие, нарушив клятвы свои, отступили от верности. И они сами, написав вам письмо, пригласят вас с войском, а сами отправят рапорт в крепость, сообщая, что идут воры и давайте нам подкрепления... Вот такие проклятые и опасные люди имеются! Конечно, остерегайся их». Он обещает Канзафару Усаеву: «Имена сих отступивших старшин объявляю тогда, когда встречусь с тобой». Свои подозрения Муратша Сыртланов закрепляет конкретными фактами: «И еще в мои руки попали письма тех злонамеренных старшин, которые я и отправил тебе. Если при себе имеешь войско, то его не распускай, старайся с этим письмом ознакомить тех лиц, которые считались друзьями, но не объявляй его многим, так как среди нас имеются лазутчики»[1]. Как прозорлив оказался Муратша Сыртланов в своих подозрениях и предупреждениях: 4 августа, через четыре дня после отправки его письма, Канзафара Усаева арестовала и сдала властям карательная команда Кидраса Муллакаева.

Дальнейшая судьба Муратши Сыртланова неизвестна. В списке Алибая Мурзагулова о повиновении башкирских старшин он не значится. В списке колодников Казанской секретной комиссии его имя не встречается. В документах последней четверти XVIII века он также не упоминается.

[1] Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения. С. 188–189.

Нагайбак Асанов

Башкир деревни Чалпы, старшина Юрминской волости Казанской дороги (Азнакаевский район РТ). Полковник повстанческой армии[1]. В повстанческое движение был вовлечен Каранаем Муратовым. Вместе с Аренкулом Асеевым действовал в крайнем западном фланге Мензелинского повстанческого района. 15 января они штурмом взяли Заинскую крепость, но удержать не смогли. 17 января полковник Ю.Ф. Бибиков выбил их из Заинской крепости. Нагайбак Асанов отступил к Нагайбакской крепости и в феврале–марте 1774 года в составе войска Караная Муратова участвовал во всех событиях в районе Нагайбакской и Бакалинской крепостей.

Участие в повстанческом движении Нагайбака Асанова летом–осенью 1774 года в источниках не отражается. Вероятно, поэтому он в Казанскую секретную комиссию не попал, наказаниям не подвергался. Сохранил должность старшины Юрминской волости. В купчей отставного канцеляриста А.М. Островского отставному капитану И.И. Рушинскому на землю башкир Юрминской волости Казанской дороги, составленной в Оренбургской крепостной конторе 6 января 1776 года, старшиной волости назван Нагайбак Асанов. Он значится старшиной Юрминской волости в купчих записях, составленных 1 февраля 1782 года, 23 марта 1789 года и 24 марта 1789 года[2].

Тойгуза Мамыков

Башкирский старшина Байларской волости Казанской дороги (345 дворов). Полковник повстанческой армии. Уроженец деревни Ургуды (ныне Мензелинский район РТ). В купчей записи башкир от 3 июня 1764 года об отдаче мельничного места на реке Аргузе Тойгуза Мамыков отмечен старшиной Бюлярской волости Казанской дороги. В купчей записи башкир от 3 ноября 1765 года Тойгуза Мамыков – старшина Байлярской волсти[3].

Тойгуза Мамыков в декабре 1773 – марте 1774 года принимал активное участие в восстании под городом Мензелинском. Возглавлял

---

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 93.

[2] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. V. С. 29, 130, 250, 252.

[3] Там же. Т. IV/Ч. 1. С. 296, 310.

один из отрядов в повстанческой армии Караная Муратова. 28 декабря 1773 года его отряд захватил Боровицкий завод С.П. Красильникова. Тойгуза Мамыков арестовал заводовладельца и доставил его в ставку Караная Муратова в деревню Бикбово под Мензелинском[1].

Священник села Круглое Поле Илья Дмитриев в своем показании в Казанской секретной комиссии поведал, что они вместе с попом Патрикием Матвеевым и дьяконом Яковым Патрикиевым долго искали повстанческого командира, чтобы получить охранный билет. Поиски привели их в татарскую деревню Кулюково, где представились башкирским старшинам «Тобузе и Бузану». Башкирские командиры похвалили их за то, что «они сами приехали», и поставили перед ними задачу: мобилизовать в повстанческий отряд «в службу государю с четырех дворов по человеку»[2].

Илья Дмитриев вместе с есаулом Мусой в 7 деревнях завербовали 84 человека в повстанческий отряд. Попутно с населения собирали деньги и фураж. Набранных «казаков» вместе с деньгами и фуражом отправили в деревню Кулюково полковникам Тойгузе Мамыкову и Бузану Смакову[3].

О событиях в декабре 1773 года на Шилвинском заводе заводовладелец Василий Красильников 24 января 1774 года в Казанскую секретную комиссию сделал заявление. По его сообщению, 22 декабря 1773 года взбунтовались крестьяне Шилвинского завода. Человек 70 «на конях верхом, вооруженные копьями, стрелами и саблями татары и русские пришли к хоромам отца», избили приказчика Деревягина и отдали повстанцам, конторщика «заковали и увезли под Мензелинск в татарскую деревню Кулюково к старшине Тойгузе, коего называют полковником. Потом туда же увезли, бив, брата отца Семена Красильникова. Говорят, будто Семена Красильникова злодеи закололи насмерть, а конторщика отпустили». 11 заводских крестьян «самопроизвольно записались в казаки»[4].

Тойгуза Мамыков оставался верным соратником Караная Муратова, продолжал борьбу в его войске до весны 1774 года. После

---

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 507. Ч. 5. Л. 131.

[2] ОПИ ГИМ. Ф. 282. Д. 15. Л. 61; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 54.

[3] РГАДА. Ф. 6. Д. 507. Ч. 3. Л. 492–493 об.

[4] Там же. Ч. 1. Л. 136 об.; Ч. 3. Л. 136 об.

подавления восстания попал в Казанскую секретную комиссию. Отпущен домой без наказания с охранительным листом[1]. Сохранил за собой должность волостного старшины.

Шафи Тойгузин

Башкир деревни Ургуды Байлярской волости Казанской дороги (Мензелинский район РТ). Полковник повстанческой армии. Составители сборников «Документы Ставки Е.И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений» и «Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения» в именных указателях Шафи Тойгузина называют «татарин Казанского уезда»[2]. Однако в документах, приведенных составителями, однозначно говорится о башкирском предводителе восстания. Шафи Тойгузин – сын Тойгузы Мамыкова.

Шафи Тойгузин принимал активное участие в повстанческом движении в Северо-Западном Башкортостане. Был одним из главных командиров 6-тысячного повстанческого войска под городом Елабугой. Елабуга находилась на пути повстанческих сил Караная Муратова к Казани. Поэтому город имел стратегическое значение как для повстанцев, так и для правительственных сил. В декабре 1773 года Елабуга оказалась в кольце. Отцы города тщательно готовились к отражению атаки повстанцев. Во главе служебного ополчения оказался «первостатейный» купец М.И. Кусакин. Казанский губернатор Я.Л. Брант на помощь осажденной Елабуге отправил команду премьер-майора А. Перского с сотней солдат и одной пушкой. Главной ставкой 6-тысячного войска повстанцев стало село Танайка. Во главе повстанческих сил находились Назар Алексеев, Василий Иванов, Шарип Якупов, башкирские полковники Кузмет Ишменев и Шафи Тойгузин. Позже туда подошли отряды башкирских полковников Кидраса Муллакаева, Каипа Зиямбетева, Ишкары Тарханова. 6, 10, 13, 16 января повстанцы совершили приступы к городу. Особенно сильными из них были приступы, совершенные 6 и 13 января.

Однако повстанцам не удалось захватить город. Учитывая стратегическую важность города Елабуги, Каранай Муратов сам решил возглавить штурм города. 14 января 1774 года из-под Мензелинска

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 507. Ч. 2. Л. 186; Д. 512. Л. 188;

[2] Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 508; Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения. С. 445.

был отправлен приказ в Елабужский повстанческий лагерь: «Приказывается тебе, старшине Шарифу Якубову сыну, сотнику Назару Алексееву сыну, также армейским людям на других местах. Собирайте в окрестностях войско любыми средствами: ныне, очень скоро, будет сражение, будете в большой готовности. Идет сам атаман Каранай, извещайте об этом во все стороны, не будете беспечными, когда пишется это письмо, он должен прибыть на пристань Бетку»[1].

Однако планам Караная Муратова не суждено было реализоваться. Повстанческий центр получил сообщение о приближении из Казани крупных правительственных команд. Из-под Елабуги он отправился к Заинску против команды полковника Ю.Б. Бибикова. Шафи Тойгузину и «всем армейским людям» под Елабугой он оставил повеление: «Вам, нашим армейским людям, находящимся под Елабугой, приказывается, что мы на место себя на пристань Бетки поставили старшину Шафи Тойгузина сына, так как мы сами, по просьбе [жителей] мусульманских деревень, которых сожгли гусары, выходя из известного Сухарева, с несколькими командами пошли против них. Вы, пока мы не вернемся из этой поездки, стойте с очень хорошими и надежными караулами и по этому делу слушайтесь распоряжений упомянутого старшины Тойгузина сына и к нему обращайтесь с соответствующими рапортами. Все вы...не выходите из-под воли старшины Тойгузина сына и получайте приказы у него»[2].

Таким образом, в середине января 1774 года Шафи Тойгузин возглавлял 6-тысячное повстанческое войско под Елабугой. Повстанцы совершали 12 приступов на город. Последние из них, 13 и 19 января были сделаны под общим командованием Шафи Тойгузина. Во время последнего штурма поднялась сильная буря с обильным снегопадом, что сильно помешало повстанцам. Город Елабуга устоял.

22 января генерал-аншеф А.И. Бибиков отправил под Елабугу сильную команду подполковника С.В. Неклюдова. Повстанцы вышли навстречу карателям, но потерпели поражение. Осада Елабуги была снята. Каратели устроили чудовищный погром. Повстанцы разбежались по домам. Шафи Тойгузин с остатками войска отступил к Нагайбакской крепости.

---

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 467. Ч. 8. Л. 250.

[2] Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения. С. 91.

Вероятно, Шафи Тойгузин продолжил повстанческую деятельность летом 1774 года. Однако мы не располагаем материалами о повстанческой деятельности Шафи Тойгузина летом и осенью 1774 года. В Казанскую секретную комиссию он не попал, следственным допросам не подвергался. С.У. Таймасов утверждает, что в мае он вместе с Канзафаром Усаевым, ржевским купцом А. Долгополовым, Аккулаем Пулатаевым и Амиром Абдикаевым отправился на поиски Ставки Е.И. Пугачева. По предположению автора, Шафи Тойгузин встретился с Е.И. Пугачевым в Осе[1]. Следовательно, он мог участвовать в походе Главного войска на Казань и в сражениях с корпусом И.И. Михельсона.

Дальнейшая судьба Шафи Тойгузина неизвестна.

Юмакай Аскаров

Башкир деревни Шульганово Урман-Гарейской волости Казанской дороги (Татышлинский район РБ). Старшина, в команде было 196 дворов. Один из крупных и активных предводителей восстания в районе Осы, Кунгура, Бирска и под Уфой в январе–октябре 1774 года.

Юмакай Аскаров достаточно подробно излагал о своей повстанческой деятельности в своих показаниях в Казанской секретной комиссии. По его сообщению, ему 43 года. Осенью 1773 года в их волость прибыл нарочный от Оренбургского губернатора с требованием собрать наряд «противу того самозванца на службу». Набрали войско из его волости и под командой самого Юмакая Аскарова выехали в Стерлитамак. Команда Юмакая Аскарова под Стерлитамакской пристанью перешла к восставшим. Сам он заболел и вернулся домой. Спустя около полутора месяцев после этого, в деревню Кызылярово приехал пугачевский полковник Абдей Абдулов и объявил указ Пугачева. Собрав 30 человек в повстанческий отряд, он поехал в деревню Шулганово к Юмакаю Аскарову, который «...тогда, бежав от злодеев, находился в своем доме»[2]. Абдей Абдулов склонил Юмакая Аскарова к восстанию и увез с собой. Оказавшись со своим отрядом в повстанческом войске Абдея Абдулова, Юмакай Аскаров принимал активное участие в событиях под Осой и Кунгуром зимой 1773 года.

---

[1] *Таймасов С.У.* Указ. соч. С. 311.

[2] РГАДА. Ф. 6. Д. 507. Ч. 4. Л. 217–228 об.

Летом 1774 года Юмакай Аскаров действовал самостоятельно. По показаниям активного участника восстания Шарыпа Шаркаева, он летом прислал в свою волость двух человек для набора людей в свой отряд. Набрали «с каждого двора по человеку, всего 13 человек». В отряде Юмакая Аскарова было более тысячи человек из башкир, вотяков, мишарей и черемис.

По показанию того же Шарыпа Шаркаева видно, что летом 1774 года Юмакай Аскаров вместе с отрядами Араслана Рангулова, Булякa Якупова, Аладина Бектуганова вел осаду города Бирска, участвовал во взятии Бирска и Ангасякского винокуренного завода[1].

Юмакай Аскаров и после ухода Главного войска Е.И. Пугачева под Казань и за Волгу продолжал оказывать упорное сопротивление карательным командам и «верным» башкирским старшинам. Летом 1774 года совместно с Бахтияром Канкаевым и другими башкирскими полковниками действовал в районе пригорода Бирска и Ангасякского завода[2]. В коллективном письме башкирских предводителей Кулыю Балтасеву и другим «верным» башкирским старшинам от 31 августа 1774 года Адигут Тимясов, Аладин Бектуганов, Абдулсалям Рамзин, Рахмангул Иртуганов и Юмакай Аскаров призывали Шарипа Киикова, Кулыя и Сагита Балтасевых прекратить карательные операции и вернуться в свои дома[3].

В литературе Юмакая Аскарова принято называть «походным старшиной» повстанцев. О присвоении чина полковника указ не сохранился. Однако по показанию Шарыпа Шаркаева Юмакай Аскаров имел отряд более 1000 человек повстанцев. По нормам, определенным в самом начале Крестьянской войны Е.И. Пугачевым, было более чем достаточно для присвоения ему чина полковника. Кроме того, Юмакай Аскаров сам присваивал чины. В частности, Шарыпа Шаркаева он назначил есаулом. Присвоить такие высокие чины могли только командиры не ниже полковника. Поэтому мы считаем, что правомерно включить Юмакая Аскарова в список крупных башкирских предводителей Крестьянской войны 1773–1775 годов.

---

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 507. Ч. 4. Л. 552 об.

[2] Там же. Л. 228 об.

[3] Там же. Д. 593. Л. 99–100.

Юмакай Аскаров попал в плен, был закован в колодки и отправлен в Казанскую секретную комиссию, где подвергался допросам. Комиссия приговорила его к смертной казни. Но сыграли злую комедию: положили голову на плаху, затем объявили указ императрицы о помиловании. После этого подвергли экзикуции: отрезали ухо, били плетьми и освободили[1].

Дальнейшая судьба Юмакая Аскарова неизвестна. В документах последней четверти XVIII века его имя не упоминается.

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 507. Ч. 4. Л. 217 об.

Глава 7. Башкирские предводители Осинской дороги

Абдей, Абдакай, Канзей Абдуловы

Башкиры деревни Елпачиха Гайнинской волости Осинской дороги (деревня Елпачиха Бардымского района Пермского края). Все трое – полковники повстанческой армии. Скудные письменные источники позволяют высказать версию, что они – родные братья. Старшим из них был Абдей, Абдакай и Канзей – младшие братья. Прямых указаний в документах не имеются. Журналист, историк-краевед Пермского края Амир Фатыйхов утверждает, что Абдакай брат Абдея[1]. Историк С.У. Таймасов пишет: «Возможно, Абдей и Канзей – родные братья»[2]. Мнение Таймасова подтверждается источником, опубликованным в сборнике «Восстание Емельяна Пугачева»[3].

Братья Абдуловы примкнули к повстанческому движению в ноябре 1773 года. Повстанец Шарип Шаркаев на допросе в Казанской секретной комиссии говорил, что в первых числах декабря 1773 года в их деревню Кызылярово Гарейской волости Казанской дороги приехали «башкирцы ж, Абдакай и Абдей Абдулины»[4]. В деревне Елпачиха Гайнинской волости Абдей Абдулов разделил свое войско на три команды, командиром одной из них назначил Абдакая. В дальнейшем полковник Абдакай Абдулов действовал неразлучно со своим старшим братом в его войске. Когда Канзей Абдулов стал полковником, в источниках не прослеживается. И.В. Гвоздикова включила его в список полковников из башкир[5]. Полковник Канзей Абдулов лишь один раз упоминается в событиях, когда Абдей Абдулов после первого несостоявшего похода на Кунгур вернулся в Осинский уезд. Канзей Абдулов как командир одного из отрядов Абдея Абдулова принимал активное участие в подготовке повстанческого войска к новому походу.

---

[1] *Амир Фатыйхов*. Гайна иле. Барда, 1995. С.101.

[2] *Таймасов С.У.* Указ. соч. С. 284.

[3] Восстание Емельяна Пугачева. С. 72.

[4] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 251.

[5] *Гвоздикова И.М.* Указ. соч. С. 505.

Абдей Абдулов. Крупнейший и активнейший организатор повстанческого движения в Прикамье и южных волостях Пермской провинции. О повстанческой деятельности Абдея Абдулова сохранилось много источников. Пугачевский полковник. Один из активнейших предводителей Крестьянской войны в Осинско-Сарапульском повстанческом районе. О месте проживания Абдея Абдулова в источниках нет единого мнения. Башкир деревни Ишметово Гайнинской волости, соратник Абдея Абдулова полковник повстанческой армии Абдусалям Рамзин на допросе в Казанской секретной комиссии показал, что его мобилизовал в повстанческий отряд и присвоил чин полковника «старшина нашей [Гайнинской] волости Абдей Абдулов»[1]. Адыл Ашменев, которого Абдей Абдулов назначил полковником, также назвал его старшиной Гайнинской волости[2]. Мукач Сютеев, башкир деревни Елпачиха, сотник в повстанческом отряде Абдея Абдулова, на допросе говорил, что в их деревню приехал «башкирец Уфимского уезда Ногайской дороги деревни Ямакаевой Абдей Абдулов, имел при себе башкирцов человек с триста вооруженных»[3]. Башкиром деревни Ямакаевой Ногайской дороги называл Абдея Абдулова на допросе рядовой башкир деревни Кызылярово Гайнинской волости Джиян Кушанов, которого в первых числах декабря Абдей Абдулов назначил полковником вновь сформированного повстанческого отряда. Такие показания давали на допросах соратники Абдея Абдулова, жители деревни Елпачиха повстанческие полковники Салим-Зюфар Илишев и Адигут Тимясев, рядовой повстанец Аблей Бектуганов. Башкир деревни Мясогутово Урман-Гирейской волости Муксин Мадияров, которого Абдей Абдулов назначил полковником, и житель деревни Аклушево Гайнинской волости Умер Юсупов на допросе о нем показали: «чей сын и откуда он – не знаю»[4]. Приказчик Рождественского завода Иван Китаев сообщил, что после 1 февраля 1774 года он ездил на встречу с башкиром деревни Усть-Тунтор, полковником Абдеем Абдуловым[5].

---

[1] РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 507. Ч. 3. Л. 120 об.

[2] Там же. Ч. 5. Л. 30 об.

[3] Там же. Л. 34 об.

[4] Там же. Л. 37 об, 39, 41 об., 45 об., 49 об.

[5] Там же. Ч. 4. С. 980.

Разнобой в источниках обусловливает и разночтение вопроса у авторов. А.И. Андрущенко, составители сборников «Документы Ставки Е.И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений» и «Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье» считают Абдея Абдулова жителем, муллой деревни Елпачиха Гайнинской волости[1]. И.М. Гвоздикова в очерке, посвященном Абдею Абдулову в энциклопедии «Салават Юлаев», утверждает, что Абдей Абдулов – «Из башкир д. Усть-Тунторово Гайнинской волости Осинской дороги (Бардымский р-н Пермской обл.). Жил в д. Емаково (по другим данным, в деревне Елпачиха) Ногайской дороги». В монографии «Башкортостан накануне и в годы Крестьянской войны под предводительством Е.И. Пугачева» она называет Абдея Абдулова «башкир д.Емаково Ногайской дороги»[2]. С.У. Таймасов считает Абдея Абдулова бащкиром, муллой деревни Ямаково Гайнинской волости Ногайской дороги. При этом он уточняет, что Ямаково Гайнинской волости Ногайской дороги является современной деревней Гайниямак Альшеевского района Республики Башкортостан[3].

Попытаемся разобраться в этой путанице сообщений источников и утверждений авторов. В XVIII веке на Ногайской дороге отмечается деревня Ямаково Илкей-Минской волости. По утверждению А.З. Асфандиярова, деревня Ямаково была основана в 1743 году на вотчинных землях башкир Илкей-Минской волости Ногайской дороги башкирами-переселенцами деревень Сарышево, Ишимово и Елпачиха Гайнинской волости. Название деревни связано с именем первопоселенца, башкира Гайнинской волости Ямака Тайчинова[4]. По материалам VIII ревизии деревня фиксируется под названием Гайны Емаково (Ямаково) той же волости. В материалах X ревизии (1859 год) название деревни называется Гайны Ямак. По Всероссийской сельскохозяйственной поземельной переписи 1917 года деревня называется Гайныямак, где показано 413 дворов с населением 2340 человек. Деревня входила в состав Гайныямакской волости Белебеевского уезда. Следовательно, С.У. Таймасов правильно указывает на

---

[1] *Андрущенко А.И.* Указ. соч. С. 74; Документы Ставки Е.И. Пугачева. 420, 459; Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения. С. 426.

[2] Салават Юлаев. Энциклопедия. С. 27; *Гвоздикова И.М.* Указ. соч. С. 504.

[3] *Таймасов С.У.* Указ. соч. С. 265, 322.

[4] *Асфандияров А.З.* История сел и деревень Башкортостана. Кн.7. С. 10–11.

современное название деревни, но ошибается в названии волости: Гайнинская волость относилась к Осинской дороге, а на территории Ногайской дороги такой волости не было.

Таким образом, мы можем предположить, что в предвоенные годы Абдей Абдулов проживал в деревне Гайны Емак (Ямаково) Илкей-Минской волости Ногайской дороги. Что касается указаний на деревню Елпачиха Гайнинской волости, можно утвердить, что Абдей Абдулов был гайнинским башкиром. Возможно, малолетним ребенком с семьей своих родителей или уже взрослым человеком переехал в деревню Гайны Емаково Илкей-Минской волости Ногайской дороги, где проживал до Крестьянской войны. Он был популярным человеком для жителей Гайнинской волости. Когда он в качестве эмиссара «императора Петра Федоровича» – Е.И. Пугачева, появился в пределах малой родины, многие жители воспринимали его как своего земляка. Этим можно объяснить разнообразие сообщений о его происхождении. В данном случае нам не столь важно, в какой деревне Гайнинской волости Осинской дороги родился Абдей Абдулов и где он проживал к началу Крестьянской войны, а важно, что он был представителем гайнинских башкир.

Осенью 1773 года Абдей Абдулов оказался в очаге Крестьянской войны. В первые месяцы восстания участвовал в событиях под Оренбургом, отличался воинскими доблестями, имел звание походного старшины. Е.И. Пугачев заметил его способности, присвоил чин полковника, дал именной манифест и в ноябре направил его в район Прикамья для организации повстанческого района. Последующие события показывают, что Абдей Абдулов полностью оправдал доверие «царя» и с честью выполнил поставленные перед ним задачи.

Маршрут его продвижения из-под Оренбурга до Гайнинской волости пролежал через деревни башкир Минской, Енейской, Гарейской, Уранской волостей. Вероятно, по пути он заехал в деревню Гайны Ямаково Ногайской дороги и забрал с собой своих братьев. Об этом говорят следующие факты. Во-первых, в Гайнинскую волость он прибыл в сопровождении своих братьев Абдакая и Канзея. Во-вторых, в конце ноября, когда он въехал в деревню Кызылярово Гарейской волости, у него уже был отряд из 50 человек. Таким образом, он начал комплектовать повстанческий отряд в местах своего проживания, вовлекая в отряд самых близких родных людей.

Вовлечение в повстанческие отряды Абдей Абдулов вел с помощью эмиссаров из башкир, государственных и дворцовых крестьян, работных людей пермских горных заводов, представителей нерусских народов. По его заданию изготавливали и распространяли копии манифеста «Петра Федоровича». Эмиссары разъясняли населению, что император «Петр III» жалует всем подданным землю и волю, облегчение от государственных сборов. В конце ноября он с отрядом из 50 башкир вступил в деревню Кызылярово Гарейской волости Казанской дороги. Собрав жителей деревни, он «объявил указ государя», собрал 30 человек в отдельный отряд, назначил его командиром местного жителя Шарипа Шаркаева и присоединил к своему отряду. На следующий день со своим отрядом поехал в деревню Шульганово Урман-Гирейской волости к волостному старшине Юмакаю Аскарову и «склонил его к самозванцу».

В первых числах декабря 1773 года отряд Абдея Абдулова прибыл в деревню Елпачиху Гайнинской волости. По сообщению жителя деревни Мукаша Сютеева, он «имел при себе башкирцов человек с триста вооруженных, собрал башкир их волости в деревню Елпачиху и прочитал указ». Здесь он развернул энергичную агитацию по вовлечению в восстание многонационального населения Осинской дороги и южных районов Пермской провинции. В результате в считанные дни численность отряда достигла более одной тысячи человек. Абдей Абдулов разделил отряд на три команды. Мукашу Сютееву, Рахмангулу Иртуганову и Абдакаю Абдулову присвоил чин сотника и назначил их командирами этих команд.

С самого начала Абдей Абдулов уверенно взял в свои руки руководство восстанием в Прикамье, завоевал авторитет и признание энергичного и умелого предводителя. В его подчинении оказались старшина Гайнинской волости Кучукбай Абдуллин и походный старшина Рахмангул Иртуганов, рядовые башкиры Батыркай Иткинин, Адыл Ашменев и Сайфул-Мавлют Сайдашев, которые в ноябре ездили в Чесноковский центр и у И.Н. Зарубина получили наставление и чин старшины. Абдей Абдулов сам присваивал высокие чины сотника, походного старшины и полковника. Многие из его соратников, возведенных в ранг полковника, стали крупными предводителями восстания и в дальнейшем действовали самостоятельно. Такими полковниками Абдея Абдулова были Батыркай Иткинин, Адыл Ашменев, Юмакай Аскаров, Джиян Коштанов, Сайфул-Мавлют Сайдашев,

Салим-Зюфар Илишев, Абдакай и Канзей Абдуловы. Джиян Коштанов на допросе показывал, что в первых числах декабря 1773 года в их Гайнинскую волость приехал Абдей Абдулов, собрал жителей волости в деревню Барды и прочитал указ «царя». В мобилизации населения на восстание Абдей Абдулов действовал в рамках установки Ставки Пугачева: обещание добровольно признавшим «императора Петра Федоровича» земли и воли, не приклонившимся – угрозы за отказ. Это хорошо просматривается в показании того же Джияна Коштанова: «Никто не верил, но все приклонились от страха, так как Абдей не преклонившихся «царю» обещал рубить, домы выжечь». Абдей Абдулов тут же организовал выборы командира вновь набранного отряда. Собравшиеся единогласно выбрали своим командиром Джияна Коштанова. Абдей Абдулов присвоил ему чин полковника и отправил в деревню Константиновку с копией указа «царя» для набора новых людей в повстанческий отряд. Джиян Коштанов набрал в свой отряд 200 башкир[1].

Башкир деревни Удик Гайнинской волости Салим-Зюфар Илишев на допросе в Казанской секретной комиссии показал: «Прошлого 1773 года зимою Ногайской дороги деревни Юмаковой башкирец Абдей Абдулов да с ним Карабай и Зюмакай, чьи дети и которого селения, не знает, имея при себе разной сволочи более 1000 человек», приехали в их волость. В их деревню Казмакты (Удик) Абдей Абдулов прислал человек 50 башкир, которые читали указ, грозились и под страхом принудили почитать самозванца государем. Требовали в казаки одного человека с двух дворов. Набрали 9 человек с ружьями и саблями и передали старшинам Карабаю и Зюмакаю. Те отправили вновь набранную команду «к башкирцам Иртугану Смакову и Рахмангулу Иртуганову, приклонившимся к тому времени к самозванцу»[2].

В показании Салим-Зюфара Илишева детально расскрывается механизм мобилизации и вовлечения населения в повстанческое движение: сбор жителей окрестных деревень в одном из крупных населенных пунктов и ознакомление с указом «царя», разъяснение его содержания, таким образом, вовлечение населения в повстанчес-

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 507. Ч. 5. Л. 37–38 об.

[2] Там же. Л. 37 и об., 39 и об.

кое движение через агитацию; определяются нормы мобилизации – одного вооруженного человека с двух дворов. Принцип добровольности сопровождается угрозой за непризнание «царя» и ослушание его указов. Абдей Абдулов развивал сеть своих эмиссаров, которые в окрестных деревнях вербовали людей в «казаки», используя те же добровольно-принудительные принципы. В показании Салим-Зюфара Илишева прослеживается маршрут продвижения Абдея Абдулова. В ноябре 1773 года в селах и деревнях Гарейской волости Казанской дороги он набирал «казаков» в свой отряд, определил первых своих близких соратников. В первых числах декабря он вступил в пределы Гайнинской волости Осинской дороги. В селах Барды и Елпачиха расширил круг повстанческих предводителей, с их помощью довел численность отряда до 1000 человек.

Аналогичные выводы подтверждаются показаниями и других соратников Абдея Абдулова. Башкир деревни Мясогутово Муксин Мадияров на допросе показал, что 3 декабря в их деревню приехал «башкир деревни Юмаковой Ногайской дороги Абдей с 300 башкирцами, собрал их, читал указ, грозил и преклонил их к «государю». Требовал набрать на государеву службу по одному человеку с каждого двора. Но его упросили набрать по одному человеку с двух дворов. Набрали 40 «казаков» с ружьями, саблями, луками и стрелами. Башкира деревни Тавово Карабая Ашменева Абдей Абдулов назначил полковником, а Муксина Мадиярова – его помощником, «чтобы в случае болезни Карабая полковником стать ему»[1]. Такое же показание дали башкиры деревни Зюмангашево Урман-Гарейской волости Казанской дороги Сатлаган Иманаев, деревни Аклушево Гайнинской волости Умер Юсупов и Аблей Бектуганов[2].

Таким образом, в конце ноября – начале декабря 1773 года Абдей Абдулов склонил жителей Северо-Западного Башкортостана к «государю Петру III», собрал повстанческое войско. Назначенные им «полковники» направлялись в окрестные селения для набора жителей региона в повстанческие отряды. По показаниям приказчика Рождественского завода Ивана Китаева, вести о появлении «государя» под Оренбургом стали распространяться среди дворцовых крестьян

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 507. Ч. 5. Л. 45 об.–46.

[2] Там же. Л. 47 об., 49–51.

и пахотных солдат, в заводских приписных деревнях. Заводской сход отправил Китаева к башкирам. Он с четырьмя заводскими крестьянами поехал в деревню Куземьярово к башкирскому старшине Кузябаю и вернулся «с билетом на татарском диалекте о приклонении «государю». Заводчане установили прямую связь с одним из повстанческих центров – Осинской дворцовой избой, по просьбе ее старосты Ильи Дьяконова послали на помощь Осе десять крестьян[1]. Таким образом, войско Абдея Абдулова стало многонациональным. Основную и наиболее боеспособную его часть составляли конные башкиры, рядом с ними воевали дворцовые и заводские крестьяне, татары, мишари, марийцы, удмурты.

Набрав многотысячное войско, разделив его на полки под командой полковников, укомплектовав их лошадьми, вооружив ружьями, саблями, луками и стрелами, Абдей Абдулов начал поход на город Кунгур, административный центр Пермской провинции. 3 декабря 1773 года повстанческое войско заняло деревню Константиновку и вступило в пределы Кунгурского уезда. Повстанцы заняли Уинский и Суксунский заводы, село Медянское. Однако Абдей Абдулов нашел войско неподготовленным для такого серьезного похода и войско вернулось в деревню Барды для дальнейшего усиления.

Абдей Абдулов и его соратники занялись мобилизацией населения Осинского уезда. Была установлена связь с частью населения пригорода Осы, готовой «преклониться «царю». Воеводе пригорода, поручику Ф.Д. Пироговскому донесли, что Абдей Абдулов намерен «воеводу и подъячих истребить в случае сопротивления». В Осе 18 декабря собрался сход, где решили направить в деревню Барду к Абдею Абдулову делегацию. Абдей Абдулов принял делегацию дворцовых крестьян, вручил осинцам копию именного манифеста «вживе находящегося императора Петра III». Когда член делегации, протопоп Успенского собора заметил, что «подлинному покойному Петру III…за упокой на панихедах…по напечатанной книжеце поминают», Абдей Абдулов ответил: «Ныне невидимо, по какой причине оказался подлинно вживе». Он вручил делегации манифест «государя» и объяснил: «народу будет облехчение в зборе подушных денег и рекрут, равно и в соляной и винной продаже уменьшение…и будет

[1] РГАДА. Ф. 6. Л. 577 об.–578

всем вольность». Из объяснений Абдея Абдулова хорошо просматривается, как тонко он разбирался в интересах и нуждах отдельных категорий трудового населения. По возвращении делегации в пригород Осу крестьяне объявили о «преклонении к «государю Петру III», начали заготавливать для войска Абдея Абдулова провиант и фураж, записываться в повстанческие отряды.

Помимо формирования повстанческих отрядов Абдей Абдулов проводил активную работу по созданию местных гражданских властей, по организации мероприятий на освобожденной территории. В охранных билетах, выданных 2 декабря 1773 года крестьянину деревни Нагорье Осинского уезда, 19 декабря крестьянам села Медянка, 22 декабря толмачу пригорода Осы Якубу Рахматову, 28 декабря земскому старосте Агначу Сислаеву, Абдей Абдулов требовал организовать мобилизацию населения на сторону восставших, обеспечивать отряды провиантом и фуражом, установить и соблюдать дисциплину в повстанческих отрядах и на занятой повстанцами территории. А.И. Андрущенко пишет: «Башкирские отряды, разъезжая по селениям, не допускали никаких насилий и грабежей над населением, что подтверждается разными источниками, в том числе и вышедшими из рук царских властей»[1]. Энергичное, но лояльное решение вопросов при мобилизации в повстанческое движение многонационального и поликонфессионального населения Северо-Западного Башкортостана особенно характерно для действий Абдея Абдулова.

Рост повстанческого движения среди башкир, вовлечение в него многонационального населения, события в пригороде Осе воздействовали на настроение крестьян, мастеровых и работных людей пермских заводов. 19 декабря на Аннинском заводе с населением около семи тысяч крестьян собрали жителей для объявления «Повелений» командира карательной команды М. Башмакова. В «Повелении» было указано на переезд крестьян на Юговские казенные медеплавильные заводы для их обороны от повстанцев. Крестьяне заявили, что на Юговские заводы они не поедут, так как «от верноподданнической службы и присяги ея императорского величества отреклись». Это было открытое выступление заводских крестьян на

[1] *Андрущенко А.И.* Указ. соч. С. 258.

стороне восставших. Основная масса заводских крестьян «преклонилась «государю Петру Федоровичу», незначительная часть воздержалась от участия в восстании, противников не оказалось. Заводские власти укрылись в административном здании завода. Лидеры заводчан избрали делегатов для отправки в пригород Осу для объявления о своем склонении к восстанию. 21 декабря делегация прибыла в Осу.

Восстание молниеносно распространялось на другие заводы региона. 22 декабря крестьяне и работные люди Рождественского молотового завода П. Демидова делегировали приказчика Ивана Китаева к Абдею Абдулову. Абдей Абдулов отправил на завод отряды Сайтана Давыдова и Салим-Зюфара Илишева. Башкирские предводители на заводе читали именной указ «царя», поверстали заводских крестьян в «казаки» и 30 декабря вывезли с собой с завода 4 чугунные пушки, 2 пуда пороха, ружья и заводскую казну.

Расширив границы восстания массовым вовлечением населения в повстанческие отряды, укрепив войско огнестрельным оружием и пушками, Абдей Абдулов перешел к решительным наступательным операциям. Часть войска под командой Батыркая Иткинина он отправил для занятия пригорода Осы. Отряд Батыркая вошел в пригород 21 декабря 1773 года. Воеводу Пироговского арестовали, связали и отправили в Елпачиху, оттуда, заклепанного в колодки, – в Чесноковку. Туда же отправили одну медную пушку, 10 пудов пороха и 2 воза денег.

Сам Абдей Абдулов чуть позже Батыркая Иткиниа с основными силами войска в сопровождении своих полковников выехал из Елпачихи. 19 декабря он занял Шермяитский медеплавильный завод С. Яковлева. 22 декабря отряд Абдея Абдулова прибыл в Осу и соединился с отрядом Батыркая Иткинина. Несколько дней потребовалось для усиления войска, разработки планов дальнейшего действия. Решено было наступать в двух направлениях. Батыркай Иткинин должен был наступать на Кунгур, Абдей Абдулов – в северном направлении, в район концентрации горных заводов Соликамского уезда.

26 декабря Абдей Абдулов занял село Беляевское, 27 декабря захватил Юго-Камский медеплавильный завод Б. Шаховского, 28 декабря вошел в башкирскую деревню Култаево. Впереди, в 15 верстах, на пути стремительного наступления войска Абдея Абдулова было село Верхние Муллы, превращенное в сильный оборонительный

пункт. На стенах и башнях крепостной стены были установлены пушки. Оборону села возглавляли опытные организаторы Иван Варакин и Семен Селиванов. Гарнизон был усилен воинскими командами соседних заводов. Из крестьян Юговских казенных заводов была сформирована конная команда в 120 человек. Команду из «лучших людей» в 200 человек с двумя пушками привел для обороны Верхних Мулл известный башкирский рудопромышленник Исмагил Тасимов. Горным властям своевременно удалось мобилизовать из крестьян Юговских казенных заводов 140 человек для охраны села. Накануне в село вошла команда рекрутов в 700 человек, присланная Казанским губернатором Я.Л. Брандтом для набора новых рекрутов для Турецкого фронта. Командиром был опытный и талантливый офицер русской армии подполковник А.В. Папав. Абдей Абдулов дважды, 30 и 31 декабря, штурмовал село Верхние Муллы, но каждый раз штурм был отражен превосходящими силами оборонявшихся. Потеряв несколько пушек, Абдей Абдулов вернулся в Осу[1].

После первого неудавшегося похода Абдей Абдулов со своим войском обосновался в деревне Барды Гайнинской волости и продолжал возглавлять повстанческое движение в Северо-Западном Башкортостане, что подтверждается многочисленными источниками и фактами. Он сохранял постоянную связь с Чесноковским центром и командирами крупных повстанческих отрядов Северного Башкортостана, Пермской провинции и Екатеринбургского горнозаводского ведомства. Билет, выданный Абдеем Абдуловым башкиру деревни Барды Мурату Пулатову на свободный проезд к атаману Ивану Зарубину, подтверждает наличие связи с Чесноковским центром.

Абдей Абдулов продолжал мобилизовать население региона в повстанческие отряды, занимался вопросами усиления действующих отрядов, обеспечения их оружием, провиантом и фуражом, организации гражданских мероприятий в освобожденных населенных пунктах и их обороны от карательных сил. 7 января 1774 года Абдей Абдулов отправил писарю Осинской земской избы М.И. Голдобину приказ с требованием остановить вывод отрядов крестьян Рождественского завода из пригорода Осы до его приезда. 15 января карательные команды с Нытвенского завода напали на село Беляевское,

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 504. Ч. 2. Л. 444.

находившееся в руках повстанцев. 19 января Осинская земская изба обратилась к Абдею Абдулову с просьбой прислать «помощь от вас из армии без всякой остановки, чтоб не могли мы за нескорою вашею присылкою от неприятельских рук преданы смерти». Источник очень емко показывает, в какой степени реальную силу в регионе представляла армия Абдея Абдулова и высок был его авторитет среди предводителей региона. Абдей Абдулов в ответ на просьбу земской избы принял срочные меры. 20 января в своем наставлении атаману С.И. Волкову и есаулу А.Баранову он требовал набрать из жителей Рождественского завода «сто человек хороших людей» в его армию для защиты пригорода Осы.

В январе 1774 года в районе Осы ситуация обострилась. Из Осинской земской избы сообщали об активизации карательных команд. В то же время в походные канцелярии правительственных войск и местных царских учреждений поступали тревожные сведения о готовящемся походе Абдея Абдулова на Кунгур. Об этом сообщали приказчики Юго-Камского завода С. Селиванов и А. Собакин владельцу завода Б.Г. Шаховскому. Такое же сообщение от крестьянина деревни Устиново Василия Шилова получила Пермская провинциальная канцелярия. О приближении к селу Беляевскому и деревне Култаево отряда Абдея Абдулова сообщил в провинциальную канцелярию приказчик села Верхние Муллы.

Все эти тревожные сообщения имели основание. Действительно, в середине января Абдей Абдулов возобновил поход. 12 января он занял Аннинский завод. В его многонациональном отряде были отряды русских крестьян Дьяконова и Голдобина. Новый победный марш Абдея Абдулова в северном направлении продолжался 4 дня. Отряд через Аннинский казенный завод и Юго-Камский завод Шаховского, село Беляевское, башкирскую деревню Култаево подошел к селу Верхние Муллы. Село было превращено в хорошо вооруженную крепость с многочисленным гарнизоном. Абдей Абдулов, чтобы не допустить «напрасного кровопролития», 4 дня потратил на «увещевания» гарнизона. Поход отряда в направлении Соликамска остановился. Карательные команды сделали вылазку и направились на Аннинский завод. Абдей Абдулов обратился к Батыркаю Иткинину с требованием прислать помощь для взятия Верхних Мулл. Но Батыркай Иткинин не смог оказать немедленную помощь и отказаться от похода на Юговские казенные заводы.

В это время поступило сообщение, что в башкирские деревни Гайнинской волости наступают карательные команды, которые «жен и детей всех казнят и вешают». Абдей Абдулов вынужден был вернуться домой для защиты населения своей волости от карателей. С ним ушел отряд заводских крестьян Тарасова. 14 января завод покинули другие повстанческие отряды. Наиболее опытные предводители со своими отрядами ушли в пригород Осу. 15 января карательная команда И. Никонова в 120 человек с двумя пушками заняла завод и учинила жестокую расправу над заводскими жителями. Историк А.И. Андрущенко в этой трагедии Аннинского завода безапелляционно обвиняет Абдея Абдулова. Он пишет: «Поспешный уход отрядов Абдея и Тарасова подорвал стойкость аннинцев»[1].

Одним из ключевых пунктов для повстанческих сил региона было село Беляевское. 1 января 1774 года Абдею Абдулову сообщили о приближении к селу Беляевскому карательной команды И.И. Варакина. Абдей Абдулов для защиты села направил отряд полковника Фотия Тетерина. Оба отряда подошли к селу одновременно. 14 января произошло сражение. Ф. Тетерину удалось отразить штурм укрепленного села. Следующее сражение произошло 19 января. Отряд потерпел поражение от явно превосходящих сил противника. Ф. Тетерин попал в плен. Однако И.И. Варакин не осмелился продолжать поход на Осу. В тот же день Осинская земская изба рапортовала Абдею Абдулову о событиях под селом Беляевском.

К концу января 1774 года обстановка в Северном и Северо-Восточном Башкортостане резко обострилась. Добившись незначительных успехов в отражении похода Абдея Абдулова на север, каратели решили предпринять наступление на Осу. 29 января крестьянин Антроп Быков сообщил Абдею Абдулову о готовящемся походе на Осу карательной команды М. Лехонина и А.С. Клепикова. Усиление наступательного порыва карательных команд требовало коцентрации повстанческих сил, что признавали в главных центрах под Оренбургом и Уфой. И.Н. Зарубин в «Наставлении» от 4 февраля 1774 года атаману села Ильинское А.Ф. Носкову требовал совместных действий с атаманами пригорода Осы С.Я. Кузнецовым и села Сарапула

[1] *Андрущенко А.И.* Указ. соч. С. 256.

Р. Зылевым, башкирским полковником Абдеем Абдуловым, отряды которых самостоятельно действовали в Северо-Западном Башкортостане[1].

С.У. Таймасов утверждает, что Абдей Абдулов продолжал борьбу «в районе Осы до августа 1774 года». Однако автору этих строк не удалось обнаружить архивные источники, отражающие повстанческую деятельность Абдея Абдулова весной и летом 1774 года. В источниках в последний раз он упоминается в билете, выданном самим Абдеем Абдуловым 30 декабря 1773 года башкиру села Барды Мурату Булатову для свободного проезда к И.Н. Зарубину в Чесноковский повстанческий центр[2].

Дальнейшая судьба Абдея Абдулова, одного из крупнейших и активнейших предводителей Крестьянской войны в Прикамье и Пермском крае, загадочна и неизвестна. Его имя не упоминается в списках повстанческих предводителей, приведенных в повиновение властям. Не встречается и в списке колодников Казанской секретной комиссии. Практически все предводители северных и северо-западных башкирских волостей, которым Абдей Абдулов присваивал воинские чины «полковник», «есаул», «сотник», «походный старшина», и которые были его соратниками, действовали в отрядах его повстанческой армии, оказались в Казанской секретной комиссии. Все они показали, что были вовлечены в восстание Абдеем Абдуловым, получили от него воинский чин, действовали под его командой. Но «главный мятежник» Северо-Западного Башкортостана в руках у карателей не оказался. Не попали в плен и его братья, пугачевские полковники Абдакай и Канзей. Таким образом, властям не удалось привлечь к следствию братьев Абдуловых и выбивать у них сведения об их происхождении, семейных данных и традициях. О дальнейшей судьбе пугачевских полковников из башкир Гайнинской волости Осинской дороги Абдее, Абдакае и Канзее Абдуловых остается только гадать и выдумывать разные версии, которые нельзя будет подтвердить достоверными источниками.

---

[1] Документы Ставки Е.И. Пугачева.С. 135

[2] Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения. С. 57.

Абусалям Рамзин

Башкир деревни Ишменево Гайнинской волости Осинской дороги (Бардымский район Пермского края). Полковник повстанческой армии. На допросе в Казанской секретной комиссии он сообщил, что чин полковника ему присвоил Абдей Абдулов[1].

Богатая информация о повстанческой деятельности Абдусаляма Рамзина имеется в протоколе его допроса в Казанской секеретной комиссии. По его показаниям, «Назад тому года с три послан был в числе 1000 человек при башкирском старшине Такташе в Омскую крепость в линейную службу, где и находился в должности есаула прошлого 1773 года до зимы».

По возвращении домой старшина их волости Абдей Абдулов «с башкирцами уведомил их, что покойной государь Петр Федорович…не умер, а каким-то случаем пропал и ныне проявился, принял царство попрежнему. Сказывая при том, что ему все преклонились и мы де ему служим. И я де у него в Берде был, а он меня пожаловл полковником». Старшина Такташ и его башкиры поверили Абдею Абдулову и признали Пугачева «государем, обещали ему служить».

Далее Абдусалям Рамзин поведал, что башкиры их волости часто ездили на близлежащие заводы. Но он участвовал лишь один раз в походе на Шермяитский завод, где забрали заводские деньги и отослали к «яицкому казаку, называвшемуся графом Чернышевым». Но Абдусалям Рамзин в этой оперции не участвовал, «сам ничем не пользовался, потому что старшина при взятии на заводе денег и вещей сказывал, что отписывает на государя и по сему они, так как принадлежащего государю, и не смели ничего взять»[2]. Признания Абдусаляма Рамзина отличаются сдержанностью, скромностью и искренностью, в них проявляются дисциплина, взаимное доверие между представителями различных сословий, этнических и конфессиональных групп населения северных волостей Башкортостана.

Однако он умолчал о том, что Абдей Абдулов присвоил ему чин полковника. В списке колодников Казанской секретной комиссии он

---

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 507. Ч. 1. Л. 208; Ч. 3. Л. 207 об.

[2] Там же. Ч. 3. Л. 207 об.–210.

был отмечен полковником[1]. С.У. Таймасов пишет, что по возвращении с линейной службы Абдей Абдулов «по рекомендации Такташа назначил его старшиной волости на место «верного» старшины Шарипа Киикова». Сам Абдусалям Рамзин в своих показаниях по этому вопросу вносит существенную поправку: «…он, Абдусалям, от злодея [Пугачева] зделан был старшиной в первый день прихода их с толпою под пригород Осу не за отменную какую сему злодею службу, а на месте бывшаго с верной стороны старшины Шарыпа, по рекомендации старшины Такташа, которой об нем, Абдусаляме, сказал, что он добрый человек».

После похода на Шермяитский завод Абдусалям Рамзин зимой и весной «более никуда не ездил,…был дома по самой приезд злодея Пугачева в их жилища». Когда Пугачев «с своею толпою в 4-х или 5-ти тысячах к ним приехал, то башкирцов, в том числе и его, Абдусаляма, взял с собой и поехал прямо к пригороду Осе». Абдусалям Рамзин участовал во взятии Осы, «стрелял из лука».

В составе Большого войска он участвовал в походе на Казань, в захвате Ижевского и Воткинского заводов. Но при «переправе через Каму реку он, Абдусалям, не захотя более за злодеем следовать, щитая за худое дело итьти под Казань и там драться, от злодейской сволочи отстав возвратился назад в свой дом». Обоснование Абдусаляма Рамзина причины отхода от восстания очень оригинальное. Видимо, он искренне поверил, что Е.И. Пугачев – истинный царь. Но когда оказался свидетелем жестокого отношения Е.И. Пугачева к занятым населенным пунктам и их жителям, у него произошел душевный надлом. Он это объясняет следующим образом: когда Е.И. Пугачев «по овладении городом приказал оной выжечь, равно как Ижевский и Воткинский заводы после того разорил, то понял уже тогда, что это дело дурно и государь бы истинный не стал такого разорения делать»[2]. Таким образом, Абдусалям Рамзин разуверился в истинности «государя», разочаровался в его действиях и ушел от него.

По возвращении домой, Абдусалям Рамзин на «увещевание» к подполковнику А.В. Папаву с повинной не пошел. Свой отказ по-

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 507. Ч. 3. Л. 207 об.–210.

[2] Там же. Ч. 1. Л. 210 об.

виноваться он объяснял по следующим причинам. Во-первых, не все были единодушны в своих решениях, «некоторые не захотели по тому позыву к Папаву явиться для того, что боялись других своей братии башкирцов, из коих большая часть пребывала еще в бунте». Во-вторых, «Папав пошел против них военною рукой, что они убоялись и бежали из своих жилищ», что и явилось поводом вовлечения его в повстанческое движение осенью 1774 года[1].

Абдусалям Рамзин совместно с известными башкирскими предводителями Адигутом Тимясевым, Аладином Бектугановым, Зюмакаем Аскаровым и Рахмангулом Иртугановым продолжал борьбу с карательными отрядами и командами «верных» башкирских старшин. 2 сентября 1774 года «верный» башкирский старшина Кулый Балтасев в рапорте в Уфимскую провинциальную канцелярию сообщал, что 28 августа сводная команда поручика И.Я. Егорского, старшин Кулыя Балтасева и Шарипа Кииков прошли от Ангасякского завода до деревни Вотская Кичия ниже деревни Кусеярово, на противоположном берегу реки Танып они увидели отряд во главе со старшинами Гайнинской, Уранской Иректинской и Кайпановой волостей Адигута Тимясева, Аладина Бектуганова, Юмакая Аскарова, Рахмангула Иртуганова и «сам собою назвавшейся старшиною ж Абдусалям Рамзин». В их сводном отряде было «четырех или пяти сот человек». Они продолжали мобилизовать население «к себе в сборище, устращивают тем: когда они не пойдут, то все деревни хотят вырубить и выжечь». Предводители отряда кричали через реку «верным» старшинам с предложением переговора о нейтралитете сторон, что «они нам билетов не дадут, ни от нас их требовать не будут». По предположению «верных» старшин, этими переговорами предводители хотели затянуть время, чтобы окружить их команду и уничтожить[2].

4 сентября главный старшина Осинской дороги Шарип Кииков отправил в Уфимскую провинциальную канцелярию рапорт с сообщением, что численность воинов отряда вышеназванных предводителей достигла 1000 человек. Видимо, произошло объединение нескольких отрядов. Среди предводителей были полковник Абдулзялиль

---

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 507. Ч. 1. Л. 210.

[2] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 228.

Урускулов, атаман Буляк Якупов, казаки Елдяцкой крепости во главе с сыном атамана. Повстанцы продолжали мобилизовать жителей в свой отряд, забирая по одному человеку с двух дворов[1].

Появление такого внушительного повстанческого отряда во главе с опытными предводителями стало серьезной угрозой для региона. Для «поиску и истребления оставших от их шаек злодеев» из Уфы был направлен карательный полк полковника А.Я. Якубовича. Команда майора И. Штерича, посланная А.Я. Якубовичем в район Ангасякского завода, 4 сентября нанесла поражение повстанческому отряду.

Таким образом, Абдусалям Рамзин вместе с известными башкирскими предводителями продолжал борьбу до глубокой осени 1774 года в районе пригорода Бирска и Ангасякского завода, в бассейне реки Танып. Когда восстание на территории Башкортостана пошло на убыль, повстанцы среагировали на «увещевание неизвестного поручика» [И.Я. Яворского] и решили принести повиновение. Они «согласясь, отобрали от себя лутчих людей человек с 20, в том числе и он, Абдусалям, выехали к нему верст за 70 навстречу. Он многих отпустил с билетом, а тех, кто в толпе Е.И. Пугачева были чиновными людьми, прислал в Казань в секретную комиссию»[2].

В застенках Казанской секретной комиссии Абдусалям Рамзин прошел все круги ада и был приговорен к смертной казни через отрубление головы. Когда для исполнения приговора голову положили на плаху, зачитали милосердное решение императрицы Екатерины II об отмене смертной казни. Абдусалям Рамзин был высечен плетьми и назначен на вечную службу в гусарский полк[3].

Адигут Тимясев

Башкир деревни Елпачиха Гайнинской волости Осинской дороги (деревня Елпачиха Бардымского района Пермского края), полковник повстанческой армии. На допросе в Казанской секретной комиссии подробно изложил о себе и своем участии в восстании. Ниже

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 593. Л. 114; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 403.

[2] РГАДА. Ф. 6. Д. 507. Ч. 3. Л. 210.

[3] Там же. Л. 210 об.

о повстанческой деятельности пугачевского полковника Адигута Тимясева излагаем по допросной записи[1].

Адигут Тимясев окончил медресе, был муллой, владел тюрки и русским языком. Ему 56 лет. Занимался торговлей в Пермской провинции и Ектеринбурге. В ноябре 1773 года, когда началась Крестьянская война, по указу Уфимской провинциальной канцелярии к их старшине Кучукбаю Абдуллину собрали по одному человеку с каждых двух дворов и отправили в Стерлитамак. Адигут Тимясев остался дома, затем поехал по торговым делам в Екатеринбург, где пробыл до 6 января 1774 года. Для возвращения домой он зашел к главному начальнику Екатеринбургского горного ведомства полковнику В.Ф. Бибикову за билетом. Бибиков «вместе с билетом дал Манифест Ея Императорского величества для разоблачения самозванца». По дороге домой он вел агитацию не выступать против государыни.

Дома он застал башкир Гайнинской волости под влиянием приехавшего в их волость башкира Ногайской дороги деревни Юмакаевой «называвшегося собою старшиной Абди Абдуловым». Адигут Тимасев стал увещевать башкир о самозванце. Затем он поехал в деревню Усть-Тунтор, где застал Абдея Абдулова вместе со старшиной Кучукбаем Абдуллиным и своим двоюродным братом Сайфуллой Сайдашевым. Попытка Адигута Тимясева увещевать предводителей восстания завершилась предупреждением: в случае распространения слухов о беглом донском казаке-самозванце Пугачеве «пригрозили повесить». Вернувшись домой, Адигут Тимясев написал обо всем депутату Туктамышеву Ишбулатову. Они вместе с ним увещевали башкир до июня 1774 года, «хотя мало кто их признавал». В июне к ним приехал «башкирец деревни Ишменевой Абсалим Размеев [Абдусалям Рамзин], упрекнул их за совращение народа об государе» и предупредил, «как бы их не настигла судьба депутатова сына, которого из Оренбурга отправили для увещевания, но повстанцами пойман и отправлен в Берду, а там повешен Пугачевым».

Когда пошел слух «о прибытии Пугачева в дом Салаватки и их намерении идти на Красноуфимск, то боясь быть оклветанны и умершвлены тем Абсалимом при злодее», то Адигут Тимясев и Туктамыш

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 507. Ч. 5. Л. 41–45.

Ишбулатов условились идти в деревню Салтанаево к Абдулкариму Мансурову, который был «в согласии с злодеем», и спроисть у него одобрения. Там они написали рапорт Пугачеву «с просьбой простить Адигута и Туктамыша за их увещевания».

Далее Адигут Тимясев пространно и красочно излагает приключения в поисках Е.И. Пугачева, его аудиенции в 10 верстах от Уинского завода, как они на коленях перед ним подали свой рапорт. Яицкий казак Идорка прчитал рапорт и перевел на русский язык. Е.И. Пугачев хотел их повесить, но по просьбе присутствующих башкир их простил и оставил у себя. Затем с приключениями Адигут Тимясев в составе повстанческой армии участвовал в Казанском походе, в боевых событиях не участвовал, так как был безоружный, несколько раз пытался бежать. Не доходя до Казани верст 30 башкирские предводители Кучукбай Абдуллин, Рахмангул Иртуганов, Салим-Зюфар Илишев и Адыл Ашменев, «не пожелав под командою Сайфуллы Сайдашева, написали злодею прошение сделать над ними полковником Адигута». Их было не более 200 человек. Пугачев ответил, что «над таким малым числом полковнику быть неможно» и отказал присвоить чин полковника.

Приехав домой, Адигут Тимасев жил у себя дома, у старшины Шарипа Киикова взял билет. Но в их деревню приехали Сайфулла Сайдашев и Абдусалям Рамзин командой человек 30 и «неволею увезли на реку Танып». Адигут Тимясев снова бежал, «увещевал башкир и 11 сентября привел к подполковнику А.В. Папаву до 30 человек с повинной»[1]. А.В. Папав выдал им билеты и отпустил домой. Но в ноябре был взят командой Папава из дома и отправлен в Казань. Допросную речь Адигут Тимясев завершает следующей фразой: «Письма он такого содержания, по которому бы собрать башкирцов и догнать им злодея Пугачева, не писывал, и кем таковое писанное Сайфулла Сайдашев Мукашу Сютееву письмо давал, он не знает».

Такова авторская версия «участия» муллы деревни Елпачихи Гайнинской волости Адигута Тимясева. Его показания были направлены на максимальное уменьшение своей вины перед властями и тем самым сохранить жизнь. Хотя допросная речь шита белой ниткой, но

[1] К данному заявлению Адигута Тимясева на левых полях имеется приписка: «у Папава о сем ничего не сказано, сказано, что взят посланною из деташамента командою». РГАДА. Ф. 6. Д. 507. Ч. 5. Л. 45.

она красноречива. В конце очерка мы увидим, что словоохотливый и красноречевый мулла добился поставленной цели: он был отпущен без наказания.

Другие источники, свидетельства повстанцев дают совершенно иную картину. К активным действиям Адигут Тимясев приступил в декабре 1773 года под воздействием полковника Абдея Абдулова. 3 декабря сводный отряд Абдея Абдулова вышел из деревни Барды и начал поход на Кунгурский уезд. Повстанцы взяли Уинский и Суксунский заводы, село Медянское и вернулись в деревню Барды. Абдей Абдулов вновь приступил к мобилизации населения в восстание и формированию новых отрядов. Возникли отряды Батыркая Иткинина, Адыла Ашменева, Сайфул-Мавлюта Сайдашева, Канзея Абдулова, Рахманкула Иртуганова, Мукаша Сютеева, Аладина Бектуганова. Адигут Тимясев скомплектовал небольшой повстанческий отряд из гайнинских башкир, марийских и татарских крестьян, работных людей горных заводов и примкнул к сводному войску Абдея Абдулова. Его отряду было поручено охранять пригород Осу от карательных команд и ополчений. Адигут Тимясев обеспечивал дисциплину в пригороде и в повстанческих отрядах пригорода, оказывал помощь в организации самоуправления в пригороде Осе, на Шермяитском и Юго-Камском горных заводах. В своем приказе Осинской земской избе от 29 января 1774 года Адигут Тимясев сообщал о приближении к пригороду карательной команды и требовал готовиться к обороне, обеспечивать повстанческие отряды гарнизона провиантом и фуражом. В феврале–марте 1774 года Адигут Тимясев совместно с Сайфул-Мавлютом Сайдашевым совершали несколько походов на село Беляевское против дворцовых крестьян, изменивших восстанию. В феврале отбили атаку карательной команды И.И. Варакина. 1–3 марта их совместный двухтысячный отряд сражался под селом Беляевском с карательным деташаментом, присланным к Осе коллежским асессором М.И. Башмаковым. В письме отставного гвардейского солдата, жителя пригорода Осы Петра Треногина Димитрию Корниловичу от 14 марта 1774 года говорится, что эти походы были подготовлены и совершены по инициативе Адигута Тимясева[1]. По сообщению Осинской земской избы от 17 марта 1774 года,

[1] Пугачевщина. Т. I. С. 114.

Адигут Тимясев с «башкирской казачьей командой и с отрядом осинских дворцовых крестьян» неоднократно сражался с «наезжающими на город Осу и окольные жительства» карательными командами[1].

Адигут Тимясев получал регулярные сведения о боевых действиях Салавата Юлаева и И.Н. Белобородова, а от них – о продвижении Большого войска Е.И. Пугачева. Атаман осинских казаков С.Я. Кузнецов в письме от 10 мая писал: «А от Салавата з Белобородовым есть письменное известие, что под город Кунгур идет [Пугачев] с армиею в пятнадцати тысячах». В том же письме С.Я. Кузнецов сообщал: «А мы было с Адигутом Тимисеевым и поехали в армию батюшки нашего, но только до Уфы за сто да тритцеть верст злодейская же партия не допустила»[2]. Следовательно, Адигут Тимясев еще до подхода Главного войска в Северо-Западный Башкортостан имел намерение встретиться с «государем». Но они не теряли надежды. В данном письме С.Я. Кузнецов продолжает: «А мы сего мая 11 числа намерены отправитца с Адигутом до того атамана, а оттуда есть на уме проситца до батюшки нашего». Вероятно, С.Я. Кузнецов и Адигут Тимясев имели намерение добиться встречи с Е.И. Пугачевым через И.Н. Зарубина. Им еще не было известно поражение повстанческого войска под Уфой.

Адигуту Тимясеву все-таки удалось встретиться с «государем». 16 июня 1774 года они вместе со старшиной Гайнинской волости, депутатом Уложенной комиссии Туктамышем Ишбулатовым добились аудиенции у Е.И. Пугачева, Ставка которого находилась недалеко от Уинского завода, и передать ему письмо. Пугачев присвоил Адигуту Тимясеву воинский чин поковника и призвал служить ему. В составе Главного войска Адигут Тимясев участвовал в штурмах Осы, во взятии Ижевского и Воткинского заводов, города Казани, в сражениях 12 и 15 июля под Казанью. После поражения Главного войска и ухода Пугачева за Волгу Адигут Тимясев и Сайфул-Мавлют Сайдашев вернулись на Осинскую дорогу.

Адигут Тимясев продолжал борьбу до глубокой осени. Вместе с Аладином Бектугановым он возглавлял повстанческое движение в Северо-Западном Башкортостане. Совместно с Рахмангулом

[1] Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 184.

[2] Там же. С. 187.

Иртугановым, Абдусалямом Рамзиным и Юмакаем Аскаровым в бассейне реки Танып они продолжали оказывать упорное сопротивление карательным деташаментам Д.О. Гагрина и А.В. Папава. Когда правительственным войскам активную помощь стали оказывать команды «верных» башкирских старшин Кулыя и Сагита Балтасевых, Шарипа Киикова и Валишы Шарипова, Адигут Тимясев и его соратники ушли в глубь Башкортостана и стали действовать в районе Бирска. Они обратились с письмо к «верным» башкирским старшинам с призывом прекратить карательные опреции и вернуться к себе домой. Они писали: «Все наши единоверцы сии ваши поступки не хвалят. Што вам сделалось: так же как и старшина Токтамыш, в домы возвратясь, живите»[1].

Сами предводители восстания продолжали сопротивление карательным командам. 2 сентября 1774 года «верный» башкирский старшина Кулый Балтасев в своем рапорте в Уфимскую провинциальную канцелярию сообщал, что они с поручиком И.Я. Яворским и старшиной Шарипом Кииковым совершили поход по Осинской дороге от Ангасякского завода до деревни Вотская Кичия. Через посыльных они узнали, что при перевозе через реку Танып у деревни Кусеярово собрались со сводным отрядом «до четырех или пяти сот человек» предводители Осинской дороги Адигут Тимясев, Аладин Бектуганов, Юмакай Аскаров, Рахмангул Иртуганов и Абдусалям Рамзин[2].

Положение предводителей восстания резко ухудшилось, когда их соратник, старшина Гайнинской волости Рахмангул Иртуганов перешел на сторону «верных» старшин и начал энергичные карательные меры. 13 октября он арестовал Адигута Тимясева и других предводителей тулвинских башкир и сдал А.В. Папаву, который отправил их в Казанскую секретную комиссию. В Секретной комиссии Адигут Тимясев подвергался многочисленным допросам. Но мудрому и опытному Адигуту Тимясеву удалось убедить следователей, что в восстании он участвовал «из страха и по принуждению». По решению Тайной экспедиции Сената от 5 апреля 1775 года он был освобожден без наказания[3].

---

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 227.

[2] Там же. С. 228.

[3] РГАДА. Ф. 6. Д. 416. Ч. 1. Л. 115.

Сохранился любопытный источник: протокол допроса Адигута Тимясева от 4 марта 1775 года в качестве свидетеля по делу Салавата Юлаева в Казанской секретной комиссии. В своем показании он сообщил следующее: «Как прошел у них слух, что злодей самозванец был с толпою своей у башкирца Салаватки Юлаева, и говорили, что пойдет на Красноуфимск к Казани, то жители их условились о повиновении злодею послать к нему репорт»[1]. В этом кратком, но емком показании Адигута Тимясева просматривается огромный авторитет национального героя башкирского народа, его влияние на настроения и умы своих соплеменников.

Дальнейшая судьба Адигута Тимясева неизвестна. Но его освобождение без наказания позволяет предположить, что он дожил свою жизнь без дальнейших потрясений, исполняя в своей родной деревне Елпачихе функции муллы.

Адыл Ашменев

Башкир деревни Елпачиха Гайнинской волости Осинской дороги (деревня Елпачиха Бардымского района Пермского края), полковник повстанческой армии. В середине декабря вместе с Батыркаем Иткининым и Сайфул-Мавлютом Сайдашевым в составе делегации башкир Гайнинской волости ездил в Чесноковский центр, получил от И.Н. Зарубина чин походного старшины.

По возвращении домой Адыл Ашменев набрал отряд численностью до 200 человек и присоединился к сводному войску Абдея Абдулова. Сводным войском были заняты Рождественский и Ашапский заводы Демидовых, Аннинский казенный завод, Уинский завод Саввы Яковлева, Юго-Камский завод Б.Г. Шаховского, Шермяитский завод А.И. Глебова, Пышминский завод Кобелевых, дворцовые села Каракулино и Сарапул, села русских крестьян Беляевское, Троицкое, Тихоновское. 22 декабря сводный отряд вступил в пригород Осу.

В Осе войско Абдея Абдулова разделилось на две самостоятельные партии. Одна партия под командованием Абдея Абдулова двинулась в северном направлении с намерением через Аннинский завод, село Верхние Муллы идти на Соликамск. Другая партия Батыркая

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 306.

Иткинина отправилась в направлении города Кунгура. Отряд Адыла Ашменева в начале января 1774 года в составе войска Батыркая Иткинина участвовал в осаде и штурме Кунгура. После неудачного штурма Кунгура Батыркай Иткинин вернулся в Осу. Видимо, пути Адыла Ашменева и Батыркая Иткинина тогда разошлись. Адыл Ашменев со своим отрядом оказался в составе войска Салавата Юлаева, участвовал во всех событиях в районе Красноуфимской крепости, штурмах Кунгура 23 и 24 января 1774 года.

Когда повстанческие силы Красноуфимско-Кунгурского района потерпели поражение, Адыл Ашменев вернулся домой и продолжал борьбу в пределах своей волости. 13–14 марта совместный отряд Адыла Ашменева, Адигута Тимясева и Сайфул-Мавлюта Сайдашева под селом Беляевском выдержали жесткое и многочасовое сражение с хорошо вооруженной карательной командой, присланной коллежским асессором М.И. Башмаковым.

Адыл Ашменев продолжал борьбу весной 1774 года. В конце мая его небольшой отряд объединился с отрядом заводских крестьян под командой Ф.Максимова. Из деревни Неволино под Осой он от своего имени и сотника Мукаша Сютеева отправил рапорт «Петру III» – Пугачеву, где выразил готовность к захвату Рождественского завода. В ответ на данный рапорт 19 июня Е.И. Пугачев издал на их имя именной указ с подписью «Петр Федорович». Е.И. Пугачев благодарил их за оказанную службу: «Рапорт ваш нами получен, коим уведомляете, что как Неволина деревня, так и около оной многия жительства склонны под нашу корону, – на том благодарим всевышнюю десницу». Далее Е.И. Пугачев ставил перед авторами рапорта конретные задачи: «всячески старатца вам, старшине и сотнику, набирать к имеющемуся у вас в команде войску»; «по набрании достаточного числа, дожидаться вам со оною прибытия нашего величества с армией нашей в деревне Неволиной»; «поход же ваш для взятия Рождественского завода до прибытия нашего умедлить». Предписание об отмене похода отряда Адыла Ашменева на Рождественский завод последовало в связи с необходимостью охраны Ножевского перевоза через Каму до подхода Главного войска Е.И. Пугачева. Главной задачей для повстанческих предводителей Е.И. Пугачев ставил пропаганду населения, для этого он требовал копии именного указа рассылать «в разные жительства и деревни», сообщать «сведения народу о нашем шествии», по получении данного

указа срочно уведомить «русским репортом с прописанием обстоятельств»[1].

Адыл Ашменев с лихвой выполнил указания «государя». Когда Главное войско вступило в пределы Осинского уезда, он вошел в его состав со своим отрядом численностью около 2 тысяч человек, участвовал в походе на Казань и в сражениях 12 и 15 июля на Арском поле. Под Казанью попал в плен. Но тогда по ходатайству главного старшины Осинской дороги Шарипа Киикова был освобожден[2].

Вернувшись домой, Адыл Ашменев возобновил борьбу с карательными командами «верных» старшин. Осенью 1774 года с группой башкирских полковников действовал в бассейне реки Танып. 13 октября Рахмангул Иртуганов, который отошел от всосстания и приступил к карательным операциям, арестовал активных участников восстания в Северо-Западном Башкортостане Мукаша Сютеева, Джияна Куштанова, Салим-Зюфара Илишева, Муксина Мадиярова, Адыла Ашменева и передал их подполковнику А.В. Папаву. Тот отправил их в Казань в распоряжение Казанской секретной комиссии. Арестанты были доставлены в комиссию 26 ноября 1774 года.

В тюрьме Адыл Ашменев ослеп. На допросе он отличался упорством и скрытностью. Следователь вынужден был отметить: «Поелику сей слеп, так нельзя приметить сердечного его чувствования, но лицо его и выговор слов показывают его, кажется злым человеком»[3]. По решению Тайной экспедиции Сената от 5 апреля 1775 года Адыл Ашменев был освобожден без наказания[4]. В приговоре отмечено: «надлежало бы послать в каторжную работу вечно». Но учитывая его слепоту, приговорили отпустить домой «с пашпортом, в коем написать, чтоб жители из селения своего никуда его не выпускали, и никакого б с ним, как с человеком, погруженным в злодеяниях, обхождения нимало не имели, а содержали б его в самом сущем презрении»[5]. Приговор был утвержден императрицей Екатериной II собственноручно.

---

[1] Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 44–45.

[2] Салават Юлаев. Энциклопедия. С. 34.

[3] РГАДА. Ф. 6. Д. 507. Ч. 5. Л.30–37.

[4] Там же. Ч. 3. Л. 259.

[5] Там же. Л. 259–260.

Аит Саитов

Башкир деревни Сосновка (Кумово) Уранской волости Осинской дороги (Янаульский район РБ). Полковник повстанческой армии.

Аиту Саитову во время допроса в Казанской секретной комиссии в ноябре 1774 году было 56 лет[1]. Он пользовался уважением в своей волости, был частым участником при оформлении купчих сделок в качестве доверенного лица от мирского схода при продаже вотчинных земель башкир Уранской волости. 1 апреля 1760 года и 17 ноября 1761 года он участвовал в оформлении отдачи вотчинных земель волости в обрачное владение дворцовым крестьянам Сарапульской волости. 26 февраля 1771 года его имя упоминается в числе мирских людей при отдаче вотчинных владений по рекам Бую, Писмени и Изяри заводовладельцу А.Г. Демидову на обрачное владение на 30 лет[2].

К восстанию примкнул в конце октября или в первых числах ноября 1773 года. В приказе И.Н. Зарубина от 14 декабря 1773 года говорится о том, что Аит Саитов приезжал к нему на Воскресенский завод. И.Н. Зарубин присвоил ему чин походного старшины и направил в родные места для набора людей в повстанческие отряды. Предводитель Чесноковского повстанческого центра возложил на Аита Саитова очень ответственную задачу: «чтоб он подкомандующим своим, равно и окольным башкирцам и мещерякам и татарам предъявил, чтоб они находились в его повелении»[3]. По существу, И.Н. Зарубин назначил Аита Саитова своим полномочным представителем на огромной территории Уфимского уезда, где молниеносно распространялось восстание.

Таким образом, Аит Саитов одним из первых из башкир оказался направленным в Северный Башкортостан для мобилизации населения этого региона в повстанческое движение. На допросе в Казанской секретной комиссии Аит Саитов сообщал, что его «вербовали Бахтияр, Яркай и Мягди». За неделю до Петрова дня 1774 года к ним в деревню приехал «Мягди Мадияров с 6 человеками». По его поручению Аит Саитов начал набирать в свой отряд «охочих» людей

---

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 507. Ч. 3. Л. 425 об.

[2] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV. Ч. 1. С. 187, 228, 354.

[3] РГАДА. Ф. 6. Д. 507. Ч. 4. Л. 435 об.

и сформировал отряд «всего около 500 человек»[1]. Таким образом, Аит Саитов скомплектовал полноценный отряд, который позволял присвоить ему чин полковника.

Аит Саитов совместно с повстанческими полковниками Ярмухаметом Кадерметевым, Магдеем Медияровым и Байкеем Тойкиевым действовал в районе Сарапульской и Каракулинской дворцовых волостей. В декабре 1773 года они взяли Камбарский железоделательный завод Демидовых. В феврале разгромили команду сарапульских крестьян, изменивших восстанию. Дворцовый крестьянин Сарапульской волости Борис Васильев в Казанской секретной комиссии показал, что в Петров день в их деревню приехал крестьянин села Березовского Никита Воробьев и от имени «императора Петра Третьего» объявил набор в повстанческую команду. «А за ним вскоре башкирцы тысячи з две, над которыми были называющиеся полковниками Аит Саитов и Ермухамет Кадырметев»[2].

Особенно энергично Аит Саитов действовал весной и летом 1774 года, когда в Северном Башкортостане ожидали прихода «государя». Он вместе с Бахтияром Канкаевым, Ярмухеметом Кадерметевым, Магдеем Медияровым, Ишкиней Уразовым и Федоськой Янбахтиным набирал людей в отряды для пополнения Главного войска, боролся против карательных команд. Бахтияр Канкаев в своих приказах от 13 и 22 июня 1774 года старшинам Уранской волости требовал, «чтоб вам стоять напротив состоящихся в Сарапульской стороне и на Качеве неприятелей»[3]. В составе Главного войска Аит Саитов со своим отрядом участвовал в штурмах и захвате пригорода Осы[4].

После ухода Пугачева и его Главного войска к Казани Аит Саитов вместе с Салаватом Юлаевым совершил рейд по Сарапульской волости. Затем они продолжали набирать людей в новые отряды и отправляли их на пополнение Главного войска[5]. О совместных действиях Аита Саитова и Салавата Юлаева летом 1774 года по

---

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 507. Ч. 1. Л. 435 об.–436.

[2] РГАДА. Ф. 6. Д. 467. Ч. 8. Л. 252.

[3] Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 315–316, 324.

[4] *Гвоздикова И.М.* Аит Саитов // Салават Юлаев. Энциклопедия. С. 35.

[5] РГАДА. Ф. 6. Д. 507. Ч. 5. Л. 839.

набору людей «в большую армию государя Петра Федоровича» сообщали на допросе в Казанской секретной комиссии активные участники восстания в Прикамье башкиры Гайнинской волости Аблей Бектуганов и Иманкул Серкеев, житель деревни Узяково черемис Бухармет Булхаиров[1]. Черемисский полковник Байкей Тойкиев на допросе в Казанской секретной комиссии сообщал, что летом 1774 года в их деревню «приехали двадцать пять человек башкирцов» от старшин Салавата Юлаева и Аита Саитова и объявили, что «оные Салават и Аит находятся в армии государя Петра Федоровича»[2].

Основной своей задачей Аит Саитов, Ярмухамет Кадерметев и Байкей Тойкиев считали препятствовать выходу карательных команд из Уфы для преследования Главного войска Пугачева. Поэтому они преимущественно действовали в районе пригорода Бирска и Ангасякского винокуренного завода. 24 июня под деревней Касево его отряд выдержал бой с карательной командой (600 человек) и вынудил противника переправиться через Каму. 29 июня, во время сражения с карательным корпусом И.И. Михельсона у деревни Сусады-Баш, Аит Саитов командовал сводным отрядом повстанцев. 9 августа они имели сражение с командой капитана И. Ахшарумова.

В конце лета 1774 года обстановка в районе Бирска обострилась, концентрировались карательные силы. Требовалась оперативная перегруппировка повстанческих отрядов. 11 августа Ярмухамет Кадерметев в своем приказе Аиту Саитову требовал «в скорейшем прибыть к Ангасякскому заводу». 30 августа и 6 сентября двухтысячный сводный отряд Аита Саитова, Ярмухамета Кадерметева и Байкея Тойкиева потерпел поражение от майора И. Штерича.

О дальнейшей судьбе Аита Саитова авторы пишут по-разному. И.М. Гвоздикова в Энциколпедии «Салават Юлаев» утверждает, что Аит Саитов, Магди Медияров и Байкей Тойкиев сложили оружие в октябре 1774 года. «По решению комиссии Аит был высечен плетьми, лишен уха. Отпущен домой. Дальнейшая судьба неизвестна»[3].

---

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 507. Ч. 5. Л. 51 об., 133.

[2] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 312.

[3] Салават Юлаев. Энциклопедия. С. 35.

С.У. Таймасов пишет, что Аит Саитов 30 августа захвачен в плен командой премьер-майора И. Штерича, умер в тюрьме[1].

Аит Саитов в своей допросной речи внес определенные уточнения в этом вопросе. В конце лета он действовал вместе с Магдеем Медияровым. По его требованию Аит Саитов набрал отряд «всего около 500 человек. Они взяли села Касево и Березовку. После этого Магдей Медияров с отрядом направился в село Сарапул на соединение с Е.И. Пугачевым, а Аита Саитова отпустил домой. В это время через их деревню со своим отрядом проходил Бахтияр Канкаев. Но Аит Саитов отстал от него и остался дома. Когда в селе Касево появилась воинская команда [майора И. Штерича], Аит Саитов хотел идти к нему за билетом, но жители деревни поймали его как сторонника башкирских повстанцев, отвезли в село Касево и сдали майору. И. Штерич отправил Аита Саитова в Бугуруслан, оттуда – в Казанскую секретную комиссию. В комиссии он подвергался многочисленным допросам и жестоким пыткам. В протоколе Казанской секретной комиссии отмечено, что Аит Саитов бит плетьми, отрезано одно ухо, освобожден с охранным билетом[2]. Однако Аит Сайтов до освобождения не дожил, умер в Казанской тюрьме.

У Аита Саитова был взрослый сын Рафик. Вероятно, он принимал участие в восстании. На допросе Рафик говорил, что «в июне бежал от повстанческого полковника Магдея Мадиярова в лес. Там его поймали и сдали Д.О. Гагрину»[3]. Рафик Аитов был доставлен в Казанскую секретную комиссию, где его судили как сына крупного бунтовщика Аита Саитова. В заключении комиссии говорится, что его отец совершил много злодеяний, за что Рафик приговорен к пожизненной службе в гусарских полках[4].

Аладин Феляков

Башкир Иректинской волости Осинской дороги. Полковник повстанческой армии[5]. Некоторые авторы утверждают, что атаманы

---

[1] *Таймасов С.У.* Указ. соч. С. 269.

[2] РГАДА. Ф. 6. Д. 507. Ч. 4. Л. 436.

[3] Там же. Ч. 5. Л. 384 об.

[4] Там же. Д. 467. Ч. 12. Л. 397 об. и 308.

[5] *Гвоздикова И.М.* Указ. соч. С. 505.

Аладин Феляков и Аладин Бектуганов одно и то же лицо. Между тем в «Реестре», учиненном «ис татарских переводов о злодейских начальниках» зафиксированы отдельно «атаман Алладин Биктуганов» и «атаман Аладин Феляков»[1].

Аладин Феляков совместно с башкирскими атаманами Буляком Якуповым и Арасланом Рангуловым действовал под пригородом Бирском и Ангасякским заводом, в бассейне реки Быстрый Танып. Эти три башкирских предводителя всегда действовали вместе, лишь в редких случаях по каким-нибудь конкретным операциям им приходилось разлучаться. В источниках участие Араслана Рангулова, Аладина Фелякова и Буляка Якупова в восстании осенью–зимой 1773 года не прослеживается. Они активно включились в повстанческое движение весной 1774 года, когда население Северного Башкортостана ждало прихода «государя Петра Федоровича». Араслан Рангулов, Аладин Феляков и Буляк Якупов совместно с другими предводителями региона приступили к подготовке встречи с Е.И. Пугачевым: набирали отряды для пополнения Главного войска, обеспечивали охрану дорог, мостов и перевозов через реки, устанавливали прямую связь со Ставкой Е.И. Пугачева. 6 июня в Ставку Пугачева, которая находилась в верховьях реки Ай, прибыл Абдулкарим Аитов в качестве посланца сводного отряда Араслана Рангулова, Аладина Фелякова и Буляка Якупова, действовавшего в районе пригорода Бирска. Салават Юлаев, находившийся в это время в Ставке Пугачева, в тот же день через Абдулкарима Аитова отправил письмо атаманам Осинской и Сибирской дорог. Письмо было адресовано «старшине Буляку Якупову, атаману Аладину Фелякову и старшине Араслану Рангулову. В нем Салават Юлаев сообщал о двух сражениях «государя Петра Федоровича» с гусарами на реке Ай, давал наставление «стоять против неприятелей крепко с непоколебимостью сердец своих ни на какую сторону». Военная коллегия в тот же день через Абдулкарима Аитова послала увещевательное письмо «Буляковой команде» с повелением «в своих волостях с мещеряцкого народа собрать армию и быть от разоряющих неприятелей в осторожности»[2].

---

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 467. Ч. 12. Л. 397 и 397 об.

[2] Там же. Д. 416. Ч. 1. Л. 168 и об.; Крестьянская война 1773–2775 гг. на территории Башкирии. С. 180.

После получения писем от Военной коллегии и Салавата Юлаева оживилась работа по подготовке к встрече «государя», по мобилизации жителей в повстанческие отряды. Командиры начали устанавливать между собой более тесные контакты, согласовывали свои действия, предпринимали попытки объединять отряды.

Основным местом повстанческой деятельности Аладина Фелякова, Араслана Рангулова и Буляка Якупова летом 1774 года был район пригорода Бирска и Ангасякского винокуренного завода. 25 мая Бирский воевода капитан И. Суровцев рапортовал в Уфимскую провинциальную канцелярию о приближении к Бирску «отряда под командованием Аладина Бектуганова, сотника Мрата и Араслана Рангулова»[1].

7 мая секунд-майор О.И. Дуве в рапорте генерал-поручику Ф.Ф. Щербатову докладывал, что 23 мая под пригородом Бирском состоялось сражение с повстанческим отрядом, возглавляемым Арасланом Рангуловым, Буляком Якуповым и Аладином Феляковым. По показаниям башкир, оказавшихся в плену, в сводном отряде было около 3 тысяч воинов. Бой начался, когда восставшие, «не дожидаясь ничего, начали дело в 11 часов поутру с превеликим криком и окружили» карательную команду, заставив ее «на все стороны оборонятца». Упорный и кровопролитный бой продолжался 4 часа и закончился поражением повстанцев.

Однако поражение от майора О.И. Дуве не остудило порыва восставших. Их командиры продолжали набирать людей в свои отряды. Обострению борьбы способствовали приближение Главного войска Е.И. Пугачева и тесная связь с Салаватом Юлаевым. Башкир деревни Кызылярово Гарейской волости, активный участник восстания Шарип Шаркаев на допросе в Казанской секретной комссии показывал, что летом 1774 года в их деревню от Е.И. Пугачева пришли два башкира с билетом и требовали набрать по одному человеку с каждого двора, «а всего тринадцать человек». Затем явились к старшине волости, полковнику повстанческой армии Юмакаю Аскарову. Всего набрали «как башкирцов, так вотяков, мещеряков и черемис более тысячи человек. Потом пошли в пригород Бирск»[2].

[1] РГВИА. Ф. 20. Д. 1239. Л. 1 об.; Крестьянская война 1773–2775 гг. на территории Башкирии. С. 381.

[2] РГАДА. Ф. 6. Д. 507. Ч. 4. Л. 550–552 об .

Участник событий под Бирском вотяк Москов Якимов набор повстанцев связывал с действиями Салавата Юлаева: «Весною же, не знает в котором месяце, приехал в их деревню башкирец [Аладин Феляков] с дватцатью человеками башкирцев и требовал на службу якобы государю Петру Федоровичу в команду к их старшине Салавату Юлаеву».

Под Бирском сводный отряд потерпел еще одно поражение. По показаниям Шарипа Шаркаева, потерпевшие поражение повстанцы бежали в мишарскую деревню Пулеву. Туда подоспела команда от Салавата Юлаева человек 200, затем еще одна команда от Салавата в 300 человек. 4 июня повстанцы возобновили атаку на Бирск. «И как жители усмотрели, что их толпа весьма уже велика, то перебрались все за реку Белую на сю сторону». Воинская команда гарнизона попыталась оказать отпор, но повстанцы, «зажегши дома, тем пригородом овладели и весь выжгли»[1].

После захвата Бирска отряд Араслана Рангулова, Буляка Якупова и Аладина Фелякова присоединился к корпусу Салавата Юлаева и в составе Главного войска участвовал в штурмах и взятии пригорода Осы, захвате Ижевского и Воткинского заводов, в штурме и захвате города Казани, в сражениях 12 и 15 июля под Казанью. После поражения Главного войска и ухода Пугачева за Волгу башкирские отряды вернулись домой. Они до поздней осени действовали под Бирском и в бассейне реки Быстрый Танып. Повстанческое движение пошло на убыль. Видимо, распал сводный отряд Араслана Рангулова, Буляка Якупова и Аладина Фелякова. Генерал-майор П.М. Голицын в рапорте от 23 ноября 1774 года П.И. Панину сообщал, что 14 башкирских старширин и 15 ясачных татар принесли повинную, лишь «повстанческий атаман Араслан Рангулов и сотник Мансур Азменев с малым числом сторонников бежали вверх реки Танып»[2].

Араслан Рангулов попал в плен в конце 1774 года. Весной 1775 года был переведен в Уфимскую тюрьму и там же умер.

Судьба Аладина Фелякова неизвестна.

---

[1] Крестьянская война 1773–2775 гг. на территории Башкирии. С. 306.

[2] РГАДА. Ф. 1274. Д. 13. Л. 380.

Батыркай Иткинин

Рядовой башкир деревни Усть-Тунтор Гайнинской волости Осинской дороги. Один из крупнейших и активнейших предводителей восстания в Северном Башкортостане в декабре 1773 – январе 1774 года. Походный сотник, полковник. Владел тюрки и русским языком. Он занимал активную позицию не только в своей волости, но и на всей Осинской дороге. В сентябре 1768 года в качестве выборного от жителей Осинской дороги Батыркай Иткинин ездил в Оренбург с донесением к губернатору А.А. Путятину. В донесении была изложена просьба жителей не назначать старшиной Иректинской волости Рангула Ильина, который не имел достойных качеств для волостного старшины: образованности, знаний в области законодательства, достаточного материального положения, хорошего здоровья и характера[1].

В декабре 1773 года Батыркай Иткинин в составе делегации от башкир Гайнинской волости ездил в Чесноковский повстанческий центр к И.Н. Зарубину с предложением своей помощи для осады Уфы. 14 декабря они прибыли в Чесноковку. 15 декабря делегацию принял подполковник Иван Губанов, присвоил им воинские чины «походный старшина» и «походный сотник». Батыркаю Иткинину был присвоен чин «походного сотника». Губанов вручил делегации именной манифест «императора Петра Федоровича» и отправил обратно домой с задачей приклонить к восстанию многонациональное население Прикамья, создать новый повстанческий район.

Вернувшись домой, Батыркай Иткинин приступил к активной мобилизации населения Осинской дороги в повстанческие отряды. Он возгавил один из отрядов войска Абдея Абдулова. 18 декабря пахотные солдаты пригорода Осы прислали в село Барду к Абдею Абдулову делегацию с решением схода приклониться к «государю Петру Федоровичу» и просьбой прислать команду для защиты пригорода. Абдей Абдулов направил в Осу отряд Батыркая Иткинина. По пути следования Батыркай Иткинин занял Шермяитский медеплавильный завод. 19 декабря он отправил в Осу небольшую команду для разведки. 21 декабря в пригород «во многолюдстве со знамями, фузеями, турками и винтовками, с луками, копьями и саблями» в пригород

[1] Салават Юлаев. Энциклопедия. С. 53.

Осу вошел основной отряд Батыркая Иткинина. Повстанцы совместно с заводскими крестьянами арестовали воеводу Ф.Д. Пироговского, связали и отправили в Елпачиху, оттуда, заклепанного в колодки, – в Чесноковку. Туда же Батыркай Иткинин отправил одну медную пушку времен Ивана Грозного, 10 пудов пороха и 2 воза денег. Через день в Осу вступил отряд Абдея Абдулова.

В Осе Абдей Абдулов и Батыркай Иткинин в течение двух дней вели приготовления к походу. Отряд пополнился командами русских крестьян окрестных деревень. Из деревни Тишкова прибыл отряд Фотия Тетерина, из села Горы – отряд Ивана Тарасова. Пахотные солдаты Осы сформировали отряд под командой Степана Кузнецова.

Дальнейшие действия отрядов определялись обстановкой и соотношением сил борющихся сторон в регионе, но в значительной степени планом, разработанным Ставкой Е.И. Пугачева и Чесноковским центром. Одной из главных задач в первые месяцы Крестьянской войны было распространение восстания на новые территории, вовлечь в него как можно больше населения. Одним из приоритетных направлений распространения восстания был Пермский край, где проживало 40-тысячное угнетенное население, были концентрированы десятки крупнейших горных заводов. Направление повстанческого отряда Салавата Юлаева в район Красноуфимска и Кунгура, продвижение повстанческих отрядов тулвинских башкир на Кунгур и Соликамск говорят о стратегическом плане Ставки охватить Пермский край с юго-восточного и юго-западного флангов. Реализация такого плана дала бы вождям Крестьянской войны выгодные позиции для наступления на Ектеринбург и Казань[1]. В обоих направлениях застрельщиками восстания оказались башкиры. В юго-восточном фланге Пермского края Салават Юлаев поднял на восстание башкир Сибирской дороги, в юго-западном фланге края башкиры Тулвинского поречья первыми признали «царя Петра Федоровича» и подняли на борьбу мнонгонациональное население Прикамья.

Слухи о появлении под Оренбургом «надежи-царя» всколыхнули 40-тысячное население Пермского края. Крестьяне со дня на день ждали появления «самого Петра Федоровича под Кунгур и похода на Казань». К середине декабря 1773 года в Осинской волости

[1] Крестьянская война в России. Т. II. С. 321

и Кунгурском уезде действовали около 3 тысяч вооруженных повстанцев. Бурное развитие народного движения в Пермском крае во многом определялось энергией крестьян Осинской волости. В вовлечении многонационального населения и прежде всего дворцовых и приписных к горным заводам русских крестьян решающее значение имели лозунги башкирских предводителей. Они восприняли начавшееся движение и пропагандировали населению не как традиционное башкирское восстание, а как «приподнятие российского знамени». Тулвинские башкиры еще в ноябре сформировали повстанческий отряд и привели его к И.Н. Зарубину для общего наступления на Уфу. В Чесноковском центре им определили их задачу не в участии в захвате Уфы, а в приведении к присяге «Петру Федоровичу» пермские заводы, Кунгур и Соликамск. В «Наставлении» И.Н. Зарубина подчеркивалась необходимость действовать единодушно с многонациональным населением Пермского края. Участник делегации тулвенских башкир к Зарубину «походный сотник» Батыркай Иткинин в «Охранном» билете пахотному солдату Ф. Кращенникову от 20 декабря 1773 года подтверждал, что он находится «в повиновении Его Императорского величества», а врученная ему копия «царского указа» запрещала чинить разорение и притеснение всем, кто повинуется «третьему императору». Осинские крестьяне-очевидцы похода Батыркая Иткиниа рассказывали жителям русских селений, что полковник, идущий в Кунгурский уезд, действует именем «Петра Федоровича» и «за приезд к нему и за встречю воздал благодарение». Абдей Абдулов приехал в Осинскую волость с манифестом самого «государя Петра Федоровича» и действовал от его имени. Он в селе Барды, «выняв ис пазухи писанной лист», вручил делегации осинских пахотных солдат и сказал, что это манифест «вживе находящегося императора Петра III». Прочитав манифест, Абдей Абдулов от имени «государя» обещал, что «народу будет облехчение в зборе подушных денег и рекрут, равно же в соляной и винной продаже уменьшение,…всем будет вольность».

В силу этих объектвных факторов на рубеже 1773–1774 годов Оса превратилась в центр повстанческого движения Пермского края. Перед башкирскими вождями предстояло решать задачи, поставленные Ставкой с учетом конкретных обстоятельств в крае. Восстанием была охвачена Осинская волость. В тылу находился присоединившийся к восставшим Рождественский молотовый завод. В Сарапуле,

на Ижевском и Воткинском заводах действовали отряды Андрея Носкова, Якова Зылева и Федора Колобова. К северу от Осы восстали крестьяне села Беляевского и Аннинского казенного завода, которые были в угрожаемом положении. В селе Верхние Муллы и на Юговских казенных заводах властям удалось собрать многочисленные и хорошо вооруженные карательные команды. Абдей Абдулов и Батыркай Иткинин решили наступать в двух направлениях. Абдей Абдулов должен был идти на север, в район коцентрации горных заводов Соликамского и Чердынского уездов, Батыркай Иткинин – на восток, на Кунгур. После победы отряды должны были соединиться под Кунгуром или на Ягошихинском заводе и двинуться в поход в Соликамск.

Батыркай Иткинин задержался в Осе для подготовки похода на Кунгур. Борьба за Кунгур, административный центр Пермской провинции, стал главным событием края на рубеже 1773–1774 годов. Отряд Батыркая Иткиниа вышел из Осы 26 декабря. В тот же день прибыл в деревню Бырма, откуда Батыркай Иткинин отправил команду на Юговский завод Осокиных. Его посланцы собрали заводчан на сход и прочитали манифест, после чего все заводские люди «склонились в подданство государю». На заводе было более одной тысячи крепостных крестьян. Они отправили в Бырму 6 возов печеного хлеба и 6 возов овса. 28 декабря с основным отрядом в 1300 тулвинских башкир на Юговский завод вступил Батыркай Иткинин. Энергично проводив на заводе ряд военных и гражданских мероприятий, он вывел свое войско на кунгурское направление. Начался поход на Кунгур. Отряд прошел через татарские деревни Карьевской четверти, Уинский завод Яковлева, Ашапский завод Демидовых, 28 декабря 1774 года вступил в Юговский завод Осокиных и вплотную приблизился к Кунгуру.

Одновременно с формированием отряда и подготовкой его к походу Батыркай Иткинин проводил целый ряд гражданских мероприятий в пригороде и уезде. В пригороде Осе по жалобе жителей он арестовал проворовавшегося командира пахотных солдат А. Кобелева. Имущество Кобелева конфисковали, самого подвергли телесному наказанию конскими плетьми и отправили в Чесноковку. В связи с фактом воровства земская изба 29 декабря приняла казенное «Уложение и зерцало». В Осе Батыркай Иткинин организовал выборы земской избы. В приказе пахотным солдатам он требовал провести выборы «всем миром командира, доброго и честного человека».

От выборного командира Батыркай требовал сохранить спокойствие в пригороде, не чинить подчиненным обид, от пахотных солдат – беспрекословного подчинения выборному командиру[1].

Батыркай Иткинин одним из первых выступил организатором и проводником идеи народовлсатия на севере Башкортостана. 24 декабря 1773 года он представил Осинской земской избе «Наставление», где были изложены основные задачи: захватить дорогу на Казань, не пропускать проезда в Казань и из Казани «кто бы какого звания не был», без письменных «подорожен» от имени «государя»; продавать вино и соль «без всякой утайки», хранить доход винной и соляной стойки как собственность «государя»; именем «государя» держать в послушании окрестных обывателей; по всем указанным вопросам, а главное во всех случаях нарушения «государева интереса…рапортовать в армию через три дни неотменно с нарочно посланным»; всех «ослушников, а в особливости захваченных на Казанской дороге подозрительных людей, немедленно присылать с нарочными в армию»; «никому напрасно обид и притеснения не чинить, опасаясь неизбежимого его императорского величества гнева»[2].

На Юговском заводе Батыркай Иткинин продолжал проводить гражданские мероприятия. По его требованию сход заводских крестьян выбрал сотником Гаврилу Ситникова, старостой – Клементия Зверева. В «Билете» Ситникову от 29 января 1774 года Батыркай Иткинин требовал учредить земскую избу и управлять заводом и его населением справедливо; соблюдать строжайший порядок и виновных строго наказывать; организовать оборону завода, для чего создавать отряды самообороны с привлечением крестьян окрестных деревень, наладить работу кузницы для изготовления и исправления рогатин и другого оружия; пустить две господские мукомольные мельницы для обслуживания крестьян и «с того расходы иметь на мир».

На заводе Батыркай Иткинин уничтожил все конторские дела и кабальные документы, конфисковал заводскую казну, скот, запасы провианта и фуража; организовал учет остатков металла на заводе, контроль над продажей вина и соли, раздачу населению медной посуды.

---

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 416. Ч. 1. Л. 234; Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 157.

[2] Крестьянская война в России. Т. II. С. 327.

Таким образом, Батыркай Иткинин проявил себя политически грамотным, последовательным, честным и требовательным, хорошо знавшим нормы законодательства, вполне зрелым предводителем народных масс. Он четко определил задачи восставших в рамках установок и планов Ставки Пугачева и Чесноковского повстанческого центра.

Войско Батыркая Иткинина было многонациональным. Основу войска составляли башкиры северо-восточных волостей Казанской дороги, Иректинской и Гайнинской волостей Осинской дороги. Рядом с башкирами воевали государственные и дворцовые крестьяне, осинские казаки и пахотные солдаты, приписные крестьяне, мастеровые и работные люди пермских горных заводов, татары, мари, удмурты Прикамья и Кунгурского уезда. В войске, сформированном в районе концентрации горных заводов, кроме традиционных для башкир оружий лука и стрел, копья и сабли, были огнестрельные оружия: фузеи, турки, ружья, винтовки, пушки, мортиры.

31 декабря 1773 – в первых числах января 1774 года главный стан Батыркая Иткинина располагался в селах Тихоновском и Троицком, в 17–20 верстах от Кунгура. Выполняя требования Е.И. Пугачева «не привесть напрасное кровопролитие и всячески стараться увещевать», Батыркай Иткинин несколько раз обращался к городским властям и населению Кунгура с предложением добровольно сдаться повстанческой армии. 26 декабря 1773 года в деревне Бырма через посадского человека Анисима Журавлева он передал воеводе Н. Миллеру приказ о сдаче города. 2 января 1774 года через священника села Степановский Острожек Афанасия Колесникова он отправил билет к протопопу Благовещенского собора Иоанну Пантелеймонову с предложением склонить городские власти и жителей города принять его отряд «с честию». В «послании» он обращался к отцам города: «С честию ли меня, полководца с военными изволите стретить, или с суровостию противиться будете?»

Получив отказ, Батыркай Иткинин начал готовиться к штурму. Он дислоцировал войско ближе к городу, в деревни Басино, Шубино и Неволино. 4 января в третьем часу дня из-за реки Ирень со стороны деревни Мериново к Кунгуру подошел небольшой отряд башкир для определения огневых точек города. Гарнизон ответил выстрелами из пушек. Карательная команда поручика Посохова бросилась в погоню. Это оказался запланирвоанным тактическим приемом. Карателей

заманили в ловушку. Их команда угодила в засаду. Поручик Посохов и шестеро солдат погибли, 50 солдат попали в плен. Лишь единицам удалось вернуться в город. Через четверть часа после их возвращения Батыркай Иткинин начал штурм Кунгура. Гарнизон встретил повстанцев артиллерийским и ружейным огнем. Захватить город повстанцам не удалось. 5 января Батыркай повторил штурм города, который также завершился без успеха.

После этого Батыркай Иткинин организовал блокаду Кунгура. Однако ситуация изменилась не в пользу восставших. Из района Юговских казенных заводов М.И. Башмаков прислал на помощь осажденному городу команду шихтмейстера А. Солнопекова, из Екатеринбурга подошла карательная команда из 100 казаков с двумя пушками. Особенно сильную поддержку гарнизон получил 6 января, когда в Кунгур вошла карательная команда опытного боевого офицера русской армии, майора А.В. Папава. Команда имела в своем составе 386 рекрутов и 12 солдат. У Батыркая Иткинина было чуть больше двух тысяч воинов, плохо обученных в военном деле. Гарнизон имел явное превосходство над повстанческим войском в вооружении.

В полдень 9 января 1774 года Батыркай Иткинин и подоспевший повстанческий полковник Канзафар Усаев повели войско на очередной штурм города. Повстанцы шли по трем направлениям: по Осинскому, Казанскому и Сибирскому трактам. Они кричали: «Мы хотим мирно с вами быти, только вышлите к нашему полковнику воеводу и других начальников, а город здайте!». Не получив ответа, повстанцы пошли на штурм. Плотным артиллерийским и ружейным огнем команда гарнизона отбила атаку, затем совершили вылазку. 11 и 16 января А.В. Папав предпринял еще две удачные вылазки. Повстанцы потерпели поражение. С остатками войска Батыркай Иткинин вернулся в Осу. Оттуда его люди разошлись по домам[1].

В исторической литературе существует утверждение, что Батыркай Иткинин до глубокой осени 1774 года продолжал борьбу с карателями в пределах Прикамья. И.М. Гвоздикова пишет, что Батыркай Иткинин в октябре 1774 года в селениях по рекае Танып собирал повстанческие отряды. 16 октября против него под командой Рахмангула Иртуганова была послана карательная команда численностью

[1] *Таймасов С.У.* Указ. соч. С. 74.

200 человек[1]. С.У. Таймасов отмечает, что Батыркай Иткинин осенью действовал в верховье реки Танып[2]. Автору этих строк не удалось обнаружить письменных источников о его повстанческой деятельности после возвращения из-под Кунгура. В списках арестованных или добровольно явившихся с повинной, реестрах находившихся под следствием, наказанных или казненных его имя не значится.

Тем не менее нельзя умалять роль и место Батыркая Иткинина в распространении восстания в Тулвинском поречье, Осинском и Кунгурском уездах, в формировании многотысячного повстанческого войска, организации похода на административный центр Кунгурской провинци, его осады и штурмов во второй половине декабря 1773 – первой половине 1774 года.

Не лишне еще раз напомнить о тех гражданских мероприятиях, проведенных Батыркаем Иткининым в пригороде Осе, Осинском уезде и на Юговском заводе Осокиных. Это были первые организационные мероприятия в Тулвинско-Осинском и Красноуфимско-Кунгурском повстанческих районах.

Бытует утверждение, что Батыркай Иткинин раздувал национальную вражду между башкирскими повстанцами и русским населением региона, чем наносил большой вред восстанию. При этом авторы ссылаются на извет крестьян Рождественского завода, посланный И.Н. Зарубину. Они жаловались на мородерство «казаков» повстанческого отряда, присланного Батыркаем Иткининым для охраны завода. Факты мородерства на заводе действительно имели место. Нам удалось найти в фондах центральных российских архивохранилищ документы, которые вносят ясность этому инциденту. Извет заводских крестьян дошел до И.Н. Зарубина, который затребовал ответа у Батыркая Иткинина. В рапорте И.Н. Зарубину Батыркай Иткинин объяснял, что на охрану Аннинского завода от возможных нападений карателей он отправил три команды, состоявшие из русских дворцовых крестьян Осинского уезда, которые и грабили *русских* заводских крестьян (курсив наш. – Н.К.). По жалобе заводчан Батыркай Иткинин отозвал эти команды, их командиров публично наказал палками, а на охрану Аннинского завода послал отряд

[1] Салават Юлаев. Энциклопедия. С. 53.

[2] *Таймасов С.У.* Указ. соч. С. 271.

башкирских повстанцев[1]. Тем инцидент был исчерпан. Незаслуженное обвинение одного из активнейших и крупнейших башкирских предводителей Крестьянской войны 1773–1775 годов объясняется слабым знанием материалов архивных фондов отдельными авторами.

Дальнейшая судьба Батыркая Иткинина неизвестна.

Джиян Куштанов

Башкир деревни Кызылярово Гайнинской волости Осинской дороги (Бардымский район Пермского края). Полковник повстанческой армии. 48 лет. Владел трюки.

В повстанческое движение был вовлечен Абдеем Абдуловым в конце ноября 1773 года. По сообщению самого Джияна Куштанова на допросе в Казанской секретной комиссии, в конце ноября в их деревню Кызылярово вошел отряд Абдея Абдулова и завербовал жителей в команду для службы «государю Петру Федоровичу». Из Кызылярово отряд пошел в деревню Шульганово, оттуда в село Барды. 3 декабря по рекомендации Абдея Абдулова его выбрали полковником вновь сформированного повстанческого отряда[2]. В первых числах декабря со своим отрядом в составе войска Абдея Абдулова он участвовал в походе на Уинский и Суксунский горные заводы.

В конце декабря 1773 – начале января 1774 года Джиян Куштанов занимался мобилизацией жителей Гайнинской волости и пермских заводов в повстанческое движение. В «Верительной грамоте», выданной хорунжему Е. Кочеткову и его команде 31 декабря 1773 года, он требовал «бить челом великому порогу милостивого императора и государя нашего Петра Федоровича и постоянно быть на его службе»[3]. 31 января он захватил Суксунский и Уинский заводы, Медянский острожек, участвовал в походе на Кунгур.

Весной–осенью 1774 года Джиян Куштанов совместно с башкирскими полковниками Муксином Мадияровым и Адылем Ашменевым действовал в пределах Прикамья, выезжал в район пригорода Бирска и Ангасякского завода. Набирал в повстанческие отряды жителей, сражался с карательными командами, боролся против «вер-

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 654. Л. 40 об.

[2] Там же. Д. 507. Ч. 5. Л. 37 об.

[3] Воззвания и переписка вожков Пугачевского движения. С. 58.

ных» башкирских и мишарских старшин. До поздней осени 1774 года продолжал сопротивление царским властям.

Джиян Куштанов в середине октября 1774 года был схвачен бывшим соратником по восстанию, походным старшиной Гайнинской волости Рахмангулом Иртугановым, который в донесении генерал-аншефу П.И. Панину писал, что вместе с походным старшиной волости Бикташем Шариповым по дороге от Осы к Ангасякскому заводу поймали «бывших в злодейской толпе начальников, а именно: старшину Аделя Ашменева, сотника Мукаша Сютеева, полковника Ивана Каштанова, старшину Салима Зювара Илишева, полковника Муксина Мадиярова, писаря Сатлыгана Иманаева…».

Рахмангул Иртуганов арестованных башкирских предводителей передал подполковнику А.В. Папаву. Джиян Куштанов на допросе, проведенном в походной канцелярии А.В. Папава, признавал свою вину в участии в восстании и в том, что был полковником «в злодейский толпе»[1]. А.В. Папав пленных башкирских предводителей отправил в Казань. 29 ноября Джиян Куштанов в составе этой группы был доставлен в Казанскую секретную комиссию. На допросах он упорно отказывался от всех обвинений и ни в чем не признавался. В «Списке колодников» отмечено: «На сего в присылке показано, что был в злодейской толпе полковником и делал разорения, но он ни в том, ни в другом не винился». Был освобожден без наказания 5 апреля 1775 года[2].

Дальнейшая судьба Джияна Куштанова неизвестна.

Карабай Ашменев

Башкир деревни Тавово Гайнинской волости. Полковник. О повстанческой деятельности Карабая Ашменева сохранилось мало материалов. Лишь из показаний повстанческого полковника из башкир Муксина Мадиярова можно воспроизвести деятельность Карабая Ашменева. По сообщениям Муксина, в декабре 1773 года в их деревню Месягутово Казанской дороги прибыл с 300 башкирами предводитель Абдей Абдулов, собрал всех жителей, прочитал указ «царя» и требовал на «государеву службу» по одному человеку с каждых

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 507. Ч. 3. Л. 38 об.

[2] Там же. Ч. 3. Л. 259.

двух дворов. «Собрали 40 казаков с ружьями, саблями, луками и стрелами». Абдей Абдулов назначил полковником вновь набранной команды башкира деревни Тавово Карабая Ашменева, а Муксина Мадиярова его помощником, «чтобы в случае болезни Карабая полковником стать ему»[1].

Повстанческое войско Абдея Абдулова, пополненный отрядом Карабая Ашменева, направился на Шермяитский медеплавильный завод С. Яковлева. По пути продолжали мобилизовать в полк башкир. Захватив Шермяитский завод, разорили его, взяли денежную казну и отправили Батыркаю Иткинину. Затем отряд Абдея Абдулова занял пригород Осу. Оттуда повстанцы направились на Кунгур. В деревне Бырма к нему присоединилась «толпа кунгурских татар». Общими усилиями повстанцы напали на Юговский завод Осокиных. С Юговского завода Муксин Мадияров вернулся домой, отпросившись у Абдея и взяв у него билет.

В дальнейших действиях повстанческого отряда Абдея Абдулова он не участвовал. Но по перечисленным населенным пунктам, где он не принимал участие в сражениях, можно предположить дальнейшую повстанческую деятельность Карабая Ашменева. Муксин Мадияров оправдывался, что «в селе Невольной и деревне Басино не бывал, в штурме Кунгура не участвовал». Следовательно, полковник Карабай Ашменев сам, без своего заместителя Муксина Мадиярова, в повстанческом войске Батыркая Иткинина принимал активное участие в событиях декабря 1773 – января 1774 года в Северном Башкортостане, осаде и штурме Кунгура.

Дальнейшая судьба Карабая Ашменева неизвестна.

Магдей Медияров

Башкир деревни Ябалаково Уранской волости Осинской дороги. Авторы публикаций и составители сборников документов отмечают его старшиной Уранской волости. Однако в «Ведомостях» Уфимской провинциальной канцелярии, составленной 1 ноября 1774 и 16 февраля 1775 года старшиной Уранской волости Осинской дороги, значится Мясей Юсупов. Видимо, исследователи перепутали чин старшины повстанческой армии с должностью волостного старшины.

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 507. Ч. 5. Л. 46 об.

Магдей Медияров одним из первых на Осинской дороге примкнул к восстанию. В декабре 1773 года он ездил в Бердский лагерь, где его сын Мясогут Магдиев в составе «башкирского полка» Кинзи Арсланова участвовал в осаде и штурмах города Оренбурга. Алибай Мурзагулов присвоил Магдею Медиярову чин старшины и отправил обратно домой для мобилизации населения в повстанческое движение. Вернувшись домой, Магдей Медияров примкнул к отряду Бакея Абдулова и в его составе участвовал во взятии Камбарского завода и других населенных пунктов Прикамского Башкортостана. В феврале 1774 года повстанческие старшины-башкиры Магдей Медияров и Аит Саитов, марийский старшина Байкей Тойкиев сформировали сводный отряд и вели борьбу против команд сарапульских дворцовых крестьян, изменивших восстанию.

В дальнейшем боевые пути Магдея Медиярова тесно связались с этими повстанческими предводителями. Летом 1774 года их сводный отряд действовал в районе пригорода Бирска и Ангасякского винокуренного завода. Они держали постоянную связь со Ставкой Е.И. Пугачева и Военной коллегией, о чем свидетельствуют сохранившиеся документы. Видимо, в июне 1774 года они обратились в повстанческую Военную коллегию с просьбой прислать пушки с порохом и подкрепление живой силой для взятия Бирска. В ответном указе Военной коллегии в адрес Магдея Медиярова, Аита Саитова и марийского полковника Юкея Егорова отмечено, что их рапорт в Военной коллегии получили. В указе говорится: «В присланном рапорте своем просили силу и пушки, чего вам не дано, потому что против здешней нашей армии и самим пушки недостаточны». Поэтому Военная коллегия предлагала: «…приумножив промеж собою людей, и иметь стоять против неприятелей страны, …и собравшись в многолюдстве, будете вступать грудью, достанете и пушки»[1].

При таком стандартном отказе повстанческого центра в оказании помощи периферийным отрядам Магдей Медияров и его соратники продолжали успешно бороться с карательными командами. 29 июня их сводный отряд выдержал сражение с корпусом И.И. Михельсона у деревни Суады-баш. В этом сражении Магдей Медияров осуществлял общее командование сводным отрядом.

---

[1] Документы Ставки Е.И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. С. 71.

Когда Е.И. Пугачев со своим Главным войском и Военной коллегией после захвата пригорода Осы через Ижевский и Воткинский заводы направился на Казань, в Северо-Западном Башкортостане, в районе Прикамья и Закамья, обострилась борьба между повстанческими отрядами и карательными командами. Командиры повстанцев оказывали сопротивление правительственным войскам, командам «верных» башкирских и мишарских старшин, продолжали энергично собирать новые отряды для пополнения Главного войска, тем самым создавали повстанческой армии надежный тыл.

Аналогичную роль сыграли отряды, которые действовали в районе Бирска и Ангасякского завода. Они блокировали город Уфу, не давали возможности уфимским властям отправлять карательные команды для преследования Главного войска Е.И. Пугачева. Именно в этом регионе действовал сводный отряд повстанческих полковников Магдея Медиярова, Ярмухамета Кадерметева, Аита Саитова и Байкея Тойкиева. В течение июля они информировали повстанческую Ставку о ситуации на местах, предупреждали об усилении карательных сил, об активизации карательных операций «верных» башкирских и мишарских старшин. Сохранился их совместно составленный рапорт в Военную коллегию от 2 июля 1774 года[1].

Магдей Медияров попал в плен в сентябре 1774 года и был доставлен в Казанскую секретную комиссию. В приговоре говорится: «Объявлены сему преступнику вины его и смертная казнь, для чего и положен на плаху, а после из высочайшего милосердия Ея Императорского величия объявлено помилование, а учинено наказание плетьми, отрезано ухо, и отослан в Мензелинск для освобождения в дом его, дабы другие, видя наказание его, более чувствовали страху»[2]. 3 декабря 1774 года его доставили в Мензелинск, в воеводскую канцелярию.

Дальнейшая судьба Магдея Медиярова неизвестна.

Мурат Булатов

Башкир, сотник Гайнинской волости Осинской дороги. Атаман повстанческой армии. В восстание был вовлечен Абдеем Абдуло-

[1] Документы Ставки Е.И. Пугачева. С.124.

[2] РГАДА. Ф. 6. Д. 467. Ч. 8. Л. 252.

вым. Вероятно, занимал высокий пост в войске Абдея Абдулова, пользовался доверием. 30 декабря 1773 года Абдей Абдулов отправил его в Чесноковку к И.Н. Зарубину. В охранном билете говорится: «Дае билет, коим [приказано] Мурату Булатову сыну из аула Барды Гайнинской волости ехать с репортом к высокопоставленному графу Ивану Никифорову. Засим [повелевается] всем, находящимся на его пути: не отказывай и без промедления переправляйте его подводами и конвоями из пункта в пункт»[1].

Летом 1774 года Мурат Булатов совместно с башкирскими полковниками Арасланом Рангуловым и Аладином Бектугановым действовал под Бирском и в бассейне реки Танып. 25 мая Бирский воевода капитан И. Суровцев рапортовал в Уфимскую провинциальную канцелярию: «По известиям от иноверческих людей о собравшейся злодейской толпе, иноверцах волостей Кайпанской, Балыкчинской, Ирехтинско и Гарейской. Называя себя атаманами, башкирцы Аладин Бектуганов, ирехтинский сотник Мрат, Кигазинской – Араслан Рангулов, кои де, собрав себе команды всякого звания людей сот до пяти и более…к пригороду Бирску приближались в верстах семидесяти»»[2].

Участие атамана Мурата Булатова в восстании летом и осенью 1774 года в источниках не отражено. Он в Казанскую секретную комиссию не попал, допросам не подвергался.

Дальнейшая судьба неизвестна.

Сайфул-Мавлют Сайдашев

Башкир деревни Глухово Гайнинской волости Осинской дороги (Бардымский район Пермского края). Полковник повстанческой армии[3]. 38 лет. Его повстанческая деятельность достаточно полно и подробно изложена в показаниях на допросе в Казанской секретной комиссии[4]. Сайфул-Мавлют Сайдашев излагал: Когда Пугачев появился под Оренбургом, два брата Сайфул-Мавлюта в составе

---

[1] Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения. С. 57.

[2] РГАДА. Ф. 6. Д. 592. Л. 527 об.; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 381.

[3] *Гвоздикова И.М.* Башкортостан накануне и в годы Крестьянской войны. С. 505.

[4] РГАДА. Ф.6. Д. 507. Ч. 5. Л. 205–507 об.

карательной команды главного старшины Осинской дороги Шарипа Киикова под командой старшины Зайняша были отправлены в Стерлитамакскую пристань, где попали в плен к пугачевцам.

Вскоре в их деревню пришла пугачевская команда человек 400. Уверовали, что под Оренбургом стоит не самозванец, а истинный царь Петр III, и призывали служить ему. Все поверили. Тогда человек десять башкир, в том числе и Сайфул-Мавлют Сайдашев, решили поехать в Берду, чтобы уведомиться о своих братьях и родственниках. Приехали в Берду и нашли их. Те просились домой. «То он, Сайфул с протчими приехавшими явились к башкирскому старшине Кинзею и просили ево, дабы он братьев его и всех их башкирцов отпустил домой. Которой напоследок, взяв с них по одному рублю и отпустил всех их человек с 200. А при отпуске дав билеты, подтверждал накрепко лжесамозванца почитать за государя и служить ему верно. И так они будучи о злодее уверены и больше по великой его толпе дали обещание Кинзею служить самозванцу верно. Как же сии отпущенные не имеют над собой командира, стали просить Кинзея, дабы он поставил над ними командиром ево, Сайфула. То Кинзя, исходатайствуя в злодейской коллегии о пожаловании его старшиной, дал ему, Сайфулу, указ и велел ехать в свое жительство с тем, чтоб вооружать против верных Ея императорского величества войск и приводить народ в повиновение самозванцу и противящихся колоть».

Таким образом, Сайфул-Мавлют Сайдашев из-под Оренбурга вернулся домой во главе отряда в 200 человек повстанческой старшиной и убежденным пугачевцем. До сего момента его показания внушают доверие. Но дальнейшие его сведения отражают стремление как можно меньше показать свою роль в восстании. В частности, он сообщал, что «по приказу же Кинзи, хотя и уверял жителей, якобы самозванец истинный государь», но «в сражениях, разбоях и грабежах не участвовал, никого не убивал».

По данным сохранившихся документов, события с участием Сайфул-Мавлюта Сайдашева развернулись следующим образом. По возвращении домой он оказался в зоне действия Абдея Абдулова и стал одним из преданных и активных его соратников. В составе его войска Сайфул-Мавлют Сайдашев участвовал в походах на Шермяитский, Уинский и Юго-Камский горные заводы, в сражениях под селом Верхние Муллы.

Он проводил также самостоятельные военные и административные мероприятия, где проявлялись его замечательные организаторские способности. В билете, выданном 7 марта 1774 года жителю Шермяитского завода А. Шулепову, Сайфул-Мавлют Сайдашев присягает его верноподданнической службе «его императорскому величеству». 12 марта он требует у Осинской земской избы срочно отправить с есаулом Дмитрием Исуповым ведро вина, «которое потребно в армию для лекарства раненых». Вино было доставлено в срок, что подтверждается распиской Сайфул-Мавлюта Сайдашева. Аналогичное требование об отправке 15 ведер вина с Шумбутского винокуренного завода в село Горы он направил через того же есаула Исупова[1].

Сайфул-Мавлют Сайдашев не ограничивался вопросами тылового обеспечения повстанческой армии, а принимал живое участие в наборе населения в повстанческие отряды, организации и проведении тактических операций, проявляя при этом свое высокое положение в повстанческой армии. 21 марта 1774 года он выдал подорожную грамоту повстанцу Абдулзялилю Мясогутову на свободный проезд в село Чесноковку к атаману И.Н. Зарубину и обратно в Гайнинскую волость. Для выполнения данного «самонужнейшего государственного дела» он требовал выделять своему посланцу «две подводы везде, без задержания». 26 марта Сайфул-Мавлют Сайдашев приказывает старосте села Крылова Д. Захарову о наборе и отправке крестьян в село Горы. Документ чрезвычайно интересный своей лаконичностью, четкой постановкой конкретных задач и повоенному категоричностью. Поэтому приведем его полный текст.

«От походного старшины Сайфула Сайдашева села Крылова старосте Дмитрию Захарову.

По получении сего приказа, ни сколько не мешкав, набрав себе оного села Крылова со всякого двора, кто может в поход итти со всем оружием, что принадлежит к походу, яко-то: ружьем и луками, и стрелами, и лыжами, и правиантом, сего 26-го числа тебе, старосте, со всеми казаками явиться в село Горы неотменно, не ожидая еще на себя нарочной посылки. А естли же и за сим [укоснеешь], то понесешь по указам неизбежный штраф.

---

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 416. Ч. 1. Л. 231 об. 241, 260; Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 180, 181, 182.

Марта 26 [числа] 1774 году»[1].

Приказ заверен подписью Сайфул-Мавлюта Сайдашева на языке тюрки.

В тот же день Сайфул-Мавлют Сайдашев прислал приказ старосте Захарову с требованием установить караулы на двух дорогах для того, «чтоб из здешней армии бес письменных билетов» возвращающихся домов воинов повстанческих отрядов «отнюдь не пропускать, а посылать их обратно в здешную команду».

Вышеприведенные источники позволяют сделать предположение, что Сайфул-Мавлюту Сайдашеву весной 1774 года было поручено возглавлять повстанческое движение на определенном участке, центром которого являлось село Горы. И он самостоятельно решал весь круг непростых задач, чтобы обеспечить его боеспособность.

Когда Е.И. Пугачев со своим Главным войском прибыл в Северный Башкортостан, все повстанческие отряды оказались в орбите его действий. Одни набирали новые отряды для пополнения Главного войска и готовились к встрече «государя»; другие занимались подготовкой дороги для продвижения Главного войска, строили мосты и перевозы через реки, патрулировали дороги; третьи вливались в Главное войско и в его составе участвовали во всех событиях похода на Казань. В числе последних оказался отряд Сайфул-Мавлюта Сайдашева. Он участвовал в штурмах и взятии пригорода Осы, Ижевского и Воткинского заводов. О своих действиях в составе Главного войска Е.И. Пугачева он поведал на допросах в Казанской секретной комиссии: «По разбитии под Троицкой крепостью, когда он [Пугачев] от Кунгура пришел к ним в башкирские жилища, то тогда их взял в свою толпу. А они, приставши к нему, следовали к пригороду Осе. По приступе имели тут с военною командою сражение, на котором и он, Сайфул, был и стрелял из лука. По владении сим городом пошли всею толпою к Казани»[2]. Не доходя до Казани, в какой-то деревне, Сайфул-Мавлют Сайдашев бежал, но вернулся обратно, так как вслед за Е.И. Пугачевым шла военная команда. Когда он вернулся, вся башкирская толпа стояла «недалеко Казани». К этому времени подошла военная команда и произошло сражение. Сайфул-Мав-

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 416. Ч. 1. Л. 236; Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 185.

[2] Там же. Д. 507. Ч. 3. Л. 205–207 об.

лют Сайдашев с башкирской толпой стояли у мельницы и в сражении участия не принимали. На другой день после сражения, то есть 13 июля, не дождавшись нового сражения между Е.И. Пугачевым и военной командой, «все башкирцы, в том числе и он, Сайфул, бежали по Алацкой дороге». Здесь очевидно стремление Сайфул-Мавлюта Сайдашева снимать с себя ответственность за события, разразившиеся под Казанью в июльские дни 1774 года.

После возвращения домой Сайфул-Мавлют Сайдашев в повстанческом движении не участвовал. Но и идти с повинной к военной или местной правительственной властям не спешил. Такую позицию он объяснял тем, что обратиться к подполковнику А.В. Папаву побоялся, «ибо он командою своею в их жительствах великое разорение произвел». Поехать в Уфу также побоялся военных команд и «неусмирившихся еще башкирцов Салавата Юлаева с товарищи, мимо которых в город Уфу нужно было пройти». Для получения увещевания Сайфул-Мавлют Сайдашев обратился к «неизвестному» поручику [И.Я. Яворскому]. Тот отправил его в Казанскую секретную комиссию, куда был доставлен 7 ноября 1774 года.

Комиссия вынесла Сайфул-Мавлюту Сайдашеву смертный приговор через отрубление головы. Когда для исполнения приговора его голову положили на плаху, разыграли комедию, ставшей для палачей традиционной: объявили именной указ милосердной императрицы об отмене смертной казни и заменой ее вечной ссылкой в поселенный полк. Сайфул-Мавлюта Сайдашева высекли плетьми, отрезали одно ухо и отправили в поселенный полк. В протоколе комиссии записано: «Хотя вина сего грешника довольно важна…объявлена ему смерть и положен на плаху. Но после объявлено, что из милосердия ея императорского величества от смерти он освобождается. Высечен плетьми и назначен в поселенныя полки, дабы впредь мог заслужить вину свою»[1].

Салим-Зюфар Илишев

Башкир деревни Елпачиха Гайнинской волости Осинской дороги (Бардымский район Пермского края). Атаман повстанческой армии.

К восстанию примкнул в декабре 1773 года по агитации Абдея Абдулова и действовал в составе его войска. 22 декабря крестьяне

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 507. Ч. 5. Л. 205 и об.; Д. 416. Ч. 1. Л. 231 об., 241, 260; Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 180, 181, 182.

Рождественского завода Демидовых прислали своих делегатов к Абдею Абдулову с просьбой направить на завод отряд для защиты от нападения карательных команд. Абдей Абдулов направил на завод отряд под командой Сайташа Давыдова. На следующий день туда же отправился отряд Салим-Зюфара Илишева. Отряды прибыли на Рождественский завод 24 и 25 декабря и пробыли там до 30 декабря. За это время в отряд были набраны и поверстаны в казаки заводские крестьяне. На заводе были конфискованы и вывезены 3 чугунные полуфунтовые пушки, два пуда пороха, 67 солдатских фузей, денежная казна в сумме «2017 рублев с полтиною» и 6 господских лошадей[1]. Из конфискованной заводской казны 1500 рублей Салим-Зюфар Илишев отправил в Чесноковский центр, остальные 517 рублей с полтиной, пушки, порох, ружья и лошадей оставил при себе.

Действия Салим-Зюфара Илишева и Зайнаша Давыдова на Рождественском заводе не противоречили установкам именных манифестов, указов Е.И. Пугачева и Военной коллегии. Повстанческие отряды не находились в государственном содержании. Они содержали себя за счет конфискации казны, оружия, провианта, фуража, лошадей, занятых ими городов, крепостей, заводов, господских хозяйств и за счет добровольных пожертвований населения.

Однако крестьяне Рождественского завода в действиях командиров приглашенных отрядов увидели грабеж и насилие. 2 января заводская контора по требованию населения обратилась в Осинскую земскую избу с обвинением Салим-Зюфара Илишева в грабеже завода и заводского населения. К жалобе приложили роспись изъятых вещей. Конфискованную заводскую казну объявили не господской, а «мирской заработкой за заводскую работу с 1 сентября по 25 декабря 1773 года». Осинская земская изба об этом инциденте сообщила в Чесноковский центр. И.Н. Зарубин своим повелением от 13 февраля 1774 года атаману Рождественского завода С.И. Волкову требовал «предписанные оставшие деньги 517 рублев 50 копеек взыскать и за заработанную плату, в мир объявя, разделить по равному количеству. Также и огненное оружие и коней взять без всяких ево [Салим-Зюфара Илишева] отговорок, все без остатку»[2].

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 422. Л. 16 и об.; Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 136–137.

[2] Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 136–137.

Эти «жесткие» повеления были ничем иным, как стремление главного командира сохранить твердую дисциплину в повстанческих отрядах. К тому времени, пока жалоба крестьян и ответ И.Н. Зарубина преодолевали сотни верст зимней дороги и традиционную российскую волокиту, повстанческие отряды с их командирами были далеки от завода. Да и вряд ли смог бы атаман завода подчинить себе командира повстанчекого отряда и выполнить его требования.

Салим-Зюфар Илишев принимал активное участие в восстании в пределах Прикамья. Совместно с башкирскими предводителями Арсланом Рангуловым, Ябаном Куштановым и Абдусалямом Рамзиным до глубокой осени 1774 года продолжал борьбу с командами карателей, «верных» башкирских и мишарских старшин. Походный старшина Гайнинской волости, бывший атаман повстанческой армии Рахмангул Иртуганов 14 декабря 1774 года в донесении генерал-аншефу П.И. Панину сообщал, что он, откомандированный подполковником А.В. Папавым для поиски повстанцев, «вверх реки Танып от Осы 150 верст по дороге к Ангасяцкому заводу 170 верст, поймал бывших в злодейской толпе начальников, а именно: старшину Аделя Ашменева, сотника Мукаша Сютеева, полковника Ивана Коштанова, старшину Салим-Зюфара Илишева, полковника Муксина Мадиярова»[1].

Поздней осенью Салим-Зюфар Илишев попал в плен. Он вместе с другими башкирскими предводителями был доставлен в Казанскую секретную комссию. Решением Тайной экспедиции Сената от 5 апреля 1775 года освобожден без наказания[2].

Дальнейшая судьба атамана повстанческой армии Салим-Зюфара Илишева неизвестна.

Серюй (Сюрей, Чюри) Расулев

Башкир, соратник Салавата Юлаева. Уточнить его местожительство затруднительно. И.М. Гвоздикова и С.У. Таймасов считают его жителем деревни Расулово, старшиной Айлинской волости Сибирской дороги[3]. Однако в это время старшиной Айлинской волости являлся Таиш Ченыкаев. Составители сборника документов «Крестьянская

---

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 269.

[2] РГАДА. Ф. 6. Д. 507. Ч. 3. Л. 259.

[3] Салават Юлаев. Энциклопедия. С. 398. *Таймасов С.У.* Указ. соч. С. 360.

война 1773–1775 гг. на территории Башкирии» пишут, что Серюй Расулев был походным старшиной Гайнинской волости Осинской дороги[1]. Данная версия более достоверная. На допросе в Пермской провинциальной канцелярии он сообщил: «Серюй Расулев. Отроду ему 35 лет. Уфимского уезду Сибирской дороги Гайнинской волости походной старшина»[2]. В данном случае секретарь провинциальной канцеляри допустил две ошибки. Во-первых, он искажает название волости. Во-вторых, Гайнинская волость относилась не к Сибирской, а к Осинской дороге. Поправки этих неточностей внес Субханкул Кильтяков, который на допросе Серюя Расулева назвал походным старшиной Гайнинской волости Осинской дороги[3].

Серюй был опытным военачальником. В составе русской экспедиционной армии он участвовал в Польском походе по подавлению восстания конфедератов, в несении гарнизонной службы в городах западных губерний России. На допросе он сообщал: «Назад тому года с два, бывши в походе з господином генералом Александр Ильичем Бибиковым, под Смоленском, по пожаловании в старшины, и куран целовал»[4].

На допросе показания Серюя Расулева почти дословно совпадают с показаниями Субхангула Кильтякова. Даже чиновники вынуждены были отметить: «во всем показал в сходственность том, как и старшина Субгангул показал, заключая при этом, что они обще с ним во всех обращениях находились неразлучно, в чем и утвердился». Совершенно идентичны их сообщения о вовлечении в повстанческое движение под влиянием Салавата Юлаева. Серюй Расулев на допросе сообщал: «Назад тому ныне невступно недели с три, приехав к ним в волость Уфимскаго ж уезду Шайтанской волости старшина, который называется в башкирской толпе полковником, Салават Юлаев, и с ним того ж уезда Сарской волости старшина Уметей Уразуметев з башкирцами в числе шестидесят человек, и объявя данной им от имени Петра Третьего указ о бытии у него в подданничестве и во всяком послушании». Серюй Расулев «к тому и склонился

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 457.

[2] Там же. С. 92.

[3] Там же. С. 91.

[4] Там же. С. 92.

команды своей з башкирцами в 80 дворах, и взяв с собою ведомства своего башкирцов 50 человек, поехали к Красноуфимской крепости…»[1]. Возникает мнение, что Сюрей и Субханкул согласовывали свои показания на допросах. При этом Сюрей даже о своем происхождении и социальном положении повторял сведения Субханкула, допустив серьезные ошибки.

Повстанческая деятельность и судьба Серюя Расулева неразрывно связаны Субхангулом Кильтяковым. Они вместе в составе конницы Салавата Юлаева участвовали во всех событиях Красноуфимско-Кунгурского повстанческого района, вместе возглавляли башкирскую конницу после отъезда Салавата Юлаева, вместе попали в плен и вместе подвергались допросам. И судьбы у них оказались общими. 17 февраля 1774 года Серюй Расулев вместе с Субхангулом Кильтяковым был казнен во дворе Кунгурской провинциальной канцелярии.

Туктамыш Ишбулатов

Башкир деревни Барды Гайнинской волости Осинской дороги (Село Барды Бардымского района Пермского края). Он родился в семье богатого башкира Ишбулата Камышева. Старшина Гайнинской волости (532 двора). Рудопромышленник. Депутат Уложенной комиссии 1767–1770 годов, сооставитель Наказа башкир и тарханов Уфимской провинции[2]. Туктамыш Ишбулатов был выдающейся личностью, колоритной фигурой XVIII века. Владел тюрки и русским языком.

Туктамыш Ишбулатов родился в семье богатого башкира Ишбулата Камышева. Во время башкирского восстания 1755–1756 годов Туктамыш сохранял верность царским властям. Набрав команду из «верных» башкир, напал на отряд восставших башкир, захватил в плен их предводителя муллу Миннигула и сдал властям. В документах 1759 года он упоминается старшиной Гайнинской волости. Занимался рудопромышленностью. Возглавил борьбу гайнинских башкир с крикс-комиссаром А.И. Глебовым против захвата вотчинных земель под Шермяитский медеплавильный завод. В документе от 2 ноября 1760 года говорится, что Туктамыш Ишбулатов сам поехал

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 92.

[2] *Кулбахтин И.Н., Кулбахтин Н.М.* Наказы народов Башкортостана в Уложенную комиссию 1867–1768 годов. С. 92–112.

в Санкт-Петербург, чтобы отстаивать вотчинные земли в споре с Глебовым в Берг-коллегии и Правительствующем Сенате[1].

В 1766 году Туктамыш Ишбулатов был избран депутатом Уложенной комиссии. Им был составлен наказ башкир и тарханов Уфимской провинции, который состоял из 30 пунктов и охватывал все стороны жизни башкирского общества XVIII века. Внимательное изучение наказа показывет образованность Туктамыша, его глубокое знание жизни и наболевших вопросов, нужд и чаяний своего народа. Туктамыш Ишбулатов принимал активное участие в работе Уложенной комиссии, на заседаниях Большого собрания выступал против расхищения вотчинных земельных владений башкир, требовал для башкир и других некупеческих сословий края права заниматься торговлей предметами собственного производства, добивался замены мишарских писарей, назначаемых в башкирских волостях, писарями из башкир. Необходимость такой операции депутат Туктамыш Ишбулатов объяснял тем, что среди башкир теперь достаточно грамотных людей, способных выполнять функции писарей. Они лучше знают проблемы башкирского общества, а писари из мишарей плохо знают волостные дела, зря получают плату за работу, занимаются доносом на старшин.

Умудренные жизненным опытом депутаты от башкир Туктамыш Ишбулатов и Базаргул Юнаев убедились, что Уложенная комиссия всего лишь политическая игра, которая ничего не может дать народам. Тогда они подали в Канцлярию Уложенной комиссии совместно составленные «Дополнения» к своим наказам, где в очень сжатой форме изложили основные требования башкирского народа: прекратить расхищение вотчинных земель, сохранить внутреннее самоуправление, не допустить насильственной христианизации мусульман[2].

Когда началась Крестьянская война 1773–1775 годов, Туктамыш Ишбулатов с сыном оказались в Оренбурге и до весны 1774 года находились в осажденном городе[3]. После снятия осады Оренбургский губернатор И.А. Рейнсдорп отправил его домой с задачей вести среди башкир пропаганду о том, что самозванный «царь» – беглый дон-

[1] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV. Ч. 2. С. 173–174.

[2] Там же.

[3] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территоии Башкирии. С. 256.

ской казак Емельян Пугачев, и отговаривать башкир от участия в восстании. По пути следования домой Туктамыш Ишбулатов попытался было исполнять поставленную губернатором задачу, но восставшие башкиры взяли их в плен, сына отправили в Берду, где его повесили. Самого Туктамыша Ишбулатова отпустили домой.

До лета 1774 года он пребывал у себя дома, не вмешиваясь в события. Но когда Е.И.Пугачев с Главным войском оказался в Северном Башкортостане, мулла Адигут Тимясев уговорил Туктамыша Ишбулатова пойти в стан «государя» и добиться его аудиенции. 16 июня 1774 года они приехали в Ставку Пугачева, который находился на Уинском заводе, и добились приема «государя». Туктамыш Ишбулатов передал Е.И. Пугачеву рапорт, где было изложено о готовности служить «императору Петру Федоровичу». Е.И. Пугачев обоим визитерам присвоил чин полковника и велел служить ему верой.

Вернувшись домой в чине полковника, Туктамыш Ишбулатов активного участия в повстанческом движении не принимал. Но в документах упоминается, что он имел отряд численностью до 1000 человек. Канзафар Усаев на допросе говорил, что по плану захвата Уфы сводными силами восставших в августе 1774 года Туктамыш Ишбулатов должен был совершить поход на Уфу с севера. Однако все эти планы и пожелания Е.И. Пугачева, Канзафара Усаева и других участников событий в Северном Башкортостане летом 1774 года не были реализованы. Туктамыш Ишбулатов конкретных действий в повстанческом движении не предпринимал. Но сам факт того, что он встречался с «государем», имел чин полковника и сформировал крупный отряд, играл важное моральное значение в мобилизации башкирского населения на борьбу с существующими порядками. Одни только слухи о возможном появлении Туктамыша Ишбулатова и его отряда наводили страх на «верных» башкирских и мишарских старшин[1]. А сам факт включения Туктамыша Ишбулатова в восстание вдохновлял восставших башкир. От его имени атаман Нурый Ишаев, мулла деревни Алдар Рахманкул Умаров и другие агитаторы мобилизовали мишарей Осинской дороги в повстанческие отряды[2]. Повстанческие полковники Адигут Тимясев, Аладин Бектуганов,

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 256.

[2] Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения. С. 46–47.

Абдусалям Рамзин, Зюмакай Аскаров и Рахмангул Иртуганов 31 августа 1774 года в своем письме к Кулыю Балтасеву и другим «верным» башкирским старшинам предлагали прекратить карательные меры, вернуться домой и жить спокойно, как это делает старшина Туктамыш Ишбулатов[1].

В октябре 1774 года старшины Гайнинской волости Туктамыш Ишбулатов и Кучукбай Абдуллин явились с повинной к подполковнику А.В. Папаву, который отправил их в Казанскую секретную комиссию. В реестре комиссии отмечено, что Туктамыш Ишбулатов «сам явился»[2].

Явка с повинной такого авторитетного человека обрадовала представителей власти. Начальник Казанской секретной комисссии генерал-майор П.С. Потемкин спешил сообщить командующему карательными силами генерал-аншефу П.И. Панину о явке Туктамыша Ишбулатова и Кучукбая Абдуллина с повинной. Авторитет депутата Туктамышева Ишбулатова вынуждены были признать и казанские власти. Его не содержали в тюрьме, а разрешили жить в городе на квартире.

Перед следователями секретной комиссии встал сложный вопрос. В «Ведомости» Уфимской провинциальной комиссии было указано о пребывании Туктамыша Ишбулатова в осажденном Оренбурге. Об отношении к восстанию провинциальные чиновники писали: «Об участии в бунте неизвестно»[3]. Сам Туктамыш Ишбулатов отрицал участие в восстании. Но следователи использовали против него показания Адигута Тимясева об их совместной поездке к Е.И. Пугачеву. Туктамыш Ишбулатов объяснял этот факт тем, что он был сильно болен и не мог сообразить о своих поступках.

Таким образом, следствию не удалось найти прямых улик об участии Туктамыша Ишбулатова в Крестьянской войне. Из Казанской секретной комиссии его в числе 13 башкирских старшин отправили в Москву к П.И. Панину. Решением Тайной экспедиции Сената от 27 марта 1775 года Туктамыш Ишбулатов был освобожден без

[1] Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 125; Пугачевщина. Т. I. С. 163.

[2] РГАДА. Ф. 6. Д. 507. Ч. 5. Л. 28 об.

[3] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 256.

наказания[1]. Просматривая «Определение» Тайной экспедиции Сената, Екатерина II против имени Туктамыша Ишбулатова собственноручно вписала: «Снять депутатство»[2].

Туктамыш Ишбулатов сохранил за собой должность старшины. 29 сентября 1777 года башкиры команды старшины Туктамыша Ишбулатова составили запись о займе денег у уфимского купца Алексея Подъячева[3].

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 507. Ч. 3. Л. 65 об.

[2] Салават Юлаев. Энциклопедия. С. 360.

[3] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. V. С. 58.

Глава 8. Башкирские предводители Исетской провинции

Амин Ибраев

Рядовой башкир Телевской волости Исетской провинции. Пугачевский полковник. Единственный раз упоминается в рапорте приказчика Катав-Ивановского завода в Уфимскую провинциальную канцелярию от 16 июня 1774 года. Во время осады завода Юлаем Азналиным одним из многочисленных отрядов его войска командовал Амин Ибраев. В рапорте об этом говорится следующее: «А сверх того, сим в дополнение оной канцелярии нижайше доносится: третьего дня к здешнему заводу подъехали башкирцы под командою злодейской Пугачевской толпы полковника башкирца Телевской волости Амина Ибраева, да дву есаулов Кучука Муртазина, Ясака Абдулгасымова, всего сот до шести человек, и здешний Катав-Ивановский завод атаковали»[1].

Прежняя повстанческая деятельность Амина Ибраева нам неизвестна. Если он подошел на помощь к Юлаю Азналину во главе крупного повстанческого отряда, можно предположить, что в Зауральском Башкортостане в начале лета 1774 года он был одним из активных участников возрождения Главного войска, и Е.И. Пугачев присвоил ему чин полковника. По утверждению С.У. Таймасова, в 1777 году Амин Ибраев был старшиной[2]. 15 марта 1777 года тептяр Исетской провинции Курмаш Арсланов обратился с жалобой в провинциальную канцелярию на поборы со стороны старшины ясачных тептярей и бобылей Амина Ибраева[3]. Однако у нас нет уверенности, что это был именно полковник повстанческой армии Амин Ибраев.

Дальнейшая судьба неизвестна.

---

[1] РГАДА. Ф. 1100. Д. 9. Л. 131.

[2] *Таймасов С.У.* Указ. соч. С. 235.

[3] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. V. С. 545.

Байгазы Козямышев

Полковник повстанческой армии. Башкир деревни Байгазино Исетской провинции (Аргаяшский район Челябинской области). Старшина Айлинской волости (356 дворов)[1]. В совместной команде со старшинами Субхангулом Кошмановым и Муртазой Юртумовым было 356 дворов. В январе 1772 года Айлинской волости команды старшины Байгазы Козямышева сотник Утяв Яраткулов судился в Исетской провинциальной канцелярии с рядовым башкиром той же волости Танатаром Калмаковым для возвращения долга[2].

К восстанию примкнул в ноябре или декабре 1773 года. Его повстанческая деятельность проходила в тесном контакте с Базаргулом Юнаевым, Юламаном Кушаевым и Сарой Абдуллиным. Вместе с ними в октябре–ноябре 1773 года он саботировал мобилизацию зауральских башкир в карательные команды, препятствовал распространению указов Оренбургского губернатора и Исетского воеводы по агитации населения провинции против восстания[3].

В декабре 1773 года Байгазы Козямышев перешел к активным действиям. В составе повстанческой армии И.Н. Грязнова участвовал в осаде и захвате Челябинска. Отряды Байгазы Козямышева и Исая Токтагулова составляли отдельную группу повстанческой армии. В занятом повстанцами Челябинске они несли гарнизонную службу[4].

Весной 1774 года, после поражения Главного войска Пугачева под Троицкой крепостью и селом Лягушино, предводители зауральских башкир приняли «государя» и прятали в своих кочевьях, возродили его армию. Первоначально Е.И. Пугачев прятался в деревне Байгазино, у старшины Байгазы Козямышева. Затем он переехал в кочевья Баима Кедряева. В составе вновь сформированного Главного войска Байгазы Козямышев участвовал во всех его сражениях с карательным корпусом И.И. Михельсона. В числе башкирских старшин, пожалованных указом Пугачева от 5 июня 1774 года чином полковника, непременно должен был быть и Байгазы Козямышев. В документе говорится, что Е.И. Пугачев «обнадежил всех башкирских

---

[1] РГАДА. Ф. 429. Оп. 1. Д. 65. Л. 60

[2] Материалы. Т. IV. Ч. 2. С. 405.

[3] РГАДА. Ф. 6. Д. 416. Ч. 1. Л. 8; Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 280.

[4] РГАДА. Ф. 6. Д. 416. Ч. 1. Л. 15 об.; Пугачевщина. Т. I. С. 115.

старшин наградить кармазинными кафтанами с позументами. Напротив чего и старшины обещались ему дать по лошаде. С ним же, Пугачевым, уехали старшины Базаргул Юнаев, Юламан Кушаев, Муртаза Юртумов, Байгазы Козямышев и протчие. И с ними было русских до трехсот, а башкирцов до пятисот человек»[1].

В составе Главного войска Байгазы Козямышев прошел до Казани, участвовал во всех сражениях: под Ачитской крепостью, в штурмах и взятии пригорода Осы, Ижевского и Воткинского заводов, города Казани, в сражениях под Казанью 12 и 15 июля против карательного корпуса И.И. Михельсона.

После поражения повстанческой армии Е.И. Пугачева под Казанью и ухода «государя» за Волгу Байгазы Козямышев вместе с другими зауральскими предводителями вернулся в Исетскую провинцию и до зимы 1774 года продолжал борьбу. Лишь 17 декабря в «Ведомости» Исетской провинциальной канцелярии местные власти отмечали, что Байгазы Козямышев «возвратился в прежнее повиновение»[2].

Видимо, добровольное повиновение избавило его от наказаний. Он сохранил за собой должность старшины Айлинской волости. В договоре от 10 мая 1776 года башкира его волости Касимбая Асыкова о продаже своего сына челябинскому купцу Е.М. Сапожникову Байгазы Козямышев упоминаетя как старшина. В декабре 1777 года башкиры Айлинской волости команды старшины Байгазы Козямышева жаловались в Исетскую провинциальную канцелярию на незаконные поборы старшины Байгазы Козямышева и есаула Уметея Усянова[3].

Биктимир Уразаев

Башкир, старшина Барын-Табынской волости Исетской провинции. Полковник повстанческой армии. В его отряде было 1000 воинов. К восстанию примкнул в первых числах декабря 1773 года. Еще до прихода в Исетскую провинцию атамана И.Н. Грязнова совместно с Шукуром Абзямовым и Абдулкаримом Курманаевым вели активные действия в Зауральском Башкортостане.

---

[1] РГВИА. Ф. 20. Д. 1240. Л. 306 и об.

[2] *Таймасов С.У.* Указ. соч. С. 230.

[3] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. V. С. 542–543, 547.

Весной 1774 года Биктимир Уразаев принимал участие в поддержке Е.И. Пугачева после поражения Главного войска под Татищевой крепостью и Сакмарским городком. В апреле приехал со своим отрядом на Белорецкий завод к Е.И. Пугачеву и остался в его Ставке. Вероятно, по указу Е.И. Пугачева отделился от Главного войска и с отрядом в более тысячи воинов направился на Урал, чтобы преградить путь И.И. Михельсону. 17 мая около горы Нарели-тау, в вершине реки Яик произошло жестокое сражение отряда Биктимира Уразаева с карательным корпусом И.И. Михельсона. Повстанцы потерпели поражение, командир отряда Биктимир Уразаев погиб[1]. Служба в Ставке Пугачева и командование отрядом в 1000 воинов, безусловно, заслуживало присвоения чина полковника. Однако документ о присвоении Биктимиру Уразаеву чина полковника не сохранился.

Иса Токтагулов

Башкир деревни Исаево Исетской порвинции (деревня Токтагулово Челябинской области). Старшина Кара-Табынской волости (236 дворов)[2], ахун. Командир повстанческого отряда, в отряде было 500–700 воинов.

В октябре 1773 года Исетской провинциальной канцелярией Иса Токтагулов был назначен командиром карательной команды в 4800 человек из зауральских башкир, мобилизованных властями. 2 ноября с этой командой он прибыл в Верхояицкую крепость в распоряжение коменданта крепости полковника Е.А. Ступишина. Ступишин отправил команду под Оренбург для поиска беглого донского казака, самозваного «императора Петра Федоровича». По пути следования в Оренбург команда Исы Токтагулова перешла на сторону восставших, совершала налеты на крепости.

Зимой 1773–1774 годов Иса Токтагулов был одним из руководителей повстанческого движения зауральских башкир. В составе армии И.Н. Грязнова участвовал в осаде и захвате Челябинска. Весной 1774 года вместе со старшинами Сарой Абдуллиным и Муртазой Юртумовым действовал в районе Челябинска. В своем приказе от 14 марта 1774 года походный атаман Григорий Туманов требовал: «Получа

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. в России. Документы из собрания Государственного исторического музея. С. 203.

[2] РГАДА. Ф. 429. Оп. 1. Л. 65. Л. 60.

сей приказ, имеите вы команды своей з доброконными башкирцами всеми без остатка явиться ко мне в город Челябу в скором времени»[1]. Следовательно, Иса Токтагулов долго и активно участвовал в восстании, командовал крупными повстанческими отрядами. Он мог быть в числе башкирских старшин, которым Е.И. Пугачев своим указом от 5 июня 1774 года присвоил чин полковника. Документ о присвоении ему чина полковника не сохранился.

Вероятно, летом и осенью 1774 года Иса Токтагулов продолжал борьбу. Однако в источниках об этом информаций нет. В «Ведомости» Исетской провинциальной канцелярии от 17 декабря 1774 года отмечено: «Обратился в прежнее повиновение».

Дальнейшая судьба Исая Токтагулова неизвестна. В материалах последней четверти XVIII века его имя не встречается.

Канбулат Юнин

Башкир деревни Старсу Иренской волости Кунгурского уезда. Полковник повстанческой армии.

О Канбулате Юнине сохранилось очень мало источников, где его называют по-разному: Конбулай, Конапай, Канбулат, Юнин, Юмин. Нет сведений о его происхождении. Единственным документом, где имеется скудная информация о нем, является его автограф на «Наставлении», данном старосте крестьян Тисовского завода Василию Белозерову и писчику Егору Немкому. Канбулат Юнин набрал отряд из заводских крестьян и назначил В. Белозерова его командиром, от остальных требовал «во всем слушать и ни в чем не прекословить». «Наставление» заканчивается автографом: «башкир деревни Старсу Иренской волости Кунгурского уезда, полковник Канбулат Юнин»[2].

8 января 1774 года староста села Торговижский Острожек Кунгурского уезда Г. Овчинников, священник И. Попов и сотник А. Озолкин с мирскими людьми дали подписку Канбулату Юнину о подчинении его распоряжениям[3].

Из вышеприведенных скудных источников можно сделать заключенеие, что башкир деревни Старсу Иренской волости Кунгурского

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 416. Ч. 1. Л. 8; Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 280.

[2] Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 213.

[3] Там же. С. 201.

уезда Канбулат Юнин, полковник повстанческой армии, в январе 1774 года действовал в районе Тисовского железоделательного завода Демидовых, расположенного в 30 верстах к северо-западу от Красноуфимской крепости.

О дальнейшей повстанческой деятельности и судьбе Канбулата Юнина материлы найти не удалось.

Мансур Таймасов

Башкир деревни Таймасово Кара-Табынской волости Исетской провинции (Аргаяшский район Челябинской обдасти), тархан. Пугачевский полковник. Вырос и воспитывлся в семье известного в Башкортостане и России тархана Таймаса Шаимова. Тархан Таймас Шаимов был крупным башкирским феодалом. Он вместе с Алдар-батыром Исекеевым сопровождал Алексея Тевкелева в Младший казахский жуз, внес большой вклад в склонении хана Абулхаира принять российское подданство, за что получил тарханную грамоту. Во время башкирских восстаний 1735–1740 годов сохранил «верность» царским властям, но в подавлении восстания не участвовал.

Мансур Таймасов в течение 15 лет исполнял должность старшины. В октябре 1773 года он нес пограничную службу в Верхояицкой крепости. В конце 1773 года примкнул к восстанию. Вместе с другими башкирскими старшинами Исетской провинции участвовал в осаде города Челябинска. В феврале 1774 года вместе с Муртазой Юртумовым, Байгазы Козямышевым и другими старшинами Зауралья принимал участие в двух сражениях с карательным корпусом генерал-поручика И.А. Деколонга.

Весной и летом 1774 года Мансур Таймасов продолжал принимать активное участие в восстании. После поражений Главного войска Е.И. Пугачева под Троицкой крепостью и селом Лягушино башкирские старшины Байгазы Козямышев, Баим Кедряев, Базаргул Юнаев и Мансур Таймасов спешили на помощь Е.И. Пугачеву, скрывали его в своих кочевьях, в деревне Байгазино на реке Миасс, затем на озере Аргази. Башкиры Зауральского Башкортостана пополняли его армию, участвовали в сражениях возрожденного Главного войска с карательным корпусом И.И. Михельсона.

Сохранились два интересных документа, которые свидетельствуют активное участие Мансура Таймасова в восстании, его авторитет среди повстанцев. В апреле 1774 года Златоустовская станичная

изба выдала проезжую грамоту казаку Тимофею Чугуннову, отправленному «в башкирские жительства и в Кара-Табынскую волость к господину башкирскому полковнику Мансуру Таймасову и в команду ево за самонужнейшими его императорского величества делами». Грамоту подписал атаман Самойло Телегин[1]. Во втором документе говорится о том, что в апреле 1774 года из 19 пушечных зарядов, захваченных восставшими под Калинским заводом, есаул Иван Шибаев отдал «башкирскому полковнику Мансуру Таймасову четыре заряда»[2].

Пугачевский полковник Мансур Таймасов летом 1774 года участвовал во всех действиях Главного войска. Участие в походе на Казань источниками не подтверждается. Но вместе с другими башкирскими старшинами Зауральского Башкортостана полковник Мансур Таймасов продолжал оказывать сопротивление карательным силам до глубокой осени. В конце 1774 года он явился с повинной.

Дальнейшая судьба пугачевского полковника Мансура Таймасова неизвестна.

Муртаза Юртумов

Башкир. Полковник повстанческой армии. Старшина Айлинской волости Исетской провинции. В его команде было 226 дворов[3]. Старшина волости. Зимой 1773–1774 годов вместе с Исаем Токтагуловым, Сарой Абдуллиным и другими башкирскими старшинами Зауралья участвовал в восстании под Челябинском, в районе Каслинского и Кыштымских заводов.

Особенно активное участие в восстании Муртаза Юртумов стал принимать весной 1774 года. Атаман Челябинского повстанческого района Григорий Туманов в своем приказе от 14 марта требовал: «Получа сей приказ, имеете вы команды своей з доброконными башкирцами всеми без остатку явится ко мне в город Челябу в скором времени»[4].

Летом 1774 года, когда зауральские башкиры прятали у себя Е.И. Пугачева, Муртаза Юртумов принимал активное участие в наборе отрядов для возрождения Главного войска. 5 июня на реке Ай

---

[1] Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 287.

[2] Там же. С. 288.

[3] РГАДА. Ф. 429. Оп. 1. Д. 65. Л. 60.

[4] РГАДА. Ф. 6. Д. 416. Ч. 1. Л. 8; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 103.

Е.И. Пугачев подписал указ о присвоении высокого воинского чина полковника около десяти башкирским старшинам. В числе пугачевских полковников был и Муртаза Юртумов. Указ не сохранился. Но в последующих документах он именуется полковником.

Полковник Муртаза Юртумов вместе с фельдмаршалом повстанческой армии Базаргулом Юнаевым, генералом Юламаном Кушаевым и полковником Сарой Абдуллиным присоединились к Главному войску Е.И. Пугачева и в его составе совершили поход на Казань, участвовали в штурмах и захвате пригорода Осы, Ижевского и Воткинского заводов, города Казани, в сражениях против корпуса И.И. Михельсона 12 и 15 июля на Арском поле под Казанью[1].

После поражения Главного войска под Казанью перед уходом за Волгу Е.И. Пугачев отпустил башкирские повстанческие отряды домой. Вернувшись в Исетскую провинцию, Муртаза Юртумов отошел от восстания. В «Ведомости» Исетской провинциальной канцелярии от 17 декабря 1774 года отмечено, что он «возвратился в прежнее повиновение». По его доносу был арестован Базаргул Юнаев.

Дальнейшая судьба пугачевского полковника Муртазы Юртумова неизвестна.

Расуль Итжеймасов

Башкир, тархан, старшина Кара-Табынской волости Исетской провинции (деревня Расуль Учалинского района РБ). В его команде было 80 дворов[2]. Командир повстанческого отряда, в отряде было 600 воинов.

Расуль Итжеймасов к восстанию примкнул в декабре 1773 года, действовал в окрестностях Уйской крепости. Возможно, именно его отряд 15 декабря напал на карательную команду премьер-майора Де Кастро Лацерода, направляющейся в Уйскую крепость. Особенно активно Расуль-тархан Итжеймасов действовал летом–осенью 1774 года. Со своим отрядом он держал в блокаде и часто штурмовал Уйскую крепость. Только интенсивным артиллерийским огнем гарнизону крепости и подошедшему на помощь карательному корпусу генерал-майора А.Д. Скалона 21 августа удалось отбить приступ отряда Расуль-тархана Итжеймасова и снять блокаду Уйской крепости.

---

[1] РГВИА. Ф. 20. Д. 1240. Л. 306 и об.; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 389.

[2] РГАДА. Ф. 429. Оп. 1. Д. 65. Л. 60 об.

Расуль-тархан Итжеймасов имел отряд в 600 человек, летом 1774 года действовал в непосредственном контакте с Е.И. Пугачевым. Эти факты позволяют предположить, что среди 10 башкирских старшин Зауралья, которым Пугачев указом от 5 июля присвоил чин полковника, был и Расуль-тархан Итжеймасов. Однако документы о присвоении ему чина полковника не сохранились.

В «Ведомости» Исетской провинциальной канцелярии от 17 декабря 1774 года отмечено: «Протчих же нижеписанных волостей старшины с их подкомандующими, не исключая ни одного, все генерально находились в бунте, ис коих под сим значющияся возвратились их волостей с подчинёнными в прежнее повиновение». В списке старшин значится: «Кара-Табынской волости старшина Расул-тархан Итжимасов»[1].

Однако Расуль-тархан Итжеймасов окончательно не покорился, полностью от сопротивления властям не отказался. В январе–марте 1775 года в Башкортостане распространялись слухи о возвращении Кинзи Арсланова с армией, об ожидаемом походе Е.И. Пугачева. Одним из распространителей этих слухов оказался Расуль-тархан Итжеймасов. В 1776 году он рассказал мулле Абдулгафуру Мансурову: «Пугачев не умер, а ушел де в числе двенадцати тысяч верных в Крым, а ему, Расулю, приказал в Киргиз-касацкую степь отправлять посланцев»[2].

В следственных материалах имя Расуль-тархана Итжеймасова не встречается. Видимо, он избежал допросов и наказаний. Вероятно, провинциальные власти побоялись возбудить дело против тархана Итжеймасова: слишком популярной и авторитетной была его личность среди зауральских башкир. Он сохранил за собой должность старшины. В протоколе по делу злоупотреблений и незаконных поборов мишарского старшины Исетской провинции Абдулманнана Муслимова в сентябре 1775 года старшина Кара-Табынской волости Расуль-тархан Итжеймасов проходил свидетелем. В марте 1777 года в «Прошении» тептяря Исетской провинции Курмаша Арасланова он упоминается как старшина Кара-Табынской волости[3]. В 1798 году Расуль-тархан Итжеймасов был старшиной 6-го кантона Верхне-Уральского уезда.[4]

---

[1] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 272–273.

[2] *Таймасов С.У.* Указ. соч. С. 234.

[3] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. V. С. 545.

[4] *Таймасов С.У.* Указ. соч. С. 234.

Сара Абдуллин

Башкир, старшина Бала-Катайской волости Исетской провинции, в его командовании было 217 дворов[1]. Полковник повстанческой армии[2].

О Саре Абдуллине известно по скандальным событиям 1772 года. 27 января 1772 года башкир Бала-Катайской волости Мурза Айсин «с товарищами» подали в Исетскую провинциальную канцелярию прошение на старшину Сару Абдуллина, что он семь лет назад без ведома волостной общины «с малым числом волостных людей» припустил на их вотчинную землю челябинского торгового татарина Кедралея Уразаева. Кедралей в волости развернул бурную предпринимательскую деятельность. Башкиры попадали к нему в долговую кабалу, при возвращении долга он требовал завышенные суммы. Башкиры стали жаловаться на него в провинциальную канцелярию. Видимо, Сара Абдуллин во избежание лишнего скандала решил выслать Кедралея из волости. После этого Мурза Айсин вновь обратился с жалобой в провинциальную канцелярию. В этот раз он обвинял Сару Абдуллина, что он якобы для высылки Уразаева с их вотчинной земли собрал со 130 дворов деньги по 70 копеек с каждого двора[3]. Следовательно, до Крестьянской войны Сара Абдуллин исполнял должность волостного старшины. Был почтовым комиссаром Исетской провинции. Опыт руководящей работы и авторитет Сары Абдуллина, будущего полковника повстанческой армии, был достаточно высоким.

В октябре 1773 года Уфимская провинциальная канцелярия отправила указ башкирским старшинам Исетской провинции с требованием срочно набрать команды для комплектования карательного корпуса. Башкирские старшины Зауралья отказались набирать башкир в карательные команды, принимали энергичные меры для пресечения агитации среди башкир царских чиновников, эмиссаров воеводы Исетской провиниальной канцелярии И.Г. Лазарева. С приездом в Исетскую провинцию пугачевского эмиссара И.Н. Грязнова они стали его активными соратниками. Многие из них влились со своими отрядами в его повстанческую армию и участвовали в осаде Челябинска,

---

[1] РГАДА. Ф. 429. Оп. 1. Л. 60 об.

[2] *Гвоздикова И.М.* Башкортостан накануне и в годы Крестьянской войны. С. 505.

[3] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV. Ч. 2. С. 406.

препятсвовали продвижению карательного корпуса генерал-поручика И.А. Деколонга на помощь к осажденному Оренбургу, дважды вступали с ним в сражение. После захвата Челябинска повстанческой армией И.Н. Грязнова башкирские отряды несли гарнизонную службу. Некоторые башкирские отряды участвовали в распространении восстания на территории Окуневского, Куртамышского и Шадринского уездов Исетской провинции.

В начале лета 1774 года восстание в Зауральском Башкортостане разгорелось с новой силой. Сара Абдуллин совместно с Базаргулом Юнаевым и Юламаном Кушаевым препятствовали продвижению карательных корпусов И.А. Деколонга и Де Кастро Лацерода, снабжали Главное войско Пугачева провиантом, фуражом, оружием, пополняли конными отрядами[1].

Появление Е.И. Пугачева в Исетской провинции с новой силой всколыхнуло зауральских башкир. Особенно велика была заслуга башкирских предводителей Зауралья в возрождении Главного войска. 5 июня, после сражения с карательным корпусом И.И. Михельсона у деревни Мясогутово, Е.И. Пугачев наградил башкирских предводителей кармазинными кафтанами с позументами и высокими чинами. По показаниям Ивана Творогова на допросе, в тот же день Е.И. Пугачев произвел в полковники еще около десяти башкирских старшин. К сожалению, пугачевский указ о присвоении чина полковника предводителям зауральских башкир не сохранился. Однако нет сомнения, что среди них был и Сара Абдуллин.

Среди сподвижников Е.И. Пугачева из зауральских башкир самым активным был Сара Абдуллин, который неразлучно действовал совместно с Базаргулом Юнаевым и Юламаном Кушаевым. Их отряды действовали в районе Чебаркульской крепости. Сара Абдуллин имел сводный отряд численностью более 600 конных башкир.

Когда Е.И.Пугачев из Исетской провинции через Северный Башкортостан направился на Казань, Сара Абдуллин вместе с Базаргулом Юнаевым, Юламаном Кушаевым, Муртазой Юртумовым и Байгазы Козямышевым со своим отрядом вошел в состав Главного войска и участвовал в Казанском походе[2]. Отряды зауральских баш-

[1] РГАДА. Ф. 20. Оп. 47. Д. 9. Л. 163.

[2] Салават Юлаев. Энциклопедия. С. 422.

кир в составе Главного войска участвовали в полевых сражениях под Кунгуром с деташаментом подполковника А.В. Папава, во взятии Красноуфимской крепости, в захвате пригорода Осы, Ижевского и Воткинского заводов. Особенно активное участие башкирские повстанцы принимали в штурме города Казани, в полевых сражениях 12 и 15 июля с карательным корпусом И.И. Михельсона. В последнем сражении Е.И. Пугачев потерял до 2-х тысяч убитыми, среди которых было много башкирских конников. Участник казанских сражений, башкир Айлинской волости Хамза Баязитов на допросе говорил, что башкиры были в передних шеренгах повстанческой армии, «будучи чрезвычайно порублены»[1].

После поражения Главного войска под Казанью и ухода Е.И. Пугачева за Волгу башкирские повстанцы под командой своих старшин вернулись домой[2]. Вернулся в Исетскую провинцию и Сара Абдуллин. После возвращения домой предводители зауральских башкир вновь развернули борьбу с карательными корпусами генерал-поручика И.А. Деколонга, генерал-майоров А.Д. Скалона и Ф.Ю. Фреймана.

Сара Абдуллин не подвергался допросам и наказанию. Он сохранил за собой должность старшины Бала-Катайской волости. 22 мая 1775 года в Уфимской провинциальной канцелярии по делу Салавата Юлаева допрашивали рядового башкира Бала-Катайской волости Сагыра Утяшева команды старшины Сары Абдуллина. В ноябре 1775 года сотник Бело-Катайской волости команды старшины Сары Абдуллина Сагыр Утяшев обратился к Оренбургскому губернатору И.Д. Рейнсдорпу с просьбой об облегчении службы для башкир. В 1777 году поверенные от башкир Бело-Катайской волости команды старшины Сары Абдуллина жаловались в Исетскую провинциальную канцелярию на сотника Юлдаша Кинзина за незаконные поборы. 20 августа 1779 года башкиры Бело-Катайской волости команды старшины Сары Абдуллина заключили запись с челябинским торговым татарином Кидралием Уразовым об отдаче ему вотчинной земли в вечное пользование. Следовательно, Сара Абдуллин сохранял старшинскую должность до конца 70-х годов.

Дальнейшая судьба Сары Абдуллина неизвестна.

---

[1] РГВИА. Ф. 20. Д. 1239. Л. 110; Гв. С. 424.

[2] Салават Юлаев. Энциклопедия. С. 412.

Глава 9. Башкиры – дипломаты Е.И. Пугачева

Летом 1774 года Е.И. Пугачев решил войти в контакт с правителем Среднего жуза Аблай-ханом. С этой целью он отправил к Аблай-хану три делегации для выработки планов совместных действий против правительственных войск. Вероятно, первой была делегация в составе Уметея Усянова, Шукура и Упака Абзямовых, которая отправилась с Магнитной крепости 8 мая 1774 года.

Уметей Усянов, Шукур и Упак Абзямовы

Шукур Абзямов. Башкир деревни Шукурово Исетской провинции. Походный старшина Барын-Табынской волости. В 1770 году его владения посетили академики И.И. Лепехин и П.С. Паллас. И.И. Лепехин отмечал: «При речке Сяулдар кочевал тогда знатный багач Шукур». П.С. Паллас, побывавший в этих же местах чуть позже, писал: «По Увельке в стороне лежащие башкирские деревни, от поколения Курманай, кои с уйскими казаками беспрестанно за земли ссорятся и коих названия по порядку суть следующая: Шукур-аул, где старшина или управитель волости живет, Токтагул-аул, Абдул-аул и прочие».

В начале декабря 1773 года Шукур Абзямов совместно с Биктимиром Уразаевым и Абдулкаримом Курманаевым поднимал башкир Зауралья на восстание. Весной 1774 года вместе с Биктимиром Уразаевым он прибыл к Е.И.Пугачеву и помогал ему в формировании Главного войска.

Упак Абзямов, брат Шукура Абзямова, сотник Бала-Катайской волости.

Уметей Усянов, рядовой башкир Бала-Катайской волости.

8 мая 1774 года Е.И. Пугачев с Магнитной крепости отправил Уметея Усянова, Шукура и Упака Абзямовых к хану Среднего Казахского жуза Аблаю с задачей склонить казахов на сторону Е.И. Пугачева. Через 16 дней они прибыли к казахским султанам Ембетю-батыру и Санкадаутбай-тархану, которые кочевали при реке Сарытургай. Казахские султаны написали письмо Е.И. Пугачеву о согласии совместных действий и отправили с сыном Ембетя Аралбаем. Упак Аб-

зямов с Аралбаем при возвращении к Пугачеву на обратном пути попали в плен. Шукур Абзямов со своими людьми поехал к Аблай-хану. Аблай-хан обещал прислать 1500 своих конников. Повстанческая армия и казахские отряды должны были соединиться в районе Звериноголовской крепости. В некоторых документах говорится, что 1500 казахов хана Аблая ждали сигнала за рекой Яиком в урочище Ибык-Каратай. Посольство Шукура Абзямова благополучно вернулось в повстанческий центр, а Упак Абзямов с Аралбаем при возвращении в повстанческий центр под Санарской крепостью попали в плен[1].

14 июня карательная команда поручика Трейблута из корпуса генерал-майора С.К. Станиславского захватила в плен башкирского сотника Барын-Табынской волости Упака Абзямова. На допросе Упак Абзамов дал достаточно полную информацию о действиях делегации Пугачева и результатах переговоров с ханом Аблаем и казахскими султанами. О присвоении дипломатам чина полковника Упак Абзамов не говорил.

Дальнейшая судьба неизвестна[2].

Утяв Яраткулов, Суяргул Яманаев, Чагыр Илляйманов

Другую делегацию Е.И. Пугачев отправил в начале лета, когда он находился у башкир Исетской провинции. Делегацию составляли Утяв Яраткулов, Суяргул Яманаев и Чагыр Илляйманов. Всем троим дипломатам Е.И. Пугачев присвоил чин полковника.

Утяв Яраткулов был сотником Айлинской волости команды старшины Байгазы Козямышева, возможно житель деревни Яраткулово (Аргаяшский район Челябинской области). В январе 1772 года он подал жалобу в Исетскую провинциальную канцелярию на рядового башкира той же волости Танатара Калмакова. По исковой жалобе выясняется, что Танатар Калмаков занял у Утява Яраткулова 7 рублей денег и, несмотря на многократные предупреждения,

[1] РГАДА. Ф. 1274. Д. 183. Л. 232–233; Ф. 1100. Л. 8. Л. 335 об. – 336 об.; РГВИА. Ф. 20. Д. 1240. Л. 471 и об.; Допрос Е.И. Пугачева. С. 211. Крестьянская война. С. 175, 190–191; *Усманов А.Н.* Указ соч. С. 128–129. *Бекмаханова Н.Е.* «Легенда о Невидимке» (участие казахов в Крестьянской воине под предводительством Пугачева). Алма-Ата, 1968. С. 170–174.

[2] Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 190–191.

не возвращал долга. Утяв Яраткулов вынужден был его разыскивать и нашел у есаула Булата Бектемирова в срочной работе. Но Танатар Калмаков не только не вернул долг, но украл у Утява Яраткулова шубу и скрылся[1].

Утяв Яраткулов осенью 1773 года был мобилизован в карательную команду и в числе 469 зауральских башкир оказался в Верхояицкой крепости в команде секунд-майора И. Демидова. Но вскоре вместе с другими башкирами перешел на сторону восставших.

Суяргул Яманаев и Чагыр Иляйманов – рядовые башкиры Кара-Табынской волости Исетской провинции. О довоенной биографии Суяргула Яманаева и Чагыра Иляйманова в источниках сведений не имеется. Все трое делегатов были активными участниками повстанческого движения в Зауральском Башкортостане.

Дипломаты благополучно вернулись домой. Итоги их дипломатической миссии неизвестны. Поздней осенью Утяв Яраткулов был доставлен в Казанскую секретную комиссию. В документах походной канцелярии генерал-аншефа П.И. Панина говорится о его делегации к Аблай-хану. Утяв Яраткулов отмечен полковником[2].

Дальнейшие судьбы пугачевских дипломатов, полковников повстанческой армии Утява Яраткулова, Суяргула Яманаева и Чагыра Иляйманова неизвестны.

Баязит Максютов и Махмут Калмакаев

Баязит Максютов, башкирский старшина Салжиутской волости.

Махмут Калмакаев, башкир деревни Махмутово, сотник Терсякской волости. Третью делегацию к хану и султанам Среднего казахского жуза Е.И.Пугачев отправил также из Исетской провинции. Ее составляли старшина Салжиутской волости Баязит Максютов и сотник Терсятской волости Махмут Калмакаев «со товарищи, всего 20 человек з данным от реченного государственного злодея Пугачева письмом, чтоб они киргисцов собрали не малое число и разоряли б линейные крепости»[3]. Через 20 дней делегация добралась до

[1] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV. Ч. 2. С. 406.

[2] РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 196. Л. 130 об.

[3] РГВИА. Ф. 20. Д. 1240. Л. 306 и об.; Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. С. 389.

кочевья Даутбай-тархана. По согласованной договоренности Е.И. Пугачев и казахское ополчение должны были встретиться у Звериноголовской крепости.

Баязит Максютов и Махмут Калмакаев успешно выполнили поставленную перед ними дипломатическую задачу. Однако встретиться повстанческой армии Е.И. Пугачева и казахскому ополчению Даутбай-тархана не удалось, так как Главное войско с Троицкой крепости взяло курс резко на северо-запад, оставив в стороне Звериноголовскую крепость.

Баязит Максютов и Махмут Калмакаев благополучно вернулись домой и продолжали борьбу до зимы 1774–1775 годов. 22 января 1775 года Исетская провинциальная канцелярия сообщала, что они «остались в упорстве и поныне». Они оставались в бегах и в 1776 году. Указ о присвоении им чина полковника не сохранился.

Дальнейшие судьбы Баязита Максютова и Махмута Калмакаева неизвестны.

БАШКОРТОСТАН РЕСПУБЛИКАҺЫНЫҢ ЭНЦИКЛОПЕДИЯҺЫ · ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Глава 10. Неизвестные башкирские полковники повстанческой армии

К концу 1773 года Крестьянская война охватила огромную территорию. Ставка Е.И. Пугачева и Военная коллегия старались внести в стихийную крестьянскую войну элементы организованности. Но повсеместно возникали повстанческие отряды. Восставший народ из своей среды выдвигал командиров этих отрядов. Помимо Е.И. Пугачева и Военной коллегии, командирам отрядов чины присваивали И.Н. Зарубин, И.Н. Белобородов, Салават Юлаев, Абдей Абдулов, Каранай Муратов и другие командиры крупных повстанческих войск. В чудовищном водовороте грандиозного социального катаклизма эти процедуры производились экспромтом, часто не оформлялись на бумаге. В результате многие крупные предводители восстания остались неизвестными для истории. И среди башкирских предводителей оказалась группа полковников, у которых невозможно определить местожительство, волость и дарогу. К такой группе башкирских предводителей относился пугачевсий полковник Абдулла Мустаев.

Абдулла Мустаев

Полковник повстанческой армии[1]. Составители сборника «Документы Ставки Е.И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений» называют его служилым татарином Казанского уезда. В реестре повстанческих предводителей Казанской секретной комиссии напротив имени Абдуллы Мустаева отмечено: «полковник, башкир»[2]. Эти же сведения имеются и в других архивных источниках[3].

Абдулла Мустаев зимой 1773–1774 годов действовал совместно с Бахтияром Канкаевым. В апреле 1774 года боролся на Сибирской дороге. Летом того же года принимал участие в подготовке к встрече Е.И. Пугачева в Северо-Западном Башкортостане. 14 июля у Шуран-

[1] Пугачевщина. Т. I. С. 103.

[2] РГАДА. Ф. 6. Д. Ч. 10. Л. 65.

[3] Там же. Д. 467. Ч. 10. Л. 389.

ского перевоза вступил в сражение с карательной командой секунд-майора В. Меллина[1].

Дальнейшая судьба Абдуллы Мустаева неизвестна.

Имаскул Обрамов

Башкир. Полковник повстанческой армии. Соратник Салавата Юлаева. На допросе в Казанской секретной комиссии атаман красноуфимских казаков М.Д. Чигвинцев о событиях под Красноуфимской крепостью в марте 1774 года, когда войско Салавата Юлаева потерпело поражение, рассказывал: «…обще с башкирскою толпою за реку Уфу в деревню Бугалыш бежали, в коей с той толпой стояли недели з две, откуда по приказу командующего злодейской толпою полковника Салавата Елаева товарищем ево полковником же Имаскулом Обрамовым он, Чигвинцев, с протчими той же крепости помянутыми казаками отпущен в крепость Красноуфимскую»[2].

Осенью 1774 года Имаскул Обрамов находился в Казанской секретной комиссии. О том, что Имаскул Обрамов был полковником повстанческой армии, на допросе в Секретной комиссии кроме М.Д. Чигвинцева показал красноуфимский казак-повстанец, канонир Яков Пермяков[3].

Других сведений о повстанческой деятельности и судьбе башкирского полковника Крестьянской войны 1773–1775 годов Имаскула Обрамова обнаружить не удалось.

Мирас Мендияров

Башкирский старшина Уфимского уезда, пугачевский полковник. Весной 1773 года, когда Главное войско Е.И. Пугачева продвигалось по Исетской провинции на север, в направлении к Кунгуру и Осе с намерением идти на Казань, в Северо-Западном Башкортостане развернулась лихорадочная подготовка к встрече «царя». Одной из острых проблем для повстанческих полков региона был недостаток пороха. И.Н. Белобородов послал указание пороховому мастеру Изге Аюпову об изготовлении пороха. Однако при отсутствии

---

[1] *Таймасов С.У.* Указ. соч. С. 267.

[2] РГАДА. Ф. 6. Д. 507. Ч. 4. Л. 97.

[3] Там же. Л. 96.

селитры выполнить указ И.Н. Белобородова оказалось невозможным. В своем извете Бахтияр Канкаев в невыполнении указа И.Н. Белобородова обвинял башкирского полковника Ильчигула Иткулова. Тогда соратник Ильчигула Иткулова полковник Уметей Уразымбетов организовал коллективный рапорт Бахтияру Канкаеву с подтверждением того, что Изге Аюпов «в поисках селитры объездил все волости, но нигде она не обнаружена». Рапорт подписали 8 человек, в том числе «полковник Мирас Мендияров сын, видел прибывший указ о селитре и дал подписку об отсутствии селитры в наших землях и приложил ручную тамгу свою (изображение тамги)»[1].

В других источниках о повстанческой деятельности Мираса Мендиярова сведений не имеется.

Дальнейшая судьба неизвестна.

Регим Алиев

Башкир. Пугачевский полковник. Из какой деревни и волости, в источниках не говорится. О повстанчекой деятельности башкирского полковника Регима Алиева сохранились отрывочные сведения. Сотник деревни Малая Шудья Арской дороги Казанского уезда повстанец Илья Богданов на допросе в Казанской секретной комиссии показал, что в середине марта 1774 года в их деревню прибыл полковник Регим, вызвал его к себе в и обвинил в неисполнении приказа В.И. Торнова, отобрал указ и отправил домой[2]. В допросной речи полковника повстанческой армии, жителя деревни Юбакаево Уранской волости Осинской дороги Магдия Мадиярова выясняется, что в августе 1774 года в их деревню приехал «злодейский» полковник Регим Алиев «с толпою более 1000 человек башкирцов, татар, вотяков и черемис»[3]. Жители деревни испугались и разбежались. Регим Алиев заставил Магдия Мадиярова набрать людей в команду, «коих и набрал человек с 20». Регим Алиев со своим отрядом вышел принять бой с преследующей его карательной командой. В 7 верстах от их деревни произошел бой, где отряд Регима Алиева потерпел поражение[4].

---

[1] Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения. С. 113–114.

[2] РГАДА. Ф. 6. Д. 507. Ч. 4. Л. 111 и об.

[3] Там же. Л. 214.

[4] Там же. Л. 216 об.

Более подробную информацию о повстанческом полковнике Региме Алиеве дал башкир деревни Саржи Уфимского уезда повстанец Салих Зямбаев. По его показанию, в июне 1774 года в татарскую деревню Маметево из Сибирской дороги прибыл «злодейской ис трицатью пятью человеками башкирцев партии атаман башкирец Регим». Он собрал жителей деревни, прочитал указ «Петра III», набрал людей в свою команду. Старшина Бикжан Рысметев поверил Региму Алиеву и «прикзал всем обывателям со устрастием, чтобы они были в готовности с оружием, у кого какое есть, к походу». Собранная команда «до полутора тысяч человек пошла в село Сарапул. Но узнав, что из Сарапула им навстречу вышла воинская команда, люди разбежались»[1].

Из этих отрывочных сведений можно сделать следующие выводы. Пугачевский полковник Регим Алиев был башкиром. Вероятно, из Казанской дороги. Весной 1774 года оказался в Мензелинском повстанческом районе, действовал в северо-западом фланге повстанческой армии Караная Муратова. В марте 1774 года он имел чин полковника, принимал активное участие в мобилизации населения в повстанческое движание, вступал в сражения с воинскими командами.

Летом 1774 года, когда Главное войско Е.И. Пугачева из Зауральского Башкортостана через северные волости стремительным маршем продвигалось на Казань, Регим Алиев оказался в пределах Сибирской дороги, вероятно, по установке Салавата Юлаева, направился в Северо-Западный Башкортостан и занялся мобилизацией населения в повстанческие отряды. Он успешно справился с поставленной задачей: в считанные дни собрал полуторатысячный отряд, тем самым помогал беспрепятственному продвижению Главного войска.

Осенью Регим Алиев оказался в Казанской секретной комиссии, подвергся наказанию: 100 ударов плетьми и ссылка на вечную каторгу[2].

Юзкей Беккешов

Башкир. Полковник повстанческой армии. В списке «колодников» Казанской секретной комиссии указано: «Юзекей Беккешов –

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 507. Ч. 4. Л. 536 и об.

[2] Там же. Ч. 1. Л. 110 об.

полковник»[1]. Летом 1774 года совместно с Бахтияром Канкаевым действовал в Казанском уезде. Единственный источник, опубликованный в сборнике «Документы Ставки Е.И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений», дает скудную информацию о повстанческой деятельности полковника Юзкея Беккешова. Это – письмо Юзкея Беккешова Бахтияру Канкаеву, написанное в июле 1774 года. Он просит прислать подкрепление в связи с концентрацией карательных войск в районе Казани, в Арской и Зюрейской дорогах Казанской губернии[2].

Дальнейшая судьба башкирского полковника повстанческой армии Юзкея Беккешова неизвестна.

Неизвестный башкирский полковник

В начале 1774 года бурные события разыгрались под Кунгуром, административным центром Пермской провинции. В первых числах января его блокировал сводный отряд Батыркая Иткинина и Канзафара Усаева. 9 января они предприняли штурм города. После неудачного штурма Батыркай Иткинин вернулся в пригород Осу. 21 января к Кунгуру подошло повстанческое войско И.С. Кузнецова и Салавата Юлаева. 23 января они штурмовали город, попытка нового штурма 24 января оказалась неудачной. Раненый в ногу Салават Юлаев вынужден был уехать домой для лечения, И.С. Кузнецов отправился в Чесноковский лагерь к И.Н. Зарубину и забрал с собой арестованного Канзафара Усаева. Отрезок времени между штурмами 9 и 23 января в отечественной историографии не изучен. Нижеприведенный источник показывает, что народная борьба в это время не прекращалась. Предлагаем читателю отрезок данного пространного документа с предварительными пояснениями.

Когда повстанческое движение стало распространяться на территории пермских горных заводов, Кунгурская провинциальная администрация бежала из города Кунгура в Ектеринбург, оставив город на произвол судьбы. Положение административного центра провинции спасла случайность: в город вошел секунд-майор А.В. Папав, который был откомандирован Казанским губернатором Я.Л. Брандтом

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 507. Ч. 1. Л. 322.

[2] Документы Ставки Е.И. Пугачева. С. 348.

для набора рекрутов. А.В. Папав имел наскоро собранную команду. Именно он оказался в центре событий под Кунгуром, которые произошли в отрезок времени между выше отмеченными штурмами города. Командующий карательными войсками по подавлению Пугачевского восстания генерал-аншеф А.И. Бибиков в конце января в своем рапорте докладывал императрице Екатерине Алексеевне следующую информацию: «Из Кунгура получил я репорт от 19 сего месяца [рапорт полковника, главаного начальника Екатеринбургских казенных горных заводов В.Ф.Бибикова], что возвратившийся с рекрутами для защищения города секунд-майор А.В. Папав, зделав весьма похвальное учреждение, ободрил граждан, вооружил приведенных с собою рекрутов разнообразно и многих купцов, не только охранил сей город от нападений злодейских, но и выходя делает над ними поиски, вспомоществует во всем, будучи с капитаном Буткевичем, котораго он и похваливает. Между прочим, 15 числа сего месяца вышед он, Папав, для поиску над злодеями их атаковал и прогнал: на месте и в погоне побит от него русских и башкирцов до 40 человек, *между коими убит и называющийся полковником башкирец* (курсив наш. – Н.К.), взял живых башкирцов дватцать. Русских семь, казаков разного звания сто девятнатцать, да явились собою при сражении русских пятнатцать, не потеряв с своей стороны ни одного человека, имея только одного раненого посадского. В добычу получил от злодеев пушек разнаго весу пять с немалым числом ядер и снарядов»[1].

Как видно из источника, русско-башкирский повстанческий отряд, участвоваший в блокаде города Кунгура, был довольно крупным воинским подразделением. Только убитые, попавшие в плен и добровольно сдавшиеся составляли 201 человек. Отряд в своем вооружении имел 5 пушек с достаточным количестом ядер и снарядов. К сожалению, мы можем лишь констатировать факт, что командиром отряда был башкирский полковник. Ни фамилии, ни места жительства установить отсутствие других источников не позволяют. С.У. Таймасов, сославшись на Ж.Д. Планера, утверждает, что башкирского полковника звали Избашиным[2].

---

[1] РГВИА. Ф. ВУА. 846. Оп. 16. Д. 143. Л. 120.

[2] *Таймасов С.У.* Указ. соч. С. 316.

Неизвестный башкирский полковник

22 декабря 1773 года коллежский регистратор Василий Смирнов написал рапорт командиру карательной команды коллежскому асессору М.И. Башмакову, где излагал сообщение служителя Камбарского железоделательного завода Ивана Озерова. По сообщению информатора, он вместе с приказчиком Михаилом Кондвигиным и расходщиком Дмитрием Зарихиным ездил в дворцовое село Ташкисово Сарапульской волости «для наведывания об известной злодейской толпе». Там они увидели «толпу башкирцов во главе со старшиной, называемым полковником»[1]. Сарапульская дворцовая волость зимой 1773–1774 годов стала ареной острой борьбы.

По другим источникам нам не удалось уточнить имя полковника.

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 634. Ч. 3. Л. 152.

Заключение

Башкиры приняли массовое участие в Крестьянской войне 1773–1775 годов, в грандиозном общенародном антикрепостническом движении. Они дали Пугачевскому восстанию около половины повстанческих сил. Из 17 266 башкирских дворов лишь 54 сохранили верность правительству. В начале Крестьянской войны правительство Екатерины II рассчитывало на поддержку башкир в подавлении восстания. Власти обращались к ним манифестами и указами, призывали сохранить верность присяге, создавали карательные команды и пытались использовать их в подавлении восстания. Убедившись в ненадежности башкир, местная царская администрация пыталась их нейтрализовать от яицких казаков и русских крестьян. Когда же массовый переход башкир на сторону восставших стал очевидным фактом, власти пытались жестокими карательными мерами вынудить их отойти от движения. Попадавшим в плен башкирам отрезали уши, язык, нос, пальцы рук, сжигали дома, грабили имущество, угоняли скот, уводили в плен членов семей, рассылали грамоты с угрозой «казнить, вешать за ребра», истребить хлеб, сено, скот, дома. Однако такие карательные меры только озлобляли башкир, ускоряли их массовый переход к восставшим.

Перед царским правительством всегда стоял вопрос, как навсегда «обуздать своенравных и буйных башкир», сделать их массовые выступления впредь невозможными. В феврале 1774 года, в разгар Крестьянской войны, Государственный Совет при Ее императорском дворе принял решение: усмирить башкир оружием, а после подавления восстания и «усмирения башкирцев оружием» раздать их поголовно дворянам и офицерам, что позволило бы «пресечь вольность и их всегдашнюю к возмущению склонность»[1]. Таким образом, правительство Екатерины II собиралось окончательно ликвидировать башкир как сословие, как самостоятельную народность.

Но упорная, продолжительная и самостоятельная борьба башкир после ухода Главного войска осенью и зимой 1774 года заставила

[1] Архив Государственного Совета. Т. 1. СПб., 1869. С. 232.

власти по отношению к башкирам вести более осторожную политику. В манифестах Екатерины II, приказах и рапортах П.И. Панина, И.А. Рейнсдорпа и других представителей гражданской и военной властей все чаще стало звучать рядом с угрозами требование соблюдения осторожности по отношению к башкирам, дабы они, склонные к бунтам, вновь не пришли к «замешательству»[1].

Кроме того, царское правительство пугала возможность в случае применения репрессивных мер массового ухода башкир в казахские степи. Иметь многотысячное воинственное население по соседству с регионом, который имел богатейшие людские и природные ресурсы и где интенсивно развивалась горнозаводская промышленность, было крайне нежелательно. Поэтому, хотя в крае были поставлены сотни виселиц, колес и глаголей, но массового наказания башкир в отличие от народов Среднего Поволжья не произошло.

После окончательного подавления восстания власти усиленно искали другие меры наказания для башкир. По инициативе губернатора И.А. Рейнсдорпа и секретаря губернской канцелярии П.И. Рычкова Государственный Совет 18 февраля 1775 года принял решение взыскать с башкир 4 тысячи штрафных лошадей. Екатерина II своим указом от 19 февраля утвердила решение Государсвенного Совета. Должны были собрать по одной лошади с каждых 5 дворов. При нехватке лошадей башкиры могли платить штраф деньгами из расчета по 25 рублей за одну лошадь. К концу 1775 года с 13409 башкирских дворов было собрано лошадей и денег на общую сумму 78 691 рубль[2].

Крестьянская война, во время которой Башкортостан оказался в эпицентре наиболее крупных сражений, длительная самостоятельная борьба башкир осенью и зимой 1774 года, сбор штрафного провианта и лошадей очень тяжело отразилось на экономическом положении башкир. Генерал-губернатор Уфимского и Симбирского наместничеств И.В. Якоби в 1782 году отмечал, что «все башкиры, расстроившись после последнего смятения, не могут и поныне исправить своего разорения и состоят в самой бедности». За 1787 год недоимщиками оказались 3 886 башкирских дворов с населением

[1] РГАДА. Ф. 6. Д. 494. Л. 235 об.; *Дубровин Н.Ф.* Пугачев и его сообщники. Т. II. С. 27–28; РГАДА. Ф. 429. Оп. 1. Д. 65. Л. 6, 8; Ф. 439. Оп. 1. Д. 541. Л. 1–6 об.

[2] РГАДА. Ф. 1274. Оп.1. Д. 196. Л. 352–353.

15 394 д.м.п., что составляло 22,5 % хозяйств коренного населения края[1].

После подавления Крестьянской войны у башкир значительно увеличилась военная повинность. В отдельные годы брали по одному рекруту с каждых 4–5 дворов вместо положенных 8. Особенно усилилась так называемая «рабочая служба», более обременительная, чем военная. По подсчетам Оренбургского генерал-губернатора В.А. Перовского, во второй половине XVIII века у башкир 70 % военной повинности составляла линейная служба и 30 % – рабочая, а к 40-м годам XIX века – соответственно 14 % и 86 %. По утверждению В.А. Перовского, это привело к хозяйственному разорению башкир[2].

В процессе Губернских реформ 1781 года было образовано Уфимского наместничества с разделением всей территории Башкортостана на 12–13 уездов во главе с капитан-исправниками, что привело к усилению контроля над населением. Введение кантонной системы управления Башкортостаном в 1798 году еще больше усилило правительственный контроль[3].

В ходе Крестьянской войны царское правительство убедилось в необходимости создания в крае своей социальной опоры из феодально-старшинской верхушки башкир, мишарей и татар. Многие «верные»» старшины за услуги в подавлении движения получили офицерские звания. С введением кантонной системы кантонным начальникам, юртовым и походным старшинам, сотникам присваивались офицерские чины. После Отечественной войны 1812 года каждый пятый человек башкирского полка имел чин зауряд-офицера или есаула. Позже башкирские феодалы стали получать дворянское звание. Если в XVI–XVIII веках старшинская верхушка башкирского общества выступала в качестве застрельщика и предводителя восстаний, то теперь она превратилась в надежную опору царизма, в проводника его политики в крае.

Такую же гибкую политику после Крестьянской войны царское правительство повело и по отношению к мусульманскому духовенству.

---

[1] Архив СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 495. Л. 132 об – 133.

[2] Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки. Фонд Помялова. Д. 136. Т. 1. Л. 248 и об.; Т. II. Л. 489 об. – 503 об.

[3] *Асфандияров А.З.* Введение кантонной системы управления в Башкирии // Из истории Башкирии (дореволюционный период). Уфа, 1968. С. 155.

Вместо гонений и насильственной христианизации мусульман, которую время от времени пытались вести Московское правительство и православная церковь, ислам получил официальное признание в России. В 1782 году указом Екатерины II в Уфе был образован Муфтиат, а в 1788 году было учреждено Духовное магометанского закона правление. 4 и 5 декабря 1789 года уфимский наместник Игельстром разработал и представил в правительство «Положение» и «Проект о положении Духовного правления». Согласно этим документам, во главе правления назначался муфтий, его помощниками – три муллы из казанских татар, проявивших себя верными слугами правительства. Муфтий, члены правления и ахуны в уездах назначались и утверждались царским указом и находились под жестким контролем местных властей. Компетенции Духовного магометанского правления были сильно урезаны, хотя ему подчинялось все мусульманское духовенство края. В лице легализованного мусульманского духовенства царизм нашел сильную идеологическую опору и помощника в угнетении мусульманских народов Башкортостана. Так, первым муфтием был назначен Мухаметжан Гусейнов /Хусаинов/, бывший царский офицер, с Кораном в руках помогавший правительственным войскам подавить восставших кабардинцев и казахов, оказавший царскому правительству свою верность в годы Крестьянской войны. За свои заслуги перед царизмом он был назначен главным ахуном Башкирии, а с образованием Духовного правления – муфтием, приравненным по чину митрополиту православной церкви. Ему было назначено высокое жалование, разрешено покупать земли и крепостных крестьян. Под стать своему муфтию были и его помощники. В итоге верхушка мусульманского духовенства стала крупным духовным феодалом-землевладельцем и надежным звеном в системе местного управления краем. Свою верность она доказывала в своей повседневной службе царизму, особенно в подавлении восстания 1834–1835 годов, когда сам муфтий возглавил карательные силы, проклял восставших и приветствовал жестокую расправу над восставшими.

Массовое и активное участие в восстании и карательные меры властей после его подавления привели к истреблению значительной части генофонда башкир. По нашим подсчетам, только убитыми башкиры потеряли более 10 тысяч взрослого мужского населения. Это привело к ослаблению сопротивления башкир против правительственной, дворянской и крестьянской колонизации края. К концу

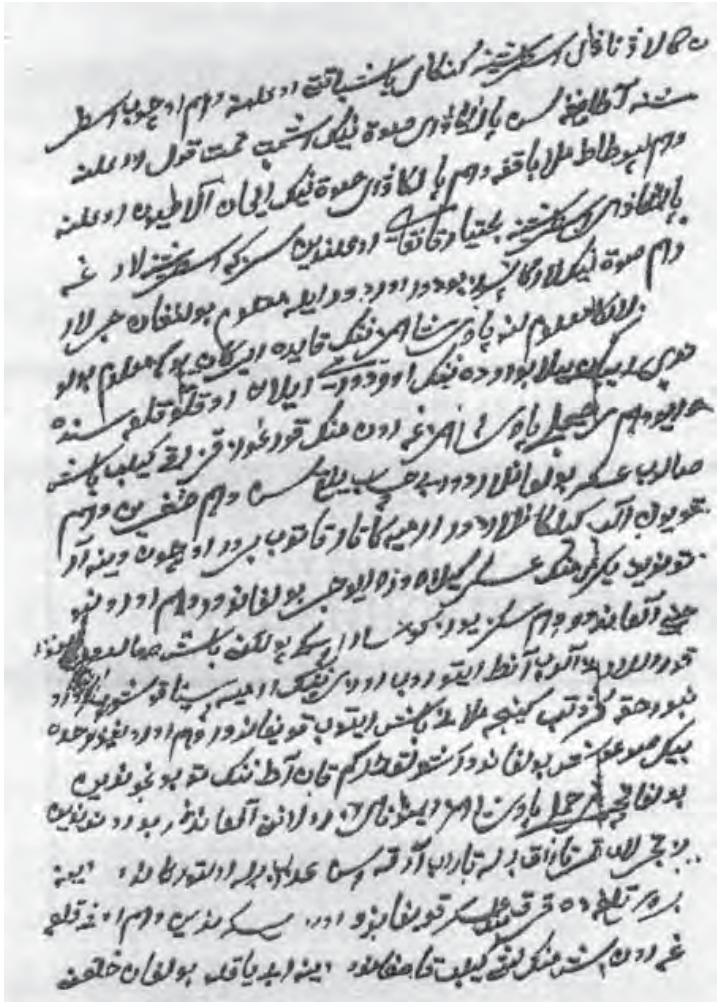
XVIII века на территории Башкортостана под крепости, заводы и дворянские имения было занято 1 0235 087 десятин земли, что составляло 32,9 % всей территории края. В центре, западных и юго-западных уездах насчитывалось более 150 вновь поселившихся дворянских фамилий, некоторые из них владели десятками и сотнями тысяч десятин земли. Усилился приток нерусских народов Поволжья. В середине XIX века их численность достигла 196 793 души обоего пола. Численность этой категории населения в крае за полвека выросла в 3 раза. Интенсивная колонизация Башкортостана привела к чрезвычайно острым земельным отношениям. Они особенно обострились в результате Генерального межевания башкирских земель, когда в больших размерах были отрезаны у коренного населения земли «за бунт».

Таким образом, после подавления Крестьянской войны 1773–1775 годов еще более усилился экономический и политический гнет трудовых низов коренного населения края. Более интенсивно развивался процесс дальнейшего социального расслоения башкирского общества. Эти процессы умело были использованы царским правительством для укрепления позиции царизма в Башкортостане. В результате массовое участие башкир в Крестьянской войне 1773–1775 годов стало их последним крупным выступлением против социально-экономического и национально-политического угнетения феодально-крепостнического государства и господствующих сословий.

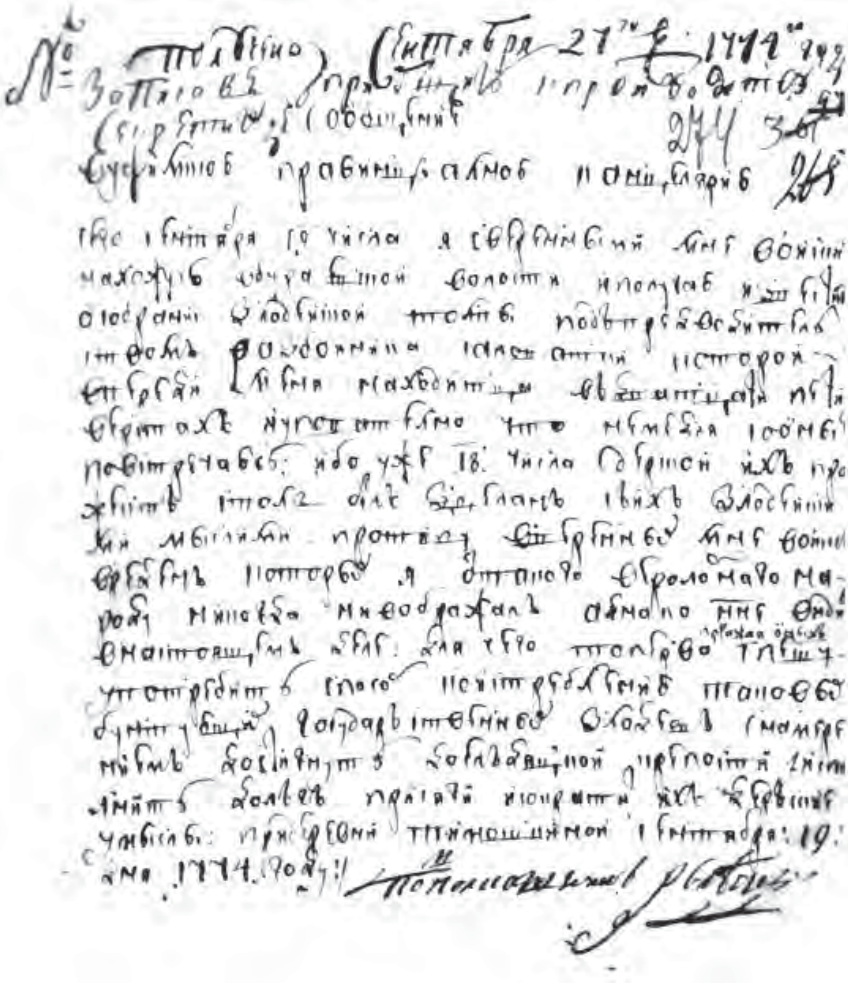
Однако, несмотря на эти негативные последствия, массовое участие башкир в Крестьянской войне 1773–1775 годов имело большое исторически прогрессивное значение. Оно было первым крупным актом совместной борьбы русских крестьян, трудовых масс башкир и других нерусских народов. В ходе этой совместной борьбы боевая дружба народов Башкортостана крепла, прошла испытание. Продолжительная и упорная борьба башкир и народов Башкортостана вынудила царское правительство отказаться от планов ликвидации башкирского сословия, вести более гибкую политику по отношению к ним. Совместная борьба башкир, русских крестьян и трудовых низов других народов края была одной из причин того, что царизм отказался от политики насильственной христианизации всего мусульманского населения юго-восточной окраины России. Башкиры сохранили вотчинное право на свои земли и военно-служилое сословное положение. В башкирское общество не проникло крепостное право.

Приложение

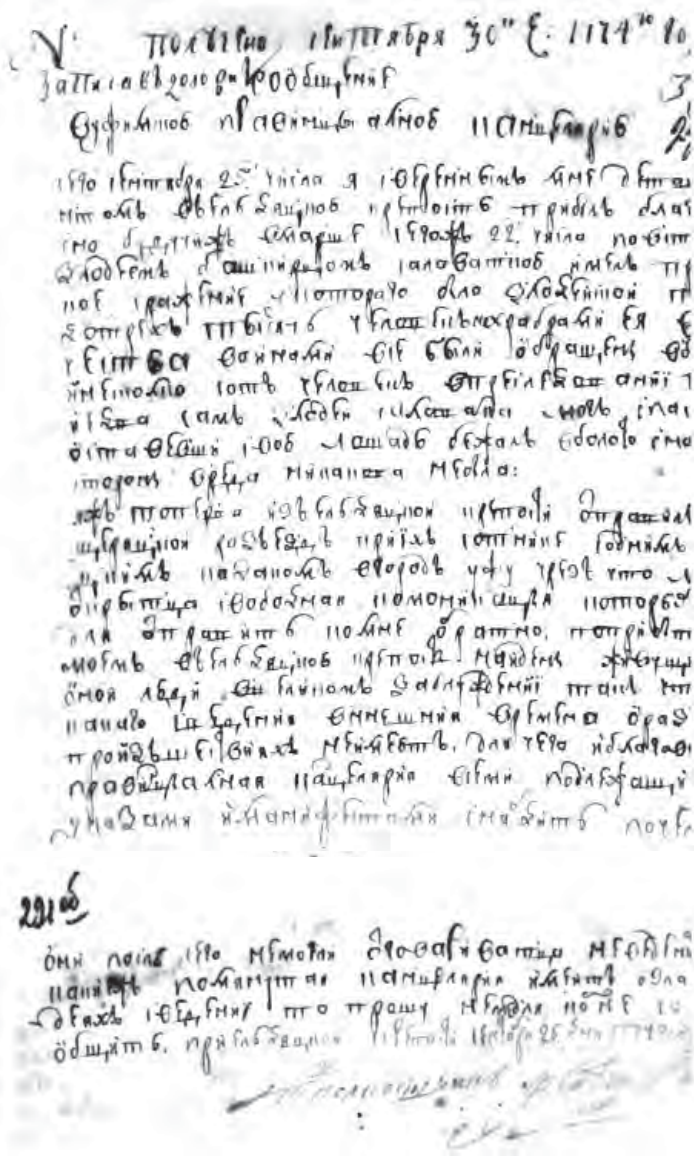
Фотокопии документов из фондов РГАДА



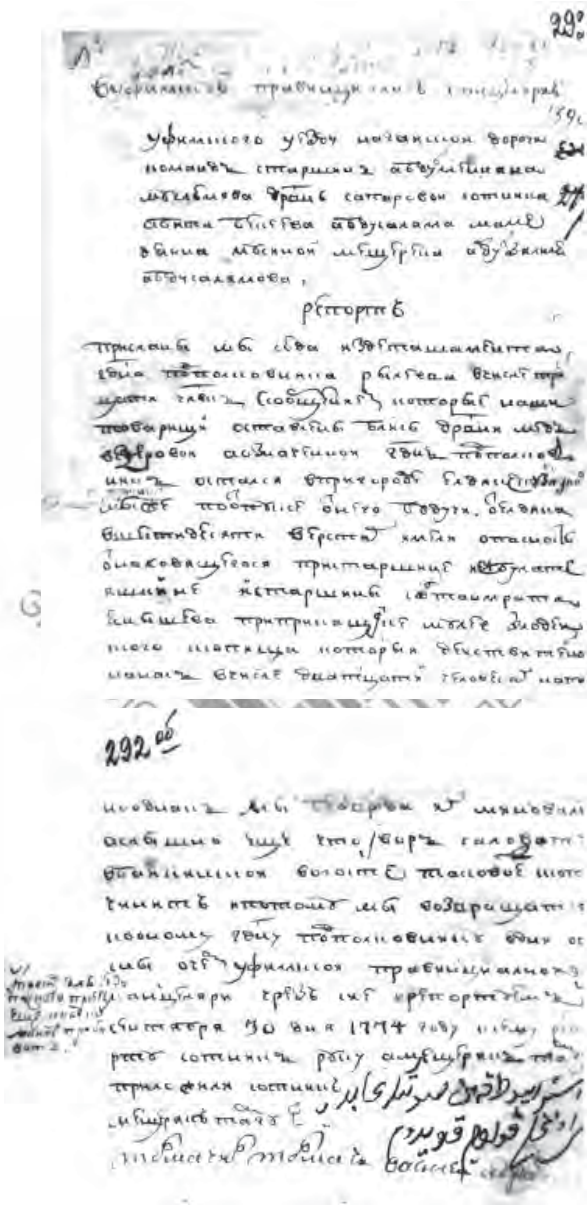
Объявление полковника Бахтияра Канкаева командирам повстанческих отрядов об успехах войск Е.И. Пугачева. Май 1774 года. На тюрки



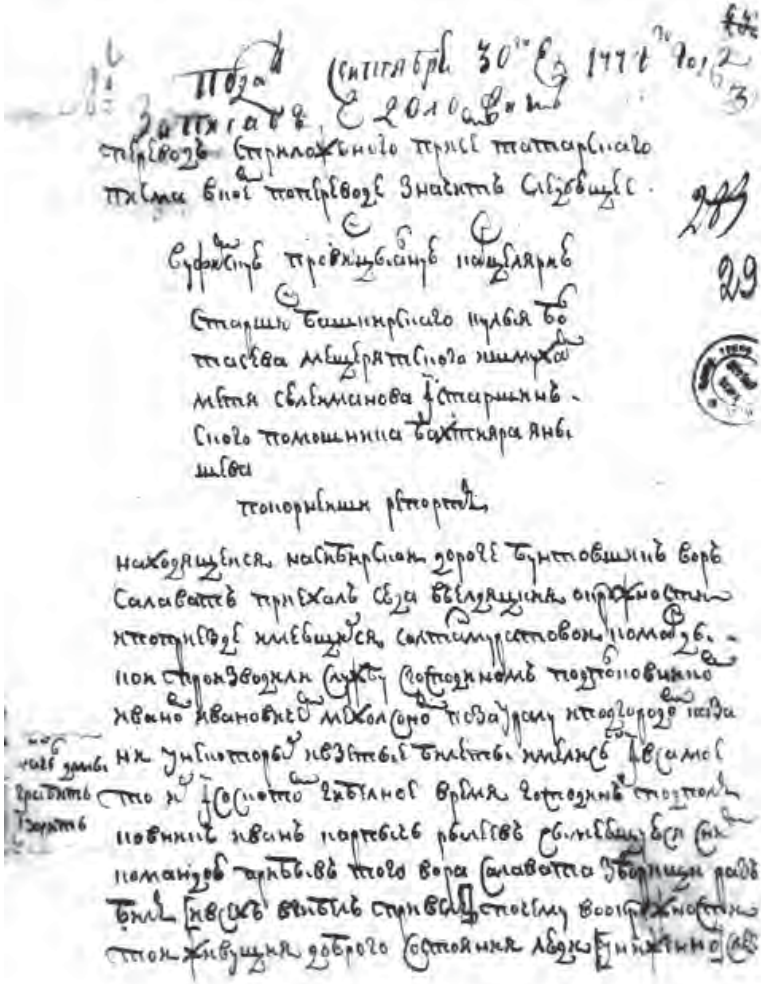
Рапорт подполковника И.К. Рылеева. 19 сентября 1774 года



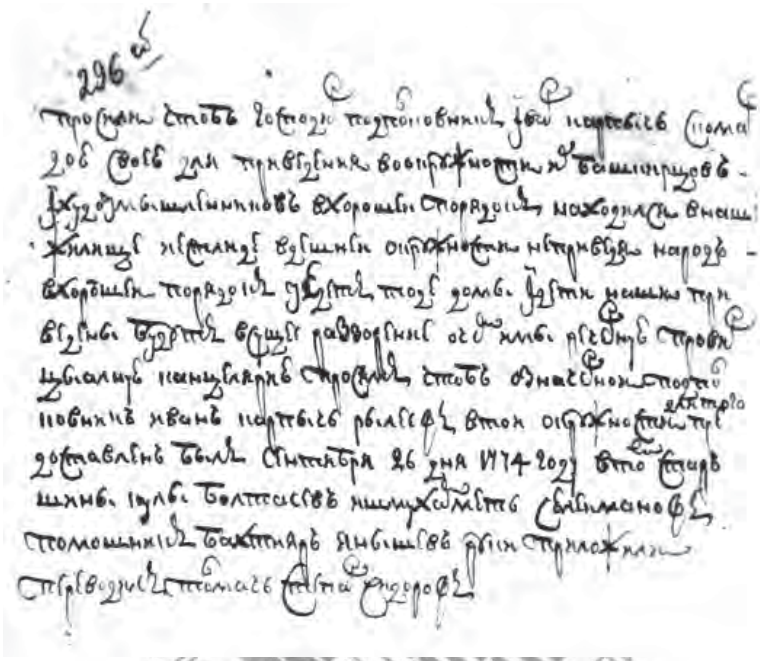
Рапорт подполковника И.К. Рылеева в Уфимскую провинциальную канцелярию. 25 сентября 1774 года



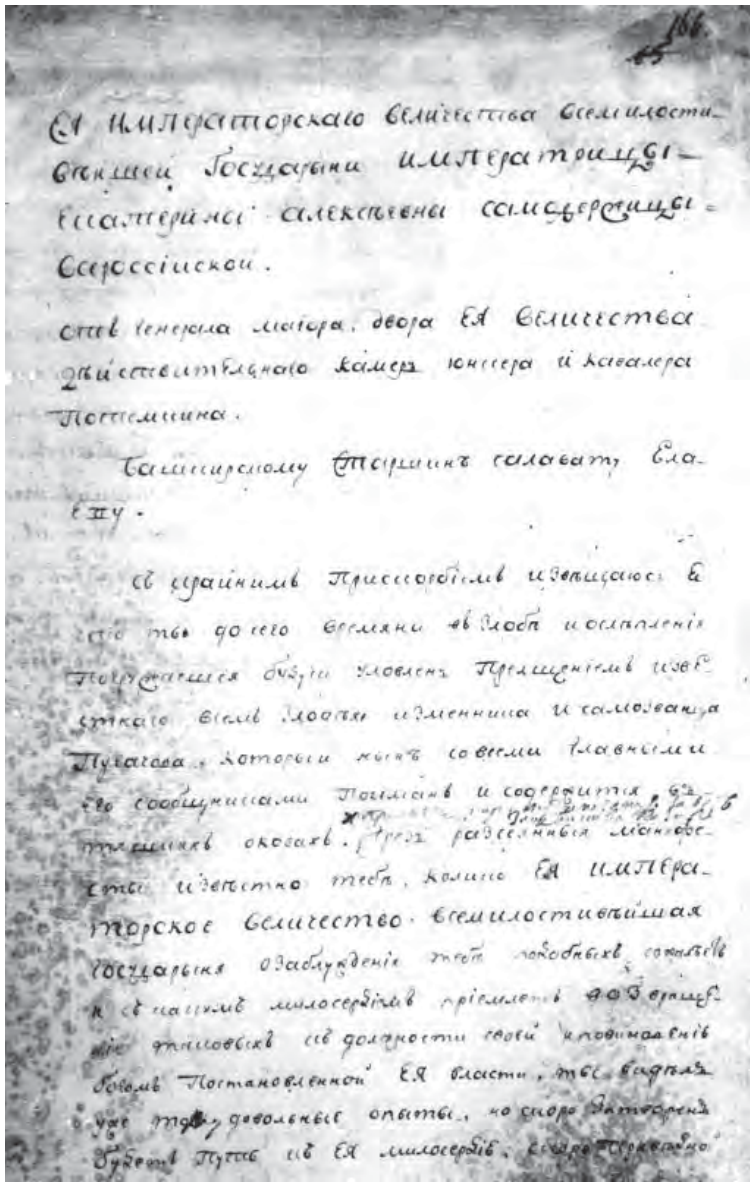
Рапорт «верных» мишарских старшин в Уфимскую провинциальную канцелярию. 30 сентября 1774 года



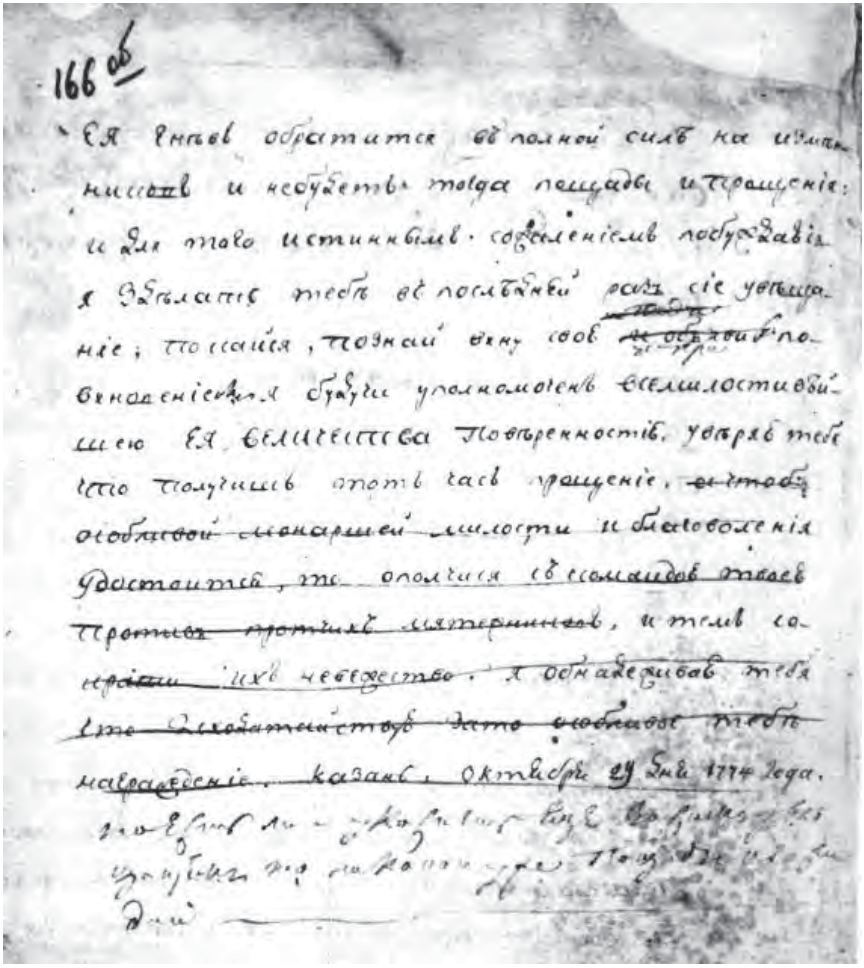
Покорнейший рапорт «верных» башкирских и мишарских старшин в Уфимскую провинциальную канцелярию. 30 сентября 1774 года



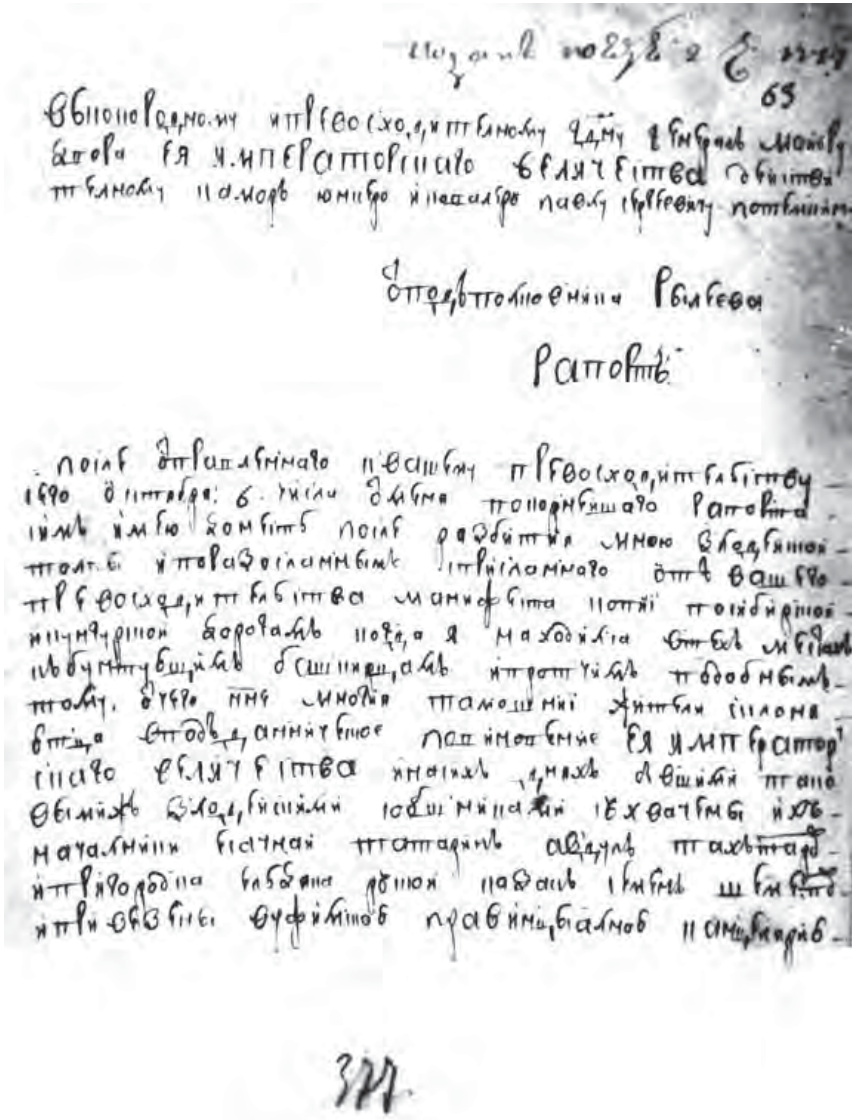
Покорнейший рапорт «верных» башкирских и мишарских старшин в Уфимскую провинциальную канцелярию. 30 сентября 1774 года (окончание)



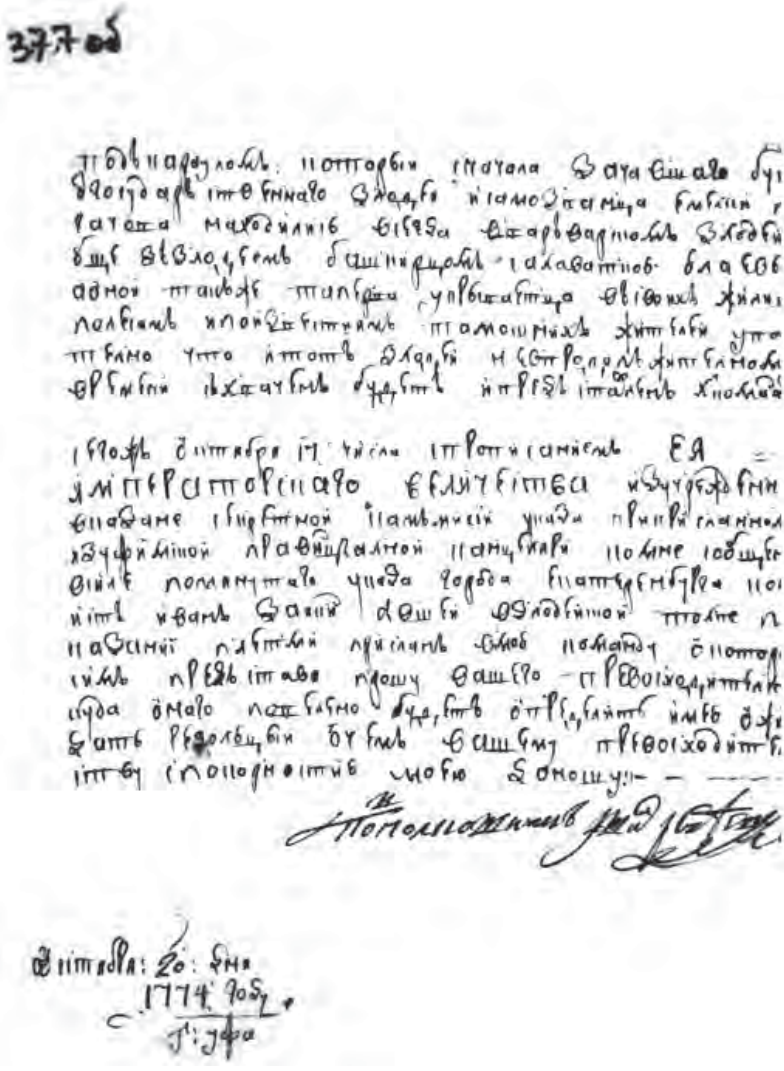
Обращение начальника Казанской секретной комиссии генерала С.П. Потемкина к Салавату Юлаеву. 29 октября 1774 года



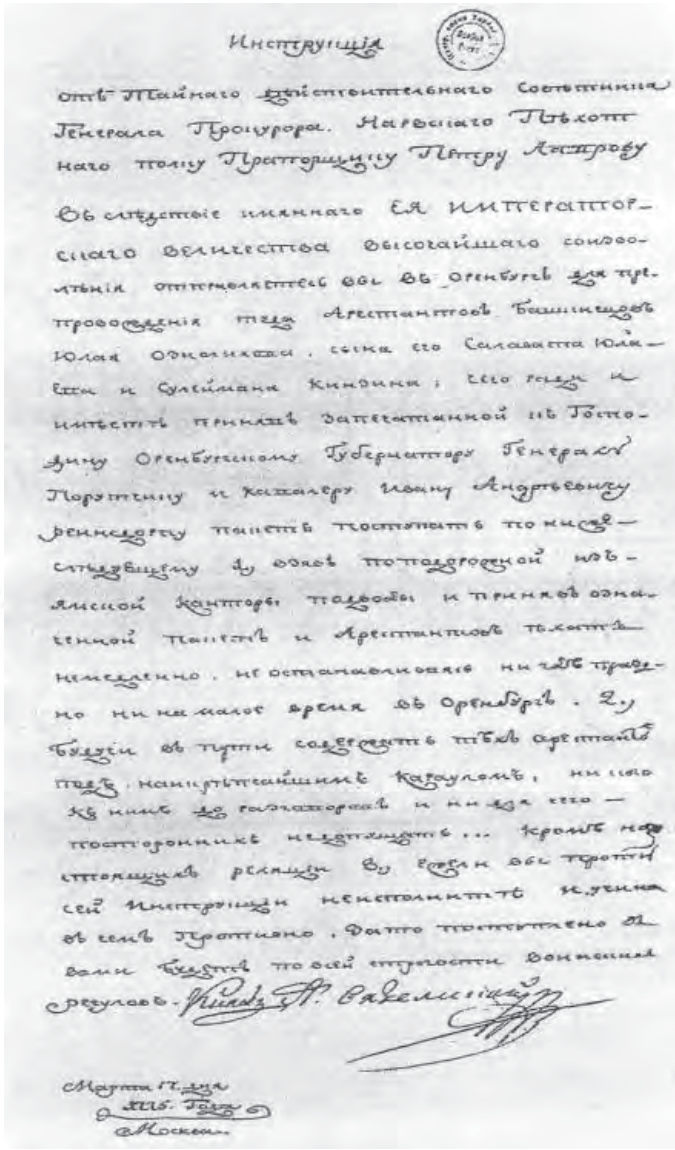
Обращение начальника Казанской секретной комиссии генерала С.П. Потемкина к Салавату Юлаеву. 29 октября 1774 года (окончание)



Рапорт подполковника И.К. Рылеева генералу С.П. Потемкину от 2 ноября 1774 года



Рапорт подполковника И.К. Рылеева генералу С.П. Потемкину от 2 ноября 1774 года (окончание)



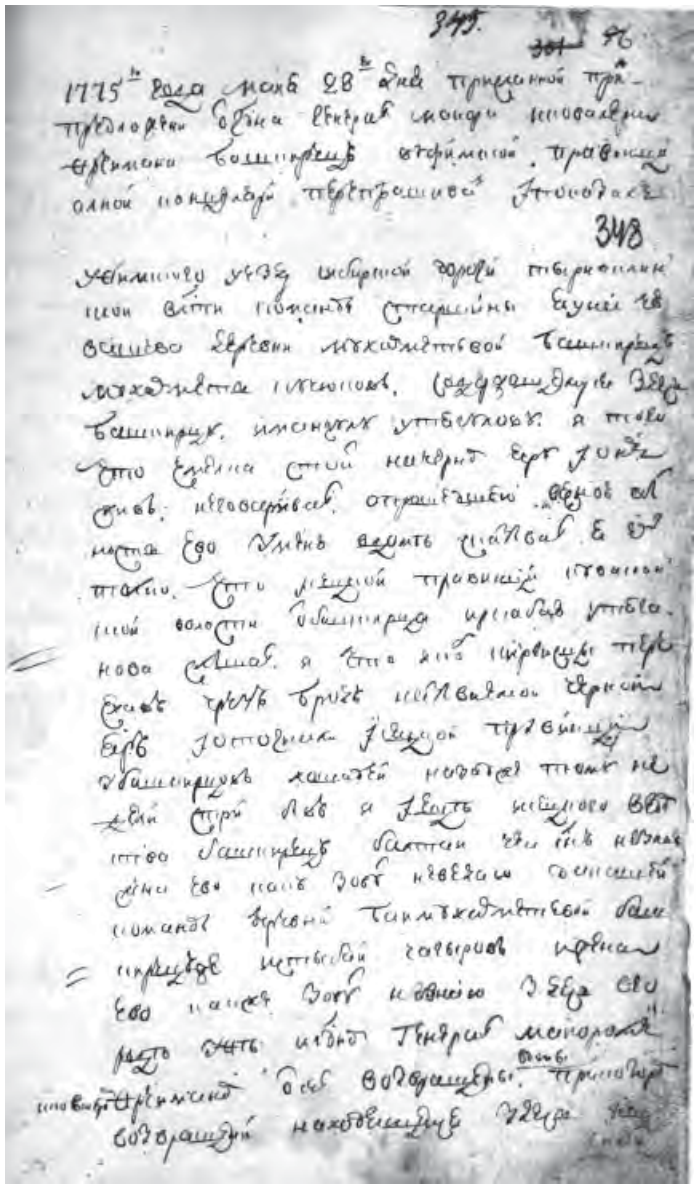
Инструкция

отъ Тайнаго Статскаго Советника
Генерала Прокурора. Нарвскаго Пѣхотн
наго полку Прапорщику Петру Лаврову

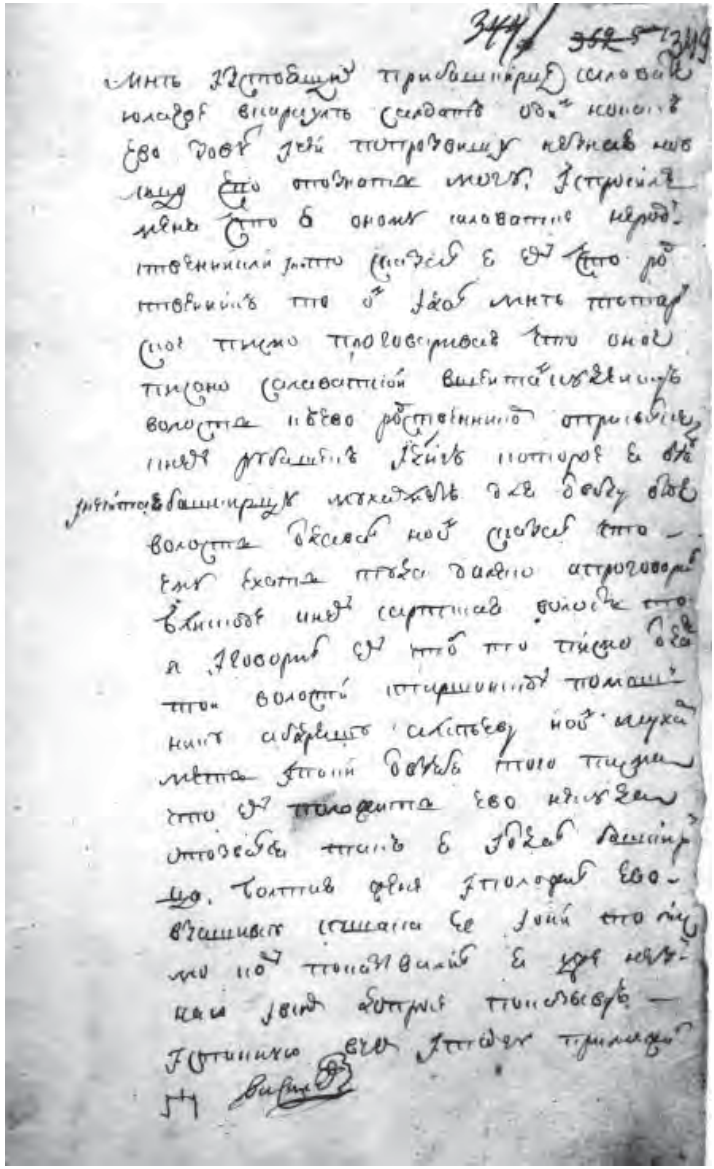
Въ слѣдствіе имяннаго ЕЯ ИМПЕРАТОРС-
скаго ВЕЛИЧЕСТВА Высочайшаго соизво-
ленія отправляетесь вы въ Оренбургъ для пре-
провожденія туда Арестантовъ Башкирцовъ
Юлая Азналина, сына его Салавата Юла-
ева и Сулеймана Кинзина; Сего ради и
имѣете принять Запечатанной изъ Конто-
ры Оренбургскому Губернатору Генералу
Рейнсдорпу и Кавалеру Ивану Андреевичу
Рейнсдорпу пакетъ доставить по ниже-
слѣдующему ему адресу порученной изъ-
ясной Конторы подорожной изъ-
ясненной пакетъ и Арестантовъ такожъ
немедленно, не останавливаясь ни гдѣ прину-
жно ни на малое время въ Оренбургѣ. А у
буду въ пути содержать тѣмъ арестан
тамъ, наиприлежнѣйшимъ караулемъ, ни съ
кѣмъ не говорить и никуда его —
сторонникъ не отлучать... кромѣ нуж
ныхъ ради Вамъ въ Ергли всѣ сея
сей Инструкціи неисполнить и ученика
въ семъ Пропущено. Дабы поступлено Ва
вами будетъ по всей строгости воинскихъ
Артикуловъ. Князь А. Вяземскій

Марта 17 дня
1775 Года
Москва

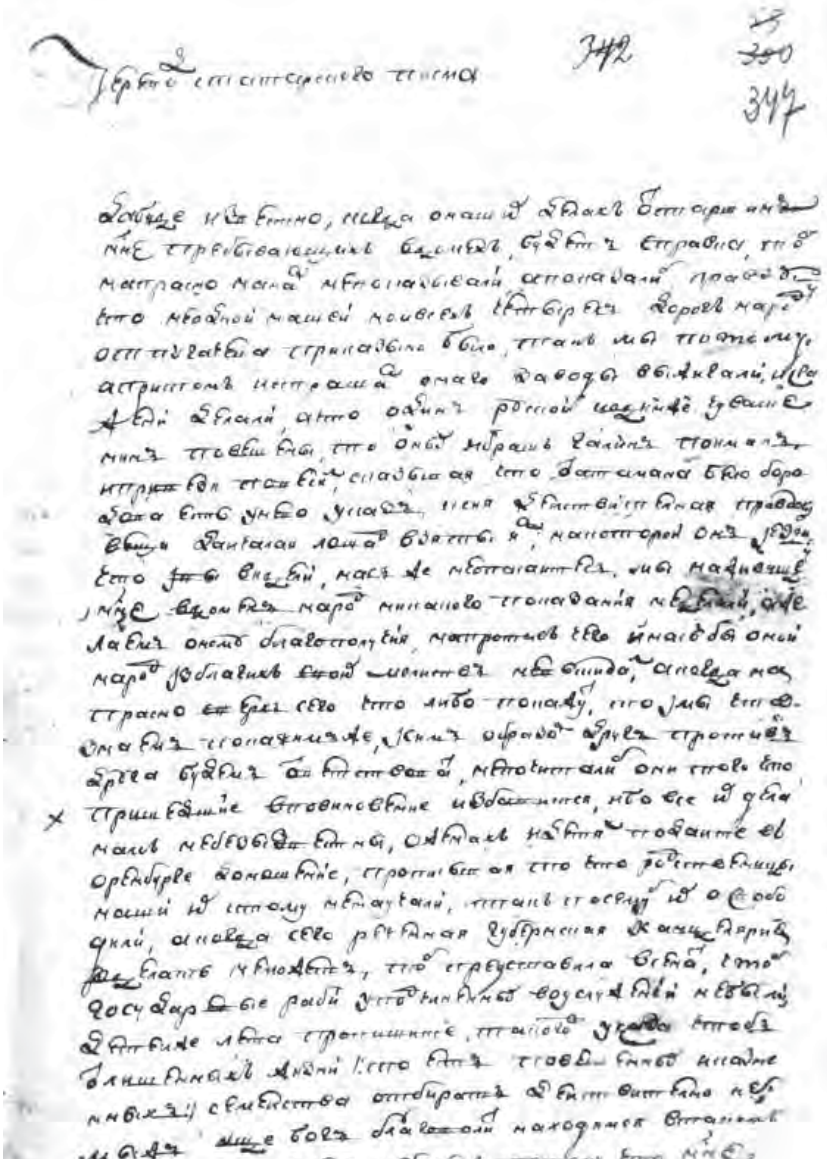
Инструкция генерал-прокурора А.А. Вяземского прапорщику Нарвского пехотного полка П. Лаврову о препровождении Юлая Азналина, Салавата Юлаева и Сляусина Кинзина в Оренбург. 17 марта 1775 года



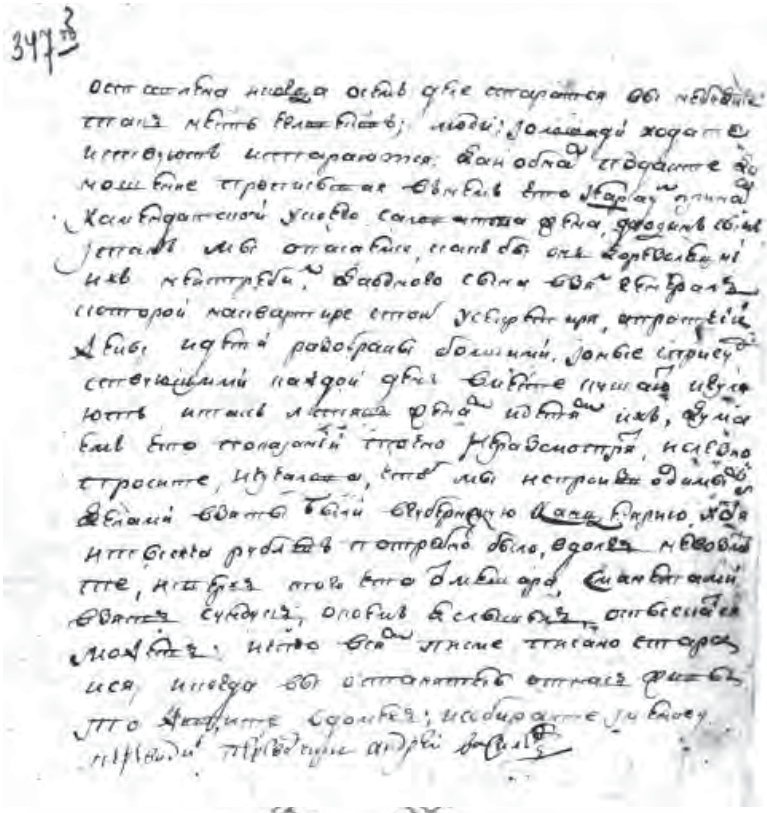
Допрос башкирских повстанцев Мухамеда Кучюкова и Сагира Утяшева. 20 мая 1775 года



Допрос башкирских повстанцев Мухамеда Кучюкова и Сагира Утяшева. 20 мая 1775 года (окончание)



Письмо Салавата Юлаева к старшинам, оставшимся на свободе. Лето 1775 года



Письмо Салавата Юлаева к старшинам, оставшимся на свободе. Лето 1775 года (окончание)

Оглавление

От автора 3

Введение 9

Глава 1. Башкирское общество накануне Крестьянской войны 1773–1775 годов. Предпосылки массового участия башкир в Крестьянской войне 19

Глава 2. Факторы и формы массового участия башкир в Крестьянской войне 1773–1775 годов 39

Глава 3. Башкирские предводители – представители высшего командного состава повстанческой армии 108

Глава 4. Башкирские предводители Ногайской дороги 260

Глава 5. Башкирские предводители Сибирской дороги 361

Глава 6. Башкирские предводители Казанской дороги 414

Глава 7. Башкирские предводители Осинской дороги 433

Глава 8. Башкирские предводители Исетской провинции 492

Глава 9. Башкиры – дипломаты Е.И. Пугачева 504

Глава 10. Неизвестные башкирские полковники повстанческой армии 508

Заключение 515

Приложение

Фотокопии документов из фондов РГАДА 520

Научное издание

Кулбахтин Назир Мурзабаевич

БАШКИРЫ И БАШКИРСКИЕ ПРЕДВОДИТЕЛИ В КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЕ 1773–1775 ГОДОВ

Исторические очерки

Редактор *Л. Д. Петрова*
Компьютерная верстка *Е. Т. Хомяковой*

Подписано в печать 25.12.2020. Формат 60×84 $^{1}/_{16}$. Бумага офисная «Снегурочка».
Гарнитура «TimesNewRoman». Печать на ризографе.
Усл. печ. л. 31,16. Уч.-изд. л. 25.
Тираж 100 экз. Заказ № 24.

ГАУН РБ «Башкирская энциклопедия».
450006, г. Уфа, ул. Революционная, 55. Тел.: (347) 250-06-72.
http://www.bashenc.ru
E-mail: gilem@bashenc.ru

Отпечатано в ООО «Информационно-просветительский центр “Башакадемкнига”».
450006, г. Уфа, ул. Революционная, 55.